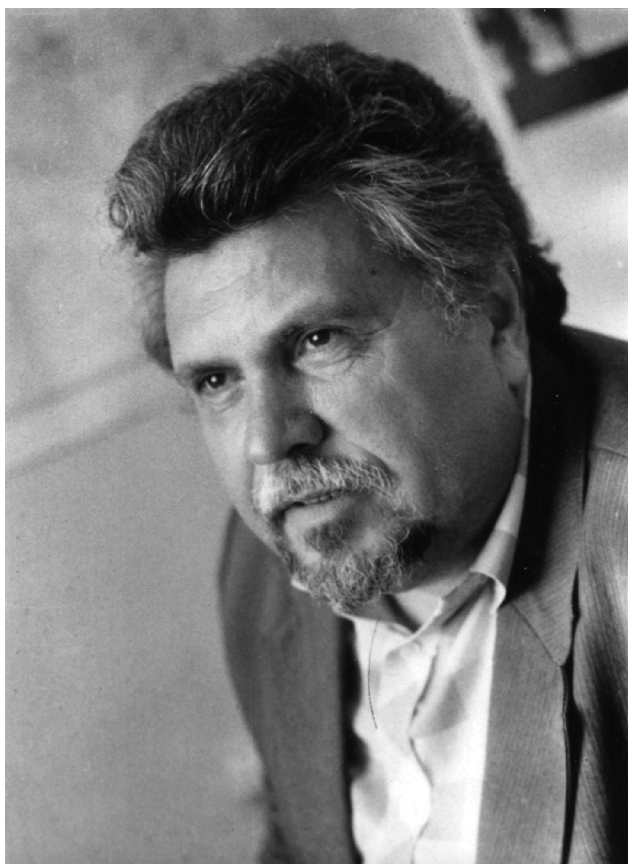

**СБОРНИК
ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ
В.Б. ВИНОГРАДОВА**

Международная академия наук
Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа
Армавирский государственный педагогический университет
Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин АГПУ
Кафедра всеобщей истории АГПУ

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ В.Б. ВИНОГРАДОВА

УДК 9(С 16)
ББК 63.3 (2 Рос...) М–34

Материалы научной конференции изданы при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края, проект № 08-01–38180Г/Ю, а также при поддержке фонда «Наука и образование» АГПУ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д.и.н., профессор Н.Н. Великая (зам. отв. ред.); д.и.н., профессор С.Л. Дударев (отв. редактор); д.и.н., профессор С.А. Голованова (член редколлегии); д.и.н., профессор Ю.Ю. Клычников (член редколлегии); к.и.н., доцент С.Н. Ктиоров (член редколлегии); к.и.н., доцент А.Л. Пелих (ответственный секретарь); к.и.н., доцент Ю.В. Приймак (член редколлегии).

СОСТАВИТЕЛИ:

Д.и.н., проф. Н.Н. Великая; к.и.н., преп. Д.А. Волошин; д.и.н., проф. С.Л. Дударев; асп. А. Довгань; д.и.н., проф. С.А. Голованова; к.и.н., доц. С.Н. Ктиоров; студентка М.В. Оспищева; к.и.н., доц. Ю.В. Приймак; к.и.н., доц. А.Л. Пелих; к.и.н., ст. преп. К.В. Скиба; преп. А.В. Сальников; к.и.н., ст. преп. А.А. Цыбульникова; к.и.н., преп. Л.Н. Хлудова; к.и.н., преп. А.А. Харченко; к.и.н., доц. Т.Н. Шалдунова.

Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения / под ред. проф. С.Л. Дударева. — Армавир, 2008. — 228 с.

ISBN 978–5–89971–222–7

Сборник представляет собой научное издание, в котором представлены избранные статьи по различным отраслям исторического кавказоведения, принадлежащие перу выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, академика МАН, МАИ и ОАНКОБК, заведующего кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета Виталия Борисовича ВИНОГРАДОВА, и публикуемые в связи с его 70-летним юбилеем.

Статьи В.Б. Виноградова, написанные в грозненский период его научного творчества, посвящены весьма широкому спектру специальностей — археологии, древней и средневековой истории, этнографии и нумизматике Кавказа, охватывая также проблемы русско-северокавказских отношений и литературоведения. Впервые эти работы были изданы в 1960–1980-х гг. XX века в центральных и местных изданиях СССР и в настоящее время малодоступны для широкого читателя. Данный сборник преследует цель ознакомления всех заинтересованных лиц с наиболее репрезентативными образцами научной деятельности одного из самых ярких ученых Юга России второй половины XX – начала XXI века.

Для преподавателей и студентов вузов, научных сотрудников, и всех кто интересуется историческим прошлым нашей малой родины — Северного Кавказа, как неотъемлемой части великой России.

ISBN 978–5–89971–222–7

© Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008

**60-летию Армавирского
государственного педагогического
университета
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учителя говорят об учениях.
Настоящие учителя, кроме этого,
Изучают своих учеников.
Но более всего следует изучать учителей.

Суфийская мудрость

Настоящий сборник посвящен 70-летию одного из наиболее выдающихся отечественных ученых-кавказоведов современности, заведующего кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, Кубани и Чечено-Ингушетии, академика МАН, МАИ и ОАНКОБК, Виталия Борисовича Виноградова. Он содержит избранные работы ученого, вышедшие в период 1960–1980-х гг. прошлого столетия, когда В.Б. Виноградов трудился в научных и научно-педагогических учреждениях Чечено-Ингушетии. Опубликование сборника мотивировано не только, да и не столько празднично-юбилейными мотивами. Вышедшие в различных изданиях СССР, работы ученого, включенные в настоящий сборник, давно уже стали библиографической редкостью и недоступны, прежде всего, молодым исследователям. Между тем, именно для них важно ознакомиться с представленными в сборнике трудами, посвященными актуальным до сих пор разнообразным проблемам самого широкого научного спектра кавказоведения. Переиздаваемые работы В.Б. Виноградов посвящены археологии, этнографии, нумизматике, древней и средневековой истории Северного Кавказа, вопросам русско-северокавказских отношений и литературоведения. Этот впечатляющий диапазон демонстрирует высочайшую эрудицию ученого-«полипроблемника» (термин самого В.Б. Виноградова), который, начав свою научную карьеру как признанный специалист по скифо-сарматской археологии, со временем превратился в знатока тематики, очень, казалось бы, далекой от его первоначальных научных интересов. Иные коллеги, ревнивые к широте научных интересов Виталия Борисовича, по-прежнему норовят именовать его археологом и только.

А были в свое время и такие, кто видел в ученом лишь популяризатора исторических знаний. Помещаемые ниже статьи, увидевшие свет в свое время в самых авторитетных академических исторических изданиях страны («Советская археология», «Советская этнография», «Вопросы истории», «История СССР» и др.), являются самым лучшим ответом на вопрос: «Кто Вы, Виталий Борисович Виноградов, как ученый?». Наш Учитель не только глубокий специалист в проблемах исторического кавказоведения от раннего железа до середины XIX в., но и в самом деле, талантливый популяризатор истории родного края, который привил любовь к нему не одному поколению жителей Чечено-Ингушетии, а теперь и многим армавирцам и кубанцам. «Ты не почитай себя стоящим только здесь вот, в сущем, в настоящем, а вообрази себя идущим по границе прошлого с грядущим». Эти слова поэта стали жизненным кредо ученого, который вот уже почти полвека ведет за собой десятки и сотни молодых студентов, аспирантов, ученых по границе прошлого и настоящего, помогая подрастающему поколению понять истинный смысл и назначение исторической науки. Но прочной базой для этого может быть только собственный научный опыт и авторитет, который и помог В.Б. Виноградову воспитать более 30 кандидатов и докторов исторических наук. Нет научного центра на Северном Кавказе или в «столицах», где бы ни знали работ юбиляра и не ценили бы их.

Но, к сожалению, время порой стирает то, что прежде было известно и доступно всем. Давая сегодня новую жизнь самым репрезентативным статьям нашего Учителя и Шефа, мы выражаем надежду на то, что высказанные им мысли, несущие порой отпечаток своего времени, заинтересуют еще не одного специалиста и дадут начало новым изысканиям в области кавказоведения. Уверены, что они позволят по-новому осмыслить сделанное В.Б. Виноградовым за годы упорного и самоотверженного труда на благо науки и во имя опаматования людей, живущих на древней и прекрасной земле Северного Кавказа.

Редколлегия

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

О СКИФСКИХ ПОХОДАХ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ (по письменным источникам)

Скифская проблема — сложная проблема, потому что правильный подход к ее разрешению зависит от точного истолкования источников, Геродота в первую очередь...

Академик С.А. Жебелев

Походам скифов через Кавказ и пребыванию их в Передней Азии посвящена обширная литература. И все же до сего дня остается возможность более полно и по-новому интерпретировать источники по данной проблеме, а следовательно и с большей уверенностью решать некоторые интересные вопросы ранней истории населения южнорусских степей и Кавказа. Да и сам, ставший традиционным круг источников о походах скифов на Восток можно, оказывается, несколько расширить за счет привлечения прежде неиспользованных письменных свидетельств.

В предлагаемой статье мы рассмотрим наиболее важные походы скифов через Кавказ в VII в. до н.э.

Переднеазиатский Восток в первой половине VII в. до н.э. Эта эпоха отмечена осложнением политической обстановки в Передней Азии. Правда, традиционные ассиро-урартские войны уступают место в достаточной мере настороженным, но все-таки мирным отношениям между двумя ведущими государствами. Взаимные опасения их правителей, отразившиеся в дошедших до нас клинописных текстах, конечно, не обеспечивали полного спокойствия соседей, но тем не менее на протяжении нескольких десятилетий мир между Ассирией и Урарту серьезно не нарушался. Напротив, нам известны некоторые доброжелательные акты по отношению друг к другу давних соперников. Они увенчиваются прибытием в Ассирию в 654 году урартского посольства, о котором летописи Ашурбанипала¹ рассказывают так: «В то время урартский царь Руса услышал о могуществе моих богов и страх перед моим величием победил его. Он послал своих князей приветствовать меня в Арбеле»². Трактовка ассирийской летописью причин посольства не отличается особой скромностью, но факт довольно тесных и, главное, мирных взаимоотношений засвидетельствован явно.

Такое умиротворение извечно враждующих держав объясняется теми потрясениями, которые выпали на долю народов Передней Азии в первой половине VII в. до н.э.

Урарту, оправившись после разрушительного похода Саргона в 714 году, развернуло интенсивные строительные работы в центральных и северных (закавказских) районах своих владений. Одновременно урартские цари продолжают энергичные военные действия на западе — в восточной части Малой Азии и в северной Сирии.

Ассирийское государство, стабилизировав положение на рубежах Ванского царства, отдает все силы затяжной и трудной борьбе за сохранение и укрепление своей гегемонии над южными соседями (Вавилоном, Сидоном, Египтом и пр.). Эта и без того нелегкая задача еще более усложнялась возросшей активностью народов, населявших восточные окраины Ниневийской монархии. Здесь в 70-х годах происходит мощное восстание мидийских и других племен, выступивших в союзе с царством Ман-

1 Новое написание этого имени — Ашшурбанапал (Ред.).

2 Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 114.

на. В результате восстания образовалось царство Мидия — новый могущественный и последовательный враг дряхлеющего государства.

И все-таки описанные выше войны и столкновения не были бы из ряда вон выходящими в постоянно бурной, сложной и изменчивой политической жизни Передней Азии, если бы они в свою очередь не усугублялись самыми решительными действиями кочевых народов, пришедших с севера. Киммерийцы, а затем и скифы появились здесь как сокрушительная сила, на первых порах равно враждебная обоим рабовладельческим державам (Ассирии и Урарту). Во всяком случае, такими они предстают в письменных источниках. Однако долго так продолжаться не могло. Успех пришельцев решающим образом зависел от того, сумеют ли они опереться на помощь одной из местных политических группировок, то есть, найдут ли они себе союзников и обретут ли более или менее постоянных противников на Востоке.

Так оно и случилось. Выступив на местную историческую арену, как всеобщий враг, киммерийцы уже в начале VII в. до н.э. твердо определили свои симпатии. Клинописные тексты единодушно называют их, как правило, в числе противников Ассирии. Киммерийцы собственными набегами тревожат Ниневийскую монархию и ее союзников; они ведут переговоры о союзе с правителем Урарту, поддерживают маннеев, составляют прочную коалицию с мидянами. Все эти действия представляли собой грозный фактор, остроту которого направлено прежде всего против Ассирии. Альянс между киммерийцами и местными антиассирийскими силами подрывал могущество господствовавшей державы и не только сковывал ее наступательные действия, но и привел к потере нескольких областей и, что самое главное, к резкому укреплению позиций таких инициативных врагов Ассирии, как Мидия, Урарту, а отчасти и Манна.

Но, кроме киммерийцев, в Передней Азии появляются еще и скифы, или, как их называют восточные тексты, ишкуза или ашгуза. Они пришли сюда вскоре после киммерийского вторжения. Эту последовательность признает и Геродот, ошибочно считающий, однако, что речь идет о прямом преследовании киммерийцев (Геродот, I, 103; IV, 1–4, 11–13).

Сейчас общепризнанно, что было два различных этапа проникновения южнорусских кочевников в Переднюю Азию: первый этап — движение киммерийцев в конце VIII в. до н.э.; второй — приход скифов в VII в. до н.э. Однако начало второго этапа продвижения степняков датируется серединой VII в. до н.э.³ Видимо, это несколько неточная дата. Появление скифов случилось несколькими десятилетиями раньше, скорее всего в 80–70-х годах VII в. до н.э. Во всяком случае именно с этого времени скифы упоминаются в ассирийских клинописях. Поначалу они тоже враждебны Ниневийской монархии.

В анналах Асархаддона (681–668 годы) имеется следующий текст: «Я — рассеявший людей страны маннеев, неусмиранных кутиев, который побил оружием **войско Ишпака, скифа, союзника, не спасшего их** (здесь и везде ниже выделено нами. — Авт.)»⁴. Среди вопросов к богу Шамашу есть и такой: «Войско скифов, которые живут (или: **пребывают**) **в области страны маннеев и которые пришли на границу страны маннеев**, задумывают ли они, замышляют ли они, выйдут ли они через перевалы? Разграбят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?»⁵. Еще в нескольких записках Асархаддона скифы упоминаются в связи с большим и успешным восстанием мидийских племён⁶.

Из приведенных свидетельств видно, что скифы весьма беспокоят Ассирию своими действиями и выступают на стороне противников её. Столь же ясно, что эта скифская угроза твердо локализуется на северо-востоке от владений Ниневийской монархии, в области страны Манна. Прав Б.Б. Пиотровский, полагая, что скифы пришли в Переднюю Азию, обогнув закавказские земли с востока без столкновения с урартами⁷. Они закрепились где-то в северных районах этой «области страны маннеев», так как для выхода на рубежи Ассирии скифам требуется определенное время. У нас нет вообще данных утверждать, что в первой половине VII в. скифские районы граничили непосредственно с Ассирией⁸. Среди ученых не возникает разногласий в вопросе определения области, где появились и закрепились скифы. Такой областью общепризнанны более или менее равнинные районы от Куры и до северных окрестностей озера Урмия. Отсюда скифы действительно помогали своим первоначальным союзникам маннеям и мидянам в их борьбе.

Таким образом, ранние упоминания о скифах относятся к Восточному Закавказью. И если до-

3 Пиотровский Б.Б. Скифы в Закавказье // УЗЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, с. 172; Его же. Ванское царство (Урарту), с. 245–246; Крунов Е.И. О походах скифов через Кавказ // ВССА. М., 1954, с. 187.

4 АВИИУ, № 65.

5 АВИИУ, № 68, А.

6 Дьяконов И.М. История Мидии. М.; Л., 1956, с. 246.

7 Пиотровский Б.Б. Ванское царство, с. 244.

8 Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 250.

казано, что киммерийцы пришли в Переднюю Азию двумя потоками (один через Фракию и Малую Азию, другой по восточному побережью Черного моря), то для скифов остается, пожалуй, единственный удобный путь, прямо приведший их в Закавказье, на границы Манны и Мидии, минуя Ванское царство и соседние с ним страны. Этим путем мог быть только Дербентский проход. В сущности это признает и «отец истории», к свидетельствам которого мы обратимся позднее. А пока констатируем факт: не позже середины 70-х годов VII в. до н.э. скифы, воспользовавшись Дербентским проходом, появились в Восточном Закавказье⁹.

Мы вправе думать, что поначалу это был большой военный отряд северных кочевников («войско») под главенством вождя («Ишпаки, скифа»). Столь же вероятно, что, потерпев поражение вместе со своими союзниками и потеряв предводителя, скифы отхлынули в захваченные ими районы куро-аракского междуречья и продолжили свои действия против Ассирии. Не исключено, что в этом случае скифам понадобилась военная помощь сородичей, пославших их отряд в дальний поход. Кроме того, гибель вождя (Ишпаки) оставила скифов без руководителя — тревожное событие по тем временам.

Партатуа — царь страны скифов. В таких условиях и происходит появление на политическом горизонте Передней Азии «царя страны скифов» Партатуа. Об этом важном факте мы узнаем из обстоятельного запроса Асархаддона.

«Партатуа, царь страны скифов, прислал теперь (посла) Асархаддону, царю Ассирии (для заключения союза?). Так как Асархаддон, царь Ассирии, дает теперь царевну из дворцового гарема (Партатуа, царю страны скифов), вступит ли Партатуа, царь скифов, честно в союз, будет ли он вести надежные речи по отношению к царю Ассирии, будет ли соблюдать и верно исполнять то, что определено Асархаддоном, царем Ассирии? Твое великое божество знает это. Истребованы ли и утверждены его речи соответственно требованию и речению великого божества, о Шамаш, великий господь?»¹⁰

Прежде всего подчеркнем, что ассирийский монарх вполне определенно называет Партатуа «царем страны скифов», а не просто вождем («скифом»), как Ишпаку. Ассирийские источники всегда внимательны к титулатуре партнеров, и признание Партатуа «царем» прямо указывает на отличие его положения от полномочий вождя войска — скифа Ишпаки. Брак Партатуа с дочерью Асархаддона подтверждает, что в данном случае ниневийский владетель заключает союз с равным себе по положению правителем скифов.

Напомним, что союз складывается в чрезвычайно тяжелое для Ассирии время. Восставшие мидяне и их союзники (среди которых вначале были и скифы) наступают на обветшалую Ниневийскую державу и достигают явных успехов. Военные акции Асархаддона не дают результатов. Тогда царь Ассирии пытается отвлечь надвигающуюся катастрофу при помощи хитрой дипломатии. Он отправляет послов к мидянам, а также другим вождям коалиции, в частности к скифам¹¹. И, вполне, естественно, попыткой Асархаддона находят благодатную почву не в среде исконных местных антиассирийских сил, а у недавних пришельцев — скифов. Последним было в высшей степени безразлично, кого грабить в сложившейся ситуации, и выбор жертвы определялся, конечно, в каждом конкретном случае, руководствуясь максимальной выгодой для скифов.

Борьбы с Ассирией за несколько лет пребывания скифов в Передней Азии не успела стать прочной и, главное, выгодной традицией у кочевников. Напротив, скифы на своем опыте испытали, что дряхлеющая Ассирия еще сохраняет прежнюю славу «логовица львов» и находит силы для чувствительных ударов по противникам. Пример войска Ишпаки был достаточно поучительным. Наконец, у скифов в Закавказье сменился предводитель: вместо походного вождя Ишпаки сюда прибыл Партатуа — «царь страны скифов», облеченный соответствующими полномочиями и прямо соблюдающий свои собственные интересы.

Все эти и, наверное, еще другие неизвестные нам причины обусловили то, что Партатуа счел выгодным вступить в союз (особо скрепленный брачными узами) с Асархаддоном и взять на себя весьма ответственные обязательства перед ниневийским монархом. Он должен «соблюдать и верно исполнять то, что определено Асархаддоном, царем Ассирии». Нетрудно разгадать суть этих обязательств. Это, очевидно, выход из антиассирийской коалиции и активная борьба с врагами союзной державы. Несомненно, выполнение их сулило вполне реальную материальную выгоду скифскому вождю и его войску.

Рассмотренные клинописные свидетельства о пребывании скифов в Передней Азии и особенно сведения о «царе скифов» Партатуа уже давно побуждают историков решить вопрос о локализации

9 Характерно, что И.М. Дьяконов во втором из приведенных нами свидетельств о скифах предлагает два варианта перевода: «Которые живут (или пребывают) в области страны маннеев» (указ. соч., с. 265). Очевидно, что «пребывают» — несет оттенок временности или недолгосрочности присутствия скифов в тех краях.

10 ВДИ, 1947, № 1, с. 270.

11 Алиев Играр. История Мидии. Баку, 1960, с. 226.

«страны скифов», правителем которой и был Партатуа. У специалистов, занимающихся изучением истории Переднеазиатского Востока, господствует мнение, что такой страной была восточная часть междуречья Куры и Аракса. При этом, отправляясь от реального факта присутствия скифов в Закавказье, авторы раз от разу все определеннее говорят о наличии здесь в 70-х годах VII в. до н.э. прочного государственного образования скифов, отводя ему большую роль в политической жизни близлежащих стран. Особенно показательны в этом смысле последние фундаментальные работы И.М. Дьяконова и И.Г. Алиева по истории Мидии. Авторам представляется бесспорным, что Партатуа был «царем» некоего «Скифского царства» в Восточном Закавказье (Азербайджане)¹². Вместе с тем, полностью отвергается даже возможность того, что «под страной скифов» подразумевается степная территория их родины «по ту сторону Кавказа»¹³. Все это вызывает по меньшей мере существенные сомнения.

Первое упоминание скифов в ассирийских клинописях весьма конкретно связывается с «войском Ишпаки, скифа». Не с государственным образованием, а именно с **войском** (отрядом) под главенством **походного вождя**. В вопросе к богу Шамашу названо «войско скифов, которые пребывают в области страны маннеев». Здесь тоже скифы лишены собственно территориально-административного объединения — они лишь **пребывают в области страны маннеев**. В остальных немногочисленных случаях скифа упоминаются как военно-этническая единица, не больше. Нигде за ними не стоит государственное образование. И лишь Партатуа назван «царем страны скифов», не без локализации этой последней. Какие же есть основания считать его царем закавказского «Скифского царства»?¹⁴ Куда больше причин видеть в Партатуа крупного вождя, прибывшего с севера и сменившего в Передней Азии Ишпаку — предводителя скифских передовых отрядов. И вот почему.

Ишпаку никто не считает царем государства, напротив, именно после его разгрома на арене появляется «царь скифов» Партатуа. С момента гибели Ишпаки в 673¹⁵ году до появления Партатуа прошел максимум 1 год, а вся история пребывания скифов в Передней Азии едва ли перешагнула за первый десяток лет. В такие сроки трудно допустить создание «Скифского царства», да еще на территории, контролируемой местными монархиями. Надо помнить, что и впоследствии скифы, «владыа Азий» 28 лет, не организуют никакого, даже примитивного государственного объединения. Они лишь собирают дань и грабят, что вполне естественно, соответствует целям походов кочевников. Тем более нет оснований относить возникновение «Скифского царства» ко времени первых, во многом еще неглубоких, разведочных рейсов скифов в Азию. Кроме того, создание собственного государства в «области страны маннеев» влекло бы за собой обязательное отторжение части земель от Манной. Едва ли это было хорошей основой для союза скифов с «людьми страны маннеев» и «неусмирными кутиями», который стал вполне реальной антиассирийской силой.

Другое дело — мы должны признать, что, пройдя через Дербенский проход и войдя в соприкосновения с местными государствами, скифы освоили какой-то район, ставший их базой в Закавказье. Таким районом их «пребывания» и было, по-видимому, междуречье Куры и Аракса и северные окрестности озера Урмия. Отсюда — из области страны маннеев — «войска скифов» выходили в свои южные набеги, отсюда и мог послать гонцов Ассархаддону прибывший с севера «царь страны скифов» Партатуа. Но эта освоенная скифами территория, сообщаемая через Дербенский проход с южнорусскими степями, никак не может считаться отдельным царством. Мы не видим оснований так считать. В этом убеждении нас поддерживают и еще некоторые обстоятельства.

Заключение союза с Партатуа хотя и спасло Ассирию от полного краха, но не смогло обеспечить ей победу над коалицией врагов. После событий 674–672 годов Ниневийская монархия ослабела, зато резко усилилась Манна и образовалось сильное Мидийское царство. Доказано, что район скифского пребывания не граничил нигде с Ассирией. Новые союзники и теперь были разделены своими окрестными врагами — Манной и Мидией. И хотя в скором времени ситуация изменилась и Манна стала зависима от Ассирии, все же трудно допустить, чтобы «Скифское царство» могло быть создано в условиях прямого соседства с сильными государствами, которым скифы изменили в самую ответственную минуту. Видимо, и в этом случае надо предполагать, что сама «страна скифов» находилась вне сферы влияния политических бурь Передней Азии и была ограждена от возмездия бывших союзников. А в Закавказье действовали лишь подвижные военные отряды, базировавшиеся на освоенных равнинах куро-аракского междуречья. Они в случае необходимости всегда могли и сами обрушиться на врагов и в трудную пору отступить вплоть до Дербентского прохода и дальше на север в свою «страну», применяя излюбленную тактику кочевой войны, которую так красочно описал Геродот (IV, 118–124).

12 Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 242–273; Алиев Играр. Ук. соч., с. 218–233.

13 Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 246.

14 Играр Алиев, например, уже не только полностью признает существование такого царства, но даже предлагает именовать его «Азербайджано-скифским», делая далеко идущие выводы относительно его истории (ук. соч., с. 230, прим. 5).

15 Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 272.

Против локализации «страны скифов» в Азербайджане, пожалуй, говорит и скудость тех сведений о скифах, что сообщают нам обстоятельные восточные тексты. Упоминаний скифов буквально единицы в общей огромной массе клинописных материалов. Не могла быть столь низкой заинтересованность и осведомленность ассирийцев о «царстве», если бы оно лежало в непосредственной близости и к самой Ниневии и к владениям ее давних и хорошо известных соседей. Эпизодичность и отрывочность свидетельств о скифах — скорее показатель слабого знакомства с этим пришлым кочевым народом. Если наши соображения верны, то приходится признать, что факт существования в Закавказье в **первую половину VII в. до н.э.** особого «Скифского царства» вызывает большие сомнения. Они несколько не развеиваются и более поздним свидетельством древнееврейской «Книги Иеремии», где «царство Ашкуз» (то есть Ашкеназ) упоминается вместе с Урарту и Манной в качестве зависимого от Мидии царства. Ведь данный отрывок датируется 593 годом до н.э. и отражает положение дел спустя 80 лет после эпохи Ишпаки и Партатуа. За эти десятилетия скифы, бесспорно, укрепились в Закавказье (особенно после похода Мадия и долголетнего господства в Передней Азии). И вот, после ухода основной массы скифов в Причерноморье на рубеже VII–VI вв. до н.э., возможно, оставшаяся часть и создала собственное объединение, имея его центр в давно освоенных районах Азербайджана. Это была, по-видимому, слабая и малая часть скифов, потому, что она быстро оказалась в подчинении Мидии, и источники не отводят ей сколько-нибудь существенной роли в истории Передней Азии.

Это соответствует и рассказу Геродота о судьбе той «толпы скифов-кочевников», которая «вследствие междоусобиц перешла в Мидийскую землю» и в конце концов была полностью подчинена Киаксаром (Геродот, I, 73)¹⁶.

Интересно, что Б.Б. Пиотровский, подробнейшим образом воссоздавая историю пребывания скифов в Передней Азии, абсолютно ничего не говорит о существовании «Скифского царства» в середине VII в. до н.э. в Закавказье. Напротив, действия Ишпаки, Партатуа, скифов закономерно рассматриваются автором как эпизоды проникновения северных кочевников в Переднюю Азию с территории собственно Скифии, а также с Северного Кавказа. По мнению Б.Б. Пиотровского, эти действия характеризуют **начало** мощного вторжения скифов, приведшего в **дальнейшем** «к образованию в приурмийском районе скифского царства («царства Ашкуз» или «Ашкеназ»)»¹⁷. Б.Н. Граков, говоря о «разрозненных вождях, вторгавшихся в VII в. до н.э. в Ассирию», подчеркивает «полное неумение» скифов «организовать что-либо похожее хотя бы на завоевательную державу»¹⁸. Это вывод мы полностью разделяем.

Таким образом, содержание восточных письменных источников и весь ход событий в Передней Азии не позволяют согласиться с попытками объявить Партатуа царем «Скифского царства» на территории Азербайджана, равно как и признать вообще существование в Закавказье пусть даже примитивного государственного образования скифов («страны скифов») в середине VII в. до н.э.

До сих пор мы приводили факты, отрицающие локализацию «страны скифов» в Азербайджане. Понятно, что одних негативных соображений мало для решения вопроса. Поэтому теперь (и опираясь главным образом на античную традицию.) попытаемся показать истинное местонахождение «страны скифов», владыкой которой был Партатуа и откуда появлялись скифские вожди и отряды в Передней Азии. Сразу же оговорим, что в данном случае мы опираемся на работы Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, содержащие ценные выводы на этот счёт¹⁹.

Общеизвестно свидетельство Геродота о том, что самоназвание всех причерноморских скифов — «сколоты», а название «скифы» они будто бы получили от эллинов (Геродот, IV, 6). Однако доказано, что «скифы» — это не греческое имя, так как еще до греков оно известно в приведенных выше клинописных текстах в форме «ишкуза» или «ашгуза»²⁰. Не возникает, пожалуй, разногласий и в том, что собственно скифы-ашкуза были отдельным племенем в числе сколотских племён. В то же время ясно, что это племенное наименование в определенных условиях стало обозначать всё объединение «сколотов» и приобрело нарицательный смысл по отношению к близкородственным и союзным племенам, оказавшимся в поле зрения и восточных и античных их современников.

Клинописные свидетельства и скифах 70-х годов VII в. до н.э. не дают оснований для локализации «страны скифов», то есть области, откуда исходит агрессия кочевников. Ясно только, что это ни в коей мере не «Скифское царство», как убеждены некоторые историки.

16 См.: Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 317–318.

17 Пиотровский Б.Б. Ванское царство, с. 232–256.

18 Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА, № 36. М., 1954, с. 19.

19 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 10–32; Граков Б.Н. и Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954, с. 39 и сл. и др. работы.

20 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 10–11.

Обратимся к сообщениям греческих авторов о постоянном местожительстве скифов в эпоху их походов в Переднюю Азию.

«Сведения Гомера о млекоедах — доителях кобылиц, живущих на севере от Трои, прямо за фракийцами и мисийцами, не содержат имени скифов», — пишет Б.Н. Граков. «Однако уже в VII в. до н.э. Гесиод употребляет имя «скифы», причем с теми же эпитетами, что и Гомер». Скифологи считают оба эти свидетельства доказательством пребывания кочевых скифов в Причерноморье в IX–VIII вв. до н.э.

«К рубежу VII и VI вв. до н.э. относятся отрывочные фрагменты у Сапфо и Алкея, указывающие на *привычность* представлений о скифском мире у островных греков. Особенно важно обращение Алкея к Ахиллу, **владыке Скифской земли**. В отношении локализации ахилловых владений нет и не возникало сомнений: это остров Белый (ныне Фидониси) и Ахиллов бег (коса Тендра). Владения скифов — северо-западное побережье Черного моря. Итак, со времен Гомера скифы европейские локализованы здесь с полной ясностью»²¹.

Как видим, греческие авторы IX–VII вв. до н.э. сохранили нам ничуть не меньше упоминаний о скифах, чем клинописные тексты Передней Азии. Больше того, несмотря на отдаленность своей родины от скифских кочевий, они (и в частности Алкей) прямо говорят о «Скифской земле», то есть о *постоянной области* жизни скифов, что нельзя не сопоставить с термином «страна скифов» в запросе Асархаддона.

С возникновением в Северном Причерноморье греческих городов-колоний в VII–VI вв. до н.э. осведомленность античных авторов о скифах и их земле резко возрастает.

Геродот сообщает нам массу сведений о скифах и их территории в VI–V вв. до н.э. Сам побывав в Северном Причерноморье, «отец истории» опирается на обширные личные наблюдения или на свидетельства компетентных осведомителей. Между прочим, он приводит мнение, согласно которому *собственно скифов* мало. В том же контексте он говорит, что какие-то «собственно скифы» находятся где-то вблизи Ольвии (Геродот, IV, 81). В другом месте мы находим важное свидетельство, что часть Скифии называется «древней Скифией». Последняя локализуется в Северо-Западном Причерноморье от Истра и на ее территории находилась Ольвия (Геродот, IV, 99). С этой «древней Скифией» связаны предания о происхождении скифов и о священном золоте. Геракл приходит именно сюда и здесь находилась многократно упоминаемая Геродотом лесистая область Гелея, реальность которой полностью доказана²².

Всё вместе²³ это показывает, что «земля Скифов» (Алкей) и «древняя Скифия» (Геродот) Северо-Западного Причерноморья и была областью ранней истории скифов, она — центр возникновения скифского племенного союза в века, предшествовавшие созданию Ольвии и посещению ее Геродотом. «Земля Скифов», «древняя Скифия» вполне отождествляются со «страною скифов» ассирийского источника 70-х годов VII в. до н.э. Отсюда отправлялись скифы в свои дальние походы на юг. Вначале Ишпака, а затем и Партатуа, появившись в Передней Азии, сделали достоянием восточной истории факт существования своей родины в Северном Причерноморье.

Предшественник Геродота, трагик Эсхил, твердо зная многолюдные кочевые племена скифов вокруг Меотийского озера, называет Кавказ — «скифской дорогой». Этим он отражает вполне конкретное представление: Кавказ не был местом постоянного обитания скифов, но он лежал на пути их военных набегов в Переднюю Азию²⁴. Один из основных и, видимо, первый освоенный маршрут скифских походов проходил через Дербентский проход. Он и привел кочевников в Восточное Закавказье на рубежи Манны, Мидии, Ассирии. Этим же путем попадает в Переднюю Азию и Партатуа — «царь скифов» и их «страны».

Подтверждение этому (пусть косвенное) имеется у Геродота в описании более позднего похода Мадия. В нем «скифский вождь Мадий» назван «сыном Прототия». Кажется, ни у кого не вызывает сомнения, что Прототий Геродота и Партатуа ассирийского источника — одно и то же лицо. В этом случае очевидна наследственность власти скифских вождей и, следовательно, утверждается тот факт, что Партатуа (Прототий) был «царем страны скифов» в Северном Причерноморье, так же как и Мадий, для которого это бесспорно.

Недавно И.М. Дьяконов высказал ценное замечание. Проанализировав редкие случаи, когда Геродот называет негреков полным официальным именем, то есть собственным именем и отчеством, автор заключает, «что отец Мадия отдельно упоминался либо источником Геродота, либо самим Геро-

21 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 10–11.

22 Граков Б.Н. и Мелюкова А.И. Ук. соч., с. 46.

23 В дополнение к сказанному отметим, что в каменном архиве Ольвии имеется надпись, где Ольвия названа «скифским полисом». По-видимому, Страбон повторяет через иные руки прошедшее название исконной Скифии, так как из его двух Малых Скифий первая в общем соответствует этой исконной Скифии (Граков Б.Н. и Мелюкова А.И. Ук. соч., с. 46–47).

24 Такое правильное толкование А.А. Белецкого приводят Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова в своей статье (с. 47).

дотом: в последнем случае он упоминал его скорее всего в не дошедших до нас «Ассирийских хрониках». Во всяком случае, вряд ли имело смысл для греческого читателя упоминать имя отца скифского царя, если этот отец не отличился сам по себе чем-либо достопамятным²⁵. Верный и логичный вывод еще раз (и вопреки концепции о «Скифском царстве» в Азербайджане) подкрепляет правомерность отождествления Прототия — «царя скифов» Причерноморья и Партатуа — «царя страны скифов», появившегося в Передней Азии во главе войск и сыгравшего выдающуюся роль в ассирийской истории. Заключив спасительный для Ассирии и выгодный для себя союз с ниневийским царем и, по-видимому, оставив часть своих отрядов в Восточном Закавказье и определив их политику, Прототий (Партатуа) вновь откочевал на север в свою «страну»²⁶.

Правомерность такого заключения основывается на доказанном скифологами факте, что «уже в VII в. до н.э. скифы представляли собою союз племен, заключающий в своем составе и кочевые и земледельческие элементы. Последние и часть первых уже подчинены царским скифам, цари которых совершают далекие походы на восток»²⁷.

Уход Прототия непосредственно с переднеазатской арены, вероятно, ничего не менял в скифо-ассирийском союзе. Своевременная военная помощь Ассирии была гарантирована. Во-первых, общеизвестная стремительность передвижений кочевых войск обеспечивала быстрый приход скифов из их владений в Переднюю Азию. Во-вторых, в Восточном Закавказье остались военные контингенты скифов, готовые к действиям до прихода основных сил степняков.

Последующие события показали полную реальность этих гарантий.

Походы кочевников под предводительством Мадия, сына Прототия. В основу этого раздела положены античные свидетельства и в первую очередь сообщения Геродота. «Когда он (то есть Киаксар. — *Авт.*), одержав в сражении победу над ассирийцами, осаждал Нин, пришло на него большое скифское войско, которое вел Мадий, сын Прототия... Скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными из Европы киммерийцами и, преследуя бегущих, дошли, таким образом, до Мидийской земли.

От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего перехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими двумя странами живет только один народ — каспиры; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет...» (Геродот, I, 103–106).

В другом месте, передавая легенды о появлении скифов и вытеснении ими киммерийцев, Геродот пишет: «Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в Мидийскую землю, сбившись с дороги; ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в Мидию, свернувши внутрь материка» (Геродот, IV, 12).

Некоторые сведения оставил нам и Страбон. «Переселения же каров, треров, тевкров и галатов, как равно и отдаленные странствования вождей — Мадия скифского, Теарко эфиопского, Коба трерского... — не всем известны... Треры и Коб, в конце концов, говорят были изгнаны киммерийским (здесь явная ошибка, надо «скифским»). — *Авт.*) вождем Мадием» (Страбон, I, 3, 21).

Еще у нескольких авторов есть более или менее обстоятельные отголоски этих событий, но их немного, и мы коснёмся их в случае прямой необходимости. А пока, опираясь на наиболее достоверные и подробные указания Геродота и Страбона, мы должны полностью согласиться с Б.Н. Граковым, что в этих свидетельствах отражены, вероятно, не один а два похода под руководством Мадия²⁸.

Первый из них, по нашему мнению, направлен против киммерийцев, локализация которых в степях Причерноморья и прежде всего в Подонье и Приазовье вполне доказана²⁹.

Античная традиция сохранила достаточно сведений о скифо-киммерийской вражде, в которой скифы — нападающая сторона. Клинописные источники отражают бесспорный факт появления скифов вслед за киммерийцами в Передней Азии и их далеко не дружественные отношения, что полностью согласуется с греческими разъяснениями о «вытеснении» и «преследовании» киммерийцев скифами. Древнееврейские тексты своеобразно отразили то же самое, посчитав Ашкеназа (скифов) сыном Гомера (киммерийцев).

Очевидно, что эта постоянная борьба резко обострилась в эпоху начала собственно скифских походов в Переднюю Азию. Войска Ишпаки и Прототия, двигаясь из «страны скифов», неминуемо пе-

25 Дьяконов И.М. Ук. соч., с. 273, прим. 2.

26 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 12.

27 Там же, с. 14.

28 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 13.

29 См., напр.: Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА, № 68. М.; Л., 1958, с. 176 и сл.

ресекали степные пространства, частично еще контролируемые киммерийцами. В условиях заключения союза с Ассирией и довольно прочного освоения «скифской дороги» (Кавказа) и некоторых районов Восточного Закавказья постоянные стычки по пути движения становились особо обременительными. Не исключено, что именно поэтому Мадий, сын Протогия, предпринимает решительные действия против киммерийцев, завершившиеся изгнанием части киммерийцев вместе с их вождем Кобом. В этом случае сообщение Страбона об изгнании трерского (киммерийского) вождя Коба как нельзя лучше согласуется с замечанием Геродота, что «киммерийцы постоянно бежали вдоль моря», то есть по Меотидо-Колхидской дороге³⁰.

Вместе с тем признание возможности особого похода Мадия против киммерийцев освобождает нас от многих неясностей и путаницы, которые привносит Геродот в свой рассказ о походе Мадия. Греческий историк пользовался уже довольно смутной к его времени традицией о целях и причинах действий Мадия. Поэтому, вероятно, он слил воедино сведения о походах этого видного скифского вождя, создав, тем самым запутанную картину, полную противоречий. Так, по всей видимости, ему самому кажется загадочным, почему скифы, «преследуя киммерийцев», оказываются в Мидии и воюют с мидянами, даже не вспоминая о своих изгнанных из Причерноморья жертвах. Тут-то и возникает наивная версия о том, что скифы «сбились с пути» — вещь абсолютно невероятная в условиях непосредственного преследования киммерийцев, да еще при таких несложных, но выразительных ориентирах, как Черное море и Кавказский хребет.

Таким образом, мы склонны признать, что первый исторически засвидетельствованный и известный нам поход Мадия был направлен против киммерийцев и завершился изгнанием их на юг. Дорога в Переднюю Азию стала еще доступнее скифам. В самом скором времени она была использована для мощного набега Мадия на Переднеазиатский Восток.

Поход кочевников под предводительством Мадия на Восток. Этот наиболее выдающийся поход степняков сам по себе не привлек еще должного внимания. Хотя очевидно его незаурядное значение не только для скифов, но и для многих других народов древнего мира. В данной статье нас интересуют цели и причины похода Мадия, сына Протогия, условия, определившие маршрут движения степняков, и этнический состав войска кочевников. Кроме свидетельств, касающихся непосредственно самого похода, мы используем рассказ Геродота о войне Дария со скифами, так как оказывается, что этот источник сообщает нам много ценного под углом зрения определенных выше вопросов.

О датировке переднеазиатского похода Мадия нет единого мнения. Диапазон колебаний в определении его даты необычайно велик — от 653–652 годов до 614 года до н.э. Однако как бы то ни было, но произошел он в период катастрофического положения Ассирии. Мидия, превратившаяся в сильнейшее государство Передней Азии, успешно наступает на своего врага и добивается решающих успехов. Захвачены восточные районы державы, осажден «город крови» — Ниневия. И вновь, как и в 70-х годах, спасателями Ассирии от неминуемого краха стали скифы. Теперь скифское войско возглавлял Мадий.

О личности Мадия (предположительно). Его отцом Геродот называет Протогия (то есть Партатуа) и вполне возможно, что матерью его была дочь ассирийского монарха («царевна из дворцового гарема»), отданная Асархаддоном этому «царю страны скифов». Во всяком случае для вождя причерноморского скифского союза Мадия характерна постоянная и глубокая заинтересованность положением дел в Передней Азии.

Думается, что в этом сыграло некоторую роль происхождение и воспитание Мадия. Несомненно, в его окружении (а тем более если у него мать — ассирийка) были представители переднеазиатских народов, знающие и любящие свои страны. Они наверняка многое рассказывали царскому отпрыску о своей родине, о грозной славе его отца — знаменитого «Партатуа».

Брак Протогия с ассирийской царевной и действенный военный союз скифов с Ассирией не могли не привести к каким-то, возможно и эпизодическим, но вполне реальным связям (посольства, весники и пр.). Наконец, Мадий рос в условиях, когда посещения скифами Передней Азии и освоенных ими районов Закавказья стали в достаточной мере традиционными.

Этот воспитанный с детства интерес к Переднеазиатскому Востоку, к родине своей матери попал на благоприятную почву эпохи «военной демократии» с ее регулярными и порой дальними грабительскими походами, когда «война...ведется только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³¹. К тому же набеги скифов в Переднюю Азию с ее сложной политической ситуацией были, очевидно, не обременительны для кочевников, зато приносили весьма ощутимые материальные результаты. Прославиться на этом поприще суждено было и Мадии.

30 Этот путь киммерийского бегства сейчас признан всеми (Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // ВССА. М., 1954, с. 186 и сл.).
31 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, с. 169.

Вначале он, по-видимому, наносит поражение киммерийцам, расчищая путь скифским ордам на восток. Мадий становится во главе самого крупного нашествия кочевников на Переднеазиатский Восток и это не просто набег, а многолетняя и широкая по масштабам акция, в которой сам Мадий (это мы увидим ниже) проявил себя глубоким стратегом и тонким тактиком. Двадцать восемь лет, по словам Геродота, провели скифы здесь, активно участвуя во всех коллизиях того времени, пока не были истреблены их вожди³². Если среди умерщвленных Киаксаром предводителей был и Мадий (а это вполне вероятно), то приходится признать, что вся жизнь скифского вождя оказалась связана с историей Передней Азии.

Из рассказа Геродота абсолютно очевидна **антимидийская** направленность похода Мадия. Для самого историка это тоже несомненно, коль скоро он многократно повторяет, что скифы направлялись и «вторглись» «в Мидийскую землю», что сражались они с «мидянами» и что врагом их был Киаксар, одержавший победу над ассирийцами и осаждающий Ниневию. Именно **«на него»** пришло большое скифское войско, которое вел **Мадий, сын Протогия**.

Нам представляется едва ли не бесспорным, что Мадий со своим войском прибыл в Переднюю Азию для оказания помощи Ассирии во исполнение договора о союзе, заключенного его отцом с Асархаддоном³³, прибыл как враг мидян и всех антиассирийских сил, в том числе, между прочим, и киммерийцев.

Маршрут движения кочевников в Переднюю Азию. Скифы появились во фланге мидян в самый критический для Ниневийской державы момент, и спасение последней в данной обстановке было определено этим своевременным и энергичным вмешательством. Понятно, что тут многое зависело от тонкости стратегического мышления скифского вождя и в большей мере от правильного маршрута движения войска степняков и, следовательно, направления и места главного удара кочевников.

Геродот по этому поводу недоумевает, почему скифы не воспользовались кратчайшим якобы путем в Мидию по побережью Черного моря (то есть по Меотидо-Колхидской дороге), но предпочли «уклониться в сторону» и пойти «по верхней, гораздо более длинной дороге», имея по правую руку Кавказскую гору» (то есть Дербентским проходом). Здесь возникает «спасительная» и абсолютно нереальная версия, что скифы «сбились с дороги».

Между тем все объясняется довольно просто. Прежде всего, избранный скифами маршрут — это не случайная, а давно им известная и проторенная путешественниками (Ишпакой, Партатуа и др.) дорога, с самого начала соединившая «страну скифов» с Востоком. Для скифов, между прочим, она отнюдь не «гораздо более длинная дорога» к границам Мидии. Здесь «отец истории» попросту ошибся, отнеся к VII в. до н.э. современные ему границы Персии, включившей в себя и Ассирию, и Урарту, и Манну, и многие другие переднеазиатские районы. Только после присоединения названных государств (на рубеже VII–VI вв. до н.э.) границы Мидии пролегали в Западном Закавказье и, действительно, лишь саспиры и колхи разделяли тогда Мидийскую державу и кочевников южнорусских степей. А в VII в. скифы, миновав Колхиду и саспиров, оказались бы совсем не в Мидии, как думает Геродот, а на рубежах Урарту или Ассирии, и только пройдя по территории этих держав, скифы встретились бы с мидянами, да еще к тому же лицом к лицу, так как мидийские войска в это время осаждают Ниневию. Как видим, «кратчайший», по мнению Геродота, путь в Мидию оказывался в действительности куда длиннее и предполагал обязательное нарушение территориального суверенитета союзной Ассирии и лояльного к Ниневийской державе Ванского царства. Это, по видимому, не входило в планы Мадия, целью которого была иной — выйти во флаг мидийским войскам и, пройдя Дербентским проходом, обрушиться непосредственно на исконные мидийские области.

Кажется, была и еще одна немаловажная причина, предопределившая путь Мадия через Северный Кавказ и Дербентский проход, а не по Меотидо-Колхидской дороге.

В Предкавказье скифы шли прочно освоенной дорогой, которая проходила через районы, заселенные разрозненными, а потому слабыми племенами. Последние уже не один раз испытали на себе сокрушающую силу кочевых скифских дружин и, видимо, не решались оказывать степнякам сколько-нибудь серьезного сопротивления. Кроме того, «скифская дорога» в Предкавказье от низовий Дона к восточным отрогам Кавказа («имея Кавказ по правую руку») проходила по равнинным и безлесным просторам Кума-Маньчской впадины, а затем — притеречной низменности вплоть до прибрежной полосы Дагестана. А если это так, то оказывается, что маршрут скифов был проложен по окраинным районам савроматской территории. Савроматы — близкородственным скифам народ — в VII в. до н.э. заселяли Нижнее Поволжье и Южное Приуралье³⁴. Юго-западнее границы савроматских кочевий охватывали

32 Конечно, Киаксар истребил на своем пиру именно вождей скифов, а не «большинство их» самих, как думает Геродот.

33 Lehman-Haupt. Kimmerier. R. E., XI, вып. 156/157, с. 429–430.

34 Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА, 1957, № 1, с. 15 и сл.

степи восточнее Дона, долину Маныча и доходили до реки Кумы. Археологические памятники принесли значительные материалы, подтверждающие существование тесных взаимосвязей между савроматами и северокавказскими племенами уже в VII–VI вв. до н.э.³⁵ В это же время складываются дружественные, активные торговые и прочные союзные отношения между скифами и савроматами. В эпоху похода Дария (то есть в конце VI в. до н.э.) они уже традиционны и привели к оформлению весьма крепкого альянса двух ведущих кочевых народов Восточной Европы. Нет сомнений, что основы этого единства были заложены раньше и скорее всего в VII в. во время скифских походов в Переднюю Азию.

Во всяком случае скифы планируют свои военные маршруты так, что они находятся в прямом соприкосновении с исконными савроматскими территориями, и, очевидно, Мадий, как и его предшественники, не опасается за безопасность скифского войска в походе. В свою очередь савроматы — не просто доброжелательные наблюдатели скифских набегов, но и, как мы постараемся показать ниже, сами активные участники походов в Переднюю Азию.

Следовательно, «верхняя, гораздо более длинная дорога» через Предкавказье и Дербенский проход гарантировала свободное и безопасное продвижение скифских отрядов; она в значительной мере проходила по степным и равнинным районам, что обеспечивало быстроту передвижения степняков.

Совсем другое дело — путь «от озера Меотиды и до реки Фасиса и владений колхов», привлекавший Геродота своей краткостью. Мы показали, что в VII в. до н.э. он отнюдь не приводил кочевников сразу в Мидию. Напротив, скифам пришлось бы не только пройти через владения нескольких племён, населявших восточное побережье Черного моря (синдо-меотов, зихов, керкетов и пр.), через владения довольно сильных племенных союзов колхов и саспиров, но и пересечь территорию могущественных держав — Ассирии или Урарту. И трудно ожидать, что все эти большие и малые политические и этнические образования *оседлоземледельческих* народов и племен оказали бы кочевому войску скифов восторженный прием. Любое, даже мирное, перемещение большой массы конных войск пагубно отражается на жизни оседло-земледельческих районов. А племена по Меотидо-Колхидской дороге уже узнали это на собственном опыте, так как именно здесь прошли изгнанные Мадием орды киммерийского (трерского) вождя Коба. Вторжение скифов, очевидно расценивалось бы ими как агрессивный акт, требующий должного отпора.

Оказывается, сами скифы отлично понимали эту ситуацию, которая вполне соответствовала их собственной военно-тактической доктрине. Через сто лет, готовясь отразить армию Дария, скифы разъясняют ее своим соседям: «...ведь царь персидский столько же идет на нас, сколько и на вас, и, покорив нас, не захочет и вас оставить в покое. **Мы дадим вам важное свидетельство в пользу наших слов: если бы персидский царь предпринял поход против нас одних... то ему следовало бы оставить всех другие в покое и направляться прямо в нашу землю; этим он показал бы всем, что идет против скифов, а не против других.** Между тем, с тех пор как он вступил на наш материк, он покоряет всех попадающихся ему на пути и вот уже подчинил себе как остальных жителей Фракии, так и наших соседей гетов» (Геродот, IV, 118).

На это исчерпывающее разъяснение соседи скифов — агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены и тавры — отвечают, что «если враг ворвется и в нашу землю и первый обидит нас, то мы не стерпим этого... но пока этого не увидим, мы останемся в нашей земле...» (Геродот, IV, 119).

Сознавая, видимо, полную логичность и правомерность такого ответа, скифы прибегают к хитрости и при разработке плана отражения агрессии Дария решают, что **«сначала они должны отступить прямо по направлению к тем землям, которые отказали им в союзе, с целью вовлечь их в войну, если бы они не пожелали бы добровольно воевать, то втянуть их в войну поневоле»** (Геродот, IV, 120).

Эти отрывки, на наш взгляд, как нельзя лучше объясняют одну из основных причин того, почему Мадий, выступая именно против Мидии, избрал путь именно через Дербентский проход. В его интересы никак не могли входить изнурительные стычки в дороге с многоплеменным населением Меотидо-Колхидской дороги, которое расценило бы проявление в своих землях скифских войск как вполне определенный знак агрессии. Разделяя общепринятую их современниками военно-тактическую доктрину, скифы (тут мы перефразируем слова скифских вестников, донесенные до нас Геродотом) «оставили всех в покое и направились **прямо** на землю мидян, **показав всем другим, что идут против мидян, а не против других**». Так, очевидно, это и было.

Итак, избранный Мадием вариант пути вдоль Кавказа и через Дербентский проход оказывается со всех точек зрения самым удобным для кочевников, спешивших на помощь Ассирии в ее борьбе с Мидией.

35 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА, № 101. М., 1961; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963.

Целесообразность этого выбора в условиях VII в. до н.э. и полное соответствие его конкретным войскам Мадия подтверждается и еще одним свидетельством Геродота, относящимся к периоду скифо-персидских неурядиц. Замышляя ответный поход против Дария, скифы ведут переговоры о совместных действиях со спартанским царем Клеоменом. При этом «самим скифам нужно попытаться вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса» (Геродот, VI, 40, 84). Значит, когда изменилась обстановка, скифы избирают для намечающегося похода не Дербентский, а более выгодный и теперь уже по-настоящему «более короткий» путь в Мидию по Черноморскому побережью. Но это — спустя более чем сто лет со времени похода Мадия.

Вопрос о направлении и маршрутах скифских походах в Переднюю Азию через Кавказ весьма спорен и окончательно не решен. Последнее слово в его разработке принадлежит Е.И. Крупнову³⁶. Исследователь, опираясь главным образом на археологические материалы, наметил сразу несколько вариантов скифских походов, среди которых основные — через Дербентский и Дарьяльский проходы, через Мамисонский перевал и по Меотидо-Колхидской дороге.

И если дербентский маршрут, судя по проанализированным источникам, был основным для кочевников, а Меотидо-Колхидский путь известен им и в определенных условиях мог использоваться (например, при изгнании Мадием киммерийцев, а также в подготовляющемся походе против персов), то относительно освоения скифами перевальных дорог в Центральном Кавказе (нынешние Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги) мы, кажется, можем дополнить и расширить аргументы Е.И. Крупнова.

Следует признать, что в наиболее подробном рассказе и походе Мадия у Геродота возможность похода скифов по Дарьяльскому ущелью, пожалуй, ничем не подтверждается. Правда, Е.И. Крупнов вслед за Н. Минзом видит такое подтверждение в словах историка, что скифы шли, «имея Кавказскую гору по правую руку», полагая, что здесь может иметься в виду гора Казбек³⁷. Как бы правдоподобно ни выглядело это интересное мнение, оно остается в большей мере гадательным, если не подтвердится более точными сведениями.

Но есть более ранний античный источник, который несомненно интересен для нас. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» имеются строки, описывающие путь, который, проходя мимо «железоделателей халибов», выходит к «Буйной реке», низвергающейся с «самого Кавказа». Идя против ее течения к истокам, можно «перевалить через поднимающиеся до звезд высоты» и выйти на конную дорогу «к враждебной мужам рати амазонок» (Эсхил, 729–761). Здесь впервые в греческом источнике говорится о наличии дороги через Кавказский хребет где-то в центральной его части. Мы имели уже случай указать на это незамеченное прежде первое античное свидетельство о наличии достаточно известного перевального маршрута в центре Кавказского хребта³⁸. Конечно, скифы имели все основания воспользоваться и этим путем через Кавказ.

Прямое подтверждение этому находим в другом, значительно позднем источнике (сложившемся не ранее XI в. н.э.) — грузинском своде летописей «Картлис цховреба». Между прочим, он еще не использовался историками в решении интересующих нас вопросов, равно как и вообще применительно к древней истории Северного Кавказа. Игнорирование обстоятельного летописного свода на протяжении всех последних лет было порождено гиперкритическим отношением специалистов, изучающих Северный Кавказ, к древнейшим разделам «Картлис цховреба». Впрочем, это отрицание источника свелось фактически лишь к его замалчиванию без приведения каких-либо аргументированных возражений. В то же время «Картлис цховреба» широко и разнообразно используется закавказскими (особенно грузинскими) историками, которые уже имели не один случай показать достоверность сообщений данного источника для различных (в том числе и древних) периодов истории Кавказа³⁹.

В задачи данной статьи не входит анализ «Картлис цховреба» с точки зрения выяснения реалистичности ее сообщений для истории Северного Кавказа в период раннего железного века. Такой анализ мы попытались проделать в одном из разделов нашей монографии об истории Северо-Восточного Кавказа в сарматское время⁴⁰. Здесь же мы приведем отрывки, касающиеся эпохи скифских походов через Кавказ⁴¹.

Свод начинается библейским мотивом заселения Кавказа детьми Таргамоса — Ноева потомка.

36 Крупнов Е.И. Ук. соч., с. 186 и сл.

37 Крупнов Е.И. Ук. соч., с. 193.

38 Виноградов В.Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в I тыс. до н.э. // Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М., 1960, с. 24–25.

39 Среди многочисленных работ такого рода выделяется книга Г.А. Меликишвили «К истории древней Грузии» (Тбилиси, 1958).

40 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 140 и сл.

41 Пользуемся переводом, хранящимся в архиве ЧИНИИ.

Эти «герои сильные и славные» стали родоначальниками основных кавказских племён, границы расселения которых сообщаются летописью. Затем повествуется о нашествии северных кочевников и его последствиях.

«...В то время усилились хазары и начали борьбу с родами Лекоса и Кавкаса. И все эти таргомсиане в то время пребывали в мире и любви друг к другу... После этого среди хазар выдвинулся царь и подчинились все хазары тому царю. И повели его с собою и прошли Морские ворота (которые ныне называются Дарубантом). Не смогли противостоять таргомсиане, ибо было бесчисленное множество хазар, опустошили хазары страну таргомсиан, разрушили города Арарата и Масиса и северные...

И научились хазары проходить по обоим этим дорогам, а именно — через Морские ворота, Дарубант, а Арагвские ворота, тот же Дарьял. И умножили хазары походы и опустошения таргомсиан и более не могли [эти последние] противостоять. И после этого все они стали данниками хазар» (КЦ, 11–12).

Как отметил еще Клапрот (и это не вызывало сомнений у последующих исследователей), под вторжением «хазар» в летописях подразумеваются как раз скифские вторжения. Отсюда составители «Картлис цховреба» следует уже за течением всеобщей истории и стараются увязать с ним историю своей родины. За нашествием скифов (=хазар) следует эпоха персидской гегемонии (КЦ, 13–16), затем период походов Александра Македонского (КЦ, 17) и т.д. При этом грузинские летописцы раннего средневековья, воссоздавая исторический путь своей страны и описывая события древности, называют участников этих событий раннесредневековыми этнонимами (прием, кстати говоря, присущий многим древним и средневековым историческим произведениям). Отсюда — северные степные кочевники, в частности скифы, именуются в «Картлис цховреба» хазарами, а далекие предки современных кавказских народов соответственно их раннесредневековыми именами, восходящими к легендарным эпонимам — леки, дурдзуки, картвелы, дидойцы и пр. Следовательно, раннесредневековая номенклатура этноплеменных наименований несколько не должна смущать нас в приведенном отрывке. В остальном же он ничуть не противоречит обрисованной выше картине скифских нашествий через Кавказ.

Судя по грузинской исторической традиции, сокрушительному походу скифов (=хазар) предшествовали военные столкновения кавказских народов со степняками. Они проходили с переменным успехом. Затем положение изменилось. «Картлис цховреба» описывает разрушительное нашествие скифов, опустошивших целые районы Закавказья. Скифы прорвались на юг вначале через Дербентский, а потом и через Дарьяльский проходы.

Нетрудно заметить, что такая характеристика скифских походов *абсолютно близка* по духу проанализированным античным свидетельствам и полностью соответствует выводам, сделанным в работе Е.И. Крупнова.

Но грузинские летописи сообщают нам и нечто новое по сравнению с другими письменными источниками. Например, впервые прямо названы Арагвские (Дарьяльские) ворота как один из маршрутов скифов. Тем самым, пожалуй, окончательно утверждается мнение Н. Миннза и Е.И. Крупнова о возможности такого пути. Вместе с тем из отрывка явствует, что Дарьяльский проход — более поздний вариант по сравнению с первоначально освоенным Дербентским. И это нужно признать справедливым. Нам представляется, что его использование скифами произошло как раз во время похода Мадия — самой опустошительной и широкой военной акции на Кавказе. Один из отрядов кочевого скифского войска вполне мог воспользоваться разведанной заблаговременно дорогой через Центральный Кавказ и выйти по ней к реке Куре, откуда и до границ Мидии и до освоенных скифами районов Куро-Араксинского междуречья было рукой подать. Интересно, что среди районов, избежавших разграбления, грузинская летопись называет западные и центральные районы своей родины — лишнее доказательство, что и Дарьяльский путь вел скифов прежде всего в Восточное Закавказье, к северным границам Мидии. Такой «экскурс» части войска Мадия вполне соответствовал грабительским целям похода скифов, для которых выполнение союзнического долга по отношению к Ассирии было поводом для достижения собственных целей. «Скифы...взимали с каждого народа наложенную ими дань...совершали набеги и грабили, что было у каждого народа», — так Геродот характеризует действия войска Мадия (I, 103). «Не смогли противостоять таргомсиане, ибо было бесчисленное множество хазар (=скифов), опустошили хазары страну таргомсиан... И после этого все они стали данниками хазар...» — вторят «отцу истории» грузинские летописцы. А мы должны признать, что именно таковой и была участь племён и народов, оказавшихся на пути войска Мадия в его продвижении в Переднюю Азию через Дербентский и Дарьяльский проходы.

Этно-племенной состав войска Мадия. Насколько известно, до сих пор исследователи ограничивались лишь признанием вероятной этнической неоднородности вторгшейся в Переднюю Азию кочевой орды. Для этого и впрямь есть все основания. Напомним, например, что библейские пророки,

живописуя шквал скифского вторжения, постоянно говорят о многоплеменности кочевников. «И пой- дешь с места твоего, от пределов севера, — **ты и многие народы с тобою**, все сидящие на конях, **сборище великое и войско многочисленное...**» (Иезекииль, XXIX). «Вот я пробуждаю и подни- маю **сборище великих народов из северной страны**. Вот народ идет с севера, многочисленный люд и многие цари встают от краев земли» (Иеремия, L, 9–10).

Нет сомнений, что продвигаясь из «страны скифов», ядро дружин Мадия, состоявшее из степ- няков-скифов, обрастало иноплеменными военными отрядами своих союзников и соседей, отнюдь не пренебрегавших участием в долгом и, вероятнее, всего, выгодном набеге. Мы уже отметили, что сам этноним «скифы» в данном случае покрывал довольно обширное объединение близкородственных скелотских племён, в котором господствовали кочевые, всаднические элементы. Но в походе рядом с собственно скифами шли и представители некоторых лесостепных племён, скифских по культуре, но не скифских по этнической принадлежности.

Об этом рассказывают выразительные памятники материальной культуры и в частности отде- лные захоронения лесостепной всаднической аристократии. Такова, например, Литая могила в Чер- ном лесу, роскошный инвентарь которой свидетельствует об участии погребенного в ней воина в пе- реднеазиатских походах скифов⁴².

Савроматы в составе скифского войска. Прямых указаний на этот счет в письменных источни- ках мы не найдём. Однако разберем некоторые косвенные доводы, которые покажут правомерность мысли о том, что в войске Мадия немалую силу представлял и отряд савроматов.

Прежде всего — свидетельства Геродота. В приведенном описании похода савроматы не упоми- наются. Но выбор скифами «верхней, гораздо более длинной дороги, имея Кавказ по правую руку», положительно указывает на вполне мирные, а возможно, и союзные взаимоотношения между двумя кочевыми народами. В этих условиях нет ничего невероятного, что военные формирования саврома- тов со своими собственными вождями влились в состав скифского войска Мадия. В сущности то же са- мое случилось спустя сто лет, во время похода Дария на скифов. Тогда в одном из скифских отрядов под главенством «царя Скопасиса» находились союзники скифов — савроматы (Геродот, IV, 120). Тес- нейшее военное единство кочевников, продемонстрированное в войне с персами, бесспорно, сложи- лось раньше и вероятнее всего на базе совместного участия в переднеазиатских походах.

Отголоски этого факта мы обнаруживаем все в том же обстоятельном повествовании «отца исто- рии» о борьбе скифов с персидской агрессией. Начиная свой рассказ, Геродот пишет, что «Дарий во- зымел желание наказать скифов за то, что они первыми учинили обиду своим вторжением в Мидию и поражением в битве сопротивлявшихся мидийцев», то есть имеется в виду поход Мадия. Б.Н. Граков признает, что данная версия несет в себе некоторый реальный смысл⁴³.

Скифы, резонно опасаясь своего могущественного врага, обращаются за помощью к соседям. Пе- реговоры с ними подробно изложены у Геродота. В их итоге «...цари гелонский, будинский и савро- матский **единодушно** обещали помочь скифам», а цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхле- нов и тавров решительно отказали в союзе.

Обычно единодушный и положительный ответ трех первых народов объясняется как следствие во многом общих торговых интересов, так как именно по их землям шел важный и весьма выгодный торговый путь из «земли скифов» и Ольвии на восток. Мы несколько не сомневаемся в правильности такой трактовки причин союза, но считаем ее не единственно возможной, вернее, не совсем полной.

Вслушаемся в ответ царей тех племён, которые отказали в военной помощи уже не только ски- фам, но и их «единодушным союзникам». В нем нет речи о каких-либо внутривнутричерноморских (на- пример, торговых) разногласиях или симпатиях соседей. Напротив, причины отказа — все те же воен- но-тактические принципы.

«Если бы не вы первые обидели персов и не начали войны с ними, то ваша нынешняя просьба показала бы нам основательной... Но вы без нас вторглись в страну персов и властвовали над ними столько времени, сколько дало вам божество, и вот они... платят вам тем же. Что же касается нас, то мы ни тогда ничем не обидели этот народ, ни теперь не станем первые обижать его... нам кажется, что пер- сы пришли не против нас, а против виновников нанесенной им обиды...» (Геродот, IV, 119).

Здесь, кажется, все ясно. Ближайшие соседи скифов отказываются помогать кочевникам, пос- кольку сами не принимали участия в агрессии, отчасти вызвавшей ответный поход Дария. Скифы на- пали на персов (=мидян) «без них», и агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены и тавры спокойны за свои земли, так как, по их глубокому убеждению, Дарий идет не на них, а на «виновников нанесенной

42 Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. Вып. 31, 1913.

43 Граков Б.Н. Ук. соч., с. 15–16. И верно, ведь, собираются же сами скифы отплатить Дарию за его поход набегом в Персию через Кавказ (Геродот, 40, 84).

персам обиды». Эти виновники, по мнению оппозиционно настроенных к союзу племен, и должны опасаться Дария и расплачиваться за свои дела.

В этом контексте «единодушное обещание помощи» савроматами, гелонами и будинами и их последующее активное участие в борьбе с персами должно быть истолковано как хорошо осознанная ими самими причастность к той самой «обиде» персам, которая вызвала ответный поход последних. Савроматы, по-видимому, так же как и скифы, не строят себе иллюзий насчет целей Дария. Они видят в персах вполне реального врага и борьбу с ними считают закономерной и имеющей должное основание.

Полагаем, что таким основанием для прочного антиперсидского союза скифов, савроматов, гелонов и будинов было их совместное участие в походе Мадия в Переднюю Азию. И снова вспомним, что маршрут «скифского войска» тогда был проложен в непосредственной близости к рубежам гелонов и будинов, локализуемых по среднему течению Дона и прямо по савроматским землям.

В связи с этим приобретает некоторый особый интерес и рассказ Диодора Сицилийского. Из него явствует, что царями скифов якобы были многие племена, «...а из самых важных переселений было два: одно из Ассирии... другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами» (Диодор Сицилийский, Библиотека, II, 43). Данное сообщение, как и наименование Плинием сарматов «ветвью мидян» (Плиний, Естественная история, VI, 19), рассматривается всегда лишь как свидетельство общих корней в происхождении ираноязычных савроматов и мидян. И это вполне закономерно. Но, возможно, есть и иной аспект в толковании источника.

Диодор наряду с историческими трудами общего характера использовал и произведения боспорских историков. Во всяком случае, признано, что его рассказ о скифах хотя и близок рассказу Геродота, но совершенно от него не зависим. И вполне возможно, что он, основываясь на сообщении боспорских информаторов, отражает тот факт, что в местной традиции решительное появление савроматов на исторической арене ассоциируется по времени с набегами скифов в Переднюю Азию. Возможно, что именно после участия в этих походах в Мидию и Ассирию савроматы, заключив прочный контакт со скифами, стали широко известны населению Северного Причерноморья. Такое толкование источника, на наш взгляд, достаточно правомерно.

Таковы те античные свидетельства, которые косвенно подкрепляют наше мнение об участии савроматов в скифских походах на Восток и в частности в двадцативосьмилетнем походе Мадия, сына Протогоя.

Савроматы в текстах Авесты (предположительно). Впервые пробуя собрать пусть отрывочные и иносказательные сведения о вероятном присутствии савроматов в составе скифского войска или хотя бы о вероятных формах соприкосновения их с мидянами, мы обратимся теперь к религиозной книге зороастрийцев «Авесте» — крупнейшему своду теологических, эпических, историко-эпических и других памятников.

Время и место возникновения Авесты и отдельных её частей и книг вызывает непрекращающуюся полемику между двумя направлениями ученых⁴⁴. Однако всеобщим является мнение, что раздел Гаты в книге Ясна представляет собой одну из архаичных частей Авесты, возникшую не позже VII в. до н.э. Одновременно если мы и не можем полностью принять точку зрения ряда крупнейших специалистов (Darmesteter, Ixkon, Herzfeld и др.), убежденно отстаивающих чисто мидийское происхождение Авесты, то нельзя не признать, что в деле создания этого источника большая часть принадлежит ираноязычным восточно-мидийским племенам, продвинувшимся на запад и распространившимся по территории всей исторической Мидии. В этом случае Авеста — весьма обширный и обстоятельный памятник — должна была сохранить какие-то упоминания о савроматах, сильном кочевом народе, игравшем немалую роль в истории ираноязычного мира.

Мы не можем сейчас надлежащим образом серьезно и глубоко анализировать Авесту. Наша теперешняя скромная цель — обратить внимание на несколько случаев употребления в Авесте этнонимов, имен и терминов, перекликающихся с племенным названием «савроматы»⁴⁵.

Давно и повсеместно уже обращено внимание на то, что, видимо, сарматы под наименованием «саирима» («saīrima») упоминаются в Авесте рядом с «даями», «аря» и «тура». Конечно, трудно оспаривать такую возможность, основанную на действительном сходстве этих двух этнонимов⁴⁶.

44 См. обширную библиографию вопроса на русском и западноевропейских языках в неоднократно упомянутой нами книге Игара Алиева «История Мидии» (с. 13 и сл.).

45 В данном случае даже простое созвучие этнонима «савроматы» терминам Авесты может оказаться определяющим, так как в обобщающей работе по ираноязычию кочевников южнорусских степей Л. Згуста считает скифский и сарматский близкородственными друг другу диалектами и полагает, что они близки, с одной стороны, авестийскому, с другой стороны — осетинскому (Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, s. 41).

46 Markwart I. Untersuchungen zur Geschichte von Eran, m. II, Philologus Suppl. Band X, 1, Leipzig, 195, с. 78; Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 219; Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов, с. 19.

Но есть более интересное и важное наблюдение, сделанное еще в конце прошлого века и, кажется, совершенно ныне забытое. Мы имеем в виду указание, которое содержится в подробной статье «Сарматия» в Большой Энциклопедии: «saoromant» означает на языке Зенд-Авесты «снабженный мечом»⁴⁷. Здесь уже не только полная близость звучания «савромат» и «саоромант», но и некий вполне определенный смысл, очевидно, понятный и нам. В свете последних тщательных изысканий в области материальной культуры савроматов К.Ф. Смирнов пришел к глубоко обоснованному выводу, что меч в вооружении савроматов занимал второе место после лука и стрел и что массовым использованием этого оружия савроматы отличались от своих соседей — скифов. Больше того, савроматы не только обладают акинаками, но и со временем вырабатывают новую, свою собственную форму *длинного* всаднического меча, что давало им явное преимущество в конной войне⁴⁸. По мнению К.Ф. Смирнова, форма короткого скифо-савроматского акинака была очень быстро выработана в среде ираноязычных воинов в период их походов в страны Переднего Востока.

Не лишним будет вспомнить, что библейские пророки, запугивая израильтян возможностью повторения памятного скифского нашествия, называют в вооружении кочевников не только лук, стрелы и копьё, но и мечи: «разрушат мечом укрепленные города твои» (Иеремия, V, 15), «большое полчище, всех вооруженных мечами» (Иезекииль, XXVIII, 8) и т.д.

Допустим, что в составе скифских войск, действовавших в Передней Азии, были «меченосные» дружины савроматов, рано и успешно освоивших это оружие. Тогда придется увидеть за авестийским словом «saoromant» («снабженный мечом») отражение действительного исторического факта.

Интересен и еще один случай, когда в Авесте используется имя, близко созвучное первой части (основе) этнонима «савромат» (савро-мат). В Гатах рассказывается о том, что злой дух Ариман противопоставил шести Амесаспентам шесть злых духов, равных им могуществом и силой. Один из них носит имя «Саура» («Sauga»), что значит — «*смертоносная стрела*». Он доводит царей до тирании, людей — до воровства и убийства⁴⁹.

Общепризнана буквальная простота и реалистичность Гат. Они отразили действительные события времени своего возникновения. Это полностью относится и к возникновению учения о вечной борьбе двух начал — добра и зла. И.М. Дьяконов правильно отмечает: «К доброму началу принадлежит стихия огня, воды и плодородной земли, *люди племени «арья», занимающиеся земледелием и чтущие Ормазда*, и полезные для земледельца животные... Напротив, порождением зла считаются кочевники и вообще иноземцы — «туранцы» (в толковании более поздней зороастрийской традиции — жители Средней Азии, особенно тюркоязычные), а также бесполезные и вредные для земледельца животные»⁵⁰. Нам очень важно, что И.М. Дьяконов особо подчеркивает дополнением в скобках, что тюркоязычные «туранцы» лишь в более позднее время стали синонимом *всех вообще* иноземцев и кочевников, наносящих зло зороастрийцам. Среди этих кочевников могли быть, и видимо, были ираноязычные народы из племён «арья», но *не почитающие Ормазда* и потому столь же враждебные зороастрийцам, как и иноплеменные скотоводы. А раз так — скифы и савроматы могли оказаться тоже в весьма неприятном знакомстве с последователями Заратуштры и, следовательно, с мидянами.

Здесь-то и бросается в глаза созвучие имени злого духа «Сауры» и основы этнонима «савромат». «Саура» — «смертоносная стрела», злой дух, доводящий людей до воровства и убийства. Ираноязычные кочевники, вторгавшиеся в Мидию через Кавказ, предстают в свете письменных и археологических источников как великолепные лучники. «*Колчан его — как открытый гроб*, все они — люди храбрые», — восклицает Иеремия (V, 15), как нельзя лучше характеризую основную силу кочевников. Их виртуозное владение луком и стрелами настолько очевидно, что Киаксар посылает к «скифам» мальчиков для обучения «*искусству стрельбы из лука*» (Геродот, I, 73). Понятно, какие беды обрушивались на тех, кому суждено было испытать силу скифских и савроматских отрядов.

И если известно, что злые духи Гат воплотили в себе отличительные черты враждебных кочевников (Насилие, Грабительство, Убийство и пр.), то ясно, что молитва «Избави нас от Сауры» имела поначалу смысл: «Избави нас от набегов кочевников, вооруженных смертоносными стрелами — наших врагов» или «Избави нас от подражания тем, кто грабит и убивает»⁵¹. Обе эти характеристики полностью приложимы к действиям «скифов», среди которых, видимо, были и савроматские отря-

47 Большая энциклопедия, т. 17, СПб., 1896, с. 92. Нам не удалось установить автора этой статьи, но среди сотрудников энциклопедии названы крупнейшие специалисты (Ю. Кулаковский, В. Миллер, М. Ростовцев и др.), мнение которых в данном вопросе весьма авторитетно.

48 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов, с. 26–29.

49 Darmesteter I. The Zend-Avesta, t. 1. Oxford, 1880, p.LXVIII, LXXII; Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1911, с. 504.

50 Дьяконов И.М. Указ. соч., с. 55.

51 К аналогичному выводу относительно уже других злых духов Авесты — синонимов туранских кочевников уже давно пришли ученые. См., напр.: Рогозина З.А. История Мидии. СПб., 1903, с. 113–114.

ды. Вспомним еще раз тревожные запросы ниневийского царя о скифах («...разграбят ли, полонят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?»), перечитаем наполненные ужасами пророчества Иеремии и Иезекииля, вновь вернемся к словам «отца истории» о действиях войска Мадия в Мидии («...взимали с каждого народа наложенную ими дань...совершали набеги и грабили, что было у каждого народа»). Как близок смысл сообщений современников значению одного из злых духов Авесты.

Думается, что созвучие имен «Саура» и «савромат» может оказаться не случайным.

Сделанные выше экскурсы в область применения некоторых терминов в Авесте ни в коей мере не претендуют на окончательность мотивировки и выводов. Их цель — привлечь внимание специалистов-сарматологов к источнику в целом и к отдельным примерам, которые, возможно, помогут расшифровать необъясненное до сих пор окончательно племенное наименование «савроматы» и выяснить его этимологию. В то же время, если приведенные нами соображения хотя бы частично отвечают действительности, проанализированные термины, возможно, следует истолковывать как свидетельство резко враждебного знакомства зороастрийцев (и в частности мидян) с сарматами. Следует признать, что первое столкновение тех и других могло произойти скорее всего в VII в. до н.э. во время «скифских» походов в Переднюю Азию и в эпоху создания древнейшей части Авесты — Гат. Конечно, для этого было необходимо, чтобы в составе кочевых орд южнорусских степняков, вторгавшихся на Восток, были и савроматы.

Е.И. Крупновым было высказано мнение о допустимости участия в скифских походах и некоторых аборигенных племён Северного Кавказа⁵². Письменные свидетельства ничего не говорят нам на этот счёт, и мы воздержимся от каких-либо заключений. Во всяком случае, многоплемённость «скифского войска» под предводительством Мадия не вызывает сомнений и подтверждается проанализированными выше источниками.

В данной статье мы не станем касаться истории пребывания и передвижений скифов Мадия в Передней Азии. Нас интересуют лишь их походы через Кавказ.

За свое 280-летнее «господство» в Азии скифы, конечно, получали поддержку от сородичей, остававшихся на родине. Эта помощь шла проторенными кавказскими путями. Да и сами скифы, потеряв своих вождей и потерпев поражение, были «вытеснены мидийцами и таким способом (то есть своей прежней дорогой. — *Авт.*) возвратились на родину» (Геродот, IV, признанных вождей привела, по видимому, к «междоусобице», и небольшая часть скифов («толпа скифов-кочевников») осталась в Закавказье, на земле, вошедшей в сферу влияния Мидии (Геродот, I, 73).

* * *

Прошло около века. Скифские интересы теперь отвлечены от Передней Азии. Здесь окрепла и стала всемогущей мидийская держава, включившая в себя некогда сильные государства Востока (Ассирию, Урарту, Манну и пр.) и не оставлявшая возможности для безнаказанного грабежа своих рубежей. До и самих скифов, видно, не нашлось достойного преемника Мадия и тем вождям, что погибли от губительного гостеприимства Киаксара. Скифы Причерноморья не грозят больше Передней Азии. И лишь репликой прежней славы и прежних набегов стало намерение скифов «вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса» в ответ на поход Дария. Но и этому замыслу не суждено было осуществиться. Однако Кавказ так и сохранил за собой название «скифской дороги» (Эсхил) как память о походах «войск скифов» под главенством Ишпаки, Прототия, Мадия, тех походов, которым и посвящена наша статья.

Впервые опубликовано:

Сборник статей [К 60-летию Е.И. Крупнова]. Грозный, 1964. С. 21–48.

52 Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 148–149.

СВЯЗИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ СО СКИФО-САВРОМАТСКИМ МИРОМ

Должным образом оценивая известные работы Б.Б. Пиотровского и А.А. Иессена, следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о связях Центрального Предкавказья с миром ираноязычных кочевников степей Восточной Европы впервые и окончательно был поставлен на прочную базу археологических фактов в фундаментальной монографии Е. И. Крупнова¹. На обширном материале он осветил взаимоотношения аборигенов с носителями скифской культуры в самом широком ее понимании, доказал неправомочность «скептического отношения к признанию значимости взаимодействий скифской культуры и культуры Северного Кавказа».

Со времени написания книги Е.И. Крупнова минуло 10 лет, и мы не один раз имели возможность убедиться в том, как прежде неизвестные или не принимавшиеся во внимание материалы прочно вошли в сферу исследований скифологов (А.И. Тереножкин, А.И. Мелюкова, В.А. Ильинская и др.). Резко усилился интерес к скифской проблематике и на Кавказе. Новые археологические раскопки в Предкавказье побудили, говоря словами В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева, «еще раз и более требовательно поставить вопрос о взаимодействии названных культур»². Данная рекомендация должна быть адресована не только скифологам, но и (не в меньшей мере) самим кавказоведам. Последнее тем важнее, что отсутствие должного анализа материалов привело в целом ряде случаев к упрощенной трактовке проблемы. Археологи и этнографы-кавказоведы, далекие по своим научным интересам от скифской тематики, нередко склонны теперь преувеличивать роль собственно скифов в местной истории в ущерб иным этническим группам — носителям общих элементов скифоидной культуры. Теперь скифскими нередко объявляются все комплексы VI–IV вв. до н.э., проявляющие сходство с кочевническими культурами³. Некоторые историки и лингвисты, пытаясь подкрепить свои построения ссылками на археологию, выдвигают тезис о том, что уже в скифское время процесс ассимиляции кобанских племен ираноязычными племенами был завершен⁴.

Между тем на современном уровне знаний можно значительно конкретизировать и уточнить наши представления о характере, направлениях и исторической обстановке связей кавказцев с обширным миром носителей скифоидных культур в целом и с его отдельными областями. Сделать это тем более необходимо, что за минувшее десятилетие багаж памятников материальной культуры скифского времени в Центральном Предкавказье без малого удвоился.

Скифские походы через Кавказ в VII — начале VI в. до н.э. привели к непосредственному контакту горцев с ираноязычными степняками. В те годы северные равнинные районы Предкавказья становятся ареной передвижений скифов в самом широком понимании этого термина, ибо в составе кочевых отрядов, побывавших здесь, были, как ныне устанавливается на базе археологических и письменных источников, и представители племен лесостепи Северного Причерноморья (см. работы Б.Н. Гракова, В.А. Ильинской, А.И. Мелюковой), и савроматов (см. работы К.Ф. Смирнова, В.Б. Виноградова) и даже кочевников Северо-Западного Казахстана (С.С. Черников).

После первого резко враждебного столкновения, о котором позволяют судить письменная античная и закавказская традиции и археологические данные (трагедия Сержень-Юртовского и многих других поселений в середине VII в. до н.э., появление в предгорьях кладов типа Жемталинского, Бештауского, Майртупского и др., частые находки скифских бронзовых наконечников стрел VII–VI вв. до н.э. в скелетах аборигенов и т.д.), между пришлыми ираноязычными степняками и горцами, очевидно, устанавливаются настороженные, но в целом мирные взаимоотношения. Судя по бытовым (поселения) и погребальным памятникам этого времени, изученным Е.И. Крупновым, кавказские племена в основном продолжали занимать места своего традиционного обитания даже в равнинной зоне бассейна Терека, хотя их культура и претерпевает некоторое изменение под влиянием кочевых соседей. По мнению Е.И. Крупнова, достаточно аргументированному данными археологии, в скифских походах принимали участие и некоторые местные племена равнин и ущелий Северного Кавказа. Все это, конечно, способствовало установлению контактов.

1 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

2 Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА, вып. 100, 1965, с. 47.

3 См., например: Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1962, с. 13–17; Горемыкина В.И. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР // Краеведческие записки, вып. I. Нальчик, 1961, с. 90–94; Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967, с. 14–15; Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА, 1965, № 2, с. 160–173; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч., с. 46–47; Мунчаев Р.М. Луговой могильник (исследования 1956–1967 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 205; Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 107.

4 См., например, Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; Гуриев Т.А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина «ig» // Изв. Сев.-Осетинского НИИ, т. XXIII, вып. 1. Орджоникидзе, 1962, с. 122–125, а также материалы дискуссии на конференции 1966 г. по проблеме этногенеза, осетин (сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967).

Доминирование (количественное и политическое) северопричерноморских этнических элементов в среде участников переднеазиатских походов отразилось и в характере сообщений письменных источников (упоминаются прямо только скифы), и в памятниках материальной культуры: в степи и в Прикубанье известны комплексы, тождественные или близкие северопричерноморским (курганы Келермесские, Ставропольский, Алексеевский и др.), а в могильниках местных племен заметны следы влияния раннескифской культуры Северного Причерноморья. Последние в предгорьях и горах Кавказа достаточно эпизодичны и носят в основном характер прямого импорта предметов «скифской триады» (например, бронзовая зооморфная секирка из Кисловодского могильника, бронзовые зооморфные псалии из Фаскау, каменное изваяние из Галайты, находки бронзовых котлов, фрагментов бронзовых панцирей, типичных наконечников стрел и т. п. в ряде мест Центрального Предкавказья), которые в свою очередь дают богатую пищу для подражаний (появление сделанных на месте железных акинаков, скифоидных стрел, ранних образцов скифоидного звериного стиля и пр.).

Не имея места для детального анализа этого периода скифо-кавказских взаимоотношений, хочу, однако, подчеркнуть, что для указанного времени нельзя говорить о сколько-нибудь массовом проникновении ираноязычных степняков в предгорья и горы Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

После эпохи скифских походов характер и направление взаимоотношений аборигенов и степняков изменяются. Письменные источники не дают сведений о пребывании в Центральном и Восточном Предкавказье собственно скифов во второй половине VI–IV в. до н. э. Зато постоянными соседями на линии дальних степных подступов становятся савроматы, присутствие которых на равнинах Предкавказья фиксируется в памятниках материальной культуры.

Сейчас общепризнанно, что курганные погребения в междуречье Кумы и Терека у селений Ачикулак и Бажиган с западной ориентировкой и с вещами савроматского типа являются захоронениями савроматов V–IV вв. до н.э.⁵ В 1963 г. в кургане близ сел. Этоко было исследовано впускное погребение с западной ориентировкой, обезглавленной тушкой барана и керамикой, близкой нижеволжским образцам. Савроматский характер этого памятника едва ли может вызвать сомнения⁶. Савроматскими могут считаться и курганные захоронения с широтной ориентировкой костяков и степным набором сопутствующих вещей, число которых в окрестностях Ставрополя все увеличивается.

Таким образом, очевидно, что степные районы Предкавказья севернее Терека не позднее V в. до н. э. оказались включенными в сферу савроматских кочевий.

Все более интенсивные взаимоотношения приводят к инфильтрации некоторой части степных этнических элементов в южном направлении, особенно активной на плоскости Чечено-Ингушетии, где отдельные группы кочевников достигли р. Сунжи и даже переходили ее. Возможно, что какие-то группы ираноязычных степняков избрали местом своего постоянного пребывания предгорные районы равнин, живя здесь бок о бок с местными племенами.

Именно с такими группами кочевников можно связывать подкурганные погребения на правом (южном) берегу Сунжи у селений Гойты⁷, Бамут⁸ и Мескер-Юрт⁹, а, возможно, и курганные погребения у г. Нальчика¹⁰. Являясь кочевническими захоронениями, чуждыми местным традициям, они датируются V в. до н.э. В литературе получило распространение мнение о типично *скифской* этнической принадлежности гойтинских, бамутского и подобных им захоронений¹¹. На проверку же оказывается, что погребальный ритуал и инвентарь гойтинских курганов воинов-меченосцев, группирующихся вокруг пышной усыпальницы богатой женщины-всадницы, похороненной вместе с рабыней, представляет достаточно сложную картину, весьма далекую от собственно скифских причерноморских стандартов¹². Правда, наблюдается определенное сходство гойтинских курганов с памятниками правобережья Среднего Приднепровья¹³. Но еще большим рядом существенных деталей (группировкой могил, типами погребальных сооружений с использованием дерева и огня, восточной ориентировкой, характером инвентаря центральной женской и окружающих мужских могил и т.п.) гойтинские курганы тяготеют к совершенно забытым при анализе гойтинских материалов савроматским памятникам Северного

5 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

6 Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ, т. XXV. Нальчик, 1967, с. 130–131.

7 Исследованы В.И. Марковым в 1963 г.

8 Исследованы Р.М. Мунчаевым в 1965 г.

9 Исследованы автором в 1966 г.

10 По материалам Кабардино-Балкарского краеведческого музея.

11 Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты, с. 160–173; Крупнов Е.И. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа // Археологические открытия 1965 г. М., 1966, с. 35–36; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч., с. 46–47 и др.

12 См.: Яценко И.В. Скифия VII–V вв. до н. э. // Труды ГИМ, вып. 36, 1959.

13 См.: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ, Д 1–4, 1967.

Прикаспия и частично к могильникам Среднего Подонья, находя довольно близкую аналогию в курганном савроматском могильнике Пятимары I¹⁴, который хотя и удален от Гойтов далеко, но все-таки ближе районов лесостепи и степей Украины.

Признавая большую оригинальность кочевнических погребений (V в. до н.э.) у селений Гойты и Бамут и близких им захоронений у селений Кулары, Мескер-Юрт (Чечено-Ингушетия), Шалушка (Кабардино-Балкария), следует тем не менее критически отнестись к попыткам их трактовки как типично скифских или украинско-лесостепных (это, кстати, не вяжется и с исторической обстановкой V в. до н.э.) и видеть в них трансформированные в силу объективных причин памятники каких-то пока неизвестных нам по имени ираноязычных степняков, скорее всего савроматского круга.

Не следует ожидать здесь материальной культуры и идеологии савроматов в их чистом виде. В районах стыка, а тем более взаимопроникновения отдельных культур могильники всегда носят смешанный характер, который в данном случае усугубляется и тем, что рассматриваемые могильники могли быть оставлены прямыми потомками той части много племенных орд, которая после походов VII – начала VI в. до н.э. задержалась в присунженской равнине и развивала свою культуру не по канонам своей далекой прародине, а впитывая инородные элементы культуры.

Пребывание степняков по соседству и в окружении кавказцев наложило отпечаток на культуру тех и других. В кочевнических погребениях бассейна Терека отмечены явные элементы кавказских культур: находки мечей меотского типа (использовавшегося различными племенами Северного Кавказа) в погребениях у сел. Бажиган и г. Ставрополя; наличие в гойтинских, буматском, куларинских и других курганах вещей закавказского (большие керамические сосуды) и северокавказского (костяные наконечники стрел, браслеты, наконечники копий, лепная керамика) облика, своеобразные по трактовке образцы звериного стиля и т.д. Это подтверждается и известными фактами находок в Поволжье (вплоть до Камы) кавказского импорта или предметов, выполненных под кавказским влиянием¹⁵.

Одновременно в памятниках местных племен, населявших равнину и предгорья, фиксируются характерные черты погребального инвентаря и ритуала степного происхождения. Причем это степное влияние в VI–IV вв. до н.э., особенно во второй половине периода, гораздо меньше зависело от самих скифов, чем от савроматов, придавших некоторые «скифские» черты культуре кобанцев.

Анализ всей суммы степных заимствований в быт и культуру кавказцев скифского времени не входит в мою нынешнюю задачу, тем более, что в основном верный анализ ее сделан Е.И. Крупновым. Я хочу обратить внимание на необходимость дифференцированного подхода к этим заимствованиям, что дает возможность с одной стороны конкретизировать историческую картину тех веков, а с другой — позволяет предостеречь от непомерного преувеличения степного вообще и собственно скифского в частности влияния на аборигенные племена VI–IV вв. до н.э.

В этой связи показательны материалы ряда местных могильников и не столько с позиции анализа погребального инвентаря, сколько с точки зрения похоронного ритуала — важнейшего признака при изучении этнической истории давно минувших эпох.

В хорошо известном по публикации Е.И. Крупнова Нестеровском могильнике VI–IV вв. до н.э. из 53 погребений четыре дают необычное для этого памятника вытянутое положение костяка на спине (№ 12, 33, 51, 55)¹⁶. Ориентация этих могил неустойчива (2 — ССВ, 1 — ЮВВ, 1 — З), как и в целом по могильнику, хотя как будто бы видно тяготение к широтному положению (З — В), реже всего встречающемуся здесь. Этот инородный обряд, вместе с неоднократными случаями сооружения на могильнике курганов, кромлехов и «скифоидными» чертами инвентаря, исследователь верно связал со скифо-савроматским влиянием. К тому же и позы всех вытянутых костяков на обширном могильном поле местного кобанского этнического коллектива совершенно чужды местным традициям и уводят нас в соседний мир савроматских погребений. Атакующая поза, переkreщенные голени ног, положение костей рук на бедро и грудь — ближайшие аналогии всему этому есть у савроматов. Круглые и квадратные кромлехи, засыпка дна могилы, специально собранные валуны белого мергеля также заставляют вспомнить характерные черты савроматского погребального ритуала.

Сходную картину видим мы и в могильнике VI–V вв. до н.э. у сел. Исти-Су¹⁷. Среди 20 исследованных могил четыре захоронения (два мужских — № 4 и 7 и два подростков — № 5 и 15) дают чуждое остальным погребениям вытянутое положение костяков на спине при юго-западной ориентировке (наиболее массовой в могильнике). Позы мужских костяков в могилах № 4 (правая рука сильно согнута и лежит на плече, левая — в области таза) и № 7 (кисти рук в области таза), западающее на правый бок положение скелета подростка и следы реалыгара в могиле № 5, ориентация точно на запад вытя-

14 Смирнов К.Ф. Указ. соч., с. 107–114.

15 См.: Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, № 30, 1952; К.Ф. Смирнов, Указ. соч., с. 265–269.

16 См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, с. 401–422.

17 Артамонова-Полтавцева О.А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА, XIV, 1950, с. 20–69.

нутого на спине костяка другого подростка вновь указывают на савроматское влияние, что подтверждается и звериным стилем найденных в могильнике предметов (гривны, поясные пряжки).

Обращаясь к западным районам Центрального Предкавказья, в частности Пятигорью, мы обнаруживаем весьма схожие факты.

В неопубликованных материалах Минераловодского могильника VI–IV вв. до н.э. (раскопки А.П. Рунича) среди 36 погребений с широтной ориентировкой сильно скорченных костяков исследованы 5 нетипичных грунтовых могил (№ 13, 16, 22, 33, 35)¹⁸. Покойники в них лежат вытянуто на спине, кисти рук уложены на пах или на грудь. Умерших сопровождал смешанный набор вещей (местные сосуды и оружие — акинак, стрелы — степного типа).

Несколько иная картина в могиле № 34. Здесь в почти квадратной яме покоился костяк женщины. Поза на левом боку со слабосогнутыми руками и ногами, головой на запад. Инвентарь (позднекобанский по своему облику) свидетельствует о богатстве погребенной (старательно вылепленные сосуды, 48 бусин, бронзовые серьги, 4 браслета, 2 перстня, железная булавка с навершием в виде бараньей головы). Перед лицом покойницы (в северо-западном углу) находилась тщательно обработанная прямоугольная песчаниковая плита (35×29×8 см) с заглаженной поверхностью. На ней лежали два бронзовых браслета, плоское бронзовое зеркало (поврежденное) и круглый кусок реальгара.

И вновь со всей определенностью следует признать, что «нестандартные» грунтовые погребения Минераловодского могильника объясняются, очевидно, савроматским влиянием. В первых пяти захоронениях в пользу этого говорят прежде всего позы погребенных, а в богатой могиле № 34 — такая важная деталь, как наличие каменной плиты с куском реальгара и бронзовыми предметами на ней. Последняя может быть сопоставлена с хорошо известными савроматскими алтарями или жертвенниками, тем более, что знакомство аборигенов с подобным ритуальным обрядом савроматов подтверждается находками весьма близкой плиты (также с куском реальгара и бычьим черепом на ней) в центральном женском погребении Гойтинских курганов, обломка плиты со следами краски во впускном погребении Моздокского кургана № 2 и каменного песчаного блюда с закраинами в могиле VI–V вв. до н.э. на территории кирпичного завода № 1 в г. Армавире.

В Минераловодском могильнике найдены и предметы, имеющие сходство с савроматскими образцами (зеркала, оружие).

Примерно в 100 км южнее названного кобанского кладбища, в окрестностях Кисловодска, на Султан-Горе известен еще один могильник VII–V вв. до н.э. (раскопки А.П. Рунича), состоящий из широких прямоугольных каменных гробниц, представляющих, по Е. И. Крупнову, локальную особенность этого района. В 8-ми из 9-ти раскопанных могил покойники лежат скорченно, на боку, головой на северо-запад¹⁹. Совсем другого типа погребение 1. В узком прямоугольном каменном ящике вытянуто на спине лежал скелет мужчины головой строго на запад. Левая рука вытянута, правая уложена на нижнюю часть живота. В инвентаре представлены посуда местных форм, железный акинак с бусовидным навершием и сердцевидным перекрестьем и железный наконечник копья.

Подобное «отклонение» от традиционного обряда можно объяснить как следствие контактов с савроматами. Действительность этих контактов подтверждается и наличием курганный насыпи из камней над погребением 5, а также составом погребального инвентаря, о чем будет сказано ниже.

Итак, мы рассмотрели материалы четырех могильников, находившихся на стыке равнин и предгорий Центрального и Восточного Предкавказья. Являясь памятниками местных племен, все они отразили в своем погребальном обряде бесспорный факт степного и, скорее всего, савроматского влияния. Число погребений, совершенных под воздействием савроматских похоронных обрядов, в целом по рассмотренным могильникам составляет около 11%. Этой картине примерно соответствуют и данные Моздокского, Пседахского и ряда новых могильников (Клин-Ярский, Алероевский, Ялхой-Мохкский и др.), лежащих в той же ландшафтной зоне. Не будет слишком большой смелостью считать, что в этом соотношении верно отразилась степень воздействия степной культуры и проникновение инородных этнических элементов в среду местных племен, обитавших по соседству с савроматами, в районе предкавказских равнин.

Факт наличия в инвентаре названных могильников изрядного числа вещей степного происхождения или выполненных под степным влиянием не должен никого смущать. Эти предметы, как правило, представляют собой элементы все той же «триады» (в основном — оружие²⁰), распространившейся

18 Сердечно признателен А.П. Руничу за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы его раскопок.

19 См. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС, т. III. Грозный, 1969, с. 104–111, рис. 13, 14.

20 Главным образом акинаки и наконечники стрел. Так, на общее число учтенных мною местных погребений скифского времени в Центральном Предкавказье (а их около 550) приходится 53 железных меча степных типов и около 80 случаев находок скифо-сарматских стрел.

в VII–IV вв. до н.э. куда дальше этнических границ ираноязычного мира степняков. Весь же остальной набор вещей в могилах сугубо местный, кавказский. Он вместе с абсолютно господствующими вариантами местного погребального обряда в рассмотренных могильниках не дает права говорить о сколько-нибудь значительной этнической или культурной ассимиляции аборигенных племен со стороны их степных соседей. Поэтому известные нам попытки преувеличения степного влияния²¹ не могут считаться основательными даже для пограничных районов.

В горах же положение и того определеннее. В многочисленных могильниках, известных в ущельях Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии и исследовавшихся в разное время Е.И. Крупновым, Е.П. Алексеевой, П.Г. Акритасом и др., степное влияние не идет дальше весьма умеренного, а порою (как, например, в могильниках Восточной Осетии) даже редкого заимствования предметов все той же «триады», а изменения в погребальном ритуале (самые показательные и важные) едва заметны (например, на 161 погребение Лугового могильника приходится всего лишь 2 курганные насыпи, да и то они сделаны над сугубо местными могилами). Конечно, о степном влиянии нужно говорить и здесь, ибо материальная культура горцев претерпевает заметную эволюцию под мощным натиском передовой по тем временам и достаточно космополитичной по функциям скифской «триады». Но этническая чистота всех этих горских племен, оставивших яркие позднекобанские памятники, не вызывает сомнений, если только не смешивать в памятнике весь этнографический комплекс и заимствованные (причем зачастую не из первых рук) компоненты культуры. А примеры такой путаницы, к сожалению, есть.

Сказанное выше опровергает мнение, что ассимиляция кобанских племен горной зоны была завершена уже в скифское время. Она если и начиналась, то только в пограничных равнинных районах.

Однако вернемся к вопросу о направлении степного влияния на местные племена. Анализ особенностей погребального обряда ряда кочевнических и аборигенных могильников показал, что в V–IV вв. до н. э. это влияние исходило прежде всего от савроматов. То же говорят и импортные предметы в сугубо аборигенных комплексах. Не приходится, правда, забывать о большой близости скифоидных культур Восточной Европы. Поэтому основная масса скифоидных предметов в кобанских памятниках не поддается узкоэтническому определению. Тем существеннее оказываются вещи, особо характерные для того или иного варианта степной культуры, или такой импорт, появление которого в горах можно с большой долей вероятности связывать с посредничеством конкретной группы обитателей степей.

Подобные предметы уже выделены в древностях Предкавказья (например: меч с костяным наконечником ножен в виде головы верблюда из Минвод, сосуды Нестеровского могильника, золотая серьга из Шалушки, многие типы бронзовых стрел, перекрестья ремней из Урус-Мартана, костяной зооморфный псалий из Кисловодска, биметаллический клевец из Перкальского могильника и т.д.). Недавно новое изучение коллекций дало дополнительные данные.

В случайно разрушенной грунтовой могиле у сел. Гунделен (КБАССР) в богатом наборе местных вещей V в. до н. э. выделяются бронзовые наконечники стрел степного типа, ананьинский клевец (это всего вторая находка в Предкавказье) и железный черешковый трехгранный наконечник стрелы явно савроматского происхождения.

При раскопках В.И. Козенковой Сержень-Юртовского поселения в 1965 г. найден бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы со змейкой на крыле, находящий полные аналогии только среди стрел Блюменфельдского кургана А–12.

В погребениях VI–V вв. упомянутого выше Султан-Горского могильника найдены: железные черешковые трехлопастые наконечники стрел (в наборе бронзовых), когтевидный столбик для перекрестия ремней и длинные узкие железные ножи. Все это имеет ближайшие аналогии в памятниках Северного Прикаспия и частично Подонья.

В новом Алероевском могильнике VII–V в. до н. э. (Чечено-Ингушетия) найдена замечательная костяная обкладка рукояти ножа, украшенная изображением оскалившейся пантеры, ближайшие аналогии которой обнаруживаются только у савроматов.

Количество предметов поволжско-подонского типа можно значительно увеличить за счет случайных находок в различных пунктах края. Взятые все вместе, они со значительной долей вероятности документируют резкую активизацию связей аборигенов с савроматскими племенами Северного Прикаспия и частично населением лесостепного Подонья.

Весьма важно, что теперь наряду с прямым импортом вещей в Предкавказье выявляется большая группа изделий (особенно «звериного стиля» и воинского снаряжения), носящих «смешанный» характер, изготовленных местными мастерами под влиянием знакомства со степными и прежде всего

21 В литературу был даже пущен термин «кобанско-скифская культура», подразумевающий некое взаиморавное этническое смешение кобанцев и «скифов».

подонско-поволжско-приуральскими образцами, их осмысления и приспособления к местным вкусам и традициям. Анализ некоторых из этих предметов уже дан в литературе²².

Все сказанное, разумеется, не снимает собственно скифского, лесостепного и любого другого из реальных северных влияний на местные племена. Они прослеживаются и иногда довольно ярко. Речь идет об определяющем факторе во внешних связях аборигенов со степным миром после эпохи скифских походов. А таким определяющим направлением представляются взаимоотношения с савроматами Северного Прикаспия, чаще с поволжскими, но порой и с южноуральскими. С другой стороны, это подтверждается и все увеличивающимся числом находок в Поволжье (вплоть до Камы) кавказского импорта или предметов, выполненных под кавказским влиянием.

Глубина этих связей далеко еще не понята нами. Примером может служить факт, подобный тому, как на Саратовщине был найден клык кабана с рисунком, представляющим точную копию зооморфного оформления наконечника урус-мартановского меча. А последний до недавнего времени рассматривался как уникальный. Несомненно, что будущие годы принесут немало ярких подтверждений активности савромато-кавказских отношений.

Акцентируя внимание на предпочтительности савроматского влияния в VI–IV в. до н.э., я далек от мысли изолировать или противопоставить его близким культурам соседних областей и в первую очередь культуре оседлого населения среднего Дона²³. Больше того, учитывая хорошо известное сходство в материальной и духовной культуре, идеологических представлениях и т.д. племен Подонья и Северного Прикаспия, приходится быть крайне осторожным в этнической оценке тех или иных северных заимствований в памятниках Предкавказья. Ведь многие из выделенных выше привносных элементов в погребальном обряде и инвентаре позднекобанских могил являются одинаково характерными для всех скифоидных культур Восточной Европы. Вместе с тем все увеличивается число фактов, подтверждающих активизацию контактов в V–IV в. до н.э. именно с обитателями среднего Дона. Такие из северокавказских находок, как зооморфные крючки из сел. Бажиган, ст. Казанской, городов Ейска и Хасав-Юрта, железные рюмкообразные подтоки из Гойтинских курганов и Алероевского могильника, детали конской сбруи из Бажиганского погребения и Лугового могильника, есть объективное свидетельство достаточно оживленного обмена между Предкавказьем и Подоньем. Иконографическое сходство со специфическими сюжетами звериного стиля среднего Дона демонстрируют изображения зверей на наконечниках ножен из сел. Советское, Урус-Мартан и на некоторых других предметах. К тому же, оценивая реальные взаимосвязи обитателей Северного Кавказа с ананьинскими племенами, нужно постоянно помнить, что едва ли не самой удобной артерией, связывавшей эти не близкие друг другу области, был Дон, и, следовательно, маршруты транзитной торговли, и обмена не могли миновать население его берегов. Да и сами савроматы, будучи кочевым и поэтому «неремесленным» народом, многими чертами своей культуры, эстетических вкусов и утилитарной практики были тесно связаны со своими западными соседями, являясь нередко потребителями и распространителями подонских культурных достижений.

Но сколь бы высоко ни оценивать вклад среднего Дона в культуру поздних кобанцев, приходится признать, что, не имея общей границы и будучи разделенными кочевьями савроматов, оседлые племена Дона и Центрального Предкавказья в своих транзитных контактах зависели от савроматов, выполнявших роль посредников и тем самым еще раз утверждая свое особое значение для истории и культуры горских этнических групп.

Долгое вхождение степного и равнинного Предкавказья в сферу влияния савроматского мира подготовило почву и предопределило в какой-то мере успех мощного расселения сарматов на Северном Кавказе в последующие века.

Впервые опубликовано: Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 177–183.

22 См. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа; Виноградов В.Б., Шкурко А.И. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических конференциях. М., 1963, с. 37–58; Смирнов К.Ф. Савроматы, с. 265–269; Виноградов В.Б. Ранние сарматы и некоторые вопросы древней истории Предкавказья // Изв. Чечено-Ингушского НИИ, т. VI, вып. 1. Грозный, 1965. С. 185–193.

23 Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1–31. М., 1965.

СИРАКСКИЙ СОЮЗ ПЛЕМЕН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

История сираков и возглавлявшегося ими племенного союза по сравнению с остальными сарматскими группами и племенными объединениями изучена наиболее слабо. Это — прямое следствие общепризнанного факта недостаточности наших прежних знаний о сарматских древностях Северного Кавказа. А именно с предкавказскими степями и равнинами связаны все дошедшие до нас упоминания о сираках. На Северном Кавказе сираки, по сообщениям современников, играли роль важной политической силы в сложной обстановке конца I тысячелетия до н. э. — первых столетий н.э. Немногочисленные сведения о сираках у древних авторов и легли в основу первых попыток локализации и изучения сиракских племен.

Прежде всего стало ясно, что под р. Ахардеем античных писателей, по которой живут сираки (Страбон, XI, 5, 8), могут подразумеваться скорее всего современный Маныч и его притоки¹. Где-то здесь, в приманычских степях, примерно в 75 км к югу от Танаиса («три дня пути»), находилась «столица сираков город Успа» (Тацит, *Анналы*, XII, 15–18). Здесь, по соседству с областью дандареев и недалеко от Кубани, развернулся в 49 г. н.э. основной этап борьбы между сираками, поддерживавшими Митридата VIII и римско-аорскими армиями. В прикубанских степных районах Савромат II Боспорский разгромил сираков на рубеже II–III вв. н.э. Отсюда владения сираков «спускались к югу до Кавказских гор» и поэтому предкавказские степи названы Страбоном «сиракскими равнинами», заселенными отчасти кочующими, отчасти оседлыми сарматскими племенами.

Таковы сведения о сираках, которые можно почерпнуть из письменных источников.

В окрестностях Маныча М. И. Артамоновым и Б. В. Луниным было выявлено несколько сарматских погребений последних веков до н.э. с весьма характерной отличительной чертой. Все они имели западную ориентировку² (рис. 1) в отличие от южной, безраздельно господствующей на остальной сарматской территории начиная с IV в. до н.э. и до II в. н.э.

В междуречье Лабы и Кубани еще в начале нашего века Н. И. Веселовским был раскопан ряд богатых сарматских курганов (у хут. Зубовского, ст. Воздвиженской, Геймановской и др.)³, из которых самые ранние курганы датируются III–II вв. до н.э., а самые поздние — II в. н.э.⁴ В них также господствует западная ориентировка костяков (рис. 1).

Кроме того, с III–II вв. до н.э. западная ориентировка и сарматский обряд начинают распространяться (а с I в. до н.э. и преобладать) в грунтовых могильниках и курганах Среднего Прикубанья (Усть-Лабинско-Краснодарская группа), широко изученных Н. В. Анфимовым⁵.

Следовательно, в руках археологов оказался материал, достаточный для выделения приманычско-прикубанских сарматских захоронений последних веков до н.э. — первых веков н.э. в особую группу, которую вполне правомерно было связать именно с сираками.

К.Ф. Смирнов, изучив все открытые памятники, предпринял первую попытку характеристики исторического пути сираков на Северо-Западном Кавказе⁶. Весьма важными были выводы о начале сиракского продвижения из приманычских районов в Прикубанье в III–II вв. до н.э. и о существовании центра сиракского племенного союза на рубеже н. э. в верхнем Прикубанье, в области зубовско-воздвиженской группы сарматских памятников. К.Ф. Смирнов, основываясь на длительном переживании у сираков исконно савроматского обряда западной ориентировки, допускает, что сираки Приманычья и Восточного Прикубанья являются прямыми потомками задонских (геродотовских) савроматов.

Параллельно изучая меотские (иногда сильно сарматизованные) памятники Среднего Прикубанья, Н. В. Анфимов пришел к мнению, что основной границей расселения меотских и сарматских (сиракских) племен Прикубанья был левый приток Кубани — Лаба⁷.

1 Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, с. 128.

2 Артамонов М.И. Работы на строительстве Манычского канала // ИГАИМК, 109. Л., 1935, с. 201 сл.; Его же. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1934–1936 гг. // СА, IV, 1937, с. 93–131; Его же. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. // СА, XI, 1949; Б. В. Луни. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938–1939 гг. // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д., 1940, с. 19–21.

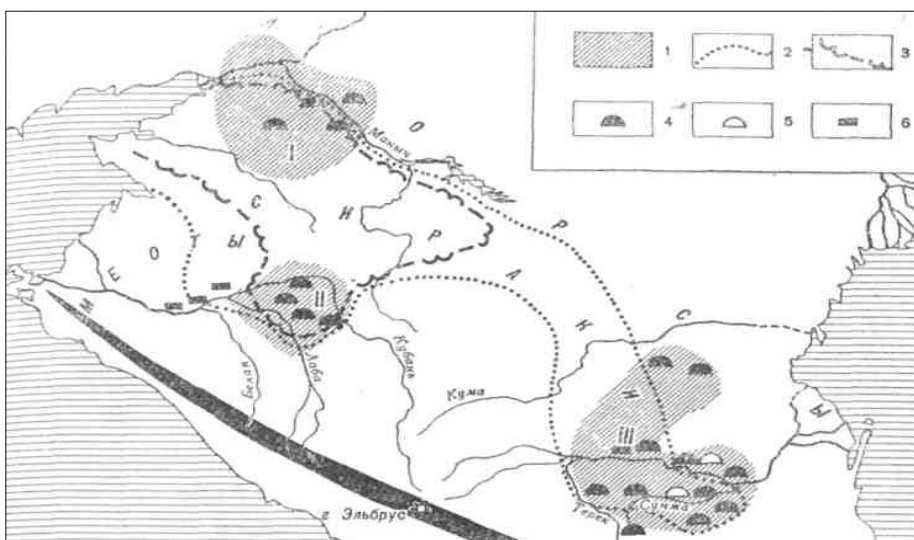
3 Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества // Тр. XII АС, I. М., 1905, с. 341–373.

4 Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК, XLVI, 1952.

5 Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА, 23, 1951; Его же. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК, XVI, 1947 и др.

6 Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, XXXIV, 1950; Его же. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья; Его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА. М., 1954; Smirnov K. Repartition des tribus sarmates en Europe Orientale // Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS. М., 1962 и др.

7 Анфимов Н.В. Меотские поселения Восточного Приазовья // КСИИМК, XXXIV, 1950; Его же. Меото-сарматский могильник..., с. 204.

1 — районы, где исследованы сиракские памятники; 2 — возможные границы сиракского союза в эпоху расцвета (II—I вв. до н.э. — первая половина I в. н.э.); 3 — вероятная территория сиракского союза во второй половине I—II вв. н.э.; 4 — курганные захоронения сираков (с западной ориентировкой костяка при типично сарматском обряде и с инвентарем, имеющим некоторые черты меотской культуры); 5 — курганные захоронения местных сарматизованных сираками племен (у сел. Мекенская, В. Акбаш, у гор. Грозного); 6 — грунтовые могильники местных племен, подпавших под влияние сираков и их культуры (краснодарско-усть-лабинская группа, Моздокский могильник и др.); I — Приманьчская группа памятников (у ст. Кагальницкой, хут. Веселой, Спорный, Тузловка и др.); II — Zubовско-воздвиженская группа (у ст. Воздвиженская, Геймановской, хут. Zubовского и др.); III — Терско-сунженская группа (у сел. Ачикулак, Бажиган, Мекенская, Червленая, Кулары, Алды, Пседах, Нов. Аршти, у гор. Моздок, Грозный и др.)

Рис. 1. Сиракский союз племен на Северном Кавказе.

Таким образом, исследование сиракских памятников Приманьччя и Прикубанья позволило в общих чертах выяснить картину распространения сираков и их культуры в Прикубанье, а также взаимоотношения сарматов с местной этнической средой.

Раскопки А.А. Бобринского, Б.Б. Пиотровского, Е.И. Крупнова, Н.Я. Мерперта, Р.М. Мунчаева и других выявили определенное число сарматских памятников также и на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа, однако большинство из них не было опубликовано. Первый опыт изучения сарматских племен восточной половины Предкавказья был сделан в недавно вышедшей книге о сарматах Северо-Восточного Кавказа⁸.

При этом выделилась значительная (в несколько десятков захоронений) группа сарматских могил рубежа IV—III вв. до н. э. — III в. н. э. (у сел. Ачикулак, Пседах, Кулары, ст. Мекенской, гор. Моздока, Грозного и др.), совершенных с характерным сиракским обрядом — западной ориентировкой костяков в узких могильных ямах и погребальным инвентарем близким сиракским и меото-сарматским захоронениям Северо-Западного Кавказа (рис. 1). Письменные источники подтвердили пребывание сираков на Северо-Восточном Кавказе. Сопоставление письменных источников с археологическими данными дало новые доказательства в пользу гипотезы о генетическом родстве и преемственности культуры и исторических судеб сираков и савроматов. Все вместе это позволило охарактеризовать историю сираков на Северо-Восточном Кавказе.

Ценные сведения о военно-политических взаимоотношениях сарматов Центрального Предкавказья с кавказскими племенами и Иберией в последние века до н.э. оставила нам грузинская летопись «Картлис цховреба». До недавнего времени этот источник почти не использовался в изучении древней истории Северного Кавказа и тем более истории сарматов. Сейчас такая возможность в достаточной мере обоснована тем, что доказана достоверность основных сообщений летописи для прошлого Грузии⁹ и сделана первая попытка использования их для воссоздания древней истории северокавказских районов¹⁰. Увеличилось и число археологических памятников. К приманьччской и зубовско-воздвиженской группам сиракских захоронений прибавилась значительная терско-сунженская группа, а к памятникам местных, сармати-зованных сираками племен Прикубанья — Моздокский могильник и несколько десятков захоронений в бассейне р. Терек, оставленные аборигенными племенами, подпавшими под влияние сираков и их культуры. Определенный успех сопутствовал и попыткам выявления бытовых памятников племен сиракского объединения¹¹.

8 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. ЧИНИИ, VI, Грозный, 1963.

9 Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

10 Виноградов В.Б. Ук. соч., с. 130–173.

11 См. Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 27–35; Виноградов В.Б. Ук. соч., с. 109–129.

В разработке частных проблем темы существенно помогают и некоторые другие, прежде абсолютно не использовавшиеся по отношению к сиракам источники — фольклор, топонимика, лингвистические наблюдения и пр.

Все названные виды источников используются в предлагаемом ниже очерке истории сиракских племен Северного Кавказа и племенного объединения под их главенством.

Первые упоминания сираков встречаются на рубеже н.э. у Страбона, однако следы их деятельности на Кавказе обнаруживаются значительно раньше.

Самые древние захоронения савроматского типа, тесно связанные по обряду и инвентарю с нижневолжскими могилами, открыты в Предкавказье в окрестностях р. Маныч и в междуречье Кумы и Терека¹². Таким образом, северные районы предкавказских степей уже в VI–IV вв. до н.э. оказались включенными в обширный племенной союз нижневолжских (геродотовских) савроматов¹³, который целым рядом локальных признаков отделяется от самаро-уральской группы сарматов, связываемой с протоаорсами (верхними аорсами Страбона)¹⁴. Первоначальное сосуществование этих двух родственных областей раннекочевнической культуры резко нарушилось в конце IV в. до н.э. с продвижением племен так называемой прохоровской культуры из Оренбургских и Западно-Казахстанских степей в Поволжье и на Дон. Это движение отражало переселение массы кочевников Приуралья, входивших в аорский союз племен, на запад. Причины и ход расселения сейчас в общих чертах вырисовываются на основе анализа многих сотен погребальных комплексов в Северном Прикаспии. В итоге названных перемещений савроматское (нижневолжское) объединение племен VII–IV вв. до н.э. распалось, уступив место новым племенным территориям и союзам¹⁵. Сами геродотовские савроматы оказались включенными в новые объединения и быстро восприняли прохоровскую культуру во всех ее основных чертах. Но это судьба не всех савроматов Геродота.

Волна победоносных приуральских сарматских орд на первых порах не затронула самые южные (приманычские) области савроматского (нижневолжского) союза. Здесь продолжала прочно удерживаться западная (исконно савроматская) ориентировка в могилах последних веков до н.э. Вероятно, в Приманычских районах сохранили независимость некоторые племена прежде обширного савроматского объединения. Отброшенные из Нижнего Поволжья на юг своими более сильными сородичами, савроматы Приманычья стали в свою очередь теснить местное предкавказское население, расселившись до подножий Кавказских гор. Можно утверждать, что сираки античных авторов рубежа н.э. это и есть приманычские кочевники, в VII–IV вв. до н.э. скрывавшиеся в нижневолжском племенном союзе под общим наименованием — савроматы (рис. 2).

Натиск приманычских сираков в движении к Кавказским горам должны были испытать все местные племена равнин и предгорий. Однако судьба этих последних оказалась различной. В соседних с Приманычем районах Северо-Западного Кавказа захватнические устремления кочевников были ограничены сильными и многочисленными синдо-меотскими племенами Прикубанья. Со второй половины IV в. до н.э. ряд местных племен Прикубанья был включен в состав Боспорского царства или в сферу его политического и экономического влияния, что, бесспорно, затрудняло продвижение сарматов в эти места (рис. 2).

Как реакция на попытки сарматского проникновения в Прикубанье в IV в. до н.э. возникли густые цепи городищ и укреплений по среднему течению Кубани и ее левым притокам¹⁶. В меотских памятниках IV–III вв. до н.э. элементы сарматской культуры еще бедны и эпизодичны, хотя именно в это время сюда начинает проникать сиракский обряд западной ориентировки костяков со всеми остальными атрибутами сарматского погребального ритуала¹⁷. Районом Прикубанья, который на несколько веков прочно освоили сираки, явилось междуречье Лабы и Кубани. Сюда кочевники проникли с территории степного Ставропольского плато, преодолев 90-километровый неукрепленный городищами отрезок верхнего течения Кубани (между станицами Темижбекской и Прочноокопской)¹⁸. По мнению археологов (Н.В. Анфимов, К.Ф. Смирнов, Е.П. Алексеева), граница между сираками и меотами проходила в районе р. Лабы, возможно, по ее течению. Ближайший слева приток Лабы так и называется «Фарс», что означает на иранских языках «сторона», «бок», «окраина», «крайний». Очень вероят-

12 Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья // СА, 1957, № 2; Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА, 1957, № 3.

13 Виноградов В.Б. Продвижение сарматских племен на Северо-Восточный Кавказ по археологическим данным // Тезисы XXIII студенческой научной конференции Тбилисского ун-та. Тбилиси, 1961, с. 124.

14 Смирнов К.Ф. Проблема происхождения..., с. 19; Его же. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, с. 3; Его же. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964.

15 Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, XXXIV, 1950; К. Smirnov. Repartition des tribus..., с. 7, рис. 1–2.

16 Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани, с. 25–26; Его же. Племена Прикубанья в сарматское время // СА, XXVIII, 1958.

17 Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА, 64, 1958; Н.В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., с. 190 сл.

18 Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани, с. 27.

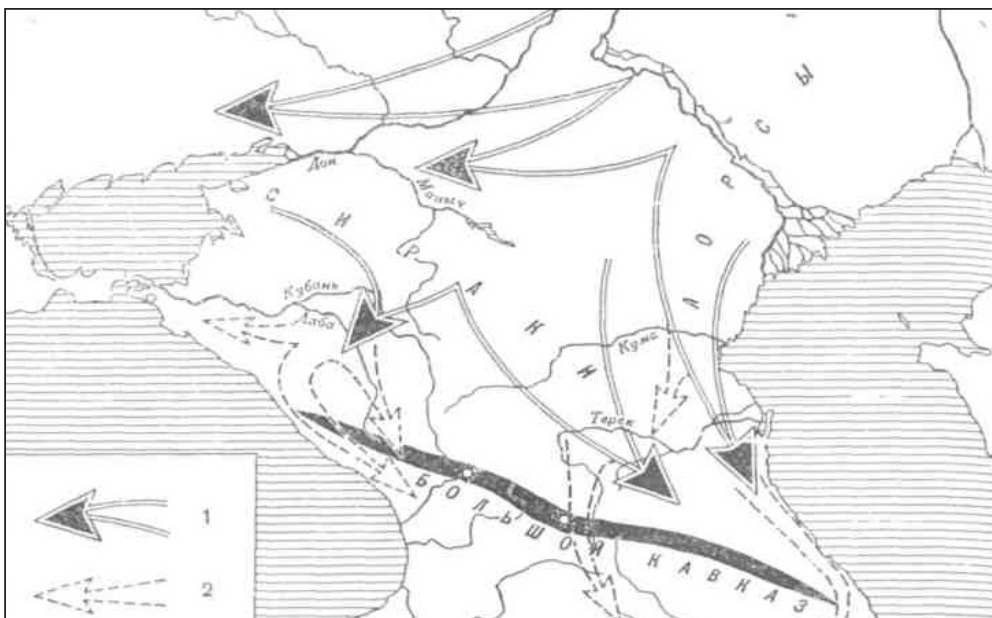

Рис. 2. Карта сарматских передвижений на Северном Кавказе.

но, что в названии реки отразилось представление ираноязычных сираков о границе своих владений в Закубанье. Последние охватывали районы восточнее Лабы. Здесь сираки оставили богатую зубовско-воздвиженскую группу сиракских курганов III–II вв. до н.э. — II в. н.э. Отсюда распространяется все усиливающееся сарматское влияние на соседние меотские племена Среднего Прикубанья (рис. 1)¹⁹. Одновременно сами сираки, находясь в далеко не дружественных отношениях с новыми, потеснившими их сарматскими союзами племен и столкнувшись с более развитой материальной культурой меотов, восприняли ряд важнейших черт культуры своих прикубанских соседей.

По-другому сложились дела на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Еще в савроматскую эпоху кочевники были достаточно осведомлены об этой обширной территории с ее многочисленным, но разрозненным и разобщенным населением²⁰. Сюда и направили сираки — прямые потомки и последователи савроматов — свой основной удар (рис. 2).

С конца IV — начала III в. до н.э. прекращается жизнь на большинстве основных и крупнейших неукрепленных поселений скифской эпохи на Северо-Восточном Кавказе²¹. Начиная с III в. до н.э. в степной и предгорной полосе Центрального Предкавказья совершенно исчезают местные погребальные обряды и традиции (скорченность и неустойчивая ориентировка костяков в грунтовых ямах, заваленных булыжником и пр.), столь характерные для эпохи VI–IV вв. до н.э. Зато все пространство края вплоть до места слияния Терека и Сунжи на востоке и до лесистых предгорий на юге оказывается уже с рубежа IV–III вв. до н.э. прочно освоенным сираками. Курганные захоронения с западной ориентировкой костяков при типично сарматском обряде и с инвентарем, имеющим большое сходство с мангычско-прикубанскими сарматскими памятниками, густо заполняют бассейн Терека и Сунжи, иллюстрируя прочную и глубокую сарматизацию Северо-Восточного Кавказа. Местные племена едва ли не полностью растворились в среде пришельцев, и их памятники можно выделить лишь по незначительным элементам местной материальной культуры в обряде могил и сопровождающих покойника вещах (например, грунтовые захоронения Моздокского могильника, отдельные погребения в курганах у ст. Мекенской, Верхний Акбаш, гор. Грозного)²² (рис. 1).

Археологические материалы показывают, что сираки с III в. до н.э. расселяются в Предкавказье вплоть до лесистых предгорий. Территория, освоенная ими, — все степные районы Северного Кавказа — простирается от Лабы на западе до устья Сунжи на востоке²³.

Это подтверждает и Страбон. По его словам, сираки живут от Ахардея-Маныча и вплоть до Кавказских гор «до границ Иберии и Албании» (XI, 1, 6). При этом они «кажется, беглецы из среды живущих выше народов» (XI, 5, 1). Страбон называет предкавказские пространства «сиракскими равнина-

19 Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник... с. 207–210; Его же. Племена Прикубанья в сарматскую эпоху, с. 67.

20 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 19–35.

21 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 166.

22 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 61–70.

23 Там же, с. 138–151.

ми» (XI, 5, 1), утверждая факт их несомненного включения в сферу сиракского владычества.

Появление сираков уже в III в. до н. э. на северных границах Закавказских государств отразилось и в источниках, посвященных прошлому этих стран.

Во второй половине III в. до н.э. Аполлоний Родосский описывает поход аргонавтов, приводя, однако, древние сказания в соответствии с географическими и этнографическими представлениями своего времени. Весьма интересны строки, где греческие герои в обмен за золотое руно предлагают Ээту помощь в борьбе и «весьма враждебными савроматами» (Аргонавтика, III, 351–363), Упоминание савроматов тут едва ли случайно. Скорее оно отражает появление в эпоху Аполлония Родосского нового и сильного противника на северных границах Закавказья. Этим противником, по-видимому, были именно сираки (савроматы), освоившие в III в. до н.э. район между Лабой и Кубанью. Вспомним, что одним из вариантов пути скифов через Кавказ признана долина р. Белой и Белореченский перевал²⁴. Недавно Н.В. Анфимов указал, что скифы могли двигаться и по течению реки Большой Лабы, откуда перевальные пути ведут непосредственно в древнюю Колхиду²⁵. Конечно, и сираки, заселившие побережья Лабы, могли воспользоваться этими проторенными путями в Закавказье (рис. 2).

Подчинив себе равнинное Предкавказье, сираки, естественно, должны были узнать и другую, еще более известную дорогу в Закавказье — соврем. Дарьяльский проход (Кавказские, Сарматские ворота у античных авторов). Приведенное выше свидетельство Страбона и неоднократные пояснения у других писателей наглядно свидетельствуют о соприкосновении сираков с крупнейшим государством Кавказа — Иберией. Однако о времени и характере первого знакомства иберов и сарматов мы можем судить лишь предположительно. Сейчас положение изменилось. Изучение «Картлис цховреба» дало в руки сарматологов дополнительные материалы²⁶.

Согласно грузинской летописи, первоначальная резкая враждебность кочевников и кавказцев в самом скором времени (к середине III в. до н.э.) уступила место обычным соседским отношениям с взаимными выгодами для обеих сторон. «Картлис цховреба» приводит несколько ярких примеров союзнничества иберского царского дома и северных степняков.

Летопись относит установление тесных взаимоотношений с кочевниками ко времени правления первого иберского царя Фарнаваза (середина III в. до н.э.). Именно Фарнаваз не только положил начало использованию их дружин в своих интересах, но и породнился со степняками, отдав замуж за их вожда свою сестру («Картлис цховреба», 23–27).

Такая картина вполне вероятна, ибо осведомленный Страбон, описывая население горной части Иберии, утверждает, что они находились «в соседстве и в родстве с «сарматами»... и в случае тревоги набирают много десятков тысяч воинов из своей среды, так и из тех народов» (Страбон, XI, 3, 3).

Интересен и факт наличия среди имен первых «фарнавазианов» имен североиранского происхождения (Саурмаг, Хсефарнуг, Радамист и др.). Особенно показательно имя Саурмаг (иберский царь конца III – начала II в. до н.э.), неслучайно, видимо, данное наследнику Фарнаваза в период установления тесных связей Иберии и ее царского дома с сарматами. Ведущие лингвисты видят в имени Саурмаг вариант этнонима «савромат»²⁷.

В дальнейшем (последние столетия до н.э.) между сираками и Иберией сохранялись в целом союзннические отношения («Картлис цховреба», 25–27; Страбон, XI, 3, 3), хотя порой они нарушались как выступлениями самих сарматов (Страбон, XI, 4, 4), так и нападениями союзных в это время сиракам горских племен Центрального Кавказа, предков совр. вейнахских народов («Картлис цховреба», 28; Плиний, Естественная история, VI, 30) (рис. 2).

Между прочим, это стремление к союзу было взаимным. Закавказское направление сиракских интересов объяснялось не только большой выгодностью и прибыльностью с точки зрения общества «военной демократии» участия в закавказских делах. За ним скрывалось отчасти и нелегкое положение сираков в Предкавказье.

При отступлении сираков на юг, в Предкавказье, вслед за ними и тесня их, туда же устремились аорсы. Однако их волна затронула лишь самые восточные (прикаспийские) районы. Аорсы в III–II вв. до н.э. достигли предгорий Дагестана, вступив здесь в тесное соприкосновение с местными племенами, что отлично иллюстрируется археологическими и письменными источниками (рис. 2)²⁸.

24 Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // ВССА, с. 191–198.

25 Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани, с. 12.

26 Меликишвили Г.А. Ук. соч., с. 86 сл. Анализ конкретных сообщений «Картлис цховреба» о данной эпохе см. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 130–173. (Я пользовался переводом «Картлис цховреба», выполненным научным сотрудником Ленинградского отделения Института народов Азии С.С. Какабадзе по поручению ЧИНИИ; перевод анонимно опубликован в брошюре А.И. Шавхелишвили «Из истории взаимосвязей грузинского и чечено-ингушского народов». Грозный, 1963).

27 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М., 1949, с. 86; Zgusta L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

28 Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки // МИД, 1951; Его же. Вопросы изучения сарматских племен и

По свидетельству Страбона, аорсы владели большей частью Каспийского побережья и держали в своих руках караванный торговый путь, шедший из Передней Азии и Закавказья в степи Поволжья и Приуралья (Страбон, XI, 5, 8). Следовательно, аорсы с севера и востока окружали сираков, запирая их в предкавказских степях (рис. 1). То же утверждает и Плиний. Это обстоятельство должно предполагать враждебные отношения между сираками и их гонителями аорсами.

Археологические памятники Предкавказья подтверждают эту мысль. Сираки сохранили погребальные традиции савроматской эпохи и не восприняли погребальных обрядов прохоровской культуры. Сираки как бы изолированы от тесных взаимосвязей с другими сарматскими племенами. Напротив, в сиракских памятниках налицо обилие синдо-меотских черт в материальной культуре. Особенности погребального ритуала, типы оружия, конской сбруи, украшений, керамики и пр. свидетельствуют об интенсивных общениях сираков со своими прикубанскими соседями — меотскими племенами.

Тесное общение с земледельческими меотскими племенами и населением предгорий Кавказа привело к тому, что кочевники, попав в земледельческие районы, частично переходят к оседлости. Это определило в последних веках до н.э. и появление большого количества новых поселений.

Страбон отмечает, что «одни из них (сарматов. — *Авт.*) кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием». Тацит оставил описание главного города сираков Успы. Столица сираков, судя по этому рассказу, была расположена на возвышенности и укреплена рвами и стеной из плетней с насыпанной между ними землей (Тацит, *Анналы*, 15 18). Н.В. Анфимов отмечает, что такая конструкция была, по-видимому, характерна для всех городищ Прикубанья. Однако в общей огромной массе прикубанских укрепленных поселений исследователь выделяет группу закубанских городищ и в частности городища по левобережью Лабы. Они отличаются от меотских городищ небольшими размерами, отсутствием особо укрепленной части («цитадели») и мощных оборонительных сооружений, небольшим культурным слоем. Все эти признаки позволили Н.В. Анфимову считать закубанские городища памятниками кочевников, еще не перешедших к окончательной, прочной оседлости²⁹. Если учесть, что закубанские районы восточнее Лабы с III в. до н.э. освоены сираками, станет очевидным, что эти городища могли быть укреплениями сираков в районе их границы с меотами Среднего Прикубанья.

Весьма интересно, что по левобережью среднего течения Терека известны укрепления, весьма близкие закубанским. В отличие от всех остальных (более поздних) городищ Северо-Восточного Кавказа они очень невелики по площади, лишены цитадели, укреплены лишь одной линией рва и, как правило, находятся в пределах видимой связи друг с другом. Скучный пока подъемный материал с этих укреплений принес керамику сарматских типов последних веков до н.э.³⁰ Городища по Тереку расположены на территории, с III в. до н.э. захваченной сираками.

Оставляя окончательное решение вопроса будущему, можно выдвинуть гипотезу о том, что укрепления по Тереку³¹, так же как и закубанско-лабинские городища и «города» типа Успы в приазовско-манычском районе, — это поселения сираков. В создании некоторых из них, по-видимому, принимало участие и местное покоренное население.

Городища по Тереку можно рассматривать как свидетельство враждебности сирако-аорских взаимоотношений, ибо очевидна их направленность против степных пространств Северо-Западного Прикаспия, завоеванных аорсами³².

Тезис о постоянных враждебных взаимоотношениях сираков и аорсов в последние века до н.э. находит подтверждение и в письменных источниках. Об этом прежде всего говорят древние авторы, четко разграничивая две племенные группы сарматов на Северном Кавказе. Противопоставление и сравнение военных сил царей сираков и аорсов в середине I в. до н.э. также указывает на независимое и отнюдь не дружелюбное сосуществование сильных союзов племен (Страбон, XI, 5, 8).

Недавно В.И. Абаев разобрал некоторые из нартских сказаний³³. Отраженные в них сармато-боспорские отношения позволяют судить о том, что сарматам случается обращаться к боспорскому царю в своих междоусобных распрях; боспорский царь охотно помогает одной группе сарматов в ее войне против другой. Возможно, что данные мотивы родились в нартском эпосе именно под влиянием сложных сирако-аорских взаимоотношений.

И все-таки в последних столетиях до н.э. сираки сохраняют status quo и прочно закрепляются на

их культуры в советской археологии // ВССА.

29 Анфимов Н.В. Ук. соч., с. 32–35.

30 Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИ, I. Грозный, 1938, с. 3–8.

31 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 122–124.

32 К последним векам до н.э. можно отнести и два укрепления в низовьях Сунжи. Они как бы продолжают притеречную линию и дают в подъемном материале керамику, тождественную ранне- и среднесарматским образцам. Правда, о первоначальных фортификационных особенностях судить трудно, так как в первых веках н.э. эти городища подверглись перестройке аланами.

33 Абаев В.И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний // СА, XXVIII, 1958, с. 54–61.

освоенных землях Предкавказья. Добрососедские отношения с меотами, укрепление пограничных с аорсами районов городищами, мир с горцами Центрального Кавказа — союзниками и помощниками сираков в закавказских походах — способствовали определенным и большим успехам сираков в военно-политических предприятиях на Кавказе. Конечно, нечего было и думать о наступательной борьбе против аорсов и союзных им племен сарматов. Тут оставалась одна возможность — обороняться. Но тем активнее действуют сираки в предкавказских районах своих владений. Создается впечатление, что наибольшие успехи в этом направлении падают на рубеж новой эры (II—I вв. до н.э. — первой половины I в. н.э.).

K I в. до н.э. влияние сарматской культуры в меотских памятниках настолько усиливается, что дает исследователям право предполагать включение некоторых меотских племен Среднего Прикубанья в возглавляемый сираками союз³⁴.

Подобный вывод вполне согласуется с данными археологии. В Среднем Прикубанье все увеличивается число исследованных могильников (к известным ранее Усть-Лабинскому, Пашковскому, Краснодарскому и другим могильникам прибавились, например, Тахтамукаевский, Ясеновая поляна и др.), оставленных несомненно местным меотским населением, испытавшим значительное воздействие сарматской культуры³⁵. В свою очередь сармато-сиракские памятники этого района несут в себе явные элементы культуры меотских племен, что свидетельствует о тесных, двусторонних и несомненно дружественных взаимоотношениях между обеими этническими группами.

Очевидно, сиракский союз племен в последних веках до н.э. уже теряет свой первоначальный чисто сарматский характер и все более становится смешанным сармато-меотским племенным объединением, в котором, однако, главенствующую роль сохраняют сираки.

Резкое усиление сиракского союза и сарматского влияния в Прикубанье отразилось, по-видимому, и в распространении иранской топонимики не только в районах восточнее Лабы (где ее значительно больше), но и в нижнем Закубанье вплоть до Черноморского побережья³⁶. В.А. Кузнецов ретроспективным путем пришел к выводу, что данная топонимика не может быть поставлена в связь с миграционной волной алан, но скорее всего происходит от сираков³⁷. С этим следует согласиться, учитывая долгое пребывание и господство сираков в районах Закубанья и их походы в Закавказье по побережью Черного моря.

К эпохе сиракской гегемонии следует, очевидно, относить и возникновение дигорского диалекта осетинского языка, распространявшегося некогда, как утверждает В.А. Кузнецов, и на Верхнее Прикубанье³⁸. Именно дигорскому диалекту близка упомянутая только что топонимика³⁹. В.И. Абаев считает дигорский диалект древнее иронского и видит причину этого в том, что иранская иммиграция на Кавказ совершилась двумя волнами, из которых первая, более ранняя, и есть «дигорская», а вторая, позднейшая — «иронская»⁴⁰.

В другом случае, говоря о древних осетино-вейнахских лексических параллелях, В.И. Абаев отмечает, что ряд сходжений ведет от чеченского языка прямо к осетинскому, минуя ингушский. Мало того, некоторые из этих сходжений связывают чеченский с западным, более архаичным дигорским, диалектом осетинского языка, минуя иронский. Эти факты, по мнению ученого, «отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей»⁴¹.

Сейчас можно думать, что история все-таки засвидетельствовала древнюю картину появления «дигорского» диалекта и условий, в которых произошло его непосредственное воздействие не только на автохтонные племена Северо-Западного Кавказа, но и на языки кавказских этнических групп (чеченцев, ингушей), ныне удаленных от современных дигорцев и отделенных от них носителями «иронского» диалекта. Этот процесс, очевидно, связан с историей сиракских ираноязычных племен, которые закрепились в Центральном Предкавказье более чем на 500 лет раньше, нежели совершилась мощная миграция ираноязычных алан (IV–V вв. н.э.).

Этот экскурс в область лингвистики подкрепляет правомерность представлений о глубоких и тесных взаимоотношениях сираков и аборигенных племен на рубеже н. э. и о ведущем положении сираков в ряде областей Прикубанья и Центрального Предкавказья.

34 Анфимов Н.В. Ук. соч., с. 87.

35 Дитлер П.А. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. II, Майкоп, 1961, с. 129 сл.; Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник; Там же, с. 188–203.

36 Броневский С. Новейшие известия о Кавказе. I. М., 1823, с. 144, 293–295; Миллер В.Ф. Осетинские этюды. III. М., 1881–1887, с. 8–9; Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, с. 285, 310–311.

37 Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106, 1962, с. 69–72.

38 Кузнецов В.А. Ук. соч., с. 70–72. 118.

39 Миллер В.Ф. Ук. соч., с. 8–10; Абаев В.И. Ук. соч., с. 46, 301–302.

40 Абаев В.И. Ук. соч., с. 362.

41 Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Изв. ЧИНИИ. №1, 2. Грозный, 1959, с. 89.

Возросшие к началу н.э. мощь и влияние сираков на Северо-Западном Кавказе отразились и в интенсивной «сарматизации» Боспора, а также, возможно, и еще в одном факте. На рубеже н.э. на Боспоре пришла к власти новая династия, связь которой с местными сарматскими элементами общепризнана⁴². Очевидно, именно представители сиракской знати положили начало новой царской фамилии на Боспоре. Таковы некоторые свидетельства укрепления положения сираков на Северо-Западном Кавказе к рубежу н.э. Они в полной мере согласуются с теми сведениями, которые мы имеем для восточной (Терско-Сунженской) периферии сиракского объединения.

Здесь усиление сиракского союза сказалось прежде всего на взаимоотношениях с Иберией. Степняки перестают быть простыми поставщиками военных отрядов для царского дома фарнавазианов и переходят к более самостоятельной роли в исторических судьбах Закавказья.

Именно к последним столетиям до н. э. относится несколько упоминаний о стычках сарматов и союзных им горцев с иберами (Страбон, XI, 4, 5; Плиний, VI, 30; «Картлис цховреба», 28). Это приводит к укреплению Дарьяльского прохода дополнительными фортификационными сооружениями («Картлици цховреба», 28), построенными с целью «препятствовать прохождению бесчисленных племен» (Плиний, VI, 30). Военно-политическая активность сираков побуждает иберских правителей искать в них союзников и всячески укреплять взаимные контакты, в особенности учитывая бурное развитие молодого армянского государства, своего будущего постоянного соперника в Закавказье.

Разумеется, военные походы и политические союзы не были единственной формой сношений древних народов. Между племенами сиракского объединения и населением соседних стран велась постоянно возрастающая торговля. Весьма тесные активные торговые и культурные связи сираков с Боспорским царством зафиксированы во многих археологических и исторических памятниках. Карта находок импортных предметов в предгорных и горных районах показывает, что торговые пути на юг совпадали с военными дорогами через Кавказский хребет. Об этом говорят и письменные источники. Так например, Страбон совершенно определенно называет Дарьяльское ущелье одной из основных торговых артерий, связывающей Северный Кавказ с Иберией и Закавказским Черноморским побережьем. Этой дорогой, вероятно, и являлись в Диоскуриаду для торговли многочисленные представители северокавказских племен, о которых упоминает все тот же Страбон.

Разнообразные двусторонние связи сираков с Боспорским царством, меотскими племенами, Иберией и др. во многом определили на рубеже н.э. процветание сиракского союза племен (рис. 1). Однако этот апогей сиракского могущества длился весьма недолго. Во второй четверти I в. н.э. происходят события, явившиеся логическим завершением многовековой борьбы сираков с аорсами и другими сарматскими племенами.

Предвестником их становится постепенное проникновение в Прикубанье с I в. до н.э. (скорее всего со стороны Боспора и Танаиса) отдельных групп сарматов с задонско-волжскими чертами погребального обряда. По-видимому аорсы и дружественные им сарматские племена начали проникать в Прикубанье, создавая напряженность и на крайних западных границах сиракского союза.

Однако решительные схватки произошли несколько позднее.

Описывая события 35 г. н.э. в Закавказье, Тацит рассказывает: «...С другой стороны, Фарасман (царь Иберии. — *Авт.*) присоединяет... сарматов, скептухи которых, получив дары с обеих сторон, по обычаю своего народа помогали и тем и другим. Но иберы, владея местностью, быстро впускают сарматов Каспийской дорогой (в данном случае Дарьяльский проход. — *Авт.*) против армений, а те, которые шли на помощь парфянам, были останавливаемы без труда, так как неприятель запер другие проходы, а единственный, оставшийся между морем и концом Албанских гор (Дербентский. — *Авт.*) был непроходим в летнее время»⁴³.

Северокавказские сарматские племена являются здесь союзниками обеих враждующих сторон (и иберов и армяно-парфян). В рассказе Тацита в данном случае сарматы Северного Кавказа выступают как единое этническое целое. Однако из текста видно, что это не так. На помощь иберам пришли скептухи тех сарматов, что жили в центральной части Предкавказья у Дарьяльского прохода, т.е. сираков. Кочевники же, на-селявшие прикаспийские районы, не смогли воспользоваться Дербентским проходом. И если мы вспомним, что, по свидетельству Страбона, аорсы торговали с армянами и мидянами и как раз через Дербентский проход и что несколько севернее Дербентского прохода Плиний локализует «утидорсов» (сильно сарматизованное аорсами албанское племя), — станет ясно, что именно аорсы должны были прийти на помощь противникам Иберии.

В этих важных событиях сираки и аорсы вновь выступают как противостоящие силы. Они — пос-

42 Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 221; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956, с. 493.

43 Тацит, *Анналы*, VI, 33.

тоянные враги. Застарелая вражда вылилась, наконец, в кратковременную, но опустошительную войну 49 г. н.э. Тацит подробно описал ее.

Против сираков, поддерживающих изгнанного боспорского царя Митридата, выступили римские легионы и аорские конные орды. Сираки во главе с их царем Зорсином разгромлены наголову. Взяты и разрушены укрепленные «города» в Прикубанье. Пала залитая кровью столица сираков — «Успа». «Избиением успийцев был внушен страх остальным, которые уже ни в чем не видели безопасности, коль скоро сила оружия, укрепления, загражденные или возвышенные местности, реки и города не останавливают победителей» (Тацит, *Анналы*, XII, 15–18). Естественно допустить, что война затронула и восточную периферию сиракских владений (Терско-Сунженское междуречье). Возможно, и здесь сиракские городища подверглись нападению аорсов.

Потеря сираками гегемонии над Терско-Сунженским междуречьем и некоторыми прикубанскими районами археологически подтверждается тем, что с I в. н. э. на смену исключительно единому сиракскому обряду захоронения в этих местах приходит пестрота и разнообразие похоронных ритуалов. Катакомбные, диагональные и подбойные могилы, впускные в курганы захоронения с южной ориентировкой костяков находят аналогии в Поволжско-Прикаспийских степях. Все это не оставляет сомнений в значительном приливе сарматов на Северный Кавказ из задонско-волжских степей⁴⁴.

В результате победы северокаспийских сарматов и последовавшего за ней передвижения должны были появиться в Предкавказье и аланы. Они, по-видимому, оказались здесь после сирако-аорской войны 49 г. как часть аорской племенной конфедерации и как противники сираков. Приход алан и захват ими большей части сиракских владений произошел, наверное, при прямой поддержке североприкаспийских сарматских орд (аорсов, роксолан и др.)⁴⁵. И хотя этот захват не повлек за собой полного истребления сираков, и, судя по погребальным памятникам, они продолжали жить вместе и рядом с аланами, все же ясно, что могущество сиракского союза подорвано навсегда.

В письменных античных источниках исчезают упоминания сираков, сохранивших остатки своего союза лишь на ограниченной территории восточнее Прикубанья (рис. 1). Сираки еще пытаются напомнить о своей былой славе, тревожа Боспор нападениями. Однако Савромат II увековечил в надписи 193 г. факт полного разгрома «сираков»⁴⁶. И это, пожалуй, последнее упоминание сираков, связанное с конкретным историческим событием.

Боспорское царство ищет дружбы и союза с новыми сильными завоевателями — аланами. Последние «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13). Сиракский союз племен перестал существовать. Уже первый натиск кочевников на рубеже IV–III вв. до н. э. из Приманычья на Северный Кавказ подразумевал, вполне естественно, движение не одного, а нескольких племен, прежде состоявших в обширном и многоплеменном⁴⁷ савроматском нижневолжском союзе и теперь принявших собирательное имя по названию наиболее значимого среди них племени — сираков. Стремительный захват степных просторов Центрального Предкавказья вплоть до р. Сунжи на востоке и интенсивное проникновение в Прикубанье влекли за собой подчинение, вытеснение или истребление многих местных племен. В этом кроется одна из причин объединения пришлых племен кочевников вокруг ведущего племени. О подобной ситуации Ф. Энгельс пишет: «Так как территория эта была ими недавно завоевана, то совместные действия этих племен, против племен, вытесненных ими, стали естественным явлением, вошедшим в обычай»⁴⁸.

Одновременно установление непосредственных и тесных торгово-меновых и политических контактов с рабовладельческими Боспорским и Иберским царствами способствовало дальнейшему распаду старых родовых связей, развитию строя «военной демократии», усилению всаднической аристократии. Это в свою очередь вело к неуклонному росту социальной дифференциации, к проникновению рабовладения и работорговли в среду сиракских сарматских племен.

44 Смирнов К.Ф. Вопросы изучения..., с. 208.

45 В своей кандидатской диссертации Ю.С. Гаглов утверждает, что «этнической основой северокавказских алан явились сираки и аорсы» и что аланы появились на Северном Кавказе задолго до начала н.э. в лице названных племен (Гаглов Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин: Автореф. канд. дис. ... Тбилиси, 1964, с. 15–17). Допуская генетическую связь алан с аорсами (но отнюдь не их полное тождество), вывод историка относительно «сиракских корней» алан принять нельзя, так как данные археологии (которые, кстати, совершенно игнорирует Ю.С. Гаглов) в сочетании с письменными и лингвистическими свидетельствами противоречат ему, со всей несомненностью подтверждая различие сираков и алан и их исторических судеб (см. Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК, XLVI, 1952, с. 14–17; Smirnov K. Repartition des tribus..., с. 3–4; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 93–105, 138–174).

46 IOSPE, I, №423.

47 Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов, с. 16.

48 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 95.

Постоянно ощущаемый натиск соседних враждебных сарматских групп привел к стремлению обезопасить свои владения и богатства пограничными городищами и укреплениями.

Во время своего расцвета (II—I вв. до н.э. — первой половины I в. н.э.) сиракский союз включал в себя не только сарматские племена, но и значительные контингенты аборигенного населения Прикубанья и Центрального Предкавказья. Это был типичный союз эпохи военной демократии, характерные черты которого описаны Ф. Энгельсом.

Походы в Закавказье, участие в политической жизни Боспора обеспечивали бурный приток богатств в руки всаднической верхушки союза. Античные авторы упоминают сиракских царей (Абеак, Зорсин). Это военачальники, стоящие во главе своего союза племен и опирающиеся на всадническую аристократию и тяжеловооруженные конные дружины. Знаменитый Ставропольский клад, захоронения у с. Кулары и Алды, погребения зубовско-воздвиженской группы дают нам представление о вооружении и снаряжении сиракской верхушки: золотые и серебряные фалары, бляхи и фибулы высокохудожественной работы, массивные золотые украшения, железные кольчуги и пластинчатые панцири, шлемы, тяжелые длинные копья и мечи и пр. Наряду с богатыми могилами знати известны рядовые захоронения воинов, а также бедные, лишенные инвентаря погребения. Последние могут принадлежать рабам, так как рабство у сираков уже существовало. Подтверждение этому мы можем найти в рассказе Тацита об осаде сиракской столицы Успы. И хотя цифра успийских рабов (10 000) явно преувеличена, она все же в какой-то мере отражает факт наличия рабов и работорговли у сираков.

Очевидно, сиракский племенной союз уже нес в себе зачатки государственной организации, превратившиеся в органы для проведения грабежа и угнетения соседей, в органы господства и эксплуатации, направленные против рядовых членов как сарматских, так и местных племен союза. Но дальнейшее продвижение сиракского объединения по пути от «варварства» к «цивилизации» (Энгельс) было прервано победой соседнего более сильного сарматского союза аорсов. Сиракское объединение разгромлено. Оно потеряло большую часть владений (рис. 1). А вскоре (не позже рубежа II–III вв. н.э.) и оставшиеся сиракские племена оказались включенными в мощную аланскую конфедерацию; часть сираков, перешедших к оседлости и слившихся с меотами, была последними ассимилирована.

Свыше 500 лет (IV–III вв. до н.э. — II–III вв. н.э.) сиракские сарматские племена и союз под их главенством играли видную роль в прошлом юга нашей родины. Однако многие проблемы, связанные с историей этого крупного объединения сарматских и северокавказских племен, остаются еще невыясненными. Во многом это объясняется недостаточной изученностью археологических памятников на территории сиракского союза. Кроме того, и все остальные виды источников (письменные, фольклорные, лингвистические, антропологические и пр.) еще далеки от полной разработки, а многие даже не выявлены.

Требуется окончательного решения вопрос о генетических связях сиракских племен и их месте в обширном сарматском мире.

Важным для сарматской истории, а еще более для истории Кавказа, является глубокое уяснение сложного процесса сарматизации сираками аборигенного населения, вошедшего в состав их союза, и обратного влияния этих последних на сарматов; отношения с соседними племенами Кавказа и античными городами Причерноморья; взаимовлияния и взаимообогащения материальной культуры степняков и кавказцев.

Нуждаются в дальнейшей разработке (и не только на базе письменных источников, но и на археологическом, топонимическом и прочем материале) вопросы участия сираков в исторических судьбах Закавказья и пребывания их там.

Пока что невозможно создание сколько-нибудь полного социально-экономического очерка племен сиракского союза, за исключением немногих наблюдений, сделанных выше.

Наконец, далеко не ясно то место, которое заняли племена союза в происхождении, культуре и раннесредневековой истории народов Кавказа, хотя очевидно их участие, с одной стороны, в создании общей для Северного Кавказа и Подонья так называемой аланской культуры I тысячелетия н.э.⁴⁹ и, с другой, — в формировании будущих адыгских народностей Северо-Западного Кавказа⁵⁰.

Впервые опубликовано: Советская археология, 1965. № 1. С. 108–121.

49 Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, с. 18.

50 Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА, XXVIII. 1958, с. 71.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ АХАРДЕЯ И СИРАКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН (по письменным источникам)

В последнее время определилась тенденция к пересмотру прежних взглядов о сираках на Северном Кавказе¹. Инициатива принадлежит И. С. Каменецкому, взявшему под сомнение устоявшееся мнение о локализации Ахардея, сиракского союза, об отождествлении с сираками археологических памятников и предложившему свою точку зрения по этому вопросу. Результаты изысканий на этот счет были изложены И. С. Каменецким в краткой публикации и подробно — в его кандидатской диссертации². Новое мнение показалось интересным и побудило некоторых исследователей поддержать его³. В трактовке ряда важных вопросов истории сираков к И. С. Каменецкому приближается и Ю.С. Гаглоев, преувеличивающий роль аорсов в Предкавказье в ущерб сиракам⁴.

Все это побуждает возвратиться к вопросу о сираках на базе объективного и по возможности полного рассмотрения соответствующих источников. Локализация Ахардея, сираков, их племенного союза, проблема выделения сиракских археологических памятников важны не сами по себе. От правильности их решения зависит трактовка многих чисто исторических вопросов, имеющих большое значение для исследования сарматских племен Предкавказья и Подонья, а также для изучения древней истории местного населения Северного Кавказа.

Начну с определения местонахождения реки, упомянутой Страбоном в двух вариантах названия — Мермадаль и Мермод (Страбон, XI, V, 1, 2). Мнение И. С. Каменецкого о существовании двух различных и даже якобы противопоставляемых друг другу рек, текущих по разные стороны Кавказского хребта (Мермадаля и Мермода), является заблуждением, ибо в рассказе Страбона противопоставляются отнюдь не описания рек, но две точки зрения людей, «прекрасно знакомых с этими местами», на конкретную локализацию амазонок на Северном Кавказе⁵.

Начинает Страбон с констатации («В горах над Албанией, по рассказам, живут амазонки...»), одинаково приемлемой, очевидно, для обеих точек зрения. Далее следуют уточнения. По свидетельству Феофана Митиленского, «между амазонками и албанами живут... племена гелов и легов и... там течет река Мермадаль между этими племенами и амазонками...». По мнению Метродора Скепсийского и Гипсикрата, «амазонки живут рядом с гаргареями, на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими...». Затем в «Географии» приводятся сведения о взаимоотношениях гаргареев и амазонок, а потом, как бы подводя итог спорам о местонахождении амазонок и приступая к критическому разбору сказаний о них, Страбон резюмирует: «Река Мермод, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок Сиракену и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду».

Реальны ли этно-географические ориентиры в рассказе Страбона и достаточны ли они для твердой локализации Мермода — Мермадаля? Очевидно, да. «Горы над Албанией», обитающие в них, по словам Феофана, гелы и леги — дагестанские горские племена⁶, река, отделяющая их от амазонок (мифического племени, со времени Эхсила помещаемого в Предкавказских степях), и другие детали — ни что иное, как довольно компетентное описание территории Дагестана, и с этим спорить невозможно. Но ведь и оппоненты Феофана (Метродор и Гипсикрат) повествуют тоже о Северо-Восточном Кавказе. И дело тут не только в том, что Керавнские горы — это восточные отроги Кавказа и северная граница Албании в понимании самого Страбона (XI, IV, I) и его современников. Давно уже бытующая в среде историков (Л.А. Ельницкий, И.М. Дьяконов, В.Н. Гамрекли, Ю.С. Гаглоев) и впервые недавно солидно аргументированная Е.И. Крупновым археологическими и лингвистическими данными гипотеза о принадлежности гаргареев к предкам современных вейнахов (чеченцев и ингушей)⁷ ныне под-

1 См., например, Смирнов К.Ф. Основные пути развития меотосарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК, XLVI, 1952; Его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА, М., 1954; Его же. Савроматы. М., 1964; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

2 Каменецкий И. С. Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (тезисы докладов). Баку, 1965, с. 99; Его же. Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 5, 10–12.

3 См. Кузнецов В.А., рец. на кн. «Сарматы Северо-Восточного Кавказа» // СА, 1964, 4, с. 234.

4 Гаглоев Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Изв. ЮОНИИ, XII, Цхинвал, 1964, с. 28, 39–42; Его же. Аланы и вопросы этногенеза осетин: автореф. канд. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1964.

5 Небольшая разница фонетического оформления гидронима легко объясняется различными источниками о нем, которые называет сам Страбон (Феофан Митиленский, Метродор Скепсийский и Гипсикрат).

6 Халатьян Г. Армянские Аршакиды, I. М., 1903, с. 264; Лавров Л.И. Лезгины // Народы Дагестана. М., 1955, с. 102; Очерки истории Дагестана, I. Махачкала, 1957, с. 23; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 47 сл.; Народы Кавказа, I. М., 1960, с. 487, 503 сл.

7 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 69–75.

крепляется новыми вескими материалами языка⁸, топонимики, фольклора и историческими свидетельствами⁹. Следовательно, в обоих случаях описание района обитания амазонок и реки в их земле (Мермода — Мермадаль) этно-географические реалии приводят нас на Северо-Восточный Кавказ, где и надлежит искать реку, «с шумом низвергающуюся с гор» и протекающую через земли гаргареев и амазонок, мимо логов и гелов, севернее Албании, в области Керавнских гор. Такой рекой может быть только Терек — крупнейшая река Северного Кавказа, о которой не могли не знать самые осведомленные из античных авторов.

Слухи об обитании амазонок то в Малой Азии, то на Северном Кавказе, а также, по-видимому, некоторое сходство звучания названий рек Мермадаль и Термодонт породили в античных источниках путаницу по поводу локализации самих объектов. Так, Клитарх (IV в. до н. э.) утверждал, что легендарная царица амазонок Фалестрия появилась у Александра Македонского «От Каспийских ворот и Термодонта», по поводу чего Страбон, знающий более правильное название Терека (Мермод), недоумевал, ибо «от Каспийского моря до Териодонта более шести тысяч стадий» (XI, V, 4). Между тем противоречие исчезнет, если согласиться, что Клитарх говорил именно о Тереке и Дербентском проходе. И, наконец, еще одно свидетельство в пользу наших построений. Плутарх (нач. II в. н. э.) пишет: «Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними живут еще гелы и леги. Амазонки проводят с ними ежегодно по два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта, а затем удаляются и живут сами по себе» (Плутарх. Помпеи, XXXV). Ясно, что перед нами вариант тех же сведений, что и у Страбона в рассказе об амазонках на Северном Кавказе. Только Плутарх отнес сведения Метродора и Гипсикрата о взаимоотношениях амазонок с гаргареями к гелам и легам, упомянутым Феофаном. И все это по-прежнему — Северо-Восточный Кавказ. И.С. Каменецкий, отвлекаясь от богатого содержания цитированных отрывков Страбона и не используя всей суммы данных античной письменной традиции, сосредоточивает свое внимание на единственном положении: Мермод у географа «впадает в Меотиду». Этого ему оказывается достаточным для уверенного отождествления Мермода с Кубанью на основании того, что на Северном Кавказе имеется только одна река, берущая начало в горах и впадающая в Азовское море, — это Кубань. Такое утверждение звучит веско, если только не вспомнить, что во времена Страбона современных географических карт не существовало и античным писателям было не на чем проверять свои географические выкладки, базировавшиеся порой, на более чем не-систематической и скромной информации, а иногда и просто на догадках.

«С шумом низвергается с гор» — эти слова приложимы к любой реке Кавказа, и тут не ошибешься. Но куда течет горная река, куда впадает, где истоки конкретных рек и как соотносятся они с известными устьями, впадающими, например, в знакомые авторам Меотиду и Понт, древним было абсолютно неясно, что можно проиллюстрировать десятками примеров и прежде всего пессимистическими рассуждениями на этот счет самого Страбона (XI, II, 2). И когда географ, вопреки всем собранным им и абсолютно достоверным данным о реке и населении ее берегов, заставляет Мермод впадать в Меотиду — его рукой водит традиция, которая даже спустя 700 лет побудила армянского географа писать: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Гиппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море»¹⁰. Современная карта не поможет поискам таких пяти рек, как не поможет она, например, и поискам реки Арины, текущей с Центрального Кавказа и впадающей в Волгу, а ведь именно этими ориентирами определил Терек осведомленный армянский географ VII в.¹¹ Стоит ли после этого удивляться «Меотийскому устью» Мермода-Терека в описании Страбона?

Таким образом, Мермод-Мермадаль, очевидно, вовсе не Кубань, а Терек. Не приходится говорить и о тождестве Мермода и Ахардея (как это делает И. С. Каменецкий), исходя лишь из сведений о координатах их истоков и устьев в сообщении Страбона.

Что мы знаем об Ахардее? «Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» (Страбон, XI, V, 8). И. С. Каменецкий полагает, что к географическим ориентирам Страбона подходит не Маныч, а только Кубань, ибо степные Манычи и сопутствующие им многочисленные озера не берут начала с Кавказских гор, а Западный Маныч впадает не в Азовское море, а в Дон. Столь заманчивая «очевидность» локализации Ахардея, исходя из формальных координат Страбона, привела и Ю. С. Гаглоева к отождествлению Ахардея с Кубанью¹². К данной точке зрения

8 Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 69 сл.

9 Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние сведения о местонахождении и названиях нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966, с. 64–70.

10 Патканов К. Из нового списка «Армянской географии», приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, ССXXVI. СПб., 1883, с. 29.

11 «За дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем» (там же, с. 30).

12 Гаглоев Ю.С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // Изв. ЮОНИИ, XI, Цхинвал, 1962, с. 155, 166; Его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Изв. ЮОНИИ, XIII. Цхинвал, 1964.

присоединился и В. А. Кузнецов, прежде придерживавшийся старой локализации Ахардея¹³. И вновь приходится отметить, что эти географические дефиниции, вполне очевидные на современном уровне знаний, отнюдь не обязательны для Страбона, жившего на рубеже двух эр.

Более чем лаконичное (и я бы сказал трафаретное) описание кавказской реки под названием Ахардей у Страбона само по себе указывает на недостаточное знакомство географа с объектом. Это описание лучше всего согласовывается с местонахождением Маныча, протекавшего в степных районах Восточного Приазовья, удаленных от сравнительно хорошо известных античным писателям (и самому Страбону) побережий Меотиды и Прикубанья. Между тем Маныч имеет основные притоки (Егорлык, Калаус и пр.) слева, и истоки их лежат далеко южнее, в предгорьях Кавказа. Например, основной приток Западного Маныча Егорлык берет начало у горы Стрижамент на Ставропольской возвышенности, всего в полутора десятках километров к востоку от верхнего течения Кубани.

Как видим, мнение Страбона о кавказском «происхождении» Ахардея несколько не противоречит ориентирам Маныча, если признать правомерным, что, зная о реке понаслышке, писатель принял за единое целое систему Маныч-Егорлык¹⁴. Нелишне напомнить, что в основу первых высказываний о тождестве Ахардея с Манычем (В. Томашек, П. Кретчмер, Е. Миннз, М. И. Ростовцев и др.) легло понимание Маныча как системы этой реки с кавказскими притоками (в первую очередь Егорлыком и, возможно, Калаусом)¹⁵. В последующих работах исследователи нередко ограничивались термином «Маныч» (Л.А. Мацулевич, К.Ф. Смирнов, Н.В. Анфимов, Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов и др.), хотя при этом подразумевался современный Маныч и его притоки. Всего этого не учел И.С. Каменецкий, что значительно ослабляет его позицию и снимает первое возражение в отождествлении Ахардея с Манычем.

На первый взгляд неотразим довод, что Маныч и впрямь не впадает непосредственно в Меотиду. Но ведь устье его, вливающееся в Танаис-Дон, отстоит всего на 60–70 км от Азовского моря, и, кроме того, соединившись с Доном, воды Маныча попадают все-таки в Меотиду. Следовательно, тут у Страбона не ошибка, а всего лишь небольшая неточность, легко к тому же объяснимая¹⁶.

Зато весь контекст отрывка определенно указывает на близкое соседство Ахардея и Танаиса и их прибрежного населения, столь близкое, что это может быть только Маныч и Дон. Рассказ Страбона начинается с горных вершин в центральной части Кавказа (примерно территория Чечено-Ингушетии), затем описываются предгорья, равнины, населенные кочевыми народами «набианами и панксанами, живущими между Меотидой и Каспийским морем, а затем, племена сираков и аорсов... Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею...». Как видим, повествование закономерно идет с юга на север, с гор на плоскость (с постоянно расширяющимся кругозором); наконец, севернее кочевников, «живущих между Меотидой и Каспийским морем», называются соседи — сираки и аорсы — на соседних же реках. По меньшей мере странно было бы искать у Страбона (вопреки очевидной последовательности рассказа) какой-то ничем не оправданный «скачок» на Кубань, далеко отстоящую и от Танаиса-Дона и от азимута северокавказской экскурсии Страбона, да к тому же и уже описанную прежде¹⁷.

Весьма важно, что у Плиния Старшего в его довольно запутанной этно- и топонимике Северо-Западного и Центрального Кавказа названа река Охарий. Комментаторы античных авторов (Томашек, Л.А. Ельницкий) уже давно и основательно отождествили Страбонов Ахардей и Охарий Плиния, посчитав тот и другой вариантами древнего наименования Маныча-Егорлыка¹⁸. И. С. Каменецкий, строя собственную гипотезу о тождестве Ахардея-Охария с Кубанью, видит в сообщении Плиния только один реальный атрибут — кавказские истоки Охария. Между прочим Плиний об этом прямо не говорит, хотя, по-видимому, подразумевает. Но, во-первых, как мы показали, Егорлык — главный приток Маныча — берет начало в Кавказских предгорьях, а во-вторых (и это куда важнее), у Плиния,

13 Кузнецов В.А. Ук. соч., с. 234.

14 До сего дня у местного населения большая часть Егорлыка называется Манычем.

15 Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913 (карта); RE, I, 2, 71; XVII, 2, 1767; II-A, 2, 3; II-A, 2, 1922 и т. д.

16 Вспомним тот спор, который шел во времена Страбона об истоках Танаиса (II, IV, 5–6; XI, II, 2) и на который не обратил внимания И.С. Каменецкий. Среди нескольких мнений было одно (его разделял и Феофан Митиленский), согласно которому «истоки этой реки находятся в Кавказских горах; течет она сначала на север, а после изгиба впадает в Меотиду». Сам Страбон не разделял этого взгляда по чисто интуитивным соображениям. Но коль скоро такое мнение бытовало (оно родилось в среде древнеионийских географов), мы должны признать, что его реальные корни нужно видеть не только в путанице Фазиса и Танаиса как границ Европы и Азии, но и в знакомстве с Манычем-Егорлыком, создающим впечатление появления Танаиса с Кавказа. Не случайно версия о «кавказском Танаисе» передана Страбоном в двух местах выражениями, весьма близкими характеристике Ахардея.

17 Интересно в этой связи внимательно рассмотреть весь маршрут описания Страбоном «первой части Азии» (XI, II–V). Здесь налицо строгая последовательность и круговая замкнутость пути, по которому ведет своего читателя географ. Схематически вехи маршрута таковы: Танаис — побережье Меотиды — Боспор — синдо-меотские районы Прикубанья — побережье Понта — Колхида (с краткой экскурсией по Кавказскому хребту на Восток) — Иберия — Албания — районы Северо-Восточного Кавказа (с экскурсией по хребту на запад) — степи, «лежащие между Меотидой и Каспийским морем», — и вновь Танаис, по соседству с которым упомянут и Ахардей. Нельзя игнорировать этой жесткой логики маршрута, не допускающей произвольных отклонений и не дающей права интерпретации части пути в отрыве от всего контекста. С этим нужно считаться при попытках локализации Ахардея.

18 RE, XVII, 2, 1767; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, 2, с. 295 (примеч.).

как и у Страбона, Охарий непосредственно соседствует в рассказе с Танаисом и в очень сходной ситуации. «По некоторым сведениям, река Охарий течет через земли кантиков и сапеев, а Танаис протекает через земли Сатархеев, Гертихеев». По другому переводу: «Танаис же перешли Сатархеи, Гертихеи...» (Плиний, Естественная история, VI, 22). Нельзя проходить мимо этой существенной черты сходства в описании Ахардея-Охария у Страбона и Плиния, и следует признать, что условию дважды отмеченного разными авторами близкого соседства Танаиса и Ахардея соответствует только Маныч-Егорлык, но никак не Кубань.

Я совершенно сознательно опускаю пока сведения о сираках и соотношении их территории с долинами разбираемых рек, анализируя сейчас чисто «географические» ориентиры рек. Очевидно, что этот анализ не дает данных в пользу отождествления Ахардея-Охария с Мермодом, а всех их вместе с Кубанью (именуемой у Страбона Антикитом и Гипанисом). И это понятно. Ведь иначе было бы неразрешимой загадкой, почему Страбон не знал на Северном Кавказе ни одной реки, кроме Кубани, которую он, якобы, описывал несколько раз без всякой взаимной связи и в совершенно различных контекстах, именуя к тому же в каждом новом случае и новым названием. Нет оснований подозревать географа в подобной несурзацие. Кроме Охария, И. С. Каменецкий привлек и еще два гидронима (Сехерий и Офар) из сочинения Плиния, сопоставив и отождествив их с названием Ахардей-Охарий. Убежден, что этого делать нельзя. Настораживает уже сам факт упоминания Плинием в нескольких строчках трех не столь уж фонетически близких разновидностей одного имени реки (Охарий, Сехерий, Офар). Кроме того, и сами построения И. С. Каменецкого далеко не безупречны.

Прежде всего — о названии Сехерий. Так именуется у Плиния одна из рек Северо-Западного Кавказа, впадающая в Понт (возможно Кубань). Но ведь известен и другой вариант гидронима (Сетерий — Setheries), и кажется не лишним оснований мнение, что здесь мы имеем испорченное Ψάτις (Псатий) в форме «Псетерий»¹⁹. Возможны, впрочем, и другие сопоставления²⁰, не выходящие из пределов Прикубанья. Наконец, внимательное сопоставление соответствующих отрывков Плиния («Естественная история», VI, 16, 17), Арриана («Объезд Эвксинского Понта», 27–29). Птолемея («Географическое руководство», V, 8, 8) и комментариев к ним наводит на мысль о весьма вероятном тождестве реки Сехерий у Плиния с рекой Психр (Ψυχρός) — «Холодная» у Птолемея и, возможно, рекой Псахапсий в перипле Анонимного автора, восходящем к сведениям Арриана²¹. Во всяком случае трудно оспаривать близость (если не идентичность) местонахождения этих рек у трех различных авторов и весьма большое сходство в фонетической передаче названий рек (особенно Сехерий, Психр, Псевхрос), различное звучание которых, вероятно, объясняется следствием искажения какого-то местного (меотского?) названия (адыгское «псы» — река, вода). Все сказанное не оставляет сомнений в сложности точной локализации Сехерия, хотя одно ясно — это припонтийская река Северо-Западного Кавказа. А сомнительное созвучие терминов Сехерий — Сетерий — Ахардей-Охарий — слишком малое основание для отождествления рек, за ними скрывающихся.

Теперь о гидрониме Офар. «С Катейских гор течет река Лагой (Lagoum), в которую впадает Офар» (Плиний, VI, 21). Я готов разделить вероятность новой мысли И.С. Каменецкого о том, что Офар, возможно, — Кубань, а Лагой весьма заманчиво связывать с современной Лабой²². Если это так, то прав И. С. Каменецкий и в перестановке: «Лагой впадает в Офар». Но при чем тут Охарий-Ахардей, упомянутый несколькими строками ниже и в ином контексте? Увязав гидроним Офар с Кубанью, незачем сопоставлять его с Ахардеем-Манычем. Мне кажется, что топонимия Прикубанья позволяет отстаивать именно прикубанское происхождение термина «Офар» в сочинении Плиния. Вспомним, что древнее сарматское название Кубани — Вардан («широкая река»). Оно передано Птолемеем в соответствии с нормами греческого языка как Οὐαρ-δαν-ης Не является ли плиниевский Офар лишь несколько искаженной первой знаменательной основой сарматского наименования Кубани («Вар» —

19 Латышев В.В. Ук. соч., с. 292. Пытаясь возразить отождествлению Сехерия-Сетерия с Псатом, И. С. Каменецкий акцентирует, что Псатий у Птолемея «локализован вполне определенно к северу от Кубани» и это якобы, не дает оснований для идентификации Сехерия и Псатия. Требуется внести поправку: у Птолемея Псатий назван между Атикитом и Варданом (двумя устьями Кубани) и сам является еще одним протоком этой реки, так же как, возможно, и Сехерий Плиния.

20 Например, Кретчмер сближал название Сехерий с термином «Sakir», известным для обозначения Кубани в «Арабской географии» Идриси (RE, II-A, 2, 1922). Любопытно и другое — один из правых притоков Фарса (приток Лабы) называется у адыгов Псефир, и нельзя не видеть фонетической близости этого термина древним гидронимам Seheries и Setheries, записанных, несомненно, с искажениями. В топонимии нередки случаи, что название всей реки или устья порой сохраняется за какой-то частью реки или ее притоком.

21 Армянский географ VII в., пользовавшийся «Географическим руководством» Птолемея как одним из основных источников, называет реку Псевхрос (Psychrus), которая «отделяет Босфор от тех мест (?), где находится городок Никопс» (К. Патканов. Ук. соч., с. 29), и это — вновь близкая аналогия, термину «Сехерия».

22 Хотя вообще-то Лагой может быть и вполне греческим названием реки, ибо λαγός — заяц (ср. в Прикубанье: Псекупс — по-адыгски «Кабанья река», Сагдан — по-алански «Оленья река»).

«широкая»), приведенной после записи на слух?²³ Решать этот вопрос должны лингвисты, но предложенная гипотеза по крайней мере объясняет факт, противоречащий рассуждениям И. С. Каменецкого: ведь у очень компетентного Птолемея, знакомого с традиционными именами кубанских протоков (Аттикит, Псатий), сообщившего иранское (сарматское) название Кубани (Вардан), осведомленного о целой цепи населенных пунктов по реке в глубь материка, вплоть до Сераки (Σεράκι), правильно локализованной еще Маннертом в районе поворота Кубани на юг, нет и намека на какой-либо термин, близкий названию Ахардей-Охарий. Совершенно ясно, что это еще один аргумент против отождествления Ахардея с Кубанью и в пользу локализации его далеко за пределами хорошо знакомого Птолемею Прикубанья.

В определении и местонахождении Ахардея определенную роль может сыграть выяснение этимологии названия реки. Б. Н. Граков любезно указал мне на фонетическую близость названия Ахардей (Αχαρδέος) греческому αχερδος — «живая колючая изгородь», отметив некоторые лингвистические трудности в полном сближении терминов. Если такая этимология возможна, то описательное название (река «живой колючей изгороди») подходит к обоим объектам спора (и к Манычу, и к Кубани). Воды Манычей окружены в ряде районов стеной высоких камышей (в древности, конечно, и кустарниками), а Кубань до сего дня в значительной части протекает среди камышей, кустарников и лесов.

Однако греческая версия не исключает поисков и иных путей в расшифровке названия. Ничего не предвещая, в порядке предварительной гипотезы, хотелось бы обратить внимание на вероятность сопоставления имени реки Ахардей с иранским (сарматским) словосочетанием Af-ard (Ap-art) «вода ard'a», т. е. вода клятвы, священная, магической силы, божества и пр. Опираясь на труды иранистов, можно привести лингвистические примеры (в топонимии, ономастике, религиозной терминологии) для подтверждения реальности подобного словосочетания у сарматов рубежа двух эр²⁴.

Не беря на себя смелость решения этого чисто лингвистического вопроса, скажу только: если Ахардей может быть искаженным сарматским термином Afard, то реку с таким названием надо скорее всего сопоставлять с Манычем, ибо Кубань у сарматов называлась Вардан («широкая река»), а два синхронных одноязычных названия для реки маловероятны. Предлагаемую этимологию можно подкрепить и исторически. Являясь естественной границей между сиракским и аорским племенными союзами (об этом ниже), степные Манычи могли получить наименование «воды ard'a», т. е. «воды божества, которым клянутся», так как оформление почти любых границ связано с договорами и клятвенными заверениями.

Иранское Afard (Apart) могло (как это и случалось не раз) претерпеть эллинизацию в устах греков, уподобившись греческому слову αχερδος, и тогда название реки было осмыслено эллинами, возможно, как «река живой изгороди». Сказанное выше — всего лишь гипотеза, но она как будто бы не противоречит всей сумме доступных мне данных.

Таким образом, анализ античных сведений о некоторых реках Северного Кавказа позволяет не согласиться с основными выводами И. С. Каменецкого и, вопреки им, утверждать, что: 1) Мермод-Мермадаль — это современный Терек; 2) Ахардей-Охарий — Маныч-Егорлык; 3) Сехерий и Офар — вероятнее всего, искаженные Плинием «местные» названия Кубани: первое — Ψάυς (хотя возможны и иные аналогии в древней меотской гидронимии), второе — Οὐαρ-δανης.

* * *

По мнению исследователей, основанному на отождествлении Ахардея и Мермода с Кубанью, сираки не достигали Западного Маныча на северо-востоке, а для помещения их в Центральном Предкавказье и еще восточнее (в междуречье Терека и Сунжи), якобы, и вообще нет оснований. В итоге сиракам отводится лишь небольшой участок в западной части северо-кавказских степей с выходом к Азовскому морю на участке Бейсугский лиман — устье Дона и с выходом к Кубани в среднем ее течении. Следовательно, западные границы сиракского союза не являются предметом спора²⁵. А вот в оценку северо-восточных и восточных границ необходимо внести ясность.

Выше показана правомерность давней точки зрения об Ахардее-Маныче (с Егорлыком и, возможно, другими притоками). «...Сираки (живут) по Ахардею», — пишет Страбон. А коль скоро Ахардей — это Маныч-Егорлык, то кажется просто невероятным (и ничем не объяснимым), чтобы в степ-

23 Не исключаются и другие версии. Например, крупнейшим притоком Лабы является Фарс (на языке сарматов — «сторона», «бок», «крайний»). Не является ли Офар искаженным упоминанием именно этой реки? Тогда Плиний прав, утверждая: «Офар впадает в Лагой». Томашек пытался объяснить названия прибрежных племен (офариты, кавтады и др.) из осетинского языка (RE, III, 2, 1814), и какими бы сомнительными не выглядели его этимологии, они, возможно, тоже указывают на иранский «прототип» плиниевского Офара.

24 См. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.: Л., 1949, с. 70, 71, 153–162, 195–201, 207 сл.

25 Виноградов В. Б. Сиракский союз племен... рис. 1.

ных просторах Предкавказья кочевники-сираки не контролировали бы земель вплоть до Манычей. Река, а тем более далеко протянувшаяся от Танаиса на восток цепь степных протоков, озер, болот (что и составляет западный и восточный Манычи) является естественной границей между сираками и живущими, по Страбону, севернее их («по Танаису» и северокаспийскому побережью) племенами аорсов. Ведь не случайно и Помпоний Мела, и Птолемей называют сираков соседями иксама-тов-яксама-тов, живущих вдоль южного поворота Танаиса (Кл. Птолемей, Географическое руководство, V, VIII, 16), «ближе всего к устью» его (Помпоний Мела, Землеописание, I, 114). Не случайно и то, что крупный сиракский город Успа был расположен всего лишь в 75–80 км («три дня пути») от Танаиса, а у нас нет оснований считать его самой северной точкой сиракских владений. Словом, ничто не может опровергнуть простую целесообразность того, что Манычи (столь полноводные и мощные в древности, что их считали иногда «устьем Каспийского моря») и сопутствующие им возвышенные гряды должны были стать северной и северо-восточной границей сиракского союза.

Обратимся теперь к восточным перифериям сиракских земель, правильное определение которых во многом зависит от внимательного отношения к кавказским деталям и фону в рассказах античных авторов. Я уже показал, что описание реки Мермода-Мермадаля (за исключением единственной и вполне объяснимой ошибки Страбона о ее устье) представляет собой вполне компетентную характеристику Терека. Но ведь Мермод, по словам географа и его осведомленных информаторов (Метродора Скепсийского и Гипсикрата), протекает и через Сиракenu, в которой нельзя видеть ничего иного, кроме сиракских земель. В таком случае должно признать, что в какой-то части течения Терека (непода-леку от вейнахских племен «гаргареев») жили сираки.

Между прочим И. С. Каменецкий отождествляет Мермод с Ахардеем и обоих их с Кубанью отчасти потому, что именно на Кубани (именуемой у Птолемея «Вардан») назван город «Серака», смысл названия которого показался автору идентичным «Сиракене» Страбона, лежащей по ходу течения Мермода. Но ведь у Птолемея Серака — один из населенных пунктов («городов и деревень») на Вардане, а страбонова Сиракена — это географический термин для обозначения области, земли, страны в ряду «страны амазонок», владений гаргареев, легов, гелов и соседней им «пустыни». Связь обоих топонимов (Сиракена и Серака) с этническим именем сираков несомненна, но ясно, что понятие «Сиракена» (владения сираков) неизмеримо шире нежели наименование конкретного населенного пункта (Серака), могущего находиться в любом районе Сиракены. Наша мысль находит подтверждение у самого Страбона, который несколькими параграфами ниже именует степные районы Центрального Предкавказья (бассейн Терека) «равнинами сираков», или «сиракскими равнинами» (очевидный синоним «Сиракены»).

«Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты... За троглодитами следуют какие-то народы, называемые хамекитами... и селения исадикиков...» (Страбон, XI, V, 8). Все эти горные «народы» до недавнего времени никем не локализовались. Но в 1960 г. Е. И. Крупнов весьма основательно отождествил их с вейнахским этносом, помещая в горных районах современной Чечено-Ингушетии²⁶. За истекшие годы вывод кавказоведа получил подтверждение в археологических²⁷, историко-этнографических и лингвистических²⁸ фактах. Следовательно, вейнахские горские племена (гаргареи, исадики, хамекиты) действительно «соприкасались с равнинами сираков» в районе бассейна Терека и Сунжи, т. е. именно там, где Мермод протекает через Сиракenu.

Однако И. С. Каменецкий²⁹ и в еще большей степени Ю. С. Гаглов³⁰, утверждают, что Центральное Предкавказье в последних веках до н. э. было населено аорсами. Основание для этого — слова Страбона «аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор...» (XI, II, 1). Но здесь нет указания на конкретные зоны влияния аорсов и сираков в Предкавказье и подтверждения обитания аорсов именно в центральных районах Северного Кавказа. Зато дважды повторено свидетельство о соприкосновении и близком соседстве сиракских владений с землями вейнахских племен в бассейне Терека. Есть и другой любопытный факт: при описании Северного Кавказа аорсы названы лишь в двух параграфах (XI, II, 1; XI, V, 8), в то время как имя сираков звучит в четырех случаях и в более конкретных северокавказских ситуациях (XI, II, 1; XI, V, 2; XI, V, 7; XI, V, 8). Сравнение явно в пользу сираков.

Но главное в другом. Цитированные слова Страбона («аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор...») представляют собой лаконичный тезис, вполне уместный в перипле сведений о

26 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, с. 70–75.

27 Крупнов Е.И. О чем рассказывают..., с. 42, 43.

28 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. с. 155–160; Виноградов В.Б., Чокаев К. З. Древние сведения..., с. 42–60 сл.

29 Каменецкий И.С. Ахардей и Сираки, с. 99.

30 Гаглов Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе, с. 39–42.

побережье Меотиды, которым пользовался Страбон. Этот тезис в дальнейшем подробно раскрывается в соответствующем параграфе текста пространной редакции (XI, V, 8). Повествуя там о населении Предкавказья, о горах, соприкасающихся с «равнинами сираков», Страбон пишет: «За ними следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы, панксаны и племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше (...) и они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил 20 000 всадников, царь аорсов Спандин — даже 200 000, а верхние аорсы еще больше, так как они (т. е. верхние аорсы. — *Авт.*) занимают более обширную область, владея почти что большей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и привозя их на верблюдах. Вследствие своего благосостояния они (верхние аорсы. — *Авт.*) носили золотые украшения. Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду».

Этот ставший уже хрестоматийным фрагмент нуждается в специальном разборе для уяснения его подлинного смысла в сравнении с кратким тезисом об аорсах и сираках. Прежде всего, хочу напомнить о лакуне, существующей в самом важном месте рассказа: «Аорсы и сираки, кажется беглецы из среды живущих выше (...) и они севернее аорсов». Кто эти «они», живущие севернее аорсов и сыгравшие важную роль в судьбах аорсов и сираков? Последующие строки показывают, что ими могут быть только «верхние аорсы», внезапно появляющиеся в одном ряду с сираками и аорсами немедленно после лакуны. И появились они не как эпизод, но как полноправное «действующее лицо» в данном тексте, ибо теперь все три группы сарматов трижды описываются в сравнении.

Это единственный случай деления на собственно аорсов и «верхних». Во всех остальных источниках известны просто аорсы, как и в первом лаконичном сообщении Страбона. Но тем-то и ценен цитированный фрагмент, что он сообщает все уникальные сведения и среди них — уточнение конкретных координат «верхних аорсов» и собственно аорсов. При этом ясно, что последние обитают по Танаису, а до Кавказских гор (по побережью Каспия) простираются владения их более могущественных соплеменников и близких родичей — «верхних аорсов». И как тут не вспомнить, что именно в Северном Дагестане, у отрогов гор, Плинием засвидетельствовано племя утидорсов, в имени которого отразилось смещение пограничных групп кавказцев — «удинов» («утов») и сарматов — «аорсов»³¹.

Таким образом, сообщения Страбона не дают оснований для локализации аорсов в Центральном Предкавказье. Напротив, оказывается, что обе группы аорских племен (живущие и по Танаису, и по побережью Каспия, «вплоть до Кавказских гор») замыкают в Предкавказье как раз сираков, населявших берега Ахардея (Маныча-Егорлыка) и спускавшихся к югу так, что Сиракена («сиракские равнины») простиралась от Прикубанья вплоть до Мермода (Терека) и предгорных районов Чечено-Ингушетии — места обитания гаргареев, исадигов, хамекитов.

Доказывая правильность своей локализации сираков, И. С. Каменецкий анализирует только источники, где названо этническое имя этой группы сарматских племен (сираки, сирахи, сиракены и т. д.). Но ведь нередко античные авторы, повествуя об ираноязычных степняках и подразумевая вполне конкретные племенные их союзы, тем не менее называли кочевников общим собирательным названием (скифы, савроматы, сарматы). Понятно, что нужна осторожность в использовании подобных свидетельств, но осторожность не чрезмерная, не смыкающаяся с игнорированием их. Приведу лишь один пример.

В одном из наиболее достоверных отрывков в сочинении Плиния читаем: «В тылу его (г. Питиунта. — *Авт.*) в Кавказских горах живет сарматский народ Епагириты, а за ним Савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ними живут Талы...» (Плиний, VI, 16). Из детального описания Тацита (Анналы, XII, 15—20) мы знаем, что Митридат в 40-х годах I в. н. э. «блуждал по разным землям», пользуясь гостеприимством и активной помощью сираков в борьбе с наместниками Клавдия на Боспоре. Логично думать, что и в свидетельстве Плиния о савроматах, к которым бежал Митридат, речь идет о сираках. Я имел уже возможность высказать данное соображение³², но новые работы Ю. С. Гаглоева³³ заставляют изложить развернутую аргументацию. Ю. С. Гаглов считает, что «савроматы» в этом отрывке Плиния — аорсы, ибо в самом конце своих скитаний лишившийся союзников Митридат сдался аорсам и их царю Эвнону. Но никак нельзя этот последний акт «испрошения милосердия» (Тацит, Анналы, XII, 18, 19) у врагов трактовать как бегство мятежного правителя к «савроматам», так как «в бегах» он был давно (около четырех лет «после потери своих владений»), получая активную поддержку сираков и базируясь, очевидно, на их территории (иначе зачем бы римлянам и аорсам воевать на сиракской земле и уничтожать Успу?). Недаром сиракский царь Зорсин отошел от Митридата лишь «в его крайнем положении». Да и сам Мит-

31 Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе сел. Тарки // МИА, 23, 1961, с. 270–272.

32 Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 147; Его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе, с. 114–116.

33 Гаглов Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин, с. 16, 17; Его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе, с. 28, 40–41.

ридат о своей сдаче на милость победителей говорит: «Митридат, которого римляне ищут столько лет на суше и на море, является к тебе добровольно... Я не прислан к тебе, а возвратился сам (слова о возвращении адресованы не Эвнону, а императору Клавдию. — *Авт.*); если не веришь, то отпусти меня и ищи». Нельзя путать «сдачу» разгромленного и оставшегося одиноким мятежника в руки союзников римлян — аорсов с «бегством» его в среду друзей сираков и союзных им племен для организации тяжелой борьбы.

Кроме того, «савроматы» у Плиния твердо локализованы в Прикубанье («выше» Питуунта, по соседству с Боспором, синдо-меотскими племенами и эпагеритами), где обитание аорсов никем не засвидетельствовано. А в «Географическом руководстве» Птолемея (X, 8, 17—25) ближайшими соседями меотов, «страны Митридата» (т. е. Боспора), и агеритов (эпагеритов) названы именно сираки (сиракены), владения которых, судя по обилию соседей и роли важного географического ориентира в рассказе географа, занимали обширную область Северо-Западного Кавказа вплоть до гор и, конечно, включали часть Прикубанья, где названа упомянутая уже Серака³⁴.

Мнение Ю. С. Гаглоева отчасти объясняется произвольным отождествлением «серров» с сираками (в ряду: «ахейцы, марды, керкеты, за ними — серры, кефалотомы. Внутри этого пространства богатейший город Питуунт...» и т. д. Плиний VI, 16), после которого, естественно, упомянутые в близком соседстве с серрами «савроматы» начинают увязываться с кем угодно, только не с сираками. Но это не верно. Оставляя в стороне лингвистическую сомнительность тождества этнонимов «серры» и «сираки», скажу, что для их идентификации нет ни малейших оснований и в географическом плане, ибо даже в отвергнутом ныне старом толковании соответствующего отрывка из Помпония Мелы (I, 110) «серры» и «сираки» выступают как соседние, но отдельные племена³⁵. В новых же изданиях Помпония Мелы текст установлен так, что между ними и отрывком Плиния много сходства (хотя у последнего рассказ более обстоятелен) и ни о каких сираках на черноморском побережье нет уже и речи. Да это и правильно, так как сираки на понтийском берегу не жили. Следовательно, «савроматы» Плиния в анализируемом отрывке — не аорсы, а сираки. В таком случае следует обратить пристальное внимание на указание о непосредственном соседстве «савроматов»-сираков с талами, тем более что исходит оно лично от Митридата, немало осведомленного в северокавказских делах. Но «талы» Плиния, как убедительно доказано специальными исследованиями В. Н. Гамрекели, — это «двалы» — кавказское племя, жившее в центральной части Кавказа, вблизи Дарь-яльского ущелья³⁶. Следовательно, записанное Плинием свидетельство Митридата подтверждает сообщения Страбона о том, что сираки соприкасались с аборигенными горскими племенами иберийско-кавказской языковой семьи, предками вейнахов и этническими группами, вошедшими в субстратный слой современных осетин.

Есть и еще один лингвистический аргумент в пользу возможных тесных контактов между аборигенными племенами Северо-Восточного Кавказа и ираноязычной «доаланской» сарматской средой в Предкавказье. Я имею в виду древнейшие вейнахо-дигорские лексические параллели на базе иранского языка, минующие более поздний и лежащий между чечено-ингушским народом и дигорцами «иронский» диалект. Гипотеза В. И. Абаева о двух иранских миграционных волнах на Центральный Кавказ (первой — «дигорской», второй — «иронской»), когда «известный период времени имел место непосредственный контакт дигорского с чечено-ингушским или близкими к нему местными языками, пока вторая аланская волна не вклинилась и не отделила их друг от друга»³⁷, позволяет объяснять «непоследовательность» этих лексических схождений как результат влияния сираков, говоривших на ином (более древнем) диалекте иранского языка, нежели аланы, и вступившие в тесные контакты с предками современных вейнахов (в том числе и с гаргареями, хамекитами, исадиками) более чем за 300 лет раньше интенсивного аланского расселения. Сложный вопрос о причинах и характере дигорско-вейнахских лексических схождений (прослеживаемых в живом языке и топонимике) окончательно еще не решен. Но это не освобождает от обязанности учитывать существование данной гипотезы³⁸.

Весьма важно уяснить еще один факт. Установление границ сиракского союза в районе Приазовья и Прикубанья в значительной мере облегчается многократностью упоминаний здесь сираков письменными и эпиграфическими источниками (Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Тацит, Кл. Пто-

34 Следует оговорить, во избежание возможных недоумений, что у Клавдия Птолемея еще один раз упоминается этноним, близкий племенному названию эпагериты, и теперь уже рядом с аорсами («гиппоподы и меланхлены, ниже их — агафирсы, затем аорсы и пагириты, ниже их — савары и боруски...» (III, 5, 4). Но тут речь идет о племенах, определенно локализующихся в Европейской Сарматии, западнее Дона, далеко от Кавказа.

35 RE, 11-A, 1745; Латышев В. В. Ук. соч. // ВДИ, 1949, 1 с. 275, прим. 2; 2, с. 291, прим. 15.

36 Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.

37 Абаев В. И. Ук. соч., с. 362; Его же. Осетино-вейнахские параллели // Изв. ЧИНИИ, I, 2. Грозный, 1959, с. 115.

38 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 106, 1962, с. 71, 72; Виноградов В. Б. Сиракский союз племен... с. 117; Его же. Источники изучения взаимоотношений вейнахских племен с сармато-аланами // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР, с. 95, 96.

лемей, надгробные надписи Зенона, Христиона и других). Этого нельзя сказать о восточных областях сиракских владений, которые четко засвидетельствованы лишь Страбоном. Но эта неодинаковая осведомленность античных писателей не только не дает оснований для скептических умозаключений, но напротив является закономерной и вполне объяснимой.

Центральное Предкавказье всегда оставалось для древних авторов глухой и неизвестной периферией, скудными сведениями о которой располагали лишь самые осведомленные из них. Однако главное даже не в этом. Нельзя не видеть, что наиболее обстоятельные и глубокие сведения о сираках сообщает нам самый ранний и самый осведомленный из всех источник — «География» Страбона, писавшаяся в 18—23 гг. н. э. и восходящая к компетентной информации последних столетий до нашей эры. Уникальные сведения Страбона о появлении сираков из «среды народов, живущих выше», о численности их войск в сравнении с другими сарматскими группами, о делении их соседей аорсов на «верхних» и собственно таковых, об обитании сираков на Ахардее-Маньче, откуда их владения («Сиракена», «Сиракские равнины») простирались вплоть до предгорных районов современной Чечено-Ингушетии и пр., — все это единственные в своем роде сообщения, отражающие, несомненно, ранний этап истории сираков в период их стремительного расселения в Предкавказье с III в. до н.э. и создания мощного и многоплеменного союза (III—I вв. до н. э.). Ни один из позднейших авторов не имел такой многогранной и конкретной осведомленности о первых веках сиракской истории.

Но так уж получилось, что античная письменная традиция заговорила в полный голос о сираках незадолго до событий, постепенно подготовивших условия для будущего поражения племенной конфедерации во главе с ними. Начиная с середины 30-х гг. I в. н. э. на Кавказе происходят войны и этнические перемещения, в результате которых в Предкавказье появляются аланы, а аорсы сильно теснят своих давних противников — сираков. Для этих последних начинается эпоха заката их могущества, сопряженная с потерей большей части степных владений. И если основные земли сираков в Прикубанье и Приазовье сохраняются за их союзом во всяком случае до конца II в. н. э., то, очевидно, северо-восточная и восточная периферии попадают под власть новых сарматских групп (в первую очередь алан и аорсов, что фиксируется письменными и археологическими источниками)³⁹.

В этих условиях резко изменилась этно-политическая карта Северного Кавказа, и именно поэтому после Страбона мы не находим указаний на присутствие сираков в бассейне Терека и Центральном Предкавказье (кроме вскользь констатированного Плинием со слов Митридата соседства их с талами-двалами в период до 49 г. н. э.). Зато теперь с завидным постоянством сираки упоминаются на Северо-Западном Кавказе, где они временно сохранили ядро своего союза.

Не видеть развития сиракского союза, отрицать закономерности отражения его взлетов и падений в трудах античных современников — значит подгонять историю сираков под мертвую схему статичного пребывания их на небольшом участке степей Западного Предкавказья, значит отказывать греко-римским историко-географическим произведениям в праве считаться достоверными историческими источниками. Все это далеко от истины, и сумма проанализированных выше данных наглядно показывает вхождение в территорию сиракского союза последних веков до н. э. — первой половины I в. н.э. степных пространств не только Восточного Приазовья, но и Центрального и отчасти Северо-Восточного Кавказа вплоть до Терско-Сунженского междуречья. Этому выводу, построенному на изучении филологических данных, не противоречат и археологические факты.

Впервые опубликовано: Советская археология. 1966. № 4. С. 38—50.

39 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 138—170; Его же. Сиракский союз племен..., с. 118—120; Гаглов Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин, с. 16, 17.

ЕЩЕ РАЗ О ЯЗАМАТАХ

Античные авторы проявили достаточно интереса к племени, вошедшему в науку под именем язаматов (иксибатов). Не обделили его вниманием и современные исследователи. Большинство считает язаматов одним из сарматских племен, населявших степи между низовьями Дона и восточным побережьем Азовского моря¹. Известна в литературе точка зрения, согласно которой язаматы — это меоты². До недавнего времени обе версии не получали развернутой аргументации. Первая базировалась в основном на данных о воинственности язаматских женщин, сопоставлявшейся с савроматской гинекократией, и на предполагаемом единстве этнонимов «язаматы» и «языги». Вторая полностью основывалась на том факте, что язаматы по крайней мере в двух источниках названы якобы меотами. В 1971 г. специальную статью язаматам посвятил И.С. Каменецкий³. Решительно выступив в защиту их меотской принадлежности, он предложил и собственное решение вопроса локализации язаматов, усматривая в сообщениях античных авторов сведения о двукратном переселении этого племени (от побережья Черного моря к побережью Азовского, недалеко от Кубани, и оттуда к устью Дона).

Интерпретация этнической принадлежности, местонахождения и исторических судеб язаматов весьма важна в плане изучения древней истории населения Северо-Западного Кавказа. И коль скоро вопросы эти дискуссионны, назрела необходимость строгого и по возможности исчерпывающего (во всяком случае не выборочного) анализа тех сведений, которые и порождают сегодня разногласия.

Начну с локализации язаматов. Сразу подчеркну, что пребывание язаматов в степях, примыкающих с юга к нижнему течению Дона, для первых веков н.э. общепризнанно. Оно обосновывается свидетельствами Помпония Мелы⁴ и Птолемея⁵. Иное дело предшествующая локализация, которая во многом и предопределяет ныне столкновение мнений.

Самое раннее упоминание о язаматах принадлежит Гекатею, писавшему свой труд в 520–500 гг. до н.э.⁶ Сочинение Гекатея дошло во фрагментах, и интересующее нас сообщение («Иксибаты — народ у Понта, соседний с Синдику») ⁷ лишено контекста, что, несомненно, затрудняет его правильную оценку. Авторитетность Гекатея, его относительная информированность о положении дел на Кавказском побережье Понта и азиатском Боспоре не подлежат сомнению⁸. И.С. Каменецкий с полным доверием относится к этому автору, предлагая свою интерпретацию «иксибатского фрагмента»: «Местоположение Синдики хорошо нам известно. Язаматов по Гекатею следует поместить к юго-востоку от Таманского полуострова, на Черноморском побережье в районе Новороссийска и севернее»⁹.

Я уже писал о том, что методически неправильно трактовать античные письменные свидетельства с позиций наших современных знаний и понимания географических и историко-этнических признаков исследуемого района¹⁰. Так, по Гекатею, язаматы (иксибаты) — народ у Понта. Но «Понт» в понимании родоначальников географического описания его берегов — это не только Черное море, но и Азовское (Меотида). Известна высокая достоверность «Перипла» Псевдо-Скилака в вопросах, касающихся Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, информация о которых базируется на сведениях VI–IV вв. до н.э.¹¹ Тем показательнее следующий пассаж: «Савроматы. От реки Танаида начинается Азия и первый народ ее на Понте — Савроматы»¹², здесь под Понтом явно подразумевается Меотида. Геродот свидетельствует: «Понт образует также озеро, изливающееся в него... оно называется Меотидою и матерью Понта»¹³, Дионисий Перизетт и его позднейший схолиаст упорно повторяют и посылно мотивируют древние представления о единстве водного бассейна Понта Эвксинского и Меотиды¹⁴.

1 См., например, Müllenhoff K., *Deutsche Altertumskunde*, Bd. III. B., 1892, с. 32–39; Minns E., *Scythians and Greeks*. Cambr., 1913, с. 120; Гайдукевич В.Ф., *Боспорское царство*. М.; Л., 1949, с. 60; *Repartition des tribus Sarmates en Europe orientale* // VI-e Congres international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962, с. 3; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 144–145.

2 См., например, Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА, XIV, 1950, с. 102; Устинова В.А. К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству // ВДИ, 1966, № 4, с. 130–134; Граков Б.Н. Скифы. М., 1971, с. 110.

3 См. Каменецкий И.С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 165–170.

4 Mela, I, 19, 144.

5 Ptol., *Geogr.* V, 8, 16; V, 8, 17–25.

6 См. Bunbury E.H. *A History of Ancient Geography*, V, I. N. Y., 1959, с. 134, 135.

7 Неч., *Period.* fr. 166.

8 См. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 57, 58; Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 41–43.

9 Каменецкий И.С. Ук. соч., с. 166.

10 Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // СА, 1966, № 4, с. 40.

11 См. Жебелев С.А., *Скифский рассказ Геродота* // Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 326; RE, Bd II, с. 619–635, 643–646; RE, Bd VII, с. 1015; RE, Bd. VII, с. 1620; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 70; Инадзе М.П. Ук. соч., с. 49–51 и др.

12 Ps.-Scyl., 70.

13 Herod., IV, 10, 86.

14 Dionys., 652–710; Eustath., 163.

Гекатею, его предшественнику Анаксимандру и всей ионийской географии были присущи представления о том, что смежные водные бассейны (моря) суть одно и то же, продолжение один другого¹⁵. Следовательно, характеристика язаматов (иксибатов) как народа, живущего «у Понта», отнюдь не является непрямым указанием на берег Черного моря и нисколько не противоречит местонахождению племени на побережье Меотиды.

Соседство с Синдикой, о котором говорит Гекатей, также едва ли стоит понимать прямолинейно, как факт реального, непосредственного соприкосновения. Не нужно забывать, что, судя по фрагментам, местности к северу от азиатского Боспора были знакомы Гекатею значительно меньше.

Синды Таманского полуострова в силу объективных причин раньше и прочнее всех племен бассейна Кубани попали в поле зрения античных географов. Размещаясь у самого пролива, между водами Понта Эвксинского и Меотиды, эта многочисленная и дееспособная «отрасль меотов» (Стефан Византийский) была известна еще логографам¹⁶. Очевидно, и Гекатей, зная о Синдике как о самой заметной местной политической и этнической силе, плохо представлял себе ее конкретные границы, особенно вдоль Меотиды. Не случайно, будучи наслышан о местном племени дандариев, обитавшем, как бесспорно установил В.П. Шилов, на правом берегу низовий Кубани, вдоль меотийского побережья¹⁷ и прямо соседившем с синдами, он характеризует его как «народ у Кавказа» и называет при описании Европы¹⁸ вне всякой связи с синдами и районом Боспора. В таких условиях и могло родиться мнение о прямом соседстве синдов и живущих где-то неподалеку иксибатов. Странно было бы требовать большей четкости сведений от Гекатея и его современников. Не могу не заметить тут же, что и Дионисий Перизет, и его схолиаст Евстафий сохранили очень схожее по смыслу свидетельство («Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматы... С савроматами же соседят синды...»)¹⁹.

Нелишне вспомнить и свидетельство Псевдо-Гиппократа о том, что савроматы — это «скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды» (Ps-Hip., 24), подразумевающее также прямое соседство с Синдикой, лежащей на Таманском полуострове. Все это несомненно отражает ту неопределенность и неточность информации, которые царили на первых порах знакомства именно с побережьем Меотиды, а не Понта как такового.

Для обоснования своей ранней локализации язаматов И.С. Каменецкий привлекает и широко известное предание о Тиргатао, дошедшее до нас в виде новеллы Полиена²⁰. Подчеркивая надежность сведений Полиена, относя сами события к концу V — началу IV в. до н.э., он выделяет из всего рассказа слова о «скалистых дорогах» бегства к иксоматам (язаматам) опальной супруги синдского царя, полагая, что их упоминание «как будто исключает путь от Синдики на север» и якобы приводит нас к черноморскому побережью²¹.

В такой интерпретации источника таится целый ряд искажений. Прежде всего, неопределенно удревлена и растянута датировка событий, описанных Полиеном²². Ведь из содержания рассказа явствует, что борьба Тиргатао против Боспора и вассальной ему Синдики велась отнюдь не на протяжении всего правления, а в последние годы жизни боспорского тирана Сатира I, который в результате этой борьбы «умер с отчаяния»²³, и завершилась уже после его смерти в результате «просьб и богатейших даров» Горгиппа, сына Сатира. Год смерти Сатира I нам известен — 389/8 г. до н.э.²⁴ Значит, и войну, поднятую Тиргатао, можно датировать сравнительно точно — концом 90-х — началом 80-х годов IV в. до н.э. Уточнение времени, когда разыгрались основные события, еще сыграет свою роль. А пока рассмотрим вопрос первостепенной важности: какой дорогой и куда бежала из заточения Тиргатао и где располагался плацдарм ее последующих активных военных действий.

Я не склонен недооценивать столь индивидуальные приметы маршрута бегства, как «скалистые дороги», и согласен, что путь беглянки из Синдики лежал не на север, не прямо к побережью Меотиды. Но и черноморское побережье в районе Новороссийска и севернее не соответствует этому. Во-первых, отлично ориентирующийся на местности автор рассказа ни намеком не показывает, что иксоматы жили на берегу Понта или хотя бы что дорога к ним шла вдоль морского берега. Во-вторых, рассто-

15 См. Bunbury E.H. Ук. соч., с. 130–137; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 56, 65, 66.

16 Hellan, FHG, I, fr. 92.

17 См. Шилов В.П. Ук. соч., с. 117–119.

18 Неч., Period. fr. 161.

19 Dionys., 652–710; Eustath., 680.

20 Polyaeen., Strateg. VIII, 55; Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД, XXXII. Одесса, 1915.

21 Каменецкий И.С. Ук. соч., с. 167.

22 Сочинение Полиена датируется 162 г. н.э., но повествует о времени правления боспорского царя Сатира I (433–389 гг. до н.э.), базирываясь на каких-то местных северочерноморских источниках.

23 Polyaeen., Strateg. VIII, 55.

24 См. Syll. 3, 206; Устинова В.А. Ук. соч., с. 135.

яние от исторических южных границ Синдики до северных окрестностей современного Новороссийска не превышает 30–40 км. В рассказе же речь идет о долгом пути Тиргатао («идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам...»), что мало соответствует названному расстоянию, даже если храбрая язаматка, обманувшая стражу, шла действительно пешком и только по ночам. В-третьих, оказавшись у иксоматов и «склонив их к войне», Тиргатао, совершая набеги на Синдику, «привела с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды» именно Меотиды, а не понтийского побережья, хотя оно и густо населено потенциальными недругами Боспора, начинающего силой навязывать свою власть соседям. В-четвертых, наконец, пребывание язаматов в 80-х годах IV в. до н.э. в районе Новороссийска никак не вяжется с тем, что по берегу моря, от Синдской гавани (Анапа) и до Новороссийска, занимая ближайшие склоны Кавказских гор, стабильно размещались керкеты (или тореты), многократно тут засвидетельствованные начиная с VI–V вв. до н.э. (источники Псевдо-Скилака, Гелланик и др.)²⁵. Напомню здесь же, что соседние с Синдикой тореты вместе с самими синдами, а также дандариями и псессами не позднее 70-х годов IV в. до н.э. оказались включены в состав Боспорского царства²⁶, и отныне сын упоминавшегося выше Сатира I — боспорский архонт Левкон I — постоянно титулуется «царем синдов, торетов...». Невозможно допустить, что менее чем через 10 лет после блистательных успехов и побед Тиргатао, мир с которой так дорого достался Боспору²⁷, была бы прочно завоевана территория, служившая плацдармом для деятельности язаматской предводительницы и ее союзников. Зато все станет на свои места, если предположить, что борьба Тиргатао протекала далеко в стороне от южных границ Синдики и причерноморского района первоочередных экспансионистских устремлений Боспора.

После бегства Тиргатао приверженцы синдского царя Гекатея и боспорского тирана Сатира «с большим рвением принялись искать ее..., но поиски были напрасны». Умная и смелая язаматка должна была предвидеть погоню. Не потому ли для выхода к Меотиде, где она подняла многие племена меотского побережья (чего, кстати, и опасались ее гонители), она избрала долгий, кружной, но неожиданный для преследователей и удобный для скрытого бегства путь? Маршрут его мог вполне проходить по левобережью Кубани, вверх по течению, на восток, с последующим поворотом на север, в глубь степей, контролировавшихся приазовскими племенами савроматов. Характер местности по левому берегу Кубани известен нам из пространного рассказа Диодора Сицилийского об очередном столкновении Боспора с окружающими племенами в конце IV в. до н.э.²⁸ Местный ландшафт определяется тут «высокими утесами и огромным лесом»²⁹, что вполне соответствует признакам дороги, которой бежала из Синдики язаматка Тиргатао.

Итак, анализ источников показал беспочвенность такой их трактовки, при которой ранних язаматов-иксибатов локализовали на берегу Черного моря. Фактически нет ни одного серьезного довода в пользу того, что язаматы в VI — начале IV в. до н.э. были ближайшими южными соседями синдов. Нет, разумеется, подтверждений и их внезапной миграции на восточные берега Меотиды. Да и о каком переселении может быть речь, если иксоматы в качестве племени, живущего на побережье Меотиды, близ устья Дона-Танаиса, были известны уже источникам Помпония Мелы? Последние восходят не только к V–IV вв. до н.э., но даже к древнеионийским писателям³⁰. Не зря же И.С. Каменецкий приводит веские аргументы в пользу того, что рассказ об иксибатах Помпония Мелы «восходит к весьма раннему времени»³¹. Впрочем, он тут же готов отказаться от них только из-за несоответствия локализации язаматов, данной Мелой, и своей собственной локализации этих племен в VI — начале IV в. до н.э. Но ведь это мнимое возражение, ибо причерноморское расселение язаматов ничем не подтверждается. Напротив, ценное свидетельство Помпония Мелы согласуется в целом с определениями террито-

25 См. Шилов В.П. Ук. соч., с. 116.

26 См. Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964, с. 58; Устинова В.А. Ук. соч., с. 129.

27 Polyaeu., Strateg. VIII, 55; Устинова В.А. Ук. соч., с. 134–136.

28 Diod., 6, XX, 20–23.

29 Там же.

30 См. Ростовцев М.И., Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 46; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 170; Инадзе М.П. Ук. соч., с. 82–83.

31 Каменецкий И.С. Ук. соч., с. 167.

рии обитания язаматов, которые мы находим у Гекатея, Полиена, Псевдо-Скимна³², Плиния³³, Птолемея. Все они с большей или меньшей обстоятельностью размещают язаматов у восточного побережья Меотиды, к югу от Танаиса. Некоторое непостоянство и подвижность границ владений язаматов, то будто бы простирающихся вплоть до северных рубежей Прикубанья (Гекатей, источники Полиена, Псевдо-Скимн), то вроде бы концентрирующихся к югу от низовий Дона (источники Помпония Мелы, Плиний, Птолемей), должны объясняться либо дефектами информации, либо реальной ситуацией, которая складывалась внутри того энергичного и политически активного мира, часть которого составляли язаматы восточного берега Меотиды.

Какова же этническая принадлежность язаматов? Савроматы они или меоты? Кто прав в дискуссии, начало которой современные ученые склонны относить еще к IV–III вв. до н.э., когда якобы Эфор считал язаматов савроматами, а Деметрий из Калатиса — меотами? Суждениям Эфора и Деметрия, сохранным нам Псевдо-Скимном, с самого начала полемики об этнической сути язаматов придавалось решающее значение; они безоговорочно противопоставлялись друг другу, считались взаимоисключающими. Это и привело к тупику, выход из которого И.С. Каменецкий увидел в попытке отдать предпочтение сведениям Деметрия о язаматах как более точным, в ущерб уровню достоверности Эфора³⁴.

Внимательное изучение соответствующих текстов позволяет высказать мнение, что суть свидетельств Эфора и Деметрия (в передаче Псевдо-Скимна) толковалась до сих пор неверно.

В отрывке из перипла Псевдо-Скимна речь идет о том, что рядом с сарматами, живущими «на Танаиде», обитает «меотийское племя, называемое язаматами, по словам Деметрия, а по Эфору оно называется племенем савроматов»³⁵.

Как видим, тут нет противопоставления язаматов-меотов язаматам-савроматам. Смысл иной: обоим информаторам Псевдо-Скимна по берегу Меотиды известно некое племя, соседящее с танаисскими сарматами; Эфор знает его (это «меотийское племя») под именем савроматов, а Деметрий называет язаматами. Следовательно, «савроматы» и «язаматы» — это два варианта наименования одного и того же «меотийского племени» и дело не в том, что язаматы характеризуются этнически то как меоты, то как савроматы, а просто некое племя, живущее близ Меотиды, именуется то собирательным названием большой группы ираноязычных племен — «савроматы», то конкретным (очевидно, своим собственным) этнонимом — «язаматы».

Мое понимание разбираемого отрывка основано не только на логико-синтаксическом анализе сложного для смысловой трактовки предложения из перипла Псевдо-Скимна. Оно отлично подтверждается тем, как прочел и осмыслил этот древний фрагмент, сохранный в перипле Псевдо-Арриана, автор VI в. н.э. Стефан Византийский: «Язабаты — народ у Меотиды; Эфор называет их савроматами»³⁶. Если учесть, что Стефан Византийский знал меотов и счел нужным в справке о синдах оговорить мнение «некоторых», что «синдское племя есть отрасль меотов»³⁷, то понимание им интересующего нас отрывка представляется бесспорным: «язаматы» и «савроматы» — синонимические этнические названия и лишь факт обитания их носителей у Меотиды породил характеристику этого «народа» как «меотийского племени» в устах источников Псевдо-Скимна.

Неверной представляется и версия, согласно которой Полиен якобы также «называет язаматов меотами»³⁸. Такого этнического определения нет в известной новелле, содержание которой нуждается в более внимательном изучении.

«Меотиянкой» Полиен трижды именуется Тиргатао, которая, оказывается, происходила из семьи вождя племени иксоматов (язаматов), причем именуется ее так только в первой трети своего рассказа, до

32 Ps.-Skymn., 874–885. Мне кажется необоснованной попытка И.С. Каменецкого установить район обитания язаматов, опираясь на сообщение Псевдо-Скимна о 2000 стадий меотийского побережья, занимаемого сарматами — северными соседями язаматов. Полагаю, что брать «устье Дона» за точку отсчета расстояния неправомерно, ибо, по Псевдо-Скимну, сарматы живут «на Танаиде», который был границей Азии, т.е. на обоих его берегах, а не только к югу и востоку от устья. При таком понимании источника (ср.: Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АС, 13. Л., 1971, с. 39–46) указанная Псевдо-Скимном протяженность владений сарматов увеличится и северная граница обитания язаматов отодвинется значительно севернее Таманского полуострова; это устраним мнимые противоречия, поставившие в тупик И.С. Каменецкого.

33 Plin., NH, VI, 21.

34 См. Каменецкий И.С. Ук. соч., с. 167. Исследователи, анализируя текст «Землеописания» Псевдо-Скимна, давно установили, что основным источником его описания побережья Черного моря к востоку от Тираса были сочинения Эфора, тогда как сведения Деметрия касались главным образом западного побережья Черного моря. Они же доказали, что труды Эфора — ценный исторический источник своего времени, умалять значение которого нет никакой нужды (см. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, с. 25–32; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 113; Инадзе М.П. Ук. соч., с. 73–75; Мачинский Д.А. Ук. соч., с. 44 и др.).

35 Ps.-Skymn., 874–885.

36 Steph. Byz., см. SC, т. I, с. 260.

37 Там же, с. 262–265.

38 Каменецкий Д.А. Ук. соч., с. 166.

бегства ее из границ Синдики. Здесь же упоминаются и «меоты» как возможный объект антибоспорской пропаганды опасной беглянки. Казалось бы, все ясно. Но почему вместе с появлением в новелле конкретного этнонима «иксоматы» (язаматы) определение «меотиянка» больше ни разу не прилагается к Тиргатао — иксоматке по происхождению, называемой в последующем тексте едва ли не в каждой фразе? Почему (воспринимаемый как этнический) термин «меоты», прилаживаемый «приверженцами Гекатея и Сатира» к вероятным союзникам Тиргатао, на поверку оказывается чисто географическим, территориальным, ибо за Тиргатао идут кроме иксоматов «многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды»? Случайно ли, что имя отважной язаматки производится от иранского корня и близко имени мифического родоначальника скифов? И наконец, не показательно ли военно-политическое главенство Тиргатао над язаматами, столь созвучное многократно засвидетельствованной источниками гинекократии савроматов вообще и язаматов в частности (сообщения Псевдо-Скимна и Помпония Мелы)?

Достаточно задуматься над всем этим, чтобы прямолинейное отождествление полиеновских язаматов с собственно меотским этносом уступило бы место иной трактовке: язаматка Тиргатао именовалась меотиянкой только во время пребывания в Синдике, в среде греков и эллинизированной части синдов, для которых обитатели берегов Меотиды (независимо от их этнической принадлежности) — это «меоты».

Общепризнанно суждение о том, что «Меотида» — эллинизированное местное название побережья Азовского моря с его заросшими камышами заливами, лиманами и заболоченными берегами, образованное на базе древнеадыгских языков («вонючее болото»)³⁹. Это специфическое наименование бассейну могло быть дано скорее всего синдами — обитателями Таманского полуострова и части черноморского побережья⁴⁰, имевшими все основания для сравнения, нелестного Меотиде, а от них стало известно грекам. Гидроним «Меотида» и породил традицию именовать обитателей берегов этого бассейна меотами, меотскими племенами⁴¹.

Я не оригинален во мнении, что первоначально имя это в устах античных авторов и причерноморских источников имело лишь территориальное, а не племенное (этническое) значение и распространилось на население вокруг Меотиды вообще⁴². Но именно такой подход позволяет объяснить отмеченный еще М.И. Ростовцевым⁴³ факт: в античных источниках классического времени и раннего эллинизма (или в более поздних сочинениях, опирающихся на ранние источники) названия «меоты», «скифы» и «савроматы» порой выступают как чрезвычайно близкие и даже перекрывающие друг друга понятия. И лишь после 40-х годов IV в. до н.э. (и чем позднее, тем увереннее) термин «меоты» начинает употребляться в качестве племенного собирательного имени, включавшего первоначально торетов, дандариев, псесов⁴⁴, а затем и многие другие близкородственные аборигенные племена бассейна Кубани и побережья Меотиды⁴⁵, четко противопоставляя их этнически чуждым ираноязычным сарматским племенам. Первые примеры употребления названия «меоты» в таком смысле дает нам титулатура боспорских царей и соответствующий отрывок из Псевдо-Скилака, датирующийся в отличие от сведений Гекатея второй половиной IV в. до н.э. (Ps.-Skil., 68–72).

В специальной литературе довольно основательно выдвинуто предположение о том, что сами задонские савроматы Геродота — результат какой-то ассимиляции скифами части приазовских («меотских») племен, что по северному и восточному берегам Меотиды во времена Гекатея, Геродота, Эфора жило население, родственное савроматам, хотя и не идентичное им, так как своим происхождением оно еще более крепко связано с приазовскими («меотийскими») группами, этническая физиономия которых вовсе не была тождественна обитателям Прикубанья⁴⁶. Совсем недавно эта точка зрения получила веские обоснования со стороны Д.Б. Шелова⁴⁷, мобилизовавшего, в частности, и немалый фонд античных письменных свидетельств, в которых скифы, савроматы и амазонки-савроматиды фигурируют как «меотийские» племена, «меоты» и «меотиды» (к использованному им сообщениям Геродота, Гелланика, Страбона, Помпония Мелы могу добавить свидетельства

39 См. Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге и кабардинцах в частности // СМОМПК, XXI, с. 77; Шилов В.П. Ук. соч., с. 110; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 155–156; Коков Дж. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях // Уч. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, VII. Нальчик, 1960, с. 63.

40 Этноним «синды» означает на адыгских языках «поморы», что вполне соответствует истине (см. Крупнов Е.И. Ук. соч., с. 155).

41 Ср. Eustath., 652.

42 См. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, с. 110–112; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 94, 95, 113; Мачинский Д.А. Ук. соч., с. 41, 42.

43 См. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, с. 111, 112.

44 См. Шилов В.П. Ук. соч., с. 105–109; Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 94, 95.

45 Там же, с. 109–123. Ср. Strabo, XI, 2, 11.

46 См. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 33, 34; Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954, с. 49; Смирнов К.Ф. Савроматы, с. 103 и др.

47 Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970, с. 64 и сл.

Еврипида⁴⁸, Теокрита и его схолиастов⁴⁹). Предпринятый выше анализ свидетельств Гекатея, Псевдо-Скимна, т.е. Эфора и Деметрия, и историков Полиена о язаматах, думается, соответствует версии о том, что они (язаматы) были савроматским племенем, территория обитания которого занимала часть восточного побережья Меотиды, что и позволило греческим партнерам включать его в число «меотийских племен».

Возможно ли, что язаматы в своей, так сказать, древней исконной сути не были ираноязычным племенем скифо-савроматского круга? Не исключено, конечно. Но фактов в пользу этого пока нет совсем. В исследуемое же время язаматы составляли часть савромато-сарматского мира, будучи если и не савроматами, как таковыми, то по крайней мере рано иранизированным, ассимилированным савроматами приазовским племенем, вошедшим в состав савроматского, а затем, возможно, и сиракского племенных объединений⁵⁰.

Не стану останавливаться на археологических доводах И.С. Каменецкого в пользу меотской этнической принадлежности язаматов. По его признанию, они либо не поднимаются выше, либо даже не достигают уровня рабочих гипотез⁵¹. Появление этих догадок предопределено односторонней интерпретацией письменных источников. Археологически же они необоснованны и специалистами не разделяются⁵².

В заключение замечу, что при трактовке вопроса о язаматах следует не пассивно учитывать две возможности решения, две якобы «равновероятные точки зрения», как предлагает И.С. Каменецкий (будучи сам, однако, «убежден в меотской их принадлежности»), а опираться на наличные материалы. Эти же последние сегодня еще более, чем прежде, подтверждают принадлежность язаматов к сарматскому миру степей Приазовья.

Впервые опубликовано:

Вестник древней истории, 1974, № 1, с. 153–160.

48 SC, т. I, с. 343.

49 Там же, с. 396, 397.

50 См.: Смирнов, Ук. соч., с. 193, 194; Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА, 1965, № 1, с. 108 и сл.

51 Каменецкий И.С. Ук. соч., с. 169.

52 См.: Шелов Д.Б. Ук. соч., с. 65, 68, 153, 305; Его же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 237; Ефанов Ю.П. Кобяковский грунтовой могильник и вопрос о его этнической принадлежности // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968, с. 136–143; Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969, с. 206, 207 и др.

ОПИСАНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА (XI, V, 1–8)

Первые пять глав XI книги «География» Страбона содержат описание кавказских земель, начиная от р. Танаиса. С особой обстоятельностью изложены сведения о побережье Меотиды и Понта и о Закавказье. На их фоне содержащееся в V главе описание Северного Кавказа выглядит более поверхностным, фрагментарным и вместе с тем сверх меры насыщенным разного рода отступлениями, мифографическими справками, констатациями курьезов, которые выдают скромную осведомленность автора, ограниченность и определенную дефектность источников, которыми он пользуется.

Данная глава «География» оказалась и менее всего затронутой источниковедческим и фактологическим анализом. В отличие от описаний других областей Кавказа, каждому из которых уделено много внимания и в общих трудах «страбонианы»¹ и в узкоспециальных исследованиях², характеристика Страбоном Северного Кавказа оценивалась как некий второстепенный фон для сведений об азиатской округе Боспора, Колхиде, Иберии и Кавказской Албании.

Между тем описание Северного Кавказа у Страбона — самая ранняя из дошедших до нас попыток освещения сложной географо-этнической панорамы этого обширного и многоплеменного региона, удаленного от областей, наиболее интересовавших античную политику и тесно связанную с нею научную мысль. Именно в V главе XI книги сохранены редкие, а часто и просто уникальные данные о населении Северного Кавказа последних веков до нашей эры — рубежа нашей эры, в которых видится, в частности, начало письменной истории ряда аборигенных этнических групп — предков современного населения, находившихся в активном общении с миром ираноязычных кочевников-сарматов и Закавказьем.

Прежде чем приступить к трактовке самих сведений о Северном Кавказе, необходимо решить первостепенный вопрос об источниках этой части труда Страбона.

Известно, что «почти во всей своей книге Страбон не перерабатывает своего материала, а его эксцерпирует, или, лучше сказать, сокращает, причем механически соединяет выдержки из источников разных категорий»³. Доказано и то, что основными источниками описания Кавказа были для Страбона (кроме его собственных знаний) сочинения Эратосфена, Артемидора Эфесского, Посидония Аппамейского, Метродора Скепсийского, Феофана Митиленского и Гипсикрата. В этом ряду наблюдаются перестановки имен по значимости каждого из них для характеристики у Страбона той или иной области, причем оценка иногда зависит от субъективных представлений и локальных интересов исследователей. Последнее заметно и в немногочисленных попытках установления (а точнее провозглашения) доминирующего источника Страбона в описании Северного Кавказа. Так, Фабрициус (вслед за Арнольдом и Нейманом) считал, что V глава, как и все прочие кавказские главы «Географии», написана на основании главным образом Феофана Митиленского⁴. Ему же отдает приоритет Л.А. Ельницкий⁵. К Эратосфену и Феофану возводит основные сведения Страбона о Северном Кавказе Ю. С. Гаглойти⁶. М.П. Абрамова склоняется к мнению, что Страбон в рассказе о северокавказских сарматах (сираках и аорсах) опирался на перипл Артемидора Эфесского⁷. Все эти версии, подсказанные бесспорным приоритетом названных источников при освещении некоторых иных областей Кавказа, в нашем случае не подтверждаются.

Сочинение Артемидора, написанное в 104–101 гг. до н.э., не могло служить источником сведений о положении дел во внутренних районах Северного Кавказа, так как представляло собою полный и детальный перипл, сухая информация которого ограничивалась лишь узкой прибрежной полосой Меотиды и Понта⁸. Не соответствует фактам и мысль о предпочтительности труда Феофана Митиленского

1 См., например: Neumann K. I. Strabons Landeskunde des Kaukasus. Jahrbuch der classischen Philologie, XIII. Leipzig, 1883; Fabricius W. Theophrastes von Mitylene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon. Leipzig, 1888; Duboi M. Examen de la Geographie de Strabon. Paris, 1891; Jones H. L. The Geography of Strabo. I. L.; N-Y, 1917; Honigmann E. Strabo. RE, IV-A; Bunbury E. H. A. History of Ancient Geography, v. II, 1959; W. A 1 y. Strabo von Amaseia. München, 1960; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925; Каухчишвили Т.С. «География» Страбона. Тбилиси, 1957; Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961; и др.

2 См., например: Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 336; Болтунова А.И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ, 1947, 4, с. 142; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 7; Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 75 и др.

3 Ростовцев М.И. Страбон как источник..., с. 370, прим.

4 См.: Fabricius W. Op. cit., s. 9–12.

5 См.: Ельницкий Л.А. Знания древних..., с. 34, 94, 146, 154.

6 См.: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 93.

7 См.: Абрамова М.П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА, 1968, 3, с. 129.

8 См.: Miller GGM, I, s. 546–547; Fabricius W. Op. cit., s. 11–13; Nemann K. Op. cit., s. 10; Ростовцев М. И. Страбон как источник..., с. 365; Инадзе М.П. Указ. соч., с. 78; Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА, XIV, 1950, с. 109–111; Стратановский Г.А. Страбон и его «География» // Страбон. География. М., 1964, с. 785.

как главного источника для описания Северного Кавказа, хотя она, как будто бы, подтверждается прямой ссылкой во второй же фразе главы («Феофан, участвовавший в походе с Помпеем и бывший у албанов, говорит, что между амазонками и албанами живут скифские племена гелы и леги и что там течет река Мермадаль, между этими народами и амазонками») (V, 1). Приведенное мнение Феофана еще раз свидетельствует о безусловном учете Страбоном его трудов, но не более того. Феофан был признанным знатоком Закавказья. Описанию его свойственны заметные особенности, обусловленные присутствием автору высокими военно-стратегическими интересами⁹. Он сопровождал Помпея в походе 67–65 гг. по Албании, Иберии, Колхиде. Но дальше к северу Феофан не бывал и его осведомленность резко сокращалась с каждым шагом в сторону от победоносного марша римских войск.

Исследователи тонко подметили, что даже характеристика северного (Дарьяльского) прохода в Иберию («из области северных кочевников — трудный трехдневный подъем, а за ним узкое речное ущелье по реке Араге, требующее четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена») (III, 5), составляющая важную часть военно-стратегического обзора местности, приписываемого Феофану, основана уже не на автопсии, а на расспросах местных жителей¹⁰. При этом южный (закавказский) отрезок пути описан с большей детализацией (время движения, название реки и признаки ее ущелья, наличие фортификационных сооружений), нежели лежащий за перевалом, где для Феофана начиналась земля во многом неизвестная.

Примером схематичности знаний Феофана о Северном Кавказе может служить и его солидарность с мнением о кавказских истоках Танаиса, которое отвергается Страбоном (II, 2). Наконец, и в нашем случае Страбон, процитировав Феофана, тут же привел и иную точку зрения («Другие же, в том числе и Метродор Скепсийский и Гипсикрат, также знакомые с этими странами, говорят, что амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими»), посвятив ей и связанным с нею экскурсам основной объем главы и больше не вспоминая об информации Феофана.

М.И. Ростовцев показал, что влияние Феофана на кавказские страницы «Географии» Страбона вообще и на его описание округа Боспора в частности несколько переоценено¹¹. Этот взгляд имеет многих сторонников¹². Характер сведений о внутренних районах Северного Кавказа, содержащихся в V главе, не позволяет отнести их на счет Феофана Митиленского, познания которого в этом вопросе были достаточно скудны, да к тому же, в сравнении с мнениями некоторых других авторов, не всегда пользовались у Страбона безоговорочным доверием.

Больше оснований на признание важным источником V главы имеет Эратосфен (284–200 гг.), на которого Страбон прямо ссылается выше (II, 15). По почти единодушному мнению исследователей, этому автору принадлежит общая географическая структура страны, т. е. общее описание Кавказа, расположения кавказских гор, составляющих границы расселения племен и т. п.¹³. Эратосфен, пользовавшийся в свою очередь выписками из трудов Патрокла, Тимосфена Родосского и др., являл собою венец физико-географического познания ойкумены (в том числе и Кавказа) дострабоновой поры, хотя (как всякий авторитет) и подвергался критике, а то и просто нападкам. Именно от Эратосфена в интересующее нас описание должны были попасть сведения о «самых высоких частях подлинного Кавказа», об отграничении этими горами областей Закавказья, населенных албанами, иберами, колхами и гениохами от «Сарматских равнин» Северного Кавказа, третье по счету (сравните: II, 16, 19) упоминание народов, «сходившихся в Диоскуриаду», название и локализация «Керавнских гор» как северной границы Албании. С помощью Эратосфена, очевидно, Страбон приобщился и к полемике о «перенесении имени Кавказа на Индийские горы», изложение сути которой заняло целый параграф (V, 5)¹⁴. Всего этого довольно для высокой оценки сочинения Эратосфена как источника общих представлений Страбона о Северном Кавказе.

Но ни Эратосфеном, ни тем более Феофаном Митиленским круг источников не исчерпывался, и отнюдь не им следует отдать честь наполнения главы конкретным и чаще всего жизненно достоверным материалом, отражающим реальность, близкую или даже современную Страбону. Сам автор «Географии» в V главе упоминает нескольких своих предшественников кроме Феофана. Кое-что уга-

9 См.: Miller. FHG, III, s. 312–316; Neumann K.; Болтунова А. И. Указ. соч., с. 150–152.

10 См. подробно: Болтунова А.И. Указ. соч., с. 150–153.

11 См.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, с. 140 и сл.

12 См., например: Dubois M. Op. cit, p. 317–330; Jacoby F. Fragmente der griechischen Historiker, IIC, s. 614; Aly W. Op. cit., s. 91–110; Болтунова А.И. Указ. соч., с. 147–160.

13 См.: Berger. Die geographischen Fragmente der Eratosthenes. Leipzig, 1880; Honigmann E. Eratosthenes // RE, I, s. 368; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, с. 30 и сл.; Болтунова А.И. Указ. соч., с. 148–159; и др. Иной точки зрения придерживается Л. А. Ельницкий, который (без всякой, впрочем, аргументации) относит эти сведения на счет Метродора Скепсийского (см.: Ельницкий Л.А. Знания древних..., с. 146).

14 Правомерность такого мнения обосновывается сравнением отрывка с историографическим экскурсом в одной из начальных глав «Географии» (II, II, 1–9).

дывается и без прямых ссылок. Невелика роль Клитарха (вторая половина IV в. до н.э.), названного в конце пространного экскурса в область «сказаний об амазонках» (V, 3–4). Его мнение о приходе к Александру Македонскому царицы амазонок Фалестрии «от Каспийских ворот и Териодонта» расценено Страбоном как курьез и приведено с целью подчеркнуть нелепость «полных чудес и далеких от вероятия» сказаний о племени женщин-воительниц. Историко-критический этюд о «судьбе» амазонских легенд (вместе с суждениями о причинах переноса названия «Кавказ» в Индию) представляет собою ту значительную по размеру, но отвлеченную по содержанию часть главы, в которой явно проглядывает собственное отношение Страбона к популярнейшему мифу его времени. Миф этот имел огромную «историографию», но Страбон не считал нужным персонифицировать ее.

Возможно и даже вероятно, что в канве и содержании пассажей об амазонках есть влияние Посидония (128–45 гг.)¹⁵ — «наиболее крупной фигуры среди всех эллинических историков и географов, занимавшихся югом России»¹⁶.

М. Дюбуа, впервые аргументировавший мысль о возможности включения Посидония в число источников Страбона о Кавказе, считал, что «География» обязана ему кроме прочего и «значительным материалом в области описательной географии, исторических экскурсов, а также тех красочных курьезов, которые смягчают строгость основного текста»¹⁷. Советские исследователи убедительно доказали важный вклад Посидония в страбоновское описание Иберии и Албании¹⁸. Едва ли можно отрицать и причастность Посидония к разбираемым этюдам. Помятуя же о специальном его интересе к этнографии, об особенностях его этнографических экскурсов (несколько идеализирующий тон и одновременно большое внимание к реалистическим деталям картины), можно отнести на счет Посидония и достоверное описание образа жизни горцев «самых высоких частей подлинного Кавказа» (V, 6).

В первых же строках главы, сразу вслед за Феофаном, Страбон назвал еще двух своих предшественников — Метродора Скепсийского и Гипсикрата, аттестовав их как людей «знакомых с этими странами». Им и принадлежит пространный рассказ о соседстве и взаимоотношениях амазонок и гаргареев, сдобренный сильным налетом фольклора (V, 1–2).

Метродор Скепсийский (около 145–70 гг.) — знаменитый «ненавистник Рима» — располагал богатой информацией о Кавказе¹⁹. Занимая видное положение при дворе Митридата VI Эвпатора, он был в курсе важнейших событий и интересов Понтийского государства, включавшего в себя, частично, и северокавказский ареал. Скорее всего Страбон использовал его труды через посредство Гипсикрата Амисского (старший современник Страбона)²⁰. Появление этих двух имен вместе в начале амазонско-гаргарейского сюжета согласуется с мыслью о преемственности данных источников. Интерес же Гипсикрата к сказаниям об амазонках может быть дополнительно мотивирован тем, что Фемиксира — древнее предполагаемое мифами место обитания амазонок — во времена Гипсикрата принадлежала Амису и амисенцам.

Частью рассказа об амазонках является и начальная фраза §2, выпадающая, однако, из общего содержания и стиля этого мифографического эссе («Мермод, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракену и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду»). Она надо думать, принадлежит Метродору, пытавшемуся географически увязать амазонок Северо-Восточного Кавказа с ближе знакомой округой Боспора, и выдает недостаточную ориентированность во внутренних областях Северного Кавказа. Совсем иного рода сведения (и это верно подметил Л. А. Ельницкий)²¹ содержатся в двух заключительных параграфах главы (V, 7–8). Они обстоятельны, конкретны, хронологически определены. Страбон не скрывал, что избегает перечисления всех названий «варварских» племен «по незначительности и в то же время из-за их странных названий» (XVI, IV, 18). Тем показательнее, что здесь — в считанных строках лаконичного обзора — им названо не менее 10 кавказских и сарматских племен, большинство из которых только тут и фигурирует. Четко охарактеризованы ландшафтно-климатические условия их обитания, акцентировано внимание на земледельчестве одних и кочевничестве других, названы по именам местные «цари», численность их войск, дана пространственная и относительно друг друга локализация сарматских племен, описана р. Ахардей. Но важнее всего, что в этом композиционно и стилистически едином описании имеется указание на время получения информации («...когда Фарнак владел Боспором»). Правление Фарнака — 63–47 гг. Это автома-

15 См.: Müller. FHG, III, s. 245–296; Honigmann E. Strabo, s. 111.

16 Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 41.

17 Dubois M. Op. cit., p. 326–357.

18 См.: Болтунова А. И. Указ. соч., с. 145–160; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 301–322.

19 Miller — FHG, III, s. 203–205; Dubois M. Op. cit., p. 317–321; E. Honigmann. Op. cit., s. 120–137; Jacoby F. Op. cit., s. 619; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 135 и сл.; Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 34 и сл.

20 См.: Müller. FHG, III, s. 493; Honigmann E. Op. cit. s. 130–134; Jacoby F. Op. cit., s. 619; Ростовцев М. И. Указ. соч., с. 140 и сл.; Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 146 и сл.; Болтунова А. И. Указ. соч., с. 149.

21 См.: Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 154–155.

тически исключает из числа претендентов Метродора Скепсийского, умерщвленного в 70 г., и делает крайне проблематичным авторство Феофана Митиленского, чей труд был написан в 63–62 гг. на зимней квартире в Эфесе.

Если же сопоставить это хронологическое указание с тем, что Страбон во многих своих исторических экскурсах, касающихся Кавказа и Боспора, доводит повествование до завершающих лет I в. до н. э., уделяя много внимания борьбе потомков Митридата против Рима, то станет бесспорным: географ опирался на некий источник, весьма компетентный в послемитридатовой истории Понта и Боспора.

М.И. Ростовцев, проанализировав исторические экскурсии на «боспорских страницах» «Географии», пришел к убедительному выводу, что только Гипсикрат «удовлетворяет всем требованиям, которые ставятся содержанием и духом отрывков»²².

Материалы V главы (не использованные М. И. Ростовцевым) подтверждают его мысль. Напомним, что в конце своего правления Фарнак распространил владения Боспорского царства в пределы Азии и зимой 48–47 гг. находился в Амисе. От него самого или от его ближайшего окружения могли попасть к Гипсикрату Амисскому ценные сведения о внутренних районах Северного Кавказа. Этот «варварский» регион всегда живо интересовал правящую верхушку Боспора как зона потенциальных союзников или врагов в борьбе Боспорского царства, как сфера приложения ее активной политики. Особое же внимание к сарматам может быть дополнительно объяснено и их непосредственным участием в закавказских походах боспорских войск²³, а также активной ролью их в междоусобных войнах и смутах на Боспоре в 50-х гг. I в. до н.э.²⁴. Итоги нашего источниковедческого анализа можно суммировать так:

Параграфы	Основные	источники Страбона
V главы	(в порядке значимости)	
1-й	Метродор, Феофан	Скепсийский, Гипсикрат, Митиленский
2-й	Метродор	Скепсийский, Гипсикрат
3–4-й	Вся предшествующая традиция	
5-й	Эратосфен	
6-й	Эратосфен,	Посидоний
7–8-й	Гипсикрат	

Они дают достаточные основания считать ведущим источником в описании Страбоном Северного Кавказа Гипсикрата Амисского, фактические материалы которого в данном разделе «Географии» сочетаются со сведениями, заимствованными у Эратосфена, Метродора Скепсийского, Феофана Митиленского и др.

Обратимся теперь к содержанию описания Северного Кавказа в V главе XI книги «Географии» Страбона. Оно начинается с констатации: «В горах над Албанией, по рассказам, живут амазонки». Затем, со ссылкой на Феофана, уточняется, что «между амазонками и албанами живут скифские племена гелы и леги и что там течет река Мермадаль между этими народами и амазонками». Впрочем, как свидетельствуют Метродор и Гипсикрат, названные тут же, «амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях» Керавнских гор. Далее подробно повествуется о хозяйстве, быте, нравах, воинственности амазонок, об их своеобразных брачных связях с гаргареями, приводятся предания об их совместном появлении в этих местах, об эволюции взаимоотношений между соседями. Здесь же вкраплен еще один чисто географический пассаж: «Мермод, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракену и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду». Таковы сведения в первых двух параграфах главы. «Горы над Албанией», «северные предгорья Керавнских гор», о которых мы в другом месте узнаем, что они, будучи частью Кавказа, «высятся над равнинами» и являются «ближайшими к морю» (Каспийскому) (XI, IV, 1) — это достоверное указание на территорию Северо-Восточного Кавказа (Дагестан и прилегающие к нему районы Чечни). Леги и гелы — общепризнанные дагестанские горные племена — предки современных этнических групп Дагестана (прежде всего аварцев и лакцев)²⁵. «Гаргареям» Страбона посвящена обширная литература. Первоначально их отождествили с ингушским племенем «галгаи», давшим нынешнее самоназвание ингушам²⁶, и эта

22 Ростовцев М.И. Страбон как источник..., с. 366 и сл.; Его же: Скифия и Боспор, с. 140–143.

23 См.: Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953, с. 20; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 81 и сл.

24 См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л. 1949, с. 312–335.

25 См.: Лавров Л.И. Лезгины // Народы Дагестана. М., 1955, с. 102; Тревер К.В. Указ. соч., с. 47 и сл.; Народы Кавказа, вып. 1. М., 1960, с. 487, 503; История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 78 и сл.; и др. Определение Феофаном гелов и легов как «скифских» племен может означать их отличие от собственно албанов.

26 См.: Услар П.К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тбилиси, 1888, с. 166; Miller K. Iteneraria Romano. Stuttgart, 1916, s. 698; Дьяконов И.М. Рец. на кн. Г.А. Меликишвили «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья» // ВДИ, 1946, 2, с. 59;

точка зрения продолжает находить сторонников²⁷. Согласно другой версии, этноним «гаргареи» является собирательным (общим) названием некоей части древневайнахских (вайнахи — чеченцы и ингуши) племен, имеющим смысл: «близкие, родственные»²⁸. Весьма интересно, что термин «гаргар» для обозначения родства бытует и у некоторых горнодагестанских народностей, позволяя тем самым предполагать еще более расширенное толкование страбоновского этнонима²⁹, зафиксированного также и Плинием Секундом в форме «гегары» (Естественная история, VI, 22). Сегодня еще невозможно дать окончательный ответ: являются ли гаргареи Страбона отдельным вайнахским племенем или это наименование какой-то протовайнахской или даже протовайнахо-дагестанской этнической общности. Но локализация гаргареев именно в предгорьях Северо-Восточного Кавказа и отнесенность их к кругу аборигенного населения не вызывают сомнений.

Немного сложнее в конкретном контексте решается вопрос об амазонках. Это мифическое племя со времен Эсхила помещалось в предкавказских степях. Слухи об амазонках питались известной савроматской «гинекократией», т. е. темп засвидетельствованными различными источниками чертами высокого положения женщины в савроматском обществе, которые позволяют уверенно говорить о существовании у сарматов позднематеринского рода³⁰. Сопоставление «амазонских мотивов» в сочинениях античных авторов с отголосками реального положения дел в савромато-сарматской среде обладает традицией, насчитывающей не менее двух тысяч лет³¹. Сегодня оно имеет своими приверженцами едва ли не всех сарматологов. Постоянное же включение степей Северного Кавказа (в том числе и прилегающих к Дагестану) в сферу сарматских кочевий по крайней мере с VI–V вв. до н. э. хорошо обосновывается археологическими данными³². Сказанное позволяет определить и «реку Мермадаль», названную в другом месте — «Мермод». Она, «с шумом низвергающаяся с гор», «протекающая через страну амазонок» и отделяющая своим течением гелов и легов от амазонок, должна быть сопоставлена с Тереком — крупнейшей рекой Северо-Восточного Кавказа³³. Разница (незначительная) в звучании названия и более существенные противоречия в прокладке ее русла (в одном случае она протекает к северу от Албании и явно подразумевается, что впадает в Каспий, в другом — пересекает весь Северный Кавказ и «впадает в Меотиду») объясняются различиями источников, на которые опирался Страбон³⁴. При этом сведения Феофана в данном случае верны, а представления Метродора Скепсийского и Гипсикрата (повторившего Метродора) много туманнее, так как базируются на информации предшествовавших веков исключительно слабого знакомства эллинов со столь удаленной кавказской «глубинкой».

Забегая несколько вперед (V, 4), но в связи локализацией амазонок на Северном Кавказе, на берегах Терека, необходимо коснуться и курьеза с использованием Страбоном сообщения Плутарха.

Слухи об обитании амазонок то в Малой Азии, то к северу от Кавказа, а также, по-видимому, сходство звучания названий рек Мермадаль и Термодонт породили путаницу. Поэтому-то, очевидно, Плутарх и утверждал, что амазонка Фалестрия и явилась к Александру «от Каспийских ворот и Термодонта». Страбон недоумевает: ведь, «от Каспийского моря до Термодонта более шести тысяч стадий». Между тем все станет на свои места, если принять, что Плутарх говорил о Дербентском проходе и Терреке³⁵. И значит вновь пребывание амазонок связано с Северо-Восточным Кавказом.

Страбон излагает легенду о взаимоотношениях амазонок и гаргареев. Легенда эта сюжетно и ря-

Ельницкий Л.А. Комментарии к переизданию «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева // ВДИ, 1947, 4, с. 222; Гамрекели В.Н. О племени двалов // Мимомхилвели, IX. Тбилиси, 1957, с. 203; и др.

27 См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 72; Его же: Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 25–28; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС, II. Тбилиси, 1968, с. 21; и др.

28 См.: Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских наречий и языков // Записки Северо-Кавказского НИИ, 1. Ростов н/Д., 1928, с. 15; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963, с. 38; Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М., 1966, с. 125–128; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении вайнахских племен // АЭС, т. 1, Грозный, 1966, с. 64–70.

29 См.: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 153.

30 См.: Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947, 3, с. 100 и сл.; Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ, 1970, 2, с. 138–148.

31 Еще Плиний, говоря о побережье Каспия «выше приморских владений» Албании, помещал здесь «амазонок и савроматид» (VI, 3), которых Стефан Византийский (VI в.) прямо отождествлял.

32 См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 13 и сл.; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 196 и сл.; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, с. 39–59.

33 См. подробно: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 8, вып. 2. Грозный, 1966, с. 79–82.

34 См.: Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племени (по письменным источникам) // СА, 1966, №4, с. 38–40 (там же возражения мнению Ю. С. Гаглойти и И. С. Каменецкого, отождествляющих Мермадаль-Мермод с Кубанью).

35 Плутарх (начало II в. н. э.) писал: «Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними живут еще гелы и леги. Амазонки проводят с ними ежегодно по два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта, а затем удаляются и живут сами по себе» (Помпей, XXXV). Это — перефраз Страбона. Причем Плутарх отнес сведения Метродора и Гипсикрата к гелам и легам, упомянутым Феофаном, а Мермадаль назвал Термодонтом.

дом важных деталей перекликается с геродотовской легендой о браке скифов и амазонок³⁶ и с мотивами северокавказского нартского эпоса, который складывался в раннем железном веке³⁷. Суть легенды такова. 10 месяцев в году амазонки занимаются хозяйством (в особенности уходом за лошадьми). «Наиболее сильные из них занимаются главным образом охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у них выжигают правую грудь, чтобы свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии, и прежде всего при метании копья». Вооружение их: кроме копий — лук, боевой топор и легкий щит. Одежда и воинское облачение (шлемы, плащи, пояса) — из шкур зверей. «Весной у них есть два месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргареев. По стародавнему обычаю и гаргареи приходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с женщинами жертвоприношения, сойтись с ними для деторождения». Новорожденных девочек амазонки оставляют у себя, мальчиков передают на воспитание гаргареям. «Гаргареи, говорят, пришли в эти места вместе с амазонками из Фемиксиры; затем, однако, подняли восстание и стали воевать против амазонок... впоследствии, прекратив войну, они заключили соглашение на вышеупомянутых условиях, так что имели только общность детей, а жили те и другие отдельно».

Прежде всего ясно, что хотя источник Страбона и рассказывает о взаимоотношениях амазонок и гаргареев как о существующей реальности, на самом деле легенда отражает события куда более древние. Где-то в труднообозримом прошлом находятся совместное «появление» здесь героев легенды, последующий раскол и война между ними и, наконец, новый мир на условиях, которые к моменту их фиксации освящены уже славой «стародавнего обычая». Анализ легенды дал серьезные основания считать, что она — мифологизированное изложение подлинных событий, разыгравшихся в данном районе Северного Кавказа между частью аборигенов и савроматами после знаменитых так называемых скифских походов через Кавказ в VII в. до н. э.³⁸ Этот отрывок из «Географии» отражает не современное Страбону и его источникам положение дел, а обращен в прошлое, столь щедро оснащенное античную литературу преданиями о добродетельных и воинственных амазонках, черты которых проглядывают и в характеристиках храбрых, энергичных, добропорядочных героинь типа Тиргитао и Амаги³⁹. Заимствованный, по словам самого Страбона, от Метродора и Гипсикрата, он изложен вполне в духе несколько идеализированных этнографических описаний Посидония Аппамейского. Все это вместе прозрачно намекает на время окончательного литературного оформления древней легенды об амазонско-гаргарейских связях — конец II — начало I в. до н. э.

Включение же ее в текст «Географии» может быть результатом исключительно скудных, да к тому же еще и разноречивых сведений, которыми располагал Страбон о Северо-Восточном Кавказе своего времени. Эта нехватка фактического материала косвенно признается и самим автором. Решительно отказав легендам об амазонках в доверии («Об амазонках же и прежде и теперь существуют одни и те же сказания, полные чудес и далекие от вероятия»), Страбон пускается в пространные рассуждения, занимающие добрую половину главы (V, 3–5). Они, полезные для уяснения общей методики античной историко-географической мысли и исследовательских приемов самого Страбона, фактически совершенно не относятся к Северному Кавказу. Кроме отмеченного выше курьеза с использованием сведения Плутарха хотелось бы отметить лишь трезвое, афористично звучащее суждение Страбона: «Сказания древние, неверные и чудесные, называются баснями, история же ищет истины, будь это древнее или новое событие, и чудесного или вовсе не допускает, или лишь изредка». Нехватка конкретного материала уступает место большей осведомленности в трех заключительных параграфах главы (V, 6–8).

Возвратившись после долгих блужданий в недрах мифологии и историографии на почву реальных фактов, Страбон продолжает подлинное описание Северного Кавказа. Первыми в его поле зрения попадают вершины Главного Кавказского хребта («Самые высокие части подлинного Кавказа, суть самые южные, обращенные к Албании, Иберии и областям колхов и гениохов») (V, 6). По представлениям Страбона, обстоятельно изложенным выше (II, 16, 19), они населены большим числом разрозненных племен («все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости»). Теперь он вновь повторяет, что эти племена «сходятся в Диоскуриаду», и характеризует их быт. Данный отрывок подкупает своей географо-этнографической правдивостью. Надо согласиться, что здесь Страбон имеет в виду вершины Центрального Кавказа (в основном между Эльбрусом и Казбеком)⁴⁰. Именно они составляют «наиболее высокую и наибо-

36 См.: Геродот. История в девяти книгах, IV. Л., 1972, с. 110–117; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 13.

37 См.: Виноградов В. Б. Ранние сарматы и некоторые вопросы истории Предкавказья // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 6. Грозный, 1965, с. 190–192.

38 См. подробно: Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 19–25.

39 См.: Ростовцев М. И. Амаги и Тиргитао // ЗООИД. Одесса, 1915, с. 32.

40 См.: Ельницкий Л. А. Комментарии к переизданию..., с. 283, прим. 1.

лее оледенелую часть горной системы», почти не имея удобных перевалов⁴¹. Это полностью отвечает характеристике Страбона («Зимою горные вершины неприступны, а летом на них взбираются подвязывая подошвы из сырой воловьей кожи с шипами, широкие, как литавры; подвязывают по причине снегов и льдов. Спускаются же с гор, лежа на шкуре вместе с кладью и скользят вниз...»)⁴². Верно (в общих чертах) изображены и хозяйственно-бытовые черты культуры населения («живут под открытым небом⁴³ в ущельях, питаются по большей части звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком»): охота, молочное животноводство, собирательство всегда играли ведущую роль в обеспечении пропитания обитателей высокогорных районов Северного Кавказа⁴⁴. Даже такая деталь, как покупка соли, названная Страбоном причиной, по которой горцы совершают трудные и рискованные переходы в район Диоскуриды, находит подтверждение в местной этнографии: нужда в соли отмечалась источниками вплоть до конца XVIII в.⁴⁵

Следующий параграф посвящен предгорьям, лежащим севернее и имеющим «более умеренный климат, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков». Здесь называются «некие троглодиты», хамекиты и полифаги⁴⁶, «селения исадигов», причем едва ли не единственный признак их культуры, который неоднократно подчеркнут, — это земледелие («у них уже и хлеб в изобилии», «могущих заниматься земледелием»). Это вновь соответствует истине, засвидетельствованной в многочисленных памятниках археологии предгорной зоны Северного Кавказа⁴⁷. Вызывает разногласия локализация и зависящее от нее этническое определение названных племен. Высказанная впервые Е. И. Крупновым гипотеза об их размещении на территории нынешней Чечено-Ингушетии и связи с древним вайнахоязычным населением⁴⁸ получила дальнейшее развитие, историко-этнографо-лингвистическое обоснование или признание в ряде работ⁴⁹. Но эта трактовка убедила не всех,⁵⁰ получив альтернативу в виде мысли о том, что Страбон подразумевал тут скорее всего предгорья в Верхнем Прикубанье⁵¹. Последняя точка зрения базируется на сомнительном толковании предшествующего отрывка о высокогорье как якобы описания вершин только Западного Кавказа.

В пользу первой версии говорит недавно выявленный факт скопления в бассейне Терека и его притоков топонимики, связанной с этнонимом «сираки»,⁵² что весьма симптоматично в свете прямого указания Страбона на соприкосновение описываемых им предгорий с «равнинами сираков». Нужно считаться и с тем, что, вероятно, информированность источника Страбона относительно северокавказских предгорий касалась в первую очередь округа Дарьяльского прохода — важнейшей артерии связей с Закавказьем. Впрочем, все это — косвенные доводы, и вопрос нельзя считать окончательно решенным⁵³. В данном отрывке конкретное этнографическое содержание сведений находится в труднопреодолимом противоречии с плохой ориентированностью сведений на местности. И это не вина, а беда Страбона и его источника, порожденная общей скудостью знаний о Северном Кавказе.

И, наконец, последний параграф главы. Он посвящен «кочевникам». Первыми названы «набианы и панканы». Скрывались ли они прежде под общим именем савроматов⁵⁴ или представляли собою сильно сарматизованные аборигенные племена, вовлеченные в последних веках до нашей эры в

41 Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. М., 1954, с. 124.

42 Гаглойти Ю.С. (К истории северокавказских аорсов и сираков // Известия Юго-Осетинского НИИ, 15. Цхинвали, 1969, с. 26 и Абрамова М. П. (Указ. соч., с. 129) высказывают мнение, что Страбон и его источники подразумевают горы Западного Кавказа. Этому противоречит (кроме собственно географических примет) и ясное указание на обращенность этих гор не только к колхам и гениохам, но и к Иберии и даже Албании, что для Западного Кавказа исключено.

43 Это сомнительно. Возможно, имеется в виду отсутствие у горцев фундаментальных каменных строений.

44 См.: Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 300–320; Его же: Средневековая Ингушетия, с. 114 и сл.; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 109 и сл.; Калоев Б. А. Осетины. М., 1972; и др.

45 См.: Вахушти (Багратиони). География Грузии. Тбилиси, 1904, с. 150–152; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, 2. М., 1823, с. 170 и сл.

46 «Троглодиты» — пещерники, «полифаги» — многоеды (обжоры), «хамекиты» («хамекеты» — по Г. А. Стратановскому) — возможно, спящие на земле. Все эти странные «описательные» этнонимы могут быть «варварскими» названиями племен, подвергнувшимися фонетическому уподоблению.

47 См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, с. 312 и сл.; Алексеева Е.П. Указ. соч., с. 50–65.

48 См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, с. 70 и сл.

49 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 155 и сл.; Его же: Тайны минувших времен, с. 117 и сл.; Виноградов В.Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства..., с. 47 и сл.; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967, с. 22; Козенкова В.И. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969, с. 20; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 20; и др.

50 Волкова Н.Г. Указ. соч., с. 124.

51 Гаглойти Ю.С. К истории северокавказских аорсов и сираков, с. 26; Абрамова М.П. Указ. соч., с. 129.

52 Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, с. 182.

53 Нельзя забывать и о близости к Боспору Клухорского перевала, сведения о племенах которого могли попасть к Страбону. Есть в Прикубанье и топонимика, исследование которой может открыть новые перспективы (например, местность «Хамкетей»).

54 Ельницкий Л.А. Знания древних..., с. 155.

кочевничество,⁵⁵ — не суть важно. Существеннее другое: они, «кочующие между Меотидой и Каспийским морем», занимали часть «равнин сираков», к которым примыкали предгорья. Это дает ключ к пониманию самого первого свидетельства о сираках в «Географии» («аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор») (II, I)⁵⁶. Вероятно, если не очевидно, что набианы и панксы входили в племенное объединение, возглавляемое сираками, составляя как бы пограничную полосу населения между собственно сираками и горцами Кавказа.

После набианов и панксанов называются «уже племена сираков и аорсов». О них сообщаются такие подробности: «Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше <...> и они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил 20 000 всадников, царь аорсов Спандин — даже 200 000, а верхние аорсы еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевоза на верблюдах. Благодаря богатству они (верхние аорсы. — *Авт.*) носили золотые украшения. Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду». Локализация сираков и аорсов в степном Предкавказье является сегодня предметом активной полемики⁵⁷. Тем важнее трактовка данного отрывка — основного для определения местообитания названных сарматских племен.

Существуют разные варианты чтения этого пассажа. По мнению ряда исследователей⁵⁸, в одной из важнейших фраз его наличествует лакуна: «Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше <...> и они севернее аорсов». Если это так (а мнение данное представляется убедительным), то кто эти «они», живущие севернее аорсов и сыгравшие важную роль в судьбах беглецов — аорсов и сираков? Последующие строки неоспоримо показывают, что ими могут быть только «верхние аорсы», внезапно появляющиеся в одном ряду с сираками и аорсами немедленно после лакуны. И появились они не как эпизодическое, а как полноправное «действующее лицо» в данном тексте, ибо теперь все три группы сарматов трижды описываются в сравнении.

В этом случае следует признать, что полностью северокавказские координаты имеют только сираки, живущие «по Ахардею» — реке, текущей с Кавказа. Аорсы определенно размещаются на Дону, а их «верхние» сородичи из Северного Прикаспия могут претендовать на Северном Кавказе лишь на контроль над узкой прикаспийской полосой земли («Каспийского побережья»), что, кстати, вполне вероятно и подтверждается другими фактами⁵⁹.

Но в последних по времени переводах «Географии» лакуна отвергается, и текст звучит так: «аорсы и сираки являются, кажется, беглецами из среды верхних племен с теми же названиями и аорсы более смещены к северу, чем сираки»⁶⁰, или «аорсы и сираки являются, видимо, изгнанными племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков»⁶¹. Подобное прочтение еще больше укрепляет северокавказские позиции сираков, противопоставляя им подонских аорсов, живущих севернее.

В любом из приведенных случаев сведения Страбона не дают права размещать аорсов в районах Центрального Предкавказья.

Прочие подробности параграфа не представляют сложности для комментария (за исключением полемики вокруг отождествления Ахардея с Манычем или Кубанью, что в данном случае существенного значения не имеет) и не раз были объектом внимания исследователей, единодушно отмечавших их важность для воссоздания истории сарматов вообще и предкавказских сираков в частности⁶². Чтобы не повторять многократно написанного, мы и завершим на этом разбор V главы XI книги «Географии» Страбона, содержащей описание Северного Кавказа⁶³.

Впервые опубликовано: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1975. № 4. С. 36–43.

55 См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 158–160.

56 Обычно считается, что спускались до Кавказских гор оба племени. Но контекст и построение фразы позволяют относить эту характеристику только к сиракам.

57 Суть ее и библиографию вопроса см.: Виноградов В.Б. Локализация Ахардея..., с. 38–50; Гаглойти Ю.С. К истории северокавказских аорсов и сираков, с. 23–30. Абрамова М.П. Указ. соч., с. 125–130.

58 См.: Ельницкий Л.А. Комментарии к переизд. с. 283 (это мнение Мейнеке и Латышева).

59 Сравните: Виноградов В.Б. Локализация Ахардея..., с. 45–47.

60 См.: Strabo. Geography. Transl. by H. L. Jones. L., 1949, p. 243.

61 См.: Стратановский Г.А. Указ. соч., с. 480.

62 Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА. М., 1954; Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА, 1965, 1; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 81 и сл.

63 Разумеется, Северный Кавказ включает и восточное побережье Азовского моря и Прикубанье. Но они описаны во II главе XI книги «Географии» и в данной статье нами не рассматриваются.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ (ОЧЕРК ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ)¹

История формирования коренных национальностей Северного Кавказа, пожалуй, наиболее острая в современном кавказоведении. Борьба с проявлениями идей о национальной исключительности, национальном превосходстве, некоей «чистоте» происхождения тех или иных народов требует внимательного, пристального и предельно объективного рассмотрения той основы, на которой складывались в средневековые современные северокавказские народы.

Общепризнано, что наряду с кобанским субстратом, аланы Северного Кавказа были одним из главных компонентов, определившим духовную и материальную культуру, обычаи и традиции, внешний облик вайнахов и осетин, карачаево-балкарцев и адыгов. Конкретный вклад аланской составляющей в каждом случае — тема для отдельного разговора. Нас же сейчас интересует происхождение, формирование самих северокавказских алан. Решение этого вопроса невозможно без изучения сарматской эпохи, а точнее, периода второй половины I тыс. до н.э., когда на равнинах и в предгорьях Центрального Предкавказья образовалась та среда, которая в первых веках н.э. породила феномен северокавказских алан.

Историография рассматриваемого вопроса достаточно велика. Вышедшая недавно на эту тему статья одного из авторов данного доклада избавляет от необходимости подробного ее разбора². Отметим только, что господствовавшие в 60–70-х годах взгляды на этнокультурные процессы в Центральном Предкавказье исходили из взаимодействия разного рода ираноязычных пришельцев и кавказских аборигенов как механического процесса ассимиляции и споры практически велись лишь о доминанте того или иного компонента. Такой подход, с определенного времени, ни отвечать современным требованиям, ни объяснять вновь открываемые факты. На материалах конкретного происхождения северокавказских катакомб мы уже попытались дать новую концепцию этнокультурных процессов в Центральном Предкавказье в сарматское время³. Настоящий доклад преследует цель представить ее в более развернутом виде.

Первые контакты северокавказских аборигенов с ираноязычными степняками относятся к весьма глубокой древности. На севере региона, у границ калмыцких степей известны погребения периода перехода от бронзы к железу, а также самые ранние савроматские погребения VII в. до н.э.: Красный Маныч, к. I, п. 3, Чограй VIII, к. 4, п. 4 и др.⁴ Это позволяет высказать мысль, что по крайней мере северные, степные части Центрального Предкавказья входили в зону формирования савроматской культуры. Уже в VI–V вв. до н.э. захоронения, которые можно связать с савроматами, мы находим практически на всей территории региона. В пределах равнинной зоны Ставрополя нам известно их 24, в Северной Осетии — 5⁵, на территории Кабардино-Балкарии выделяются 24 нартановских кургана⁶. Ввиду важности для рассматриваемой темы последнего памятника, к нему мы вернемся отдельно. Прочие захоронения, за редким исключением, впускные в более ранние курганы прямоугольные грунтовые ямы, погребения одиночные, вытянутые, умерший лежит головой на запад в пределах сезонных отклонений. Из микродеталей ритуала часто присутствуют кости передней части овцы или обезглавленная овечья тушка, нередко положение одной или обеих рук покойного на таз. Подобный набор признаков достаточно надежно связывает эту группу захоронений с савроматами. В то же время инвентарь большинства захоронений, сохраняя савроматский облик в ряде категорий предметов (оружие, детали конской сбруи, украшения) в других случаях — в первую очередь в керамике — дает нам возможность видеть влияние местных племен. В погребениях савроматов встречаются крупные корчаги, биконические одноручные кружечки, явно позднекобанского облика. Это бесспорно свидетельство имевших место контактов.

Особняком в этом ряду стоит группа курганов у сел. Нартан. Заметим сразу, что памятники подобного типа не уникальны: курган во многом аналогичный нартановским, был раскопан В.А. Коренько у села Новозаведенное Ставропольского края, датируется он концом VI–V вв. до н.э.⁷. Уже в пуб-

1 Соавтор Я.Б. Березин.

2 Березин Я.Б. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40–80-е годы) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 68.

3 Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. — IV в.н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.

4 Коренько В.А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // КСИА. 1982. Вып. 170, с. 64; Коренько В.А. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче // СА. 1982. №2.

5 Наглер А.О., Гриднев В.В. Новые материалы раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 64 и сл.;

6 Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. т. 2, с. 19–115.

7 Коренько В.А. Отчет о раскопках на территории Ставропольского края в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, №6892.

ликации курганов по вопросу их этнической интерпретации возникла полемика. Если автор раскопок В.М. Батчаев признает их кочевническую, иранскую основу, колеблясь лишь между скифской или савроматской атрибуциями⁸, то, по мнению авторов предисловия М.П. Абрамовой и В.И. Козенковой, древние обитатели района Нартана были этнически родственны какой-либо горской племенной группировке⁹. Такие разноречивые оценки есть следствие многоплановости самого памятника, не укладывающегося в прокрустово ложе ассимиляционизма. Думается, что нет большого смысла в скупулезном подсчете «кобанских» или «скифских» («савроматских») черт в обряде и инвентаре, тем более, что все вместе они образуют комплекс, достаточно чуждый (при явном родстве) и кобанцам гор, и ираноязычным степнякам. Нужно попытаться рассмотреть проблему под другим углом зрения.

В конце VII – начале VI в. до н.э. какая-то племенная группа, участвовавшая в переднеазиатских походах скифов при возвращении закрепились у предгорий, практически в центре Предкавказья. Этнический состав ее, возможно, был пестрым изначально, ведь участие в скифских походах савроматов признано, а то, что скифскими передвижениями была захвачена и часть кавказских племен, весьма вероятно¹⁰. Дальнейшее этническое развитие этой группы шло за счет включения в свой состав и «переработки» как выходцев из кобанских племен, так и савроматских групп, наличие которых в VI–V вв. до н.э. в Предкавказье мы показали выше. Из механически перемешанного бурей военных походов этнического конгломерата вырастает новый этносоциальный организм. Эта эволюция отразилась в обряде погребений. Как подметил В.М. Батчаев «заметная пестрота» в оформлении и конструктивных деталях погребений ранней (VI в. до н.э.) группы сменяется «определенной стабильностью». Меняется и вещевой материал, хотя здесь труднее отличить изменения этнического плана от хронологических. В целом, имеет место: «...тенденция стабилизации социальной (а от себя добавим и этнической. — Авт.) структуры общества, основных форм материальной и духовной культуры»¹¹. Район Нартана, в силу каких-то причин политически стабильный на протяжении длительного времени, стал одним из очагов формирования новой, синтетической культуры Северного Кавказа.

Интересная ситуация складывается в восточной части Центрального Предкавказья. Здесь давно известно несколько могильников скифского времени, которые совершенно справедливо связываются с поздними кобанцами: Моздокский могильник¹². Отметим сразу, что и в инвентаре погребений (оружие, детали конской сбруи и снаряжения), и, возможно, в обряде (положение в могилу передней части тушки овцы) видны следы савроматских влияний. На этой же территории в курганах (станции Галюгаевская, Терская, Павлодольская) находят одновременные захоронения, сделанные по савроматскому погребальному ритуалу, но с чертами кобанского влияния в инвентаре, в первую очередь в керамике¹³ (см. также: раскопки С.Н. Кореневого в 1985 г. у ст. Галюгаевской к. I п. 4, материал не опубликован). Таким образом, на одной территории, одновременно обитали различные этнические группы, взаимодействовавшие друг с другом. Результатом этого взаимодействия явилось появление нового типа захоронений.

В курганах Предкавказья нередко находки безинвентарных, с неустойчивой ориентировкой костяков разной степени скорченности. Традиционно их относили к эпохе бронзы. Новые находки позволили датировать по крайней мере часть таких захоронений скифским временем, керамика этих могил имеет четкие аналогии в позднекобанских памятниках¹⁴. Мы склонны рассматривать подобные захоронения как индикатор наличия на плоскости Предкавказья племенных групп, этнически близких к кобанцам, но вовлеченных в какой-то степени в процесс кочевания вместе с потомками скифских и савроматских участников былых походов через Кавказ.

Таким образом, процесс межэтнических контактов, начавшихся в Центральном Предкавказье, возможно, еще на рубеже эпохи бронзы и раннего железа, в развитое скифское время привел к началу формирования здесь нового этноса, имеющего двуединую ирано-кобанскую основу. Можно назвать его пра- или предаланским, имея в виду отнюдь не этнических алан-иранцев, кочевавших в южно-русских степях в I–V вв. н.э., а северокавказских алан раннего средневековья. Этот процесс, безусловно, шел с разной степенью интенсивности в разных районах, неодинакова была и глубина этнических преобразований, различен удельный вес включившихся в него компонентов. Так, если в племенах, оставивших нартановские курганы, наверное, уже можно видеть представителей достаточно глубоко

8 Батчаев В.М. Указ. соч., с. 53–54.

9 Абрамова М.П., Козенкова В.И. Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. т. 2, с. 4.

10 Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 17–25; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 227–228;

11 Батчаев В.М. Указ. соч., с. 53.

12 Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник. // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940. I; Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА, 1974. № 2, с. 195 сл.

13 Наглер А.О., Гриднев В.В. Указ. соч., с. 64; Абрамова М.П. Указ. соч., с. 208–210.

14 Наглер А.О., Гриднев В.В. Указ. соч., с. 64.

продвинувшегося по пути формирования прааланского этноса, то в других местах этот процесс только начинался, набирал силу. Отметим, что подобные мысли высказывались нами ранее, хотя они и были ограничены господствовавшими тогда ассимиляционистскими тенденциями¹⁵.

Выше уже было сказано, что процесс формирования прааланского этноса был неоднороден. Неоднородность эта имела не только локальный, но и всеобщий (в пределах региона) характер. Если этнокультурный вклад позднее- и посткобанских культур имел характер постоянного влияния, то вклад ираноязычных племен то усиливался, то убывал, в зависимости от состояния дел в кочевом мире. Сравнительно спокойный период VI–V вв. до н.э. (во всяком случае, в это время в Центральном Предкавказье как — будто бы, не отмечено каких-то политических катаклизмов), когда стало возможно появление первых отдельных очагов нового этноса, сменяется новой волной передвижения иранцев, теперь уже сарматов, на Северный Кавказ.

Внутренние изменения в сарматском мире привели к экспансии сарматов в южном и западном направлениях, и, как следствие, резко возросло их число в предкавказских степях. Если для VII–V вв. до н.э. нам известно немногим более 30 погребальных комплексов (отметим сразу, что речь идет о собственно кочевнических погребениях), то для IV–I вв. до н.э. их можно назвать уже более 150. Сегодня мы не думаем, что это продвижение носило характер завоевания в прямом смысле этого слова. Ведь, во-первых, шли сарматы в районы хорошо им известные и, в большей части давно освоенные. Мы полагаем, что на Северный Кавказ, главным образом, продвинулись племена сираков — потомков поволжских «геродотовых» савроматов¹⁶. А последние, как показано выше давно кочевали в этих районах. Во-вторых, в Центральном Предкавказье не было силы (типа синдо-меотского союза в Прикубанье) способной к организованному сопротивлению. Конечно, на первом этапе стычки были неизбежны. Это подтверждается и гибелью в конце IV- начале III вв. до н. э. крупного Грушевского городища под Ставрополем. Этот торговый центр, имевший, видимо, прямые контакты с греческими колониями Северного Причерноморья, был заселен представителями кобанской культуры¹⁷.

Вряд ли этот период вражды был длительным, и причин тому можно назвать немало. Политическая обстановка (давление с севера и востока аорсов и других сарматских объединений) требовала прочного тыла с юга. К этому же толкали и давние связи с горскими племенами, и наличие в предгорьях «прааланских групп», которые вполне могли восприниматься сираками как родственные. Судьба же самих этих групп пока вполне четко не просматривается. Они могли отойти в горы, смешавшись с посткобанцами, могли, снявшись с насиженных мест, вернуться к кочевому образу жизни. Не случайно ведь, в своем описании Северного Кавказа Страбон, базировавшийся не только на современных ему, но и на более ранних источниках, упоминает среди кочевников региона неких набианов и панксанов, отличая их и от сираков и от аорсов¹⁸. Во всяком случае, процесс формирования нового этноса на какое-то время приобретает иные формы. Не с этим ли связано отсутствие или крайняя малочисленность в предгорьях памятников конца IV–III вв. до н.э.?

Стабилизация политической ситуации в пределах Сиракены (было ли это государственное образование, как считает Ю.М.Десятчиков¹⁹, или племенной союз) должна была повести к возобновлению процессов этнической интеграции. У сарматских кочевых коллективов ограничивается территория кочевания, появляются места постоянных зимовок. Так, проведенный нами анализ сезонных отклонений от господствующих ориентировок для погребений района Среднего течения Терека показал, что они укладываются в период поздней осени — зимы — ранней весны²⁰. Такое, сравнительно долгое обитание сарматов на одном месте тоже способствовало усилению контактов с оседлым населением.

Начиная со II в. до н.э. в Предкавказье появляются обширные некрополи, принадлежавшие явно оседлому населению (Нижний Джулат, Чегем, Ханкала). Ведущим типом погребения в них становится катакомба. Кому принадлежали эти могильники? Откуда взялся обряд погребения в катакомбе? В ответах на эти вопросы, связанные друг с другом, тесно переплетаются экономические, социальные и этнические моменты.

Полагаем, что решающим толчком к резкому усилению этнической интеграции в Центральном Предкавказье стал процесс массовой седентаризации сарматских племен. Он был предопределен общим ходом их развития. «В том случае, если обстоятельства способствовали стабильности экономики, более или менее крепло государственное объединение — начиналось активное оседание на землю», —

15 Виноградов В.Б. Указ. соч., с. 293–295.

16 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 65–70.

17 Очерки по истории Ставропольского края. Ставрополь, 1984. Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия СКНЦ ВШ (обществен. науки), 1975. №4, с. 50–51.

18 Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия СКНЦ ВШ (обществен. науки), 1975. №4, с. 50–51.

19 Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: автореф. канд. дис. ... ист. наук. М., 1974, с. 14–17.

20 Березин Я.Б. Новые погребения последних веков до н.э. в среднем Притеречье // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983, с. 99.

так описывает процесс С.А. Плетнева²¹. Естественно, что бывшие кочевники переходили на оседлый образ жизни быстрее в тех местах, где было население, зачастую уже смешанное, а кое-где это могли быть и потомки прааланских групп скифского времени.

Рассматривая материалы Крыма, синхронные изучаемому нами периоду, А.М. Хазанов выявил следующие закономерности: оседание кочевников на землю вело к распространению расширенных семей, что в свою очередь требовало коллективных погребений²². Наиболее распространенные формы захоронений того времени в Предкавказье — грунтовые могилы разных форм, каменные ящики, подбои — были плохо приспособлены для коллективных, вернее многоразовых погребений. Наиболее соответствовала этой функции катакомба, что и сделало ее главной, господствующей формой захоронения складывающегося предаланского этноса. Более подробно этот вопрос разбирался нами в другом месте²³, здесь лишь отметим, что сам тип погребального сооружения в виде подземной камеры с ведущим к ней коридором был давно известен сарматам, хотя и не пользовался у них большой популярностью. В северокавказских условиях конструкция катакомбы была доработана именно для многократного использования.

Надо сказать, что процесс седентаризации кочевников, слияния их с оседлым иноэтничным населением и складывание на этой основе «особой, синкретичной, но оригинальной материальной культуры» достаточно хорошо проработан для средневековья²⁴. Между тем, характер взаимодействий кочевников и оседлого населения, складывания государственных образований древности и средневековья обнаруживают значительное сходство. Причины этого коренятся в специфике кочевого хозяйства и основанной на нем социальной структуры. Поэтому мы вправе полагать, что и в Центральном Предкавказье последних веков до н.э. этот процесс протекал похоже. Следствием его, по нашему мнению, и явилось возникновение кладбищ, подобных Нижнее-Джудатскому, Чегемскому и Подкумскому.

Указанные памятники представляют собой обширные некрополи, сооруженные на древнем кургане (Чегем, Нижний Джудат), холме (Подкумок). В обряде захоронений преобладает катакомба, но немало грунтовых могил (в Чегеме до 46%); есть и подбои. Фактически вариант I типа I катакомб Подкумского могильника является переходным от подбоев к катакомбам²⁵. Погребенные, как правило, лежат вытянуто на спине, захоронения в большинстве коллективные, ориентировка неустойчивая. Катакомбы самых различных типов и вариантов конструкций. Создается впечатление, что еще не найден и не отработан тот наиболее оптимальный вид захоронения, который станет абсолютно господствующим в раннем средневековье. Много микродеталей обряда, традиционно связываемых с сарматским миром (перекрещенные голени, положение рук на таз и под него, «атакующая» поза, положение в могилу тушки овцы, разбитые зеркала, меловая подсыпка и т.д.). В тоже время скорченное положение ряда костяков заставляет вспомнить и о горских погребальных традициях.

Наверное, если взять каждый отдельный элемент погребального обряда и попытаться найти ему аналогии в синхронных сарматских или горнокавказских древностях — это можно будет сделать, чем, собственно говоря, и занимается большинство исследователей. Но стоит ли разбирать на части единое целое? Ведь, вне всякого сомнения, в комплексе рассматриваемые памятники составляют одну, общую группу, явно противостоящую как собственно степным, так и горным памятникам и связываемую нами с предаланским этносом. По преобладанию перечисленных элементов погребального обряда, основой племенных групп, оставивших некрополи последних веков до н.э. — рубежа н.э., были осевшие на землю сарматы. Но в дальнейшем, по мере внутреннего развития, включения иноплеменных групп, это родство, базирующееся и на этническом самосознании, стало теряться. К рубежу н.э. исчезает обычай положения в могилу части тушки барана, число преднамеренно испорченных вещей резко сокращается, уменьшается использование мела и угля, унифицируется сам погребальный обряд²⁶. Новый этнос приобретает свое, присущее только ему лицо.

Аналогичные процессы наблюдаются и в сфере материальной культуры. Значительные дискуссии имели место по поводу происхождения таких категорий предметов, как керамика, зеркала-подвески, зооморфные ручки на сосудах и т.п. При этом выявился ряд типов вещей, не свойственных, либо мало свойственных и сарматским метрополиям, и классическим памятникам посткобанских культур.

В первую очередь нужно сказать о керамике, сложившейся на Северном Кавказе в последние века до н.э. Тщательное изучение этого вопроса, проведенное М.П. Абрамовой, доказывает кардинальное ее отличие от предкавказской керамики предшествующего времени²⁷. Не случайно в поисках основы ке-

21 Плетнева С.А. Кочевники средневековья (поиски исторических закономерностей). М., 1982, с. 76.

22 Хазанов А.М. Указ. соч., с. 67.

23 Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Указ. соч.

24 Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. 1981. №6, с. 58–59.

25 Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987, с. 52.

26 Абрамова М.П. Подкумский могильник, с. 127; Кереев Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. т. 2, с. 175–176.

27 Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА, 1972. №2, с. 31 сл.

рамических традиций Центрального Предкавказья автор обращается к Кавказской Албании и Прикубанью, смежным регионам. Не отрицая мощного влияния соседей, заметим, что на наш взгляд, в этом деле велика была и роль сарматских культурных традиций. Это видится и в широчайшем распространении приема орнаментации вертикальными полосками, и в том, что ведущей формой керамики Центрального Предкавказья стал кувшин, хорошо известный ранним сарматам и савроматам²⁸, но практически не встречающийся в кавказских памятниках скифской эпохи. В тоже время вторая по численности группа предкавказской керамики — миски — явно ведут свое происхождение от мисок поздних кобанцев. Таким образом, рассматриваемый керамический комплекс вполне отвечает предъявляемым нами требованиям: непохожесть на предшествующие и синхронные формы соответствующих категорий обоих участников синтеза и в тоже время наличие прототипов данных предметов у одной из сторон (либо у обеих сразу). О кувшинах и мисках мы уже сказали. Также относится к культовым сосудикам-курильницам²⁹, зооморфным ручкам на сосудах³⁰. Из других категорий вещей отметим зеркала-подвески³¹, мечи и кинжалы с серповидным навершием³². Не исключено, что при более внимательном рассмотрении выяснится, что и все прочие типы погребального инвентаря последних веков до н.э. (за исключением явно импортных предметов), отдельные стороны ритуала захоронений имеют под собой ту же основу.

Резюмируя вышесказанное, мы предполагаем следующую схему развития этнокультурных процессов в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э.:

1. В VI–V вв. до н.э. на базе контактов скифо-савроматских племен и позднекобанского населения Центрального Предкавказья в различных районах региона начинается складывание нового этноса, условно именуемого нами прааланским. Однако этот процесс идет фрагментарно, неустойчиво и приостанавливается в связи с бурными политическими событиями конца IV – начала III в. до н.э. Его отражение — появление памятников, несоотносимых четко ни с кавказскими племенами, ни с ираноязычным миром.

2. После стабилизации политической обстановки на Северном Кавказе в начале III в. до н.э., описанный процесс ускоряется, приобретая уже общерегиональный характер. В первую очередь это связано с массовой седентаризацией сарматских племен и резким усилением их контактов с аборигенами. Уже к концу III – началу II в. до н.э. зона стыка предгорий и плоскости, практически по всему Центральному Предкавказью была населена новым, «предаланским» этносом, завершившим первый этап своего этногенеза. Его вехой мы считаем появление и широкое распространение новой формы погребения — катакомбы.

3. Дальнейшее развитие «предаланской» (в этот период — «сиракской») территориально-этнической общности (ТЭО) идет по пути дальнейшей унификации погребального обряда, в результате чего катакомба становится преобладающим типом захоронения, выработки и широкого распространения новых типов предметов. Процесс этногенеза сопровождался некоторой унификацией всей материальной культуры. Все эти факты до сих пор объяснялись так называемой «сарматизацией», в понятие которой, впрочем, разными исследователями вкладывался разный смысл.

4. Вновь появившаяся «предаланская» ТЭО сразу же начинает оказывать мощное культурное влияние и на степные сарматские племена, и на горцев. Этим мы объясняем находки в памятниках и тех, и других значительного числа предметов материальной культуры, присущих ей. Политическая доминанта при этом остается, скорее всего, за сарматскими племенами.

5. С середины I в.н.э. «предаланская» ТЭО переходит под политический контроль ираноязычных кочевников-алан и принимает их имя. Как показывают находки в могильниках Нижнего Джулата и Чегема, не прекращавших свое существование в I в. н.э., каких-либо кардинальных перемен для населения Предкавказья это не принесло. Очевидно, новая волна кочевников естественно включилась в происходящие процессы, которые захватывают уже и площади предгорий, куда с первых веков н.э. продвигаются катакомбные могильники.

Средневековая аланская народность Северного Кавказа в своем формировании прошла длительный путь, причем ее основа сложилась задолго до появления в регионе исторических алан, еще во второй половине I тыс. до н.э.

Впервые опубликовано: Проблемы сарматской археологии и истории. Азов Ростовской области: ИА АН СССР, 1988, с. 28–41.

28 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д I – 10, с. 24–27.

29 Петренко В.А. Об одной разновидности сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. 1986. № 1, с. 275.

30 Березин Я.Б. Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе в сарматское время // Археология и вопросы этнической истории. Грозный, 1979.

31 Виноградов В.Б., Петренко В.А. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. 1977. Вып. 148, с. 44.

32 Петренко В.А. Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа // III Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1973.

ЭТНОГРАФИЯ И НУМИЗМАТИКА

ВАЙНАХО-АЛАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Вопросы этнической истории Ингушетии, в том числе и вайнахо-аланские контакты, уже около 100 лет интересуют ученых¹. Накопленный опыт показывает, что наиболее эффективна этнографическая методика исследования данной проблемы. В отличие от сугубо археологических работ, безоговорочно декларирующих автохтонность населения², комплексный подход к разнообразным источникам, отражающим очень сложный этногенетический путь ингушей как органической части всего вайнахского (чечено-ингушского) этноса дает возможность обрисовать истинную историческую ситуацию в горной Ингушетии³. Одной из существенных сторон этногенеза ингушей являются и взаимные вайнахо-аланские связи, активно функционировавшие без малого 1500 лет (I–XIII вв.) и далеко еще не осмысленные на современном уровне науки. В предлагаемой статье автор стремится обобщить и исследовать все доступные материалы, проливающие свет на роль ираноязычных алан в этнической истории горной Ингушетии (Джераховское ущелье и верховья р. Ассы).

Первые упоминания алан в античных письменных источниках датируются серединой I в. И уже в 72 г. аланы совершили грандиозный набег на Закавказье; они двигались по пути, где ныне проложена Военно-Грузинская дорога. Закавказские историки (М. Хоренаци, Л. Мровели) отметили, что наряду с самими аланами (овсами) в походе активно участвовали горцы Кавказа, в том числе и «дурдзуки», т. е. вайнахи горных районов, граничащих с Грузией в верховьях рек Ассы и Аргуна. Во II в. аланы, по свидетельствам древних авторов, окончательно закрепляются в плоскостных районах бассейна Терека, создают здесь сильный союз племен и устанавливают контроль над Дарьяльским проходом. Вплоть до конца IV в. они отсюда энергично вмешиваются в закавказские дела и, как правило, в перечне их союзников упоминаются или подразумеваются горцы-вайнахи⁴. Учитывая излюбленный маршрут преодоления аланами Кавказского хребта — вверх по Тереку и через Крестовый перевал — логично считать, что постоянным партнером их было прежде всего вайнахское население прилегающих районов, т. е. ущелья р. Армхи (Джераховского) и далее к востоку — горной Ассинской котловины (Галгачие).

В эпоху средневековья (V – середина XIII в.) эта тенденция углубляется. Разнохарактерные письменные источники убеждают в безусловно господствующей роли алан (овсов) в северной округе горного прохода, которому они дали свое имя (Дарьял — Дар-иль-Алан — «Ворота алан»)⁵. Здесь аланы и вайнахи, обитавшие к востоку от Дарьяла и известные под именами «дурдзуков» и «глигвов»⁶, входили в тесное соприкосновение с Грузией, распространившей в IX – начале XIII в. свою политическую власть и культурное влияние на горную Ингушетию, что отражено в многочисленных письменных свидетельствах (арабских, но главным образом грузинских), эпиграфических и рукописных памятниках, связанных с архитектурно-археологическими объектами в первоначальном районе обитания галгаев — Галгачие⁷. Активная политика Грузии привела в начале XI в. к резкому обострению ранее традиционно дружественных и часто союзнических отношений с аланами, их раннефеодальным госу-

- 1 Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888; Долбежев В.И. Могильник Челишкив // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тбилиси, 1892. Вып. 13, с. 138, 139.
- 2 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
- 3 См., например: Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963; Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник, т. II. Тбилиси, 1968, с. 41 сл.; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 165–184; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
- 4 Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- 5 Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1967; Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, № 8, с. 111–121.
- 6 Виноградов В.Б., Чокаев К.-З. Древние свидетельства о названиях и размещении вайнахских племен // Археолого-этнографический сборник (далее — АЭС). Грозный, 1966; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. «Глигвы» — грузинское название галгаев.
- 7 См.: Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977; Дидебулидзе З.Ш. Культурные связи народов Грузии и Центрального Кавказа в X–XII вв.: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974 (там же см. библиографию).

дарством. Когда царь Кахетии Квирикэ III (1010–1029 гг.) назначил своих правителей к соседним горским народам высокогорного Кавказа, против него двинулся «царь овсов Урдур». Он через Дурдзукию и «страну глигвов» (а это именно горная Ассинская котловина) перевалил через Кавказ и опустошил Кахетию. Но вскоре Урдур потерпел поражение и был убит. Грузия вернулась к планомерному освоению «Дурдзукети», включив ее в одно из своих эриставств. И хотя впоследствии (при Баграте IV, Давиде II Возобновителе, Тамар) отношения грузин с аланами нормализуются, горные вайнахи теперь становятся уже постоянными партнерами Грузии, а не алан, что свидетельствует о создании новой ситуации в округе Дарьяла, когда горная Ингушетия перестает быть зависимой от Аланского государства.

Такова канва исторических событий и тенденций, улавливаемая в скупом контексте письменных свидетельств. Как соотносится она с данными других источников и чем они дополняют ее?

Сведения о могильниках и поселениях I тысячелетия н. э. в горной Ингушетии довольно бедны и недостаточно исследованы, но на их основании все же можно сделать некоторые выводы. Прежде всего археологи единодушно констатируют общую слабую населенность высокогорной зоны северных склонов Кавказа, примыкающих с востока к Дарьялу. Поселения домонгольской эпохи здесь не известны: они либо не сохранились, либо не выявлены⁸. Погребальные же памятники немногочисленны. Они свидетельствуют о продолжении исконных похоронных традиций, а также явном влиянии черт христианской обрядности. Судя по археологическим материалам, с конца X – начала XI в. происходит отток алан и резко возрастает число вайнахов в Джераховском ущелье, что проявилось прежде всего в исчезновении катакомб и возникновении значительного числа обширных могильников в виде каменных ящиков (Лежги, Еголкас, Могогоали, Мецхал, Фуртоуг, Памет, Шуан). Связанный с этими могильниками погребальный обряд и характер сопутствующего покойникам инвентаря демонстрируют очевидную связь с раннехристианскими канонами захоронений в горах Кавказа⁹. Обилие подобных могильников, попутное оживление склеповой традиции в долине Армхи знаменуют решительную перемену в этническом составе населения. В специальных работах безоговорочно признается ассимиляция вайнахами алан, оставшихся в Джераховском ущелье после X в., причем процесс этот, как представляется, не был обременен отношениями антагонизма. Е. И. Крупнов верно заметил: «Самый факт использования уже ингушскими обществами древних аланских кладбищ для своих захоронений в более позднюю пору говорит о какой-то преемственной связи между ними»¹⁰ и подтвердил свою мысль ярким примером — огромным могильником Мохде близ селения Шуан.

Но нельзя сбрасывать со счетов и конфессиональный момент. К концу X – началу XI в. христианизация затронула не только горных ингушей, но и восточных алан, причем тем сильнее, чем ближе они жили к областям, откуда распространялось христианское влияние¹¹. Джераховское ущелье относилось к таким регионам, и стандартизация здесь погребального обряда алан и галгаев не выглядит противоестественной; он сформировался в соответствии с горскими нормами оформления раннехристианских могил. Идентичная картина наблюдается и в нижней части Лосинского ущелья — на северных границах горной Ингушетии, где древности у селений Алкун, Верхний Даттых и др. свидетельствуют об аналогичном процессе вайнахо-аланского слияния.

В свете данных археологии раннесредневековый контингент жителей Джераховского ущелья выглядит, таким образом, как «смешанное вайнахское и аланское население» (Е. И. Крупнов) с преобладанием до X в. аланского и в XI–XII вв. галгаевского этнокультурного компонента.

С этим выводом согласуются этногенетические предания ингушей и фольклорные сюжеты, связанные с конкретными памятниками материальной культуры (поселениями, могильниками, святыщами и пр.). Они фиксируются уже более 100 лет. Часть их стала предметом вдумчивого анализа (Ч. Ахриев, В. И. Долбежев, Л. П. Семенов, В. П. Христианович и др.). Особенно много занимались этногенетическими преданиями Е. И. Крупнов¹² и В. П. Кобычев¹³, причем последний записал много новых оригинальных сюжетов, сохранившихся в памяти ингушей.

8 Большой интерес в этом смысле представляют так называемые циклопические постройки горной Ингушетии (см. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 39, 41, 42), которые бездоказательно относят к раннежелезному веку (Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977), тогда как аналогичные памятники в пограничных районах Ингушетии и Чечни датируются IX–XII вв.

9 Мамаев Х.М. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий // Тезисы докладов VI «Крупновских чтений». М., 1976, с. 36, 37.

10 Крупнов Е.И. Указ. раб., с. 54.

11 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. (Историко-археологические очерки): автореф. докт. дис. М., 1970, с. 40 сл. Интересно, что во время раскопок Паметского могильника в октябре 1978 года были зафиксированы случаи, когда в сланцевом покрытии каменных ящиков отмечались целые жернова или их обломки. Это типично алано-осетинская погребальная традиция, восходящая к обычаю закрывать лаз в катакомбные захоронения жерновом.

12 Крупнов Е.И. Указ. раб., с. 53–55.

13 Кобычев В.П. Из этногенетических преданий ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971, с. 111–121; Его же. Расселение чеченцев и ингушей..., с. 169–178 (см. там же библиографию).

Фольклорные произведения, в которых можно проследить древние ингуше-осетинские (аланские) контакты, касаются преимущественно Джераховского ущелья. Эти произведения позволяют сделать вывод, что массовое освоение выходцами с востока (из Галгачие) долины Армхи происходило около 1000–600 лет тому назад (В. П. Христианович полагал, что 1000–800 лет, более осторожный Е. И. Крупнов — что 800–600 лет), т. е. примерно в рамках X–XIII вв. О причинах появления тут галгаев говорится скупо, но в числе главных называются безземелье («Эта страна стала для нас тесной. Людям негде жить, а скоту пастись» — вот рефрен многих легенд), социальное притеснение галгайских верхов в горной Ассинской котловине (например, предание о возникновении селения Хули)¹⁴ и личная инициатива тех, кто искал места под солнцем вне тесных границ исконного вайнахского «домена» в горном междуречье Ассы и Аргуна (предания о братьях Эгише и Галгае, о Дударове и пр.). Весьма знаменательно, что в разнотипных фольклорных сюжетах достаточно ясно говорится о том, что до расселения вдоль Армхи галгаев здесь обитали «осетины» (аланы) или «джелты», что, вероятно, одно и то же¹⁵. С ними связываются некоторые конкретные памятники (в том числе и «пещерные», т. е. катакомбные могильники). Как явствует из преданий, «осетины», «осетинское племя» были вытеснены из Джераховского ущелья за Терек. Но также очевидно и то, что эмиграция захватила не всех алан. Герой предания об основании селения Хули (первого в долине Армхи), беглец из Эгикала галгай Хаза, принимает в свой поселок «осетинскую» (аланскую) семью Чакка. В селении Фуртоут первопоселенцы ингуши нашли «пещерный» (катакомбный) могильник «джелтов», в котором по рассказам фуртоутцев рубежа XIX–XX вв. были погребены осетины — предки тех, кто впоследствии жил в Санибе и не порвал связей с Джерахом. Ценную запись нового предания опубликовал М. Х. Ошаев: «В ингушскую страну пришли предки осетин и стали мирно там жить. Они перемешались и слились с ингушами. Один ингуш, происходивший из осетин, пошел искать коров. В поисках их он дошел до местности Эль-Пхъа (горная Чечня. — *Авт.*) к решил здесь остановиться...». Информатор М. Х. Ошаева — потомок этого переселенца, называл себя «махло», в чем легко усматривается искаженное осетинское наименование ингушей Джераховского ущелья — «Маккхалон»¹⁶.

Интересна и сложна фольклорная оценка героя вайнахской нартиады Сеска Солсы. Но если согласовать всю имеющуюся информацию о нем, то достаточно убедительной станет гипотеза, согласно которой корни этого образа уходят в аланскую среду¹⁷. Однако у вайнахов, причем более всего у горных ингушей, происходит существенная переоценка этого первоначально враждебного и отрицательного героя. В местных сказаниях наблюдается своеобразная двойственность его изображения: оставаясь типичным представителем «воинственных степняков» (У. Б. Далгат), «дыханием бескрайних степей древней Скифии и Алании» (В. И. Абаев), Сеска Солса «максимально приближается в вайнахском эпосе к жизни, быту, нравам и обычаям вайнахских племен»¹⁸. Он — органичное звено многих фольклорных коллизий, происходящих в горной Ингушетии. И хотя народ, безусловно, предпочитает местных героев, нарт Сеска Солса идеализируется. «Сеска Солса... у ингушей считается святым»¹⁹. И действительно, ему посвящено одно из святилищ Джераховского ущелья, а всевозможные «материальные следы» его эпической деятельности в этих местах окружены ореолом почитания²⁰. Это служит еще одним доводом в пользу реальности глубоких этнокультурных связей между аланами и вайнахами. Только благодаря им мог возникнуть специфический алано-вайнахский эпический образ.

Возможности использования горского фольклора для проникновения в суть отдаленных событий местной истории еще далеко не исчерпаны. Недавно тонкий и весьма продуктивный анализ ингушских сказаний о мудреце Маго — представителе все того же «ираноязычного культурного мира», что и нарги — предпринял В. П. Кобычев. Он сделал вывод, что эпицентр экспансии Маго и его потомков в горной Ингушетии находится в Джераховском ущелье, затрагивая лишь частично прилегающие районы верховий Ассы²¹.

Другим примером могут служить ингушские предания о Бархой-Канте. Одно из них, записанное в разных вариантах Е. И. Крупновым в 1929 г. и В. П. Кобычевым в 1970 г., в котором обнаружены весьма знаменательные разночтения, побудило обратиться ко всем доступным легендам и вариантам этого цикла (их 7), обнаруженным с 1875 г.²² В результате выяснилось, что самые ранние запи-

14 Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС, № 3. Грозный, 1969, с. 174.

15 Это убедительное сопоставление произвел А.Ф. Гольдштейн, ориентируясь на название «аланского города Джулат» (см.: Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977, с. 209).

16 Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк. АЭС, т. 1. Грозный, 1966, с. 157, 158.

17 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 105.

18 Там же, с. 202.

19 Далгат Б. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. М., 1901, № 1, с. 40.

20 Далгат У.Б. Указ. раб., с. 132 сл.; Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.

21 Кобычев В.П. Из этногенетических преданий..., с. 111–121.

22 Кроме вариантов, опубликованных Е.И. Крупновым («Несколько ингушских народных сказаний» // АЭС, № 2, Грозный, 1968, с. 255–

си сюжета умалчивают о грузинской якобы принадлежности фольклорного партнера Бархой-Канта и его жены. Напротив, некий «христианский царь», «знатный иноземец» по имени Ерда, объявившийся на короткий срок в горной Ассинской котловине, этнически не идентифицирован. Однако стабильно подчеркивается, что Ерда и его дружина «пришельцы с севера», что возвращается Ерда (или после его убийства — дружина) «в Тарскую долину» (равнина, примыкающая с севера к Дарьяльскому проходу), где и была «страна Ерда». Хронологическое определение разыгравшихся событий облегчается, во-первых, тем, что весь цикл устойчиво связан с пребыванием галгаев лишь в верховьях Ассы; во-вторых, указанием на то, что там, в Галгачие, уже имелась «небольшая церковь», никак не связанная с деятельностью «христианского царя» Ерда, т. е. грузинская (Тхаба-Ерда?); в-третьих, наконец, тем, что в средневековые христианскими царями, правившими к северу от горной Ассинской котловины, были только цари Алании (X — середина XIII в.).

В. П. Кобычев отверг «северную версию» появления Ерда в горной Ингушетии, которую констатировал Е. И. Крупнов. Но это мнение противоречит оценке всего цикла²³. К тому же напрашиваются и еще два сопоставления. Во-первых, личное имя Ерда может иметь ясную аланскую этимологию, ибо в иранских языках «ард» и «ард» обозначает магическую силу, святость, бога, клятву и пр.²⁴. И еще одно: фольклорные имя и биография пришельца с севера, христианского царя Ерда, во многом совпадают с судьбой исторической личности первой трети XI в., упоминавшейся выше, — «царя овсов Урдура». Разумеется, утверждать что-либо окончательно рискованно, но думается, что эти комментарии к циклу легенд о Бархой-Канте логично замыкают цепь фольклорных ингушских воспоминаний о месте алан в событиях истории (в том числе и этнической) горной Ингушетии, где имеются их весьма явственные следы в долине Армхи и эпизодичные — в верховьях Ассы.

Коснувшись возможной этимологии имени Ерда, мы вплотную подошли к еще одному специфическому и малоисследованному виду источников — культовым памятникам²⁵. В их хронологии и интерпретации много неясного²⁶. Однако ныне все большие доказательства получает тезис, что часть зданий-святилищ в горной Ингушетии воздвигнута по крайней мере в предмонгольское время²⁷. Высказана мысль и о связи святилищ с процессом ингушской колонизации Джераховского ущелья²⁸. Сегодня в числе древнейших сохранившихся святилищ горной Ингушетии, синхронных или непосредственно примыкающих по времени строительства к христианским храмам X–XI вв. в Галгачие (Тхаба-Ерда, Алби-Ерда, Таргимский и др.), видятся такие святилища, как Галь-Ерда, Итаз-Ерда, Маги-Ерда, Тумгой-Ерда, Амгали-Ерда, Зодцах-Ерда, Сеска-Солса, «Меккал», Мятцили. Симптоматично, что все они располагаются к западу от Ассы, и сосредоточены в зоне Джераховского ущелья.

Во всех названных культовых постройках сочетаются специфически горские (зачастую трудно поддающиеся генетической оценке) и христианские черты, что, с одной стороны, позволяет трактовать их как «христианско-языческие храмы» (Л. П. Семенов, И. П. Щерблякин, Е. И. Крупнов и др.), а с другой — продолжать считать их производными от грузинских христианских храмов в высокогорной зоне Кавказа, в том числе (но отнюдь не только!) и в Ингушетии (Г. Г. Гамбашидзе, Н. Н. Бараниченко и др.)²⁹. Это, кстати, согласуется и с конфессиональной оценкой соседних им погребальных памятников, произведенной выше.

Но если ход рассуждений и система доводов о смешанном вайнахо-аланском населении Джераховского ущелья верны, то следует ожидать отголосков такого же этнического переплетения и в материалах, связанных со святилищами. И они есть! Можно установить ту или иную связь большинства перечисленных наиболее архаических святилищ западной Ингушетии с алано-осетинским компонентом. Ярче всего (кроме архитектурной близости многих форм и деталей святилищ в Осетии и Ингуше-

257) и В. П. Кобычевым («Расселение чеченцев и ингушей...», с. 176, 177), см. Далгат У. Б. Указ. раб., с. 360–369.

23 Даже и в более поздних записях (1938 г.), в которых легенда уже «огрузинилась» и приобрела штрихи «книжной информации», ориентиром для движения фольклорного двойника «христианина Ерда» упорно называется местность вокруг «аула Ангушт», т. е. все та же Владикавказская долина — знаменитая область Ардос северокавказских алан (Далгат У. Б. Указ. раб., с. 366, 368).

24 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.: Л., 1958, с. 60 сл.

25 При написании этого этюда весьма полезными оказались полевые наблюдения Н. Н. Бараниченко в 1977 г. и некоторые данные из ее дипломной работы «Культовое строительство средневековых вайнахов в эпоху политеизма», за что я и выражаю ей искреннюю признательность.

26 Виноградов В. Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 59–67.

27 Мужухоев М. Б. Материальная культура средневековой Ингушетии (XIII–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Его же. Материальная культура средневековой Ингушетии; Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975; Виноградов В. Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников...; Кобычев В. П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как исторический источник по истории жилищ края // Полевые исследования Института этнографии в 1975 году. М., 1977, с. 70 сл. и др.

28 Бараниченко Н. Н. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма, с. 72.

29 Отрицание этой версии в работах М. Б. Мужухоева базируется на полном игнорировании научной литературы последних 10 лет и не может считаться обоснованным.

тии)³⁰ эта связь запечатлелась в названиях культовых памятников и в фольклоре, который так или иначе относится к ним.

В. П. Кобычев показал связь цикла сказаний о Маго с кругом ираноязычных представлений, которые в конкретных условиях появления Маго в Джераховском ущелье с северокавказской плоскости (район Татартупа-Джулата) могут ассоциироваться только с аланами. Но именно этот цикл связан с такими святилищами, как Маги-Ерда, Тумгой-Ерда (Тумга — сын Маго). Фольклорная трактовка Сеска Солсы выявляет аланскую подоснову этого образа, подвергшегося сильному видоизменению в ингушской среде. И закономерно определенное почитание Сеска Солсы у ингушей, появление святилища его имени в долине Армхи. Устойчивые ингуше-осетинские параллели давно отмечены применительно к таким культовым сооружениям, как Галь-Ерда, Мятцили и др. (Ч. Ахриев, А. Базоркин, Л. П. Семенов, Б. А. Алборов, В. П. Кобычев, С. Ц. Умаров и др.).

Появляются и новые факты. Так, основа названия вновь открытого святилища Итаз-Ерда близ селения Ольгета имеет прозрачную осетинскую этимологию (итаз — «вдовец») и побуждает вспомнить реально существовавшего в VIII в. аланского царя Итаза и осетинскую фамилию Итазата (Итазовы)³¹ Название местности, давшей имя святилищу «Меккал», имеет явственную связь с алано-осетинским наименованием р. Армхи — Маккал-дон («река коршунов»), и ингушей — «махъалон».

Принципиальное значение в свете этих параллелей приобретает и толкование термина «Ерда», сопутствующего абсолютному большинству архаичных «именных святилищ» (т.е. посвященных конкретному лицу, чаще всего основателю). Выше на примере имени фольклорного «христианского царя» Ерда (вероятно, аланского правителя, именуемого в грузинских источниках «Урдур») показана возможность аланской этимологии этого слова как термина культовой ираноязычной лексики. Отнюдь не противоестественно считать, что оно прижилось именно у вайнахов, смешавшихся с аланами (в том числе и на берегах Армхи, где стало характерной приметой обозначения полухристианских полуязыческих зданий-святынь).

В горной Ингушетии мне известны 11 пунктов, имеющих в названии такое оформление (Пхومات-Ерда, Итаз-Ерда, Амгали-Ерда, Галь-Ерда, Фяппи-Ерда, Маги-Ерда, Зодцах-Ерда, Тумгой-Ерда, Тамыж-Ерда, Алби-Ерда, Тхаба-Ерда). Из них 7 локализируются в Джераховском ущелье, 2 — на границе ущелья и горной Ассинской котловины (Тумгой-Ерда и Тамыж-Ерда) и только 2 — на берегах Ассы, причем здесь они связаны с чисто христианскими (грузинскими) храмами (Алби-Ерда, Тхаба-Ерда). Топография сама по себе выразительна и станет еще бесспорней, если согласиться с тем, что в двух последних названиях «Ерда» — позднейшее хронологическое наслоение, не связанное с домонгольской эпохой. Это не голословная догадка. Ведь Леонти Мровели в XI в., определяя северные границы Эрети (часть Кахетии), доводил их «до Тке-ба, которую ныне именуют Гулгула» (т. е. Галгай, Глигви — горная Ассинская котловина)³². Резонно полагать: Тке-ба — это Тхаба — крупнейший из грузинских храмов в высокогорной зоне Кавказа и самый северный к тому же, расположенный у одноименной реки и одноименного ущелья (Тхаба-Чоч). И именно он в устах компетентного историка раннего средневековья не отмечен вторым термином — «Ерда». Относительно же грузинской церкви XI в., именуемой ингушами Алби-Ерда, следует помнить предположение Л. П. Семенова (разделяемое и Г. Г. Гамбашидзе), что ее изначальное название было «Твирлис-Цминда»³³. Едва ли будет большой смелостью считать, что термин «Ерда» добавлен к названию этих церквей уже позднее под впечатлением устойчивой традиции, сложившейся в вайнахо-аланской этнической среде Джераховского ущелья.

К сказанному остается добавить, что лексические ингуше-осетинские параллели и фонетические особенности языка ингушей, порожденные влиянием алано-осетинского языка, уже давно привлекли внимание специалистов и дали немало подтверждений древности и прочности алано-вайнахских связей³⁴. Они, разумеется, были наиболее продуктивными не в зонах простого соприкосновения и соседства, а в районах органического переплетения двух языковых традиций как выражения сложного процесса языковой и этнической ассимиляции различных групп населения. Вхождение западной части горной Ингушетии в число этих областей мотивируется дополнительно и все более явно выявляемым пластом ираноязычной топонимики в Джераховском ущелье (его нижней половине)³⁵. В этом состоит

30 Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.

31 Абаев В.И. Указ. раб., с. 539; Кузнецов В.А.. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС, № 1, Нальчик, 1974, с. 83.

32 Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, с. 2.

33 См.: Гамбашидзе Г.Г. К объяснению названия храма Ткобя-Ерда // Мацне, 1974, № 2, с. 129, сноска 93.

34 Миллер Вс. Язык осетин. М.; Л., 1962, с. 25, 26; Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов, т. V. Л., 1932, с. 715 сл.; Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. I, вып. 2, Грозный, 1959, с. 89–119.

35 Генко А.Н. Указ. раб., с. 720–727; Алборов Б.А.. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии // Сб. научного общества при Горском пединституте, т. I. Владикавказ, 1929, с. 87–99; Виноградов В.Б., Чокаев К-З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. VIII, вып. 2, Грозный, 1966, с. 75–96; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и

уникальная особенность данного микрорайона, отличающая его от всех прочих в горной Чечено-Ингушетии — от Дарьяльского прохода до Андийского хребта на границе с Дагестаном³⁶.

Все изложенное согласуется между собой и позволяет сделать достаточно уверенный вывод о сложности этнического развития населения горной Ингушетии и о заметной роли в нем, в частности, длительных и разнообразных алаано-вайнахских связей, которые были особенно активными на территории Джераховского ущелья и в низовьях Ассы, затрагивая, однако, и колыбель галгаев — горную Ассинскую котловину. В нижней части долины Армхи выявляется та среда, которая послужила чутким рецептором для этнических импульсов раннесредне-вековой эпохи. Вайнахская в своей древней основе, она в I тысячелетии испытала явную аланскую доминанту, развиваясь в русле конкретной истории народов округа Дарьяла. В первой трети XI в. сюда начинается массовая миграция выходцев из горной Ассинской котловины, которая продолжалась все предмонгольское время. Причины этого таятся во внутреннем положении (демографический взрыв и сопутствующее обострение социальных противоречий в среде галгаев) и внешнеполитических факторах (постоянно усиливающийся натиск Грузинского феодального царства и одновременное ослабление Алании). Поводом для открытого проявления назревшей тенденции стала вспышка алаано-грузинского соперничества за влияние в верховьях Ассы в первой трети XI в., связанного с именами кахетинского владетеля Квирикэ III и аланского царя Урдур (Ерда?).

Военная победа Грузии и стимулированная ею дальнейшая грузинская политическая и культурно-конфессиональная экспансия объективно стали дополнительным побуждением к оттоку и а запад той прослойки галгаев, которая более всего страдала в новых условиях.

Исторически правомерно видеть в ней первоначально сторонников традиционного общинного правопорядка, «слабые» семьи, тяготившиеся формами нарождающегося феодального гнета, представителей мелкого полуязыческого-полухристианского (жреческого в своей изначальной сути) культурного люда, весьма дееспособного на первых порах христианизации (еще поверхностной во многом!) местного общества и подверженного остракизму в условиях укрепляющейся и набирающей мощь христианской идеологии и иерархии, и, наконец, силы, стойко ориентировавшиеся на сохранение политико-экономических и культурных связей с аланами. Впоследствии миграция питалась внутренними неурядицами и столкновениями, все растущей земельной теснотой, кровной местью, религиозными распрями и, вероятно, известным государственным регулированием со стороны Грузии, остро заинтересованной в полном подчинении всей высокогорной зоны Кавказа, в безоговорочном включении ее в свои политические планы и границы.

На новом месте — в Джераховском ущелье — галгаевские переселенцы слились с давними соседями и партнерами (аланами) и постепенно ассимилировали их. Этот процесс, вероятно, протекал вплоть до начала установления татаро-монгольского господства на Кавказе, а полностью завершился в XIII–XV вв. в связи с новой волной миграций, охватившей Чечено-Ингушетию и приведшей к окончательной победе вайнахского элемента во всей зоне высокогорья и выселению в дальнейшем вайнахов на плоскость³⁷. Но и в последующие столетия сохранялись специфически тесные контакты ингушей Джераховского ущелья с осетинами. Важно отметить, что недавно Н. Г. Волковой удалось убедительно охарактеризовать подвижность этнических границ в районе Дарьяла в XVI — первой половине XIX в. и, в частности, обосновать факт вторичной миграции осетин в низовья долины Армхи во второй половине XVIII в. с последующей ассимиляцией ингушами и этой волны ираноязычных поселенцев³⁸. Все это лишний раз доказывает сложность этнической истории горной Ингушетии, в которой длительные взаимоотношения вайнахов и алаано-осетин сыграли роль, далеко еще до конца не осознанную нами.

Впервые опубликовано: Советская этнография, 1979, № 2, с. 30–39.

ингушей..., с. 171.

36 Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976.

37 Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей..., с. 183

38 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974, с. 128–130, 144.

ДОИСЛАМСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИКРЕТИЗМ У ВАЙНАХОВ¹

Проблема взаимодействия языческих и монотеистических верований и культов является одной из наиболее сложных и наименее разработанных в религиоведческой кавказоведческой литературе. Цель данной публикации — проследить характер доисламских верований вайнахов².

До проникновения монотеистических религий (христианства с рубежа VIII–IX вв. и ислама — не позднее XVI в.) у чеченцев и ингушей сложилась довольно развитая система политеистических верований. Основными божествами у них являлись: Дела (первоначально бог солнца и неба, отец иных богов), Села (бог грома и молнии, блюститель нравственности), Тушоли (первоначально женский дух возрождающейся природы, растительности, затем богиня плодородия), Галь-Ерда (покровитель скотоводства), Елта (хозяин диких зверей и покровитель охотников), Эштр (бог загробного мира), Молдзы-Ерда (бог войны) и др.³ В разных обществах возникали специфические особенности культа одних и тех же божеств, видоизменялись их имена; поклонялись также местным божествам-покровителям.

Култ богов был в основном умиловительным с элементами более ранних религиозных форм. Празднества в честь общевайнахских патронов были приурочены к началу или окончанию сельскохозяйственных работ, к важнейшим датам традиционного календаря. Языческие обряды, которыми руководили жрецы⁴, включали моления, жертвоприношения, а также песни, танцы, гадания.

В период средневековья на традиционные верования и культы вайнахов заметное влияние оказало христианство. В горные районы края оно проникало неоднократно: в IX–XIV вв.⁵ — преимущественно из Грузии, в конце XVI–XVII веков⁶ — из Грузии, во второй половине XVIII в.⁷ в основном из России.

Процесс христианизации оказался длительным и незавершенным вследствие ряда причин: недостаточной активности политических сил, заинтересованных в христианизации, замедленных темпах социально-экономического развития вайнахского общества (отсутствие четкой классовой структуры, государственности), неблагоприятных внешнеполитических событий (особенно в XIII–XIV вв. — нашествия чингизидов, Тимура), подчиненности религиозного фактора политической конъюнктуре в грузино-вайнахских (конец XVI – XVII в.) и русско-ингушских (вторая половина XVIII в.) взаимоотношениях и др.

Изучение тех верований и культов вайнахов, которые образовались при взаимодействии местного язычества и христианства, началось сравнительно поздно.

Уже в XVIII в. И.А. Гюльденштедт, П.С. Паллас, Л.Л. Штедер и др.⁸ отмечали в их верованиях следы христианства. В начале XIX в. С. Броневский писал, что, хотя ингуши — мусульмане, но «держатся еще совокупно языческих и христианских обрядов»⁹. На религиозный синкретизм у ингушей обратил внимание и А.М. Шегрен: «Мулла свободно кричит при колокольном звоне. Кистинский (ингушский. — *Авт.*) кумир Гальерд покойно стоит в старой оставленной церкви царицы Тамары»¹⁰.

Первый ингушский этнограф Чах Ахриев, описавший ряд доисламских празднеств, высказал мнение, что «христианство существовало у ингушей не как догматическое учение, а только как новый

1 Соавтор Н.Н. Великая.

2 Библиографию основных работ по данной теме, опубликованных до 1917 г. и в 1917–1980 гг., см.: Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н., Межидов Д.Д. Библиография основных отечественных работ по религиозным воззрениям вайнахов в дореволюционном прошлом. Грозный, 1981. В дальнейшем в тексте статьи сноски будут даны в основном только на историографические труды, изданные после 1980 г.

3 См., например: Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник (далее — ТС). Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893, с. 41–132; Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.; Л., 1931, с. 9–40.

4 Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Роль жречества у средневековых вайнахов (к постановке проблемы) // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979, с. 132–145.

5 См., например: Дидебулидзе З.Ш. Из истории средневековой культуры народов Северного Кавказа // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981, с. 105–120; Виноградов В.Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XIX в.) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 1–12; Бараниченко Н.Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985, с. 7–9.

6 Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 116–126.

7 Там же, с. 126–136.

8 Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа (из путешествия г-на академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770–1773 гг.). СПб., 1809, с. 81–82; Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930, с. 733–735, 743–744.

9 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе Ч. 1. М., 1823, с. 161.

10 Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при различных случаях // Кавказ. 1846. № 27.

обряд»¹¹. Языческая мифология горцев, по свидетельству Н. Харузина, свободно уживалась с христианством, но языческие верования со временем получили перевес¹². Таким образом, уже дореволюционные исследователи писали о синкретическом характере религиозных верований вайнахов.

В советский период возрос интерес исследователей к доисламским верованиям и культам. Еще в 1930 г. А.Н. Генко ввел в кавказоведческую литературу более удачное и отражающее суть явления определение — «религиозный синкретизм».¹³ Однако впоследствии долгое время изолированно изучались, с одной стороны, политеистические формы религии¹⁴, с другой — этапы христианизации и их следы в верованиях местных горцев¹⁵.

Опираясь в основном на данные этнографии, рассмотрим главные черты доисламского религиозного синкретизма вайнахов и те изменения, которые претерпели традиционные верования под влиянием христианства.

Образ Делы, практически утративший первоначальную «специализацию», превратился во всемогущего и всевидящего бога, который создал небо и землю, первых людей. По отношению к нему все остальные божества стали выступать в роли посредников. Значение Делы в иерархии божеств было столь велико, что некоторые дореволюционные исследователи определенно утверждали, что вайнахи верят в единого бога.¹⁶ Очевидно, именно с Делой были связаны представления о троичности божественных сил. По этому поводу Ч. Ахриев и М. Ковалевский писали, что в среде ингушей существовало понятие о боге в трех лицах, которым они нередко и клялись¹⁷. Весьма показательным является обращение к Деле: «Мы, боже, твои рабы...»¹⁸, что повторяет формулу христианства «рабы божьи», выражавшую полное и беспрекословное подчинение верховному богу.

Тушоли стала именоваться богородицей или девой Марией¹⁹. Подобная метаморфоза являлась вполне закономерной, если учесть те функции, которые выполняло данное божество. По сведениям населения Хамхинского общества, праздник Тушоли справлялся в одно из ближайших к пасхе воскресений («вербное» или «фомино»). Обязательным приношением считалось треугольное обрядовое печенье с изображением креста²⁰.

Согласно позднейшим представлениям вайнахов, бог подземного царства Эштр творил справедливый суд над умершими: праведных он отправлял в рай, а грешников — в ад²¹. В раю праведники получают вознаграждение и соединяются со своими родственниками, в то время как грешники мучаются в аду, который представлялся в виде большого огненного озера²². Представление о суде божьем и возмездии за дурные дела, возникшее под влиянием христианства, было связано не только с Эштром, но и с Селой, Тамаж-Ердой²³.

Окончательно утратили свою антропоморфность Молдзы-Ерда и Галь-Ерда (идолы сохранились лишь у богини Тушоли). Знаменательно и добавление к именам указанных божеств термина «Ерда». Относительно его происхождения существует несколько точек зрения. Термин возводят к аланскому «ард» — «магическая сила», «святость», «бог», «клятва»²⁴; к имени святого Георгия, названию р.Иордан, где был крещен Иисус Христос²⁵; к греческому «Иеракс» — «священный»²⁶. Но какого бы происхождения ни был термин «Ерда», ясно одно, что в вайнахских языках он употреблялся в значении христианский (христианизированный) патрон, святой. Например, Маги-Ерда — «свя-

11 Ахриев Ч. Ингушские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). Вып. 5. Тифлис, 1871, с. 1.

12 Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Вестн. Европы, т. 5. СПб., 1888, с. 516.

13 Генко А.Н. Указ. соч., с. 749, 750.

14 См., например: Мадаева З.А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX — начало XX в.) // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Её же. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом XIX — начала XX в. // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Мужухоев М.Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1985. № 2.

15 См., например: Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор...; Мужухоев М.Б. О путях и результатах христианизации вайнахов в средние века // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984.

16 Географическое и статистическое описание..., с. 81.

17 См.: Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания, с. 126.

18 Далгат Б. Указ. соч., с. 108.

19 Шиллинг Е. Культ Тушоли у ингушей // Изв. Ингушского института краеведения, т. IV. Орджоникидзе; Грозный, 1935, с. 99.

20 Там же.

21 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 307.

22 Шегрен А.М. Указ. соч., № 27.

23 Далгат Б. Указ. соч., с. 121–122; Ахриев Ч. Указ. соч., с. 11–12.

24 Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ. 1979. № 2, с. 35.

25 Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. Грозный, 1978, с. 205–206.

26 Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Изв. Чечено-ингушского НИИ истории, языка и литературы (далее — ЧИ НИИ ИЯЛ), т. I. Вып. 2. Грозный, 1959, с. 144.

той Маго», Алби-Ерда — «святой Алби»²⁷ и др. Сведения по Чечне также подтверждают этот вывод²⁸.

Приведенные данные показывают, что отдельные божества, а также исторические личности (Маго, Алби и др., по-видимому, первыми принимавшие христианство) становились местными христианскими святыми; другие идентифицировались с уже имеющимися в христианстве и наиболее приближенными к ним по своим функциям, например, Тушоли-Мария. Ингушам было известно и имя архангела Гавриила²⁹.

Библейские мотивы (в частности, сюжет о Содоме и Гоморре) прослеживаются в предании, связанном с возникновением оз. Кезеной-ам³⁰. Согласно легенде, раньше на месте озера существовало селение. В нем жили люди, не знавшие никакой религии, не почитавшие бога. К ним пришел ангел божий и стал проситься на ночлег, но его отовсюду гнали, и только в доме бедной вдовы он нашел приют. Разгневанный бог затопил селение, пощадив лишь семью гостеприимной вдовы³¹.

Было распространено и библейское предание о войске фараона, преследовавшем израильтян и потонувшем в море³².

Следует отметить, что практически ни один христианский сюжет не воспринимался вайнахами в «чистом» виде. Все они перерабатывались, изменялись народной фантазией, привязывались к местным географическим точкам, своеобразно использовались для объяснения окружающей действительности. Еще одним подтверждением сказанному является предание о происхождении человека. Согласно ему, бог сотворил мужчину из земли, а из ребра его сделал женщину. После их смерти из спинного мозга первого человека родился муравей, из которого со временем сделался новый человек³³.

В лексический фонд вайнахских языков прочно вошел большой слой религиозных терминов, заимствованных из грузинского языка. Это «мозҕар» — чеч., инг. (священник), «марха» — чеч., инг. (пасха), «жІара» — чеч., «жІарг» — инг. (крест), «ялсамани» — чеч., «ялсамале» — инг. (рай), «жобҕахати» — чеч., «жожҕате» — инг. (ад), «чІурам» — чеч., «кІерам» — инг. (свеча) и др.³⁴ В этой связи нам представляется верной мысль лингвистов о том, что, если есть культурное заимствование, можно с полным основанием ожидать соответствующего заимствования слов³⁵.

Из грузинского календаря в вайнахские языки вошли названия таких дней недели, как понеделник («оршот» — чеч., инг.), пятница («пІераска» — чеч., «пІаьраска» — инг.), суббота («шот» — чеч., «шоатта» — инг.), воскресенье («кІиранан де» — чеч., «кІиранди» — инг.)³⁶.

Погребальный обряд также отразил изменения религиозных воззрений вайнахов, вызванные христианством. В период развитого средневековья появляются захоронения в каменных ящиках, в основном соответствующие раннехристианским канонам, характерным для горцев всего Кавказа.³⁷ В позднем же средневековье отмечены захоронения в склепах в деревянных гробах. С.Ц. Умаров также обратил внимание на то, что хотя погребальный инвентарь (в том или ином количестве) и присутствует в позднесредневековых захоронениях, однако он уже не содержит металлических фигурок людей, животных, столь характерных для V–IX вв.³⁸

Изменились и поминальные культы. По сообщению А. Тутаева, «Галгай мархи цей» была сходна с грузинской пасхой. Перед началом праздника ходили в Ерды (храмы), зажигали там свечи. Затем несли покойникам, похороненным в склепах и мавзолеях, кушанья и напитки³⁹.

Возможно, что христианизированный характер имели до проникновения ислама и похоронные обряды. Большой интерес в этой связи представляет огромный могильник Мохде в горной Ингушетии, который назывался еще «райским холмом». Считалось, что похороненный здесь не попадет в ад, так как это место хоть раз в день освещается солнцем⁴⁰. Но само название холма и одни из на-

27 Далгат Б. Указ. соч., с. 95; Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области (далее — ССТО). Вып. 1. Владикавказ, 1878, с. 247; Горепекин Ф.И. Маги-ерда — языческий бог-покровитель у ингушей // Терские ведомости. 1909. № 82.

28 Мальсагов Д.Д. Этнография чечено-ингушского народа // Фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Оп. 3. Папка 60, с. VI–IX.

29 Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875, с. 5.

30 Вертепов Г.А. В горах Кавказа // ТС. Вып. 6. Владикавказ, 1903, с. 104.

31 Семенов Н. Сказки и легенды чеченцев. Владикавказ, 1882, с. 64–66.

32 Шегрен А.М. Указ. соч. № 30.

33 Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875, с. 8.

34 Генко А.Н. Указ. соч., с. 738; Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 120–121.

35 См.: Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978, с. 178.

36 Алироев И.Ю. Указ. соч., с. 47, 197; Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979, с. 44–47. По мнению исследователей, до проникновения христианства у вайнахов существовала пятидневная неделя.

37 Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 т. М., 1981, с. 227.

38 Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования, с. 117.

39 Тутаев А. Галгаевский календарь с 1881 г. и история по преданию // Архив Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Оп. 3. Папка 44, с. 18–21.

40 Далгат Б. Указ. соч., с. 98; Шиллинг Е. Культ Тушоли..., с. 113.

и более ранних погребений (в каменных ящиках)⁴¹, видимо, указывают на связь с христианством. Еще Б. Далгат отмечал, что здесь среди могил находилось своеобразное святилище («эльгыц») без крыши, которое в конце XIX в. уже не использовалось⁴². Во время раскопок на Мохде М.Б. Мужухоев выявил две аналогичные постройки, площадью 30 и 45 м², с каменными сидениями и алтарем, с нишами на внешних сторонах стен. В раскопе были найдены два больших металлических креста, один из которых датируется первой половиной XIII в.⁴³ Вполне возможно, что эти постройки в период средневековья служили своеобразными часовнями, где проходил обряд прощания с умершими (модификация соответствующего христианского обряда).

В религиозные празднества вайнахов прочно вошло употребление христианских символов и утвари: больших железных крестов, свечей, псалтырей, церковной посуды и др.⁴⁴ Были распространены обычаи снимать шапки перед святыми, преклонять колени, петь молитвы с неизменным возгласом «амин»⁴⁵.

Особо следует сказать об осмыслении вайнахами христианских символов. Наибольшее распространение у них получили кресты и свечи. Кресты ставили на башни, на культовые постройки, на очажные цепи, на утварь, хлеба и пр.⁴⁶ Восковые свечи использовались во время моления как внутри святилищ, так и на открытых местах. По мнению М.Б. Мужухоева, свечи использовали не только для освещения, но и как предмет культа огня⁴⁷. Эту точку зрения нельзя признать правильной. Помимо культа домашнего очага, тесно связанного с культом предков, у вайнахов не наблюдалось каких-либо заметных форм почитания огня. Кроме того, поскольку внутрь святилищ в дни молений, как правило, ненадолго заходило лишь несколько человек (жрец, старейшины семейств с жертвенной пищей), то в искусственном дополнительном освещении они не нуждались. Тем более, ни о каком освещении не могло идти речи, когда зажженные свечи ставились во внешние ниши святилищ-зданий или святилищ-столпов. Вайнахи заимствовали свечи из христианской грузинской традиции, но четких канонических представлений о них не имели; однако считали, что эти предметы обладают магическими свойствами. В частности, если свеча горела прямо, это значило, что святой благоволит к семейству, которое ее поставило. А если же «свеча счастья» тухла, то считалось, что семья должна принести храму еще одну жертву⁴⁸.

Таким образом, и здесь наблюдается одна из главных черт синкретизации религий, происходившей у вайнахов в средневековье. Ее результатом было не утверждение канонического христианства и не господство «канонического» язычества, а возникновение совершенно особых представлений, генетически связанных с христианскими мифами, обрядами, предметами культа.

Этот вывод относится и к изображению крестов. Декларативными выглядят заявления о том, что «изображение креста было знакомо вайнахам еще задолго до появления у них первых миссионеров Грузии»⁴⁹. Археологические материалы свидетельствуют, что с I тыс. до н. э. у предков вайнахов был широко распространен знак свастики, который в период развитого и позднего средневековья встречается уже крайне редко⁵⁰. Зато с этого времени широко распространены четырехконечные кресты и кресты с голгофой⁵¹. За ними закрепляется грузинское название, и в сознании верующих они воспринимаются как христианские символы. Информаторы сообщали нам о том, что изображения крестов связаны с христианством. Поэтому нет оснований утверждать, что они олицетворяли «культ огня и солнца»⁵². Отчасти, как и в христианстве, крест воспринимался как символ спасения через лишения и страдания (верующие «несли свой крест», о чем свидетельствуют нательные кресты в захоронениях)⁵³, как предмет, от

41 Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, с. 18–19; Мамаев Х.М. Указ. соч., с. 36–37.

42 Далгат Б. Указ. соч., с. 98.

43 Мужухоев М.Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970–1980 годах) // Памятники раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 89–90.

44 Ахриев Ч. Ингушские праздники, с. 11; Семенов Л.П. Археологические и этнографические..., с. 42, 56; Гамбашидзе Г.Г. Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 115–116; Головинский П.И. Указ. соч., с. 253.

45 Броневский С. Указ. соч., с. 162; Горепекин Ф.И. Указ. соч. № 84; Вертепов Г.А. Наши горы и их обитатели // Терские ведомости. 1897. № 150; Тутаев А. Галгаевский календарь..., с. 4, 8, 18.

46 Далгат Б. Указ. соч., с. 46; Шегрен А.М. Указ. соч. № 28; Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы. С. 11–13; Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях р. Чанты-Аргуна // Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963, с. 138.

47 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 131–132.

48 Ахриев Ч. Ингушские праздники. С. 10; Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973, с. 63.

49 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., с. 134.

50 См., например, Виноградов В.Б. Погребение знахарки-чародейки в позднесредневековом ингушском склепе // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 63–64.

51 Кобычев В.П. Храмы древние стены // СЭ. 1979. № 4, с. 141–144.

52 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., с. 134.

53 Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период, с. 25; фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. ОС — 1891, ОС — 13020, ОС — 3851/56.

которого исходит чудесная силы (кресты помещали на храмах)⁵⁴. Однако подобные представления, судя по археологическим данным, наблюдались лишь в периоды усиления христианизации. В позднем средневековье с крестами связывали магическую сверхъестественную силу. Кресты изображались на различных предметах, с ними связывались те или иные поверья. Так, переворачивание каменных крестов должно было обеспечить дождь⁵⁵. Кресты использованы и при предсказаниях будущего. Так, например, если на празднике Тамаж-Ерда помощник жреца выносил народу один крест, то это означало, что год будет неурожайным, если два, — то урожай ожидается средний, а если три, — год будет урожайным⁵⁶.

Особо следует сказать о крестах с голгофой, выкладывавшихся на стенах башенных и культовых сооружений. Они напоминают фигуру человека, а на башне в Малхисте это уже явно распростертая фигура человека. Можно предположить, что первоначально этот знак толковался как распятие. Считать его неким языческим антропоморфным символом оснований нет, поскольку его называли «жIарг» (крест), так же как и другие известные на территории края, более «канонические» изображения. К тому же в литературе справедливо отмечено, что крест с голгофой является не только конфессиональным, но и социальным символом знати, ориентировавшейся на феодальную Грузию⁵⁷.

Столь же неправомерно считать и большие каменные кресты изначально языческими антропоморфными стелами⁵⁸. Подобно тому, как это было в Дагестане, Осетии, Хевсуретии⁵⁹, христианизация Чечено-Ингушетии сопровождалась появлением каменных крестов (один из наиболее ранних обнаружен в храме Тхаба-Ерда⁶⁰). По свидетельству П. Хицунова и В.Ф. Миллера, каменный крест у аула Чахкери (Чечня) имел даже углубление для иконы, а крест у с. Цори был поставлен на горе в честь победы над мусульманами⁶¹, т.е. также являлся христианским символом.

О том, как некоторые из крестов оказались над мусульманскими захоронениями, можно судить по следующему замечанию И. Попова: «Сын видел, как отец его ставил крест или другой памятник на могиле умершего деда, и делал то же, не вдаваясь глубоко в смысл заведенного порядка»⁶². Проникновение ислама, с одной стороны, вызывало забвение и уничтожение части доисламских (в том числе и христианских по своему происхождению) символов, а с другой — приводило к переосмыслению оставшихся древностей, включению их в новый этап эволюции уже под покровом ислама. Считаем, что этот вывод с полным основанием можно отнести и к так называемым антропоморфным стелам.

В средневековье под влиянием христианства большие изменения претерпел календарь языческих празднеств вайнахов, которые отмечались теперь по воскресеньям (в этот день не работали),⁶³ а также на Пасху, Троицу, Успение и т.п.⁶⁴ Указанные особенности культов позволили, например, А.М. Шегрену сделать вывод, что у ингушей «святыне суть большею частью христианские, праздники тоже совпадают с нашими»⁶⁵.

Христианство оставило след и в такой сфере культовой практики, как пост. Несветский писал, что жители с. Хули в горной Ингушетии «содержат пост в феврале и марте, сколько и христиане»⁶⁶. Для других групп вайнахов также отмечено соблюдение постов⁶⁷. Второй месяц вайнаховского календаря «Мархи бутт» («месяц поста») назывался также «христианским» и соответствовал великому посту⁶⁸.

Христианское влияние ощущается и в семейной образности. По описаниям А. Тутаева, новорожденного несли в Ерды храм для крещения. Когда в праздник «Сели цей» жрец ходил по домам, то имел при себе кувшин с грузинской надписью, наполненный «святой» водой, и кисточку, которой и обрызгивал всех этой водой. Тот же обряд совершался и во время молений в Тхаба-Ерда. Здесь, кроме того,

54 Вертепов Г.А. Наши горы и их обитатели. № 150.

55 Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888, с. 9; Харузин Н. Указ. соч., с. 492.

56 Головинский П.И. Указ. соч., с. 253.

57 Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнаховских боевых башен с крестами-«гольгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период, с. 52–57.

58 Мажухов М.Б. Проникновение христианства к вайнахам, с. 27–28.

59 Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. IV. Махачкала, 1963, с. 163–176; Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 185; Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977, с. 197.

60 Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тезисы. IV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 65.

61 Миллер В.Ф. Указ. соч. С. 7; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 1. Цхинвали, 1981, с. 50–51. Согласно П. Хицунову, к Чахкеринскому кресту, принадлежавшему фамилии Гаттой (Шатоевского общества), представители данной фамилии относились с благоговением, хотя и были мусульманами.

62 Попов И. Ичкеринцы // Сб. сведений о Терской области. Владикавказ, 1878, с. 262.

63 Географическое и статистическое описание..., с. 81–82.

64 Вертепов Г.А. Ингуши // ТС. Кн. 2. Владикавказ, 1892, с. 80, 90; Семенов Л.П. Указ. соч., с. 74.

65 Шегрен А.М. Указ. соч. № 27.

66 Несветский. Церковь в деревне Хули, у кистов // Кавказ, 1849. № 3.

67 Броневский С. Указ. соч., с. 162; Вертепов Г.А. Ингуши, с. 88.

68 Далгат Б. Указ. соч., с. 85.

жрец давал пить «святую» воду больным. Во время такого важного семейного праздника, как обручение, также приглашали служителя культа, который молился о счастливой жизни жениха и невесты, а затем обручал их. После смерти человека в его дом приходил служитель храма, читал молитву об отпущении ему грехов⁶⁹.

Здесь, как и в других обрядах, элементы язычества и христианства видоизменялись, тесно переплетались в сознании вайнахов и не отделялись друг от друга. Приведенные примеры показывают, что синкретический религиозный комплекс проводил своеобразный институт «полужрецов-полусвященников». Столь же своеобразными были и культовые сооружения, среди которых нет полностью идентичных.

Культовые постройки края обнаруживают чрезвычайное разнообразие, сочетание на первый взгляд несовместимых элементов (с точки зрения требований язычества и христианства). Например, в святилище Мятцели (Ингушетия) входы сделаны в восточной и западной стенах, в святилище Зодцах-Ерда (Ингушетия) вход в восточной стене, а престол в западной и т.п.⁷⁰

Данные по вайнахскому доисламскому синкретизму позволяют, согласившись в целом с одним из последних определений этого религиозного явления,⁷¹ внести в него и некоторые уточнения, понимая под религиозным синкретизмом объективный процесс взаимодействия двух (или более) религиозных систем, в ходе которого происходило образование новой достаточно целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой. Такая трактовка, на наш взгляд, более содержательна, чем бытующие в литературе представления о «христианизированном язычестве», «бытовом варианте христианства» и т.п. Основываясь на ней, мы с большим основанием можем не согласиться с попытками доказать языческую конфессиональную принадлежность позднесредневековых вайнахов.

Удельный вес новаций, генетически связанных с христианством, по сравнению с языческими воззрениями был у вайнахов гораздо меньшим, что, однако, не мешало самим горцам осознавать себя христианами. Наглядным подтверждением этому может служить культ Тамаж-Ерда, достаточно подробно описанный исследователями⁷². Влияние христианства на культ «крылатого святого»⁷³ проявилось в употреблении железных крестов, свечей. Следы его видны и в некоторых элементах молитвы. Восклицания «оче», «амин», по-видимому, связаны с христианскими «отче», «аминь». И наконец, представление о том, что Тамаж-Ерда вскоре должен вернуться на землю и покарать провинившихся, возможно, является отблеском мифа о новом пришествии Иисуса Христа. Все остальные воззрения, относящиеся к этому культу крылатого святого, имеют традиционный характер. И в них можно проследить наиболее ранние пласты. В частности, они связаны со способностью Тамаж-Ерда превращаться в козла. Характерными для местного язычества являются массовые моления и жертвоприношения.

Култ Тамаж-Ерда, в котором произошли наложение и смешение различных элементов язычества, оказался весьма незначительно поколеблен христианством (в той же мере это относится к культам других божеств и святых). Однако некоторые исследователи на основе данных информаторов утверждали, что в пещере молились именно христиане (это утверждается и относительно иных святых и храмов)⁷⁴.

На первый взгляд, возникает противоречие. В связи с этим напомним слова современного исследователя Н.С. Капустина в отношении приверженцев православно-языческого синкретизма, писавшего, что они «не видят в своих воззрениях противоречий. Напротив, они воспринимают собственную веру как единую и непротиворечивую»⁷⁵.

Религиозный синкретизм христианства и язычества существовал и у других горцев Кавказа, что открывало простор для конфессиональных связей между горцами Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Грузии. В частности, по имеющимся в литературе сведениям, в Майсту приходили на моления тушины, пшавы, хевсуры. Последние также присутствовали на празднествах в Малхисте. Хевсуры и вайнахи поклонялись гуданскому кресту, хати Яхсар, другим святыням. На праздник Св. Георгия в с. Хахматн съезжались женщины из Грузии (Хевсурети, Тушети, Пшави) и горной Чечено-Ингушетии. Указанные праздники происходили на Пасху, Новый год, Георгобу и т. п. и сопровождалась массовыми молениями и жертвоприношениями⁷⁶.

69 Тутаев А. Указ. соч., с. 69, 70, 89–91, 103.

70 Семенов Л.П. Указ. соч., с. 11; Мужухоев М.Б. К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 82–86.

71 Капустин Н.С. Особенности эволюции религий. М., 1984, с. 12–13.

72 Архив Ч. Ингушские праздники, с. 7–14; Головинский П.И. Указ. соч., с. 253–254.

73 Далгат Б. Указ. соч., с. 102; Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи..., с. 35; Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования..., с. 127.

74 О христианстве в Чечне см., например: Далгат Б. Указ. соч., с. 57; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872, с. 57.

75 Капустин Н.С. Указ. соч., с. 56.

76 Извлечение из этнографических очерков Г. Урбнели о хевсурах кн. Р. Эристову // Зап. Кавказского отдела Русского Географического

Приведенные примеры, на наш взгляд, могут служить дополнительным показателем не только конфессиональных, но и этнических связей, под которыми понимаются как миграции вайнахов в горные районы Грузии, так и наличие на южных склонах хребта элементов правайнахского субстрата⁷⁷. То же самое можно сказать о религиозных верованиях и культах восточных осетин и ингушей Джейраховского ущелья. Общие для двух народов праздники отмечались в честь Св. Мятцели на столовой горе еще в конце XIX в.⁷⁸

Судя по письменным источникам, еще в XVII в., один из главных признаков христианской принадлежности чеченцев и ингушей видели в том, что они употребляли в пищу свинину. По словам стрелецкого головы М. Молчанова, «называютца де они (чеченцы-шатоевцы. — *Авт.*) православными христианами, потому что едят свинину»⁷⁹. Представления о горцах-чеченцах (чантинцах, терлойцах и др.) в прошлом как христианах, а также традиция употребления ими в пищу свинины сохранилась и в XIX в.⁸⁰ То же самое наблюдалось и в Ингушетии. По-видимому, этот признак стал основным тогда, когда в среде вайнахов начал распространяться ислам⁸¹.

По меткому определению А.М. Шегрена, мусульмане в XIX в. были «не лучше христиан»⁸² в том плане, что и у них не наблюдалось «чистоты» вероисповедания. По свидетельству очевидцев, у горских мусульман долго сохранялось уважение к именам христианских святых, употребление крестов и пр.⁸³

Раннемусульманские погребения в Горной Чечне дали своеобразный погребальный обряд, сочетающий элементы язычества, христианства и ислама⁸⁴. Столь же своеобразный вид имели раннемусульманские чурты и мечети. Последние зачастую представляли собой слегка перестроенные боевые и жилые башни или были выполнены в подражание им. Таким образом, под знаком синкретизма в горных районах Чечено-Ингушетии происходила не только христианизация, но и исламизация.

Приведенные в статье данные подтверждают наличие у вайнахов достаточно сложных, далеких от «первобытного язычества» религиозных воззрений. По-видимому, процесс создания новой конфессиональной структуры происходил согласно общим закономерностям: сначала — существование и столкновение местного язычества и христианства, затем — ознакомление с чуждой религией, освоение ее культовой практики, взаимопроникновение и приспособление и лишь впоследствии — формирование новой синкретической системы⁸⁵.

Впервые опубликовано:

Советская этнография, 1989, № 3, с. 39–48.

общества. Кн. XIV. Вып. 1. Тифлис, 1890, с. 184; Материалы по обследованию Чечни. 1928 г. // Архив Ленинградского отд. Ин-та археологии. Ф. 2. Д. 216, 33, 40; Мачинский А.В. Дневник работ Чеченского отряда СКАЭ. 1939 г. // Архив ЛОИА, ф. 35, д. 165. С. 27; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 174; Макалатия С.И. Указ. соч. С. 215; Сулейманов А.С. Указ. соч., ч. 2, с. 278–287; Бардавелидзе Б.В. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис, 1933, с. 31.

77 Волкова Н.Г. Указ. соч. с. 172–178; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 165–184.

78 Ахриев Ч. Ингушеские праздники. С. 7–11; Базоркин А. Горское паломничество // ССК. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 1–10; Далгат Б. Указ. соч. С. 104–112.

79 Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // СЭ. 1978. № 6, с. 105.

80 Иваненков Н.С. Горные чеченцы // ТС. Вып. 7. Владикавказ, 1910, с. 9–13, 150.

81 Ср.: согласно Вахушти, «тагаурцы, куртатинцы, Валагир, Пайком, дигорцы и базины, чьи главари и знатные являются мусульманами, а простые крестьяне — христианами, несведущими и в той и в другой вере, так как различие между ними состоит в следующем: те, которые едят свинину, являются христианами, а те, которые едят конину, — мусульманами» (Гаглоев Ю. Об одном месте «Географии» Вахушти // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Вып. 11. Цхинвали, 1962. с. 182).

82 Шегрен А.М. Указ. соч. № 27.

83 Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 7.

84 Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях р. Чанты-Аргуна // Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ, т. 3, вып. 1. Грозный, 1963, с. 136–139.

85 Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974. с. 27. Заметим, что в современной литературе пока что нет единства взглядов на характер и сущность религиозного синкретизма (см.: Капустин Н.С. Указ. соч., с. 6, 11–13).

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВАЙНАХОВ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Позднее средневековье (XIII–XVIII вв.) у вайнахов (чеченцев и ингушей) наполнено драматическими событиями: монгольское нашествие, бесчинство войск Тимура, внутренние междоусобицы, агрессивные походы Османской Турции и Ирана — все это делало крайне напряженной жизнь горца². Немыслимыми свидетелями той суровой и опасной жизни и сейчас остаются мощные башенные фортификационные сооружения, нередко стоящие на головокружительной высоте в ущельях гор или в узких стремнинах рек и служившие не только местом жительства горцев, но и надежным убежищем для них³.

До настоящего времени вопросы тактики осады и обороны этих построек в отдельных исследованиях лишь затрагивались⁴. В данной статье мы попытаемся суммировать и охарактеризовать те основные тактические принципы осады и обороны башенных укреплений, которые были характерны для горцев Чечено-Ингушетии в позднесредневековый период, привлекая для этого материалы наших полевых исследований в горной части края за 1975–1981 гг. и другие сведения по данной теме⁵.

Большинство походов и набегов с целью захвата скота и пленников, боевые акции внутренних междоусобиц совершались у вайнахов преимущественно некрупными воинскими отрядами, которые внезапным ударом должны были захватить башенный поселок или группу таковых врасплох. Если внезапное нападение должного результата не давало, воинский отряд мог принудить к сдаче конкретный мелкий поселок с немногочисленным гарнизоном, даже цепь подобных укреплений военной силой, что засвидетельствовано в документальных материалах и фольклорных произведениях⁶. Однако крупные башенные поселки (типа вайнахских Эрзи, Таргим, Фарскалой, Кезеной, Пого и другие), обладавшие сложными и сильными оборонительными сооружениями и значительным контингентом боеспособного населения, внезапным набегом захватить было сложно. Поэтому одну из причин образования крупных башенных поселков мы склонны видеть в стремлении противостоять вражеским набегам совместными усилиями односельчан. Это, видимо, не ранее XVI–XVIII вв., в период наивысшего развития башенного зодчества. Создание такого рода башенных поселков серьезно ограничило применение традиционного и эффективного приема «срезания» отдельно стоящих башен посредством выбивания их угловых камней (подкоп под угол)⁷.

Более полны наши представления о способах обороны башенных комплексов.

Вплоть до XIII в. основным принципом организации обороны поселений в горной части Чечено-Ингушетии (Киралт, Цеча-Ахк и др.) было использование рельефа и лишь в самых необходимых случаях незначительное изменение и приспособление его к нуждам обороны: подрезка склонов для придания им большей крутизны, углубление оврагов и превращение их во рвы и т.д. Искусственные сооружения (имеются в виду каменные прототипы башен) играли здесь второстепенную роль, преимущественно пассивную, в отличие, например, от укрепленных стенами и валами многих северокавказских раннефеодальных городищ и мощных крепостей (Дербент, Урцек, Тарки, Верхний Чирюрт, Андреяул, многочисленные аланские городища, византийские крепости на Тамани, Никопсия и др.) Такое ограничение средств обороны, преимущественно естественными преградами свидетельствует как о малых возможностях строителей укреплений, так и о том, что данные поселения не были предназначены для обороны от противника, имевшего осадные средства и обладавшего разработанной тактикой штурма укреплений⁸.

1 Соавтор Д.Ю. Чахкиев.

2 Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. М.: Правда, 1981, № 1.

3 Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982.

4 Щелыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Изв. Ингушского научно-исслед. ин-та краеведения, вып. 1. Владикавказ, 1928; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966. Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавк. этногр. Сборник (далее КЭС), т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1968. См. также в этом сборнике: Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей; Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971; Гольдштейн А. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975; Его же. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV–XVIII вв. — Архитектурное наследие. М., Стройиздат, 1976, № 25; Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне по материалам исследований 1957–1965 гг. // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980; и др.

5 Из-за малочисленных исходных данных авторы пока не касаются таких вопросов, как боевые порядки, виды маневра и боевое обеспечение осаждающих и обороняющихся.

6 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 240–241; Гамрекелли В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н. э. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1961; Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978.

7 Ошаев Х. Д. Указ. Раб., с. 120–121.

8 В горной части Чечено-Ингушетии не зафиксированы такие активные средства осады, как штурмовые лестницы, зажигательные стрелы и керамические бомбы, запавленные нефтью, а также стенобитные устройства, которые использовались в военной практи-

В XIII–XIV вв., в период напряженной внешней и внутренней обстановки на Кавказе, начинается массовое строительство башен в горах, когда каждое поселение превращалось в крепость⁹. Стремление усилить обороноспособность последних вело в это время к дальнейшему росту значения естественных оборонительных рубежей и строительству каменных (жилых, полубоевых и боевых) башен. Сооружение башенных построек принципиально усиливало не только пассивные защитные качества поселений. Высоко поднимаясь над поселком, башни давали защитникам возможность более прицельно вести стрельбу по осаждавшим, находясь в большей или меньшей безопасности¹⁰.

Оборонительные сооружения воздвигались для защиты поселений, но сам выбор места для них не мог целиком зависеть только от практических и стратегических требований военной ситуации, так как огромную роль здесь играли и экономические требования, связанные с жизнью поселения. Незначительные масштабы приусадебных участков определяли скученность башенных комплексов, что было небесполезно и для укрепления общей обороны.

«Межтайповая¹¹ вражда и межплеменные распри привели к образованию укрепленного поселения, расположенного по хребтам и горным отрогам, на довольно большой высоте, скученного и состоящего из отдельных жилых комплексов, включавших в себя и хозяйственные, и жилые, и оборонительные функции»¹². Воздвигаемые первопоселенцами, башенные постройки имели самостоятельное значение. Но угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи¹³. Именно подобное явление можно наблюдать в башенных поселках горной Чечено-Ингушетии.

Башни внутри поселка строились отдельными семьями. Потребность быстрого укрытия при неожиданном появлении кочевников и других врагов заставляла строить эти башни рядом с домом и при этом мириться с наличием рядом с ними мертвых пространств и скрытых подступов. Скрытые подступы к семейным башням для осажденных были неизбежным злом. Поэтому потребности общественной обороны села порождали не беспорядочное скопление башен между домами, а сооружение их на подступах к аулу, а также на господствующих и труднодоступных высотах с хорошими условиями для обзора, обстрела и связью — зрительной и огневой с другими опорными позициями обычно продуманной системы обороны.

При выборе места для башенного поселка важное значение имели горные дороги, ущелья рек и перевалы. С.Ц. Умаров подразделяет башенные поселки горной Чечни по фортификационно-топографическим особенностям на 3 группы. В первую группу входят небольшие поселения, расположенные на гребнях водоразделов и мысов, по краям высоких берегов рек (Харачой, Кирда и др.). Ко второй относятся поселения, расположенные в неприступных скальных навесах-карнизах и расщелинах обрывов (Мизиркала, Туркала, Итиркала и другие). Самая многочисленная группа — третья. В нее входят башенные поселки, находящиеся в широких долинах рек. Эти поселения как правило обширны (Барха, Моцарой, Канай, Хайбахой и др.)¹⁴. Принимая в общем данную классификацию для всей горной зоны края, следует отметить следующее: в основном, башенные поселки (кроме второй группы) расположены так, чтобы с трех сторон их защищали естественные преграды — крутые и обрывистые склоны, реки, ручьи, скальные массивы и пр. С четвертой, доступной стороны, возводились наиболее мощные оборонительные каменные сооружения (Коротх, Белхан, Цой-Педе, Гарах, Эрзи и др.): боевые или полубоевые башни, заградительные стены, а также иные искусственные препятствия. В тех случаях, когда башенные постройки возводились на менее защищенном естественными преградами участке местности, то прибегали к опоясыванию поселения заградительной каменной стеной, земляным валом и рвом. Так, например, защищен близ сел. Харпе в горной Ингушетии небольшой замковый комплекс фамилии Дударовых. Он состоит из боевой и двух жилых башен, окружен рвом и валом, судя по кладке, была некогда заградительная каменная стена. Ров, очевидно, заполнялся водой из речки, протекавшей рядом¹⁵. В чеченском горном поселке Кебасой боевую башню с двух сторон, менее защищенных естественными условиями, охватывают ров и вал.

ке в ряде других регионов Северного Кавказа в I и начале II тысячелетия н. э.

9 Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Изв. Северо-Кавк. Научного центра высш. школы. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977, № 1, с. 65 и др.

10 Раппопорт Ю.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исслед. по арх. СССР, № 52. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

11 Тайпа (из арабск. Яз. — тайфа — племя) — в чеченском и ингушском языках обозначает различные родственные и территориальные объединения: фамилию, поселение, группу сел и т.д. В кавказоведческой литературе XIX–XX вв. этот термин используется в таких же значениях. В полной мере вопрос о тайпах не исследован (см. Мамаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1973).

12 Робакидзе А.И. Жилища и поселения..., с. 98.

13 Там же, с. 92.

14 См.: Уваров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни (XIII–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 15–16.

15 Замок осмотрен авторами в 1977 году. См. также: Щерблякин И.П. Искусство ингушей..., с. 287–288.

По своим военно-оборонительным качествам вайнахские жилые башни (*gIala*) заметно различались. Одни, имея только два этажа, сравнительно большие окна и дверные проемы на первом и втором этажах, представляли собой жилой замкнутый дом. Эти башни, очевидно, более поздние, их строили, когда уменьшилась и совсем исчезла постоянная военная опасность. Иногда в комплексе с такими домами устраивалась боевая или полубоевая башня. Жилые башни такого типа — это настоящие дома крепости в 3–4 этажа, с входом на второй этаж, редкими и маленькими окнами, машикулями (каменные балкончики) и бойницами¹⁶.

Жилые башни были неплохо приспособлены для обороны. В стенах верхних этажей сделаны бойницы с небольшими нишами и отверстиями (от 1-го до 3-х), которые имеют наклон вниз и направлены в разные стороны, защищая доступы к башне с наиболее уязвимой стороны. Расположены бойницы в основном примерно в метре от поверхности пола и хорошо приспособлены для ведения стрельбы только из ручного огнестрельного оружия.

Целям активной обороны служил преимущественно верхний этаж, где на плоской кровле укладывались большие камни, представлявшие собой как бы продолжение стен. Эти камни в момент штурма сбрасывались на осаждающих. С боевой площадки метали стрелы, камни, копья, дротики. Кроме того, из специального котла лили на штурмующих кипящую воду, смолу и серу.

Дверные проемы составляли важнейшие участки обороны башенных сооружений, так как именно к ним в первую очередь стремились штурмующие и около них сосредотачивалась основная масса защитников. В обстановке постоянных военных набегов и столкновений, дверной проем устраивался на высоте 3–4 м от основания стены и вел на второй этаж. В результате новейших полевых исследований стало известно множество башен жилого типа с входными проемами, располагавшимися под защитой специально сооружаемых в верхней части башен каменных балкончиков — машикулей; в таких башнях не было центральной опорной каменной колонны. Интересно, что в некоторых поселках, например, Хамхи, Гимрой почти все жилые башни имеют подобные машикули. В специальной литературе такие башни именуются полубоевыми, хотя генезис их далеко еще не ясен¹⁷.

Именно подобную башню было наиболее трудно захватить внезапным ударом, так как повсеместно функционировали все ее помещения, и она обладала хорошими защитными средствами¹⁸. Дверные проемы второго этажа контролировались с помощью каменных машикулей, расположенных в верхней части стен. В горночеченском селе Нижний Кей находится полубоевая башня, под машикулями которой и сейчас фиксируются следы серы, которую лили некогда ее защитники на головы осаждавших. Эта башня интересна еще тем, что ее дверные проемы в одной из стен контролировались одновременно с трех машикулей. С них можно было наблюдать не только за подступами к дверным проемам, но и к основанию башни. С верхней боевой площадки башни с большим успехом, чем в жилых башнях, имелась возможность обстрела противника. Бойницы с небольшими отверстиями, расположенные в стенах, были хорошо приспособлены для стрельбы (как в жилых башнях), но только из ручного огнестрельного оружия. Интересно заметить, что полубоевые башни отмечены чаще всего в довольно крупных башенных поселках. В Ингушетии это, например, Хамхи, Эгикал, Оздик, в Чечне — Нижний Кей и др. Порой они возводились в местах, наиболее важных с точки зрения обороны местных горских обществ.

В качестве примера можно привести известную башню в теснине р. Чанты-Аргун у с. Ушкалой. Она возведена в неприступной сегодня выемке скалы и на этом основании отнесена В.И. Марковиным к типу жилых башен, игравших специфическую роль убежища¹⁹. Однако, по нашему мнению, эта башня являлась опорным оборонительным в небольшой группе каменных жилых построек на древней дороге вверх по правому берегу Чанты-Аргуна из Чечни в Грузию, располагаясь на исторической южной границе «Шибутского джамаата» XVI–XVII вв.²⁰ Пятиэтажная башня имела дверной и оконный проемы, бойницу на северной (тыловой) стене. Западная стена, с которой контролировался обход вокруг башни, имеет семь точек (6 бойниц и один небольшой оконный проем) для стрельбы и обзора. Наиболее же подготовлена к отражению нападения южная стена, на которой кроме оконного проема на верхнем этаже есть еще семь бойниц, а также и машикуль. На этой стене хорошо виден пролом, сделанный в «мертвой зоне», у скалы, — вероятный след победного штурма.

Боевые башни Чечни (*bIov*) и Ингушетии (*vIov*) были лучше всех остальных приспособлены для обороны поселка²¹. Они были высокими (до 30 м), что давало возможность вести с них круговой обстрел.

16 См.: Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество..., с. 15.

17 Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследство, №23. М.: Стройиздат, 1975.

18 Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество..., с. 18.

19 Марковин В.И. Памятники зодчества..., с. 196–199.

20 Кушева Е.Н., Усманов М.Н. К вопросу о общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Сов. Этнография 1978, №6, с. 90–110.

21 Мы не разделяем мнение М.А. Робакидзе о наличии в Чечне общесельских оборонительных и сторожевых башен см: Робакидзе

Стрельба с высоты уменьшает мертвые, непростреливаемые пространства, а также позволяет увеличить дальность обстрела. Эти преимущества, в особенности при наличии нескольких видов лучного, а позднее и ручного огнестрельного оружия, свидетельствуют об активизации обороны укреплений.

Для ведения стрельбы более всего предназначался верхний этаж, где у стрельчатых боевых проемах или зубцов, обращенных на все четыре стороны, располагались во весь рост четыре (а у башен с зубцами — 4–8) защитника и держали под прицельным обстрелом дальние и ближние подступы к жилому комплексу. При этом, в основном применялись луки больших размеров, обладавшие огромной силой²². Стрельба велась поверх машикуля — балкончика, который защищал нижнюю часть боевого проема и почти наполовину тело воина. Высокие боевые башни давали защитникам ряд преимуществ. Так, пущенная нападающим стрела, по закону тяготения значительно теряла свою убойную силу в полете вверх на 20–25 м и поэтому представляла меньшую опасность, чем пущенная защитником вниз, получающая дополнительное ускорение²³. При выстреле сверху увеличивалась и дальность обстрела. Стрелку на верхнем этаже башни помогал каменный машикуль, на который можно было опереться коленом или локтем и стрелять даже вдоль стены. Когда же враги непосредственно подступали к стенам боевой башни и путались проникнуть во внутрь через дверной проем, ведущий на второй этаж, или же с помощью подкопа свалить башню, то из машикулей на осаждавших бросали камни, лили кипящую воду, смолу и серу (машикули не имели дна в нижней части). Следы применения серы против осаждавших и сейчас можно видеть на стенах боевой башни близ чеченского села Шунды. А на верхней площадке боевой башни в селе Мецхал в горной Ингушетии до недавнего времени находился специально предназначенный для подогрева воды, серы или смолы большой металлический котел²⁴.

В передней части машикуля находится от 2-х до 6-ти небольших отверстий, направленных в разные стороны. Первоначально, они, очевидно служили в качестве смотровых щелей, а с появлением огнестрельного оружия, их успешно использовали для навесной стрельбы. При этом воин находился под прикрытием машикуля-балкончика и успешно мог вести стрельбу в согнутом положении, с колена или даже лежа. Под наблюдением и защитой машикуля часто находились, кроме дверного проема, и наблюдательные, световые окна, также расположенные по одной средней линии стены боевой башни. Поэтому, думаем, нельзя согласиться с мнением А.Ф. Гольдштейна, считающего машикуль преимущественно декоративным элементом²⁵. Следует также отметить, что с наиболее уязвимой для обстрела наступающих сторон верхние боевые проемы боевых башен имеют меньшие размеры как в ширину, так и в высоту, чем остальные. Так, например, в селе Эрзи это наблюдается у боевых башен с севера и востока, откуда чаще всего приходили враги. В тех же случаях, когда с одной или двух сторон к боевой башне практически невозможно было подойти (непреодолимые естественные или природные препятствия), то иногда в стенах башни, обращенных к ним, машикули не сооружались (башни в селах Пого, Кебасой, Меше и др.).

Интересны машикули боевой башни с пирамидальным покрытием в крупном чеченском поселке Пого. На западной стене, обращенной к соседним башенным комплексам поселка, находится глухой (без боевого проема) каменный машикуль треугольной формы. В южной стене башни расположен машикуль с боевым проемом, прикрытый со стороны иных башенных сооружений поселка каменной стеной²⁶. Все это, вероятно, сделано для того, чтобы защитники боевой башни находились в безопасности и были недосыгаемы обстрелу не только со стороны внешнего врага, но и соседей односельчан, с которыми, судя по бытующим преданиям, они постоянно враждовали.

М.Б. Мужухоев отмечает, что башни с пирамидальным покрытием большей частью находятся в местах сравнительно доступных, а плоскострельные — в труднодоступных. Исходя из этого, он обосновывает само различие типов боевых башен тем, что на участках довольно доступных, требовалось возводить башни с более высокими фортификационными возможностями²⁷. Последнее, безусловно, верно. Однако, на наш взгляд, перспективнее утверждение А.Ф. Гольдштейна, что «легко доступные участки (в долинах рек, пологих склонах гор) были и более плодородными, следовательно, владельцы их были экономически более состоятельными, чем те, кто жил на труднодоступных скальных взгорьях».

А.И. Указ раб., с. 73. Пока в горной Чечне не зафиксирована ни одна боевая башня, вблизи которой не были бы отмечены следы жилых сооружений. К тому же все известные здесь боевые башни связываются с именами отдельных владельцев или с названиями родственных групп (неки) (см. об этом подробнее: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Очерки этнографии горной Ингушетии // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 10. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1976, с. 345).

22 Чаще при обороне башенных построек использовался лук для метания камней. Следует упомянуть о том, что лучное оружие вайнахи применяли наряду с огнестрельным даже в первой трети XIX в.

23 Ошаев Х. Д. Указ. раб., с. 120.

24 См.: Щерблякин И.П. Указ. раб., с. 286.

25 См.: Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 36.

26 См рисунок верхней части боевой башни из поселка Пого в кн.: Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество..., с. 46, рис. 38.

27 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII–XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1977, с. 23–32 и сл.

ях, и могли позволить себе оплатить строительство лучшей башни»²⁸. Поэтому, вероятно, боевые башни с пирамидальной кровлей встречаются часто и на возгорьях (Тумгой, Цекалой, Коротх и др.), а плоскокровельные — на легко доступных участках (Хайбахой, Шатой, Лежги, Морч и другие).

Кверху боевые башни, как и полубоевые, значительно суживаются, что давало возможность осажденным сбрасывать вниз камни, которые ударяясь о стену, отскакивали рекошетом и эффективно поражали противника в непредвиденных для них местах²⁹.

В поселках, где находилось несколько боевых башен, принадлежавших представителям различных тайпов (Эрзи, Таргим и другие) или же враждующим семьям одного тайпа, например, Вовнушки, боевые башни воздвигались так, чтобы с верхней площадки из них было трудно или вообще невозможно держать под обстрелом верхние проемы или площадку расположенной рядом башни. Для этого боевые башни обращались друг к другу лишь углами стен. Первопоселенцы, занимавшие главенствующее положение в многобашенных поселках, строго следили, чтобы их соседи вообще не сооружали боевые башни. Если сохранить свою исключительность не удавалось, они стремились к тому, чтобы воздвигаемая боевая башня не превосходила по высоте принадлежавшей им башенной боевой постройки. С.Ц. Умаров привел яркое предание о трагически завершившейся в селе Эрзи попытке нарушить данный запрет³⁰. В тех же случаях, когда соседям все же удавалось соорудить большую по высоте боевую башню, они постепенно начинали занимать главенствующее положение в поселке. Последнее хорошо прослежено, например, в ингушском сел. Вовнушки³¹.

С верхней площадки боевой башни и из бойниц в стенах можно было контролировать подступы к дверным проемам соседних башенных сооружений, в том числе и боевых башен, к чему, видимо, и стремились. Этот тактический прием мог иметь двоякую цель: держать под обстрелом входы в соседние башни было перспективно и в случае общего отражения внезапной опасности, и при межфамильных столкновениях. Для большей безопасности у некоторых боевых башен (Коротх, Пялинг и др.) дверные проемы прикрыты помещениями второго этажа рядом пристроенной жилой башни, так что проникнуть в боевую башню можно было только через жилую.

Будучи ядром обороны поселения, башни неплохо приспособлены для пребывания в них людей во время нападения. Шире всего были распространены боевые башни в пять этажей. Первый этаж в основном предназначался для содержания пленников и хранения припасов в особых каменных мешках-отсеках. Но нередко (сел. Гарак, Эрзи, Цори и др.) этот этаж использовался для непосредственно боевых целей, поскольку в его стенах имелись бойницы. На втором этаже во время осады, располагались хорошо вооруженные защитники, так как здесь был дверной проем. Тут же находилось и имущество осажденных. Третий этаж занимали защитники и их семьи (иногда для них использовался и четвертый этаж). На верхнем этаже располагались воины и наблюдатели³². Даже в мирное время наблюдатели постоянно дежурили на верхних площадках боевых башен.

У большинства боевых башен перекрытие над вторым этажом — каменное, в виде ложного свода стрельчатого очертания. Деталь эта давно привлекала внимание исследователей (И.П. Щеблыкин, Л.П. Семенов, А.Ф. Гольдштейн, В.И. Марковин и др.), но до сих пор не получила удовлетворительного объяснения. В последних работах по зодчеству вайнахов каменным сводам над вторым этажом башен отказывается в практическом значении. Это, однако, по нашему мнению не так. Подобное каменное межэтажное перекрытие, в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь башни через пролом или подкоп на первом этаже, а защитники запирались наверху. Когда же перекрытие было деревянное, то враг обычно его поджигал; разводя большой костер внутри башни, и принуждал капитулировать находившихся на верхних этажах постройки осажденных. И сейчас в горах существуют места, которые местными жителями именуются как «место, где сожгли башню» или «вершина, на которой сгорела башня» и т.д. в том случае, когда проникшим внутрь осаждающим не удавалось снизу вверх поджечь постройку, они либо измором заставляли осажденных сдаться, либо сваливали башню посредством выбивания угловых камней.

Внутри каждого этажа (довольно часто и первого) в стенах боевой башни имеются бойницы с 1–5 отверстиями, которые почти незаметны снаружи и направлены с уклоном вниз в разные стороны от боевой постройки³³. Наши полевые исследования подтвердили мнение Е.И. Крупнова, что использовать подобные

28 Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 42.

29 Безсонов С. В. Крепостные сооружения в бассейне большой Лиахвы // Изв. Южно-Осет. науч.-исслед. ин-та (далее ЮОНИИ), вып. 1. Сталинири, 1933, с. 234; Гольдштейн А.Ф. Планировка и фортификация..., с. 36.

30 Умаров С. Ц. О поселении и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. Археолого-этнологический сб., т. 3. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969, с. 176.

31 Басилов В. Н., Кобычев В.П. Галгай — страна башен // Сов. этнография, 1971, № 1.

32 Щеблыкин И. П. Указ. раб., с. 277; Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 71.

33 Наличие в вайнахских башнях бойниц этой конструкции отвергает утверждение П.П. Закарая и А.Ф. Гольдштейна о том, что они совсем отсутствовали здесь. См.: Закарая П.П. Некоторые вопросы крепостных сооружений Шиди-Картли XVI–XVIII вв. // Вестник гос.

бойницы для лучного боя невозможно, так как из-за малых внутренних размеров (0,5 x 0,5 м) «в нишу не втискивается плечо лучника»³⁴. Известно ведь, что для стрельбы из лука необходимы специальные амбразуры, куда могли бы поместиться стрелки, стоящие на колене и согнувшиеся при стрельбе³⁵, как это можно наблюдать в некоторых башнях Дагестана, Северной Осетии и горной Грузии³⁶. Подобных амбразур в башенных постройках Чечено-Ингушетии пока не отмечено³⁷, так как здесь было принято вести стрельбу из луков с верхней боковой площадки³⁸. А появление в башнях вышеописанных бойниц с небольшими нишами, контролировавших подступы к укреплению со всех сторон или же зачастую направленных на наиболее опасный для нападения участок (и в количественном отношении их здесь больше) и державших под пристальным надзором дверные проемы и верхние боевые площадки близлежащих башен, безусловно, связано с распространением не позднее XVI в. ручного огнестрельного оружия³⁹, что отрицается А.И. Шавхелишвили и В.И. Марковиным⁴⁰. Сами вайнахи называют эти бойницы — «отверстиями для ружей» (*топанан Иургиши*). Поэтому, мы считаем, что время сооружения башен, где имеются бойницы подобных конструкций, не может быть ранее конца XVI — начала XVII в. В соседних же районах Грузии и Северной Осетии появление огнестрельного оружия оказало влияние на башенное строительство уже с начала XVI в.⁴¹

Наряду с бойницами в стенах башен часто фиксируются и специальные глухие ниши для хранения боеприпасов. Боевые башни часто воздвигались так, чтобы подступы к ним были закрыты различными жилыми постройками. Штурмующим необходимо было пробиться сквозь лабиринт узких улочек и проходов между башнями, стенами, где зачастую вооруженным воинам невозможно разминуться. Именно узкие улочки в башенных поселках давали возможность защитникам быстро создавать завалы, препятствия против нападающего врага. Здесь несколько воинов могли сдерживать крупные наступающие силы противника. В башенных поселках края нередко можно видеть распространение эшелонированной системы оборонительных сооружений на наиболее опасных участках. Оборона поселков была рассчитана в первую очередь на то, чтобы не допустить врагов во внутрь пространства, окруженного оборонительными постройками. Так, например, вход в селе Эрзи с менее защищенной северной стороны контролировался тремя боевыми башнями. В восточной же части села, где была вероятность нападения врага, располагалась высокая и длинная каменная заградительная стена⁴², к которой примыкали три боевые башни.

При нападении противника защитники селения отнюдь не все стремились сконцентрироваться только в боевой башне. Они оборонялись, используя фортификационную систему всей крепости, включая и жилые башни, и оборонительную стену и рельеф местности. Боевая башня — это преимущественно опорный пункт обороны⁴³. Между башенными сооружениями устраивались перекидные деревянные мостики, по которым защитники могли совершать маневр, перебегая из одной башни в другую⁴⁴.

Продолжительность обороны зависела от того, насколько осажденные могли подготовиться к защите, распределить свои силы, запастись продовольствием и водой. Последнее условие — водоснабжение башен — играло весьма существенную роль в обеспечении успеха обороны.

музея Грузии, т. XIX в. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1957, с. 230; Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество..., с. 48–49.

34 Крупнов Е. Н. Указ. раб., с. 75.

35 Выразительную и строго доказательную картину боевых отверстий в европейских замках дал Б. Ратген. См.: Косточкин В.В. Русское оборонительное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.: Наука, 1967, с. 244.

36 Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество..., с. 44, рис. 31; Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968, с. 251; Закарая П.П. Указ. раб., с. 227, рис. 1 и сл.

37 Возможно, что амбразуры, предназначенные для ведения лучного боя, были известны здесь ранее до распространения в крае огнестрельного оружия.

38 См. подробнее: Гольдштейн А. Ф. Средневековое..., с. 48.

39 См.: Крупнов Е. И. указ. раб., с. 75; Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки..., с. 67. В начале XVII в. русские послы, направляющиеся в Грузию через район Дарьяла, столкнулись с применением «у горских и туских (т.е. тушин. — *Ает.*) людей» пищалей и «вогненного боя». (См.: Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 г. Тбилиси, 1937, с. 254; Кушева Е. Н. указ. раб., с. 65.) В вайнахском фольклоре четко фиксируются сюжеты о появлении образцов огнестрельного оружия (ружей) в эпоху начала строительства боевых башен, которая сегодня определяется специалистами XV–XVI в. (см.: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972, с. 370 и сл.).

40 См.: Шавхелишвили А. И. Архитектурные памятники и памятные места, связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1966, с. 15; Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1966, с. 108; Его же. Памятники зодчества..., с. 261.

41 См.: Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1968, с. 5; Его же. Некоторые вопросы..., с. 227–234; Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973, с. 18. В Осетии при постройке боевой башни «проем или квадрат верхнего этажа обычно измерялся размахом руки с шомполом с таким расчетом, чтобы человек при военных действиях мог свободно и беспрепятственно заряжать ружье и сражаться с противником» (см.: Кокиев Г. боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Изв. ЮОНИИ, в. 2. Сталинири, 1935, с. 219).

42 Вайнахи и описываемый период широко использовали для оборонительных целей каменные заградительные стены (Цой-Педэ, Эрзи, Кезеной и др.). Посредством их закрывался доступ в ущелье, поселок и т.д. Этот вопрос заслуживает в дальнейшем специального изучения.

43 Она вмещала при необходимости 25–40 человек, а не 10–12, как это считает А. Ф. Гольдштейн (см.: Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация..., с. 102).

44 Щеблыкин И. П. Указ. раб., с. 285.

Многочисленные башенные комплексы края, часто находящиеся на значительной высоте и отличающиеся друг от друга планировкой, обнаруживают характерную общность — возможно близкое расположение к источникам воды. Вопрос снабжения водой башен всегда остро стоял перед заказчиками и строителями. Вполне вероятно, что вначале решался вопрос о способе водоснабжения будущей постройки, а затем только приступали к ее строительству. Многие башни воздвигнуты на высоких скальных крутых берегах горных рек. Воду обычно доставали ночью, бесшумно опуская в реку на длинной веревке тюк чистой овечьей шерсти. Шерсть впитывала в себя много воды, а в башне ее отжимали⁴⁵.

Легче и проще вопрос водоснабжения решался, когда для пригодной для строительства башен площадке находился источник. Тогда первопоселенцы, старались построить башню (обычно жилую) таким образом, чтобы выбивающийся из расщелин скал родник находился внутри постройки. Затем, в нижней части постройки, в черте родника, сооружался овальный каменный отстойник-водохранилище, откуда вода по узкому тоннелю из камня и глины выходила под стенами башни в поселок. Такой источник был, например, в горном ингушском сел. Лежги, в нижних частях жилых башен некогда мощных замков фамилий Хутиевых и Курских, а также в селах Шикарой, Коротх (Чечня). В эпических сказаниях о легендарном ингушском герое — воине Пхагал Бяри особо подчеркивается характерная особенность его башни — наличие внутри ее родника⁴⁶.

Обладая в изобилии запасами воды, владельцы этих, главным образом замковых комплексов в многобашенных поселках приобретали большие преимущества в условиях межтайповой вражды и набегов внешних врагов. Во время осады их защитники имели возможность в отличие от других постоянно лить на головы штурмующих кипящую воду. Поэтому осада башенных комплексов с внутренними источниками воды была, при наличии достаточного гарнизона, весьма сложным делом.

Жители башенных сооружений, в которых были источники, заботливо за ними ухаживали, возводя различные каменные постройки (Пого, Эрзи, Хули, Гимрой и другие). Особым изяществом отличается подземная каменная постройка в районе водного источника в чеченском сел. Шарой, имевшая арочные своды, как у жилищ аварцев соседнего Дагестана. Владелец источника (обычно это был основатель поселения) порой брал с других жителей поселка определенную мзду за его использование. И сейчас еще некоторые источники в горах сохранили имена своих владельцев⁴⁷.

У вайнахов в позднее средневековье была распространена и другая система водоснабжения — водопровод от источника на соседней более высокой горе. Вода шла по специально подготовленным в толще земли (нередко скальной породы) каменным или глиняным желобкам. И ныне остатки водопроводов из керамических труб можно видеть в черте развалин башен в горных селениях Хамхи, Перой, Кериста, Гамхи, Дера, Кешта, Кенхи и другие. Враг всеми средствами старался найти и перерезать линию водопровода, после чего осажденные были практически обречены. Например, в сел. Кокадой (горная Чечня) осаждавшие башни сумели взять в плен их защитников только перекрыв воду, поступавшую к ним по подземным каменным желобкам⁴⁸.

Когда же невозможно было воспользоваться ни одним из вышеперечисленных способов водоснабжения, или внезапно иссыхал источник, то вайнахи припасали воду в небольших глиняных или медных сосудах, устанавливавшихся в нижней, прохладной части башни. Иногда использовались и специальные водохранилища. Так, на территории замка Дударовых, близ сел. Харпе сохранились оцментированная конусовидная яма для сбора воды, глубиной 1,7 м. Чаще так поступали в тех случаях, когда башенные постройки воздвигались на вершинах обособленных гор.

Почти все способы водоснабжения позднесредневековых башен, известные у вайнахов, можно наблюдать, судя по отрывочным данным, и у соседних осетин и горцев Грузии⁴⁹.

Итоги нашего исследования, безусловно, не исчерпывают поставленной проблемы и не решают ее равно убедительно в различных аспектах. Однако, трудно отрицать, что поднятая тема заслуживает пристального внимания специалистов.

Впервые опубликовано: Советская этнография, 1984. № 1, с. 98–110.

45 См.: Умаров С. Ц. О поселениях..., с. 162.

46 См.: Далгат У. Б. Указ. раб., с. 323.

47 Например, «Кужига хъаст», т.е. «Кужига источник» в горной Ингушетии (см.: Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. 2. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978, с. 39 и сл.).

48 Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та ист. Матер. культуры. Л.: Изд-во АН СССР, 1962, № 90, с. 50.

49 Закарая П.П. Некоторые вопросы..., с. 209–211; Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Формы жилища и структуры поселения горной Осетии // КЭС, т. 5, в. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

О МЕСТЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ¹

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве в фонде Г.Ф. Миллера имеется рукопись, озаглавленная «Описание гребенских казаков». Этот документ был опубликован М.О. Косвеном², который установил его приблизительную датировку. «Описание...» было составлено, по мнению М.О. Косвена, русским офицером, квартировавшим в гребенском селении примерно в 40-х годах XVIII в. Исследовательская работа над документом затрудняется тем, что это не оригинал, а незаверенная копия. Тем не менее «Описание...» представляет большую ценность, так как дает историко-этнографическое описание одной из групп русского народа. М.О. Косвен писал, что «иных подобных документов, относящихся к русскому народу, литература XVIII века не знает». «Описание гребенских казаков» имело приложение из планов и рисунков, которые, к сожалению, не сохранились.

Документ состоит из двух частей — исторической и этнографической. Нас в данном случае больше интересует историческая сторона «Описания», точнее — приведенные в ней географические названия местностей, где первоначально поселились «беглые российские люди» — гребенские казаки. Поскольку поселились они «не на тех местах, где они ныне имеют свое жительство, но за Терком в гребнях [то есть в горах]³ и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье в Павловом, при гребне и ущелье ж Кашланавском и при Пименавском дубе, который и доныне ниже Балсур или Ортан реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и проименовались. Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота, принуждены были оттоль выти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчиков (отселившихся)⁴ своих. На вышеописанных же местах по их выходе поселились и завладели балсурцы, или карабулаки, чеченцы и гребенчуки».

Документ достаточно широко известен и неоднократно цитировался⁵. Но хотя достоверность его содержания не подвергалась сомнению и ценность его очевидна, никто не занимался его анализом, который, возможно, прояснил бы некоторые неясные вопросы о «первоначальном жителстве» беглых российских людей на территории Чечено-Ингушетии. Мы впервые попытались предпринять это.

М.О. Косвен с сожалением констатировал: «Автор «Описания гребенских казаков» на документе не обозначен и установить его сейчас нет возможности». Полагаем, что это заключение неоправданно пессимистично. М.О. Косвен, опираясь на содержание документа, его язык и стиль, подчеркивал, что автор — хорошо образованный человек, вероятно русский офицер. Кроме того, он, по-видимому, умел хорошо рисовать (в документе читаем: «мужчины на татарское обыкновение платья носят, как значат приложенные при сем рисунки»), а особое внимание к архитектуре и планировке гребенских поселений, которое выразилось не только в подробных словесных описаниях, но и в соответствующих чертежах («понеже весьма не регулярно строено, как значится на приложенных при сем планах»), выдает в нем человека, хорошо знакомого с принципами современного ему домо- и градостроительства различных областей России. Это весьма существенно.

М.О. Косвен склонялся к мысли, что автор документа — офицер, «квартировавший в гребенском селении». Думаем, что скорее — это человек, хорошо знавший быт гребенцев, но постоянно живший не среди них, а в Кизляре. Не случайно, начиная свой рассказ о гребенцах, он подчеркивает, что они «находятся в кизлярском ведомстве» и что о месте их первоначального поселения «при Кизляре... никакого письменного известия не имеется. Кроме того, не нужно забывать, что вместе с «Описанием гребенских казаков» в портфеле Г.Ф. Миллера имеются еще три документа («Об Андреевских и аксайских владельцах», «О народах степных», «О городе Терках») и был еще один («О князьях Евгалычевых»), упоминание о котором сохранилось в архивном перечне. М.О. Косвен неоспоримо доказал, что написаны они тем же автором, что и первый документ. Подобная широта интересов, подкрепленная солидной эрудицией, свидетельствует о незаурядной информированности автора относительно положения дел на всем Северо-Восточном Кавказе. Это было доступно скорее обитателю местного административного центра, нежели «квартиранту» рядовой казачьей станицы.

1 Соавтор Т.С. Магомадова.

2 Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII века // Исторический архив, 1958, № 5, с. 181–184; Его же. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 245–248.

3 В скобках даны пояснения самого автора «Описания гребенских казаков».

4 В скобках — пояснение М.О. Косвена.

5 См., например: Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических связей // Советская этнография, 1961, № 1, с. 43; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды Чечено-Ингушского НИИ, т. IV. Грозный, 1961, с. 16; Его же. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965, с. 13; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII веках. М., 1963, с. 292, и др.

Мы согласны с датировкой документа, предложенной М.О. Косвенom («В тексте записки «О Терках» содержится упоминание царицы Анны Иоанновны, с поминальным ее титулованием. Это заставляет датировать наши документы временем после смерти Анны Иоанновны, т.е. после 1740 года»)⁶. Документы известны в копии, писанной «почерком середины XVIII века», и можно думать, что подлинники были чуть древнее, но не ранее 1735 г. (времени построения Кизляра). Известно, что так называемые «портфели» Г.Ф. Миллера укомплектовались копиями архивного материала в 1733–1743 гг.⁷ Учитывая все сказанное, можно считать, что копия «Описания гребенских казаков» была снята в 1741–1743 гг.

Полагаем, что документы, копии которых попали в архив Г.Ф. Миллера, были написаны А. Ригельманом, одним из ранних знатоков истории казачества. А. Ригельман — офицер русской армии, инженер по специальности (он вышел в отставку в чине инженер-генерал-майора и кавалера)⁸. В 1735 г. А. Ригельман руководил строительством города Кизляра, который в политико-административном отношении заменил г. Терки на р. Тюменке. Образованнейший офицер своего времени, А. Ригельман не ограничивался лишь выполнением своего служебного долга: он тщательно собирал разнообразные материалы по истории казачества, в том числе гребенского и терского. В 1758 г. он подготовил книгу «Изъяснение о Кизлярской крепости». К сожалению, она не была издана, и рукопись ее пока не найдена. Однако ясно, что, говоря о предыстории строительства Кизляра, автор не мог не коснуться различных сторон местной истории и, конечно же, истории города Терки. А именно эти сюжеты и составляют содержание упомянутых выше документов.

Позднее А. Ригельман скрупулезно собирал и изучал материалы о казачестве юга России. Итогом его многолетней работы стал труд, заверченный им в 1778 г., но опубликованный лишь в 1846 г.⁹ Эта работа давно уже стала настольной книгой исследователей истории гребенского и терского казачества¹⁰.

Но никто из историков, занимавшихся этим вопросом после упомянутой публикации М.О. Косвена, не обратил внимание на поразительное сходство, легко обнаруживаемое при сопоставлении текстов раздела книги А. Ригельмана «Гребенские казаки» и рукописного «Описания гребенских казаков», а также на оформление обоих источников. А. Ригельман в своем сочинении о донских казаках приводит рисунки с изображением одежды казака и казачек, а также план и карту стольного города донской земли — Черкаска. Подобные приложения (касающиеся гребенцов и города Терки) упоминаются и в тексте «Описания гребенских казаков». А насколько сходны тексты источников, можно судить по следующему сопоставлению.

«Описание гребенских казаков». «По объявлениям же настоящих терских старых жителей или старожилов сказано... что первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют; но за Терком в Гребнях (то есть в горах) и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье Павловом, при гребне и ущелье же Кашланавском и при Пименавском дубе, который и доныне ниже Балсур или Орган реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и поименовались.

Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербам людей и скота принуждены были оттоль вытти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсидчиков (отселившихся) своих... А потом прибавилось их и от беглых стрельцов и тако наконец, за утеснением их жилищ, хотя и целыми городками те деревни сделались принуждены были еще два городка построить. Новоглаткой и Червленой, с которого времени стало их пять станиц... Ныне ж числом их комплекта в пяти городках состоит кроме неслужащих пять сот человек при одном атамане и обыкновенных старших своих...»

«...Какие ж воровские казаки были, тем свидетельствуют их известным и доныне именами, находящиеся по Терку, Аксаю, Канбулату и прочим рекам запустелые городищи, яко от Сеньки Разина, Андриюшки Килбака, Костека (Костек был атаман разбойничей из беглых донских казаков, который по указу полковником Тушевым, купно с терским атаманом Федором Киреевым с командою 1697 году

6 Косвен М.О. Указ. соч., с. 247–248.

7 См.: «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», Указатель, т. 1, М., 1962, с. 453.

8 См.: Ригельман А. История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. Собранный и составленный из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года. М., 1846.

9 А. Ригельман. Указ. соч.

10 См., например: Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801), т. 1. Владикавказ, 1912; Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков, 1882; Заседателева Л.Б. К истории формирования терского казачества // Вестник Московского ун-та, 1969, № 3, и др.

пойман с немалым числом шайки его разбойников и отведен до Астрахани, а городок разорен) и прочих разбойников, притом и бывшие кумские казаки, где нынче состоят неизвестно...» и т.д.

«Гребенские казаки». «...Первоначальное убежище таковых беглецов было по объявлению гребенских старожил за Терком в самой нынешней Кабарде и части Кумыцкого владения в гребнях, в урочищах: Гоголого гребня, в ущельях в Павловом при Гребне и ущелье Кашлаковском и при Пимоновом Дубе. Оные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов.

После того, когда по частным на них от живущих близ их горских людей набегам чинились им беспокойства и ущерб людям и скоту принуждены из тех мест вытти и поселились на сей стороне реки Терка ж, тремя деревнями: Кордюкова, Гладкова и Шадрин по названиям осдчиков своих. Потом для лучшей безопасности своей огородили и укрепили деревянными заплотами и именовать стали их городками. По сем, когда их приумножилось... за утеснением к житию их жилищ, построили еще два городка Новогладской и Червленной, и с оного времени стало их пять станиц, и донныне находятся. Их на жалованье состоит 500 казаков при одном войсковом атамане со старшинами...»

«...Сам Заруцкий с Маринкою и с сообщниками своими бежал на Яик, а прочие за Волгу и там за Терком рекою в Гребнях, т.е. в горах и ущельях, с такими же воровскими гребенскими казаками поселились, а потом от разбойника Андриюшки Килбака, затем от бежавших же с Дону 1620-го и 1658-го, для раскола, также от шайки разбойника Стеньки Разина, от 1671-го и от оставшейся артели разбойника ж, бывшего в 1687 году, на Куме реке, потом близ каспийского моря на Есулаке, Костюка, и от бывших в 1698 годах, ушедших же бунтовщиков стрельцов, наконец бежавших же для раскола же с Дону кумских казаков...» и т.д.

Сразу же оговорим, что орфографические (Кашлановское-Кашлаковское, Пименав-Пимонов, Новогладкой-Новоглаткой, Курдюкова-Кордюкова и т.д.) и стилистические несоответствия можно отнести за счет переписчиков, позднейшей авторской правки, а также, возможно, правки редактора середины XIX в., готовившего к изданию рукопись А. Ригельмана.

Объяснимы и некоторые смысловые различия текстов. Так, мы думаем, что в книге А. Ригельмана исчезли слова, поясняющие местоположение Пименова дуба, потому что дуб, существовавший еще в 40-е годы XVIII в., мог не уцелеть в последующие сто лет.

Более обстоятельное в книге А. Ригельмана описание, насыщенное деталями и «праведным» гневом к «разбойникам», «шайкам», «бунтовщикам», «раскольникам» и т.п., пополнявшим ряды гребенцов, станет понятным, если учесть, что труд А. Ригельмана был завершен в 1778 г., т.е. буквально вслед за казацко-крестьянским движением Пугачева, поясняющим основы Российской империи. Верноподданный генерал-помещик не мог не связать эту грандиозную вспышку борьбы с «извечными» казацкими бунтами.

Все историки признают уникальность источников и сведений А. Ригельмана о гребенцах. И все это вместе позволяет нам считать, что неизвестный переписчик середины XVIII в. сохранил для архива Г.Ф. Миллера копию тех сведений, которые собирал и записывал А. Ригельман намеревавшийся впервые написать историю казачества.

Напомним о высокой и справедливой оценке «Описания гребенских казаков», данной М.О. Косвенком, и сопоставим ее с мнением И. Кравцова о труде А. Ригельмана: «...эта история тем драгоценнее в данном случае, что она написана, или материалы для нее, по крайней мере, собраны были авторами во время построения Кизлярской крепости..., когда от появления гребенцов за Терком прошло... не более полтора века...»¹¹. Оба исследователя правы: в 30–40-е годы XVIII в. память о событиях XVI в. была, хотя и сглажена временем, но еще достаточно свежа, чтобы предания старожил могли рассматриваться как правдивый рассказ о первых годах истории их предков на Северном Кавказе¹². Заметим вместе с тем, что и сведения А. Ригельмана и в существенной части дублирующие их более ранние сообщения И.Г. Гербера¹³ отражавшие события давно прошедшие, о которых губернские старожилы судят лишь по передаваемой из поколения в поколение фольклорной информации. Они отражают период, намного предшествовавший появлению казацких «деревень» на Терке. Но эти последние (городки Червленной, Курдюнной и более десятка других) упоминаются в русских источниках на левом берегу Терка, по крайней мере с 20-х годов XVII в.¹⁴. Следовательно, «первоначальное жительство» в

11 Кравцов И. Указ. соч., с. 10, 11.

12 Мы покажем ниже несостоятельность попыток разместить искомые ориентации в междуречье Терка и Сунжи, к чему, пусть с осторожностью, но все же склоняются Г.А. Ткачев, В.А. Потто, И. Кравцов и др. Не кажется нам удачной и интерпретация их в новейшей статье Л.Б. Заседателевой. Впрочем, она ближе предыдущих исследователей стоит к истине, пытаясь обосновать расположение первых «достаничных» селений русских людей на правом берегу Сунжи.

13 См.: Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX века. М., 1958, с. 60–61.

14 См., например: «Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв.», т. 1. М., 1957, с. 215, 226, 228, 256, 302, 303, 305, 315; «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.». Махачкала, 1958, с. 192 и др.

гребнях и ущельях соответствует XVI в., ко второй четверти которого и появились на территории Чечено-Ингушетии «беглые российские люди». Фольклорная хронология тут полностью совпадает с исторической.

Но где же все-таки находились первоначальные места жительства беглых русских людей, ориентиры которых А.Ригельман узнал от старожилов, помнящих еще названия тех урочищ и ущелий, где поселились впервые их предки?

Прежде всего источник говорит — «за Терекон в гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня». После этих общих сведений в обеих редакциях источника в определенной последовательности перечислены ориентиры, названные старожилами «первоначальным жительство» своих предков. Думается, что человек, объясняющий панораму местности, перечислил бы пункты слева направо, т.е. если стоять лицом к горам Кавказа, то с востока на запад¹⁵. Так поступили, по-видимому, и хорошо знающие местность информаторы А. Ригельмана.

В литературе утвердилось мнение, что название «гребенские казаки» произошло от Терского хребта, где якобы поселились первоначально русские люди. В более поздних источниках и литературе о гребенском казачестве невысокий хребет, протянувшийся по правобережью Терека, действительно часто называли Гребнем. Но в свидетельствах А. Ригельмана, очевидно, не случайно «за Терекон» называется не гребень, а «гребни», «горы», «ущелья» во множественном числе. Поневоле приходится думать, что речь здесь идет отнюдь не о заурядной гряде возвышенностей Терского хребта, а о подлинных и многочисленных «гребнях» — хребтах северных отрогов Кавказских гор, лежащих южнее Сунжи. Однако соответствует ли наше понимание «гребней» тому, которое бытовало в XVI — начале XVII в. (а не позднее!) и отразилось в источниках?

Как выясняется, вполне соответствует. В документе 1589–1590 гг. о русском посольстве в Грузию упоминаются Батцкие и Метцкие гребни¹⁶. Наименование Батцкие исследователи сопоставляют с национальным наименованием цова-тушин — бац-би, а Метцкие — с названием одного из вайнахских обществ в верховьях Аргуна¹⁷. Следовательно, в обоих случаях подразумеваются высокогорные районы у перевалов через Главный Кавказский хребет. Хорошо известные терским служилым людям по посылкам в Мережи 1618 г. мерезенские (мерзойские в верховьях Фортанги) селения («кабаки») находились «в Гребнях под снежными горами»¹⁸.

В январе 1617 г. в степной части Кумыки (Северный Дагестан), куда Терский хребет не заходит, собрался съезд местных феодальных владетелей «под Гребнями на подах»¹⁹. Ни одно из названных и других известных нам синхронных упоминаний гребней (вопреки разъяснениям Е.Н. Кушевой, данным в «Указателе географических названий»)²⁰ не относится и не может относиться к Терскому хребту. В русских документах и представлениях второй половины XVI — начала XVII в. «гребни» («гребени») — это высокогорье, и чаще всего — северные склоны Кавказского хребта. Обитателей этих гор сами вайнахи²¹ называют ламароями, что в переводе означает горцы. И в нашем документе, отразившем предание XVI в., одна из групп вайнахов, вытеснившая первоначальных русских поселенцев, именуется «гребенчуки» (ламарои, горные вайнахи), т.е. называется термином, тождественном в географическом (но не этническом!) смысле наименованию «гребенские казаки»²². Потому-то в документе хорошо осведомленного автора внесено в квадратных скобках важное уточнение «в Гребнях [то есть в горах]». Ясно, что в контексте записанного А. Ригельманом предания гребенских казаков под термином «Гребни» скрываются отроги собственно Кавказского хребта, лежащие южнее Сунжи.

Жили русские беглые люди в частности в «урочищах голого гребня». Первый этнограф-чеченец У. Лаудаев, руководствуясь преданиями предков, упоминает о границе между чеченскими племенами и русскими поселениями, проходившей по северным отрогам Кавказских гор, где имеются «обнаженные вершины», которые по-русски можно назвать «лысыми горами»²³. Он приводит народную версию о том, что нынешние так называемые Черные горы не всегда были покрыты лесом и лишь спустя некоторое время на них стали расти деревья, «обратившиеся в непроходимые леса». Если учесть, что ана-

15 В подтверждение приведем первую известную русскую карту Северного Кавказа за 1719 г., выполненную именно по такому принципу (см. «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», т. 1, вклейка между с. 388 и 389).

16 Белокуров С.А. Сношение России с Кавказом. М., 1889, с. 128.

17 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 67, 68 (она приводит мнение ряда авторов).

18 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов, т. V. М., 1930, с. 685, 686, Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 73–74.

19 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 57.

20 Там же, с. 356.

21 «Вайнах — дословно «наш народ» (чеченск. и ингушск.). В научной литературе термин введен для обозначения всей группы в целом.

22 В более поздней литературе XVIII в. гребенчуками иногда называли обитателей крупного вайнахского аула Герменчук. Здесь на лицо искажение названия (нужно: герменчуковцы). Но эти последние также выходцы из глубины гор, т.е. первоначально все-таки ламарои (горцы).

23 Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах, VI. Тифлис, 1872, с. 2, 32, 33.

логичные предания бытуют в народе до сих пор и их рассказывали нам, например, в Ножай-Юртовском и Шалинском районах²⁴, где информаторы связывали возникновение лесов со временем вторжения в равнинную Чечню калмыков (конец XVII – начало XVIII в.), то можно думать, что они отражают картину, реальную для XVI в. И «голый гребень» является воспоминанием, отголоском того времени, когда часть этих гор могла быть действительно «лысой».

Первым названным ориентиром является «ущелье Павлова при гребне», что сразу же вызывает ассоциации с источником святого Павла близ станицы Петропавловской. Однако он лежит на левом берегу Сунжи и потому в данном случае не может быть нашим ориентиром. Впрочем, источник святого Павла был в Чечено-Ингушетии не один. Под таким названием известны источники в 18 км к северо-западу от Грозного близ Мамакай-Юрта, а также близ Брагунов. Разве исключено, что были и другие?

Но, может быть, прототипом названия данного ориентира послужил некий созвучный местный топоним? С большой осторожностью выскажем предположение, что Павловы ущельем могло именоваться у первых русских поселенцев ущелье реки Хулхулау. К такой мысли можно прийти, если учесть, что Ичкерия, т. е. восточная часть горной Чечни в целом очень бедна позднесредневековыми вайнахскими башнями, особенно боевыми. Их тут практически нет. И лишь в районе ущелья Хулхулау исторически, лингвистически и археологически засвидетельствованы боевые башни у Ца-Ведено, Харачоя, Эрсеноя, Хоя, Кезеноя и в других местах. Здесь известны топонимы, прямо связанные с боевыми башнями, как Б'ав-корт, Б'ав-т'а и т.д. К слову сказать, ущелье Хулхулау и идущие из него в горный Дагестан перевальные дороги стали очень рано известны русским; еще во второй половине XVI в. этими путями осуществлялись связи и контакты с Аварией, ее ханом и родственником его Черным князем. Нет ничего невероятного, что сравнительно богатая боевыми башнями долина Хулхулау могла именоваться у части вайнахов «Б'авлой-ч'ож» — «Б'авлойское» ущелье. Несомненно, близкое созвучие названия «Б'авлойское» лично-именному топониму «Павловское», возможно, вызвало появление данного ориентира в преданиях гребцов и исследуемой рукописи.

Подобных примеров переосмысления русских туземных топонимов и стремления связать их с личными именами истинных и легендарных первопроходцев на Северном Кавказе можно найти множество, и едва ли не самый яркий (и к тому же географически близкий нашему) из них — это превращение названия кумыкского аула Эндери («место обмолотого зерна») в аул Андрей²⁵.

Но есть ли основания предполагать наличие русского населения в какой-либо части ущелья Хулхулау (Б'авлойского — Павловского) на заре истории гребенских казаков? Думаем, что есть. Известны многочисленные и разнообразные предания (казацкие и чеченские), суть которых сводится к бесспорному признанию необычайно тесных, длительных отношений гребенцев станицы Червленной и чеченцев — гуноевцев, живших по водоразделу Хулхулау и Гумса. Не станем пересказывать эти предания, многократно записанные и у тех, и у других²⁶. Отметим только: тесные родственные связи гуноевцев и гребенцев-червленцев — общеизвестный факт. Сто лет назад потомки гуноевцев составляли около половины всех казаков, живущих в Червленной²⁷. К сожалению, изначальные предания об установлении родственных взаимоотношений между гребенцами и гуноевцами были затемнены позднейшими сообщениями о постоянном бегстве чеченцев к казакам. В тех фольклорных вариантах, от содержания которых веет древностью, мы находим важные указания на то, что гуноевцы поддерживали дружественные связи с предками червленцев еще до того, как первые стали исповедовать ислам²⁸. Если учесть, что обитатели Ичкерии предстают в русских письменных источниках конца XVI в. мусульманами, то установление связей между гуноевцами и гребенцами придется отнести ко времени более раннему. И это соответствует времени, когда, согласно нашему документу, гребенцы жили в некоем Павловском ущелье.

Особые взаимосвязи гуноевцев и гребенцев, на наш взгляд, подтверждают гипотезу о том, что вайнахи приютили первых русских поселенцев в родном ущелье, которое русские стали называть «Павловское».

Правда, приводя сведения из книги А. Ригельмана, И. Кровцов отождествляет «ущелье Павлово» с урочищем Павлова-щель и Павлов-камень, которые известны во второй половине XVIII века в районе Терского хребта²⁹. Топонимы эти явно связаны с русским именем Павел. Но ведь и сам А. Ригель-

24 Во время археолого-этнографических изысканий 1966–1971 гг.

25 См., например: Броневский С. История Донского войска, ч. 1. СПб., 1834, с. 61; Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829, с. 90.

26 См., например: Попов И.М. Ичкерия // Сборник сведений о кавказских горцах, IV. Тифлис, 1870, с. 12–13; Лаудаев У. Указ. соч., с. 49–51; Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, с. 30–32; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Изв. Чечено-Ингушского НИИ, т. III, вып. 1. Грозный, 1963, с. 28, и другие работы.

27 Попов И.М. Указ. соч., с. 12, 13.

28 Калоев Б.А. Указ. соч., с. 50, 51.

29 И. Кровцов, Указ. соч., с. 14, 15.

ман полагал, что «оные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов». Не нужно, однако, забывать: в топонимии широко распространен принцип переноса традиционного названия села, местности или реки на новые места, освоенные людьми одной и той же этнической группы. Так что вполне возможно предположение: первоначальный «гребенский» (горский) ориентир, осмысленный в связи с именем Павла (Блавлоское — Павловское ущелье) переносился затем неоднократно казаками на новые места их жительства. Надо отметить, что нигде больше на территории Чечено-Ингушетии не встречается такое частое повторение (перенос) наименований населенных пунктов, как в Ичкерии и прилегающих к ней с севера районах.

Мы привели свои соображения в пользу отождествления топонима «Павлово ущелье» с долиной реки Хулхулау. Думаем, что они достаточно основательны, особенно если сопоставить их с последующими сообщениями анализируемого нами источника.

Второй «именной» ориентир в документе — ущелье Кашланавское, которое мы склонны считать Аргунским ущельем. Оно также стало известно русским одним из первых в Чечено-Ингушетии.

В отписках русских воевод и в делах о посольских сношениях русского правительства с Кавказом часто упоминаются «горские земли» и, в частности, Шибуты (Шатоевская котловина южнее слияния рек Шаро и Чанты-Аргуна называется аварцами Шубути, так же называли Шатой старики-чеченцы) и Мулки (тайповое название жителей Гухойского ущелья, расположенного южнее Шатоя по левой стороне реки Чанты-Аргуна).

Е.Н. Кушева приводит ряд документов, где в челобитных и различных отписках конца XVI-начала XVII в. речь идет о землях шибутов и мулков³⁰.

Грузинские послы в 60-х годах XVII в. проезжали мимо заброшенного города Чечен, расположенного у реки Чечени, о котором рассказывали в Москве, что там был город — «великих государей... российских», но не могли сказать, когда. Послы сообщили, что находится город в двух с половиной днях пути от тогдашнего Терского города и в одном дне пути от «Туш», т.е. Тушетии. Е.Н. Кушева, подчеркивая, что другие осведомленные источники не упоминают город Чечен, предполагает, что он был построен еще при Иване Грозном во время одного из длительных походов русских войск 1563 или 1566 г. как опорный пункт для отношений Москвы с Кахетией³¹. Но, возможно, этот «город» (не известный русским официальным документам) был построен или освоен русскими людьми до того, как «великие государи российские» наложили свою руку на все русские поселения в Чечне?³²

И не был ли он одним из тех, самых ранних русских поселений XVI в., о которых У. Лаудаев писал: «весьма вероятно, что окопы (рвы и валы. — *Авт.*) эти сооружены русскими. Чеченцы вполне в этом уверены. Так, например, курган Гойтен-Корта, около Аргуна, в Большой Чечне, коего окопы и теперь целы. Говорят, что он был сосредоточением для русских, долее других в Чечне (речь идет о времени, предшествующем уходу русских на Терек. — *Авт.*). В Мартанском и Гойтенском ущельях также существовали их окопы, чеченцы находили в них серебряные и медные деньги»³³.

Возможно, что рвы Гойтен — Кортинского городища и сопоставляются с остатками «города Чечен».

О том, что чеченцы Аргунского ущелья довольно рано познакомились с русскими, говорит и тот факт, что до сих пор сохранились предания о варандийцах (Варанды — селения в Аргунском ущелье, засвидетельствованное письменными источниками XVI–XVII вв.), как о потомках некоего русского населения, жившего прежде в этих местах. Чеченцы породнились с этими христианами-русскими и поддерживали с ними дружбу и родственные связи столь крепкие, что когда их начали силою «приводить» в мусульманство, то варандийцы дали жестокий бой и, потерпев поражение, частично переселились в гребенские станицы к прежним своим русским соседям, друзьям и родичам³⁴.

У. Лаудаев, в свою очередь, приводит предания о некоем русском первопроходце в Чечне Тарасе, который остался здесь и не ушел со всеми русскими на Терек. Он был убит двумя зумсоевцами (из высочайших аргунских фамилий)³⁵.

В «Описании...» сказано, что после ухода русских перечисленные в документе места заняли чеченцы (первоначально — жители Чечен-Аула) и гребенчуки, под которыми, скорее всего, подразумеваются ламаройцы, т.е. горцы- жители Аргунского ущелья. Но как объяснить попавшее в документ название «Кашланавское ущелье»? В этом наименовании мы видим топоним, возникший на осно-

30 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 61, 62, 72, 73.

31 Там же, с. 241.

32 М.А. Полиевктов осторожно склонялся к этой мысли, полагая, что «город Чечен» указывает «на одно из поселений гребенских казаков» (см.: Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVI в. на Кавказе. Тифлис, 1932, с. 23).

33 Лаудаев У. Указ. соч., с. 43.

34 Предание записано В.Б. Виноградовым в 1959 г. Оно подтверждено информацией ст. научного сотрудника Чечено-Ингушского НИИ, этнографа А.А. Исламова и теми краткими публикациями, что имеются в старой кавказоведческой литературе.

35 Лаудаев У. Указ. соч., с. 43.

ве термина «каш», издревле заимствованного горцами у тюркоязычных народов³⁶. «Каш»- могила, «ла»- вайнахский словообразовательный суффикс, «н»- суффикс родительного падежа, «овск»- русское окончание. Следовательно, это название можно перевести как ущелье «могильников».

В Аргунском ущелье по сравнению с другими ущельями необыкновенное множество разнообразных могильников и кладбищ со склепами, пещерными усыпальницами и т.д.³⁷. В местной топонимике мы находим небывалое для Чечено-Ингушетии обилие названий, которые связаны со словом *каш* (могила): Кешты (Зумсой), Кашите (Терлой), Кеш-ын (Шатой), Кеш-ын (Гатын-Кале), Кашнехъ (Малхиста), Кешите (Шарой) и т.д.³⁸. Обилие подобных топонимов могло породить своеобразное общее название для всего Аргунского ущелья — Кашлановское (русский вариант). Это наименование, возможно, не было широко распространено, но запало в память тех русских, что некогда забрели сюда. Так, по нашему мнению, решается вопрос о локализации Кашлановского ущелья.

Определить местонахождение «Пименавского дуба» затруднительно. Л.Б. Заседателева отождествляет его с селением Дуба-Юрт. Отождествление, прямо скажем, спорное. По-видимому, автора ввело в заблуждение созвучие этих названий. Но Дуба — это личное имя легендарного основателя селения и к русскому названию породы деревьев никакого отношения не имеет. В документе же, очевидно, речь идет о реально существовавшем дереве, возможно, называвшемся по имени некоего Пимена. Ведь приведена же У. Лаудаевым чеченская легенда о гибели русского Тараса у векового дуба. В подобных трагических или каких-либо иных ситуациях дерево и могло получить название. К тому же в документе Пименавский дуб хотя и назван вслед за Кашланавским ущельем, но далее следует пояснение: «который и доныне ниже Балсур или Ортан реки». Два последних ориентира имеют для нас принципиальное значение. И вот почему. Они, как и названия чеченских групп, поселившихся на местах прежнего обитания русских, недвусмысленно указывают на правобережье Сунжи. Необходимо отметить, что соображения о первоначальном поселении гребенских казаков на правом берегу за Сунжей высказывались в различных трудах по истории казачества³⁹, впрочем, без серьезной аргументации. По-видимому, ни один из этих авторов не располагал достаточно достоверными данными по этому поводу, и конкретных сведений, за исключением У. Лаудаева, привести не мог. Что же дает нам право уверенно отстаивать правильность данного тезиса?

Бесспорно, что Ортан-река — это река Мартан. Потеря первого носового звука «м» вполне естественна при восприятии иноязычного слова на слух. Что же за река Балсур? Интересно, что в «Описании...» название этой реки присутствует еще в слове «балсурцы» — горцы, те, что вытеснили гребенских казаков из мест изначального обитания. Тут же выясняется — «балсурцы, или карабулаки». Здесь и таится ключ к решению задачи.

С.С. Броневский пишет: «...однако Татары и Черкесы зовут их (карабулаков. — *Авт.*) Бальсу (сыта, медовая вода). Они имеют в своем владении шесть речек, впадающих в Шадиер и Фартам или прямо Сунжу. Бальсу есть одна из тех речек, и, как выше сказано, при ней построена была церковь, и подворье нашими духовными... В их же землях находятся ручьи Ашган, Валарек и Чалаш, впадающий в правый берег Сунжи, ниже Фартама, по оным карабулаки свои выгоны для скота имеют»⁴⁰. Названные реки Шадиер, Фартам, Чалаш, Валарек и др. представляют собою речную систему правобережья реки Сунжи, т.е. р. Ассу с ее притоком Фортангой, реки Шалаж, Валарек и др. Имя Бальсу обозначает у С.С. Броневского также одну из рек этой системы, причем, скорее всего пограничную для земель карабулаков (как погранична с запада Шадиер-Асса), ибо иноязычное наименование племени (Бальреки — балсурцы) было порождено, вероятно, названием пограничной реки, а Бальсу — тюркско-кумыкский гидроним, свидетельствующий о близости объекта наших поисков к зоне кумыкской активности. Этой характеристике ближе всего отвечает река Гехи — крупный правый приток Сунжи в среднем ее течении — и самая восточная из всех речек в границах исторических владений карабулаков.

Однако наша догадка так и осталась бы в сфере предположений, если бы мы не располагали доказательством этого тождества. Его представляет нам «Карта реке Терку и по части Малой Кабарды и Грузии»⁴¹, составленная в 1733 г. Ее значение для нас особо велико потому, что карта составлена приблизительно в одно время с «Описанием...». Указанная на карте Сунжа принимает с правого берега три притока. Два крайних притока, не имеющие на карте именования, представляют собой две реки: Ассу, течение которой несколько изменено, и Аргун, где автор помещает «чеченцев», явно имея в ви-

36 Генко А.Н. относит это заимствование к половецкой эпохе (Указ. соч., с. 714).

37 Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

38 См., например: Чеченская автономная область. Основные статистические данные и список населенных мест на 1929–1930 гг. Владикавказ, 1930.

39 См., например: Лаудаев У. Указ. соч.; И.Д. Попко. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; Потто В.А. Указ. соч., Л.Б. Заседателева, Указ. соч.

40 Броневский С.С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, с. 167, 168.

41 В.Н. Гамрекели, документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1968, с. 118–119 (карта).

ду жителей селения Чечен-Аул, расположенного на этой реке. Где-то в середине между этими реками обозначена «река Балсу, на которой 100 деревень». Из всех многочисленных притоков Сунжи, принимаемых ею в этом районе, с правой стороны под названием Балсу может фигурировать только р. Гехи — самая полноводная и протяженная — располагающаяся как раз посередине между Ассой и Аргунем. Таким образом, на наш взгляд, подтверждается тождество упоминающейся в «Описании...» речки Балсур с нынешней рекой Гехи⁴².

Перечисление всех разобранных выше ориентиров завершается в «Описании...» словами «при Терке реке же». На первый взгляд, они как будто бы противоречат нашим построениям о локализации пунктов первоначального расселения гребенцов к югу от Сунжи (ведь сама Сунжа в источнике не упоминается!). Но в документе отсутствует название Сунжи и как южной границы гребенцев. Да и вообще не обязательно было упоминать Сунжу, если все остальные ориентиры указывают на земли, лежащие в бассейне крупнейшей реки края — Терека, притоками которого были и Сунжа, и все прочие реки и речки.

«За Терком» — значит к югу от прославленной реки. «В Гребнях» — значит (в понимании первопроходцев) в горах, что вздыбилось над южными притоками Терка. А все иные более частные названия — они и есть «при Терке реке ж».

Главная река, вокруг которой группируются все прочие местности, как бы олицетворяет весь близлежащий край. Ведь не случайно в древнейшей гребенской песне Ивану Грозному приписаны слова: «Подарю вас, моих казаченьков, / Быстрым Терком со притоками. / Ай, быстрым Терком со притоками, / Ай, до синя моря до Каспийского»⁴³.

Не случайно и то, что в 1570 г. русскому послу в Константинополе Новосильцеву для характеристики обширности земель большого князя Кабарды Темрюка, охватывавших, кстати, и часть правобережья Сунжи, достаточно было сказать: «По Терке по реке и до моря»⁴⁴.

Сведения А. Ригельмана восходят к самым ранним пластам гребенского фольклора и к самым первым представителям русских об освоенной ими местности. Пройдет совсем немного лет, и представления эти расширятся, станут более конкретными, подробными, полными. На страницах официальных документов, на картах найдут свое место и Сунжа, и Аргун, и Хулхулау и многие традиционные и более верные названия местных рек и урочищ. Но долго еще будут (реже или чаще) употребляться и «не стандартные» названия (то Аргун назовут Быстрой, то Джалку — Камышовой, то Хулхулау — Белкой и т.д.). И эти кажущиеся вольности простительны и объяснимы, ибо они — отголоски первых контактов с объектами; тех контактов, которые определили появление в посольском статейном списке 1589 г. и в еще более раннем изустном гребенском предании таких не прижившихся впоследствии названий местностей, как Нижняя и Ровная Луки, Холопьевское городище, Павловское и Кашлановское ущелья, Пименавский дуб. Но, кроме всего остального, в этом и состоит ценность проработанных нами источников. Они донесли до нас память о давно и полностью забытом, позволили (пусть лишь едва!) приобщиться к той далекой эпохе, в которую возникали на земле вайнахов первые русские хутора; когда по горам и весям Чечено-Ингушетии прокладывали тропы первые русские люди. Они позволили нам еще раз задуматься над всей глубиной тех взаимосвязей гребенцов, о которых Л.Н. Толстой, опираясь на их же собственный фольклор, писал: «Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни... Живя между чеченцами, казаки породнились с ними, но удержали и там христианскую веру, и русский язык. Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими»⁴⁵.

Впервые опубликовано: Советская этнография. 1972. № 3. С. 31–42.

42 Нас не должно смущать, что тот же С.С. Броневский в другом контексте называет р. Гехи, не именуя ее Бальсу. Здесь мы имеем дело с ошибкой автора, ибо по его характеристике р. Гехи является левым притоком Русского Мартана и на нем названо всего 5 деревень. Но левым притоком Мартана, причем как раз небольшим, является р. Рошня, название которой отсутствует у С.С. Броневского. Река Рошня находится близко от Гехи и путаница тут у С.С. Броневского вполне возможна. Знакомство же его с вайнахским названием Гехи нисколько не противоречит тому, что эта же самая река (подобноASSE и многим другим) имела два разных названия: одно чеченское (Гехи), другое тюркское (Бальсу).

Здесь же нужно вспомнить и о некоей неизвестной нам речке Топли, упомянутой в сочинении И. Дебу (Указ. соч., с. 154, 155). По словам этого автора, «При нем жили (р. Топли. — Авт.) жили прежде гребенские казаки». Ценность этого сообщения состоит в том, что местность р. Топли названа между Чалаш (Шалажа) и Гехи, т.е. все в том же районе близлежащих окрестностей Балсур (Гехи) и Ортан-реки (Мартан). «Окопы» первых русских поселенцев упоминается в Мартанском и соседнем ему Гойтинском ущельях и у У. Лаудаева. Возможно, что все эти глухие отголоски подлинного пребывания гребенцов в данном районе в какой-то мере объясняют и упорное наименование Мартана «русским» (Русский Мартан, а в тюркском произношении — Урус-Мартан).

43 Путилов Б.Н. Песни гребенских казаков. Грозный, 1946, с. 63.

44 См.: Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 92.

45 Толстой Л.Н. Собр. соч., т. 3, с. 164.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРВОГО КЛАДА ПОЛЬСКИХ И ШВЕДСКИХ МОНЕТ XVII ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

В 1977 г. достоянием науки стала сохранившаяся (к сожалению, незначительная) часть монетного клада, найденного в 1973 г. на окраине селения Махкеты Веденского района Чечено-Ингушской АССР. Она была спасена учителем истории Махкетинской средней школы А.Ш. Шахидовым и его учениками и экспонировалась в школьном краеведческом музее. Оттуда монеты поступили в Чечено-Ингушский республиканский музей краеведения, где и хранятся сейчас.

Всего от Махкетинского клада уцелело 6 низкопробных серебряных монет: коронные трояк (трехгрошевик) 1621 г., полтораки (полторагрошовики) 1623, 1624 гг. польского короля Сигизмунда III Вазы (1587–1632), а также полтораки, чеканенные, имитируя польский тип монет, в городе Эльблонге (побережье Балтики) шведскими правителями Густавом Адольфом (1611–1632) и Кристиной (1633–1654) в 1632, 1633 и 1635 гг.² Вес монет соответственно: 1,796; 1,099; 1,145; 0,950; 0,830; 0,878 граммов. Состав сохранившейся части клада позволяет судить, что он был зарыт после 1635 г.

Махкетинский клад — первый случай находки польских и подражающих им шведских монет и вообще единственный пока монетный клад XVII в., известный на Северном Кавказе между верховьями Кубани и Дагестаном. Его уникальность для этой области лишь подчеркивается явным сходством с близкими по времени, но пространственно удаленными кладами, зафиксированными на территории Грузии³ и бывшего Крымского ханства (Крымский полуостров, Таврия, Северное Приазовье)⁴, где в разнообразных и нередко обширных наборах монет широко представлены и польские (особенно Сигизмунда III Вазы).

Открытие это имеет большое значение, прежде всего для нумизматических исследований, посвященных обращению польской монеты XVII в. за пределами Речи Посполитой. Специальная попытка подробного анализа места Махкетинского клада среди выявленных аналогичных находок в зоне Причерноморья (включая, кроме Грузии и Крыма, территории Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Болгарии) уже предпринята нами⁵. Данная статья имеет более конкретную цель: выяснение вероятных причин и условий появления клада польских и шведских монет в предгорьях Чечни. При этом следует подчеркнуть, что историческая трактовка подобного феномена (учитывая, к тому же, и неполную сохранность клада), естественно, крайне затруднительна и неизбежно гипотетична. Однако некоторые наблюдения все же, на наш взгляд, имеют право быть высказанными.

Едва ли следует ожидать и впредь резкого увеличения числа монетных кладов на Северном Кавказе, совершенных в XVI–XVII вв. Относительно низкий уровень экономического развития горских народов и обществ диктовал господствующий характер меновой торговли и исключал сколько-нибудь заметный денежный оборот в быту адыгов, карачаевцев и балкарцев, осетин, вайнахов (чеченцев и ингушей).

Правда, еще в 70-х гг. XVI в. видный польский дипломат и государственный деятель Мартин Броневский упоминал среди купцов, прибывавших в Крым, «черкесов и пятигорцев» (последние — это кабардинцы, прямо соседствовавшие с чеченцами)⁶. Русские источники XVII в. знают горских «купчин», «торговых» и «служилых людей» из числа кабардинцев, дагестанцев, вайнахов, промышлявших оптовыми партиями товаров и действовавших на северокавказском торговом пути, шедшем из Дербента в Крым и Азов, а также в русском Терском городе (в устье реки Терек) и в Астрахани. Селение Махкеты расположено в начале лесистых предгорий, менее чем в полусотне километров к югу от той военно-торговой дороги, которая известна в источниках под названием «Османова шляха» и которая играла

1 Соавтор А. Миколайчик.

2 Эти шведские монеты, чеканенные по типу польских, составляют органический элемент структуры польского денежного рынка второй трети XVII в. и поэтому, в целом, состав Махкетинского клада может рассматриваться как присущий более всего денежному обращению именно Речи Посполитой.

3 Этим находкам посвящена серия работ: Кебуладзе Р.В. Проникновение польских монет XVII в. в Грузию по украинскому торговому пути // Нумизматика и сфрагистика, 1. Киев, 1963, с. 143–151; Его же. К вопросу об обращении польских монет в Грузии. *Folia orientalis*, t. 4, z. 1–2, 1962, Krakow, 1963, s. 299–317; Его же. Обращение европейских монет в Грузии в XV–XVIII вв. Тбилиси, 1971 (на грузинском яз. с русским резюме); Kebuladze R.V. *Europäische Münzen in Geldumlauf Georgians, vom. 15. bis 18. Jahrhundert* // *Hamburger Beiträge zur Numismatik*, Helf 24/24, 1970/72 (1977), s. 151–162.

4 См.: Kotlar M. *Znaleziska monet z XVI–XVIII w. na obszarze Ukrainiejskiej SRR. Materiały*. Wrocław Warszawa-Gdańsk, 1975, № 262, 428, 429, 603, 881.

5 См.: Mikołajczyk A., Vinogradov V.B. *Moneta polska w strefie czarnomorskiej i kaukaskiej (W związku z odkryciem monet polskich w Czechenii)* // *Wiadomości Numizmatyczne*, R. XXI. Warszawa, 1977. z. 3, s. 129–144.

6 См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам Гарданова В.К. Нальчик, 1974, с. 55.

в этот период важную роль⁷. И, казалось бы, резонно связывать клад, найденный тут, с торговой практикой местных горцев, зафиксированной источниками⁸.

Но весьма осведомленный Эмиддио Дортелли д'Асколи — автор «Описания Черного моря и Татари», составленного в 1634 г., — отмечал, что у черкесов «деньги давать не принято, даже среди купцов, но существует обмен вещей»⁹. Джiovани Лукка в 1642 г. также засвидетельствовал, что «черкесы не имеют монеты, а свои изделия обменивают»¹⁰. В 1639 г. московский посол Федот Елчин ходил «по пирам» к мурзам Карачая и «менял» у них сукна, шелковые и бумажные ткани на серебряные изделия, в числе которых были женские украшения, посуда и персидские монеты¹¹. Последние отнюдь не служили у карачаевцев денежным эквивалентом, а ценились лишь как предметы из серебра. Турецкий путешественник и военно-политический разведчик Эвлия Челеби, пересекший весь Северный Кавказ в середине XVII в., описывая многочисленные местные ярмарки, отмечал: «Собирается народ и ведет торговлю. Но не знают они, что такое алтын или куруш — торг состоит в обмене»¹².

Заметим здесь, что все известные нам случаи находок различных монет и жетонов (золотоордынских, ближневосточных, русских, западноевропейских) в погребениях горцев Центрального Кавказа до XVII в. включительно дают образцы пробитых монет, использовавшихся в качестве подвесок в ожерельях¹³. Число примеров, подтверждающих ничтожную роль денег в системе внутреннего и внешнего рынка у аборигенов Центрального Кавказа, можно легко увеличить¹⁴, что существенно противоречит оценке Махкетинского клада как результата денежно — торговых операций местных чеченцев¹⁵.

Не следует переоценивать и возможности внедрения интересующих нас монет через посредство тех западно- и центральноевропейских (в том числе польских) посольств, которым довелось побывать на Кавказе в эту пору огромного интереса к нему, как к транзитной дороге на Восток (прежде всего — в Иран)¹⁶. Дошедшая до нас посольская документация не дает оснований для таких выводов. К тому же, в случае с Чечней подобная вероятность еще более уменьшается тем, что наезженные пути посольских кортежей (через Грузию или через Терский город вдоль побережья Каспийского моря) лежали в значительном удалении от нее¹⁷. Последнее соображение мешает и возможности уверенного сопоставления Махкетинского клада с подлинными событиями, разыгравшимися в приморском Дагестане накануне 1640 г. Тогда, согласно отписке русскому государю от терского воеводы князя Ивана Хилкова, побывавший у шаха Персии польский посланник Теофил Шомберг на обратном пути был убит «буйнацким мурзой Бек Мегметевым»¹⁸. Близость хронологии укомплектования клада и гибели польского дипломата вступает в противоречие с тем, что остатки посольской казны (если таковая и была взята буйнацким

7 См. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – 30-х годах XVII века. М., 1963.

8 См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 906, 910; Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, т. 9, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 53; Её же. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 11. Грозный, 1977, с. 178–180; Магомедова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI–XVII вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 11. Грозный, 1977, с. 102–113; Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1977, № 1, с. 64–68.

9 Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 65.

10 Там же, с. 71.

11 См.: Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 173.

12 Анчабадзе Г.З. «Книга путешествия» Эвлия Челеби как источник по истории горских народов Кавказа: Автореф. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Тбилиси, 1975, с. 11.

13 См.: Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 270–273; Виноградов В.Б. Указ. соч., с. 70–71; Даутова Р.А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 55–59.

14 См.: Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 41 и след.; Волкова Н.Г. Статейные списки русских посольств XVI–XVII вв. как этнографический источник // Кавказский этнографический сборник, 6. М., 1976, с. 254 и след.

15 В этом состоит отличие местной конъюнктуры от грузинской, где в XVII в. товарно-денежные отношения носили достаточно развитый характер. Но хотелось бы заметить, что, на наш взгляд, Р.В. Кебуладзе все же переоценивает роль прямой шелковой торговли между Грузией и Польшей в первой половине XVII в., как источника поступления на грузинский рынок (а фактически, как мы покажем ниже, — на западногрузинский) польских монет Сигизмунда III Вазы. Источники, которыми он оперирует, не дают веских доказательств этой версии, зато недвусмысленно констатируют экспорт грузинского шелка-сырца в Турцию и Иран.

16 См., например: Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602–1603 гг. М., 1896; Адыги, балкарцы и карачаевцы... с. 16 и след.; Кебуладзе Р.В. Проникновение польских монет..., с. 145–146.

17 Примером неопозволительного «напряжения» источников может служить трактовка В.И. Марковиным факта наличия в Гатын-Калинском могильнике XVII в. (горная Чечня) бронзово-серебряных имитаций немецких гольдгильденов Рудольфа II (см.: Марковин В.И. Указ. соч., с. 273). Автор непосредственно связывает их появление в руках у чеченцев с действиями членов посольства Какаша и Текандера, проходившего, якобы, вдоль гор Чечни. Но, во-первых, посольский отчет умалчивает о нумизматических контактах с горцами (кроме исключительного случая одаривания их талером), а, во-вторых, путь послов на Северный Кавказ проходил по берегу Каспия и вел к Терскому городу (ошибочно принятому издателем за Тарки), т. е. пролегал в значительном удалении от Аргунского ущелья и всех иных чеченских гор.

18 Центральный Гос. архив древних актов. Фонд сношений России с Персией, 1640 г., кн. 9. (Этот источник любезно указан нам Е.Н. Кушевой, за что выражаем искреннюю свою признательность.)

мурзю) обнаруживаются в предгорьях Чечни, политически и экономически отнюдь несвязанных непосредственно с удаленным приморским Буйнакским феодальным владением Дагестана.

Если для толкования находок польских монет в Грузии могут быть использованы некоторые достоверные свидетельства о связях с днепровскими (запорожскими) казаками и щедрости иных из католических миссионеров¹⁹, то подобные факты не отмечены для территории, принесшей нам первый северокавказский клад польских и шведских монет.

И все же заманчиво связывать махкетинскую находку с зарубежными миссиями, коснувшимися Кавказа, чье население в XVII в. выходит на достаточно широкую историческую арену. При этом нельзя категорически отрицать и возможность поступления польских (и иных иностранных) монет к кавказцам из России. Правда, иностранные деньги были запрещены в официальном монетном обращении Русского государства, что явственно прослеживается и в нумизматическом материале. Многочисленные клады XVII в., зарегистрированные в округе Москвы, например, не содержат зарубежных денежных знаков кроме не столь уж частых (хотя и весьма порою значительных численно) наборов испанских талеров, ценившихся более всего как изделия из чистого серебра, и находок датских подделок Христиана IV русских медных копеек²⁰. Однако собственно польские монеты конца XVI – первой трети XVII вв. обычно встречаются все же в достаточно заметной (около 100 километров) приграничной к Речи Посполитой зоне русских земель, протянувшейся от Брянска до района Харькова²¹, иллюстрируя факт недостаточного контроля за финансовыми манипуляциями на границе. Изредка проникали они в Россию и глубже. Так, в Государственном Эрмитаже хранится значительный клад польских и прибалтийских монет первой четверти XVII в., найденный в Ивановской области. Письменные источники того времени говорят о довольно частом нахождении у русских купцов (в том числе и ездивших в Крым, на Кавказ и через Кавказ) самой различной иностранной монеты в обход действующим запретам. Все эти, постоянно накапливающиеся в обиходе нумизматической науки факты²², не позволяют полностью отказаться от гипотезы о поступлении иностранных монет на Кавказ и транзитом через Россию, которая в XVII в. уделяет большое внимание Северному Кавказу²³.

Но наиболее правдоподобное объяснение махкетинского казуса следует искать, вероятно, в еще более широкой оценке географии распространения польских монет XVII в. В предыдущей нашей статье мы показали, что абсолютное большинство находок таковых вне южных и юго-восточных границ (и приграничья) Речи Посполитой связано с землями союзников или вассалов Османской Порты²⁴.

Этому выводу не противоречат в целом и грузинские находки, проанализированные Р.В. Кебуладзе. Из 10 пунктов, в которых оказались польские монеты XVII в., 6 располагаются на территории бывшей турецкой (с 1555 г.) Западной Грузии, а еще 2 — на самой турецко-иранской границе (Цхордза, Тисели). И только клад в Тбилиси и Шиндиси выпадают из этого правила. Притом хронология грузинских находок вполне отвечает многочисленным аналогичным материалам Крыма, Таврии и других районов Причерноморья, подвластных Турции. Значительный отток польских монет в области, контролируемые Османской империей, был следствием многократных грабительских набегов на Речь Посполитую крымских татар, частых военных столкновений Турции с Польшей и запорожским казачеством, но главным образом — выплаты большой дани татарскому хану²⁵. К тому же различные номиналы польских монет (полтораки, трояки, орты) легко находили эквиваленты на денежном серебряном рынке турецких окраин²⁶. Махкетинскую находку неверно было бы прямо сопоставлять и с этими обстоятельствами, так как в 20–40-е гг. XVII в. возможности военного и политического диктата Турции и Крымского ханства на территории Чечни были пресечены успехами Ирана в Дагестане, но особенно — энергичными военно-политическими усилиями России, предотвратившей в 1606, 1608, 1616, 1629 и 1635 гг. агрессивные планы Османской Порты, связанные с походами через весь Северный Кавказ к Дербенту²⁷. Устойчивая прорусская ориентация горцев Центрального Кавказа (в том чис-

19 Факты эти собраны и проанализированы в указанных работах Р. В. Кебуладзе.

20 См.: Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1973, с. 129–158; Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 50–104.

21 См.: Ползов И.М. Клады рассказывают. Топография кладов, найденных на территории Брянской области в 1944–1962 гг. Брянск, 1963; Горохов Т. Монетные клады Курской губернии // Изв. Курского об-ва краеведения, № 4. Курск, 1927, с. 35, 40–42; Kotlar M. Op. cit., № 256–260, 261, 497, 501, 503.

22 В нашей статье, названной в сноске 4, мы не располагали частью приведенной информации (она любезно предоставлена нам В.М. Потиным), что обусловило чрезмерную осторожность в оценке «русского варианта» появления европейских монет в Чечне.

23 См.: Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ // История СССР, 1977, № 3, с. 159–161.

24 См.: Mik1ajczyk A., Vinogradov V. B. Op. cit., s. 130–135.

25 См.: Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII в. Саратов, 1961, с. 238–249.

26 См.: Miko1ajczyk A., Vinogradov V. B. Op. cit., s. 132–136.

27 См.: Очерки истории..., с. 921; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973, с. 115 и след.

ле и Чечено-Ингушетии) в этот период хорошо документируется источниками, причем не только русскими²⁸, но и европейскими²⁹ и даже собственно турецкими³⁰. Следовательно, о зависимости от Турции или союзе с ней применительно к местным условиям не может быть и речи.

Разумеется, всякий казус может предполагать самое неожиданное (в том числе и чисто случайное) решение вопроса, а Махкетинский клад польских и шведских монет 1621–1635 гг. — уникальная, пока далеко удаленная от ближайших аналогов находка. Но есть, как представляется, отрезок истории, наиболее логично увязывающийся с этим фактом. Существенно заметить, что наличие в Махкетинском кладе кроме коронных монет Речи Посполитой также и эльблонгских полтораков Густава Адольфа и Кристины 1632–1635 гг., не присущих основной массе причерноморско-кавказских находок, указывает на несколько более позднюю датировку его в сравнении с аналогами Причерноморья и Грузии. Поэтому конец 30-х — 40-е гг. XVII в. — наиболее вероятное время для такого сочетания монет, оказавшихся столь далеко от границ Речи Посполитой³¹.

Но именно 18 июня 1637 г. донские казаки решительным натиском разгромили турецкий гарнизон и овладели Азовом и устьем Дона, важным торговым и военно-политическим районом, находившимся во владении Турции. В этой операции, принесшей огромную добычу, участвовало кроме донцов около 6 000 запорожцев, а также отряды черкесов, ногайцев, кабардинцев и других народов Северного Кавказа³². Казаки владели Азовом беспрепятственно вплоть до июля 1641 г. Затем турецко-татарская коалиция приступила к активным военным действиям, причем путем пропаганды и подкупа феодальных верхов крымский хан добился того, что черкесские и кабардинские отряды выступили на стороне Турции. В 1642 г. Азов был оставлен донскими казаками.

Обстановка этих лет весьма благоприятствовала возможности проникновения к населению Центрального Кавказа европейских (в частности, польских) монет, активно вращавшихся в турецко-крымских и запорожско-донских казацких кругах. И хотя участие в азовских делах собственно чеченских войск не зафиксировано, оно, учитывая теснейшие связи вайнахов с кабардинцами (и даже частичную зависимость от них) и терскими казаками постоянными партнерами донцов³³, — представляется вполне возможным. Спустя четыре года ситуация в известной мере повторилась. В 1646 г. 10-тысячное крымское войско было наголову разбито в низовьях Дона соединенными силами донских и терских казаков и войск кабардинского князя Муцала Черкасского, включавших, в частности, и «ококов» (вайнахов, живших в Терском городе). Победа вновь принесла богатые трофеи³⁴.

Не в результате ли этих (или подобных) событий и попали в предгорья Чечни польские и шведские, обращавшиеся в Речи Посполитой, монеты? И если прямой привоз их в окрестности селения Махкеты кем-то из вайнахских участников подонских сражений все же сомнителен, то мог быть тут и обмен через посредников (тех же кабардинцев, терских казаков и ококов Терского города), которые уступили горцам часть своей добычи, включавшей, вероятно, и серебряные монеты, столь популярные в качестве составного элемента ожерелий у чеченских (как и у других горских) женщин³⁵.

Любая из предложенных версий появления Махкетинского клада имеет уязвимые стороны, ибо монеты могли поступить сюда в результате и иных событий, пройдя ряд (может быть очень даже окольных) путей. Только дальнейшие находки и исследования позволят с большей уверенностью толковать интересный факт, послуживший причиной написания этого сообщения.

Впервые опубликовано: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1979. № 2, с. 75–79.

28 См.: Кушева Е.Н. Указ соч., с. 27 и след.; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. Археолого-этнографический сборник, 2. Грозный, 1968, с. 92 и след.; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1971, № 10, с. 215–219; Бацвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России и Грузии в XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1974.

29 См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы... с. 63–91; См. также рецензию Виноградова В.Б. на эту книгу («Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки», 1977, № 3, с. 119).

30 Свидетельства Эвлия Челеби см.: Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 236; Анчабадзе Г.З. Указ. соч., с. 10.

31 Впрочем, известны редкие случаи, когда тройки и полтораки Сигизмунда III Вазы, чеканенные в 20-х гг. XVII в., и эльблонгские полтораки Густава Адольфа и Кристины 30-х гг. XVII в. встречаются в кладах конца 60-х гг. XVII в. (например, клады из сел. Долиняны (бывшего Рогатинского уезда бывшей Львовской губернии, хранящиеся в Государственном Эрмитаже).

32 См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии, с. 277–278; Алекберли М.А. Указ. соч., с. 250 и след.; Очерки истории СССР, с. 235–230.

33 См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974, с. 194 и след.

34 Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 30.

35 Высказанные соображения допустимы и для трактовки гатын-калинских монетных имитаций, но особенно — для объяснения наличия бронзового нюрнбергского счетного жетона первой половины XVII в., происходящего из кабардинского курганного погребения, раскопанного у селения Чегем в Кабардино-Балкарской АССР в 1974 г. (благодарим за любезное сообщение об этом кандидатов исторических наук А.Х. Нагоева и Б.М. Керефова). Жетоны использовались в финансовой практике счетоводами для быстрого осуществления расчетных операций. Но так как они чеканились наподобие монет, то часто на периферии своего распространения воспринимались как мелкие денежные знаки. См.: Pullan J.M. The History of the Abacus. London, 1968.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Около десяти лет назад вышла в свет проблемная статья В. И. Марковина, представившая его взгляд на вопросы, касающиеся как «самого употребления термина «средние века» применительно к истории народов Северного», так и «той хронологической шкалы, которой пользуются ученые-кавказоведы»¹. Она не оставляет впечатление цельного и конструктивного в своей основе труда, так как автор чрезмерно увлекся «критическим анализом» в ущерб конкретизации собственных позиций, которые в большинстве случаев оказались ограничены нечеткими суждениями общего плана. Однако в статье были высказаны и ценные, актуальные мысли, в том числе и такая: «Определение довольно четких хронологических фаз средневековья только способствовало бы ясности в понимании тех процессов, которые происходили в среде местного населения. Безусловно, такая хронологизация должна найти опору в фактах истории Закавказских стран и России, с которыми издавна взаимодействовали северокавказцы... Историкам совместно с археологами стоит обсудить вопрос об определенной терминологической и хронологической унификации в употреблении самого термина «средние века» применительно к истории народов Северного Кавказа. Такая необходимость назрела»².

Опытный кавказовед не ошибся в этом своем прогнозе, что легко подтвердить, обратившись к опубликованным вскоре статьям, обобщившим назревшие проблемы истории и археологии Северного Кавказа³. Но более существенно, вероятно, то, что сформулированный круг идей не только уже «носился в воздухе», но и непосредственно оказался в центре постоянно растущего и пристального научного внимания, стимулируемого им. Здесь справедливости ради мне придется остановиться на серии собственных публикаций и специальных выступлений, посвященных последовательным поискам путей и объективных критериев для решения слабоизученной и остродискуссионной проблемы хронологии и периодизации позднесредневековой истории в общерегиональных рамках Северного Кавказа (с учетом вполне закономерных и пестрых локальных особенностей).

Еще осенью 1975 года было выполнено исследование, обнародованное вслед за тем в виде доклада на пленарном заседании III Донской археологической конференции (16 апреля 1976 г.) и отдельной статьи⁴. В нем (кроме «чисто археологической» фактуры) было конспективно изложено мое понимание проблемы хронологии и периодизации эпохи позднего средневековья на Северном Кавказе. Учитывая, что с тех пор данная работа (в ее журнальном варианте) стала библиографической редкостью и практически недоступна многим специалистам, считаю необходимым процитировать самый существенный ее (для данной статьи) фрагмент.

«Нецелесообразно (и вряд ли возможно) пытаться обозначить начало и конец местного позднего средневековья (также, как и периодов внутри него) каким-либо одним событием, годом или даже десятилетием. Такая трактовка не отразит сложность социально-экономических и политических процессов, в итоге которых эпоха и получила свое историческое воплощение. И тем не менее установление этих хронологических рамок имеет большое значение, так как четкая периодизация в немалой степени призвана отражать то существенно новое, что отличало и определяло объект нашего исследования.

Начало эпохи позднего средневековья в конкретных условиях Северного Кавказа реально связывать с серединой XIII в. н. э. (в диапазоне 30–70-х гг.). Вторжение монголо-татарских полчищ, падение Алании и крах всей раннесредневековой системы взаимных связей населения региона, включение плоскостной территории во владения Золотой Орды, почти полная изоляция большинства местных этнических групп в горах—таковы политические последствия тех лет. Они породили существенные особенности социально-экономического развития аборигенов (страшная земельная теснота и скученность населения, устойчивый традиционализм орудий и способов производства и обмена, выработка оригинальных форм культуры, своеобразие формирования «горского, кавказского феодализма», рассеянный характер внешних связей и пр.) и этнических процессов (переселения, сопровождавшие-

1 Марковин В. И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного Центра высшей школы. Общественные науки. (далее: ИСКНЦВШ), 1976, 4, с. 12.

2 Там же, с. 15.

3 Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Истоки великой дружбы. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978, с. 20; Виноградов В. Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2 (Материалы Всероссийской конференции. 21–22 сентября 1978 г., г. Грозный). Грозный, 1980, с. 25.

4 Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // ИСКНЦВШ, 1977, 1, с. 64–69.

ся ассимиляциями, разобщенность родо-племенных групп, тормозившая консолидацию их в этнические общности и т. д.).

Конструктивными представляются взгляды В.Х. Тменова (разделяемые В.А. Кузнецовым), согласно которым верхняя граница позднего средневековья в Северной Осетии приходится на рубеж 20–30-х гг. XIX в. Но применительно к территории всего Северного Кавказа эта датировка нуждается в уточнении, снимающем подобную конкретность. Вполне оправданно считать здесь завершающим этапом позднего средневековья последнюю треть XVIII – первую треть XIX в. Он знаменует завершением процесса вхождения в состав России основных контингентов населения Кавказа, в том числе и Северного (сопутствующая активизация народно-освободительной борьбы не меняет сути этого факта) и началом резкой перестройки всей социально-экономической структуры исследуемого региона (девальвация феодальной иерархии, местного общества, насаждение российских феодальных и капиталистических отношений, стабилизация этнической карты, существенные изменения в хозяйственных занятиях, идеологии и культуре). Местное население энергично включается в систему административных, торгово-экономических и культурных связей многонационального Российского государства. В результате коренных перемен исторические судьбы народов Северного Кавказа направляются (с изрядной мерой специфики в путях, темпе и средствах) в иное русло, неотвратимо приобщаясь к той ситуации «нового времени», которая в глобальном масштабе сложилась значительно раньше.

Внутри этого длительного срока (середина XIII – рубеж XVIII–XIX вв.) видится возможность выделения еще одной хронологической вехи (50–90-е годы XVI в.). Она логично делит позднее средневековье на два периода, характеризуюсь принципиально важными признаками. Именно тогда Северный Кавказ входит в зону непосредственных интересов и действий России, которые положили начало исторически прогрессивному присоединению народов Кавказа к Российскому государству. Это событие совпадало по времени с началом энергичного возвращения на северокавказскую плоскость ряда горских этнических групп, прежде изолированных в глубине ущелий и хребтов, а оно — в свою очередь — повлекло за собой оживление не только северокавказских межплеменных, но и международных связей (с устойчивой теперь ориентацией на Север) и дальнейшее углубление социальной и имущественной дифференциации местных феодализирующихся обществ⁵.

За истекшие с тех пор годы вышесказанное не осталось лишь краткой схемой. Проблема хронологии и периодизации истории народов Северного Кавказа была рассмотрена автором или с его прямым участием в нескольких весьма важных аспектах, связанных как с эволюцией самих местных обществ, так и с общерегиональными процессами их взаимодействия с внешним миром.

Специально был проанализирован (на основе синтеза различных источников) генезис феодализма у населения Центрального Кавказа, в том числе в XIII – первой половине XIX в.⁶. Разработана и наполнена фактическим содержанием новая периодизация русско-северокавказских взаимоотношений и вхождения народов Северного Кавказа в состав России⁷, подкрепляемая использованием столь серьезного и специфического источника как свидетельства иностранных (западно-европейских и восточных) авторов XVI–XVIII вв.⁸. На современном уровне источниковедения и историографии подведен вполне определенный итог изучению проблемы периодизации и характера грузино-северокавказских историко-культурных связей в дореволюционный период⁹ и тесно связанной с ней эволюции религиозных верований эпохи средневековья у населения Центрального Кавказа¹⁰.

В каждой из названных работ первоначальные взгляды на хронологию и периодизацию позднесредневековой истории Северного Кавказа уточнялись, соотносились с выводами конкретных частей фактически единого многоаспектного исследования. Суммируя все полученные результаты, общий

5 Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // ИСКНЦВШ, 1977, 1, с. 65.

6 Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории, 1981, № 1. с. 40–50.

7 Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ // История СССР, 1977, № 3, с. 158–166; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1980; Байбулатов И.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980, № 5; Виноградов В.Б., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели. Грозный, 1983, с. 6–9.

8 Виноградов В. Б. Иностранные авторы XVI–XVIII веков о русско-северокавказских отношениях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа (далее: АВЭИСК). Грозный, 1979, с. 163–170.

9 Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983; Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-аварских взаимоотношений в XVI–XVII вв. // Известия АН Груз. ССР: Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1980, № 3. С. 72–83; Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа (далее: АВСИСК). Грозный, 1984, с. 116–139.

10 Виноградов В. Б. Назревшие задачи изучения религиозных верований на Центральном Кавказе // X Крупновские Чтения: Тезисы докладов. М., 1980, с. 66–68; Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии: Учебное пособие. Грозный, 1981, с. 41–63.

временной абрис и внутреннее хронологическое членение эпохи позднего средневековья в рассматриваемом регионе видятся мне сегодня следующим образом. Сама позднесредневековая эпоха датируется с середины XIII до конца XVIII вв. включительно. Внутри нее выделяются два основных периода: середина XIII — середина XVI в. и вторая половина XVI—XVIII в. В первом из них явственно ощущается этапная роль завершающих двух десятилетий XIV в.; во втором — примерно полувекового отрезка времени на рубеже XVII—XVIII вв. Предлагаемая для оценки и обсуждения хронологическая канва (шкала) нуждается во всестороннем осмыслении, в том числе и с привлечением источников, до поры оставшихся в тени. Одним из таковых являются нумизматические материалы, положенные в основу данной статьи. При этом следует сразу же оговорить, что до недавнего времени подобный подход к толкованию интересующей нас проблемы был практически не возможен, из-за отсутствия должного интереса к нумизматике со стороны кавказоведов-историков и археологов. Огромный и чрезвычайно содержательный многотомный свод Е. Л. Пахомова¹¹ использовался эпизодически и для сугубо частных целей. К тому же он уже и заметно устарел, будучи ограничен в фиксации своих источников началом 60-х г. нашего столетия. Однако иных специальных работ о монетах и монетных кладах различных эпох и периодов на Северном Кавказе фактически не было, что не позволяло создать сколько-нибудь полное и верное представление о реально существующих нумизматических коллекциях в регионе, в том числе и по эпохе позднего средневековья.

Положение стало меняться в самые последние годы. Исчерпывающая (на середину 1982 г.) сводка нумизматических материалов с территории Чечено-Ингушетии была сделана и опубликована мною¹². Вышла в свет и статья, представляющая соответствующие коллекции Пятигорья¹³. Заведующая сектором Кабардино-Балкарского республиканского краеведческого музея А. Б. Депуева под моим руководством выявила нумизматические находки Кабардино-Балкарии, приступив к их научной интерпретации¹⁴. Выпускница 1985 года исторического факультета Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л. Н. Толстого Л. Мухамедова собрала в дипломной работе, выполненной под моим началом, доступные сведения о нумизматических образцах позднего средневековья из Северной Осетии. Таким образом, мы располагаем достаточно представительными (хотя и наверняка еще не полными) данными о монетах, монетных жетонах и кладах в границах значительной части региона, включающей Пятигорье, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Чечено-Ингушетию. Слабее я ориентирован в наличных нумизматических коллекциях Прикубанья (Краснодарский край и Карачаево-Черкесская АО) и Дагестана. Однако полагаю, что учет многочисленных и ярких материалов, сведенных Е. А. Пахомовым, послужит определенной гарантией правильности тех предварительных наблюдений и выводов, которые будут сделаны в данной статье.

Итак, чем же характерны нумизматические коллекции Северного Кавказа позднесредневековой эпохи? Прежде всего, они с самого начала резко отличаются от состава монетных находок предшествовавшего времени, то есть раннего средневековья. На протяжении нескольких веков до середины XIII в. в древностях Северного Кавказа достаточно массовы единичные экземпляры или сравнительно небольшие наборы серебряных, золотых и медных монет и индикаций, использовавшихся чаще всего в качестве подвесок в ожерелье. Известны и клады. Абсолютно преобладают византийские, халифатские (включая провинциальные) и сасанидские образцы, хотя эпизодично встречаются и монеты иных экзотических чеканов Закавказья и Ближнего Востока (Ильдегизиды, Зенгиды). Последние встречаются в областях, прилегающих с севера к Дербентскому проходу, вдоль которого (на территории Дагестана, особенно в округе Дербента) частота нумизматических находок необычайно сильна и демонстрирует теснейшую связь с широкой закавказско-ближневосточной денежной конъюнктурой. Отмечены и случаи местных монетных подражаний импортным образцам¹⁵.

Е. И. Крупнов специально подчеркивал и пытался мотивировать отсутствие на Северном Кавказе находок монет грузинского чекана¹⁶. Однако здесь, вероятно, более всего велика роль случая. Так, исследователь не знал о кладе из 500 медных монет царицы Русудан (до 1227 г.), найденном в 1848 г. при

11 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1–9. Баку, 1926–1966.

12 Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981; Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982.

13 Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н. О чем рассказывают монеты // Ставрополье, 1983, № 4.

14 Виноградов В., Депуева А. Тайна старинного кисета (на балкарском языке) // Мингитау, Нальчик: Эльбрус, 1984, с. 129–130; Депуева А. Б. Исторический комментарий Ташлы-Талинской сумочки с монетами // АВСИСК. Грозный, 1984, с. 139–144.

15 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 1–9. Баку, 1926–1966; Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981, с. 5–11; Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 30–58; Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н. О чем рассказывают монеты // Ставрополье, 1983, № 4. С. 114–117.

16 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 140–141.

постройке российского укрепления Хадыженского в Адыгее¹⁷. Вполне возможно, что медные абсолют-но бесформенные грузинские монеты XI – первой трети XIII в. просто не привлекали к себе должного внимания исследователей.

Эта мысль получает уже некоторое фактическое обоснование. Если даже не считать смутных на-меков, которые усматриваются в довоенной сводке А.А. Иессена по Кабардино-Балкарии¹⁸, то нельзя пройти мимо факта находки «нескольких медных грузинских монет» в пещерных склепах у селений Дзивгис в Куртатинском ущелье Северо-Осетинской АССР. В.Х. Тменов предварительно датировал их XIII–XIV вв.¹⁹. Однако, как он любезно сообщил мне в дальнейшем, монеты подверглись более точ-ному определению и оказались принадлежащими чеканам грузинских царей Георгия, сына Давида, (1174 г.) — 1 экз. и Русудан, дочери Тамар, (1223–1247 гг.) — 2 экз. Учитывая приведенные данные, можно с известной долей уверенности ожидать роста коллекции грузинских монет в древностях Се-верного Кавказа на рубеже раннего и позднего средневековья, причем, некоторые образцы, использо-вавшиеся в качестве подвесок, естественно, должны были заходить в своем применении во вторую по-ловину XIII в., а может быть и начало XIV в.

Пестрота монетных находок самых различных чеканов решительно отличает нумизматическую коллекцию из памятников завершающих столетий раннего средневековья на Северном Кавказе от сте-пей Восточной Европы, где в древностях X – первой половины XIII в. случаи обнаружения монет чрез-вычайно редки²⁰. Зато она принципиально близка картине монетного обращения в Грузии²¹, которая, несомненно, существенно влияла на ситуацию к северу от Главного Кавказского хребта.

Эта закономерная разнородность нумизматических образцов раннего средневековья абсолютно и непрерываемо исчезает со второй половины XIII в. На смену ей приходит однообразие ханских че-канов чингисидов.

Хорошо известны высококвалифицированные и объемные сводки находок монет династий зо-лотоордынских Джучидов²² и иранских Ильханов–Хулагуидов и Джалаиридов²³. Они — в их северо-кавказской части — заметно пополняются в последние годы²⁴, в том числе и еще не опубликованны-ми находками (серебряный дирхем хана Хызра 1360–1362 гг. из сел. Курчалой в Чечне, найденный С.-М. Алхазовым, пять медных пулов золотоордынской чеканки 50 – середины 60-х гг. XIX в. из склепа № 128 у сел. Шуан. в горной Ингушетии, раскопанного Р. А. Даутовой в 1982 году, серебряный золото-ордынский дирхем из песчаных выдувов в окрестностях Кизляра, поднятый В. А. Мялковским и др.).

В степной и плоскостной зонах Северного Кавказа известно немало кладов ханских монет (мед-ных и серебряных), а большинство индивидуальных находок монетных образцов имеет вполне «то-варный» вид, что является веским признаком их непосредственного участия в денежном обороте. Иное дело — горная зона региона, где ханские монеты, как правило, пробиты и использовались как модные украшения, а кладов, практически, не найдено (если не считать своеобразного накопления монет в виде приношений к святилищам и культовым местам, как это прослежено Е.Г. Пчелиной в 1936 г. в случае с Рекомом, где оказались и монетные образцы ханских чеканов)²⁵.

Важно отметить также изрядную плотность находок ханских монет по всей основной террито-рии Северного Кавказа, включая и его горную зону, хотя там особая их концентрация связана с широ-кой округой Дарьяльского прохода. Бесспорно, явное преобладание образцов джучидских монет над монетами Ильханов. Но также бесспорно и в высшей мере знаменательно, что никаких иных, кроме чингисидских, монет в северокавказских древностях второй половины XIII–XIV в. пока не встречено.

Основная часть монет имеет пробитые отверстия для подвешивания или пришивания, что по-буждает с понятной осторожностью оценивать их надежность в качестве датирующего комплекс эта-лона. К тому же, некоторые образцы монет XIV в. обрезаны, то есть преднамеренно лишены части своего веса. Это — признак не ранее первой четверти XV в., имеющий свое реальное объяснение²⁶. Но он несколько не меняет весьма выразительного факта: в обиходе северокавказцев первого этапа позд-

17 Пахомов С.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 1, с. 54, № 135. Баку, 1926.

18 Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР, № 3. М.: Л.: АН СССР, 1941.

19 Тменов В. Х. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис. Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985, с. 130.

20 Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1976, с. 55; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981, с. 214–218.

21 Джалагания И. Л. Монетные клады Грузин. Клад сасанидских с византийских монет из Цинтели Цкаро. Части I и II. Тбилиси, 1980, 1983; Джалагания И. Л. Иноземные монеты в денежном обращении Грузин. Тбилиси, 1982; Цецелия М. В. История взаимоотношений Картли с сасанидским Ираном. Тбилиси: Тбилисский университет, 1975.

22 Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика, № 4. М.: АН СССР, 1963.

23 Сейфеддини М. А. Монеты Ильханов XIV в. Баку, 1968.

24 См. например: Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 60–63.

25 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 9, с. 83, № 2123. Баку, 1966.

26 Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 71.

него средневековья (вторая половина XIII – конец XIV в.) абсолютно доминировали джучидские монеты, сосуществуя, отчасти (в горной зоне), с монетами иранских Ильханов. Вряд ли эта закономерность может быть решающим образом поколеблена последующими изысканиями, а возможные исключения лишь подтвердят незыблемость основного правила. Положение дел круто изменилось с самого конца XIV в. В его последней четверти денежное обращение в Золотой Орде переживает резкий упадок, отражающий общую ситуацию в улусе Джучидов. Поражение на Куликовом поле от набирающей силы Московской Руси (1380 г.), а более всего сокрушительный разгром многих основных и вассальных территорий Золотой Орды в результате грандиозных походов Тимура (1395–1396 гг.) предопределили закат паразитического государства. Вместе с тем, безжалостные полчища Тимура, пройдя огнем и мечом по Северному Кавказу (включая и большинство его горных районов) нанесли непоправимый урон местному населению, серьезно подорвали производительные силы, разрушили всю сложившуюся в предшествовавшие полтора века структуру взаимоотношений северокавказцев с внешним миром и между собой.

Все это, естественно, отразилось и в составе местных нумизматических коллекций, отчасти олицетворявших здешнюю ситуацию от рубежа XIV–XV вв. вплоть до середины XVI в., когда Московская Русь вышла своими владениями на берега Терека и установила непосредственные контакты с народами Северного Кавказа²⁷.

Выше отмечено, что на этом этапе в активном обиходе продолжали бытовать ханские монеты XIV в., подвергшиеся обрезанию и подгонке по весу к эталонам XV в. Однако в высшей мере показательно, что к югу и востоку от низовий Кубани самих этих эталонов пока неизвестно. Зато постепенно накапливаются факты, свидетельствующие о вновь складывающейся пестроте и чрезвычайной рассеянности монетных поступлений на Северный Кавказ, причем политико-географическая ориентация таковых крайне изменилась в сравнении с ранним средневековьем.

Так, на горе Охун (в районе г. Сочи Краснодарского края) около развалин крепости, поднята медная тимуридская анонимная монета г. Бухары 823 года хиджры (1428–1429 гг.)²⁸. На землях станицы Ярославской (Адыгейская АО) в 1895 г. при раскопках курганов в числе других вещей найдена пробитая серебряная монета Комненов Трапезунта, чеканенная в самом конце XIV или в начале XV в.²⁹. В селении Эндери в начале нашего столетия А.Н. Грен видел в составе местных нумизматических сборов бургундскую монету, чеканенную, вероятно, в герцогстве Бургундия, прекратившем свое существование в конце XV в.³⁰.

В Горной Чечне (в склепе у сел. Верхний Кокадой) В. И. Марковиным найдена серебряная московская денга конца XIV – первой четверти XV в., чеканенная, скорее всего, при Василии Дмитриевиче и обрезанная при Василии Васильевиче Темном (1425–1462 гг.)³¹. Псковская денга XV в. имеется среди подъемного материала в руинах золотоордынского города Маджары на р. Куме (Ставропольский край)³². А. Б. Депуева любезно сообщила мне о находке в 1934 г. в ущелье р. Малки, выше селения Хабаз (Балкария) серебряной русской монеты, чеканенной при Иване Грозном между 1535 и 1550 г.³³.

Уникальным по размеру, но, вероятно, типичным для своего времени по качественному составу является огромный (23686 экземпляров) клад серебряных монет (430 фунтов веса, то есть, около 176 кг)—турецких османидских 1444–1481 гг., крымских ханских 1441–1483 гг., генуэзско-татарских и русских (Владимира Ольгердовича, Ивана III и Ивана IV), найденный в 1909 г. у станицы Петровской на Таманском полуострове³⁴. Клад этот — военная добыча или дань, собиравшаяся крымскими ханами³⁵. Его пестрый монетный состав вполне отвечает нашим сегодняшним представлениям о специфике монетных поступлений на Северный Кавказ в XV – середине XVI в., когда преобладали джучидские и крымские образцы, но рядом с ними эпизодически встречались среднеазиатские, малоазийские, европейские монеты и несколько чаще — русские деньги.

27 Нарочницкий А. Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 24; Вехи единства: Сборник статей, посвященный 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России / Под ред. Виноградова.— Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 23–24.

28 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 4, с. 38, № 1470. Баку, 1926–1966.

29 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 3, с. 47, № 849. Баку, 1966.

30 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 4, с. 70, № 1198. Баку, 1966.

31 Виноградов В.Б. Монетные находки и клад на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981, с. 14–15; Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 71–76.

32 Магомадова Т. С., Голованова С. А. Находки древних предметов в бассейне рек Кума и Терек X–XV вв. // АВЭИСК. Грозный, 1979, с. 123.

33 Ермоленко М. Редкая находка // Социалистическая Кабардино-Балкария, № 101, 6 мая 1935.

34 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 3, с. 55, № 880. Баку, 1966.

35 Алекберли М. А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии в XVI – первой половине XVII в. Саратов, 1961, с. 238–249.

Особняком стоят нумизматические коллекции Дербента и его округи, проявляющие и в XV – середине XVI в. тесную и решающую связь с денежным обращением Закавказья и Ближнего Востока³⁶.

Такова общая нумизматическая картина Северного Кавказа в первом периоде позднего средневековья, охватывающем, как представляется, время с середины XIII – до середины XVI в.

Наши суждения о монетном обращении следующего (второго, завершающего) периода позднего средневековья на Северном Кавказе должны строиться уже с учетом письменных свидетельств очевидцев, в числе которых, в частности, и значительная группа европейских путешественников, олицетворявших постепенно и стойко возрастающий интерес к Кавказу и его населению с конца XVI и вплоть до XVIII – первой половины XIX в.³⁷

Однако на протяжении всего XVII в. иностранные авторы не дают сведений о распространении денег в быту северокавказцев. Так, француз Жан Баптист Тавернье (1605–1689 гг.) пользовался информацией о «черкесах» (жителях Северного Кавказа), почерпнутой во время его путешествий по странам Ближнего Востока. Он не раз говорит о торговых операциях в «Черкесии» с участием иноземных купцов («москвиты приходят и закупают шерсть для выделки войлока», «правитель забирает то лицо, на которое поступила жалоба и продает его иностранным купцам» и т. д.)³⁸. Но деньги, как элемент торговых сделок, совсем не упоминаются. Это заставляет вспомнить уверенные высказывания его старших современников – итальянцев, дружно утверждавших: «деньги тут давать не принято, да же среди купцов» (Эмидио Дортелли д'Асколи), «не имеют монеты, а свои произведения обменивают» (Джиовани Лукка)³⁹. О том же ведет речь и голландский автор XVII в. Николай Витсен («Денег там нет, но они ведут меновую торговлю рабами, воском, мехами»)⁴⁰ и немецкий путешественник Энгельберт Кемпфер («...они продают не за деньги, но обменивают на товары»)⁴¹.

Общую достоверность этой картины для XVII века подтверждает французский ювелир Жан Шарден (1643–1713), побывавший в последней четверти XVII в. вблизи Северного Кавказа (в Каффе, Азове, Грузии). Говоря о торговле с «черкесами», он замечает: «Им привозят те же товары, что и в Мингрелию, так как их страна еще более бедная. У них берут в обмен людей обоого пола и любого возраста, мед, воск, кожу, шкуры шакалов...»⁴².

Единственным точно известным мне «нумизматическим контактом» между западноевропейцами и горцами является случай, когда послы в Персию немецкого императора Рудольфа II С. Какаш и Тектандер в 1603 г. одарили помогавших им кавказцев (в районе Дагестана) серебряным талером⁴³. Однако нечто подобное наверняка происходило не раз, причем кавказцы большинства областей принимали монеты в качестве прежде всего экзотической вещи, из которой легко сделать подвеску, включить в состав монисто.

Впечатляющей особенностью северокавказской монетной коллекции конца XVI – XVII вв. оказывается на сегодняшний день фактически полное отсутствие монет российской чеканки (единственное исключение к Западу от Дагестана – медная русская денга из селения Кошкельды в Чечено-Ингушетии)⁴⁴ и наличие образцов многих других – европейских и восточных. Это – черта не только богатого нумизматического фонда Дербента, но и всей остальной территории региона.

В окрестностях г. Сочи была поднята медная шведская монета Густава II Адольфа (1611–1632 г.)⁴⁵. В горном Дагестане известны точно не датированные находки так называемых лобанчиков – европейских монетных поделок для расчетов со странами Востока⁴⁶. В ряде новейших публикаций фигурируют имитации германских гольдгульденов начала XVII века из селения Гатын-Кале (Асланбек-Шерипово) в Чечне⁴⁷, клад польских и шведско-польских серебряных низкопробных монет конца первой половины XVII в. из селения Махкеты в Чечено-Ингушетии⁴⁸, серебряная польская монета 1598

36 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 1–9. Баку, 1926–1966.

37 Виноградов В.Б. Иностранные авторы XVI–XVIII веков о русско-северокавказских отношениях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

38 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 74, 81.

39 Там же, с. 65, 71.

40 Там же, с. 90.

41 Там же, с. 116.

42 Там же, с. 105.

43 Какаш С. и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602–1603 гг. М., 1896, с. 117.

44 Виноградов В.Б. Монетные находки и клад на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981, с. 15.

45 Пахомов С. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 4. Баку, 1926–1966, с. 45, № 1499.

46 Розанов С.А. Золотые «лобанчики» // Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, т. 1. Л., 1945, с. 146–158; Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 270–273.

47 Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 273; Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 77–81.

48 Виноградов В. Б., Миколайчик А. К исторической интерпретации первого клада польских и шведских монет XVII века на Северном Кавказе // ИСКНЦВШ, 1979. № 2, с. 75–79.

года из г. Прохладного (Кабардино-Балкария), шведский медный талер 1640 года королевы Христины⁴⁹, нюрнбергские бронзовые монетные жетоны и «фишмарки» середины XVII в. у селения Чегем в Кабардино-Балкарии (любезное сообщение А. Х. Нагоева), аула Даргавс в Северной Осетии⁵⁰, станции Гребенской в Чечено-Ингушетии⁵¹. Персидские серебряные монеты чекана сефевидской династии XVII в. массовы в Дербенте⁵², где они соседствуют с монетами местных закавказских чеканов⁵³. Известны они и в горном Дагестане (селение Кумух)⁵⁴, а также (в хорошем наборе) и у святыни Реком, где представлены образцы чеканов шахов Сефи I (1628–1642 гг.), Аббаса II (1642–1667 гг.), Сулеймана I (1667–1694 гг.)⁵⁵. Вместе с последними найдена и турецкая серебряная монета, чеканенная в г. Мисре при султане Ахмеди I (1603–1617 гг.)⁵⁶. Османские чеканы обычны среди монет конца XVI–XVII вв. в Прикубанье, особенно на Таманском полуострове, где они встречаются в сочетании с монетами крымской чеканки династии Гиреев⁵⁷.

Каковы бы ни были возможные причины практического отсутствия российских монет и «засилья» европейских (часто фальшивых или низкопробных) и восточных металлических денежных знаков в бытовой практике северокавказцев конца XVI–XVII в. (а причины тому могут быть различными⁵⁸), факт этот определяет пока нумизматическую ситуацию данного этапа местного позднего средневековья.

Обстановка вновь и принципиально меняется в XVIII в., что отразилось и в письменных источниках. Уже на самой его заре (1702–1713 гг.) французский миссионер и путешественник Ферран (1670 – после 1713 г.) не раз повторив факты «натуральной» дани и товарообмена у самих черкесов, привел интересные сведения о крымско-татарских портах и крепостях на Таманском полуострове, которые играли видную роль во внешней торговле Черкесии и где существовали денежные «пошлины» и «налоги»⁵⁹. Вероятно так отразился важный аспект постепенного приобщения северокавказцев к системе денежных расчетов.

Ценные сведения содержатся в записках путешественника и дипломата Абри де ла Мотре (около 1674–1743 гг.), лично побывавшего на Северном Кавказе в 1711 г.⁶⁰. Еще будучи в Каффе, француз при содействии одного из крымских мурз тесно познакомился с «черкесским торговцем», который сопровождал его в пути. Именно он посоветовал «накупить товаров, годных для обмена... если б я захотел приехать к горным черкесам, которые в большей части своей не знали никаких денег». Де ла Мотре дал спутнику-черкесу необходимую сумму и тот умело произвел нужные покупки.

Отрезок пути по землям ногайцев, кочевавших к северу от Кубани, показал, что путешественник «тратил вместе со своим проводником не более 25 су в день, включая в эту сумму даже подарки, наше питание и корм двух лошадей...» Контекст отрывка побуждает считать, что по крайней мере часть трат делалась деньгами, и это первое известное мне сообщение такого рода применительно к северокавказцам.

Оказавшись затем в «равнинной Черкесии» де ла Мотре совершил вынужденную торговую сделку с «одним черкесом», расплатившись табаком с турецкой трубкой и дав вдобавок «два эку в копейках». Тут же автор пояснил, что «копейки — мелкие серебряные монеты московитов, ценностью приблизительно в 2/3 су». Правда, французский вояжер добавил в своих записках следующее: «Необходимо заметить, что черкесы, в особенности жители гор, ведущие торговлю с помощью обмена, не знают ни цены, ни употребления серебра; они пользуются им только для плавки и выделки украшений на рукоятях своих ножей или сабель, что превосходно им удастся. Этот тем более охотно удовольствовался моими копейками, что был ножевщик. Я купил у него три ножа... после заключения нашей сделки».

И еще раз, теперь уже в связи с «горным черкесом», провожавшим его на одном из отрезков пути, де ла Мотре упоминает частичную оплату услуг деньгами: «...я дал ему различные мелкие подарки, вроде табака и других безделушек, которые он, однако, не считал таковыми, вместе с несколькими эку (крупные серебряные монеты — талеры, «ефимки») и копейками, чему он, казалось, очень обра-

49 Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 84–85.

50 Тменов В.Х. «Город мертвых». Орджоникидзе: Ир, 1979, с. 135.

51 Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 80.

52 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 2, с. 51, № 505.

53 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 4, с. 82, № 1238.

54 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 1, с. 69, № 222.

55 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 9, с. 102, № 2137.

56 Там же, № 2138.

57 Пахомов С.А. Указ соч.

58 См.: Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982, с. 77–84.

59 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 110–111.

60 Там же, с. 121–147.

довался». Последняя реплика кажется мне существенной: она свидетельствует об изживании «безмонетного периода» в жизни черкесов не только «равнинных», но и «горных», о постепенном отказе от традиционного игнорирования денег в торговых сделках и личных услугах. Поэтому, когда в записках встречаются слова о «закупках провианта» по пути следования, можно думать, что они подразумевают оплату «звонкой монетой».

Не случайно, спустя полтора десятилетия, немец на российской службе Иоганн Густав Гербер определенно утверждал, говоря о северокавказских народах: «У них не чеканят никаких денег. Но употребляют они русские, персидские и турецкие монеты». Он же привел примеры крупных денежных сделок местных купцов⁶¹.

Обзор соответствующих свидетельств логично завершить обращением к обширному трактату видного французского ученого, дипломата и политического деятеля Карла Пейсонеля (1727–1790 гг.). В нем содержатся, отчасти, обстоятельные записи об «импортной» и «экспортной» торговле ногайских и черкесских племен. Весьма показательно, что цены в огромных перечнях самых разнообразных товаров обозначены в турецких денежных единицах (пиастрах, башликах, аспрах, парах). К. Пейсонель пишет: «Деньги великого султана и хана единственные, которые находятся в обращении с Тамани и Каплу; внутри Черкесии деньги редко употребляются...» Вместе с тем, он упоминает и русских купцов, плативших за товары на местных рынках «наличными»⁶².

Приведенные сведения вновь следует сопоставить с данными нумизматики, которые могут существенно дополнить и уточнить вырисовывающуюся картину.

Турецкие и крымские (вплоть до 1783 г. — времени присоединения Крыма к России) монеты в виде отдельных находок и кладов густо представлены на Северо-Западном Кавказе (Таманский полуостров)⁶³. Образцы османского чекана достаточно обычны и в Дербенте, где чаще всего встречаются в сочетании с монетами шемахинской, шекинской и иных закавказских эмиссий⁶⁴. Есть они и в горной зоне: в могильнике Ташлы-Тала в горной Кабардино-Балкарии⁶⁵, у селения Махческ, г. Орджоникидзе и в святилище Реком в Северной Осетии⁶⁶. В Рекоме встречены и две персидские монеты шаха Хусейна I, чеканенные в 1705 г.⁶⁷.

И все же для основной территории Северного Кавказа (между Дагестаном и Прикубаньем) точных монет XVIII в. немного (к ним можно с известной долей условности отнести и серебряный грузинский «абаз» 1795/6 г., чеканенный в Тифлисе и найденный в г. Орджоникидзе на месте бывшей крепостной цитадели Владикавказа⁶⁸. И совсем не встречено здесь пока западноевропейских монет.

Зато массовыми становятся на этом последнем этапе позднего средневековья находки серебряных и медных российских монет, причем не только отдельными экземплярами, но часто и в виде более или менее крупных кладов.

Сводка богатых фактических данных XVIII в. по территории Чечено-Ингушетии дана в моих работах⁶⁹. После их опубликования она пополнилась еще 5 пунктами. В многотомном труде Е. А. Пахомова упоминаются соответствующие находки близ г. Тамани, в Темрюкском районе, у станицы Полтавской в Адыгейской АО, у г. Сочи (Краснодарский край), в городах Кисловодске и Темир-хан-Шуре (Буйнакске), близ устья реки Сулак (Северный Дагестан) и ряд других⁷⁰. В Кабардино-Балкарском краеведческом музее экспонируются два клада: 300 серебряных монет времени Петра I, найденных в Нальчике, и 114 медных пятаков 1758–1791 гг. из селения Прималка. А. Б. Депуева выявила серию медных российских монет 1730–1798 гг. (9 экземпляров), найденных в г. Прохладном. В осетинском ауле Даргавс найден серебряный гривенник середины XVIII в.⁷¹ У святилища Реком найдено несколько российских монет того же столетия⁷². Обычны монеты российского чекана XVIII в. и в Дербенте⁷³.

61 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979, с. 87.

62 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейский авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 180–199.

63 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 3, с. 854–66; вып. 4, с. 44 и др.

64 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 4, с. 85; вып. 7, с. 84.

65 Мизиев И. М. Могильник у сел. Ташлы-Талы // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, 118; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.

66 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 2, с. 57, № 529; вып. 3, с. 65, № 922; вып. 9, с. 109, № 2138 1–11.

67 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 9, с. 102, № 2137, 9–8.

68 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 5, с. 44–45, № 1498.

69 Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981; Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982.

70 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 16, с. 65–69; вып. 4, с. 45, № 1502; вып. 7, с. 37, № 1837.

71 Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе: Ир, 1979, с. 135.

72 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 4, с. 109, № 2157.

73 Пахомов С.А. Указ соч., вып. 2, с. 66, № 594; вып. 4, с. 88, № 1267, 1269; вып. 7, с. 84, № 1858.

Все вместе это создает впечатляющую картину не просто массового распространения, но и повсеместного явного преобладания российских денежных единиц в нумизматической панораме Северного Кавказа XVIII в.; уверенного завоевания ими полного господства в денежном обращении региона. Этот процесс совпал со временем добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России, начала плотного приобщения их к всероссийскому рынку⁷⁴.

Таким образом, обобщенный, в границах региона и проанализированный нумизматический материал (при всей понятной относительности степени информативности наличных коллекций) достаточно строго укладывается в обозначенную в начале статьи хронологическую шкалу эпохи позднего средневековья на Северном Кавказе, приобретая характер определенного признака конкретных ее фаз. Так, этап второй половины XIII–XIV в. отличается абсолютным господством монет ханского чингисидского чекана; XV – середина XVI в. – бытованием разнородных монет с «рассеянной зоной импорта»; конец XVI–XVII в. – полным преобладанием (кроме округа Дербента и Прикубанья) западноевропейских (часто фальшивых, низкопробных, условных) денежных знаков; XVIII в. (чем ближе к его завершению, тем отчетливее) – повсеместной победой российской монетной системы над всеми прочими в условиях становления товарно-денежных отношений на Северном Кавказе.

Разумеется, в границах всего региона (с его этнополитической пестротой и географо-ландшафтным многообразием) наблюдаются вполне очевидные локальные отличия. Они более всего присущи Дагестану и Прикубанью, однако свойственны и горной зоне Центрального Кавказа, органически близкой условиям соседней Грузии⁷⁵. Но общая картина от этого все же существенно не меняется. А потому сделанные выводы при всей своей предварительности открывают некоторые новые перспективы в толковании позднесредневековой истории региона.

Впервые опубликовано:

Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа (Сборник научных трудов). Орджоникидзе, 1985, с. 109–124.

74 Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов н/Д.: РГУ, 1984, с. 84–140.

75 Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АЛАНЫ В ЕВРОПЕ

Без малого две тысячи лет назад на страницах поэтических, исторических и географических сочинений появились первые сведения об аланах. С тех пор о них писали и пишут многие и много. Однако широкому кругу читателей не всегда доступна сумма основных сведений об этой группе населения тогдашней Европы. Обобщение и трактовка имеющихся об аланах материалов должны позволить полнее и ярче представить соответствующие эпохи, события и людей, всю ту труднообозримую в пространстве и во времени историческую панораму, на первом плане которой в шуме битв, дорожном гаме переселений, хитросплетениях политики и повседневностях мирного труда, то затихая, то набирая мощь, явственно звучал голос одного из давних народов.

1. Накануне «великого переселения». На рубеже н. э. в степях Восточной Европы в конгломерате различных племен и племенных союзов главенствовали сарматы, отдельные группы которых были известны под именами «язиги», «роксоланы», «сираки», «аорсы» и др.¹ Сарматы являлись источником постоянных тревог для оседлых жителей. В глубине их территории накапливалась, клокотала, искала выхода экспансия, порожденная особенностями социально-экономического развития скотоводов-номадов, для которых бесконечные войны, набеги, междоусобицы и грабеж соседей были постоянным явлением. Любые перемены в местной расстановке сил, любые новости из беспокойного кочевнического мира внимательно отмечались, запоминались и подвергались анализу, ибо были чреваты серьезными последствиями. Не прошло незамеченным и появление алан. Они оказались в поле зрения античных авторов в середине I в. Сенека, Лукиан, Валерий Флакк, повествуя о делах минувших дней и «осовременив» состав их участников, называли алан в числе обитателей Подунавья, Кавказа и Закавказья. Придунайская локализация подтверждается сведениями Плиния Младшего. Кавказские же ориентиры находят объяснение в пространном рассказе Иосифа Флавия, из которого следует, что аланы жили около Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря), а на Кавказ совершали опустошительные набеги. В последующих источниках аланы нередко фигурировали под общим наименованием «сарматы» или включались ими в число других родственных племен. Термин «алан» представляет собой диалектное оформление древнеиранского слова «ариана», популярного в этнонимике и ономастике скифо-сарматского населения². Анализ исторических коллизий I в. н. э. и археологических данных позволил объяснить появление алан в Восточной Европе как следствие их усиления внутри североприкаспийского объединения сарматских племен, возглавленного аорсами³. Новая этно-политическая сила громко заявила о себе. Упоминаниями о «неукротимых», «храбрых», «вечно воинственных» аланах пестрят источники той поры. Аланы совершали походы через Кавказ, пользуясь как Дарьяльским («Аланские ворота»), так и Дербентским проходами, разоряя Армению, Атропатену и доходя до Каппадокии (как это было в 134 г.). Установив контакт с некоторыми северокавказскими горскими племенами, они стали подлинным бичом Закавказья. Отголоски этих событий сохранились, кроме античных, в армянских и грузинских хрониках⁴. Аланы были активны и на берегах Истра (совр. Дунай). Полноводная река не служила защитой римским провинциям от набегов, во время которых аланы «уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь гнилым пеплам сожженных селений» (Аммиан Марцеллин); биографы римских императоров II–III вв. сообщали, что их патроны «не раз обуздывали поднимавшихся войной алан» (Юлий Капитолин); что в дни императорских триумфов в Риме аланы шли «со связанными руками, как пленники», а их прекрасные кони доставались победителям (Флавий Веспасиан Сиракузский); аланы принимали активное участие в делах Боспорского царства: в Фанагории существовала группа аланских переводчиков, во главе которой в 208 г. стоял Ирак⁵; воинский авторитет алан так значителен, что было создано специальное военное пособие — руководство для борьбы с ними («Диспозиция против алан»), а римская кавалерия заимствовала ряд тактических приемов аланской конницы⁶. Аланские приметы в жизни тех столетий разнообразны и причудливы. Им-

1 Smirnov K. *Reparation des tribus sarmates en Europe Orientale* // *Vie Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques*. М., 1962.

2 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Вып. I. М.; Л., 1949, с. 256.

3 Täubler E. *Zur Geschichte der Alanen* // *Klio*, Bd. IX, Hft. 1, 1909, s. 22; Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, вып. 34. М., 1950, с. 108–109; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 160–165. Несколько иную трактовку см.: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

4 Хоренский Моисей. *История Армении*. СПб., 1858, с. 94–104; Меликишвили Г.А. *К истории древней Грузии*. Тбилиси. 1959, с. 100–130; Гаглойти Ю.С. Указ. соч., с. 62–89; Виноградов В.Б. Указ. соч., с. 105–173.

5 Шкорпил В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // *Известия Государственной Российской археологической комиссии*, т. 40, 1911, с. 113; Голубцова Е.С. Некоторые вопросы политической истории Боспора I–II вв. и. э. // *Вестник древней истории*, 1961, № 1, с. 119.

6 Хазанов А.М. *Очерки военного дела сарматов*. М., 1971, с. 64–90.

ператор Адриан в надгробной надписи превозносил любимого «аланского коня», с которым он «летал» по холмам и болотам Тосканы⁷. Император Максимин Старший стыдливо скрывал, что мать его была родом из племени алан. Правитель Каппадокии Флавий Арриан считал важным создать труд «Аланская история». Римский поэт Павсаний клеймил соотечественников за увлечение пришедшей от алан модой на драгоценные камни. Во II в. н. э. упоминается «Алания» как территория, заселенная аланами. Тогда же р. Терек получает название «Алонта». Не позднее середины III в. в китайских летописях прежние владения аорсов, локализуемые в арало-каспийских степях, переименовались в «Аланья»⁸. Одновременно со страниц источников исчезают названия иных сарматских племен. Все это вехи процесса, суть которого заключалась в том, что аланы «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя»; прежде разобщенные племена «приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами, так как нравы и образ жизни у них одни и те же» (собственно же аланы «высоки ростом и красивы», светловолосы, быстры в движениях, внушают страх «сдержанно-грозным взглядом»)⁹. В общественном строе аланского союза сохранялись черты военной демократии. Еще не исчезли рядовые свободные. Вожди же избирались по признаку длительных военных заслуг. Однако археологические источники свидетельствуют об уже шедшем социальном расслоении внутри алан. Возникли те постоянные военные дружины, в которых таился зародыш будущего «упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов»¹⁰. На Северном Кавказе аланы стали переходить к оседлости. Тут возникли первые аланские поселения, и именно тут мы находим катакомбы (подземные камеры с узким входом) как типично аланское погребальное сооружение¹¹. В III в. аланский союз утратил контроль над землями между Дунаем и Доном. Там расселилось германское племя готов. Зато усилилось аланское проникновение в города Боспора. Вероятно, не без их участия был разгромлен в 240-х годах Танаис¹². Алано-сарматы кочевали теперь в степях Задонья и на равнинах Северного Кавказа. Вплоть до середины IV в. они не имели здесь соперников. Но еще восточнее зрела и набирала силы та «внезапная буря», которой суждено было стать «корнем разнородных бедствий» (Аммиан Марцеллин).

2. От Меотиды — в Центральную Европу. Немногочисленные дошедшие до нас повествования услужливо подсказывают оценку гуннского нашествия как «снегового урагана в горах», «внезапного натиска», «внезапного неистовства», «всепожирającego пожара»¹³. Успех гуннов был очевиден, а последствия его грандиозны и ужасающи. Их появление из степей Средней Азии близ Дона относится примерно к середине IV в. н. э.¹⁴ Первой преградой на их пути в Европу оказались аланы и возглавленный ими союз племен, поражение которому было нанесено не сразу. «Расселившись на дальнем берегу Меотийского озера (Азовское море. — *Авт.*), гунны «стали тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»; прежде, чем подчиниться им, аланы были «обессилены частыми стычками»¹⁵. Трагедия завершилась около 370 г. страшным разгромом, учиненным «танаитами» — аланам, жившим по Танаису. Гунны «многих из них перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора»¹⁶. В последующие годы ту же участь испытали аланы Северного Кавказа¹⁷. Так было положено начало оформлению пестрого в этническом отношении гуннского племенного союза. Объектом агрессии новых союзников стали остготы, одна из ветвей готов, чьи владения располагались к западу от Дона. Молва по-разному характеризовала действия нападавших. Иордан говорил о гуннских набегах и называл того вождя гуннов, который двинулся на остготов; Аммиан Марцеллин не только подчеркивал, что именно содействие алан помогло гуннам, но и самих нападавших нередко называл аланами; Амвросий же оценивал случившееся так: «Хунны восстали на алан, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов»¹⁸. Глава остготского племенного союза Германарих тщетно пытался противостоять аланам. Его преемник Витимир стремился использовать против алан часть подкупленных им гуннов, однако затем погиб в битве. Наследовавший ему малолетний Видерих был взят под опеку остготскими вождями Алатеем и Сафраком, которые сочли возможности вооруженного сопротивления истощенными и возглавили часть остготов

7 Altheim F. Niedergang der alten Welt. Bd. 1. Wien., 1952, s. 113.

8 Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М.; Л., 1950, с. 150, 180, 229.

9 Марцеллин Аммиан. История, XXXI, 1, 2, 12–25 («Хрестоматия по истории древнего мира», т. 3. М., 1953).

10 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 143.

11 Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. канд. дис. ... Л., 1956; Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА, 1972, № 1, с. 73–81.

12 Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в I–IV вв. М., 1972, с. 300.

13 Марцеллин Аммиан. XXXI, 3, 1–2 (указ. изд.); Орозий Павел. VII, 33, 10 («Historiarum adversus paganos libri VII»). Lipsiae. 1889).

14 Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1956; Гумилев Л.И. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960; Стучевский И.А. Атила // Вопросы истории, 1968, № 12.

15 Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960, с. 90–91.

16 Аммиан Марцеллин. XXXI, 3, 2.

17 Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962, с. 51–54.

18 Ambrosius. X, XXI («Patrologiae cursus completus». Series latina, т. 14, Р., 1880).

(примерно 15–20 тыс. воинов)¹⁹, решившую искать спасения в отходе на запад. Вместе с ними к Дунаю отходили также вестготы (западная группа готских племен), изуверившиеся в возможности противостоять гуннам и не желавшие попасть в зависимость от них. Готы перешли в пределы Римской империи, а их преследователи докатились до Дуная, разорили несколько пограничных городов, но не стали пока продолжать натиск, ибо значительные гуннские силы были заняты военными действиями на Кавказе. Таковы события, привязавшие значительную часть населения прежнего аланского союза к гуннской политике. Но далеко не все аланы стали придатком гуннских орд. Немало их отступило в лесистые горы Кавказа. А в степях Восточной Европы часть алан предпочла сразу же искать спасения в уходе на запад. Этим скорее всего и объясняется упоминание о неких «европейских аланах» около Днестра²⁰, и отсюда же становится понятным «раздвоение» алан, наблюдаемое в последующих событиях. С одной стороны, они вассалы гуннов, разделившие с ними и славу невиданных военных успехов и проклятие грабительских предприятий²¹. Но кроме них, в Европе жили и действовали аланы, не подвластные гуннам и чаще всего враждебные им. Появление их в Юго-Восточной Европе логичнее всего предположить в составе остготских отрядов Алатея и Сафрака. В 378 г. прибалканские провинции Римской империи стали ареной мощного восстания готов, не желавших примириться с положением, на которое обрекли их имперские власти. В этой борьбе их поддержали рабы и колоны, видевшие в победе «варваров» спасение от гнета со стороны рабовладельцев и крупных землевладельцев. Под Адрианополем состоялась битва, плачевная для римского войска: когда конница готов и алан обрушилась на врага, исход сражения оказался предопределенным. Римляне бежали. Император Валент заживо сгорел в доме, где пытался спрятаться от преследователей²². Вскоре Алатей и Сафрак привели свою часть готов и алан в Паннонию и захватили ее в 379 году. В то время аланы постоянно числились среди наиболее опасных врагов империи. Примирение римлян с ними осуществил император Грациан, сформировавший из алан охранный отряд, который долго потом состоял в кадрах римской армии, сам же он постоянно щеголял в аланской одежде. На историческом горизонте тех лет не исчезали и аланы, включенные в гуннский союз. В 383 г. они вошли в огромную армию федератов-гуннов и наемников-гуннов, служившую Италии. В первые годы, V в. благодаря дружеским отношениям с одним из крупнейших военачальников империи, Стилихоном, часть гуннов и аланы не раз оказывались в центре борьбы между Римом и вестготским вождем Аларихом, воюя на стороне первого. В 402 г. аланская конница под предводительством Савла обрушилась на вестготов возле Поллентия и нанесла им существенный урон. Спустя три года гунны и аланы помогли Стилихону сокрушить еще одно готское нашествие с севера. В названных случаях гуннско-аланские отряды выступали в качестве вспомогательных сил, защищая прогнившую империю от внешних опасностей и внутренних потрясений. Нам представляется не бесспорной распространенная точка зрения, согласно которой уже в 370-е годы центр гуннского племенного союза переместился в Паннонию²³. Гуннам понадобилось определенное время для прочного освоения прежних аланских и готских владений, подавления очагов сопротивления и организации оказавшихся под их властью племен. Главная орда гуннов находилась тогда в Северном Причерноморье, куда и направляла Византия своих послов к ее вождям²⁴. Однако бесспорно, что интерес гуннского союза и его вассалов к западным, весьма богатым добычей, областям сдерживался лишь временно, но отнюдь не отсутствовал. Принимая участие в войнах Рима и готов, гунны подготавливали почву для новых вторжений, угроза которых уже висела в воздухе. Эта мрачная перспектива тревожила и западную часть алан, нашедших пристанище в степном краю Паннонии.

3. В поисках «спокойной земли». К началу V в. положение западных алан значительно изменилось. Их блок с остготами распался, а отношения с вестготами стали враждебными. В то же время они сблизилась с германскими племенами вандалов и свевов, пребывавших, в свою очередь, в давних дружественных связях с сарматами-язигами, поселившимися в Паннонии еще в начале н. э. Все это привело к созданию нового и достаточно прочного союза. Очередное переселение как раз и было осуществлено этим союзом. 31 декабря 406 г. стало началом важного события в тогдашней истории: вандалы, аланы, свевы переправились через Рейн и вторглись в Галлию²⁵. Переход (вероятно, по льду) совершился в районе нынешних городов Майнца, Вормса и Трира, разрушенных и сожженных нападавшими.

19 Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München., 1934, s. 258.

20 Марцеллин Аммиан. XXII, 8, 42.

21 Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев. 1899, с. 24 сл.; Vernadsky G. The Origins of Russia. L., 1959. pp. 48–79; Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе // СА, 1961, № 2, с. 79–85; T. Sulimirski. The Samatians. N.Y., 1970, pp. 207–250.

22 В битве на стороне «варваров» приняли участие и гунны, вероятно, наемники. Но возможно также, что в Подунавье действовала группа гуннов, оторвавшаяся от основной орды (Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях (конец IV – первая половина V в. н. э.) / Автореферат канд. дис. Л., 1971, с. 5).

23 См., например: Vernadsky G. Op. cit., p. 53; Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Указ. соч., с. 83.

24 Thomson E.A. History of Attila and the Hunns. Oxford., 1948, pp. 60–79; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 54–55; Амброз А. К. Проблема хронологии раннесредневековой Восточной Европы // СА, 1971, № 2, с. 104.

25 Подробнее о вандальской миграции вплоть до Африки см.: L. Schmidt. Geschichte der Wandalen. München. 1942; Courtois Ch. Les vandales en l'Afrique. p. 1955. Ценные замечания содержатся в комментариях Е. Ч. Скржинской к сочинениям Иордана (см.: Иордан. Указ. соч.).

Затем полчища союзников рассеялись по районам от Мозеля до Пиренеев. Современник событий поэт Орценций с горечью засвидетельствовал: «Одним костром дымилась вся Галлия»; удачная поначалу попытка отпора римлянам вандалам окончилась ничем, поскольку на помощь вторым подоспели аланы во главе с их вождем Респендиалом²⁶. Быстрое завоевание Галлии объяснялось, кроме всего прочего, сильным антирабовладельческим движением, цели которого частично совпадали с интересами вторгшихся «варваров». Стремившийся к объективности Сальвиан отмечал: «Бедняки ищут у варваров римской человечности, потому что они не могут снести у римлян варварской бесчеловечности»; 33 месяца длились бедствия одних и торжество других в Галлии, богатейшей из римских провинций²⁷. Ее падение положило начало окончательной дезорганизации и обескровливанию Западной Римской империи. Но и единство алан было кажущимся. Некоторая их часть застряла близ Луары, другая — на берегах Роны, третья — около Гаронны. У алан, вообще решивших остаться в Галлии, нашелся вождь по имени Гоар. Прочие же, возглавленные Респендиалом, продолжали сопровождать вандалов и, перевалив Пиренеи в 409 г., направились с ними в Испанию. В результате и эта римская провинция была стремительно завоевана ворвавшимися в нее номадами, а затем разделена между ними. Аланам досталась средняя часть Лузитании (позднейшей Португалии) и Картагена. Однако следом за вандалами, аланами и сведами неотвратно двигались орды вестготов, а устоять перед ними не хватило сил. В 416 г. последние вступили в Испанию, и два года спустя в кровопролитной сече аланы были разгромлены, их вождь Аддак убит, и с его смертью прекратило существование аланское государственное образование, только что возникшее на Пиренейском полуострове. Аланы были так ослаблены, что всецело подчинились вандальскому королю Гунтериху, а затем его преемнику Гейзериху. Но и вандалы не смогли защититься от вестготов. Не прошло и 11 лет, как Гейзерих также вынужден был отступать. Поскольку далее на запад плескались волны Атлантики, оставалась дорога только в Африку. В мае 429 г. Гейзерих, учинив смотр отрядам, состоявшим из вандалов и аланов²⁸, переправил их в Африку, где, разгромив не без помощи рабов и колонов римские войска, создал свое новое государство. С тех пор аланы больше не упоминаются здесь как отдельная этническая группа населения. Дело заключается не в том, что пребывание захватчиков в Северной Африке плохо освещено источниками²⁹. Просто аланы утратили самостоятельность, окончательно влившись в союз племен, носивший главенствующее имя вандалов, и растворившись в нем³⁰. Лишь отзвуком бывшего являлся титул вандальских королей в Африке, поскольку все они — от первого (Гейзериха) и до последнего (Гелимера, свергнутого в 533 г.) — именовались «королями вандалов и алан». К моменту уничтожения вандальского государства византийским войском Велизария³¹ об аланах реально здесь уже почти ничто не напоминало. По-иному сложилась судьба алан, оставшихся в Галлии. В 411 г. они, предводительствуемые Гоаром, приняли деятельное участие в борьбе готов с императором Константином III в Южной Галлии, в результате чего подпали под контроль вождя готов Атаульфа. Зависимость была недолгой, ибо аланский вождь в 412 г. в дни осады одного из городов вместе с войском вдруг вошел в него для защиты местного населения, чем вынудил готов немедленно удалиться. Через два года аланы — уже в составе римского войска, оборонявшего Бордо от вестготов. Затем, вплоть до середины V в., их имя эпизодически звучит в связи с различными сражениями и походами в беспокойной Галлии. Так, Аэций, выдающийся полководец Римской империи тех лет, привлек гуннов и алан для войн с бургундами и вестготами. Он же в 439 и 441 гг. поселил часть алан во главе с вождем Самбидом во «внутренней Галлии» (возле Орлеана), причем расселение имело реальный вид вторичного завоевания и сопровождалось жестокими насилиями и экзекуциями за «измену» местного населения римскому императору³². Любопытно, что имя аланского вождя Эохара переводится как «Просоед». Это заставляет вспомнить многочисленные свидетельства античных авторов о просе как излюбленной пище сарматов³³. Галльские аланы слабо подверглись воздействию римской культуры, сохранив кочевой быт³⁴. Заметна роль алан в знаменитой Каталаунской битве 451 г., возвестившей о крахе мощи «бича божьего» Атиллы. Вождь аланов Сангибан, находившийся в Орлеане и утраченный слухами о непобедимости гуннских полчищ, дрогнул и обещал сдаться вместе с городом. Узнав о том, Аэций поспешил в Орлеан. Он укрепил город земляными насыпями, установил контроль над действиями Сангибана, а в день решающего сражения поставил аланское войско в середину своего боевого строя, окружив самого Сангибана рядами верных Риму воинов. Каталаунская сеча оставила о себе страшные воспоминания. «Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле,

26 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 34–35.

27 Lot. F. *Les invasions germaniques*. P., 1935, p. 71.

28 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*. М., 1959, с. 83.

29 См. Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Указ. соч., с. 85.

30 См. Дилигенский Г. Г. *Северная Африка в IV–V вв.* М. 1961; Martroye F. *Genséric*. P., 1907.

31 См. Удальцова З. В. *Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане* // *Византийский временник*, 1953, № 6.

32 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 37–39.

33 Абаев В. И. Указ. соч., с. 42.

34 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 39–40.

протекавший в низких берегах, от переполнения кровью превратился в целый поток... Те же, кого нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью... Они глотали, когда пили, кровь, которую сами они, раненные, и пролили»³⁵. Вестготы и аланы выдержали основную тяжесть боя, и победа оказалась за Аэцием. Но Атилла, едва оправившись от поражения, выступил против той части алан, которая жила за Луарой. И вновь союзники алан упредили его удар. Король вестготов Торисмунд «с крайней быстротой первый явился к аланам и уже подготовленный встретил движение войск подходившего Атиллы. Завязалась битва, почти такая же, какая была до того на Калалаунских полях»³⁶, и орды Атиллы вновь отступили. Эти победы, прервавшие губительную поступь гуннов, крайне ослабили галльских алан. В начале 460-х годов они еще совершали набеги в Северную Италию, но то были последние вспышки их активности. Вскоре галльские аланы, в свою очередь, растворились среди других народов и племен. Та же участь постигла в конечном счете алан, сохранявших статус гуннских союзников и участвовавших в их завоеваниях. После смерти Атиллы (453 г.) его непрочная держава распалась. Прежние вассалы гуннов обрели независимость. В их числе были и аланы во главе с Кандаком. Они переселились в Нижнюю Мезию, в пределы Римской империи, слились там с романизованным населением и вскоре потеряли свое этническое лицо. Как раз в местной аланской среде вырос замечательный историк древности Иордан³⁷.

4. Загадки могил «европейских алан». Выявление и изучение аланских древностей на маршрутах «великого переселения» народов затруднено многими причинами: и огромной территорией поисков, и малым отрезком времени пребывания алан в отдельных областях и странах, и чрезвычайной пестротой и сложностью этнической и культурной среды тогдашней Европы, и неразработанностью надежных критериев для сравнения (ибо аланы, ушедшие на запад, были сами этнически неоднородны, а культура их сородичей, оставшихся на Северном Кавказе, продолжала развиваться в совершенно других условиях), и, наконец, большим вниманием со стороны исследователей к памятникам готов, гуннов и вандалов. Тем не менее попытки поисков и определения конкретно аланских археологических комплексов принесли свои плоды³⁸. Раскопки позднесарматских могильников на исходной территории показывают, что излюбленными формами погребального сооружения были подкурганные простые прямоугольные ямы, подбой и, реже, катакомбы. Сарматские племена ранее всех в Восточной Европе (со II в. н. э.) стали прибегать к искусственной деформации черепов. Накануне гуннского натиска более 80% позднесарматских погребений дают деформированные черепа. Типично сарматской особенностью похоронного ритуала являлся обычай разбивать металлические зеркала (они были с ушком на тыльной стороне). Еще на рубеже н. э. в сарматском искусстве проявляется тенденция к полихромности ряда ювелирных изделий (украшение вставками из драгоценных камней и разноцветного стекла). К концу IV в. в сармато-аланских степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа появляются специфические типы пластинчатых фибул — застежек для плащей, так называемые калачиковидные серьги и другие характерные украшения³⁹. Попытки картографирования названных признаков и сопоставление их результатов с локализацией алан по письменным источникам дают показательную картину. Деформированные черепа из погребений конца IV-V вв. сосредоточены в Среднем Подунавье (Паннония и прилегающие к ней области). Здесь же фиксируется распространение металлических зеркал с ушком и калачиковидных серег. Пластинчатые фибулы и полихромные ювелирные изделия вновь дают большую густоту находок на Среднем Дунае, но достаточно известны также во Франции, Испании и Северной Африке. Большинство этих находок связано с одиночными грунтовыми могилами, лишенными внешних признаков, но, как правило, весьма богатыми (их иногда называют «княжескими»). На территории будущих Венгрии и Румынии появляются тогда чуждые местным традициям подбойные погребения, а в иных могильниках массовы черепа, обнаруживающие сходство с черепами сарматского времени Приазовья и Северного Прикаспия⁴⁰. На территории будущих Чехии и Австрии отмечены находки сосудов, близких керамике из позднесарматских погребений в Нижнем Поволжье, Прикубанье и Крыму⁴¹. Максимальная частота выделенных признаков отмечена в Среднем Подунавье, области наибольшей и длительнейшей концентрации западноаланских групп. Чем дальше на запад и ближе к середине V в., тем реже и глуше эти элемен-

35 Иордан. Указ. соч., с. 107–109. 36.

36 Там же, с. 110–111.

37 См. предисловие Е. Ч. Скржинской к кн.: Иордан. Указ. соч. (там же библиография вопроса).

38 Особую ценность представляет труд Й. Вернера, хотя сам автор склоняется к выводу, что «опыты этнического определения» систематизированных им памятников «мало перспективны» (Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München. 1956); см. также Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Указ. соч., с. 79–95 (единственный обзор, обобщивший археологические данные о пребывании алан в Центральной и Западной Европе).

39 Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1953, с. 204–230; Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, 1963, № 4.

40 Sági K. Hunkori sir keshhelyen // Archaeologiai Eresito. № 82(2), 1955; Федоров Г.А., Полевой Н. Л. Археология Румынии. М., 1973; Bartucz L. Antropologische Beiträge zur I. und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica, № 13, 1961; Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Л., 1970.

41 Sulimírski T. Op. cit., pp. 217–248.

ты: аланы растворяются в среде других народов. Все это служит подтверждением, что такие памятники, как погребения возле Кехстей и Чонграда (Венгрия), Дура и Левице-Лава (Чехословакия), Зиммеринга, Унтерзибенбрунна, Мархега и Лаа (Австрия), Эрана и Бёрепера (Франция), Байи (Португалия), Кудят-Затера (Тунис), можно связать скорее всего с аланами. Каждая из этих могил восходит к индивидуальной судьбе людей той эпохи: гибель на войне или в походе, опала, бегство от преследователей и т. п.⁴² Так «европейские аланы» постепенно материализуются. Вчерашние, почти неразрешимые загадки сегодня получают ответ, мотивированный данными археологии, антропологии и искусствоведения.

5. Судьбы кавказских алан. В годы, когда одни аланы далеко на западе неуклонно ассимилировались, потомки их прежних соплеменников и сородичей, оставшиеся в Восточной Европе, начали оправляться от последствий гуннского нашествия. Большие массы разгромленных алан в конце IV в. отодвинулись из Подонья и Северного Прикаспия к Кавказскому хребту. Здесь, на Северном Кавказе, ими оставлено значительное число катакомбных могильников и поселений (преобладающая часть последних укреплена рвами, реже — валами и стенами). От правых притоков Кубани на западе (рр. Зеленчуки, Фарс) до р. Аксая на востоке⁴³, от Главного Кавказского хребта на юге до верховий Кумы, течения Малки и правобережья Среднего Терека простиралась основная территория исторической Алании раннего средневековья⁴⁴. Страна эта была густо населена и находилась в центре местной политической борьбы. Этнический состав северокавказской Алании не был однороден. Сами аланы — это ираноязычный массив населения, впитавший в себя представителей многих сарматских или сарматизированных групп. Прижатые напором гуннов к горам Кавказа, они не нашли их необитаемыми: аборигенное население тут было многочисленно⁴⁵. Двусторонние общения пришельцев и коренных обитателей активизировались, и в состав Алании, оказались включенными некоторые племена Центрального Кавказа, соседствовавшие с жителями Дарьяльского и Клухорского перевалов Закавказья. Об этнической пестроте горных районов Алании (на равнине доминирование алан быстро привело к этнической нивелировке населения) свидетельствуют письменные источники⁴⁶, а также разнообразие типов погребальных памятников, продолжавших во многом прежние традиции⁴⁷.

Соседями аланского объединения были: в Прикубанье — адыги, в зоне центральнокавказских перевалов — горные грузинские племена, далее к востоку — предки чеченцев и ингушей и горнодагестанские насельники. С севера о границы Алании бились волны бесконечного прибоя кочевников. Некоторые группы тюркоязычных кочевников (булгары, кипчаки) проникали в глубь аланских земель. А с VIII в. возрастает натиск Хазарского каганата, установившего затем контроль над аланами. Во время кровопролитных и затяжных хазаро-арабских войн Алания, поддержав хазар против новых, еще более жестоких и хищных захватчиков, подверглась опустошительным походам арабских полчищ, из которых самым губительным был поход Мервана, в 735 г. возглавившего 150-тысячную армию⁴⁸. Аланы искали и нашли себе союзников в лице горнодагестанских племен и лидеров полугосударственных образований, прежде всего Серира в Аварии⁴⁹. В X в. наметился перелом. Теперь уже хазары⁵⁰ вынуждены были оценить своих бывших вассалов следующими словами: «Царство алан сильнее и крепче всех народов вокруг нас»⁵¹. А арабский географ Масуди свидетельствовал о том, что «аланский царь выступает в походах с 30 тысячами всадников. Он могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей»⁵². Алания начинает играть заметную роль в политической жизни Кавказа. Ее союза ищут соперничающие Византия и Хазария; ее лояльности, а порою помощи добивается Грузия. Аланы вместе с серирцами и русскими дружинами предпринимают совместные походы в район Дербента. Даже поражение в войне с Хазарией в 932 г. и сильный удар, нанесенный равнинным аланам (ясам, как называли их русские документы) в 965 г. киевским князем Святославом, не очень подорвали мощь Алании. В XI в. она противостоит натиску кочевых орд половцев. Северные степные пастбища, попавшие в руки алан после падения Хазарии, были утеряны, но на собственно Аланию половцы не пошли.

42 Амброз А.К. Указ. соч., с. 104.

43 Мамаев Х.М. Новые катакомбные могильники в предгорной и плоскостной Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов IV Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1974, с. 39–40.

44 Отдельные группы алан проникали и в иные районы Кавказа (Дагестан, Азербайджан).

45 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

46 См. об этом: Гяглойти Ю.С. Указ. соч.

47 Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971

48 С.А. Плетнева связывает именно с этим походом новое перемещение части алан в Подонье (Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967). В.А. Кузнецов (см. его рецензию на книгу С.А. Плетневой в журнале «Советская археология», 1969, № 2, с. 298–299) предлагает иное объяснение аланской миграции; вторжение булгарской орды.

49 Артамонов М.И. Указ. соч., с. 170–365.

50 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

51 Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 116.

52 См. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963, с. 206.

После этого установилось известное равновесие сил. Началось алано-половецкое сближение, кончившееся тем, что при посредстве грузинского царя Давида Строителя они «учинили друг с другом обоюдное согласие, между собою мир и любовь»⁵³. В те века источники сообщали о постоянном участии аланских дружин на правах вассалов, а чаще как наемного войска в военных предприятиях Византии⁵⁴. Представители аланской верхушки играют видную роль в династических связях Византии, некоторых княжеств Руси и особенно Грузии (более всего известен брак грузинской царицы Тамары с аланским царевичем Давидом Сосланом)⁵⁵. Алания переживала тогда период наивысшего военно-политического и культурного подъема. За минувшие со времен гуннского нашествия века аланы проделали путь от кочевой жизни к городам. Почти полностью перейдя к оседлости, они сделали основой своего хозяйства пахотное земледелие, а отгонное скотоводство с предпочтительным разведением овец и коз являлось лишь отголоском прежнего быта скотоводов. Археологические источники, существенно дополняя скудные строки письменных документов, свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла (металлургии, гончарного, ювелирного и оружейного дела, обработки камня, кости и дерева) с далеко зашедшей специализацией. Растут количественно поселения, в том числе укрепленные городища⁵⁶. Судить об этом можно не только по руинам, но и по впечатлениям очевидцев: «Царство алан представляет беспрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов»⁵⁷. Внутри городищ появляются цитадели — огражденные рвами и валами места обитания выделяющейся аристократии, родовой и племенной знати. В IX в. племенной союз, возглавленный аланами, приобретает черты раннефеодального государства. Среди первостепенных результатов раскопок аланских могильников (таких, как Змейский в Северной Осетии, Рим-горский в Пятигорье) нужно упомянуть четко прослеживаемое имущественное неравенство погребенных, за которым скрывалось неравенство социальное. Рядовым общинникам-аланам противостояли феодалы, опиравшиеся на конные дружины. Имелись в Алании и рабы. На рубеже I–II тыс. часть крупных аланских поселений превращается в городские селения полуаграрного характера. Ныне известно по крайней мере 5 таких городов, сложившихся на базе раннесредневековых поселений: Нижний Архыз, Рим-гора, Верхний и Нижний Джулат, Алхан-Кала. Последнее городище, по всей видимости, — ранняя столица алан, тот «благочестивый Магас», о котором упоминал Масуди⁵⁸. Раскопки выявили тут необычайное для других аланских поселений скопление культовых мест. Обширное поселение у Верхнего Джулата (Татартупа) сопоставляется со «славным яским градом Деяковым», хорошо знакомым нам по русским летописям⁵⁹. Аланские цари владели крепостями. Не раз упоминается в источниках могучая крепость в районе Дарьяла, охрану которой нес отряд якобы в 1 тыс. человек.

Стремление к политической централизации продиктовало отказ от язычества и принятие аланской правящей верхушкой христианства. Особенно сильным его влияние было в западных районах Алании, граничивших с Абхазией. Здесь существовал центр аланской епархии и были созданы великолепные образцы христианского зодчества — зеленчукские храмы. В междуречье Терека и Сунжи исконные верования, связанные с почитанием солнца, огня и обожествлением явлений неживой природы, держались крепче. Это, между прочим, создавало определенные трения между царем; его окружением и теми, кто предпочитал придерживаться традиционных верований. Христианизация части алан и связанное с нею приобщение к культуре Закавказья, Византии, а затем и Руси способствовали втягиванию северокавказских алан в общеевропейскую политику.

Во второй половине XII в. в аланском государстве начался период феодальной раздробленности. Современники отмечали, что теперь «сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села»⁶⁰. Эти сведения подтверждаются возникновением значительных скоплений поселений (типа тех, что находятся в окрестностях современных Баксана, Кубы, Заюкова, Сурхахи-Али-Юрта, Нальчика), тяготеющих к центральному, наиболее крупному из них. А в письменных источниках уже не встречаются упоминания об общеаланских царях. Зато все чаще идет речь о «мтаварах», «князьях», «ханах» и «эмирах», то

53 Джанашвили М. Известия грузинских летописей о Северном Кавказе // Сборник по описанию местностей и племен Кавказа, вып. 22. Тифлис, 1897, с. 36.

54 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 56; Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв., с. 30–32.

55 Давид — второй муж царицы Тамары. Но и первый ее супруг, Георгий (Юрий), был сыном аланки, жены Андрея Боголюбского.

56 Кузнецов В. А. Аланская культура и ее локальные варианты // СА, 1973, № 2, с. 60–74.

57 См. Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 56.

58 Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 68–90.

59 Крупнов Е. И. Еще раз о местонахождении города Деякова // Славяне и Русь. М., 1968, с. 291–297; Виноградов В. Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном яском граде Деякове» // Ученые записки Чечено-Ингушского пединститута, вып. 26, 1968, с. 62–70; Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв., с. 157–162.

60 Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о его путешествии в страну приволжских венгерцев // Записки императорского Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД), вып. 5, 1863, с. 99.

есть местных феодальных владетелей. В неумении противостоять силам, раздиравшим Аланию на части, расписалась и церковь устами назначенного в аланскую епархию епископа Феодора («Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевших аланский народ?»)⁶¹.

6. Снова азиатские орды. Первый акт трагедии, связанной с очередным нашествием кочевников, разыгрался в 1222 году. Монголо-татарские войска, возглавленные Джебэ и Субудаем, пройдя через Дербентский проход, вышли на Северный Кавказ. Панику и ужас внушали они современникам⁶². Страшные слухи опережали их. Достигли слухи и алан. Последние призвали себе на помощь половцев и встретили врагов оружием. Сражение разыгралось где-то на восточной периферии Алании и не дало перевеса ни одной из сторон. Тогда монголо-татары подкупили аланских союзников лъстивыми посулами и богатыми дарами; и вот половцы ушли. Тут татары снова напали на алан, разбили их и ударили уже по половцам. Страна алан подверглась опустошению⁶³, хотя в тот раз монголо-татары не проникли в самую глубь Алании. Тем не менее доминиканский монах Юлиан, побывавший там, не смог найти себе попутчиков «из-за боязни татар, которые, по слухам, были близко»⁶⁴. Шквал кочевых полчищ опять сорвал с насиженных мест некоторые группы алан и либо погнал их впереди себя, либо понес вместе с собою. Именно с этих лет наполняются реальным содержимым упоминания об аланах (ясах) в Крыму, на северо-западном побережье Черного моря и в Подунавье, вплоть до Венгрии⁶⁵, а в составе войск монголо-татар начинают действовать крупные яские отряды.

Главные события в Алании разыгрались спустя 14 лет, когда монголо-татары напали на Русь и Северный Кавказ. Основные перевальные дороги в Закавказье, находившиеся под контролем алан, были мечтой захватчиков. Ненависть их к аланам подогревалась еще и тем, что те «поставили ногу состязания на черту сопротивления»⁶⁶. В 1238 г. на Аланию обрушился удар больших монголо-татарских сил. Центральным эпизодом борьбы стали осада и штурм «города М.к.с», отождествляемого с ранней столицей алан Магасом и связываемого с руинами Алхан-Калинского городища. Монголам пришлось потратить немало времени на правильную осаду, после которой в результате использования стенобитной техники город был взят, а население его перебито: «Они оставили от города только имя его и нашли там много добычи»⁶⁷. Свидетельства летописей подтверждаются фольклором, сюжеты которого, связаны все с тем же городищем, центром восточноаланских земель⁶⁸.

На этот раз монголо-татары учинили погром преобладающей части равнинной зоны. Алании, нанеся сокрушительный удар местной государственности и культуре. Правда, аланы продолжали борьбу, опираясь на горные районы. В 1246 г. Карпини, проезжавший через Северный Кавказ, отметил «некую часть алан, оказавших мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им (монголам. — *Авт.*)»; он же рассказал о какой-то горе, которую аланы героически защищали вот уже 12 лет, нанося монголам серьезный урон⁶⁹. В 1253 и 1254 г. тут побывал Рубруквис, и оба раза он записывал, что аланы «все еще борются против татар»; что аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (монгольского военачальника. — *Авт.*) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»⁷⁰. Далее в 1318 г. горные районы, примыкающие к Тереку, были все еще не подвластны Золотой Орде. Вот почему приближенные бояре именно там предлагали искать спасения сопернику князя Юрия Московского князю Михаилу Тверскому, убитому затем в ставке золотоордынского хана Узбека.

Мужество сородичей в горах питало и огонь сопротивления алан на равнине. К восставшему половецкому эмиру Бачману присоединился и сражался вместе с ним до конца эмир ясов Качир-укулэ с отрядом. Зимой 1278 г. восстал город Дедаков, за что был взят штурмом, разорен, сожжен, а вся округа его отдана на разграбление войскам монголов и их союзников⁷¹. Следствием неприятия монгольского ига явилось также переселение многих алан через Кавказский хребет на территорию нынешней Южной Осетии. Именно здесь, на обоих склонах Кавказского хребта в центральной его части, утратившие равнину аланы окончательно смешались с исконным горским населением, после чего их жизнь потекла по новому руслу, неотделимому от судеб соседних горских народов.

Впервые опубликовано: Вопросы истории. 1974. С. 111–121.

61 «Епископа Феодора Аланское послание» // ЗООИД, вып. 21, 1898, с. 27.

62 Киракос Гандзакечи. История. Баку, 1946, с. 39.

63 Доссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. 1. Иркутск. 1937, с. 192.

64 «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о его путешествии в страну приволжских венгерцев»..., с. 99.

65 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 61–70.

66 Лавров Л.И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР, 1965, № 5, с. 98 сл.

67 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2. М.; Л., 1941, с. 232 сл.

68 Виноградов В., Байбик В. О памяти, о подвигах, о славе! Грозный. 1972, с. 17–18.

69 Карпини Дж. История монгалов.; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 57, 64.

70 Там же, с. 111, 186.

71 Кучкин В.А. Где искать яский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. 25, Орджоникидзе, 1966.

ВАЙНАХИ И НАРОДЫ ДАГЕСТАНА В X–XII ВВ.¹

Вопросы раннесредневековой истории изучены весьма слабо прежде всего из-за крайней скудости источников. Письменных источников о населении горной зоны между верховьями Терека и Андийским хребтом практически нет.

Есть упоминания о дурдзуках. Арабские авторы (Белазури, Йакут) и грузинские источники (Леонти Мровели и Джунгер) в IX–XIII вв. называют дзурдзуков в связи с разного рода легендарными и реальными событиями². Из «Карлис Цховреба» явствует, что дурдзуки были соседями дидойцев и совместно с ними и «лезгинами» совершали походы в Закавказье. Вахушти Багратиони (XVIII в.), возможно, опираясь на недошедшие до нас древнегрузинские источники, утверждал, что «Дзурдзукети» (в данном случае, очевидно, горная Ингушетия) входила при кахетинском «царе» Квирике III (1010–1037 гг.) в состав Кахетии³. А грузинская хроника под 1204 г. сообщает, что «царица» Тамар послала войско против восставших дидойцев, к которым примкнули и дурдзуки⁴. Вероятно, это этническое имя покрывало в предмонгольское время все вайнахское население высокогорных районов, пограничных с Грузией⁵.

Археологическая характеристика вайнахов X–XII вв. затруднена неравномерной и слабой изученностью горной зоны Чечено-Ингушетии. Это особенно относится к поселениям. Единственным стационарно раскопанным является поселение Цеча-Ахк в ущелье р. Фортанги (на границе Чечни и Ингушетии), давшее материал, сходный с позднеаланскими памятниками X–XII вв. плоскостных районов края. С этим периодом обитания Цеча-Ахкинского поселения связаны наиболее архаичные из известных вайнахских каменных жилых башен, зачастую сложенных насухо и знаменующих начало эволюции вайнахских жилых башен позднего средневековья⁶.

Могильники этого времени представлены каменными ящиками и склепами. Первые исследованы во многих пунктах Ингушетии (Шуан, Еголкас, Могогоали, Лежги, Фуртоуг, Памет, Мужичи, Верхний Даттых и др.) и изредка — в Чечне (Кенхи, Ушкалой). Каменные ящики были составлены из небрежно обработанных плит и содержали по одному погребенному (редко — парные), лежавшему вытянуто на спине, головой, как правило, в сторону запада. В могилах находится много разнообразных предметов вооружения, труда, быта, украшения и т.д.⁷

Если в горной Чечне погребения в каменных ящиках составляют особенность всего позднего средневековья, то в Ингушетии они широко распространились с X в.⁸, что, вероятно, свидетельствует, о притоке сюда вайнахского населения в предшествующие века потесненного аланами.

Хоронили вайнахи своих соплеменников и в склепах (подземных и полуподземных). Они изучены в высокогорье близ селений Цой-Педе, Цеча-Ахк, Шуан, Бишт, Магате и других, у храма Тхаба-Ерды и содержат от двух до семи погребенных и выразительный инвентарь. Склепы в целом значительно богаче инвентарем, нежели синхронные каменные ящики⁹.

Древности вайнахов в X–XII вв. проливают свет на их взаимные связи с Грузией, Аланией и Дагестаном.

1 Соавтор А.Р. Шихсаидов.

2 Карлис Цховреба, т. 1, с. 27–28, 220.

3 Там же. Тбилиси, 1973, т. 4, с. 561.

4 Там же. Тбилиси, 1959, т. 2, с. 11.

5 Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963; Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тез. докл. IV Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1979, с. 68–69.

6 Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 6–9, 16, 17. Его же. Основные черты материальной культуры позднесредневековой горной Чечни (X–XVI вв.) // МАДИСО, т. 3. Орджоникидзе, 1975, с. 61–62.

7 МАК, т. 1. М., 1888, с. 32; ОАК за 1886 г. СПб., 1891, с. 115; ОАК за 1889 г., с. 72; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 16–46; Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ, вып. 17. М., 1948, с. 41; Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК, т. 46. М., 1952, с. 111–117; Марковин В.И., Кузнецов В.А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Изв. Чечено-Ингуш. республ. краевед. музея, вып. 10. Грозный, 1961, с. 95; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1961, с. 100–103; Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 5; Его же. Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии // АО. 1971. М., 1972, с. 130–131; Даутова Р.А., Петренко В.А. Новые археологические памятники в Чечне // АО. 1972. М., 1973, с. 124; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО. 1973. М., 1974, с. 101–102.

8 Мамаев Х.М. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий // Тез. докл VI Крупновских чтений в Краснодаре. М., 1976, с. 36–37.

9 Кроме работ, названных в сноске 6, см.: Умаров С.Ц. Основные черты материальной культуры...; Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века..., с. 66–67; Даутова Р.А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне // АО. 1976. М., 1977.

В X–XI вв. среди вайнахских племен усиливается влияние складывающейся грузинской феодальной монархии. Так, во второй половине X в. сооружается грузинский храм Тхаба-Ерды, обслуживавший окрестное вайнахское и горногрузинское население. Его раскопки принесли серию грузинских надписей.

Позднее, вероятно, в XI–XIII вв. в горной Ингушетии были построены другие грузинские церкви (Алби-Ерды, у сел. Таргим и Памет), а также и подражающие им святыни (Итаз-Ерды, Галь-Ерды, Маги-Ерды и др.). Настойчивость в распространении влияния на горную Ингушетию мотивировалась прямой заинтересованностью Грузии в контроле над близлежащим Дарьяльским проходом и в военно-политической лояльности и союзничестве своих горских соседей. Активные связи с Грузией подтверждаются находками грузинских надписей на сосудах, в склепах, а также стеклянных бус, сосудов, часть которых могла поступать из ремесленных центров Закавказья¹⁰.

В ингушской лексике зафиксировано много элементов грузинского языка, связанных с проникновением в Ингушетию христианства («воскресенье», «крест», «часовня», «свеча»)¹¹.

Памятники материальной культуры (жилые и боевые башни, многочисленные склеповые сооружения с перекрытием из плит шиферного сланца) в Чечено-Ингушетии, Пшавии. Хевсуретии, Тушетии также обнаруживают общие черты. В архитектуре башен в Хевсуретии и Тушетии прослеживается вайнахское влияние¹².

Тесными и двусторонними были контакты с Аланией, в состав которой, вероятно, входили и вайнахские племена лесистых предгорий¹³. В аланских катакомбных могильниках элементы культурного воздействия горских племён отражены главным образом в специфических типах украшений и их орнаментации (височные подвески, солярные, некоторые зооморфные и антропоморфные амулеты, отдельные виды каменных бус и т.д.). Более ощутимы и разнообразны следы встречного влияния культура алан. Они многочисленны в глиняной посуде, оружии, характеризуются массовым распространением в горской среде аланских металлических зеркал, фибул, поясных наборов. Эти заимствования наиболее зримы в памятниках, тяготеющих к плоскости (Верхний Датых, Цеча-Ахк), тогда как в высокогорье они менее заметны и фиксируются преимущественно в памятниках к западу от Аргунского ущелья.

Мирные и дружественные отношения вайнахов и алан в X–XII вв. подтверждаются близким, а зачастую и непосредственным соседством оставленных ими памятников, отсутствием пограничных между ними укреплений, явным тяготением позднеаланских могильников в Чечено-Ингушетии к предгорьям и размещением большинства из них в устьях лесистых ущелий (Дуба-Юрт, Мартан-Чу и др.), где и сосредоточена в эти века наиболее активная жизнь обитателей края. Помимо Дарьяла, именно через горы, населенные вайнахами, проходили другие важные дороги, связывающие восточную часть Алании с Грузией (по долине р. Мартан и далее к верховьям Чанты-Аргуна, по ущелью Ассы), а также с горнодагестанскими феодальными образованиями (ущелье Хулхулау и др.).

Облик культуры населения горной Чечни к востоку от Аргуна определялся большим сходством с культурой Дагестана. Здесь прослеживаются примеры поразительного сходства, а порою и тождества с раннесредневековыми памятниками прежде всего Аварии («царства Серир»). Существенное единобразие погребального обряда и вещевых наборов, положенных с умершим, знаменует интенсивные связи племён, разделённых Андийским хребтом¹⁴. Вайнахи в X–XII вв. имели сношения и с более отдалёнными областями. Монетные находки свидетельствуют о транзитной торговле с Византией и Ближним Востоком. Некоторые типы оружия (железная булава из могильника Мохде), орудий труда (древосечный топор из могильника Кенхи), украшений (янтарные бусы, отдельные образцы стеклянных браслетов и пр.) могут указывать на связи с Причерноморьем, Восточной Европой, в том числе с Древнерусским государством.

На территории Дагестана в X в. существовал ряд раннефеодальных государств — Баб ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтак), Гумик (Кумух), Зирихгеран (позже Кубачи), Сарир (Авария), Карах (Уркарах), Филан. Часть территории Дагестана входила в состав Хазарского каганата (до 60-х годов X в.).

Дербент оставался вплоть до нашествия татаро-монголов крупнейшим торгово-ремесленным, административным и культурным центром. Более двух веков Дербент существовал как самостоятельное

10 Гамбашидзе Г.Г. Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975, с. 115–116; Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1967.

11 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов, т. 5. Л., 1930, с. 737–741.

12 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 43–45; Бардавелидзе В.В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии, т. 1. Тбилиси, 1974.

13 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв., с. 218; Умаров С.Ц. Основные черты материальной культуры..., с. 60.

14 Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии..., с. 15; Мамаев Х.М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа..., с. 89–91.

княжество, однако в 1068 г. город и прилегающие земли подпали под власть ширваншаха, а вскоре — сельджуцких султанов¹⁵. Эта кратковременная зависимость сменилась восстановлением независимости Дербентского эмирата, просуществовавшего около 140 лет — от начала XII в. до 1239 г.¹⁶

В бассейне р. Самур и окружающих районах была расположена страна лакзов, или Лакз¹⁷. Как писал арабский автор Йакут, к Маскату примыкала «страна лакзов, а они народ многочисленный»¹⁸. В X в. Лакз охватывал территорию занимаемую представителями лезгинских языков (лезгины, агулы, рутулы, цахуры), в бассейне рек Самур, Курах-чай и Чирах-чай¹⁹. Вскоре часть земель Лакза оказалась в зависимости от Ширвана, значительно усилившегося в X в.²⁰

Табасаран занимал важную в стратегическом отношении территорию юго-западнее Дербента, в бассейне р. Рубас²¹. В XII в. Табасаран, согласно данным арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, посетившего Дагестан в 1131 г., был разделен на 24 рустака²², под которыми восточные авторы понимали обычно округ, в состав которого входила группа населенных пунктов²³.

В Центральном Дагестане, в бассейне Казыкумукского Койсу, был расположен Гумик. В X в., со слов Ал-Масуди, жители Гумика «не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (руаса)»²⁴. В середине XI–XII вв. Гумик выглядит как единое и наиболее крупное владение, а в середине XIII в. он выступает активнейшим организатором и участником борьбы против татаро-монгольских завоевателей. Филан, упоминаемый восточными источниками в связи с событиями VI–X вв. — это территория поздней федерации обществ, известной под названием Акуша-Дарго (в составе нынешних Акушинского и Левашинского районов Дагестанской АССР)²⁵. Шандан, также встречающийся в источниках и отождествляемый с Акушой с прилегающими землями²⁶, и Филан, — очевидно, различные названия одной и той же территории. В X — первой половине XI в. Филан (Шандан) представлял внушительную силу²⁷. Впоследствии он попал в зависимое положение от Хайдака (Кайтака). Такова и судьба Караха (Уркарах и прилегающие к нему земли), упоминаемого в последний раз в 1065 г.²⁸

Хайдак (Кайтак) в X–XIII вв. значительно усиливается. Расположен Хайдак был к северо-западу от Дербента, граничил на юге и юго-западе с Дербентом, Табасараном, Гумиком, на западе — с Сариром, на севере — с Хазарским каганатом, но в связи с разгромом Хазарского каганата северные границы Хайдака, возможно, расширились. По сохранившимся источникам хорошо проследживается усиление Хайдака в XI–XII вв.²⁹ Рядом с Хайдаком был расположен Зирихгеран. Если в VI–IX вв. Зирихгеран понимался как «владение», «область», то позже, в 30-х годах XII в. мы сталкиваемся с иным положением — уже нет «области Зирихгеран», а есть два селения, где «живет народность, которую называют зирихгеран, т.е. кольчужники»³⁰.

Значительная часть Западного Дагестана составляла территорию Сарира³¹. В XI–X вв. это еще сильное государство. Сарир активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербента, Ширвана, Кумуха, соседних обществ, заключает соглашения с рядом кавказских владений, в частности с Аланией и Хазарией, его правитель вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа. Столицей было сел. Хунза³². В XII в. это государство распалось на более мелкие владения, частично воссоединенное впоследствии в Аварском ханстве³³.

15 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963, с. 61–63.

16 Там же, с. 184–187; Бартольд В.В. Соч., т. 3. М., 1965, с. 426.

17 Китаб Футух ал-булданли имам Ахмад б. Йахья б. Джабир ал-Багдади ан-шахир би-л-Белазури, Ат-табака-ту-л-ува. Каир, 1319/1901, с. 304–305 (на араб. яз.); Баладзори. Книга завоевания стран / Текст (араб.) и пер. проф. П.К. Жузе. Баку, 1927, с. 7 на перс. яз., с. 5 на араб. яз.

18 Йакут ар-Руми. Муд'жам ал-Булдан. Бейрут, 1956, т. 3, с. 218–219.

19 Ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870, с. 192 (на араб. яз.); Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда..., с. 112.

20 Ал-Истахри. Указ. соч., с. 191.

21 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда..., с. 126.

22 Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, с. 49.

23 Бартольд В.В. Соч., т. 4. М., 1966, с. 31, прим. 17.

24 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 203.

25 Шихсаидов А.Р. О локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

26 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 130–140.

27 Там же.

28 Там же, с. 77.

29 Там же, с. 53–79.

30 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 50.

31 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 46, 51, 53, 54, 65, 132–137 и след.; История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 123–124, 182; Йакут ар-Руми, основываясь на более ранних материалах X–XI вв., называет Сарир обширным владением, расположенным между Баб-ал-абвабом и аланами. См.: Йакут ар-Руми. Указ. соч., т. 3, с. 218.

32 Отсюда древнегрузинское наименование аварцев — «хунузми» (мн. ч.). См.: Картлис Цховреба, т. 1, с. 243 (хундзы — здесь в источнике XI в. — соседи тушин).

33 Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Ист. зап., 1963, т. 73, с. 265.

Приведенные материалы свидетельствуют о серьезных изменениях в исторических судьбах раннесредневековых государств Дагестана. Прежде всего бросается в глаза децентрализация политической власти в большинстве из них (Лакз, Табасаран, Гумик, Сарир). Одновременно наблюдается усиление таких владений, как Дербентский эмират и Хайдак (Кайтагское уцмийство). В течение XI–XII вв. теряют свою самостоятельность Филан и Карах. Можно полагать, что в это время идет процесс усиления ряда старых и складывания новых союзов сельских обществ.

Выше уже писалось о разносторонних связях вайнахов, алан и адыгов с народами Закавказья. То же самое надо сказать о народах Дагестана. Их исторические судьбы настолько тесно переплетаются с судьбами соседних закавказских народов, что немислимо изучение их истории изолированно друг от друга.

Взаимоотношения Дагестана и Ширвана протекали в X–XII вв. в сложной и противоречивой внешнеполитической обстановке. В X в. Ширван значительно усиливается, временами включая в свой состав как Дербент, так и ряд земель, населенных лезгинами³⁴. Во второй половине XI в. это влияние еще более ошутимо. В 1068 г. ширваншах занял Дербент, а затем началась борьба за этот город между Ширваном и Арраном. В результате «большая часть округи Ал-Баба оказалась разрушенной»³⁵. Этим воспользовались сельджуки, занявшие Дербент и его округу³⁶. В борьбу за освобождение от гнета сельджукских султанов вместе с народами Закавказья включились и северокавказские народы (аланы, дагестанцы). В этих условиях уже в XI в. в сознании передовых мыслителей Закавказья укреплялась идея единства кавказских народов-братьев³⁷.

В экономической, политической и культурной жизни раннесредневекового Дагестана значительное место занимало общение с народами Грузии³⁸. В истории этих взаимоотношений много ярких страниц совместной борьбы против иноземных завоевателей, торгово-экономического общения, заимствования культурных достижений. Если до X в. в грузино-дагестанских отношениях военно-политический фактор доминировал, то XI – начало XIII в. характеризуются усилившимися торгово-экономическими и культурными связями, упрочением идеологического воздействия христианской церкви в «языческих» районах нагорного Дагестана. В XI – начале XIII в. в Грузии наблюдался политический и экономический подъем. В состав единого Грузинского государства были включены, помимо собственных грузинских, также некоторые соседние земли. В середине XII в. в Дербенте правил эмир Абул-Музаффар, породнившийся с грузинским царем Деметре³⁹. Еще более значительным было влияние Грузии в западных горных районах Дагестана. Стали более оживленными торговые связи. В Дербенте найдено большое число грузинских монет XII–XIII вв., и в то же время в Грузии известна монета дербентской чеканки. Многочисленные данные как письменных и археологических данных, так и языков, топонимики, фольклора дают яркое представление о традиционных, устойчивых связях грузинского и дагестанских народов в X–XIII вв. в области экономики, культуры и быта⁴⁰.

Впервые опубликовано:

История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в.

Т. 1. М., 1988, с. 151–155, 181–182.

34 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 191.

35 Там же, с. 78.

36 Там же, с. 79, 104.

37 Кекелидзе К. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. 3. Тбилиси, 1955, с. 96–107.

38 История Дагестана, т. 1, с. 165–168, 214–215; Дебилов П.М. Следы грузинско-дагестанских контактов в средневековых памятниках монументально-декоративного искусства Дагестана // II Междунар. симпоз. По грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.

39 Минорский В.Ф. указ. соч., с. 222–225.

40 Гасанов М.Р. Взаимоотношения народов Грузии и Дагестана (От древнейших времен до XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1968.

К ИЗУЧЕНИЮ ВИЗАНТИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья)¹

Взаимоотношения Византии с многоплеменным населением Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья давно привлекли внимание исследователей и имеют достаточно пространную историографию². Однако археологические следы этих контактов выявлялись и исследовались преимущественно на материалах Северо-Западного и Центрального Кавказа, тогда как древности к востоку от Дарьяльско-го прохода до сих пор остаются в тени и практически не учитываются в соответствующих работах.

Так, в специальной литературе высказано мнение об отсутствии византийских монетных и иных находок восточнее среднего течения Терека³. Но еще в 1926 г. в окрестностях ингушских селений Сурхахи и Али-Юрт, где нами исследуется ныне скопление аланских городищ и могильников эпохи раннего средневековья⁴, были найдены две монеты, одна из которых оказалась золотой византийской — эпохи Феодосия II Младшего (408–450)⁵. Спустя восемь лет золотая византийская монета эпохи императора Анастасия I (491–518) была найдена близ селения Новый Джерах в горной Ингушетии⁶. Обе эти находки введены в научный оборот Л. П. Семеновым⁷.

Во время раскопок в 1969–1970 гг. известного христианского храма Тхаба-Ерда в горной Ассинской котловине (Ингушетия) при расчистке склепа № 3, датирующегося IX–XII вв., археологом Г.Г. Гамбашидзе была обнаружена позолоченная византийская монета времени правления императора Михаила III (842–867)⁸. Еще одна находка византийской монеты была сделана в 1976 г. в погребении № 17 аланского Мартан-Чуйского 1-го катакомбного могильника⁹. Это медный асс императора Валентиниана II константинопольского чекана 378–383 гг.¹⁰ Монета использована вторично, поскольку погребение датируется XI в. н. э.

В 1978 г. в богатом погребении № 30 этого же могильника оказался золотой византийский солид императора Феофила (829–842)¹¹. В том же году в окрестностях чеченского селения Ахкинчу-Барзой, где известны раннесредневековые городища и катакомбный могильник VIII–IX вв., был найден золотой византийский солид императора Зенона (475–491), чеканенный в Константинополе¹².

Имеются сведения о находках золотых византийских монет накануне Великой Отечественной войны в разрушающихся захоронениях на окраине чеченского селения Герменчук, близ раннесредневекового городища Чух-Барц¹³.

1 Соавтор Х.М. Мамаев.

2 Основную библиографию см.: Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 271–277; Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Он же. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 117–125; Ртладзе Э.В., Рунин В. П. Находки индикации византийских монет вблизи Кисловодска // ВВ, 1971, 32, с. 219–222; они же. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // ВВ, 1976, 37, с. 151–155; Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.

3 Иессен. А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА, 1941, 3, с. 27–28.

4 Работы археологической экспедиции под руководством В. Б. Виноградова. См.: Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Археологические памятники средневековья у сел. Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА, 1974, № 2, с. 223–226; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследования раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО. 1975. М., 1976, с. 116–117.

5 Аналогии см.: Sabatier. Description generale des monnaies byzantines. P., 1862, p. 114–117, t. V, 1, 5.

6 Аналогии см.: Ibid., p. 152, t. VII, 25.

7 Семенов Л.Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1963 годах. Грозный, 1963. с. 87, 141.

8 Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тезисы докладов VI «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 66–67. Названные раскопки убедительно опровергают датировку храма XII веком и э. э., на которой продолжает настаивать М. Б. Мужухоев (Мужухоев М. Б., Магомадов И. Д. К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба-Ерды // Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976, с. 91–102; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 113–120; ср.: Виноградов В.Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 61–62; Тменов В. Х. Рец. на эту же кн.: Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977 // СА, 1979, № 2, с. 293; Виноградов В.Б., Даутова Р.А. Рец. на эту же книгу М. Б. Мужухоева // СЭ, 1979, № 5, с. 175.

9 Эта монета была предварительно определена М. Е. Массоном как византийская VI в. (см.: Виноградов В.Б., Петренко В.А. Раскопки у сел. Мартан-Чу // АО. 1976. М., 1977, с. 92). Однако затем любезная консультация директора Лодзинского музея археологии и этнографии, видного польского нумизмата А. Миколайчика позволила уточнить тип и дату находки. Последнее определение было подтверждено В. В. Кропоткиным, которому мы весьма признательны за эту и иные нумизматические консультации.

10 А. Миколайчик указал следующие аналогии в изданной литературе: Late Roman Bronze Coinage, p. 11, № 2151, 2165; Roman Imperial Coinage, v. IX. p. 225, № 52 b/2, v. X/7 (письмо В. Б. Виноградову от 9 ноября 1977 г.).

11 Мамаев Х.М., Савенко С.Н., Асхабов Г. Исследования раннесредневековых могильников Чечено-Ингушетии // АО. 1978. М., 1979. Мы искренне благодарны Д. Б. Шелову за определение находки (письмо В.Б. Виноградову от 14 ноября 1978 г.). Аналогии см.: Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 179. № 1, с. 180, № 18.

12 Монета была найдена местными жителями и вскоре утеряна, однако учитель-краевед Г. Асхабов успел сделать отчетливые прорисовки. Солид определен В. В. Кропоткиным, которому выражаем глубокую признательность (письмо В.Б. Виноградову от 22 января 1979 г.). Аналогии см.: Толстой И.И. Византийские монеты, вып. 2, с. 147, № 19; табл. 10, 18, 23.

13 Сообщение бывшего директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А. А. Саламова. См.: Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. с. 91.

У восточных границ исследуемого нами района, в погребениях Верхне-чирюртовского грунтового (катакомбного) могильника в 1956 г. были найдены две золотые византийские монеты и одна индикация, которые датируются серединой VII в.¹⁴

При раскопках Верхне-чирюртовского курганного могильника было обнаружено пять золотых византийских монет и индикаций: два солида Маврикия Тиберия (582–602), солид Ираклия (613–616) и индикация с него, солид Ираклия и его сына Ираклия Константина (613–641)¹⁵.

О византийско-северокавказских связях в данном районе свидетельствуют, однако, не только монетные находки. Среди других предметов византийского происхождения в древностях Терско-Сулакского междуречья выделяются стеклянные изделия.

Это, прежде всего, многочисленные браслеты и перстень с цветным глазком из погребений Мартан-Чуйского 1-го могильника¹⁶ и у станции Джалки¹⁷. Они изготовлены из стекла темно-коричневого и темно-фиолетового цвета типа «сода — известь — песок» и «зола — известь — алюмосодержащий песок». Некоторые браслеты окрашены окисью марганца¹⁸. По заключению Ю.Л. Шаповой, эти находки происходят из византийских мастерских¹⁹, причем перстень, возможно, изготовлен в Константинополе. Он относится к типу стеклянных перстней, привозимых в Восточную Европу из Византии в XI в.²⁰

Со стеклоделательными мастерскими византийской столицы связаны, видимо, также и несколько сосудов из катакомбных погребений на изучаемой территории: стакан из светло-зеленого прозрачного стекла («сода — известь — алюмосодержащий песок») из Бейни²¹, колбообразный сосуд из аналогичного стекла и графин из бесцветного прозрачного стекла с резным орнаментом («исламское резное стекло») из Мартаи-Чу²². Два последних представляют типы, крайне редкие на Северном Кавказе, хотя общая география находок таких сосудов необычайно широка (Южная Европа, Ближний Восток, Закавказье, Средняя Азия, Восточная Европа)²³. Вопрос о месте их производства сегодня дискуссионен. Специально занимающаяся этой проблемой Ю. Л. Шапова считает, что по технологическим признакам и химическому составу стеклянные сосуды таких типов связаны своим происхождением со стеклоделательными центрами IX–X вв. в Византии, в частности в самом Константинополе.

Византийское происхождение имеет и ряд типов бус, распространенных в эту эпоху в Восточной Европе²⁴. Не исключено их присутствие также в памятниках Терско-Сулакского междуречья. Но вопрос этот требует специального изучения.

Одной из важнейших статей византийского экспорта в страны Европы была поливная керамика²⁵. Однако находки ее до недавнего времени не были известны на исследуемой территории.

В 1975 г. в погребении № 10 Мартан-Чуйского 1-го катакомбного могильника вместе с вышеописанными стеклянными сосудами был найден красноглиняный гончарный длингорлый сосуд с шаровидным туловом и пышной полихромной росписью, нанесенной на белую ангобированную поверхность²⁶. Декор сосуда разбивается на пять вертикальных поясов, основными элементами которых

14 Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД, 1961, II, с. 256.

15 Магомедов М.Г. К вопросу о происхождении культуры Верхне-чирюртовского курганного могильника // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 49.

16 Предварительную информацию о могильнике см. в статьях В. Б. Виноградова, В. А. Петренко, С. Л. Дударева, Х. М. Мамаева (АО. 1974-1979).

17 Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 63-86.

18 Анализы стекла произведены Ю. Л. Шаповой в археологической лаборатории МГУ. Мы весьма признательны Ю. Л. Шаповой за ценные консультации и возможность использования рукописей ее научных работ, находящихся в печати.

19 Аналогичные браслеты известны в Тмутаракани и Саркеле; см.: Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА, 1959, 75, с. 307-323; Шапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 102-119.

20 Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 97-98.

21 Виноградов В.Б., Исламов А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та, т. VI, вып. 1. Грозный. 1965, с. 161-163.

22 Изображение их см.: Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО. 1975. М., 1976, с. 116.

23 См., например: Шапова Ю.Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений // ВВ, 1961, 19, с. 60; Абдурзаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963; Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, с. 14 и сл.; Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX-XIII вв. Ереван, 1974, табл. 81-82; Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1967; Lamm C. Glass from Iron in the National museum. Stockholm, 1935: Idem. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of lustre-painting. Stockholm, 1941; Harden D.B. Glass and Glassed a History of Technology. Oxford, 1956. v. II, p. 340-341; Glass from Corning museum of glass. Corning; New York, 1955, p. 19-21.

24 Деопик В.Б. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV-IX веков Северного Кавказа и Крыма как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961; Шапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 120-125.

25 Даркевич В.П. Указ. соч., с. 292-299.

26 Изображение его см.: Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование..., с. 116 (фото); Виноградов В.Б. Некрополь столицы аланов? // Вокруг света, 1978, №5, с. 47.

являются ромбы, треугольники, листовидные фигуры, звездочки, выполненные в голубом, желтом и коричневом цвете. Сосуд уникален и не находит прямых аналогий в известных нам материалах.

Однако его форма²⁷, колористическое решение²⁸, основные мотивы орнамента и технологические признаки²⁹ позволяют сопоставить этот замечательный образец гончарного искусства с тем кругом поливной керамики, которая связывается с византийским производством X–XI вв.

Определенный интерес в плане поставленного вопроса имеют и усилия специалистов, выделяющих среди массы разнообразных раннесредневековых поясных гарнитуров Восточной Европы некоторые типы пряжек, блях и наконечников или непосредственно византийского, или опосредованного (причерноморского, нижнедунайского) происхождения, находки которых известны и на рассматриваемой территории³⁰. В частности, детали поясных наборов из Мартан-Чуйского 1-го могильника декорированы орнаментом, аналогичным обнаруженным на венгерских поясах времени «обретения Родины», где они сопоставляются с влиянием византийской христианской символики³¹.

Столь ощутимые и разнообразные следы византийского культурного воздействия побуждают с большой осторожностью отнестись к тенденции исключения Терско-Сулакского междуречья из зоны достаточно продуктивных контактов с Византией. Следует, вероятно, и пристальнее всмотреться в некоторые иные из давно известных вещевых средневековых категорий. Так, в ряде памятников района известны бронзовые наперстки³², весьма напоминающие византийские образцы IX–X вв.³³ Они хронологически предшествуют наперсткам стандартного типа мануфактурно-промышленного производства³⁴ и в свете изложенного требуют особого внимания.

Таковы археологические факты, позволяющие заметно расширить ареал византийско-северокавказских (непосредственных или транзитных) связей. И хотя по сравнению с более западными районами Северного Кавказа византийские материалы Терско-Сулакского междуречья пока довольно скромны и эпизодичны, само наличие их бесспорно и требует исторического обоснования.

Анализ предметов, подтверждающих связи с Византией, полезен, по крайней мере, в трех аспектах: в оценке интенсивности и характера византийско-северокавказских связей для конкретных областей региона; в открывающихся возможностях уточнения хронологии аланских и иных памятников, из которых происходят византийские изделия, хорошо датированные в центрах производства; в расстановке классовых и конфессиональных акцентов в социально-экономических структурах этнополитических образований Северного Кавказа эпохи раннего средневековья³⁵.

Традиционное толкование путей и способов проникновения византийского влияния на Северный Кавказ замыкается на южном и юго-западном вариантах, когда исключительное значение придается малоазийским провинциям Византии и (в качестве посредников) Абхазии, Грузии и восточно-причерноморским городам³⁶. Мы не оспариваем основательность этой трактовки, но и не можем полностью удовлетвориться ею. Фактор географического соседства не всегда достаточен для объяснения ситуации. Нельзя забывать и о хорошо документированном письменными источниками постоянном стремлении Византийской империи вовлечь в орбиту своего влияния кочевые племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа, где в ход шло все — богатые дары, золото, политические интриги³⁷. От этих (тюркоязычных в своей основной массе) номадов часть византийского «импорта» могла попадать в руки их оседлых северокавказских партнеров. В нашем случае именно такой подход может, скорее всего, объяснить отмеченный рост, например, числа византийских золотых монет в древностях

27 Зnamenательно, что аналогии верхней части кувшина из Мартан-Чу обнаруживаются среди лощеной «местной» керамики Саркела и Тмутаракани; см.: Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА, 1959, 75, рис. 3, а; Она же. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, рис. 23, 1.

28 Макарова Т.И. Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972, с. 6-7.

29 Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА, 1950, 17, с. 168; Он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979, с. 119.

30 Деопип В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. // МИА, 1963, 114, с. 122-151; Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, 1971, № 2, с. 96-123; Он же. Рец. на кн.: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino. Akademiai Kiado. Budapest, 1969 // СА. 1973. № 2, с. 288-298; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. М., 1979.

31 Dienes I. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972.

32 Семенов Л.П. Указ. соч., с. 21 сл.; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 57 и сл.

33 История Византии. М., 1967, т. II, с. 143.

34 Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Гуманитарные науки. Ростов-на-Дону, 1977, 1, с. 67-69.

35 Любопытный пример тому дает А.И. Семенов; см.: Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978, с. 180-183.

36 См.: Кузнецов В.А. Алания... с. 78 сл.; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

37 Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

V–VII вв. на рассматриваемой территории, что, кстати, совпадает с первым этапом византийско-европейских связей, выявленном на более обширном материале³⁸.

Необходимо также напомнить и о высокой мобильности кочевых и полукочевых народов и племен Восточной Европы, о господствовавших направлениях их перемещений в раннее средневековье. В связи с этим важным моментом представляются византийские владения на Балканском полуострове, простиравшиеся вплоть до Дуная и всегда игравшие существенную роль в истории империи. Следует учитывать также и прочные крымские позиции Византии, теснейше связанные не только с Малой Азией, но и с Балканским ареалом³⁹. Именно здесь, в Северном Причерноморье, а особенно в Подунавье, находилась одна из главных зон противоречивых, сложных, но и едва ли не самых интенсивных контактов между Византией и обитателями южнорусских степей. Начиная с гуннского вторжения, а затем в ходе «великих переселений» авар, тюрко-болгарских орд, мадьяр, военной активности хазар, печенегов и половцев, т. е. практически на всем протяжении раннесредневековой эпохи, различные этнические группы населения Северного Кавказа были вовлечены в регулярные и энергичные перемещения по степному «мосту», связавшему Балканы и Каспийско-Черноморское междуморье⁴⁰. Этот тезис — в свете активных балкано-северокавказских связей в предшествующие эпохи⁴¹ и вновь осознаваемой сейчас плодотворности алано-венгерских взаимоотношений в раннем средневековье⁴² — представляется актуальным и требующим специального внимания.

Есть и еще один (недостаточно учитываемый, на наш взгляд) аспект в толковании византийского импорта и подражаний ему на Северном Кавказе. Он подразумевает тех алан, чье пребывание собственно в Византии и ее столице фиксируется письменными источниками (в качестве военных наемников, придворных, в составе посольств и иных дипломатических и религиозных миссий)⁴³. И, вероятно, не случайно наиболее яркие археологически прослеживаемые следы контакта с Византией связаны с погребениями аланской дружинной знати (и в Терско-Сулакском междуречье, и в других областях Северного Кавказа) — активной и заметной силы в исторических событиях своей эпохи.

Впервые опубликовано:

Византийский вестник, том 44. М.: Наука, 1983. С. 190–195.

38 Даркевич В.П. Указ. соч., с. 292.

39 История Византии, т. I–II. М., 1967.

40 См., например: Артамонов М.И. Указ. соч.; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973, с. 259–301; Виноградов В. Б. Аланы в Европе // ВИ, 1974, № 8, с. 111–121.

41 Библиографию см. в статьях сборника: Фрако-скифские культурные связи // *Studia Thracica*. София, 1975, I.

42 Барта А. Истоки венгерской культуры X века // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 126; Халикова Е. А. *Magna Hungaria* // ВИ, 1975, № 7, с. 39–42; Виноградов В. Б. Некрополь..., с. 47; Эрдели И. Поиски древних венгров на Кавказе // IX Крупновские чтения (Тез. докл.). Элиста, 1979, с. 36–37.

43 Библиография см.: Кузнецов В. А. Алания..., с. 31.

О РЕАЛЬНОСТИ ГРУЗИНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В X–XIII вв.

В контексте увлеченного изучения постоянно актуальной проблемы алано-византийских отношений В.А. Кузнецов счел недавно необходимым открыть полемику¹ с авторами ряда новейших работ, посвященных попыткам поисков вполне естественных в исторических условиях X–XIII вв. следов социально-политического и культурного влияния Грузии на полиэтническое население Прикубанья, как органической части Северо-Восточного Причерноморья. Автор полагает, что в свете его разработок «говорить о серьезном политическом и культурном влиянии Грузии в пределах Западной Алании (а это — часть разветвленного бассейна верховьев Кубани. — Авт.) вряд ли приходится. Тем более не приходится говорить о вассалитете Западной Алании по отношению к феодальной Грузии даже в пору ее расцвета в XII в.».

Конкретной мишенью своих «нескольких критических замечаний» видный алановед избрал давние уже работы А.Н. Дьячкова-Тарасова², Г. Зардалишвили³, и новые — М.Н. Ложкина⁴, В.Б. Виноградова⁵, В.Б. Бесолова⁶. Последний из оппонентов В. А. Кузнецова подвергся наиболее острой критике, причем в выражениях, которые существенно обесценивают предшествующие им упреки в «крикливых, некорректных» действиях осетинского архитектора-краеведа и невольно вызывают сомнения в умении автора «быть объективным в поиске научной истины, далекой от околонуточных спекуляций» и «не подверженной веяниям «прогрессивной» моды»⁷.

Следует отметить, что раздраженность тона полемики маститого специалиста всегда настораживает сама по себе. В данном случае это становится особенно ощутимо, если учесть, что кроме устаревших статей А.Н. Дьячкова-Тарасова и Г. Зардалишвили объектом резкого недовольства В. А. Кузнецова, выраженного в «узковедомственном издании», стала серия публикаций материалов Международных симпозиумов по грузинскому искусству (Тбилиси, 1977, 1983 г.), уровень научной апробации которых не просто поставить под аргументированное сомнение.

Вряд ли подобные дебаты, незаметно для автора переходящие в окрик и категорическое назидаание, могут привести к установлению истины, или хотя бы заметному движению по направлению к ее познанию. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается: «Схоластика, насчетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной огораживают науку от жизни, тормозят ее развитие. Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, проверяется в действии»⁸. Руководствуясь именно таким пониманием ситуации, попытаюсь внести вклад в решение дискуссионной проблемы, сконцентрировав внимание читателя на некоторых авторских трактовках, касающихся отдельных комплексов и ансамблей памятников или узколокальных районов, а также предлагая попытку ранее не предпринимавшейся сводки фактов и вытекающих из них исследовательских мнений, затрагивающих важную тему: «Грузия и Северо-Восточное Причерноморье в X–XIII вв.», которая, разумеется, имеет не меньшее право на беспристрастную разработку, чем любая иная из более привычных до сих пор.

Эта задача диктуется прежде всего тем очевидным для меня обстоятельством, что существует определенная тенденция противопоставить и даже взаимоисключить грузинское и византийское влияние в отдельных областях Северного Кавказа и прежде всего в Прикубанье. Происходит так прежде всего потому, что во главу угла анализа ставятся все еще эпизодические археолого-архитектурные объекты, главными толкователями которых выступают археологи, тогда как строго архитектурный подход к подобным источникам открывает иные, более широкие горизонты и уж, во всяком случае, часто не оставляет места для однозначных оценок⁹. К тому же — и в этом В. А. Кузнецов совершенно прав:

1 Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985, с. 59–61.

2 Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899, с. 3–4.

3 Зардалишвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района // Известия Всесоюзного географического общества, т. 84, вып. 3. Л., 1952.

4 Ложкин М. Н. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА, 1973, № 4, с. 270–276; Его же. Каменная алтарная преграда храма № 1 Ильичевского городища XII–XIII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977, с. 1–3.

5 Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983, с. 2–3.

6 Бесолов В. Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Востока и Византии // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983, с. 18–22.

7 Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 61.

8 Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 108.

9 Гольдштейн А. Ф. Еще раз об изучении памятников архитектуры в горах Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 111–116.

«История архитектуры — часть материализованной истории общества, специфически отражающая не только крупные и длительные общественные процессы, но и некоторые исторические явления. Вряд ли нужно доказывать, что архитектурное развитие не существует отдельно и изолированно от общесторического и что одно с другим тесно взаимодействует при условии конечного примата истории»¹⁰.

Однако это отнюдь не обязательно «примат истории» Византии или какого-либо еще государственно-культурного феномена или даже искусственно сконструированной группы таковых. Вот почему, например, вызывает неудовлетворенность тот факт, что в обобщающей книге «Очерки истории алан» В. А. Кузнецов, наметив с помощью специальных глав пути взаимных связей алан с Ираном, Византией, хазарами и русами, совершенно устранился от комплексной оценки алано-грузинских взаимоотношений и взаимодействия. Но без них панорама истории алан и их государственного образования никак не может быть ни полна, ни объективна¹¹.

Чтобы последнего не случилось, следует стремиться восполнить этот досадный пробел привлечением другой (прежде всего — общеисторической) литературы, базирующейся на тех источниках, которые, собственно, и создают реальную канву исторических процессов и конкретных явлений.

Круг научных работ, освещающих (обычно сквозь призму древнерусско-восточных связей) взаимоотношения Грузии с Северо-Западным Кавказом, не так уже мал и принадлежит перу весьма знающих специалистов¹². В нем необходимо особо выделить ценную монографию З.В. Папаскири, содержание которой заметно шире буквального понимания ее названия¹³. В частности, оно мотивируется и таким важным соображением: «Так как взаимоотношения Грузинского царства с народами Северного Кавказа были составной частью общей северной политики Грузии, мы сочли нужным (в отдельной главе) кратко остановиться на грузино-северокавказских связях XI–XII вв. и определить место и значение этих отношений в северном направлении грузинской внешней политики в целом»¹⁴.

Избегая пересказа этого интересного труда, привлечем для нашей темы некоторые его положения и выводы. З.В. Папаскири впервые охарактеризовал каналы русско-грузинских контактов, в том числе собственно черноморский, обеспечивающийся способом каботажного плавания вдоль восточного побережья, и Прикубанский сухопутный, роль которого неминуемо возросла в результате «завоевания Тамани и создания там русской политической единицы (Тмутараканского княжества)». «В XI–XII вв. границы Грузинского феодального государства на северо-западе находились где-то под Туапсе», что определяло хорошую взаимную осведомленность. В книге убедительно показано, что «важным связующим звеном между Русью и Грузией (особенно с конца X века) являлась Византия», чья политика была к той поре достаточно активна в Алании и Прикубанье. Автор внес окончательную, пожалуй, ясность в трактовку вопроса о «варангах» в Грузии. Таковые представляются крупной военной дружиной, пришедшей из земель Киевской Руси в 1046 г. на помощь непосредственно Баграту IV и состоявшей из русских и «варягов» (норманнов).

Последний тезис трудно изолировать от использования в той или иной степени Северо-Западного Кавказа как транзитной территории движения «варангов». И здесь уместно вспомнить оригинальные и довольно веские поиски возможных следов варягов в лингво-этнографической традиции адыгов Прикубанья¹⁵, а также новые открытия Ю.И. Десятчикова на Таманском полуострове, где обнаружено и исследуется мощное городище, часть истории которого сопоставляется с деятельностью «русов» в Предкавказье в X в. н. э., имевших тут, вероятно, крупный военный «перевалочный» лагерь¹⁶.

З.В. Папаскири далее рассмотрел «грузино-овские» (т. е. грузино-аланские) отношения. Он очень тактично провел историографический обзор и анализ источников, сумев придти к доказательному выводу о том, что «в грузино-овских отношениях XI–XII века являются новым этапом развития связей между народами... На первом этапе (Георгий I) грузинская дипломатия не смогла добиться существенных успехов. Однако уже со времени Баграта IV намечаются определенные сдвиги, в результате которых грузинский царь к концу своего царствования оказался в силах привлечь многочисленное овское войско для участия в военной экспедиции против эмира Гандзи. В это время уже можно проследить элементы вассальной зависимости Овсетии (т. е. Алании) от Грузинского царства. В эпоху

10 Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 61.

11 Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

12 См., например: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 355–419; Анчабадзе З.В. и др. Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.); Папаскири З.В. Варанги грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-византийских контактов // История СССР, 1981, № 3; Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопросы истории, 1983, № 5, с. 17–31.

13 Папаскири З.В. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982.

14 Там же, с. 46–102.

15 Лавров Л.И. Возможный след варягов на Северо-Западном Кавказе // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений, май, 1978 г. Л., 1978, с. 17–18.

16 Устное сообщение Ю.И. Десятчикова. Информацию см. в кн.: АО. 1985. М., 1986.

Давида Строителя Овсетию окончательно вошла в круг вассально зависимых от Грузии стран и продолжала пребывать в нем почти целое столетие». Автор резонно акцентирует, что в этом вопросе «в современной грузинской историографии нет принципиальных разногласий»¹⁷. И неправомерно, как это делает В. А. Кузнецов, игнорировать столь авторитетное мнение.

Если же попытаться противопоставить историческую ситуацию в «западной Алании» остальной части аланского государственного образования, то, очевидно, следовало бы учесть и особенности реальных взаимоотношений Грузии с адыгами Прикубанья, которые на основе изучения письменных источников З.В. Папаскири суммирует так: «Джики, кашаги редко упоминаются в грузинских хрониках. Несмотря на это, можно предположить, что некоторая часть и этих племен в XI–XII вв. попала под влияние Грузии. Мы обращаем внимание на тот факт, что северо-западная граница феодальной Грузии в это время доходила до Никопсии. Еще в XI в. один из грузинских авторов называл Никопсию «нашей страной — Абхазией». Давид Строитель своему сыну оставлял землю «от Никопсии до Дарубандского моря. Царица Тамар владела землями от «Понтийского (Черного) моря до Гурганского (Каспийского) моря всех кавказских, имеров и амеров до Хазарии и Скифии». По сообщению «Матиане» еще абхазский царь Георгий II (929–957 гг.) одного непокорного феодала отправил в Джикети для отбывания там наказания. Кашаги примкнули к сторонникам Юрия Андреевича и Вардана Дадияни во время конфликта 1191 г. Они же перечислены среди народов, «опекаемых царицей Тамар». Приведенные факты могут засвидетельствовать распространение грузинского влияния и на этой части Северного Кавказа»¹⁸. Немалые по объему и содержанию извлечения из монографии З.В. Папаскири вовсе не означают моей принадлежности к числу апологетов идеи создания «единой феодальной монархии в Грузии и на всем Кавказе в XI – первой половине XIII в.»¹⁹. Однако, не отвлекаясь естественными преувеличениями средневековых источников, можно признать, что версия исторического процесса, отстаиваемая З.В. Папаскири, имеет серьезные основания. И нельзя делать вид, что таковых вроде и не существует, подменяя критическое исследование наличных данных хлесткими декларациями постоянного приоритета Византии.

При толковании и трезвой оценке имеющихся фактов большое значение приобретает объективный учет роли Абхазии как транзитной территории не только византийского, но и собственно грузинского влияния на Северо-Западный Кавказ. Для периода XI–XIII вв. представляются несколько абстрактными и схоластическими споры и мнения некоторых коллег о признаках и соотношениях «грузинской» и «абхазской» архитектурных традиций, «школ» как таковых в их взаимодействии на алан и касогов Прикубанья²⁰, об «опосредованном через Абхазию грузинском влиянии», исключаящем-де «прямое влияние из Картли»²¹. Реальность того, что с 20-х годов XI в. Абхазия была включена в состав Грузинского государства и находилась под сильным воздействием собственно грузинской культуры²², позволяет считать такую дискуссию в известной мере излишней, не учитывающей ясный исторический контекст.

Напомним теперь и наличные архитектурные и вещественные материалы во всем их доступном сегодня (и постепенно растущем) разнообразии. На Ильичевском раннесредневековом городище в верховьях р. Уруп (в границах «западной Алании») М. Н. Ложкиным выявлены руины трех церквей, которые отмечены явным сходством с христианскими зданиями Закавказья, в частности, Грузии²³. В 1977 г. В. А. Кузнецов писал о них: «Появление **группы грузинских памятников** (выделено мною. — Авт.) в хорошо освоенных византийскими миссионерами районах западной Алании вносит некоторые коррективы в наши представления о ходе христианизации этой части Алании и исторических особенностях этого процесса»²⁴. Сегодня он настаивает на «специальном исследовании» этих объектов и, всячески преуменьшая возможный «политический смысл грузинского влияния» готов свести вопрос лишь к тому, что «иерархи Аланской церкви», находясь под диктатом Константинополя, но, «нуждаясь в опытных строителях, иногда приглашали их из близлежащих и единоверных Абхазии и Грузии»²⁵.

Не стану оспаривать возможности такого поворота дел в каких-то конкретных случаях, но следует учесть, что настойчивые изыскания М.Н. Ложкина ввели в научный оборот сведения о христианских храмах грузинской архитектурной школы и на северокавказском отрезке Черноморского побережья

17 Папаскири З.В. У истоков..., с. 57.

18 Там же, с. 64–66.

19 Сравни: Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV в.). Грозный, 1963, с. 72–76; Виноградов В. Б., Саламов А.А. Об одной попытке освещения грузино-вайнахских связей // Археолого-этнографический сборник, т. 1. Грозный, 1966, с. 167–175.

20 Перфильева Л.А. Архитектурные памятники средневековой Алании // Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». Тезисы докладов. М., 1981, с. 9.

21 Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.

22 Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 19–202.

23 Ложкин М. Н. Новые памятники...; Его же. Каменная...

24 Кузнецов В. А. Зодчество..., с. 94.

25 Кузнецов В. А. Алания..., с. 59–60.

(Ахун, Агуа), за пределами западной Алании²⁶. Нуждается в учете и выявляемое ныне «присутствие грузинского элемента... в деталях (композиция завершений, форма, конструкция и материал покрытия зданий)» знаменитых зеленчукских храмов Алании, что связывается весьма компетентным исследователем с «вторичным строительным периодом», датируемым «не ранее XI века»²⁷.

Наконец, архитектурные доводы и соображения В. Б. Бесолова относительно храма Сенты в Теберде, высказанные в печати под редакцией такого знатока монументальной архитектуры Грузии и Закавказья, как В.В. Беридзе²⁸, отнюдь не сводятся к двум пассажам, вызвавшим негодование и протест В. А. Кузнецова. Они заслуживают спокойной и деловой оценки. Только так можно определить меру достоверности исторически отнюдь не противоестественной гипотезы, согласно которой архитектурные веяния проникали на Северо-Западный Кавказ не обязательно морским или прибрежным путем из Византии, но и «просачиваясь и преломляясь сквозь... грузинскую и, частично, абхазскую культуры, видоизменяясь в местных условиях и конкретной среде...»²⁹.

Но, как теперь выясняется, источники не ограничиваются лишь архитектурными объектами. Наличие определенных и ранее неувязимых связей Грузин с Северо-Восточным Причерноморьем фиксируется данными нумизматики.

Еще недавно бытовало убеждение о полном отсутствии к северу от Главного Кавказского хребта каких-либо грузинских монет первых трех веков II тысячелетия н. э. Размышляя над этим «странным на первый взгляд фактом», Е.И. Крупнов писал: «Надо помнить, что период наивысшего расцвета средневековой грузинской культуры и государственности — XI–XIII вв. — одновременно является и временем прекращения чеканки серебряных монет», которая «возобновилась только при царице Русудан в 1230 году. А медные монеты, чеканившиеся в предшествующий период в Грузии, были абсолютно бесформенными и вряд ли могли привлечь внимание горских красавиц как украшения. В монетах же как в денежных знаках горские общества, даже будучи вассальными Грузии, пока потребности не испытывали»³⁰. Эта схема как будто бы подтверждалась и тем, что в Киевской Руси не было известно грузинских монет позднее X в. (тбилисских Джафарилов и Давида Куропалата)³¹.

Теперь, однако, положение дел существенно изменилось³² и свой вклад в это внесли материалы Северо-Восточного Причерноморья. Выплыл из забвения случай 1848 г., когда «при постройке русского укрепления Хадзыженского Майкопского отдела на Кубани найдено более 500 медных монет Русудан 1227 г.»³³. В 70-е годы нашего столетия в г. Азове Ростовской области была найдена «серебряная монета Багратиони: Русудан, 1227 г.»³⁴. Эти яркие (хотя и все еще эпизодические) находки делают отнюдь не безнадежными наши ожидания дальнейшего пополнения коллекции грузинских монет в Прикубанье и Восточной Европе вопреки логике цитированных выше мнений.

Представляется, что все приведенные выше факты неизбежно должны поставить под сомнение уверенность В. А. Кузнецова в «проникновении закавказско-грузинского влияния» только «в район западной Алании, ограниченный пока верховьями р. Уруп»³⁵. Учет их должен помочь уяснению реального соотношения византийского и грузинского влияний на Северо-Западном Кавказе в X–XIII веках, которое до сего дня допускалось как бы теоретически.

Остается упомянуть и о некоторых нюансах «Аланского послания» епископа Феодора, относящегося ко времени между 1222 и 1240 гг.³⁶ и многократно привлекавшегося В. А. Кузнецовым для доказательства постоянного византийского влияния на положение дел в Аланской епархии. Однако в действительности ситуация была (как это и должно) значительно сложнее. Это легко улавливается в сюжете послания, «содержавшего в себе живые и современные свидетельства об аланах» (Ю. Кулаковский).

После ряда дорожных мытарств по пути из Никеи, Феодор прибыл, наконец, к месту назначения («следует полагать, — поясняет В. А. Кузнецов, — «в ущелье Большого Зеленчука», т. е. в центр Запад-

26 Ложкин М.Н. Христианские памятники домонгольского периода как источники изучения внешних связей народов Северо-Западного Кавказа // Конференция «Культурные взаимосвязи...». М., 1981, с. 92.

27 Перфильева Л. А. Указ. соч., с. 123.

28 Бесолов В. Б. Указ. соч.

29 Там же, с. 18.

30 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 140–141.

31 Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических, составил А. Марков). Спб., 1910, с. 5, 24, 38; Капанадзе Д. Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 51–52.

32 Виноградов В.Б. Монетные находки — малоизученный источник о грузино-северокавказских связях (в печати).

33 Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I. Баку, 1926, с. 54, № 135.

34 Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока, т. 13. Л., 1985, с. 47.

35 Кузнецов В. А. Алания..., с. 60.

36 Епископа Феодора «Аланское послание» / Пер. Ю. Кулаковского // Записки Одесского общества истории и древностей, т. 21. Одесса, 1898, с. 11–27.

ной Алании»)³⁷. Там он и обнаружил, что какой-то купец из страны Лазов воспользовался отсутствием епископа в Алании и, объехав всю страну, сам рукоположил священников, а себя объявил епископом. После появления Феодора он скоро ретировался в Лазику.

Горько сетя по поводу того, что аланы могли поверить «самозванцу», (а именно так аттестовал его Феодор как «истинный» иерарх церкви), священнослужитель сокрушался, что «между ними есть люди, пережившие смену трех епископов, а теперь видят меня — четвертого». Далее Феодор сообщает, что вынужден рукоположить многих лиц из тех, которые были рукоположены самозванцем, «так как опасность грозила всей церкви...».

Все эти коллизии, по моему разумению, плохо укладываются в конъюнктурно-наивную версию Феодора о «самозванстве» некоего лазского «купца», а скорее выдают соперничество двух церквей в стремлении установить свой контроль над Аланской епархией. Оригинальную и убедительную, как представляется, интерпретацию этого памятника предложил М. К. Джигоев³⁸. В ней нет места доверчивому восприятию жалоб и субъективных толкований епископа Феодора. Вопрос решается именно в плоскости реального столкновения интересов византийской и грузинской церквей в целях борьбы за преобладающее влияние среди алан, переживших ужас первого знакомства с монголо-татарской агрессией. И «опасность» всей системе церковно-византийского диктата на Северо-Западном Кавказе возникла не вдруг, а была подготовлена ходом предшествующих событий.

Данная небольшая статья меньше всего претендует на роль решающей в развернувшейся дискуссии о грузинском воздействии в X–XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье. Ее цель скромна: путем сводки фактов и существующих исследовательских их трактовок поставить назревшую и ранее упускавшуюся проблему не только грузино-западноаланских, но и грузино-адыгских, грузино-русских связей на Северо-Западном Кавказе конца раннего средневековья. В разработке ее непременно следует избегать преувеличений. Но и сводить вопрос лишь к постоянной и безоговорочной политико-конфессиональной доминанте Византии уже нельзя.

Впервые опубликовано: Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства (Мацнэ). 1988. № 2. С. 162-169.

37 Кузнецов В. А. Очерки..., с. 210.

38 Джигоев М. К. Алания в XIII–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

О РОЛИ ГРУЗИНСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ ВЕРХНЕГО ДЖУЛАТА (ДЕДЯКОВА)¹

Решающим фактором в освещении проблемы христианизации народов северного Кавказа является вопрос, связанный со средневековой церковной архитектурой. В этом отношении заслуживают пристального внимания три христианских храма, открытых на территории городища Верхний Джулат (Татартуп) в Северной Осетии, уверенно отождествляемого ныне с руинами аланского города Дедякова². Вплоть до сего дня нет ясности относительно времени постройки, культурной принадлежности и исторической интерпретации этих интересных, многозначительных памятников.

Верхне-джулатская церковь № 1 была расчищена в 1959 г. отрядом Северокавказской археологической экспедиции под руководством О.В. Милорадович. Первоначально Е.И. Крупнов, отправляясь от формы квадратного кирпича (плинфы), высказал мысль, что открытый на аланском городище храм можно датировать «раннемонгольским временем», а само кирпичное здание рассматривать как показатель существовавшего христианства, зависимого от грузинского культурного влияния на население Северного Кавказа³.

Но в дальнейшем (причем очень скоро) кавказовед счел необходимым отказаться от сформулированного им перспективного и исторически логичного направления поиска. Он стал относить церковь № 1 к «широкому кругу памятников византийско-киевской архитектуры XI–XII вв.», полагая, что ее конструктивные особенности позволяют усматривать связь через Тмутараканское княжество с зодчеством Киевской Руси⁴. В своих выводах Е.И. Крупнов исходил из того, что до пристройки второй апсиды здание представляло собой крестообразный, бесстолпный одноапсидный храм, очень якобы схожий «с определенными образцами византийского церковного зодчества и архитектуры широкого славянского мира, начиная от Византии и Балкан и кончая Киевской Русью». Признавая, что храмы подобного типа не чужды Восточной Грузии, автор, тем не менее, решительно отвергал теперь возможность тут грузинского влияния. Он утверждал также, что наличие подалтарной крипты, имеющейся в церкви, «довольно обычно в храмах Руси и всего славянского мира». Со временем строительства храма связывал Е.И. Крупнов и находки каменного кистеня и кирпича с процарапанными «вавилонами», сопоставляя их с древнерусскими аналогами. Все вместе это склоняло его к признанию памятника следствием влияния Киевской Руси уже в домонгольскую эпоху.

Эта версия приобрела известную популярность в научной среде⁵. Незначительное расхождение наметилось лишь в датировке. Сам Е.И. Крупнов считал возможным относить постройку храма к концу XII в., а В.А. Кузнецов, О.В. Милорадович датировали церковь № 1 началом XIII в.

Вскоре (в 1962 г.) отрядом В.А. Кузнецова были открыты еще два христианских храма в Верхнем Джулате. Они также интерпретировались как построенные под влиянием древнерусского зодчества в конце XII – начале XIII в. (церковь №2) и в XIII (церковь №3)⁶.

Однако в дальнейшем у В.А. Кузнецова стала вырабатываться собственная точка зрения по вопросу датировки и исторической оценки храмов Верхнего Джулата. Сперва отмечается намерение возродить, несколько откорректировав, первую версию Е.И. Крупнова, в результате чего строительство церквей относилось хотя и к золотоордынскому периоду, но, как и возведение мечетей, приписывалось «пленным ремесленникам и строителям из Закавказья», которые обслуживали и мусульманское, и «христианское население города»⁷. Недолго спустя (в 1974 г.) В.А. Кузнецов провозглашает датировку церкви № 1 «концом XIII или даже XIV в.» и считает уже решительно невозможным сопоставление ее с древнерусской архитектурой. Тогда же автор впервые вспоминает, что на территории «Татарии» действовали католические миссионеры, а в Джулате существовала даже католическая кафедра в XV в., хотя вполне определенно отмечает: «Католичество у местного населения не привилось, а католических памятников в районе Татартупа пока еще не найдено»⁸.

1 Соавтор С.А. Голованова.

2 Мамаев Х.М. О городе Дедякове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 112-120 (там же библиография).

3 Это мнение было обнародовано в прессе, в докладах Е.И. Крупнова и отражено в статье «Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат» // Материалы и исследования по археологии СССР (далее: МИА). № 144. М., 1963, с. 44-46.

4 Крупнов Е.И. Новое в изучении истории Северного Кавказа // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, с. 48; Его же. Христианский храм XII в., с. 44-68.

5 См., например: Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в северной Осетии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 86. М., 1961, с. 92-101; Н.П. Гриценко. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 12.

6 Кузнецов В.А. Отчет Северо-Кавказского отряда СКАЭ (раскопки городища Верхний Джулат) в 1962 г. // Архив ИА АН СССР; Его же. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 98. М., 1964, с. 108.

7 Кузнецов В.А. О чем рассказывают памятники археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968, с. 50.

8 Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974 с. 53-59.

Но менее чем через год В.А. Кузнецов в двух идентичных публикациях попытался доказать, что «церкви Верхнего Джулата принадлежат к этой католической кафедре и были построены пленными кавказскими мастерами по заказу католических миссионеров, отразив в своей архитектуре их привычные нормы и требования». Считая, что джулатские храмы по строительным материалам и технике кладки едины с мусульманскими архитектурными памятниками городища и представляют общий в хронологическом и историческом отношении комплекс, археолог датирует теперь время их сооружения годами «правления хана Узбека (1312-1342 гг.)»⁹. Отныне вопрос представляется ему решенным¹⁰.

Подобная уверенность, однако, удовлетворяет не всех.

В те же годы А.Ф. Гольдштейн высказал догадку о строительстве церквей в Верхнем Джулате в VIII-X вв.¹¹, которая, впрочем, имела абсолютно умозрительный характер. Зато вполне конструктивной выглядит позиция З.Ш. Дидебулидзе, отраженная в ряде работ и окончательно сформулированная в 1974 г. З.Ш. Дидебулидзе придерживается первой гипотезы Е.И. Крупнова о преобладающем грузинском элементе в церкви № 1, утверждая, что такие специфические особенности памятника XII в. как крестовокупольная планировка, наличие подалтарной усыпальницы-крипты, кирпич-плинфа присущи и архитектуре соседней Грузии. Примиряя свою точку зрения со второй версией Е.И. Крупнова, исследователь пишет, что данный храм «скорее всего представляет собой образец перекрестного влияния трех родственных культур – Византии, Древней Руси и Грузии»¹².

Не убедила система доказательств В.А. Кузнецова и ряд специалистов Северного Кавказа (в том числе и нас), высказавших свои сомнения по части достоверности хронологической и историко-конфессиональной оценки соответствующих памятников¹³.

Таким образом, датировка и интерпретация верхне-джулатских храмов¹⁴ не получили еще удовлетворительного решения. Ситуация явно дискуссионная и требует новых попыток осмысления источников. Полагаем также, что охарактеризованные зигзаги, чисто археологического анализа показывают: решение этого сложного вопроса только на основе материалов стратиграфического порядка перспективно. Необходимо объективно и максимально полно учитывать все конструктивные детали церквей и конкретную историческую обстановку того периода, на что ранее не обращалось должного внимание.

Начнем с исторической оценки некоторых фактических суждений наших предшественников.

Разумеется, форма кирпича-плинфы не может быть определяющей при выяснении времени постройки и направления культурного влияния, и прав оказался Е.И. Крупнов, когда (после первоначальных заблуждений на этот счет) писал, что «кирпич-плинфа имел широчайшее распространение и применение в строительном деле во всех областях Восточной Европы и Южной Азии с IX по XV в., а в Закавказье даже до XIX в.»¹⁵. Но, трезво говоря, сам факт отнюдь не исключает возможности влияния именно со стороны наиболее близкой Грузии и уж, конечно, не дает права отдать предпочтение древнерусскому или любому иному варианту.

С другой стороны, бездоказательным остается утверждение Е.И. Крупнова об обычности подалтарных крипт в храмах древней Руси, не подтвержденное конкретными аналогиями. Действительно, в научной литературе нет сообщений о таких прецедентах в древнерусском церковном зодчестве, на что справедливо указывает В.А. Кузнецов.

Весьма интересны немногочисленные предметы (кистень, кирпич с «вавилонами», железный сошник, скобель, подкова), найденные при раскопках городища, для которых Е.И. Крупнов и В.А. Кузнецов устанавливают древнерусское происхождение¹⁶. Но едва ли они могут играть решающую роль при определении времени строительства церкви. Стратиграфические условия находок (на мостовой, в завале строительного мусора) достаточно выразительны. Датировка их именно началом XII в. (в чем были единодушны оба автора) крайне условна. Ведь летописями зафиксировано присутствие тут русских в 1278 году (о чем речь пойдет ниже). Общеизвестен и факт пре-

9 Кузнецов В.А. Церкви Верхнего Джулата, их время и интерпретация // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 108; Ту же публикацию см.: Новейшие открытия советских археологов: Тезисы докладов конференций, ч. 3. Киев, 1975.

10 Кузнецов А.В. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века (далее: СКДСВ). М., 1980, с. 169.

11 Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975, с. 60.

12 Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X-XII вв.: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974, с. 26

13 Виноградов В.Б. Рец. на книгу В.А. Кузнецов «Путешествие в древний Иристон» // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы (далее: СКНЦВШ). Ростов-на-Дону, 1975, №2, с. 17; Мамаев Х.М. Указ. соч., с. 119; Магомадова Т.С., Голованова С.А. Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека (X-XV вв.) // АВЭИСК. Грозный, 1979, с. 122.

14 Впоследствии В.А. Кузнецовым раскопаны остатки еще одной церкви на городище. Однако, поскольку материал совершенно не опубликован, мы воздерживаемся от его использования в данной статье.

15 Крупнов Е.И. Христианский храм XII в..., с. 63.

16 Крупнов Е.И. Там же, с. 53; Кузнецов В.А. Отчет..., с. 198, 202.

бывания русских людей во всех основных городских центрах Золотой Орды в XIII-XIV вв.¹⁷, что подразумевает широкий хронологический ситуационный диапазон толкования этих предметов в культурном слое городища.

Возможно, В.А. Кузнецов прав, утверждая, что подалтарные крипты в двух церквях Верхнего Джулата – признак не ранее XIV в., свидетельствующий о появлении «новых (католических) литургических норм»¹⁸. Однако сооружение крипты по позднейшим канонам совсем не исключает использование для этого ранее существовавшего храма, тем более, если он уже имел подалтарный или подземный склеп, как это не раз наблюдалось в грузинской архитектуре, в частности, X-XIII вв.¹⁹. Сомнения вызывает и попытка В.А. Кузнецова использовать палеографические данные (надписи на черепице церкви №2) для датировки возведения церквей временем хана Узбека. Во-первых, здесь настояраживает разногласия консультантов (причины которой умалчиваются)²⁰, а, во-вторых, учитывая реальную историю Верхнего Джулата, можно предполагать (даже априорно) неоднократный ремонт церковных зданий в течение нескольких веков (что и есть на самом деле).

Наши реплики преследуют цель показать, что вопрос строительства и использования церквей Верхнего Джулата более сложен, чем может показаться сначала. Он вряд ли решается однозначно. В этом смысле куда более конструктивной (хотя и также априорной по существу) представляется позиция З.Ш. Дидебулидзе, охарактеризованная выше.

Мы также склоняемся к признанию перспективности первоначального (во многом интуитивно-го) толкования Е.И. Крупновым верхне-джулатских храмов, как отмеченных явным грузинским влиянием. Однако принимаем мы и мнение В.А. Кузнецова с единственной серьезной оговоркой: церкви были не впервые возведены католической кафедрой в Джулате, а лишь восстановлены, перестроены, использовались ею впоследствии.

Подчеркиваем, что и Е.И. Крупнов, и В.А. Кузнецов отмечали, что церкви № 1 и № 2 подвергались перестройке. Но оба автора не использовали возможность осмысления этих разных строительных периодов, не сопоставили их с исторической обстановкой эпохи. Попытаемся восполнить этот существенный пробел, понимая определенную относительность наших археолого-архитектурных наблюдений, построенных на полевой отчетности, а не на личном впечатлении о раскопках. Последнее, впрочем, удел всех современных и будущих интерпретаторов данных храмов (кроме В.А. Кузнецова).

Специфической чертой грузинской церковной архитектуры является наличие вписанной в прямоугольный контур восточной части храма, а не выступающей полуциркулярной алтарной апсиды и крестовокупольная планировка здания. Эти элементы выявляются при внимательном рассмотрении и у храмов Верхнего Джулата.

Е.И. Крупнов указывал, что первоначально церковь № 1 была построена якобы в виде прямоугольного, крестовокупольного здания с полуциркулярной апсидой, выступающей с восточной стороны. В дальнейшем, по его мнению, к ней был пристроен с юга небольшой придел с одной апсидой²¹. Однако наличие специальной прямоугольной площадки из булыжника, на которой высится фундамент последней апсиды, будучи вписан в нее, свидетельствует, пожалуй, не о назначении ее для укрепления апсиды, как показалось Е.И. Крупнову, а является остатком фундамента некогда существовавшей на этом месте церкви, построенной по образцу грузинских. Впоследствии он и послужил основой для возведения нового здания. При этом строительство центрального помещения и придела могло осуществляться одновременно.

В.А. Кузнецов, исследовавший церковь № 2, отмечает, что она состоит из притвора и центрального помещения. Притвор в плане являет собой сложный вписанный крест. Центральное же помещение прямоугольное, с выступающей с восточной стороны полуциркулярной апсидой. Стены его значительно толще стен притвора и отличаются иной техникой кладки. Изучение строительных швов показало, что центральное помещение было пристроено к притвору²². При этом указывается на более раннее происхождение притвора²³, что, однако, было забыто в дальнейших исследованиях.

Нетипичный план притвора и его более раннее происхождение дают право рассматривать это

17 Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

18 Кузнецов В.А. Церкви..., с. 108.

19 См., например: Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1950; Акритас П.Г. Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961, с. 187; Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА, № 23. М., 195, с. 302-306; Мужухоев М.Б. Таргимский храм // СКДСВ. – М., 1980, с. 177-183 (однако передатировка в последней статье Таргимского храма на XIII в. нереальна).

20 Первоначально знаки на черепице трактовались как «буквы армянского алфавита (определил проф. Е.А. Пахомов), затем говорились уже о крельефных грузинских буквах конца XIII – начала XIV в.» (Т.В. Барнавели).

21 Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 49.

22 Кузнецов В.А. Раскопки аланских городов..., с. 108.

23 Кузнецов В.А. Отчет ..., с. 218.

помещение, как первоначально существовавшую самостоятельную небольшую церковь, близкую грузинским канонам.

Церковь № 3 сохранилась значительно хуже и весьма отличается по планировке от уже рассмотренных храмов. Она состоит из одного помещения, подалтарная крипта отсутствует. Апсида церкви прослеживается только по остаткам булыжной кладки: крупным камням и отдельным валунам. В.А. Кузнецовым зафиксирована интересная деталь – в северо-восточной части сохранилась кладка из булыжника, двух валунов и кирпичей, продолжающая северную стену далее контура апсиды. Автор отметил: «Данная стена наводит на предположение – не была ли апсида церкви № 3 не полуциркулярной, а прямоугольной». Но дальше этого не пошел²⁴, находясь под впечатлением древнерусской версии происхождения храмов. Но в данном случае следует вновь обратиться к планировке грузинских храмов, вписанные апсиды у которых могут вполне удовлетворительно объяснить первоначальный вид церкви, дошедшей до нас в сильно разрушенном состоянии.

Весьма важно, что церковь № 3 перестройке не подвергалась, на что указывают особенности ее планировки и плохая сохранность по отношению к двум другим храмам. Свидетельством этого могут служить и сообщения путешественников XVIII в. Так, и И. Гюльденштедт и И.Ф. Бларамберг видели на руинах Татартупа лишь две церкви, то есть те, которые поддерживались позднейшими перестройками²⁵.

Итак, черты грузинской архитектуры оказываются не чужды исходным вариантам всех трех храмов, заложенных, вероятно, в одну эпоху.

Не стоит подробно освещать вопрос о том, что тесные политико-культурные отношения между Грузией и населением Северного Кавказа достигли своего апогея в X–XII вв.²⁶ Правда, судя по авторитетному мнению археологов, нет оснований связывать верхне-джулатские церкви со слоями городища ранее конца XII-начала XIII в. Вместе с тем, считаем нужным подчеркнуть, что до сих пор специалистами по Алании недостаточно учитывается особенность ситуации, именно в XIII в., сложившейся в этом конкретном районе.

Известно, что в 1238–1239 гг. Северный Кавказ подвергся нашествию монголо-татар²⁷, которые нанесли сильный удар аланской государственности и культуре, но отнюдь не сразу и не повсеместно установили свой прочный контроль. Завоевание некоторых территорий Алании растянулось не на один десяток лет. И в этом существенную роль, по нашему мнению, сыграла специфика грузино-аланских взаимоотношений, особенно укрепившихся при царице Тамар и ярко проявившихся в округе Дарьяльского прохода. Следует считаться с тем, что связи эти отнюдь не были прерваны вторжением нового страшного врага. Больше того, они получили новый стимул. К тому же, вскоре после поражения от монголов Грузии, она оказалась в сфере господства государства ильханов Хулагуидов, вступивших в длительную и упорную борьбу на Кавказе с Джучидами Золотой Орды.

В недавней ценной работе Г.В. Цулая вдумчиво проанализированы некоторые грузинские и иные письменные источники XIII–XIV вв., сопоставлены мнения специалистов и дана объективная оценка сложившейся ситуации²⁸. Автор раскрыл большое значение сохранившегося грузино-аланского альянса в отпоре различным группам завоевателей. Удачно (хотя и фрагментарно) обозначил он причины и реальное содержание особого места Грузии и ее традиционных северокавказских союзников, в первую очередь алан, в политико-военной практике Хулагуидов. Эта перспективная проблема нуждается в специальном исследовании²⁹. Мы же пока ограничимся акцентированием вполне справедливого тезиса о том, что «успеху Хулагуидов в их длительной борьбе с золотоордынцами во многом способствовала поддержка со стороны христианских народов и особенно – грузин, армян и алан»³⁰. При этом со стороны южной ветви монгольских династий демонстрировалась вплоть до рубежа XIII–XIV вв. изрядная веротерпимость, порой до предоставления определенных льгот и покровительства, которыми умело пользовались правители Грузии и церковные иерархи. Гнет Хулагуидов был достаточно тяжел. Но мог бы он быть и еще жестче, если бы не известное единство Грузии и ее горских северных соседей в их действиях перед лицом обеих монгольских сил.

Тем самым, условия для достаточно активного осуществления грузино-аланских политических и

24 Кузнецов В.А. Отчет ..., с. 220.

25 См.: Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974, с. 419.

26 Кузнецов В.А. Алания в X–XII вв. Орджоникидзе, 1971; Его же. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1978; Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977; Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские связи в этнической истории горной ингушетии // Советская этнография, 1974, № 8, с. 118–121.

27 Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, № 8, с. 118–121.

28 Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. О народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник, т.7. М., 1980, с. 193–208.

29 К нему приступил сейчас М.К. Джигоев – аспирант из Юго-Осетии, обучающийся на кафедре истории СССР периода феодализма в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

30 Цулая Г.В. Указ. соч., с. 206.

культурных связей не были аннулированы нападением на Аланию в 1238-1239 гг. Скажем определеннее: вплоть до жестокого разгрома аланского города Дедякова и всей этой части равнинной Алании золотоордынским ханом Менги-Тимуром, они должны были оставаться весьма энергичными, взаимопродуктивными и вполне допускающими церковное строительство в Дедякове (Верхнем Джулате), организуемое Грузией.

Разгром же этот произошел в начале 1278 г. Золотая Орда решила окончательно сломить сопротивление алан, объективно увязывающееся с политикой враждебных Хулагуидов. Незаурядность и большой размах этой джучидской акции подтверждается тем, что хан повел с собой войска большинства вассальных русских княжеств и земель.

Память об этом событии сохранили русские летописи: «В лето 6785 (1277 г.) поидоша князи в Татары, князь Борис с княжною и детми, князь Глеб Ростовский с сыном Михаилом, князь Федор, князь Андрей и иные князи многие... князь Ростовский Глеб Василкович с братичем своим с князем Константином, князь Федор Ростиславич, князь Андрей Александрович и иные князи, мнози бояры и слугами поехали на войну с царем Менгутимуром и поможе бог князем русским, взяша славный град яский Дедяков...»; «Князи же вси со царем Менгу Темирем поидоша на войну на ясы. И приступиша рускии князи ко яскому городу, ко славному Дедякову и взяша... град же месяца февраля восьмого, и много корысть и полон взяша... град же огнем пожгоша»³¹. Археологически также засвидетельствованы следы трагедии, постигшей город в конце XIII в.

И вот знаменательный факт: в «Каталоге древнерусской живописи» опубликована икона грузинского письма XIII в. «Богоматерь Толгская», находящаяся в Воздвиженской церкви близ Ярославля³². А в походе 1277-1278 гг. принимал участие ярославский князь Федор Ростиславович Черный, который, как считают, и привез эту икону с Северного Кавказа. В.А. Кузнецов по этому поводу пишет: «Скорее всего она была взята при штурме Дедякова – ведь аланы с X в. были христианским народом, поддерживавшим связи с соседней и единой верной Грузией»³³. Аппеляция к X в. в данном случае излишня. Икона XIII в. «Богоматерь Толгская», попавшая из Дедякова на Русь, подтверждает гипотезу о сильном грузинском влиянии не только на архитектуру, но и интерьер церквей Верхнего Джулата и является объективным свидетельством существования там христианских храмов уже ко времени разграбления Дедякова. Следовательно, храмы эти были выстроены ранее 1278 г., возможно в середине XIII в., а в дни падения Дедякова – разрушены и опустошены.

Но город не исчез после похода Менги-Тимура. Монголо-татары по достоинству оценили его выгодное стратегическое положение, и он вскоре стал важным золотоордынским центром, получив в народе название Татартуп («Стоянка татар»). Интенсивное строительство велось в нем при хане Узбеке. В связи с политикой исламизации, которую он проводил в своих владениях, возводятся мечети и минареты. Очевидно, в этот же период (хотя и не одновременно) вновь отстраиваются и некоторые верхне-джулатские церкви, на что указывает тождество материалов и техники кладки мусульманских памятников и церквей № 1 и № 2, подвергшихся не только восстановлению, но и перестройке. При этом в фольклоре местного населения сохранилось воспоминание, зафиксированное И.Ф. Бларамбергом, что «эти церкви были построены френгами», то есть западноевропейцами, «которые жили в Татарии»³⁴.

Тут и надлежит обратиться к фактам, углубляющим и уточняющим схему В.А. Кузнецова.

Как известно, еще с начала XIII в. на Кавказе развернули широкую пропаганду католические миссионеры. Последующие отношения между Римом и золотоордынскими ханами налаживались медленно и трудно. Лишь в 1315 г. в Сарае было учреждено католическое епископство, первым главой которого стал францисканец Стефан. Сохранились письма, подтверждающие, что хан Узбек поддерживал прямые контакты с папой Бенедиктом XII, отправлял к нему послов. В переписке папа в самых лестных выражениях благодарил за подарки, за заботу о католиках, проживавших в Золотой Орде, и выражал надежду на обращение всей ханской семьи в католичество. Все это, однако, не помешало Узбеку в 1324 г. организовать поход русских князей против Литвы, чтобы запретить Гедимину принять католичество, а также и форсировать исламизацию подвластных земель³⁵. Не случайно, понадобилось около двух десятилетий, чтобы последствия католического миссионерства в Золотой Орде дали реальные плоды. М.Д. Полубояринова привела сообщение францисканца Элемозина 1336 г. о том, что-де в Золотой Орде «насаждена истинная церковь, и здесь братья-минориты учредили свои убежища в десяти местах: пять из них в татарских городах, пять – в боевых станах и пастушеских таборах татарских»³⁶.

31 ПСРЛ, XVIII. С. 75; «Воскресенская летопись»..., с. 173.

32 Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи (опыт историко-художественной классификации), т. 1. М., 1963, с. 202-203.

33 Кузнецов В.А. Путешествие..., с. 53.

34 Адыги..., с. 420.

35 Полубояринова М.Д. Указ. соч., с. 27.

36 Там же, с. 27.

Донесения миссионеров носили подчас преувеличенный характер. Трудно поверить в достоверность сообщения автора о «насаждении истинной церкви» повсеместно в Золотой Орде. Но все же успехи католичества к 1336 г. очевидны. И возможно, что в число пяти затронутых ими городов входил и Татартуп, в котором после завершения строительства мусульманских культовых зданий, скорее всего, уже в 30-х годах XIV в., были частично подняты и перестроены церкви. Это отвечало планам джучидов, заинтересованных в том, чтобы насаждением тут католичества среди немусульманской части населения окончательно разорвать традиционные узы религиозного альянса Грузии и алан.

Католические миссионеры нашли в Дедакове-Татартупе подходящую почву: ведь большинство местного населения и различного люда, пригнанного из Закавказья и Руси, были христиане, единые в своем неприятии ислама и потерявшие до поры традиционные возможности для отправления своих конфессиональных обрядов.

При этом, однако, не следует забывать, что культы любого вероисповедания в конкретных этнокультурных условиях приобретают специфические черты и, внедряясь в духовную жизнь, впитывают в себя компоненты исконной местной культуры³⁷. Наглядным свидетельством такого положения и является архитектура вновь поднятых из руин храмов Верхнего Джулата. Очевидно, восстановление церквей велось по заказу католических миссионеров пленными ремесленниками из Закавказья и Руси, что и объясняет появление в связи с католическими храмами кирпича с «авилонками» (след присутствия русских мастеров)³⁸ и черепицы, изготовленной закавказскими (грузинскими?) мастерами.

Вскоре, начиная со второй половины XIV в., отношения Золотой Орды с Западом стали резко ухудшаться. И уже при Тимуре были уничтожены достижения католической пропаганды среди татар³⁹. Войсками Тимура в 1395 г. был разрушен и Татартуп, после чего он уже больше не восстанавливался как городской центр, постепенно превратившись в Верхне-Джулатское городище – почитаемое место для окрестного населения самых разных вероисповеданий.

Немецкий путешественник Иоанн Шильбергер, побывавший в начале XV в. на Северном Кавказе, оставил сообщение о том, что он посетил «гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые там имеет епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски для того, чтобы их прихожане были тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как понимают то, что священники читают и поют»⁴⁰.

По всей видимости, И. Шильбергер в своих записках говорит о том, христианском населении, которое обитало в широкой округе поверженного города после того, как ушли тимуровские полчища. Сравнительно недолгое время оно продолжало придерживаться католической обрядности, постепенно теснившейся культовыми представлениями и церемониями. Вот почему он отмечает, что «молятся и поют» здесь по-татарски. Вполне вероятно, что эти (и иные) литургические действия были еще связаны с разграбленными Тимуром храмами города. А под татарами автор, скорее всего, подразумевает местные кавказские народы, которые по ассоциации у него выступают под этим собирательным названием.

Любые уступки и ухищрения не укрепили здесь католической доктрины, подвергшейся неуклонной этнизации. А с XVI в. вновь возрастает влияние Грузии и ее церквей на соседние народы Северного Кавказа⁴¹. Уже в середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби упорно причисляет округу запустевшего города Джулата к «Дадиянской земле», то есть к Грузии, сообщая о широком распространении тут грузинского языка⁴². Важно отметить, что свидетельства Челеби по этому вопросу базировались не столько на личных впечатлениях (сам он — в отличие от бытующего в литературе убеждения — руины города не посещал), сколько на контаминации фольклорных сюжетов, услышанных в этих местах. А эти последние вполне закономерно оттеняли ту явственную роль, которую сыграл грузинский политико-культурный элемент в былой истории сперва аланского, а потом золотоордынского города близ устья Дарьяльского ущелья.

Существенно, что столь длительная история церквей в Верхнем Джулате олицетворяется и обширным христианским могильником, окружающим церковь № 1. О.В. Милорадович датировала его XII-XIII-XIV вв.⁴³. На самом деле хронологический диапазон погребений охватывает здесь XIII-

37 Умаров С.Ц. О некоторых особенностях этнизации отдельных христианских культов в Чечено-Ингушетии // АВЭИСК. Грозный, 1979, с. 125.

38 Рыбаков В.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // Советская археология, № 1, 1957, с. 108.

39 Полубояринова М.Д. Указ. соч., с. 27.

40 Путешествие Иоанна Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1384 по 1427 г. // Записки Новороссийского университета, т. 1, ч. 1. Одесса, 1867, с. 30.

41 Виноградов В.Б. Назревшие задачи изучения религиозных верований на Центральном Кавказе // Тезисы докладов X Крупновских чтений. М., 1980, с. 66-68.

42 Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 2. М., 1979, с. 97-103.

43 Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА, № 114. М., 1963, с. 1 05.

XVII вв.⁴⁴. Это значит, что уже и после окончательного запустения самих храмов (в связи с исламизацией равнинной зоны Северного Кавказа в XVI-XVII вв.) руины их продолжали оставаться святыней для окрестных народов, сохранивших следы христианского вероисповедания.

Итак, наш анализ позволяет усомниться в плодотворности однозначной историко-конфессиональной (католической) интерпретации верхне-дзулатских церквей. Перспективным представляется выделить два периода функционирования христианских храмов Верхнего Дзулата:

XIII в. (до 1278 г.), когда они были построены и использовались под прямым влиянием грузинской церкви и в результате постоянных тесных взаимосвязей с Грузией;

30-е годы XIV – начало XVI в., когда произошло оживление христианства под воздействием католических миссионеров, что и повлекло восстановление и перестройку части ранее разрушенных храмов, потерявших именно на этом этапе свою исходную близость к кругу грузинской церковной архитектуры.

Впервые опубликовано: Известия АН ГрССР («Мацне»). 1980. № 2, с. 149-159.

44 Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // ИСКНЦВШ, № 1. Ростов н/Д., 1977, с. 64-68.

ЕЩЕ РАЗ О МЕСТЕ УБИЙСТВА МИХАИЛА ТВЕРСКОГО, РЕЧКЕ «ГОРЕСТЬ» И СЛАВНОМ ГРАДЕ ЯССКОМ ДЕДЯКОВЕ» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина)

Обширный список литературы о яском городе Дедякове (Тютякове) пополнился недавно двумя интересными статьями, авторы которых (Е.Г. Пчелина и В.А. Кучкин), анализируя одни и те же источники и труды предшественников, сообщают читателю много свежих и весьма дельных наблюдений и в конце концов приходят к взаимопротивоположным выводам. Е.Г. Пчелина отвергает тождество Верхнего Джулата-Татартупа с Дедяковым и склонна искать последний на берегах Сунжи¹. В.А. Кучкин после скрупулезного разбора источников и выявления в них всех истинных и мнимых противоречий считает возможным согласиться с теми, кто отождествляет «средневековое аланское городище в районе Татартупа с древним Тютяковым»².

Оба исследователя подробно излагают свои точки зрения на местонахождение ставки хана Узбека, где в ноябре 1318 года был убит русский князь Михаил Тверской. И хотя обоим авторам ясно, что ставка эта находилась где-то в Терско-Сунженском междуречье, их анализ источников и выводы вовсе не аналогичен.

По-видимому, все это — следствие неполноты кавказских реалий, использованных для комментариев к текстам русских летописей, и некоторой односторонности историков в подходе к отдельным (представляющимся им наиболее ценными) сторонами летописных свидетельств.

Несомненно, обе статьи значительно приблизили нас к решению вопросов, вынесенных в заголовке предлагаемого этюда. И если появилась возможность продолжить анализ Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина, ввести новые материалы в обсуждение проблемы и сделать новые выводы, то только потому, что названные работы вышли в свет и дали обильную пищу для раздумий и поисков.

Итак, где был убит Михаил Тверской?

Прежде всего нужно согласиться с мнением В.А. Кучкина, что текст летописей не дает права отождествлять место гибели Михаила с городом Дедяковым, как это полагает Е.Г. Пчелина, строя свою концепцию о местонахождении яского города. В самом деле речь в летописях идет о той местности (районе), где опальный князь последние дни жизни «пребыть в тои нужи» (Никоновская летопись), «в неизреченном томъ терпении, в такой тяготе» (пространная редакция повести о Михаиле), где он был убит ханом Узбеком (Симеоновская летопись). И местность эта лежит «за рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими, у града Титякова, на **реке Сивинце**, близ Врат Железных, у болвана медяного у златяя главы, у Темиревы, у богатыревы могилы» (Никоновская летопись); или «за рекою Терком, **на реце на Севенци** под городом Тютяковым, минувши горы высокия Ясския, Черкаская, близ Врат Железных» (пространная редакция); или «**на реце Наи** у города Дедякова» (Симеоновская летопись). Как видим, упомянутый тут Дедяков (Тютяков), — всего лишь один из нескольких топографических ориентиров, призванных служить точной локализацией трагического действия. Из всех этих ориентиров, достаточно отделенных летописцами от самого места убийства при помощи предлогов «расстояния» (за, под, у, близ), наиболее конкретно звучит постоянное «**на реке Сивинце (Севенци, Наи)**». Исходя из этого определенного летописного указания, и надо искать место убийства Михаила в ханской ставке, вблизи которой располагались все остальные топо-географические объекты, в том числе и Дедяков.

В.А. Кучкин убедительно показал, что слова: «У болвана медяного у златяя главы, у Темиревы у богатыревы могилы» — являются вставкой середины XVI века в текст летописи. О возможном историко-географическом смысле этой вставки речь будет идти ниже. А пока разберем древнейшие и подлинные ориентиры русских источников в рассказе о Михаиле. Они («За рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими... на реке Сивинце, близ Врат Железных»), бесспорно, указывают на какой-то район на правом (восточном) берегу Терека в его меридиональном течении. Именно там — под горами Яскими (Осетинскими) и Черкасскими (напомню, что по-чеченски Терский хребет и доньне зовется «Чергси-рагИнаш» — Черкесские хребты), неподалеку от Врат Железных (несомненно Дарьяльского похода), **на реке Севенце** — и находилась ставка хана Узбека.

Мне представляется неоправданным отрицание В.А. Кучкиным сходства в названиях Севенец и Сунжа. Как бы там ни было, а летописное название Севенец (Сивинец, Севенча) близко напоминает варианты наименования Сунжи в персидских источниках начала XV века. (Севендж, Сивендж, Суюндж и т.д.)³. По поводу предпочтительного наименования яского города Тютяковым (а не Де-

1 См.: Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Дедякова по русским летописям в исторической литературе // МИА, 1963, № 114, с. 152–161.

2 См.: Кучкин В.А. Где искать Яский город Тютяков? // Известия СОНИИ, т. 25, история. Орджоникидзе, 1966, с. 169–183.

3 См.: Миллер В.Ф. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, с. 70.

дяковым) В.А. Кучкин высказывает тонкое наблюдение: «Автор повести сопровождал своего князя в Орду, был очевидцем его смерти, а потому мог передать название города в форме, наиболее близкой к местной». Точно также могло быть и с названием реки, переданным в близком соответствии к местной (аланской? тюркской?) форме. Вспомним, к слову, что в грузинской летописи XI века Сунжа упоминается под названием «Сэвиндж»⁴. Сходство приведенных ранних вариантов очевидно, а главное — они созвучны в историко-лингвистическом плане и с остальными разновидностями названий реки Сунжи (Сивендж — Сунундж — Суюндж — Сундж — Сунша)⁵.

Вопрос несколько осложняется тем, что в Симеоновской летописи, восходящей, по-видимому, к Тверскому великокняжескому своду 1319 года, река Севенец (Сивинец) именуется Ная. Это название, конечно, не сопоставимо с алано-тюрко-персидскими именами Сунжи. Но поскольку реки с похожим названием на правобережье Терека нет, да и все остальные подробности Симеоновского сообщения находят полную аналогию в других летописях, приходится допускать единственное объяснение: в Тверской великокняжеский свод попало какое-то иноязычное местное название Сунжи (ведь совершенно не обязательно, чтобы эту достаточно большую реку Предкавказья одинаково называли на всем ее протяжении).

Оставляя решение вопроса лингвистам, укажу лишь на некоторые возможные вейнахские (чечено-ингушские) этимологии этого названия⁶.

В горной Чечено-Ингушетии есть два селения, именуемых Нюй (Ассинское ущелье) и Нюй-Юрт (Ичкерия). Нюй (Нуьй) — на вейнахских языках — веник, а вернее — метла из прутьиков. В предгорьях и на растущей еще недавно по берегам Сунжи. Отсюда эти селения и получили свои названия. То же могло случиться и с названием реки⁷.

Возможно и другое объяснение: Ной (чеч.), Ний (инг.) — корыто для водопоя скота. Специально оснащенные места постоянно функционировавших водоемов получали у вейнахов определенное название. Так, например, наименование крупного притеречного аула Наур этимологизируется как Ной-ре (буквально — к водопойному корыту). Действительно, со времени заселения вейнахами этого района Притеречья (XVII–XVIII века) окрестности Наура служили постоянным водоемом для огромных стад. Совершенно не исключено, что в древности подобную функцию выполняла какая-то часть сунженской поймы, и это могло отразиться на названии реки, забытом впоследствии.

Обе этимологии исторически вероятны, тем более, что не вечно же и не для всех Сунжа имела ираноязычным (или тюркоязычным) термином. Вполне возможно, что донесенное до нас тверским летописцем начала XIV века название реки — Ная — и есть одно из многих утерянных в веках туземных названий реки Сунжи.

Однако все эти лингвистические экскурсы, подтверждающие тождество Севенца-Наи с Сунжей, во многом обесценились бы, если бы мы не сумели установить местонахождение еще одной речушки, занимающей почетное место в рассказе о смерти Михаила. Я имею в виду реку Аджь, «еже речется Горесть».

Еще со времен Н.А.Карамзина отмечено, что летописец правильно перевел этот тюркский термин (аджь — горечь, печаль), а вот локализация реки Аджь (Горькая) не решена до сих пор сколько-нибудь положительно. Последняя попытка Е.Г. Пчелиной отождествить летописную Аджь с рекой Горькой Прорвой близ Кизляра не может считаться удовлетворительной после тщательного текстурального анализа В.А. Кучкина, доказавшего, что река Аджь (Горесть) протекала в непосредственной близости от татарского кочевья на Севенце, рядом с ним⁸.

Следует отметить (вслед за В.А. Кучкиным), что, судя по ряду вскользь брошенных замечаний летописца, татарское кочевье на Севенце занимало большую площадь. Кроме самой орды, там был большой торг и станы русских князей, причем шатер (вежа) Михаила и его стан находились несколько в стороне от ставки хана и Юрия Московского («Се уже едут от орды Ковгадыи, и князь Юрьи съ множеством народа прямо къ твои вежи...», «Кавгадыи наперед посла в стан Михайлов, тоже сами пришедшее съседоша с коней...»). Большая площадь кочевья подтверждается и словами о том, что к Узбеку «в то время съехалось бесчисленное множество от всех языкъ» (Повесть о Михаиле Тверском).

А река Аджь протекала где-то рядом. До нее, как говорится, рукой подать. Перевоз через реку трупа на телеге не потребовал много времени и был сделан слугами в день убийства Михаила. Ночью слуги

4 См.: Картлис цховреба, т. 2. Тбилиси, 1959, с. 36 (на груз. яз.).

5 Название Сунжи (аланское? тюрское?), очевидно, давало большой простор для создания вариантов гидронима в устах других народов. К указанным выше нужно добавить чечено-ингушские «Соьлж» и «Шолж».

6 За консультацию по данным вейнахских языков сердечно благодарю кандидатов филологических наук И. Арсханова, И. Озоева, а также директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института А. Саламова.

7 Подобных «описательных» названий селений, рек у вайнахов много. Даже, например, Чечен-Аул (Чечен-Эвла), от которого произошло этническое название вайнахов, переводится с чеченского буквально — камышовый аул.

8 Только мнение В.А. Кучкина о слиянии рек Севенца и Аджи, то есть о том, что Аджь — приток Севенца, по-видимому, является заблуждением: в летописи на этот счет ничего не говорится, и, вероятно, мы имеем тут дело просто с соседними реками.

в испуге убежали в свои станы, отсюда ясно, что последние располагались где-то неподалеку. Утром эскорт бояр выехал к телеге с прахом князя, и лишь после этого начался долгий путь в сторону Маджар⁹.

Все это говорит о том, что по соседству с кочевием на Севенце была река Аджь, через которую лежал прямой путь на Маджары¹⁰.

Что же это за река Аджь (Горесть)? Где ее искать?

Как это иногда случается, оказалось, что объект многолетних поисков, охвативших весь Кавказ¹¹, находится совсем рядом — в той же самой западной части Терско-Сунженского междуречья, по соседству со всеми летописными ориентирами и, главное, рядом с Сунжей, к северо-западу от ее верхнего течения (в районе выхода на плоскость).

Эта небольшая река ныне называется Ачалуки, и в ее имени легко угадывается тюркское «аччылык» («аджалык») — горечь. В данном гидрониме значимая основа «ачча» (диалектное — аджа) — горький, а «лык» — типичный тюркский словообразовательный суффикс¹², то есть название реки Аччалык (Аджалык) есть полный эквивалент летописной Аджи, которая «еже речется Горесть, горесть бо и бе братие». Если даже последние слова о горечи аллегория летописца, безмерно опечаленного гибелью князя, то все равно факт остается фактом: Аджь (Горесть) — горькая река. И это действительно так: в речку впадают минеральные источники и ее вода горьковатая (не говоря уже о том, что сама минеральная целебная вода «Ачалуки», взятая из местных источников и продаваемая ныне в магазинах, имеет характерный солоно-горький вкус).

Географическое местонахождение Ачалуков (реки с тремя одноименными селениями на ней) полностью соответствует летописной Аджи. Она течет параллельно Сунже и отстоит от последней всего лишь на 10–12 километров. Реки разделены достаточно холмистым Сунженским хребтом. Но от современных присунженских селений Плиево и Карабулак к минеральным родникам селения Средние Ачалуки ведет глубокая и просторная балка (лощина), прорезающая возвышенность насквозь и испокон веков использовавшаяся как единственный в этом районе путь через Сунженский хребет (там и сейчас проходит проселочная дорога, да и без нее этот путь вполне доступен телегам)¹³. Именно через Ачалуки прямо на север лежит дорога к Маджарам, и это, пожалуй, самый верный путь от Сунжи к ордынскому городу.

И если мы вспомним, что кочевие Узбека и его вассалов занимало в 1318 году обширное пространство по берегам Севенца, а стан опального Михаила располагался вообще несколько на отшибе от Орды, то станет ясно, что географическое расстояние от Сунжи до Ачалуков (10–12 километров) вовсе не было равно расстоянию от Горькой речки до центра Орды, а тем более до места убийства. Надо думать, что и ханский шатер по традиции стоял не в низине, а скорее всего на господствующем холме. Такой холм (652 метра) есть прямо у дороги от Сунжи к Ачалукам и называется он горой Шейха. От него до Ачалуков едва ли 7–8 километров. Именно на нем стоит золотоордынский мавзолей Борга-Каш, о котором мы еще будем говорить ниже.

Следовательно, отождествление реки Аджь-Горесть с Ачалуками снимает все неясности, ибо Горькая речка течет рядом с Сунжей, от которой через хребет идет удобная дорога, продолжающаяся на север к Маджарам, и, может быть, самое существенное то, что расстояние в 7–8 километров, которое отделяло Ачалуки от возможного места убийства Михаила Ярославича, вполне соответствует тем быстрам манипуляциям, которые последовали после его смерти (перевоз на телеге за Аджь, бегство слуг в страны, утренний эскорт бояр).

Но в порядке контроля попробуем подойти к проблеме с другой стороны: есть ли основания для помещения татарского кочевия на отрезке сунженского берега, соседствующем с Ачалуками? Да, есть.

Исследования Т.М. Минаевой в 1945 году выявили на берегах Сунжи несколько золотоордынских стоянок и поселений и показали, что пойма реки была местом частого посещения кочевников-ордынцев¹⁴. Об этом же говорит вейнахский фольклор и данные топонимики¹⁵. Изучение двух последних источников показало, что одним из очагов тюркской топонимики в Чечено-Ингушетии и соответствующих фольклорных мотивов является левобережье Сунжи в месте ее выхода на плоскость, то есть

9 См.: Кучкин В.А. Указ. соч., с. 174–175.

10 Попытка изобразить путь траурного кортежа от Сунжи к Кизляру и лишь потом к Маджарам (Е.Г. Пчелина) представляется мне натяжкой, ибо такой маршрут нельзя мотивировать ничем, кроме неверного отождествления летописной Аджи и Горькой Прорвы в низовьях Терека.

11 Историографию вопроса см. в статье Е.Г. Пчелиной (с. 155–156).

12 См.: Попов А.И. Географические названия. М.; Л., 1965, с. 167; Русско-кумыкский словарь. М., 1955.

13 См. карты Чечено-Ингушской АССР.

14 См.: Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов Ставропольского пединститута, вып. 13. Ставрополь, 1958, с. 413 и сл.

15 См., например: Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Известия Чечено-Ингушского музея краеведения, вып. 10. Грозный, 1961, с. 112–129; Базоркин М.М. Борганы в Присунженской долине..., с. 130–143.

именно в рассматриваемом нами районе. В зоне междуречья Ачалуков и Сунжи прочно сохранились такие тюркские гидро- и топонимы как Карабулак, Ачалук, Буру (Боарц), Буру (Чие), Буро, Гулгюз, Сосакх и др. Сопоставление их с фольклорными мотивами дало основание сделать вывод, что резиденция татар одно время располагалась в этой части Сунженской долины¹⁶.

И, наконец, еще одно соображение. Редактор середины XVI века вставил в рассказ о месте убийства Михаила Тверского дополнительные ориентиры: «У болвана медяного у златыя главы, у Темиревы у богатыревы могилы». Очевидно, вставка преследовала цель еще более конкретного указания места (на Севенце, где стояла Орда). Нужно всячески приветствовать попытки Е.Г. Пчелиной локализовать данные поздние ориентиры, возможно, не случайно попавшие в текст летописи.

О медном золотоголовом «болване» мне нечего добавить к весьма интересным соображениям Е.Г. Пчелиной, сопоставляющей «болвана» с изображениями общевейнахской богини Тушоли, центр почитания которой находился, кстати, по соседству с Сунжей, в Ассинском ущелье, где у селения Ког в центральном святилище стояла фигура богини с бронзовой маской.

Другое дело — «Темирева богатырева могила».

Е.Г. Пчелина сопоставила данное летописное известие с легендами о Тимуровом рве, одинаково известном чеченцам, ингушам, осетинам, кабардинцам, допуская, однако, что под «Темиревой богатыревой могилой» мог подразумеваться какой-либо курган или склеповое сооружение. В.А. Кучкин также допускает возможность существования какой-то могилы, где покоились богатыри, современники Тимура. Тут же исследователь высказывает очень плодотворную догадку, что вставки в Никоновскую летопись появились в результате знакомства русских в фольклорными произведениями народов Северного Кавказа.

Оба исследователя, как мне кажется, вплотную подошли к решению вопроса. Во всяком случае их соображения наводят на следующее сопоставление. Между селениями Карабулак и Плиево, на одном из холмов Сунженского хребта (гора Шейха) прямо у дороги от Сунжи к Средним Ачалукам, в 7–8 километрах от последних, стоит единственный в своем роде в Предкавказье (исключая несохранившиеся ныне маджарские гробницы) великолепный белокаменный мусульманский мавзолей Боргакаш — усыпальница некоего Бек-Султана, сына Худайнада. Время сооружения этого восточного мавзолея — 806 год хиджры (1405–1406 годы)¹⁷.

Таким образом, все в том же районе сунженского побережья рядом с речкою «Горесть» действительно оказывается выдающаяся из числа местных памятников, резко отличная от них уникальная гробница ордынского феодала — современника Тимура. Между прочим, в многообразном фольклорном материале, собранном Л.П. Семеновым, выделяются наиболее достоверные легенды, согласно которым в усыпальнице погребен ордынский хан — «владелец Татартупа», хан-татарин, «сподвижник великого Тамерлана». Эти сведения вполне согласуются с исторической обстановкой, в которой жил и умер Бек-Султан.

Резко выделяющийся среди местных памятников, овеянный многими легендами мавзолей Бек-Султана, Худайнадова сына, мог стать тем дополнительным ориентиром, который внесли редакторы XVI века в рассказ о месте убийства Михаила Тверского.

Это, конечно, лишь гипотеза, но бесспорно другое: мавзолей ордынского хана был возведен на этом месте не случайно. Очевидно, строительство его на холме Сунженского хребта было чем-то мотивировано, и, думается, существенным побудительным стимулом могло стать то, что этот район традиционных татарских кочевий считался одним из признанных центров, где неоднократно разбивали свои шатры и сам Бек-Султан, и его сановные предки.

Конечно, на огромном пространстве Предкавказских степей данный район побережья Сунжи был далеко не единственным излюбленным местом татарских остановок и традиционных кочевий, но именно там разыгрался последний акт трагедии Михаила.

Стоит в этой связи внести поправки в логические построения В.А. Кучкина относительно маршрута похода Узбека в январе 1319 года в Закавказье. Исследователь пишет: «При предположении, что орда Узбека в ноябре 1318 года находилась в Терско-Сунженской долине, становится непонятным, почему Узбек не вторгся во владения Абу-Саида через Дарьяльское ущелье, а предпочел окружной путь через Дербент Каспийский. Думается, что орда в конце 1318 года кочевала в другом месте и не на верхней Сунже надо искать ее стоянку...» (с. 177). Здесь, очевидно, налицо недоразумение. Если даже оставить в стороне возможные стратегические и тактические преимущества внезапного появления огромного войска как раз там, где его не ждали (а источники говорят именно о неожиданном вторжении

16 См.: Базоркин М.М. Указ. соч., с. 139.

17 Мавзолю Боргакаш посвящена обширная литература. См., например: Семенов Л.П. Мавзолей Боргакаш // Известия Ингушского НИИ, вып. 1. Владикавказ, 1928, с. 217–232; Его же. Брагунский мавзолей // Известия Северо-Осетинского НИИ, т. 17. Орджоникидзе, 1956, с. 146–158; Лавров Л.И. Надписи мавзолея Боргакаш // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 5, вып. 1. Грозный, 1964, с. 162–163. В этих работах дана и подробная библиография.

войска Узбека), то остается главная причина невозможности для Узбека воспользоваться Дарьялом: он закрыт снегами и ледниками в зимнее время (а дело-то было в январе) и совершенно непроходим для больших людских масс, тем более конницы.

Вассаф сообщает, что каждый татарский воин вел с собою в этом походе трех коней. Будучи так оснащенной, мобильная армия Узбека без всякого труда и достаточно быстро могла преодолеть путь от своей стоянки в верховьях Сунжи до Дербентского прохода.

Так, по-моему, решается вопрос о местонахождении татарской ставки на Севенце, близ Аджи. Так решается вопрос о месте убийства князя Михаила Ярославича Тверского.

А теперь обратимся к последнему объекту наших поисков — славному ясскому городу Дедякову (Тютякову). Судя по летописным свидетельствам, он должен быть где-то неподалеку, ибо убийство произошло «у града Титякова» (Никоновская и Симеоновская летописи), под ним (пространная редакция повести о Михаиле). Но где конкретно располагался этот знаменитый город, с каким известным археологическим памятником можно его отождествлять?

Я не могу согласиться с выводом Е.Г. Пчелиной о местонахождении Дедякова¹⁸ и считаю необоснованным его отождествление с городищем Алхан-Кала. Для этого есть веские основания.

Во-первых, пойма реки Сунжи может считаться достаточно изученной археологами (В.М. Миллером, А.А. Бобринским, А.П. Кругловым, Л.П. Семеновым, Г.В. Подгаецким, Т.М. Минаевой, Е.И. Крупновым, М.П. Севостьяновым, В.Б. Виноградовым и др.), чтобы ответственно утверждать: здесь нет материальных остатков крупного города, синхронного летописному Дедякову. Нет подходящего памятника и в остальных районах плоскостной Чечено-Ингушетии, охваченных квалифицированными разведками, выявившими тут более 300 различных археологических объектов¹⁹.

Ведь Дедяков (Тютяков) не просто выдающийся аланский город раннего средневековья. Он продолжал оставаться крупным и богатым городом и в золотоордынскую эпоху. По крайней мере в 1318 году Дедяков существовал. Он оправился после разорения 1278 года, по-прежнему играл важную роль в Предкавказье и был широко известен на далекой Руси. Нет никаких оснований считать, что после событий 1318 года славный ясский город вдруг внезапно исчез. Поэтому на идентичность с Дедяковым может претендовать лишь тот бытовой памятник Центрального Предкавказья, который имеет культурный слой не только аланского времени, но и периода господства здесь Золотой Орды. Причем этот последний этап жизни города вовсе не проходил под знаком его угасания.

Вот поэтому-то и приходится со всей категоричностью исключить из числа претендентов единственно подходящее в Чечено-Ингушетии по своим размерам и функциям огромное Алхан-Калинское аланское городище. Ни предварительные разведывательные посещения его Т.М. Минаевой, Е.И. Крупновым и другими, ни довоенные небольшие раскопки А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого, ни мои трехлетние (1965–1967) раскопки в различных местах памятника не дают права на подобное отождествление, ибо золотоордынского слоя на городище нет. Напротив, последние исследования дали в самом позднем (верхнем) слое яркую картину гибели его, и это событие произошло в доордынское время, никак не позднее начала XIII века. Большое, отлично укрепленное аланское городище прекратило свое существование, и к интересующему нас времени (начало XIV века) территория некогда цветущего города использовалась лишь для кратковременных стоянок ордынцев²⁰. И уже если говорить о возможном названии этого аланского центра, то скорее всего нужно вспомнить раннюю столицу алан — город Магас, которая, по утверждению арабского географа и путешественника Масуди, в X веке находилась где-то в районе плоскостной Чечено-Ингушетии. К процветающему, борющемуся, уничтожаемому врагами и вновь поднимающемуся из праха славному ясскому городу Дедякову все это не имеет никакого отношения.

Дедяков надо искать в другом месте, и мне представляется, что только два археологических памятника могут расцениваться как серьезные претенденты на славу Дедякова. Я имею в виду крупнейшие в Центральном Предкавказье аланские поселения, известные науке под именами Верхнего и Нижнего Джулата. Оба они имеют богатые верхние слои XIII–XIV веков, то есть оба они синхронны Дедякову. Однако степень их изученности различна: Верхний Джулат (Татартуп) подвергся широкому стационарному раскопкам экспедиции под руководством Е.И. Крупнова²¹. Нижний же Джулат только затронут лопатами археологов²². Поэтому, может быть, преждевременно пока считать тот или иной Джулат бывшим Дедяковым. Однако расположение Верхнего Джулата все-таки более подходит к опи-

18 «Нет сомнения, что дальнейшие изыскания советских археологов на территории Чечено-Ингушской АССР позволят... опознать стоявший в бассейне Сунжи «Ясский славный город Дедяков» русских летописей». (Пчелина Е.Г. Указ. соч., с. 159).

19 См.: Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. (Материалы к археологической карте). Грозный, 1966.

20 Лишь в центральной части городища встречается очень небольшой подъемный материал, относящийся к эпохе Золотой Орды.

21 См.: Средневековые памятники Северной Осетии // МИА, 1963, № 114.

22 Небольшие раскопки произвели здесь и в последние годы археологи Кабардино-Балкарского НИИ Г.И. Ионе и И.М. Чеченов.

санию местонахождения древнего Дедякова, которые донесли до нас русские летописи. Он расположен близко и к месту убийства Михаила Тверского, которое нам видится в районе междуречья Сунжи и Ачалуков. Во всяком случае те 60–70 километров, что разделяли город на Тереке и татарское кочевие на Севенце, минимальное из расстояний, которые пролегали между предсмертной вежей князя Михаила и другими ориентирами (Яскими и Черкасскими горами, рекою Теркою, Железными Вратами), названными летописцем для того, чтобы потомки навсегда запомнили место, где сложил голову гордый русский князь, усиления которого так боялась Золотая Орда.

Стоянка татар на Севенце была и впрямь «у града Титякова», ибо ближе никакого другого города в то время не было. Да им много ли 60–70 километров проторенной равнинной дороги для кочевых орд и их вольных или невольных спутников? Конечно нет, и поэтому-то безымянный редактор середины XVI века, немало осведомленный об истинном положении дел, уверенно вставил в летописный рассказ о битве Тимура и Тохтамыша, произошедшей недалеко от Джулата-Татартупа, свое пояснение: «...близ реки Сивинце» (Никоновская летопись).

Так не станем и мы ломать копий, «раздирая на клочки» бесхитростный рассказ очевидца смерти Михаила, выбирая по своему усмотрению и противопоставляя друг другу отдельные ориентиры в нем, показавшиеся нам правильными или нет, а объективно оценим его так, как он есть, — в целом, в глубокой и единственно возможной связи сообщенных в нем фактов. Ведь мы ищем истину спустя 650 лет со дня события, а для того, чтобы прийти к ней, нужно не только использовать случайно сохранившиеся до наших дней фрагментарные очевидные реалии, но разыскать все то, что надежно укрыло от глаз исследователя минувшее время, век за веком. Анализ источников и по возможности полный кавказоведческий комментарий к ним позволяют с большой долей уверенности утверждать: 1. Михаил Тверской был убит в татарском кочевии, располагавшемся на участке левобережья Сунжи в окрестностях современных селений Плиево и Карабулак, недалеко от мавзолея Борга-каш, у дороги к Ачалукам. 2. Летописная речка Адъж (Горесть) соответствует реке Ачалук, находящейся в нескольких километрах северо-западнее кочевия Узбека, на прямом пути от сунженского берега к Маджарам (через Моздок или Нижний Джулат). 3. «Славный град Ясский Дедяков» — ближайший к кочевью крупный город — может быть скорее всего отождествлен с Верхним Джулатом (Татартупом), хотя не исключена возможность сопоставления его и с Нижним Джулатом. Но это уже дело не историков, трактующих летописи, а археологов.

Впервые опубликовано:

Ученые записки Чеч.-Ингуш. гос. пед. института. № 26. Серия историческая, вып. 7; Серия экономическая, вып. 1. Грозный: Чеч.-Ин. кн. изд-во, 1968, с. 62–70.

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

В советской историографии отвергнуты унаследованные от дворянско-буржуазной науки представления о том, что горцы Кавказа вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции находились на доклассовой, патриархально-родовой ступени развития¹. Не получил в ней признания и тезис о рабовладельческом характере их древнейших классовых обществ². В противовес названным версиям сложилась и стала фактически общепризнанной концепция развития классового общества у населения горного Кавказа по пути разложения общинного быта и формирования раннефеодальных отношений. Однако среди большинства ее сторонников нет единомыслия: они либо принижают уровень социальной организации горцев, акцентируя внимание на пережитках первобытно-родового строя в ущерб оценке феодализирующегося характера местных обществ³, либо допускают преувеличение степени развития у них феодальных отношений⁴, либо уклоняются от конкретизации своих взглядов, ограничиваясь нечеткими суждениями общего плана⁵. В целом в изучении социально-экономических проблем у горских народов Кавказа преобладают локальные исследования, связанные или с отдельными этносами или современными административными образованиями, а также работы, в которых более широкий этно-территориальный подход ограничен хронологическими рамками⁶.

В последнее время средневековое общественное развитие горцев Кавказа оказалось в центре внимания специалистов (А.И. Робакидзе, Г.А. Меликишвили, З.В. Анчабадзе, Л.И. Лавров). В их докладах и статьях достаточно четко поставлены вопросы о своеобразии местного экономического базиса и форм эксплуатации, частью не связанных с землепользованием и владением пахотными угодьями; о роли военно-аристократического уклада в формировании феодальной прослойки и военно-управленческих функциях горской знати; о специфике местного рабовладельческого уклада, который посредством захвата пленных и последующего их прикрепления к земле служил постоянному пополнению рядов феодально-зависимого населения; о значении естественноисторической среды и хозяйственного фактора в оформлении соответствующих институтов у различных групп горского населения⁷. Большим достижением явилась попытка выделить и охарактеризовать три ступени (стадии) в уровне развития так называемого кавказского горского феодализма, понятие о котором утвердилось в современной науке. Названные авторы определили программу исследований. Но и сами их работы не лишены существенных недостатков. «Кавказский горский феодализм» трактуется в них схематично, через посредство отдельных (хотя и весьма важных) элементов, как некая — в любой из своих ступеней — хронологически неопределенная и нерасчлененная статическая данность вне целостной историко-временной концепции. А. И. Робакидзе признает, что сегодня модель «кавказского горского феодализма» «рассматривается не в хронологическом, а в стадийно-типологическом аспекте»⁸. Такой подход, естественно, не исчерпывает проблемы, а в чем-то и формализует ее.

- 1 Библиографию и критику работ см.: Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография (СЭ), 1960, № 5; Лодыженский А.М. Формы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу (по материалам Северного Кавказа), Научные доклады высшей школы // Исторические науки, 1961, № 2; Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник, т. II. Тбилиси, 1968.
- 2 Библиографию и критику работ см.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972; Новосельцев А.П. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1973; Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР, 1975, № 6; Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975, и др.
- 3 См., например: Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1972; Гольдштейн А.Ф. Планировка и фортификация горных селений Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в XV-XVIII вв. // Архитектурное наследство. 25. М., 1976; Мужухоев М.Б. Средневековая культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, и др.
- 4 См., например: Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 1, вып. 1. Грозный, 1959; Его же. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972; Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI-XVII вв. // Археолого-этнографический сборник № 4. Грозный, 1976; Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977, № 9, и др.
- 5 См., например: Марковин В.И. К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972, № 6; Его же. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦВШ). Ростов н/Д., 1976, № 4.
- 6 Гарданов В.К. Указ. соч.; Его же. Социально-экономический строй народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. Народы Кавказа, т. I. М., 1960; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963; Ее же. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; Попов М.Я. Народы Северного Кавказа в эпоху феодализма // Вопросы истории, 1966, № 7; Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых комплексов Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ, 1977, № 1.
- 7 Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; Меликишвили Г.А. Указ. соч.; Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ, 1978, № 2.
- 8 Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 15.

К тому же в историографии сложилась и резкая диспропорция. Общественный строй средневековых адыгов (кабардинцев, черкесов и адыгейцев) и народов Дагестана, в котором «горский феодализм» выступает в своей наиболее развитой форме, проанализирован достаточно полно и убедительно⁹. Успешно исследуется социально-экономическая история горцев южного склона Главного Кавказского хребта (сванов, хевсуров, тушин и пр.), входивших органически (хотя и сохранявших изрядную долю специфики) в феодальную систему Грузии¹⁰. Но до сих пор крайне слабо раскрыто конкретное содержание процесса генезиса феодализма у горских народов центральной части Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы). Например, в недавно вышедшей работе Л.П. Лашука, рассматривающего актуальные задачи исторической социологии, проблемы классовообразования и становления феодализма на Северном Кавказе решаются только на материалах истории адыгов и дагестанцев¹¹. Другие народы даже не упоминаются, хотя процесс их общественного развития дает ценные факты для толкования самобытных исходных форм феодализации горского общества. Это объясняется отсутствием специальных обобщающих исследований, которые базировались бы не на источниках одного вида или одного хронологического отрезка, а на сумме исторических, географических, этнографических, археологических, архитектурных, фольклорных, лингвистических и прочих данных, на синтезе нынешних знаний об общем и специфическом в долгом историческом пути названных народов.

Настоящая статья является попыткой комплексного подхода к изучению разнообразных источников, проливающих свет на региональные закономерности и локальные особенности генезиса феодализма у населения горных районов Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии, которые условно можно именовать Центральным Кавказом.

Природные условия в значительной мере объясняют особенности экономики Центрального Кавказа в целом и его отдельных ландшафтных зон¹². Наиболее благоприятными для комплексного ведения сельского хозяйства являются равнинные и предгорные районы. Чем выше в горы, тем роль земледелия и полеводства (по причине недостатка удобной земли) резко ослабевает, а скотоводства (главным образом содержание овец и коз) растет, полностью доминируя в высокогорной зоне альпийских лугов (где пашня занимала около 0,5%, а пастбища и сенокосы не менее 38% общего земельного фонда). По данным XIX в., доля доходов, связанных с полеводством, в семейном бюджете жителя высокогорной зоны составляла менее $\frac{1}{5}$ части животноводческих доходов. Средние наделы пахотной земли колебались здесь от 0,8 до 1 десятины на мужскую душу¹³. Техника земледелия оставалась весьма примитивной, и отдельные мероприятия (элементы искусственного орошения, сооружение террас) не меняли этого положения. Скотоводство основывалось преимущественно на подножном корму и сезонных перекочевках скота¹⁴.

Обрабатывающая «промышленность» не пошла здесь дальше домашних промыслов, обеспечивавших натуральное хозяйство горцев, и развития отдельных ремесел в некоторых районах. Это, в свою очередь, тормозило торговлю внутри и между племенами, носившую обменный характер; обусловило отсутствие городов и крайне слабую связь с торгово-ремесленными центрами городского типа, расположенными в Прикаспии, на берегах Черного моря и в Закавказье.

Чтобы как-то компенсировать скудость жизненных ресурсов, горцы либо нанимались на военную службу (главным образом в Грузию), охраняли перевальные дороги, либо совершали набеги в соседние земледельческие районы. За службу они получали скот, различные изделия (особенно ткани), из набегов приводили военнопленных, труд которых использовался в хозяйстве или за них брали выкуп. Все это стимулировало развитие общественного неравенства среди горцев.

Этнический состав жителей Центрального Кавказа пестр. Исконным населением, засвидетельствованным письменными источниками рубежа н. э., были здесь вайнахи (общее название чеченцев и ингушей)¹⁵, относящиеся к носителям иберийско-кавказских языков. Осетины, обитающие ныне на обоих склонах Главного Кавказского хребта, произошли от смешения пришлых ираноязычных алан¹⁶

9 См., например: Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967; Феодальные отношения в Дагестане. Архивные материалы. М., 1969; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Калмыков И.Х. Черкесы. Черкесск, 1974, с. 181-218; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975.

10 См., например: Богверадзе А.А. Проблема генезиса феодализма в Грузии // Проблемы генезиса феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 200 сл.; Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1969; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.. Указ. соч., с. 27; Гасвиани Г.А. Из истории горцев Западной Грузии/ Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тбилиси, 1974, с. 10 сл.

11 Лашук Л.П. Введение в историческую социологию (в двух выпусках). М., 1977.

12 Подробнее см. Народы Кавказа, т. 1-2. М., 1960-1962.

13 См.: Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник, т. II, с. 94 сл.; Калоев Б.А., Осетины. М., 1971; Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 116-117.

14 Подробнее см. Робакидзе А.И. Некоторые черты..., с. 18

15 Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

16 Галлойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза Осетии. Тбилиси, 1967; Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, № 8.

и аборигенных кавказских племен, вероятно, вайнахского круга¹⁷. Они сохранили иранскую основу своего языка, создав синтетическую культуру¹⁸. В происхождении тюркоязычных карачаевцев и балкарцев огромную роль сыграли кочевническо-тюркские компоненты¹⁹.

Местные демографические тенденции (никем специально не исследовавшиеся и почти не отраженные в письменных источниках до XVIII–XIX вв.) находятся в прямой зависимости от степени интенсивности использования высокогорной зоны края. До середины XIII в. она была населена сравнительно слабо в отличие от равнинных и предгорных районов²⁰. Затем на несколько веков она оказалась под контролем враждебных этно-политических сил. Предгорья стали местом упорного противоборства, следствием чего явилась концентрация населения в высокогорье в условиях все растущей скученности при наименьших экономических возможностях. Это подтверждается скоплением архитектурно-археологических памятников XIII–XVIII вв. в зоне так называемых абсолютных пастбищ.

Во время похода 1563 г. русского воеводы Г. Плещеева в район Дарьяла за 11 дней военных действий в высокогорье было взято «кабаков (селений. — *Авт.*) Мшанских и Сонских 164»²¹. В приведенной фразе речь идет о небольших башенных поселках, скопление которых совершенно очевидно. Источник 1650–1652 гг. сообщает данные о количестве селений и численности осетин-дигорцев в верховьях Уруха; здесь количество жителей оказывается близким к 30 тыс. человек²², чем и объясняется вопиющее безземелье дигорцев, вынуждавшее их к переселениям²³. В 50–60-е годы XVII в. в нескольких источниках упоминается чеченская «Шибутская землица»; она хотя и являлась «небольшой», однако выставила ратных людей с «тысячу человек», что указывает на значительное количество населения²⁴. Эти и многочисленные подобные им факты создают удручающую картину чрезвычайной тесноты и земельной необеспеченности горского населения, искавшего выхода в дальних и ближних переселениях.

Среди факторов, существенно влиявших на местную социально-экономическую реальность, были и внешнеполитические, в частности воздействие на местные общества соседних феодальных структур, что приводило к «синтезу элементов различных укладов» в процессе классообразования²⁵. Горцы Центральнокавказского высокогорья оказывались в составе или сфере влияния Грузинского государства. Большую и сложную роль в их развитии сыграли средневековая Алания²⁶ и тюркоязычные кочевники с их специфическими чертами феодализирующегося социально-экономического строя²⁷. Политика Ирана и Турции в XV–XVIII вв. оказывала воздействие на многие стороны истории Северного Кавказа. Определяющим элементом на завершающей стадии генезиса местного феодализма стали установившиеся в середине XVI в. и постоянно крепнущие связи с Россией.

Степень зависимости от отмеченных выше обстоятельств обусловила конкретные этапы и особенности генезиса кавказского горского феодализма в целом и в его локальных проявлениях. Это согласуется с указанием К. Маркса о том, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»²⁸.

Исследования показали, что уже в I тыс. до н.э. у населения Центрального Кавказа происходил интенсивный распад патриархально-родовых отношений и общественный строй характеризовался чертами военной демократии²⁹. Процесс классообразования продолжался в I тыс. нашей эры. К X в. обитатели равнин и части предгорий оказались в составе раннефеодального государственного образования — Алании. В ее этнической, социально-экономической и политической характеристике еще много неясного³⁰, но так называемое царство алан не могло не оказать воздействия на многие горские

17 Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I–XV вв. Тбилиси, 1961.

18 Калоев Б.А. Указ. соч.; Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

19 См., например: Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961; Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник, т. 4. М., 1969, с. 60 сл.; Карачаевцы. Черкесск, 1978.

20 Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966; Кузнецов В.А. О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

21 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа, с. 240–241.

22 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974, с. 112.

23 Калоев Б.А. Указ. соч., с. 26–36; Н. Г. Волкова. Указ. соч., с. 113 сл.

24 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 72–73.

25 Робакидзе А.И. Некоторые черты..., с. 18.

26 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Его же. Феодальное зодчество Алании. Орджоникидзе, 1977.

27 Плетнева С.А. Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях. М., 1958, с. 187–196; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны // История СССР, 1974, № 2, с. 86–87.

28 Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч. т. 25, ч. II, с. 354.

29 Крупнов Е.И. Древняя история..., с. 339.

30 Итоги и задачи..., с. 87.

племена. Почти одновременно (и особенно активно в XI-начале XIII в.) на зону высокогорья оказывает влияние грузинская феодальная монархия, развивавшаяся «по собственному пути, близкому к европейским формам феодализма»³¹.

Знаменательным в этой связи было положение в верховьях Терека и прилегающей округе. Уже сама близость к Дарьяльскому проходу и историческая ориентация на него служили причиной регулярных связей и с Алаанией³² и с Грузией. Эти связи достигли апогея в IX — первой половине XIII в., что повлекло за собою христианизацию части горского населения, строительство нескольких храмов (в том числе и крупнейшего из грузинских на Северном Кавказе — Тхаба-Ерда), учреждение монастырей и епископств, вассально-даннические отношения горцев к Грузии³³. Грузинские источники упоминают «князей дурдзуков (*горных* вайнахов. — *Авт.*) со своими войсками», которые участвовали в походах грузинских царей, свидетельствуют о династических связях между царским домом Картли и дурдзуками, вхождении территории горной Ингушетии в одно из эриставств Кахетии. Эти сведения позволяют предполагать, что в то время значительную роль играла племенная верхушка (старейшины, вожди), более всего заинтересованная в контактах с Грузией. Раскопки могильников подтверждают имущественное неравенство и заметную социальную дифференциацию внутри местного общества, стоявшего на грани зарождения классов³⁴.

Из-за отсутствия источников трудно сказать что-либо уверенно о населении более изолированных от внешнего мира районов высокогорья, таких, как верховья Аргуна, ущелья центральной Осетии, Дигории, Балкарии. Скорее всего их модель общественного строя была близка хорошо исследованным долинам и горным племенам восточной Грузии, то есть характеризовалась доминантой общинных традиций, подвергавшихся влиянию со стороны развитого феодализма Грузии. Обитатели же большинства лесистых предгорий находились в тесных двусторонних связях с плоскостными районами Алании, подпадая, очевидно, под статут этого раннефеодального образования, но, сохраняя черты доклассовой структуры на стадии дробления общины на отдельные семьи, имевшие еще общность экономической базы и относительное равенство достатка³⁵. Вполне возможно, что феодальные отношения определялись тут более всего зависимостью от плоскости, принимая вид данничества или иных обязательств, диктуемых особенностями хозяйства и племенной разобщенностью перед лицом аланской государственности.

Густая населенность археологически фиксируется в просторных, удобных для земледельческо-скотоводческого быта предгорных долинах юго-восточной Чечни (Ичкерии) — важном очаге формирования культуры вайнахов³⁶. Здесь налицо теснейшие связи с Хазарией, Алаанией и горным Дагестаном, а облик общественной структуры, предстающий на основе анализа многочисленных могильников, отмечен в целом имущественной состоятельностью и всеобщей вооруженностью мужчин. Но есть уже и весьма богатые погребальные комплексы, в составе которых, в частности, встречаются серебряные и бронзовые шейные гривны — атрибут властвующих сородичей. Изредка фиксируются случаи ритуального убийства раба или военнопленного; такие захоронения, очевидно, принадлежат жреческой прослойке или родоплеменной верхушке, что соответствует наиболее универсальному пути классообразования на его начальных стадиях. Таким образом, в центральной части Северного Кавказа до середины XIII в. наблюдается заметная общность социального строя, находящегося в стадии перехода к формированию раннеклассовых структур.

Вторжение татаро-монгольских орд, военное поражение и ликвидация Алании, распад единой грузинской феодальной монархии, крах всей раннесредневековой системы взаимных связей населения региона, включение плоскостной территории Северного Кавказа во владения Золотой Орды, а затем расселение на ее большей части кабардинцев, острое противоборство (начиная с XVI в.) Турции, Ирана, а затем и России, почти полная изоляция большинства исследуемых этнических групп в горах — таковы приметы следующего периода генезиса феодализма на Центральном Кавказе (середина XIII–XVII вв.) Он отмечен и резкой активизацией этнических процессов: в зону высокогорья отхлынуло значительное количество обитателей плоскости (аланы, половцы-кипчаки) и предгорий³⁷. Важно

31 Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч., с. 125.

32 Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в истории горной Ингушетии // СЭ, 1979, № 2.

33 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный. 1967, с. 36 сл.; Кузнецов В.А. Феодальное зодчество Алании..., с. 76 сл.; Гамбашидзе Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977.

34 Остается актуальной мысль Е. Шиллинга о том, что одним из гнезд зарождения феодальных отношений были верховья Ассы (см. Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР, т. 2. М.-Л., 1931, с. 7).

35 См. Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1970 с. 6-10.

36 Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у селения Харачой // Советская археология (СА), 1972, №1, с. 80-86; Мамаев Х.М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // Тезисы докладов V Крупновских чтений. Махачкала, 1975.

37 Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа // СА, 1973. № 2, с. 30; Лавров Л.И. Карачай, с. 74-77; Федоров Я.А. Половецкое наследство в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Аланская катакомба XIV в. у селения Ушкалой // СА, 1974, № 3, с. 266-269.

подчеркнуть, что эти беглецы являлись носителями заметно более развитых феодальных отношений, сложившихся в рамках аланской и нарождающейся кипчакской государственности³⁸.

О попытке в эти века интенсифицировать земледелие и расширить земельный фонд для полеводства свидетельствует расцвет террасного земледелия, истоки которого уходят в предшествующие эпохи³⁹. Труд, необходимый для обработки разбросанных клочков земли, устройства и постоянного поддержания искусственных террас, диктовал дробление рабочих сил и способствовал утверждению сначала обособленной семейной, а затем и частной собственности на возделанную землю. То, что на раннем этапе становления частного владения фонд пахотных земель был более чем скромным, является существенной особенностью генезиса местного феодализма, стесненного прочными традициями парцеллярного землевладения общинников в обстановке подлинного земельного голода и постоянного истощения почв. Но и невозделанные земли (покосы, пастбища), прежде, безусловно, принадлежавшие всей общине, при сложившейся ситуации должны были испытать тенденцию к превращению в частную собственность или, по крайней мере, подпаданию под контроль отдельных семей или патриимии. Маркс указывал, что у кочевых народов даже тогда, когда существует общее владение землей, «собственность на естественные продукты земли — например, на овец, это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся»⁴⁰.

Общепризнан преимущественно животноводческий характер экономики горных обществ Центрального Кавказа. В конкретных же условиях второй половины XIII и последующих веков роль так называемого альпийского скотоводства возросла в результате своеобразного демографического взрыва при полной нехватке продуктов земледелия и органического внедрения в местную среду части кочевников — переселенцев с плоскости. Не случайно, вероятно, наиболее откровенно господство скотоводства (в том числе отгонного) присуще хозяйству балкарцев и карачаевцев, в этногенезе которых тюркоязычные кочевники сыграли решающую роль. Частносемейное владение поголовьем скота (при жестко регламентированной кормовой базе) неизбежно влекло за собой стремление (вопреки противодействию общинных традиций) к установлению более ограниченных, чем прежде, форм собственности на животноводческие угодья. Причем эта сфера землевладения была более подвержена переменам, нежели сфера пахотных земель, в которой стабильность диктовалась самим характером труда, затраченного на устройство и поддержание пашни. Перемены в общественном быте населения высокогорья подтверждаются массовыми археолого-архитектурными и отрывочными письменными свидетельствами. Не позднее второй половины XIII в. повсеместно в высокогорной зоне складывается тип жилой башни (дома-крепости), в которой как минимум $\frac{2}{3}$ полезной площади предназначено для хозяйственных нужд (главным образом содержания скота и хранения продуктов), а под жилье отводится, как правило, только один этаж (из трех — пяти) с полезной площадью 40–45 кв. метров. В возникновении жилых башен решающую роль сыграли схожие географические, политические, но более всего социально-экономические условия. Дома-крепости, сменившие многокамерные каменные постройки или скученные деревянные жилища, иллюстрируют дальнейшее существенное экономическое обособление отдельных семей⁴¹. А топография их размещений — удаленные друг от друга поселения, состоящие из одного или двух-трех дворов (башен), — определенно указывает на семейный или патриимический характер нового расселения горцев, сориентированного на максимальную целесообразность использования близлежащих угодий и собственную обороноспособность перед лицом нараставших взаимных претензий и междоусобиц. Отражением этого же процесса является возникновение рядом с поселками склепов семейных усыпальниц и семейно-фамильных святилищ⁴². Грузинские и русские сообщения XIV–XVI вв. поражают количеством «крепостей и сел», «кабаков», отмеченных в узколокальных зонах действий⁴³. Ясно, что это были небольшие семейные или фамильные башенные поселки, типа вышеописанных.

В зависимости от указанных явлений находились и местные процессы феодализации. Критериями их оценки служат здесь (как и везде) показатели степени развития института частной собственности и раскола общества на антагонистические классы. В этом смысле эволюция местного социального строя в XIII–XVII вв. имеет немало специфического.

38 См. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории, 1976, № 8, с. 39–48.

39 Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1964, т. 13, с. 185 сл.; Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969, № 3, с. 168 сл.; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия..., с. 134, сл.; Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв..., с. 71.

40 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. I. с. 480.

41 Суть этих важных изменений продемонстрирована на материалах Цеча-Ахкинского поселения (Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура..., с. 6–12).

42 Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970; Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.

43 Гамрекели В.Н. Указ. соч., с. 109; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., 240 сл.

Экономическая самостоятельность семьи внутри родственного объединения (родо-племенного общества) порождала социальную динамичность в условиях распадающегося единства. Давно и справедливо замечено, что многие кавказские термины, обозначающие феодальную знать (кабардинское «пши», осетинское «алдар», грузинское «мама-сахлиси» и др.), связаны с родо-племенной ситуацией, восходя к наименованиям старейшин⁴⁴. Это существенный довод в пользу того, что нарождавшийся класс феодалов формировался, в частности, путем трансформации племенной верхушки (включая жречество). Феодальная знать могла пополняться иноэтничными пришельцами, стоявшими на более высоком уровне общественного развития и обладавшими реальной силой (прежде всего военной) для утверждения своей власти. Однако возможности названных путей формирования раннефеодальных верхов не могли перекрыть еще один и, вероятно, самый действенный источник пополнения элиты — лично свободных земледельцев на стадии распада общины. Именно разбогатевшие общинники становились наиболее типичной фигурой среди представителей нарождающегося класса феодалов.

В литературе особое внимание уделено осмыслению того, что представляло собой сословие, которое вышло из массы свободных общинников, но не достигло еще статуса полноправного феодального владетеля, хотя и приобрело ясные социальные прерогативы в русле раннефеодальных тенденций («варги» — в Сванетии, «каикьма» — у хевсур, «сыйлы-уздени» и «батыры» — у карачаевцев и балкарцев, «эзди» и «бьячи» — у вайнахов, некоторые разновидности «узденей» — у горно-дагестанских народов). Одновременно сконцентрировано внимание на роли рабовладельческого (а точнее сказать, пленновладельческого) уклада в общественном быту горцев, способствовавшего утверждению типично феодальной зависимости (позтапное превращение военнопленного-ясыря в работника крепостного типа). Прослеживается явная (и справедливая в конкретных условиях Центрального Кавказа) тенденция к отказу от абсолютизации земельной собственности и земельной ренты как единственной или главной причины роста экономической мощи и общественного авторитета ранних горнокавказских феодалов⁴⁵.

Отсутствие свободного земельного фонда, скудость горской экономики, не имевшей благоприятных возможностей для производства прибавочного продукта и углубления эксплуатации непосредственных производителей, господство подворной (семейной) собственности лично свободных крестьян на пахотные, а затем и основные сенокосные угодья и преобладание общинной — на пастбища, леса и пустоши — решающим образом стесняли развитие феодального землевладения и резко ограничивали формы эксплуатации, связанные с землепользованием и землевладением, хотя и не аннулировали их полностью. Важную роль играло животноводство. Скот — главное богатство в горах; уход за ним требует меньше рабочих рук, чем пашня. Следовательно, многочисленное поголовье скота в значительной степени определяло общественную состоятельность владельца. Но и тут пределы инициативы были жестко регламентированы природными ресурсами и противодействием общинных интересов. Источником накопления богатств в руках отдельных семей могло стать и ремесло (каменное зодчество, оружейное и ювелирное дело и пр.).

И все же совершенно особое значение в специфических условиях горного Кавказа приобретали военные и управленческие функции тех, кто прокладывал себе путь в высшие слои общества. Оборона от внешних нападений и ответные набеги, вооруженный разбой, служба по найму, собиравшиеся на важнейших путях сообщения, покровительство отдельным семьям и фамилиям в обстановке разгоравшихся междоусобиц, даль с земледельцев и ремесленников — вот далеко не полный перечень действий, в которых энергично проявляла себя общественная верхушка, все более отрывавшаяся от производственного труда и превращавшая названные функции в своего рода ремесло, а параллельно — в источник постоянного давления на общество и приобретения новых прав, привилегий и богатств (в том числе и земельных). В прямой связи с образованием привилегированного сословия находилась эволюция башенной культуры Центрального Кавказа. В XIV–XV вв. повсеместно в высокогорье появляются каменные боевые башни, которые становятся основой монументальных сооружений замкового типа⁴⁶. Возведение таких комплексов требовало значительных средств (подготовка материалов, содержание в течение всего времени строительства на полном обеспечении зодчего и каменщиков, уплата 50–70 коров и одного быка за сооружение боевой башни⁴⁷) и было под силу только наиболее состоятельным семьям

44 Лодыженский А.М. Указ. соч., с. 107; Гарданов В.К. Общественный строй..., с. 156.

45 Кроме указанных работ А.И. Робакидзе, Л.И. Лаврова, Г.А. Меликишвили, см.: Мамакаев М. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1974; Гриценко Н.П. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX в.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, вып. 10. Грозный, 1976, с. 276.

46 Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей; Чеченов И.М. Указ. соч., с. 118–119; Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура..., с. 12–16; Его же. Исторические предания о чеченских средневековых боевых башнях и замках // Тезисы докладов IV Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1974, с. 61–63; Мизиев И.М. Указ. соч.; Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии // Кавказский этнографический сборник, т. 5, вып. 1. Тбилиси, 1975, и др.

47 Для сравнения стоит указать, что даже в середине XIX в. зажиточная ингушская семья в горах имела 10–12 коров, 2 пары быков, а преобладающая часть – 1 быка и 2 коров (Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия..., с. 113).

«тобля цѣа» — победивший дом — у вайнахов). В свою очередь, обладание боевой башней и замком значительно усиливало общественные позиции владельца; давало ему новые возможности осуществлять диктат над другими слоями общества. Не случайно подобные укрепления либо контролировали горные дороги, еще более обогащая своих хозяев налагаемой на путников пошлиной, либо располагались вблизи удобных пахотных угодий или на горных пастбищах, подпадавших под владение нарождавшейся знати. Крепкие стены замков гарантировали в известной мере безнаказанность их обитателей⁴⁸.

Обособление владетелей от остальной массы общинников продолжалось и после смерти: представителей верхушки стали хоронить с XIV–XV вв. в просторных склепах-кешене (Балкария), внутри и близ христианско-языческих часовен (Осетия), в индивидуальных мавзолеях (Балкария, Чечено-Ингушетия), резко выделявшихся среди окрестных захоронений рядовых общинников и зависимых прослоек населения (ординарные склепы, каменные ящики, грунтовые могилы)⁴⁹. В усыпальницах владетелей нередко находят дорогостоящие оборонительные доспехи, которые в средневековье, как считают специалисты, «появляются там, где создается феодальная власть и строятся ее замки»⁵⁰. Существенно, что горский фольклор, связанный с названными архитектурно-археологическими памятниками, недвусмысленно сопоставляет их владельцев с «князьями», под которыми подразумеваются высшие слои местной сословной иерархии, и полон сюжетов о хищничестве и жестокости таковых⁵¹. В письменных источниках XVI–XVII вв. у большинства народов Центрального Кавказа часто упоминаются всевозможные «князья», «мурзы», «владельцы»⁵². Титулы эти носят, разумеется, весьма условный характер.

Можно полагать, что во второй половине XIII–XV вв. у горцев Центрального Кавказа процесс классообразования протекал достаточно единообразно (на неширокой и очень дробной социально-политической базе) и без больших локальных различий в темпе и способах. Необоснованны попытки провозгласить существование в те века единого этноса и государства, покрывавшего якобы всю горную зону Чечено-Ингушетии, в отличие от анархии мелкофеодальной и племенной разобщенности иных районов изучаемого края⁵³. На самом деле в горах Чечено-Ингушетии, как и всего Центрального Кавказа, нет даже следов укреплений феодальных владетелей, «господствовавших над целой округой, или, наоборот, незащищенных поселений зависевшего от них крестьянства»⁵⁴. Именно эта внутренняя слабость социально-политической базы привела к тому, что многие из местных обществ стали объектом активной политики Кахетии, дагестанских государственных образований, Золотой Орды.

В XVI в. значительная часть горского населения Карачая, Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии находилась в вассальной зависимости от кабардинцев, уже переступивших порог создания своей государственности; юго-восточная Чечня была в зависимости от дагестанских феодалов (особенно от правителей кумыкского шамхальства и аварского нуцальства); примыкающие к Главному Кавказскому хребту районы высокогорья Чечено-Ингушетии испытывали новую волну грузинской феодальной экспансии. Положение усугублялось кабардино-дагестанскими феодальными междоусобицами, приобретающими религиозный характер (прежде всего со стороны полностью уже исламизированного Дагестана)⁵⁵, в которые неизбежно втягивались и горские общества Центрального Кавказа. Все это включало последние в орбиту сложных международных отношений и намечало перспективу ликвидации их вынужденной замкнутости в горах.

Постоянные грабительские набеги соседних феодалов с целью захвата пленных (продажа последних местными верхами активно поощрялась Турцией и Ираном) и скота, признание их сюзеренитета со стороны горских владельцев контактные зоны и ответная поддержка социальных претензий горской знати со стороны более развитых социальных обществ; регулярные (хотя и не всегда обременительные) подати окрестным феодалам в виде скота, продуктов охоты, ремесленных изделий; установление различных уз родства, аталычества и известной классовой солидарности между горской, с одной стороны, и кабардинской, дагестанской, грузинской знатью — с другой; знакомство горских верхов с феодальными

48 Гамкрелидзе Б.В. Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. т. 2 с. 248; Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай — страна башен // СЭ, 1971, № 1, с. 122.

49 Мизиев И.М. Указ. соч.; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974, с. 74-76; Умаров С.Ц. Новое о позднесредневековых мавзолеях горной Чечни // Тезисы докладов III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 18-19; Его же. Средневековая материальная культура..., с. 17-22.

50 Кирпичников А.И. Древнерусское оружие. М., 1971, с. 7.

51 См. названные работы С.Ц. Умарова, И.М. Мизиева, Б.В. Скитского, а также: Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей: Археолого-этнографический сборник, № 2. Грозный, 1968, с. 261-289.

52 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 59-178.

53 Хизриев Х.А. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, вып. 11. Грозный, 1977, с. 156 сл.

54 Басилов В.Н., Кобычев В.П. Указ. соч., с. 123.

55 Шахсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.

56 Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 56-59; см. также Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 167-178.

правопорядками России (посольства в Москву, Терки, пребывание, аманатов и пр.); всесторонние связи в рамках восстанавливающейся системы отгонного (на плоскость и обратно) скотоводства; начавшийся отток части населения из высокогорья в лесистые порубежья плоскости; исламизация и христианизация верхов некоторых горских обществ и этнических групп — таковы факторы, оживлявшие общественную жизнь горцев Центрального Кавказа и придававшие ей больший динамизм, а параллельно и локальные отличия. Последние более всего заметны в юго-восточной Чечне, западной округе Дарьяла, Дигории и прилегающих районах Балкарии. Именно тут процессы феодализации ускорились за счет нарастания экономической мощи и социальных прерогатив знати в ущерб рядовому населению⁵⁶.

Феодализирующейся знати принадлежала небольшая часть совокупности пахотных участков, возделываемых лично зависимыми земледельцами (посаженными на землю пленными-ясырями) и зависимыми общинниками. Но возрастала доля ее пастбищных владений, отчужденных от общины и используемых как средство извлечения различных повинностей от обнищавших, хотя лично и свободных горцев. Некоторое представление о поляризации общества названных районов дают цифры, связанные с кровной мстью, «получившей особое распространение с XV по XVIII век»⁵⁷. «Кровь» феодала-алдара в Осетии оценивалась более чем в 5,5 раза выше, нежели «кровь» рядового земледельца, и более чем в 10 раз, нежели ясыря. Астрономическое для горской бедноты количество коров в качестве выкупа (324) и унижительная процедура примирения чаще всего превращали родственников обидчика из рядовых слоев в неоплатных данников потерпевшей феодальной фамилии, тогда как последняя в своем преследовании за убийство одного своего члена нередко грозила противной стороне полным истреблением. По источникам XVII в. известен дигорский мурза Карабгоев, владевший 4 селениями, жители которых давали «ясак» его сюзеренам — кабардинским князьям в размере: «с кабака по 10 коров или быков, да по ясырю, да по лошади доброй, да со двора по овце суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»⁵⁸. Все это штрихи впечатляющей картины общественного неравенства⁵⁹.

В других районах судьбы местного феодализма оказались заметно иными. Активизация процесса феодализации неизбежно суживала рамки и без того стесненного частнокрестьянского и общинного землевладения и правового статуса. Это вызывало протест сельских общин, постоянное противодействие и, наконец, открытое возмущение. Оно, разумеется, было повсеместным, но не везде одинаково результативным. Для внутренних районов горной Чечено-Ингушетии, Осетии, западных районов Балкарии стали характерны массовые перемещения населения с насиженных мест туда, где ожидалась меньшая земельная теснота и меньший феодальный гнет (переселения аккинцев, бацбийцев, иронцев, карачаевцев и др.). Здесь же фольклор свидетельствует о непризнании обществом претензий, заявленных знатью, и самозахватов ею земель, а также об изгнании и прямой расправе над властолюбивыми и жадными «князьями» — владельцами замков. Устная традиция нередко связывает свержение «своих» владельцев замков с помощью или противодействием феодалов соседних стран (Кабарды, Грузии, Дагестана), что согласуется с обстановкой борьбы за сферы влияния в горах в XVI–XVII веках.

Датировка взрыва классовой борьбы XVII в. подтверждается и археологически: в горной зоне начинается процесс объединения небольших семейно-патронимических поселков в селения, вмещающие целую группу таковых, то есть в сельскую общину. Социальный смысл этого явления состоит в дальнейшем разрыве с остатками прежнего деления по кровному родству, унаследованного от доклассового общества, и одновременно в стихийной попытке вернуться к системе независимых крестьянских общин⁶⁰. Но вновь образованные общины сами несли в себе неизбежные черты феодализации. И, ознаменовав гибель и упадок многих лиц и семей нарождавшегося феодального сословия, они создали новые формы проявления феодальных отношений. Л. П. Лашук по аналогичному поводу справедливо замечает: «Такого рода метаморфозы, пожалуй, не исключение, а довольно распространенное явление в общественных системах ацентрического типа», при котором утрата того или иного рода оформления феодальной структуры отнюдь не приводила «к прежним родоплеменным институтам, а

57 Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 263-286.

58 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 167.

59 Важным показателем имущественного и общественного приоритета служило огнестрельное оружие. По данным горского фольклора, им располагала лишь знать, владевшая боевыми башнями, а стоимость его приравнялась к оплате строительства такой башни (см. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 370). Оружием этим были сперва (с XVI в.) ружья, а затем и pistols, но никогда не «орудия» (т. е. пушки), о размещении которых на верхнем этаже башен необоснованно пишет В.И. Марковин (см. Марковин В.И. Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры // Кавказский этнографический сборник, т. 6. М., 1976, с. 226).

60 Аналогичный, но хронологически предшествующий процесс в Дагестане хорошо исследован (Магомедов Р.М. Дагестан, ч. 2. Махачкала, 1975).

61 Лашук Л.П. Указ. соч., ч. 2, с. 133-134.

62 Харадзе Р.Л. Некоторые стороны селообщинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник, т. 2, с. 165; Мамакаев М. Указ. соч., с. 29-30.

развивала новые соотношения отдельных социальных организмов, что повышало связность и устойчивость ацентрической системы сложившихся раннее общественных отношений»⁶¹.

С XVII в. в высокогорье увеличивается число случаев, когда в роли феодала выступает более сильная община по отношению к более слабой, зависимой от нее (галгаи — к вяпшинцам, тушины — к шибутам и т. п.). И внутри самих общин нет равенства, хотя поляризация и не так заметна. Например, адат кровной мести тут предусматривал, что «кровь» «старшего» в 2 раза дороже «крови» «обыкновенного» внутри общины или при кровомщении между «сильным» и так называемым пришлым (то есть социально неполноправным) обществом⁶². Ликвидация прежней прерогативы феодализировавшихся владетелей замков привела к росту количества наиболее совершенных боевых башен внутри одного селения или компактной местности, что явилось признаком имущественно-правовой состоятельности семей внутри общины, воздвигших их. Наблюдаются случаи, когда ранние замковые комплексы берутся под прямой обстрел воздвигаемых рядом новых боевых башен, символизируя потерю прежней неуязвимости их владельцев⁶³. Строятся и общесельские сигнально-сторожевые башни, чтобы препятствовать набегам соседних феодалов и их дружин. Вновь возрастает роль так называемых советов страны⁶⁴ — верховной общественной организации (первоначально — совет старейшин), в которых преобладание феодализировавшейся знати прикрывалось соблюдением многих общинных традиций; в письменных источниках часто фигурирует термин «джамаат», передающий идею общинного устройства власти в горных «землях». Вообще в этих «бесфеодалных», «вольных» обществах социальный климат мягче, а классовые противоречия завуалированы.

Остается упомянуть о горских владельцах, которые уже во второй половине XVI–XVII в. выселились (вместе с признававшими их сюзеренитет горцами) на плоскость. Оказавшись в центре политических и социально-экономических конъюнктур, они пытались форсировать свой все еще очень зыбкий феодальный статут, но не выдерживали конкуренции более зрелых феодальных владетелей Кабарды, Кумыкии и пр. Такой была трагическая судьба вайнахских мурз Шиха, Султана, Батая⁶⁵, появление которых в сложных условиях предгорий и плоскости также связано, вероятно, с обострением классовой ситуации в горах. Такой видится социальная жизнь горцев Центрального Кавказа накануне и в начале важнейшего поворота в их истории — вхождения в состав России. Она показывает специфику генезиса местного феодализма, его стадийно низкую ступень, догосударственный характер, расплывчатость и подвижность границ социальной стратификации, ломаный и импульсивный ход развития. Ж. Д. Демюзиль заметил по поводу черкесов до их присоединения к России: «Нельзя еще говорить о феодализме, но «кадры» кажутся уже готовыми»⁶⁶. Полагаем, что к концу рассматриваемого периода «кадры» горских владетелей Центрального Кавказа отвечали уровню собственно горских общественных отношений, не идущих в сравнение с эталонами сколько-нибудь развитого феодализма своей эпохи.

Следующий период в генезисе горского феодализма (XVIII – середина XIX в.) сравнительно хорошо исследован⁶⁷. Массовое выселение с гор на плоскость, вхождение в состав России большинства населения региона, активизация горско-равнинных связей, в том числе возрождение отгонного скотоводства, ведут к расширению земледельческого хозяйства, развитию торговли, с новой силой подтачивают и разрывают изоляцию горских народов. Это привело к полной победе сельских общин на плоскости и дальнейшему изживанию территориально-родственных традиций в горах. Сельские общины, сложившиеся на равнинах, были жизнеустойчивы. Они поддерживались совместным трудом по расчистке угодий для земледелия, борьбой с наводнениями, строительством ирригационных систем, противодействием внешним опасностям и пр. В известной мере эти общины на последнем этапе их существования стимулировались и политикой царского правительства, руководствовавшегося фискальными соображениями и с 70-х годов XVIII в. по 1862 г. не разрешавшего (за редчайшим исключением) горской верхушке владеть землей по праву наследства⁶⁸.

Отток значительного количества населения из большей части высокогорья стал очередным побудителем феодализации. Рост возможностей для земледелия усиливает у феодальной верхушки тенденцию к захвату земель. Более всего на этом поприще усердствовали, кроме кабардинских, горские наследственные «князья» и «дворяне». В горных Тагаурии, Дигории, Балкарии, Карачае в XVIII в. расширяется сфера

63 Басилов В.Н., Кобычев В.П. Указ. соч., с. 122.

64 Они лучше всего изучены у вайнахов: Саидов И.М. Мехк кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник, т. 2, с. 199 сл.

65 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1971, № 10, с. 215 сл.; Магомадова Т.С. Султан-мурза — владетель Ларсова кабака // Тезисы научной конференции университета. Грозный, 1976.

66 G. Dumézil La société scythique avait-elle classes fonctionnelles? // Indo-Iranian Journal, 1962, vol. 5, № 3, pp. 198-199.

67 См.: Лавров Л.И. Карачай и Балкария..., с. 60 сл.; Магомедов А.Х. Указ. соч., с. 180 сл.; Гриценко Н.П. Экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961.

68 Гриценко Н.П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Известия СКНЦВШ, 1976, №4, с. 23.

феодалного землевладения, включавшего пахоту, покосы, пастбища. Параллельно растут зависимость, закрепощение крестьян, хотя без юридического оформления личных прав феодала и без его судебно-административной власти над крестьянами. В горных общинах Чечено-Ингушетии и Центральной Осетии, близких типологически «вольным обществам» Дагестана, та же линия развития охватывает «сильные общины», «фамилии», а институт старшин (выборных должностных лиц) эволюционирует в русле феодализации, используя во многом традиционные формы экономического обогащения и приобретения общественного авторитета. Не случайно термин «старшины», популярный в русских источниках XVIII–XIX вв., звучит порой полным эквивалентом употреблявшемуся прежде и синхронно (часто для тех же мест) феодальному термину «владелец», а нередко (в Осетии и Балкарии, например) и «князь».

На плоскости обе эти тенденции переплетались. Традиционная общественная верхушка и тут захватывала и получала лучшие и обширные земли, постоянно их расширяя. Старшины же новых соседских общин стремительно эволюционировали по пути превращения в наследственное феодальное сословие, приспособляя нормы старинных общественных Институтов для своих личных целей⁶⁹. Многие плоскостные аулы Чечни, Ингушетии, Осетии считались подвластными князьям Кабарды и Дагестана, что порождало естественное соперничество различных феодальных сил и обостряло классовую борьбу. С постепенным проникновением в местную среду российских правовых взглядов и понятий о поместном владении (особенно после 1785 г., когда было учреждено Кавказское наместничество, что ознаменовало завершение процесса вхождения в Россию большинства северокавказских территорий) росли претензии горских верхов на оформление их частно-феодальных наследственных прав, что породило поток соответствующих прошений, направленных царской администрации края.

Ускорение темпов и увеличение возможностей феодализации в связи с названными процессами отразились и на дальнейшей исламизации абсолютного большинства горских народов⁷⁰, и на попытках христианизации части из них (осетин, ингушей и др.) при помощи русско-грузинского альянса⁷¹, на зафиксированном источниками «приспособлении древних народных обычаев к потребностям развивающегося строя»⁷², охватившем весь Северный Кавказ. Но эти же источники свидетельствуют об устойчивости крестьянской общины, борьбе ее за свои права, цепкости патриархально-родовых адатов. Ожесточенность сопротивления и его перспективность в условиях далеко не завершенных и юридически не оформленных феодальных отношений проявились в мощных антифеодальных выступлениях, которые произошли на Северном Кавказе во второй половине XVIII века.

Восстания в равнинной Чечне 1757 и 1770 гг. против кабардинских, кумыкских и других феодалов, борьба кабардинских крестьян-общинников в 60-х годах XVIII в., длительные волнения дигорского «простого народа» в 80-х годах того же столетия, крупное вооруженное выступление конца XVIII в. против бжедухских феодалов, затяжная антифеодальная борьба в Сванетии и антифеодальные тенденции в разгоравшемся национально-освободительном движении — все это звенья цепи противодействия крестьян-общинников растущей феодальной эксплуатации⁷³.

Последствия этих разрозненных и разнохарактерных выступлений были различны. Они не способствовали нивелировке местного феодализма, по-прежнему проявлявшегося в значительном локальном многообразии, но исчерпавшего уже исторические перспективы своего развития. Вхождение горцев Северного Кавказа в состав России означало перестройку; всей социально-экономической структуры этого региона и повлекло за собой девальвацию феодальной иерархии местного общества, вынужденного приспособляться к общероссийскому строю⁷⁴.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Переход к раннефеодальным отношениям у горцев Центрального Кавказа произошел, минуя рабовладельческую формацию. Генезис феодализма протекал здесь позднее (относительно «мировых стандартов» и окрестного фона) как чрезвычайно длительный процесс, так и не получивший завершения.

Скотоводческий (при подчиненном характере земледелия) облик хозяйства большинства местных обществ отразился на генезисе феодальных отношений. Отсутствие (вплоть до выселения на плоскость) условий для расширенного воспроизводства замедляло социально-экономическое развитие, порождая специфические свойства военно-аристократического, рабовладельческого и ремес-

69 Умаров С.Ц. О позиции старшин в первой трети XIX в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, вып. 10, с. 299 сл.

70 Исследование роли и места мусульманского духовенства в генезисе феодальных отношений у народов Центрального Кавказа является актуальным вопросом, не получившим еще освещения.

71 Блиев М.М. Введение к 1-му тому сборника документов // Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1976 и материалы этого тома.

72 Гарданов В.К. Обычное право..., с. 29; Кушева Е.Н. О некоторых особенностях..., с. 186.

73 Скитский Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известия Северо-Осетинского НИИ, вып. 17. Орджоникидзе, 1956, с. 43; Гарданов В.К. Общественный строй..., с. 246; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., т. 1, с. 64.

74 Меликишвили Г.А. Указ. соч., с. 50-51; Лавров Л.И. Назревшие вопросы..., с. 16

ленного укладов в процессе классообразования. Большое значение приобретали политико-военные функции феодальных кадров, нарождавшихся из родо-племенной верхушки и вольных общинников и внеземлепользовательская эксплуатация в пору становления местной социальной структуры.

Прочность общинных и личнокрестьянских позиций, догосударственный характер местных обществ являлись тормозом фактического и юридического оформления феодальной земельной собственности, четкой сословной иерархии и соответствующих форм зависимости вопреки развитой феодальной терминологии, используемой в источниках. Преобладание сравнительно мелкого феодального люда и текучесть состава знати в большинстве районов — специфика местных обществ, развивавшихся в раннефеодальном русле.

Скудость горской экономики, острая нехватка земли и перенаселенность территорий, где проживали преимущественно свободные общинники, влияние внешних и местных феодальных факторов периодически обостряли классовую борьбу, что определяло «переменно-восходящий» (ломаный) генезис местных феодальных отношений, придавая им завуалированный во многих случаях характер, а часто вызывая и временный регресс. Многообразие локальных воплощений единой тенденции становления феодализма было следствием синтеза местной замедленно и изменчиво развивавшейся раннеклассовой структуры и внешних этнических, политических, экономических и идеологических факторов.

Темпы и особенности генезиса местного феодализма, обусловленные конкретными условиями, не позволяют сводить проблему к «отсталости» предков современных карачаевцев, балкарцев, осетин, чеченцев и ингушей, но указывают на специфический (и единственно рациональный) уровень форм культуры и быта, к которым вынужденно приспосабливались новые функции на различных этапах общественного развития. Эти темпы и особенности требуют дальнейшего углубленного изучения на основании расширения источниковой базы и пристального внимания к социально-экономическим процессам окружающего мира. Это важно не только для исследования общественного строя всех племен и народов Кавказа (которые существенно отличались по уровню социального развития), но и для понимания генезиса феодализма в других регионах и странах.

Впервые опубликовано: Вопросы истории, 1981, № 1, с. 35–50.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В XVI–XVIII вв.¹

В последние годы усилился интерес исследователей к домусульманским верованиям вайнахов, результатом чего явился целый ряд статей и брошюр.² В них обобщены новейшие данные по средневековой истории, этнографии, археологии, топонимии. Все это позволило углубить наши представления о средневековой религиозной системе вайнахов, характеризующейся многими элементами христианства. Причем основное внимание исследователей было обращено к первому (и как долгое время считалось — единственному) раннесредневековому этапу проникновения христианства из Грузии в IX–XIII вв.³ Следует отметить, что, несмотря на довольно хорошую изученность первого этапа, его хронологические рамки, а также вопрос о степени христианизации все еще остаются дискуссионными.

В то же время иные этапы проникновения христианства к вайнахам либо совершенно не рассматривались, либо отмечались отдельными учеными без должной конкретизации⁴. Однако имеющиеся сегодня многочисленные источники (письменные, археологические, этнографические и др.) позволяют с достаточной полнотой обрисовать еще два этапа христианизации, падающие на конец XVI–XVII вв.⁵ и вторую половину XVIII в. (хотя эпизодические сведения о миссионерской деятельности грузинских и русских миссионеров имеются и относительно XIV и XIX вв.)⁶.

На X Крупновских чтениях В.Б. Виноградов и М.Б. Мужухоев вновь указали на необходимость исследования трех основных этапов христианизации горцев⁷. Поскольку два последних тесно связаны с социально-политической историей, к ней мы и обратимся в первую очередь.

Вторая половина XVI в. (в отличие от предшествующих веков) ознаменовалась значительным усилением грузино-вайнахских, русско-грузинских и русско-вайнахских отношений. Последние изучены достаточно полно⁸. В то же время грузино-вайнахские позднесредневековые связи стали предметом специального изучения совсем недавно⁹, что не могло не отразиться на степени разработки указанной проблемы. Однако по мере накопления соответствующих источников характер взаимоотношений Грузии с горцами Северного Кавказа вырисовывается все более отчетливо¹⁰.

Как известно, XVI век был одним из самых сложных для Грузии, которая, находясь в состоянии феодальной раздробленности, оказалась в тяжелых внешнеполитических условиях, вызванных постоянной агрессией шахского Ирана и султанской Турции. Со второй половины XVI в. наиболее дальновидные правители Грузии (Леван, а впоследствии Теймураз и другие) ищут покровительства России¹¹, стремятся добиться беспрепятственного общения с Россией через Северный Кавказ, найти себе здесь союзников, использовать их военные силы в борьбе против внешних врагов¹². В какой-то мере этого удалось добиться уже названным Левану и Теймуразу.

1 Соавтор Н.Н. Великая (Бараниченко).

2 Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н., Межидов Д.Д. Библиография основных отечественных работ по религиозным воззрениям вайнахов в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 17-25.

3 Шамилев А.И. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Известия НИИ, т. 3, вып. 1. Грозный, 1963; Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977; Тутаев А. Галгаевский календарь. Фонды ЧИРКМ, оп.3, л. 44; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971; Дидебулидзе З.Ш. Из истории средневековой культуры народов Северного Кавказа // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси: Мецниереба, 1981; Кобычев В.П. Храмов древние стены. // СЭ, 1979, № 4; Виноградов В.Б. Не вечны боги, вечен человек. Грозный, 1969; Мамаев Х.М. Об интерпретации каменных ящиков Джейраховского и Ассинского ущелий // VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976; Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Умаров С.Ц. О некоторых особенностях этнизации отдельных христианских культов в Чечено-Ингушетии // АВЭИСК. Грозный, 1979.

4 Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам...; Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981; Куриев С.А. Некоторые следы христианства в Ингушетии в XVII-XIX веках // АВА. Грозный, 1977.

5 Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI-XVII вв. // Вестник АН Груз. ССР. Тбилиси, 1980, 3.

6 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 62; Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 27.

7 X Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980, с. 68, 74.

8 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889; Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615-1640 гг. Тбилиси, 1937; Вехи единства: К 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982.

9 Боцвадзе Т.Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI-XVIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1973; Шавхелишвили А.И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XVI-XVII вв. (на груз. яз.). Тбилиси, 1980; Шавхелишвили А.И. Из истории грузино-чечено-ингушских взаимоотношений // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси: Мецниереба, 1981.

10 Виноградов В.Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

11 Шавхелишвили А.И. Из истории..., с. 72-77.

12 Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII вв. Тбилиси, 1974, с. 39.

Устремления грузинских правителей оказались созвучны значительной части вайнахов, испытывавших в этот период серьезные внутри- и внешнеполитические трудности, включая натиск соседних кабардинских, аварских и кумыкских князей.

В 80-х гг. XVI в. засвидетельствована постоянная и многообразная помощь со стороны вайнахов и их вожаков (Ших Окоцкий, Султан Мурза из Ларса и др.) регулярным русско-грузинским связям¹³, проходившим по Дарьяльскому ущелью, а в XVII в. непосредственно через горные Чечню и Ингушетию¹⁴. Благодаря этим транзитным контактам различные группы вайнахов вовлекались в тесные отношения не только с Россией¹⁵, но и в значительной степени с Грузией, ее государственной властью и идеологией.

Примечательно, что в источниках проводниками (или сопровождающими) русских и грузинских дипломатических миссий названы, помимо других, шибутянин (в других источниках — грузинец) Иван Мамукин и Илья Окучанин¹⁶. Вполне возможно, что эти люди были выходцами из Чечено-Ингушетии. Как известно, шибуты и ококи в XVI–XVII вв. играли наиболее заметную роль в установившихся русско-грузинских контактах. Отдельные представители этих обществ, поступив на постоянную службу, могли долгое время находиться при грузинском дворе, принять «святое крещение» и православное имя¹⁷. Так не раз поступали представители северокавказских верхов, стремясь заручиться поддержкой Грузии. Письменные источники сообщают ряд примеров усилившихся грузино-вайнаховских связей применительно к XVII в. Так, в 1605 г. засвидетельствовано пребывание в Грeми (Грузия) представителей кистов, глггов и дзурдзуков, которые вместе с горцами-грузинами встречали царя Теймураза¹⁸. В 1641 г. отмечается, что «шибутенин Дикеев сын Алхан приехал из Грузинской земли» и «привез от грузинского царя лист грузинским письмом, а сказал, что послал де тот лист с ним, Алханом, грузинский царь, а велел отвeсть на Терек»¹⁹.

В 1656 году был заключен тушино-шибутский союз, а спустя два года посланцы «Шибутского джамаата» прибыли вместе с Теймуразом, его свитой и тушинами в Москву, где принесли присягу в подданстве России в Успенском соборе. В своем письме на имя русского государя Алексея Михайловича шибуты назвали Теймураза «нашим царем» и просили принять их вслед за ним в русское подданство²⁰.

Довольно тесные грузино-вайнаховские отношения сохранялись до конца XVII в. Вот о чем, например, сообщала присяга кистин 1761 г., написанная на грузинском языке: «...издревле грузинскому царю подданные были, но назад тому лет с 50 от оного вольны находимся», что соответствует рубежу XVII–XVIII вв.²¹

Ориентация части вайнахов на Грузию, вызванная вполне объективными обстоятельствами и интересами (стремление обезопаситься от набегов и податей кабардинских и дагестанских феодалов, традиционные политические и экономические связи с Грузией, вовлечение в перспективный процесс русско-кавказских взаимоотношений и др.) получила по законам времени религиозную окраску. Правящие круги Грузии в то время «вспомнили», что некогда вайнахи уже были христианизованы и что возобновившаяся политическая и культурная ориентация являлась своеобразной реминисценцией былого единства (IX–XIII вв.). Теймураз по этому поводу писал: «Кистины, Галгаи и Дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христианами»²². Им же был осуществлен в 1638 году большой поход в горы Кавказа, во время которого, как он сообщал русскому царю, «жители всех этих гор (Тушетии, Пшавии, Хевсуретии, высокогорных Ингушетии и Чечни. — *Авт.*) мне подчинились и принесли мне свои старые записи, и я их скрепил и многие крестились, и теперь стоят церкви, иконы и колокола... Они сделались моими подданными как то сперва и было во времена Льва»²³ (Левана. — *Авт.*).

Особенно много церквей, духовных книг и описей дымов, относящихся к эпохе Теймураза, обнаружено в Тушетии²⁴. Последующий анализ источников покажет, что волна христианизации конца

13 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // ВИ, 1970, № 10, с. 214-217; Магомадова Т.С. Владелец Ларса Султан-Мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях // Материалы конференции ЧИГУ по итогам научной работы в 1974 г. Грозный, 1976, с. 62-63.

14 Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX века. Грозный, 1981, с. 23-35.

15 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980, с. 26-28.

16 Исаева Т.А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 2. Грозный, 1977, с. 177; Вехи единства..., с. 80.

17 Вехи единства..., с. 80.

18 Вахушти. География Грузии // ЗКОРГО, кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904, с. 123-124.

19 Полиевктова М.А. Посольство князя Мышцецкого и дьяка Ключарева в Кахетию (1640-1643). Тифлис, 1928, с. 81.

20 Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов // СЭ. 1978. № 6. С. 101-105.

21 Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 1, вып. 1. Грозный, 1959, с. 190.

22 Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 29.

23 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 85.

24 Шавхелишвили А.И. Из истории..., с. 76.

XVI–XVII в. затронула горные районы не только Грузии, но и Чечено-Ингушетии.

На наш взгляд, в этот процесс оказалась вовлечена прежде всего местная феодальная верхушка, для которой христианство и тесные связи с Грузией виделись необходимым элементом в укреплении своей силы и влияния на соплеменников. Некоторым пояснением высказанного тезиса может служить следующее.

Находясь в тяжелых внешнеполитических условиях, грузинские цари очень часто обращались за помощью к единоверным горцам, в том числе и к вайнахам, используя их военные силы в борьбе против своих врагов. За оказанные услуги, помимо соответствующей платы, участники экспедиций, прежде всего местная верхушка, оставляли у себя пленных, добычу, куда входили золотые и серебряные вещи²⁵. Наиболее влиятельные лица к тому же получали ежегодное жалование, например, парчу. Именно эти люди служили грузинским царям опорой на местах, выполняли их поручения. «Отмеченные вниманием царей представители горских влиятельных кругов, естественно, получали возможность воспользоваться этими обстоятельствами и всячески старались выделиться из общей массы горцев и возвыситься над ней»²⁶.

Сказанное находит свое подтверждение в преданиях. Так, одним из доказательств преимущества одного тайпа над другими становится утверждение, что предок или весь род некогда имели от грузинских царей грамоту, подтверждающую привилегии²⁷. Не исключено, что такие грамоты действительно выдавались уже с XVII в.²⁸ Наличие же писем от грузинских царей вайнахским верхам и грамот, относящихся к XVIII в., постоянно отмечается в источниках²⁹.

Вероятно, что в конце XVI–XVII в. подобная аргументация, подкрепленная материально, имела определенное воздействие на рядовых общинников. Примечательно, что именно верхи высокогорных обществ были заинтересованы в тесных связях с Грузией, поскольку в условиях почти полного отсутствия прибавочного продукта на месте, для доказательства своих привилегий им требовались иные источники доходов, которые отчасти и предоставлялись грузинскими правителями.

Следует также отметить, что закономерности генезиса феодализма в конкретных условиях³⁰ порождали ломку старых религиозных верований и дальнейшее усвоение экзогенных религиозных концепций (ислама — преимущественно на плоскости, христианства — в горах). Причем, если в плоскостных районах процесс усвоения монотеизма в значительной степени облегчался этнической пестротой (когда, например, в одном районе селились представители различных тайпов, то они, оторвавшись от своих прежних патронимических и иных святынь, должны были приходить и приходили к идеологическому компромиссу, выражавшемуся в принятии новой религии — ислама, что было обусловлено целым рядом социально-экономических причин, действовавших здесь), то в горах в силу определенной стабильности и даже застойности этнических и социальных процессов прежние религиозные верования отличались большей консервативностью и в значительно меньшей степени оказались подвержены влиянию монотеизма³¹.

Но то, что и здесь, в горах, шла этнизация догматической и ритуально-практической сторон экзогенных религиозных концепций, в частности христианства, подтверждается достаточным количеством историко-археологических фактов.

Уже долгое время в поле зрения многих исследователей находятся боевые башни, святилища, на стенах которых выложены кресты с голгофой. Известны такие изображения и на могильных стелах. В.П. Кобычев недавно вновь верно подчеркнул христианский характер таких символов, «соответствующих канонам этой религии»³². В дальнейшем было высказано убедительное мнение, что они появились у вайнахов под влиянием грузинской христианской культуры³³. Но вопрос о том, как осмысливались кресты с голгофой у вайнахов, оставался открытым. Причина тому — слабая изученность источников XVI–XVII вв., скрывавшая до поры существование этапа христианского «возрождения» в горах Чечено-Ингушетии и соседних областей. В последнее время положение существенно изменилось.

Выяснилось, что в Чечено-Ингушетии самые совершенные боевые башни со ступенчато-пирамидальным венчанием, имеющие кресты-голгофы, построены уже в расчете на применение огнестрель-

25 Шавхелишвили А.И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией..., с. 89-90; Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во II половине XVIII века // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, т. 5, вып. 1. Грозный, 1964, с. 152-155.

26 Шавхелишвили А.И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией..., с. 90.

27 Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978, с. 87.

28 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 85.

29 Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений..., с. 152-155.

30 Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ, 1981, № 1.

31 Авдиенко В.Г. Этносфера Алании как фактор христианизации // АВЭИСК. Грозный, 1979, с. 102-104.

32 Кобычев В.П. Язык есть нем // АЭС, 1973, № 4, с. 152.

33 Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. // Архитектурное наследство, 23. М., 1975, с. 126.

ного оружия, которое достаточно распространилось здесь не ранее конца XVI в.³⁴ Примечательно, что эти башни часто входят в замковые комплексы. Согласно фольклорно-этнографическим данным последние были связаны с местной знатью феодального типа, исповедовавшей христианство³⁵.

Большинство башен с крестами-голгофами непосредственно контролировали дорогу, которая вела через горную Ингушетию в Чечню и Грузию³⁶, и служили своеобразными «визитными карточками», удостоверяющими не только знатность владельца, но и его приверженность феодальной Грузии.

В ущелье Галгай-че, близ с. Карт, на возвышенности расположено святилище Делите (Долте, Хоухыр-деалты)³⁷. Оно ориентировано по оси восток-запад и имеет размеры: 8,9 x 4 м. Вход арочный в южной стене. Строение поделено пополам аркой, имеются и две висячие арки. По стенам устроены выступы-сиденья. К восточной стене пристроен столп-алтарь с тремя нишами. В глубине средней треугольной ниши высечен равноконечный крест. Кресты-голгофы выложены снаружи на восточной и западной стенах. Некогда и на крыше постройки возвышались железные кресты³⁸.

Согласно данным Е. Шиллинга «святилище» было построено Хамхинским обществом в начале XVII в.³⁹ Однако термин «святилище» здесь не вполне приемлем. Лишь в последний период своего функционирования здание выполняло роль языческого святилища. Но судя по размерам и архитектурным деталям, первоначально Делите было задумано как христианская церковь⁴⁰. Об этом же свидетельствуют и кресты-голгофы, аналогичные тем, что выкладывались на фасадах многих грузинских церквей конца XVI – начала XVII в.⁴¹

Причины появления на культовых и парадных постройках Грузии и тесно связанных с ней районов горной Чечено-Ингушетии крестов с голгофой позволяют понять документы, относящиеся к эпохе правления Теймураза, в которых часто упоминается монастырь «Святая Голгофа», унаследованный от царя Ираклия и находящийся в Иерусалиме⁴². Он стал своеобразным непоруганным символом христианской веры грузин, в то время как большинство церквей на родине было разграблено и разрушено в ходе захватнических походов шахского Ирана⁴³.

Следует отметить, что в этот период христианство в Грузии переживало трудные времена. Попытка царя Теймураза оживить устои веры в горной Грузии привела к строительству и восстановлению тут (Тушетия, Пшавия и пр.) большого количества церквей и оснащения их богословской литературой⁴⁴. Но русские послы неоднократно отмечали многочисленные отступления от христианских канонов в церковной архитектуре и обрядности: «В Грузинской земле церкви с алтарем не разгорожены... престолы везде наги и к стене приделаны. И горных мест и жертвенников и дверей северских нет» и т.п.⁴⁵ Неудивительно, что и в архитектуре позднейших вайнахских культовых зданий также содержатся аналогичные отступления⁴⁶, а в иных и вовсе отсутствуют христианские черты (Дзорах-Дела, Сусон-Дела, Мяттер-Дела). Знаменательно, что таковые связаны чаще всего с именем Делы. Ведь Дела — один из главных вайнахских богов и, очевидно, именно в период XVI–XVII вв. он окончательно превратился (не без влияния монотеизма) в верховное божество, резко отличающееся по положению на иерархической лестнице от остального пантеона⁴⁷.

К числу фактов, свидетельствующих об оживлении христианства в горной зоне Чечено-Ингушетии в связи с охарактеризованными выше особенностями грузино-вайнахских отношений XVI–XVII вв.⁴⁸, относится перестройка (восстановление) знаменитого христианского храма Тхаба-Ерда в Ассинском

34 Шавхелишвили А.И. Архитектурные памятники средневековья в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966, с. 15; Багаев М.Х., Петренко В.А., Умаров С.Ц. Внимательно относиться к изучению памятников прошлого! // АЭС, т. 2. Грозный, 1968. С. 318-319; Чакхиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 53.

35 Чакхиев Д.Ю. Указ. соч., с. 54.

36 Чакхиев Д.Ю. Указ. соч., с. 57.

37 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 41; Вертепов Г.А. Наши горы и их обитатели // ТВ, 1897, № 150; Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М., 1931, с. 38.

38 Вертепов Г.А. Указ. соч., № 150.

39 Шиллинг Е. Указ. соч., с. 38.

40 Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975, с. 73-76; Кобычев В.П. Храмы древние стены..., с. 141-142.

41 Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1956, с. 353-387.

42 Полиевктов М. Материалы по истории..., с. 84, 117 и др.

43 Волкова Н.Г. Статейные списки русских посольств как этнографический источник // КЭС. М., 1976, с. 290.

44 Шавхелишвили А.И. Из истории грузино-чечено-ингушских взаимоотношений..., с. 76.

45 Полиевктов М. Материалы по истории..., с. 404; Виноградов В.Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // АВА. Грозный, 1977, с. 64.

46 Кобычев В.П. Храмы древние стены..., с. 139-143.

47 Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979, с. 125-126.

48 Памятник грузино-ингушских связей XV века // Дзеглис мегобари. Тбилиси: Мецниереба, 1982, № 60 (на груз. яз. с русск. резюме), с. 50-54, 86.

ущелье, во время которой ему были приданы яркие черты собственно горской архитектуры. Последний строительный период в истории храма датируется обычно несколько неопределенно — «с XV–XVI вв.»⁴⁹. Но известно, что древняя грузинская псалтырь из этого храма была также реставрирована — истлевшая обложка заменена куском кожи с тиснением, указывающим на более позднее происхождение переплета, который А.Н. Генко датировал XVI–XVIII вв.⁵⁰ Полагаем уместным связывать все это со временем правления царя Теймураза и его действиями с целью оживления христианства в горах.

Среди явлений того же порядка оказываются изображения крестов на жилой башне XVII в.⁵¹ и на позднейшей штукатурке святыниц (Мятер-Дела, Ньюское, Маги-Ерда)⁵², находки грузинских церковных сосудов из Галь-Ерда с грузинскими надписями XVII–XVIII вв.⁵³, 5 крестов, опубликованных Е.И. Крупновым (один из них с голгофой),⁵⁴ грузинские надписи на штукатурке склепов, сделанные не ранее XV–XVI вв.⁵⁵, грузинские надписи на позднесредневековых постройках⁵⁶, кресты и надписи на деревянной посуде из позднесредневековых усыпальниц горной Чечни⁵⁷, дароносица с изображением святых⁵⁸ и т.п. Это, безусловно, только начало выявления соответствующих источников, которые прежде априорно относились либо к следам христианства IX–XIII вв., либо к пережиточным символам в местном язычестве. В качестве довода в пользу исключительно языческих верований позднесредневековых вайнахов в высокогорной Чечено-Ингушетии приводятся якобы чисто «языческие» захоронения в склепах⁵⁹. Однако нельзя сбрасывать со счетов большого количества (в отдельных склепах до 50) захоронений в гробах, которые требуют своего объяснения. К сожалению, до последнего времени на них не обращалось должного внимания: при расчистке склепов не производился точный подсчет подобных захоронений; к тому же большинство из них оказались разрушенными. Тем не менее, сведения о захоронениях в гробах, хотя и малочисленные, но имеются в работах В.И. Долбежева⁶⁰, Л.П. Семенова⁶¹, Е.И. Крупнова⁶², М.Б. Мужухоева⁶³. Раскопки, произведенные указанными исследователями, позволяют составить представление о видах захоронений в деревянных гробах, их местонахождении, инвентаре.

Все погребения в гробах поздние, так как расположены по верхним ярусам склепов. Поза погребенных — вытянуто на спине, иногда отмечено покрытие из холщовой ткани⁶⁴. Деревянные гробы чаще всего отмечены в поздних башнеобразных и «арочных» склепах. По устройству их можно подразделить на несколько видов: 1. Детские захоронения, по форме напоминающие горские люльки (деревянные ящики, колоды, коробка из лубка),⁶⁵ они почти не содержат инвентаря⁶⁶. 2. Захоронения взрослых, представленные ладьевидными колодами, накрываемыми сверху другими колодами (иногда дно плоское, а верх закруглен)⁶⁷. 3. Дощатые гробы, скрепленные деревянными заклепками или обручами (в некоторых случаях крышки отсутствуют, а боковые стенки покрыты геометрическим орнаментом)⁶⁸. 4. Колоды, покрытые сверху доской и скрепленные обручами⁶⁹.

В литературе имеются достаточно полные сведения об инвентаре только 3 гробов. В башнеобразном склепе с фресками у селения Эгикал найдено погребение военачальника — «бьячча» тайпа Газди⁷⁰

49 Чубинашвили Г.Н. К вопросу о культовых связях Грузии и Ингушетии. Тбилиси, 1941, с. 56; Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях..., с. 65.

50 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. 5. Л., 1930, с. 738.

51 Чахкиев Д.Ю. Новые средневековые памятники горной Чечни // АО. 1979. М., 1980, с. 130.

52 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 12, 103, 154.

53 Там же, с. 61.

54 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия..., с. 44-45.

55 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 50-60; Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Сборник музея антропологии и этнографии, 34. Л., 1978, с. 90-91.

56 Чахкиев Д.Ю. Новые средневековые памятники горной Чечни // АО. 1979. М., 1980, с. 130.

57 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 113; Даутова Р.А. Деревянная посуда из позднесредневековых склепов Малхисты и Майсты // VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 96.

58 Даутова Р.А. Исследования средневековых памятников в горной Чечне // АО. 1976. М., 1977, с. 94-95.

59 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 90.

60 Долбежев В.И. Могильник Челишь-Кив // СМОМПК, 13. Тифлис, 1892, с. 133-136.

61 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 21, 52, 53, 64, 107-110.

62 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия..., с. 93.

63 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., с. 56, 90; Мужухоев М.Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС, 4. Грозный, 1976. с. 155, 163, 173.

64 Долбежев В.И. Могильник Челишь-Кив..., с. 135.

65 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 52.

66 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., с. 90.

67 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 107; Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 1, вып. 1. Грозный, 1959, с. 212.

68 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 52, 107, 108; Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., рис. 23; Долбежев В.И. Могильник Челишь-Кив..., с. 135.

69 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 52.

70 Багаев М.Х., Петренко В.А., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 57.

71 Отчет Семенова Л.П. о археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 г. // ГАИМК, № 234. М., 1937, с. 14-15.

72 Семенов Л.П. Фригийские мотивы..., с. 212.

в дощатом гробу. В состав инвентаря входили деревянные чашки, глиняная трубка, лук, 5 стрел, щит⁷¹. Описаны и еще два нетронутых захоронения в гробах из склепов⁷². Мужское содержало оселок, перстень, бусы⁷³. В женском погребении находились: под черепом — кур-харс, одежда с медными застежками и серебряной пуговицей, кроме того — две железные иглы, шея повязана шелковой тканью, на шее сердоликовые и стеклянные бусы. На левой руке — два серебряных перстня, на правой — один. Здесь же — ножницы, три кисета с нитками, деревянный гребень, чашка⁷⁴.

По крайней мере 2 из приведенных нами сохранившихся захоронений в гробах датируются не ранее XVII в.⁷⁵ и показывают неординарность погребенных, их резкое выделение на фоне остальных в этих склепах. Этот факт находится в соответствии с нашим мнением о том, что христианизация затронула прежде всего верхушку горского общества. Эти погребения свидетельствуют о том, что новый обряд только начал проникать в вайнахскую среду: сохраняется еще традиция класть с покойником вещи, но уже появляется идея захоронения в гробу, отдельно от прочих соплеменников (хотя идеология последних совмещает в себе черты и христианских и языческих воззрений).

Подобные захоронения известны на территории Осетии, горной Грузии, Чечни⁷⁶. Эта традиция была ошибочно истолкована Л.П. Семеновым как кавказский обычай погребения в лодке-челноке⁷⁷. Мы же считаем это отражением христианского влияния на горцев в период позднего средневековья.

Примечательно, что близ отдельных склепов встречаются каменные кресты⁷⁸. Вряд ли все это можно трактовать как антропоморфные стелы, связанные с мусульманством⁷⁹. Скорее всего часть из них — христианские символы, о чем свидетельствует и форма многих из них⁸⁰.

Разумеется, мы далеки от намерения доказывать конфессиональную однородность и чистоту тех вайнахов, которые были вовлечены или включились сами в орбиту политики Грузии и в зону ее действий в конце XVI–XVII в. Этнизированное христианство этого времени не получило у них всеобщего распространения, поскольку христианизация не подкреплялась постоянной квалифицированной помощью и не полностью отвечала социально-экономическому уровню развития вайнахского общества, верхи которого не могли самостоятельно внедрить и укрепить догматы христианства в среде рядовых общинников. Синкретическая по сути религия основной массы кавказских горцев (за исключением отдельных представителей феодализирующихся верхов, ближе знакомых с христианской догматикой и обрядностью) вызывала недоумение и неприязнь со стороны тех их современников, которые демонстрировали свою принадлежность к «истинной» христианской церкви и обрядности.

Весьма показателен в этой связи пример с шибутами (чеченцами-шатоевцами)⁸¹. Тесно связанный с ними Иван Мамукин аттестовал их в Москве христианами. Едва ли он ошибся, так как полномочные посланники Шибутского джамаата в 1658 году в Москве были приведены к присяге не по мусульманскому образцу («шерть на коране»), а в христианском Успенском соборе в Кремле. Более того, в Шибутскую землю в 1659 году был послан стрелецкий голова М. Молчанов с «образцовой записью» для приведения шибутов к присяге на Евангелии. Но Молчанов присягу не принял, а гневно отписал в отчете: «Шибутские земли жителей к вере не привел для того, что православных христиан у них никого нет, а называются де они православными христианами потому, что едят свинину. А обогал де их христианскою верою грузинец Иван Мамукин напрасно». Однако приехавшие в 1661 году в Астрахань горные грузины вновь подтвердили, что вера у жителей Шибутской земли «одна» с тушинами, то есть христианская, «а иные шибуты живут и по-бусурмански» (мусульмански. — *Авт.*)⁸².

Из всего сказанного следует, что пришлые приверженцы ортодоксальных взглядов на христианскую религию затруднялись воспринимать горцев как своих единоверцев (за исключением грузинских иерархов, которые легко мирились с отсутствием реальных возможностей для соблюдения всех канонов)⁸³.

В то же время конфессиональное самосознание самих горцев было тогда либо мусульманским, либо христианским. О последнем свидетельствует присяга кистин 1761 года, в которой в частности говорится: «Чеченцы принуждали нас, чтоб как они обусурманились, так бы и мы. Но как наши прадеды состояли в вере христианской, то и мы не покидаем»⁸⁴.

73 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 52.

74 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 52-53.

75 Виноградов В.Б. Некоторые критерии датировки позднесредневековых погребальных памятников Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Ростов-на-Дону, 1977, № 1, с. 66-69.

76 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 84.

77 Там же, с. 84.

78 Там же, с. 43.

79 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура..., с. 134.

80 Кобычев В.П. Храмов древние стены..., с. 143-144; Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК, 1. М., 1988, с. 7.

81 Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов..., с. 104-105.

82 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия..., с. 80-83; Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 73.

83 Посольство дьяка Ф.Елчина и священника П. Захарьева в Даданскую землю // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, ч. 2. М., 1887, с. 341.

84 Скитский Б.В. Указ. соч., с. 190.

Таким образом, выделенный нами новый этап взаимоотношений между Грузией и населением Чечено-Ингушетии, одной из сторон которого выступило христианство, относится к концу XVI–XVII в. Он вызван исторической обстановкой и внутренними процессами, происходившими в вайнахском обществе. Прав был С. Броневский, когда писал, что в древние времена вайнахи исповедовали христианство и «находились в подданстве грузинских царей. Отпавши от христианства, они обратились к древнему своему богопочитанию, **потом опять на короткое время возникло христианство**» (выделено нами. — *Авт.*)⁸⁵.

Нужно лишь уточнить, что оно не возникло, а вторично проникло из Грузии, засвидетельствовав оживление связей через Кавказский хребет.

В конце XVII — первой половине XVIII в. грузино-вайнахские (как и русско-вайнахские) связи заметно ослабли⁸⁶, в особенности это относится к западным районам республики, где население, испытывая давление кабардинских феодалов, все еще не могло приступить к активной колонизации плоскости и испытывало большие экономические трудности. Последние во многом были вызваны перенаселенностью горных областей, почти полной изоляцией от северокавказских торговых центров, необходимостью выплаты податей кабардинским и местным феодалам.

И вот в этих условиях в мае 1745 года в горы Северной Осетии (соседствующей с Ингушетией) прибыла Осетинская духовная комиссия (далее в тексте ОДК), направленная сюда Российским Сенатом. В течение нескольких десятилетий она являлась одним из звеньев, связывающим Россию и отдельные районы Северного Кавказа⁸⁷. С ней связан третий, наиболее поверхностный этап христианизации населения западных районов Чечено-Ингушетии.

Деятельность комиссии была весьма многогранна и далеко выходила за рамки чисто религиозного просветительства. В частности в задачу комиссии входила не только христианизация, но и склонение осетин к союзу с Россией, а при благоприятных условиях — «привождение» их в российское подданство⁸⁸. Поэтому не удивительно, что работа комиссии вызвала определенный интерес прежде всего у осетинских историков, изучавших события второй половины XVIII в. во многом по материалам переписки членов ОДК с представителями русской администрации⁸⁹.

Однако следует отметить, что комиссия действовала не только среди осетин, но (особенно после 1752 года) и среди ингушей, а возможно, карабулаков⁹⁰.

Источники, связанные с ОДК, стали выявляться сравнительно недавно. Прежде всего к ним относятся около 20 документов XVIII в.⁹¹, представляющих собой переписку членов ОДК с российской администрацией, а также присяги и донесения ингушских старшин, где деятельность комиссии так или иначе отражена.

Интересные сведения о работе ОДК среди осетин и ингушей сообщала периодическая печать Кавказа начала XIX в.⁹²

Археологическое изучение горных районов края выявило ряд материалов, которые можно связать с ОДК. Это серебряный нательный крест, обнаруженный Л.П. Семеновым в одном из склепов Ингушетии. По Х.-М. Мугуеву, такие кресты в XVIII в. получали при крещении кистинские старшины⁹³.

Ряд больших поздних крестов, возможно, этого времени, найден на Столовой горе⁹⁴. К XVIII — началу XIX в. относятся крест-тельник и иконы складни из склепов у сел. Кошк и Хамхи⁹⁵. Часть ножиц, зеркал, наперстков и других подобных находок российского производства XVIII в. также можно связать с деятельностью ОДК, члены которой раздавали новокрещенным указанные предметы⁹⁶.

85 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1823. с. 161.

86 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 36.

87 Русско-осетинские отношения в XVIII веке: Сборник документов, т. 1. / Составитель М.М. Блиев. Орджоникидзе, 1976. с. 11, 72-74.

88 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 8; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. с. 163.

89 Русско-осетинские отношения в XVIII веке...; Блиев М.М. Указ. соч.; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959; Тотоев М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954.

90 Веки единства..., с. 11; Броневский С. Указ. соч., с. 155.

91 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 393-451; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке / Составитель В.Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968. с. 167-196; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 26, 86-87; 32. Скитский Б.В. Указ. соч., с. 190; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. с. 159; Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.). Грозный, 1979. с. 55; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX века. Грозный, 1981. с. 98.

92 Шамилев А.И. К вопросу о христианстве..., с. 93.

93 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 53; Мугуев Х.М. Ингушетия. М., 1931. с. 10.

94 Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам..., с. 34.

95 Виноградов В.Б. Некоторые критерии датировки..., с. 67.

96 Блиев М.М. Указ. соч., с. 89-90.

В этой связи обращают на себя внимание русско-вайнахские параллели в религиозной терминологии («маьттер даьла» — мать божья, «очче даьла» — отче (господь) и др.)⁹⁷. хотя они и вызвали недавно возражения С.Ц. Умарова, а также отдельные этнографические данные, например, сообщение А. Тутаева о том, что в 1880 г. в храме Алби-Ерда он видел портрет (по-видимому — икону) Марии, матери Иисуса⁹⁸.

Некоторые из дореволюционных авторов оставили нам описание имевшего место во второй половине XVIII в. процесса христианизации западных районов края.

Так, И.А. Гюльденштедт и Л. Штедер засвидетельствовали, что ингуши позволяют себя крестить, постытся весь великий пост, верят в единого бога, празднуют воскресенье⁹⁹. Но «это все, что они знают о христианстве»¹⁰⁰. А С. Броневский отмечал, что ОДК была создана для проповеди христианства осетинам и кистам, у которых сохранялось много следов этого учения¹⁰¹. Говоря о масштабах и степени христианизации горцев применительно к началу XIX в., А.М. Шегрен подчеркивал, что «миссионеры без больших усилий привели в православие 2/3 населения. Ингуши соглашались быть христианами, но и теперь их можно скорее назвать язычниками»¹⁰².

Пытаясь объяснить такое положение дел, П.Г. Бутков выдвинул на первый план следующую идею, впоследствии широко подхваченную. «Ингуши крестились из корыстолюбия, — писал он, — оставаясь в прежнем своем нечестии»¹⁰³. Причины слабого влияния христианской идеологии на горцев он усматривал также в том, что приезды священников были временными, крещенных оставляли без наставлений, проповеди велись на русском и грузинском языках и др. Последнее отмечал и Б. Далгат¹⁰⁴. Таким образом, дореволюционные исследователи усмотрели лишь одну (религиозную) сторону в деятельности ОДК и постарались выявить причины слабого воздействия христианства на традиционные верования ингушей.

В советской историографии до начала 60-х годов вопрос о работе комиссии среди вайнахов не изучался, хотя в этот период и происходило накопление ценных архивных, археологических, лингвистических и других источников (Х.М. Мутуев, Л.П. Семенов, Д.Д. Мальсагов, Б.В. Скитский).

В 60-е годы религиовед А.И. Шамилев со ссылками на периодическую печать XIX в. привел интересные факты о некоторых результатах работы ОДК среди ингушей, дети которых обучались в Свято-Троицком мужском монастыре и Моздокской духовной школе. Им же были отмечены методы поощрения, применяемые миссионерами¹⁰⁵.

В результате изысканий В.Н. Гамрекели были выявлены документы второй половины XVIII в., рассказывающие о христианизаторской деятельности игумена Григория и священника Троянского среди ингушей¹⁰⁶. Источниковая база для дальнейшего изучения проблемы была в значительной степени расширена выходом в свет в 1976 г. сборника документов «Русско-осетинские отношения в XVIII веке» (составленного М.М. Блиевым), публикациями Ш.Б. Ахмадова и других ученых¹⁰⁷.

Однако все эти многочисленные источники не подверглись должному изучению и обобщению специалистами по истории Чечено-Ингушетии. Сошлемся только на 2 статьи: С.А. Куриева (1977 г.) и М.Б. Мужухоева (1981 г.)¹⁰⁸, в которых авторы полностью абстрагируются от истории русско-вайнахских отношений второй половины XVIII в. Констатируя общеизвестные лингвистические и археологические факты, они повторяют тезис о том, что стремление миссионеров заинтересовать горцев материально (раздачей холста, денег и т.п.) приводило к тому, что ингуши крестились по несколько раз. Этим-де и объясняется большое число христианизированных ОДК.

Значительно более интересными представляются в этой связи некоторые из новейших исследований. В частности, М.М. Блиевым высказано мнение о том, что задача ОДК заключалась в склонении горцев к христианизации, к союзу с Россией и приведении в Российское подданство. Автор отмечает,

97 Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 1, вып. 2. Грозный, 1959, с. 126.

98 Тутаев А. Галгаевский календарь..., с. 138.

99 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. 5. Л., 1930, с. 744; Географические и статистические описания Грузии и Кавказа (из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг.). СПб., 1809, с. 81-82.

100 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей..., с. 744.

101 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия..., с. 154.

102 Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников..., № 27.

103 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г, ч. 1. СПб., 1869, с. 268.

104 Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Т В, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, с. 51.

105 Шамилев А.И. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Известия НИИ, т. 3, вып. 1. Грозный, 1963, с. 96.

106 Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом..., с. 167-196.

107 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч. Грозный, 1980; Русско-осетинские отношения в XVIII веке...; Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях...; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи...

108 Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам...; Куриев С.А. Указ. соч.

что не материальное вознаграждение являлось причиной успеха комиссии, а то, что принимая христианство, ингуши, в частности, ставили вопрос о своем вхождении в состав России и переселении на плоскость, о беспешинной торговле, о защите их как российских подданных от притязаний кабардинских феодалов¹⁰⁹.

Г.Д. Тогошвили определил ОДК главным образом как политическую организацию и вместе с некоторыми другими авторами поставил вопрос о культурно-просветительной деятельности миссионеров¹¹⁰. В.Б. Виноградов обратил внимание на роль христианской идеологии этого времени в этнической и политической консолидации ингушей¹¹¹.

Большие перспективы открылись в оценке работы ОДК в настоящее время в связи с пристальным изучением историками процесса добровольного вхождения народов края, в том числе ингушей, в состав России¹¹². Только в русле указанной концепции могут быть правильно раскрыты, соотнесены и поняты политические, социальные, идеологические и другие моменты, переплетавшиеся в деятельности ОДК среди вайнахов.

Мы не случайно подробно остановились на историографии, которая лишней раз свидетельствует о том, что указанная проблема назрела и в значительной степени может быть решена уже сегодня.

Первые сведения о деятельности ОДК среди ингушей относятся к 1756 г. Иеромонах Григорий, посланный к восточным осетинам, на берегу реки Терек встретил до 800 человек конных и пеших кистин, расположившихся здесь лагерем. Не зная языка, он начал говорить по-осетински, «проповедовать им имя Христово и советовал быть им под покровительством всемилостивейшей нашей государыни»¹¹³. И был понят слушателями. В этой связи отметим, что авторы XVIII в. неоднократно отмечали тесные связи тагаурских осетин и кистин Джейраховского ущелья. В этом районе, наряду с ингушскими, сохранялись и бытовали осетинские названия селений, частыми были межнациональные браки, общими культовые места (например, Столовая гора)¹¹⁴.

Проповедь Григория пала на благодатную почву. Кистины «с великой радостью и с божбою» обещали иеромонаху, что будут креститься и отправили к архимандриту Арсению 60 знатных человек. Архимандрит, взяв с собой евангелие и крест, вернулся в лагерь и лично убедился в том, что все желающие «крестница и под покровом нашей государыни быть верным»¹¹⁵.

Обращает на себя внимание та часть документа, где говорится, что «киштинцы именуют себя христианами, и как осетинцы великий пост постятся... и тем же праздником празднуют, которым осетинцы, и имеют они у себя ис тесаного камня и старопостроенную изрядную церковь» (возможно, речь идет о Тхаба-Ерда)¹¹⁶. Однако нарративные источники того времени свидетельствуют о том, что ни осетины, ни ингуши не являлись по сути своих религиозных верований христианами. Их религиозные воззрения можно определить как синкретические, в которых тесно переплетались элементы язычества и христианства. Но весьма знаменательно, что самосознание этой части горцев сложилось в пользу христианской религии. Очевидно, два основных этапа ее проникновения из Грузии (развитое средневековье — наиболее интенсивное проникновение христианства и конец XVI–XVII в. — более поверхностное влияние этой религии на местные верования) не прошли бесследно.

На первый взгляд кажется удивительным, что люди, считающие себя христианами, вновь изъявляют желание креститься (заметим, что в то время по отношению к ингушам члены ОДК еще не применяли методов материального поощрения). Ответ, на наш взгляд, следует искать в социально-экономических условиях жизни ингушей в период позднего средневековья, в необходимости для них единства с Россией.

Политические взаимоотношения России с ингушскими «владельцами», как известно, установились в XVI в. и окрепли в первой половине XVII в. В особенности это относится к населению, проживающему близ Дарьяла. На этот важный стратегический проход претендовали крымско-турецкие и иранские агрессоры. Плоскостные земли Ингушетии контролировали кабардинские феодалы¹¹⁷.

109 Блиев М.М. Указ. соч., с. 167-174.

110 Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов ИИЭЯЛ, т. 31. Орджоникидзе, 1976, с. 140-142.

111 Виноградов В.Б. Некоторые критерии..., с. 67-68; Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Указ. соч., с. 51; Бараниченко Н.Н. Современные проблемы освещения деятельности Осетинской духовной комиссии среди вайнахов // Тезисы докладов конференции ЧИГУ им. Л.Н. Толстого по итогам работы за 1982 год. Грозный, 1983.

112 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч.; Виноградов В.Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

113 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 394.

114 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 144-145.

115 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 394.

116 Там же.

117 Блиев М.М. Указ. соч., с. 173-174.

Стремясь решить насущные проблемы — прежде всего малоземелья и защиты от внешних врагов, ингуши все чаще обращают свои взоры на Россию¹¹⁸. Однако в начале XVIII в. русско-ингушские связи временно ослабевают, а нерешенные проблемы по-прежнему остаются, остается и неспособность решить их собственными силами. Именно в этих условиях, после длительного перерыва в русско-ингушских взаимоотношениях, в горах Ингушетии появились деятели ОДК, одной из задач которых было склонение горских народов к Российскому подданству. Причем последние выразили свою готовность сразу же и однозначно. Однако до 1768 г. Россия была связана Белградским договором с Турцией, по которому Кабарда и соседние с ней районы объявлялись нейтральной зоной¹¹⁹. Поэтому и было отдано распоряжение членам ОДК сдерживать движение за вхождение в состав России, под предлогом, что все население еще не приняло христианство¹²⁰. Следует отметить также и то, что ОДК — единственное официальное звено, с помощью которого осуществлялись контакты «нейтральных» народов Центрального Кавказа с Россией — являлась учреждением религиозным. Именно этими причинами и было обусловлено то, что процесс вхождения ингушей в состав России принял религиозную окраску.

Ингушские общества единодушно заявили о своем желании креститься, считая себя вправе после этого опираться на поддержку России в решении насущных проблем¹²¹. Таким образом, появление в середине XVIII в. в горах ОДК активизировало политическую деятельность ингушей.

На примере осетин ингуши видели, что Россия оказывает некоторое покровительство единоверным народам. Поэтому не случайно каждый акт крещения сопровождался высказыванием просьб Российскому правительству. Приведем примеры.

В августе 1756 г. архимандрит Арсений окрестил 35 кистин (пять «начальных» и тридцать прочих), которые высказали просьбу: разрешить им свободно, как и осетинам, приезжать в Кизляр¹²². В ответ на это в 1757 г. Сенат принял решение крещеных кистов «держатъ под протекцией е.и.в.», позволять им ездить в Кизляр и усилить среди них проповедь христианства¹²³. После того как содержание указа стало известно ингушам, еще «несколько сот душ окрестилось»¹²⁴.

Русско-ингушским связям в этот период мешали реакционно настроенные представители кабардинских феодальных верхов, не желавшие терять свое влияние над западными районами края. В 1759 г. по пути в Кизляр был схвачен Авраам Пахомиев — новокрещенный ингушский старшина, представлявший «киштинцев» в делах с Российской стороной¹²⁵.

В своем донесении А. Пахомиев сообщал: «По желанию нашему собрались мы, имянуемые киштинцы, и между собою присягою утвердились, чтоб нам веру греческого исповедания принять и быть нам под протекцией е.и.в. И после того, как в народе нашем киштинском стал греко-российский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы (имеются в виду князья. — *Авт.*) по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам злодействовать, чинить нам разные обиды, смертоубийство и воровски уводить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тамож для пахания и кошения сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалые препятствия». Так, из селения Ахинурт (Арки-юрт) кабардинцы угнали 900 баранов, 2 человека убили и 3 взяли в плен¹²⁶. А. Пахомиевым в том же донесении была высказана просьба прислать обер-офицера для разбора дела, приказать кабардинцам в крещении не препятствовать, то же и в пользовании землей, а угнанное — вернуть.

Этот документ свидетельствует о серьезных препятствиях со стороны реакционной части кабардинских феодалов в налаживании русско-ингушских связей и в освоении равнины. Последнее происходило с конца XVII в., но колонизация охватила места, близко расположенные к горам, где можно было укрыться в случае опасности, и распространялась на самые верховья Сунжи и Камбулея¹²⁷. Примечательно упоминание в документе с. Арки-юрт, населенного ингушами и карабулаками¹²⁸. Следовательно, и некоторая часть карабулаков оказалась в зоне распространения «греко-российского закона».

Высказанная А. Пахомиевым просьба была внимательно рассмотрена Сенатом, который в 1760 году принял предписание о предотвращении набегов со стороны Большой Кабарды на Ингушетию¹²⁹.

118 Вехи единства..., с. 34.

119 Тотоев М.С. Указ. соч., с. 15-18.

120 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 469.

121 Блиев М.М. Указ. соч., с. 90.

122 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 394-395.

123 Там же, с. 396.

124 Там же, с. 418.

125 Там же, с. 415.

126 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 418-419.

127 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 158.

128 Там же, с. 160.

129 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 427-428.

Стремясь помочь горцам решить земельный вопрос, преследуя собственные цели (упрочить свои позиции на Северном Кавказе), но связанное условиями Белградского договора, Российское правительство в 1762 г. приняло решение отвести урочище Моздок для поселения крещеных осетин, ингушей и других горских народов¹³⁰. Это решение с удовлетворением было встречено ингушами. В 1765 году «немалое число душ» кистин, «как из старшин, так и из подлого народа з жонами и з детьми» крестились и объявили о своем желании поселиться «в новозаводимое место Моздок и быть под высочайшим покровительством е.и.в.»¹³¹.

Поскольку переселение было сопряжено с большими трудностями, правительство приняло указ всем выезжающим на плоскость осетинам и кистинам давать: старшинам — по 10 рублей, а «подлым» — по 5 рублей на каждую семью¹³². Однако этого акта оказалось недостаточно, так как переселение сопровождалось и большими опасностями для жизни. В 1765 г. игумен Григорий, находившийся в Киштегии «для проповеди слова божия» сообщал, что крестившиеся ингуши просили «путь... в Моздок открыть, для того б их от нападений и напрасных обид от кабардинцев защитить и в случае перехода их прикрывать людьми военными»¹³³.

Пока действовал Белградский договор, российская сторона, по-видимому, по крайней мере официально, не имела возможности ответить на эту просьбу конкретными мерами. Указа на этот счет не последовало.

Однако это не помешало дальнейшему укреплению русско-ингушских взаимоотношений. Процесс добровольного вхождения Ингушетии в состав России завершился в 1770 г. принятием присяги от 24 старшин, действовавших от имени кистинского народа¹³⁴. Для принятия присяги по просьбе старшин в Ингушетию был послан архимандрит Порфирий, который «по обычаю христианскому истинный путь указал»¹³⁵. Как видно, и этот акт принял ярко выраженную религиозную окраску.

Примечательно, что примерно за месяц до указанного события ингушские старшины Г. Чопанов и С. Мирзаханов заявили от «всего народа», «что они желают все генерально креститься... А чтобы они святого крещения сподобляться могли, для того определить к ним искусного священника, изъявляя притом, что они во всем уезде церковь сами построить имеют»¹³⁶.

Возможно, при схожих обстоятельствах была построена церковь в верховьях Сунжи и Камбулея. О ней в начале XIX в. сообщал С. Броневский¹³⁷.

Проповедь христианства и прочно установившиеся русско-ингушские связи вызывали растущее недовольство кабардинских феодалов. По-видимому, именно ими был убит игумен Григорий, который особенно отличился склонением ингушей «к христианству и к российской стороне»¹³⁸.

В 1771 г. ОДК была реорганизована: грузинских церковных лиц частично заменили русские. Деятельность последних не встречала препятствий со стороны ингушей. В частности, в 1772 г. Семеон Троянский, Федор Ежебовский и Михаил Оглоблин сообщали, что они находились в Больших и Малых Ингушах «для проповеди слова божия и для просвещения тамошнего народа святым крещением. Все ингушские жители от стара до мала спешною ногою слышав проповедь слова божия самопроизвольно к восприятию святого крещения текли и преподаемое нами о познании истинного божиего поучения слушали все охотно»¹³⁹. Возможно, что проповеди велись на русском языке с помощью переводчиков.

В 1773 году в Больших и Малых Ингушах побывал руководитель ОДК А. Лебедев, так как население жаловалось на притеснения со стороны кабардинских князей¹⁴⁰. Через десять лет ингуши вновь обращаются за помощью к российской стороне. Как сообщает документ, «ингушевские старшины утверждали, что хотя временно платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, а у кого нет, то на одну косу железа, однако ж они подвластными им никогда себя не признавали, а тем паче не признают себя с того времени, как они вступили в российское подданство и многие из них приняли христианский закон»¹⁴¹.

Это, как и проанализированные выше документы, относящиеся к деятельности ОДК, позволяет утверждать, что христианизация середины XVIII в. была вызвана не стремлением получить некоторые

130 Там же, с. 449-451.

131 Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом..., с. 167.

132 Там же, с. 168.

133 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 86.

134 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 87; Вехи единства..., с. 111.

135 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 87.

136 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 86.

137 Броневский С. Указ. соч., с. 162.

138 Блиев М.М. Указ. соч., с. 208.

139 Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом..., с. 196.

140 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 159; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, с. 68.

141 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 159.

предметы российского производства, а желанием и надеждой обеспечить с помощью России жизненные потребности ингушского народа: закрепление на плоскости, преодоление экономической замкнутости в горах, возможность вести торговлю с другими народами, избавление от внешней угрозы, от набегов и податей кабардинским феодалам.

ОДК в этих условиях сыграла положительную роль, так как ее деятельность способствовала установлению прерванных русско-ингушских связей. По этому поводу сами ингушские старшины писали: «Много-де радовались, как присланным для просвещения нашего российских священников видеть удостоились и из того заключали чрез оных непрерывное с Россиею иметь знакомство...»¹⁴².

Вместе с тем нельзя не видеть отрицательных сторон в работе этой организации среди вайнахов. Прежде всего проповедь христианства со стороны России имела цели политические и социальные. По словам астраханского губернатора, простой народ «ничем больше к власти и во обуздании не подчинится, как удержанием в них веры»¹⁴³. Подобную «веру» (повиновение властям) и проповедовали члены ОДК¹⁴⁴. По-видимому, миссионерская деятельность этого времени не была избавлена от притеснений местного населения, что вызывало естественную реакцию со стороны последнего. Возможно, по этой причине, а также вследствие продолжающейся встречно исламизации, карабулаками была разрушена церковь на р. Бальсу¹⁴⁵. Миссионеры занимались и личным обогащением за счет торговли теми товарами, которые они должны были выдавать новокрещенным бесплатно¹⁴⁶.

Тем не менее, как известно из источников, христианизация этого времени охватила сотни и даже тысячи человек, проживающих в горных районах и на плоскости. Влияние ее на местные религиозные верования не было значительным, поскольку не были затронуты основы прежних взглядов. Миссионерам было достаточно того, что население крестилось (осенялось крестом и окроплялось святой водой), и лишь на этом основании многие кто не имел представления о канонах христианства, были объявлены христианами. Иногда новокрещенным сообщалось, что есть бог, выдвигалось требование забыть идолов и любить бога, объяснялся символ веры и молитва господня («Отче наш»?)¹⁴⁷. Служба отправлялась сначала на грузинском, а затем на русском языках с помощью переводчиков, что вряд ли способствовало глубокому и правильному усвоению религиозных догм¹⁴⁸. Следует отметить и то, что проповеди велись приспособительно к местным верованиям и культам. Так, архимандрит Пахомий просил прислать ОДК святыне образа: Богородицы, Георгия Победоносца, Илии Пророка и других на том основании, что они почитаются в горах¹⁴⁹. Кроме того, приезды священников были кратковременными¹⁵⁰. Таким образом, и в ходе и после деятельности ОДК основная масса населения продолжала исповедовать синкретические по сути верования. Возможно, что лишь часть ингушской верхушки стала на позиции канонического христианства, как например Амбросий Пахомиев (Авраам Пахомиев), Харитон Мисос, Федор Гогиев, Иоанн Мальсагиков и др.¹⁵¹, владевшие грузинским или русским языками, часто бывавшие в Грузии и в городах по Тереку, где были построены христианские церкви и открыты христианские школы. Скорее всего именно дети старшин учились в Свято-Троицком мужском монастыре и в Моздокской духовной школе, открытой в 1764 году.

ОДК действовала в Осетии и Ингушетии до 1792 года, когда в Моздоке было открыто епископство¹⁵². Его влияние на окрестное население не было сколько-нибудь заметным. Вскоре вновь происходит временное ослабление внимания России к кавказским делам¹⁵³. Когда же в начале XIX в. на указанной территории началось утверждение феодально-великодержавных порядков, результаты «чисто религиозной» деятельности отдельных христианских миссионеров стали сходить на нет. Они рассматривались населением (и на самом деле являлись) проводниками политики царизма, и встречали растущее сопротивление со стороны горцев. Так, в с. Хули проповедники были сожжены в одной из башен¹⁵⁴. В то же время ислам все более становился идеологическим оружием в борьбе против царизма и средством раннеклассовой консолидации части вайнахов. Судя по имеющимся источникам, исламизация охватила сначала плоскостные районы Ингушетии, а в середине XIX в. — и горные.

142 Ахмадов Ш.Б. Экономические связи..., с. 98.

143 История Северо-Осетинской АССР..., с. 156.

144 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 1. СПб., 1869, с. 272.

145 Броневский С. Указ. соч., с. 155; Памятник грузино-ингушских связей XV века..., с. 50-54.

146 Блиев М.М. Указ. соч., с. 208.

147 Бутков П.Г. Указ. соч., с. 272.

148 Там же.

149 Русско-осетинские отношения в XVIII веке..., с. 346.

150 Бутков П.Г. Указ. соч., с. 269.

151 Вехи единства..., с. 38.

152 История Северо-Осетинской АССР..., с. 156.

153 Блиев М.М. Указ. соч., с. 329.

154 Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979, с. 50.

Но еще долгое время здесь сохранялись старинные религиозные верования, которые в конце XIX – начале XX в. наблюдали археологи и этнографы¹⁵⁵.

Таким образом, идеологический (религиозный) фактор и в XVIII–XIX вв. выступал в качестве опосредованного отражения материальных интересов и нужд и являлся их порождением.

Впервые опубликовано: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 116–139.

155 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 132; Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТВ, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.

К ТРАКТОВКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОБОЛОЧКИ ВОЙН И НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VIII–XVIII вв.)

В небольшом докладе невозможно рассмотреть всю сумму разнообразных, сложных и порой противоречиво трактуемых вопросов объявленной темы. Поэтому автор ограничивается анализом и сопоставлением некоторых точек зрения по поводу социально-политического содержания и религиозной оболочки событий на Северном Кавказе в эпоху средневековья (VIII–XVIII вв.), характеристикой определенных перспектив в трактовке соотношения конфессионального и этнического самосознания в конкретных условиях тех веков.

В проблемной статье В. П. Шерстобитова высказано справедливое осуждение в адрес «противопоставления народов по религиозному признаку («христианские», «мусульманские»)), рецидивы которого все еще встречаются в кавказоведческой литературе¹. Являясь следствием отхода от классового принципа, принижения или вульгаризации социально-экономических и классово-политических моментов в этнических отношениях, подобная трактовка приобретает не однозначный, порой причудливый, но почти всегда открыто полемический смысл, затрагивающий очень щепетильную область, связанную с межнациональными отношениями, с национальным вопросом, то есть область, являющуюся объектом постоянной и острой идеологической борьбы. Порочный принцип деления народов, в том числе и народов Кавказа, на «мусульман» и «немусульман», попытки рокового и извечного их противопоставления при-сути, как известно, современной буржуазной историографии. Энергичными представителями таковой в наши дни являются Л. Тиллет, О. Кэроу, А. Бенигсен, Ч. Келкеши, А. Мейер, Х. М. Зихни и др. Их так называемые «труды», аргументировано отвергнутые советскими учеными как методологически несостоятельные и фактически недобросовестные, служат (в конечном счете) единственной цели — стремлению извратить закономерности исторического развития, подорвать подлинно научную интерпретацию хода исторического процесса, обострить межнациональные отношения сегодняшнего дня посредством тенденциозного толкования событий прошлого и их нынешней оценки². И рассуждения о «суперэтносах»³, к которым Л. Н. Гумилев относит, в частности, «мусульманский мир» и несовместимую якобы с ним на всех этапах истории «европейскую цивилизацию», также не соответствуют истине. Критика данной концепции назрела давно⁴. Она актуальна и в плане поставленной проблемы.

В самом факте религиозной оболочки, окраски, фразеологии политических обстоятельств, событий, войн и народных движений средневековья нет чего-либо исключительного, и это подчеркнуто в известных указаниях классиков марксизма-ленинизма⁵. Религиозный признак, принадлежность к той или иной церковной организации в средние века были и на Кавказе одним из решающих моментов, определявших принадлежность, примыкание индивида или коллектива к соответствующей этнической общности. В условиях тех веков (господство натурального хозяйства, переплетение социально-экономических факторов общинно-бесклассового и классово-феодалного характера, весьма слабая мобильность крестьянства, повышенная военно-политическая активность верхов и т.п.) народное самосознание горцев находилось на начальной стадии, будучи тесно связано с религиозным сознанием и лишь отчасти сословным. При этом доминирующий характер собственно религиозной формы этнического самосознания складывался в значительной мере в пору и в результате иноземных нашествий⁶. Последнее замечание адресуется христианству и исламу, ибо так называемые «языческие» верования в меньшей степени подходят под это правило. Ф. Энгельс отмечал: «Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен и народов... Только по поводу... более или менее искусственно возникших мировых религий, особенно по поводу христианства и ислама, можно сказать, что исторические движения принимают религиозную окраску»⁷.

1 См.: Шерстобитов В. П. Проблемы интернационализма в исторической науке // История СССР, 1974, № 6, с. 15.

2 Библиографические данные и критику этих «трудов» см.: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 33-40; Абдуллаев М. А., Курбанов Р. О. Критика некоторых концепций антикоммунизма по вопросам национальных отношений // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Махачкала, 1973, с. 227-248; Абдуллаев М. А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975.

3 См.: Гумилев Л. Н. Этнос: состояние или процесс? // Вестник ЛГУ, 1971, № 12; Его же. Сущность этнической целостности // Вестник ЛГУ, 1971, № 24; Его же. Внутренняя закономерность этногенеза // Вестник ЛГУ, 1973, № 6 и многие другие работы.

4 Отдельные пассажи Л. Н. Гумилева уже стали объектом критики (Рыбаков Б. А., Плетнева С. А., Андрианов Б. В. и др.). Опровержение всей концепции см.: Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории, 1974, 12, с. 72-85.

5 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361; Ленин В. И. Поли собр. соч., т. 4, с. 238.

6 См.: Смирнов Ю. И. О народном самосознании. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 55-62.

7 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 294.

Обратившись к современным исследованиям непосредственно по нашей теме, следует подчеркнуть, что абсолютному их большинству свойствен верный подход к рассматриваемым фактам и явлениям. Это, однако, не снимает необходимости фиксировать и должным образом оценивать отдельные трактовки, не отличающиеся исчерпывающим анализом исходных данных и полной объективностью вытекающих из них выводов.

Так, неуместным представляется идиллически-бесстрастное, а тем более сочувственное описание хода христианизации горцев Северного Кавказа со стороны Грузинского феодального государства в VIII–XVII веках⁸, равно как и «миссионерской деятельности» русского православия с началом вхождения народов Кавказа в состав России⁹. Подача этих важных идеологических акций в изоляции от глубинных (базисных) процессов социально-экономического порядка, рассмотрение их вне классово-политических задач и методов невольно порождает идеализацию активной стороны. Тем самым затушевывается подлинная подоплека действий, а абстрагированные от всей сложности эпохи суждения о «самобытности» объектов приложения религиозно-конфессиональных усилий переходят порой в сомнительные оценки «идейно-моральной недоразвитости» тех, кто противился успехам христианской пропаганды¹⁰. Не более состоятельны намерения возложить на идеологию ислама основную часть ответственности за те или иные эпохальные события и тенденции (например, ослабление взаимоотношений Грузии с народами Северного Кавказа в позднее средневековье¹¹ или особенности экспансии горцев Дагестана на территорию Восточной Грузии, вошедшие в историю под названием «лекианобы»¹², и т. п.).

Отождествление этнического (этно-государственного) и конфессионального элементов приобретает различные формы и фиксируется по-разному. Известны примеры, когда ислам (вне реальной обстановки XVIII в.) объявляется «единой для все горцев религиозной идеологией»¹³, что не соответствует истинному положению дел. Успехи мусульманства к концу XVIII века объявляются «триумфальными» и трактуются в качестве «ответной реакции на грубую и жестокую антимусульманскую политику» царицы¹⁴, что, бесспорно, обедняет и искажает подлинную картину. Народно-освободительные выступления, протекавшие под флагом газавата, и, в частности, достаточно локальное по территории и времени активности восстание в плоскостной Чечне в середине 80-х гг. XVIII в. определяется как «поистине все-народное»¹⁵. Нередко встречаются и формулировки, ставящие процесс исламизации и христианизации тех или иных этнических групп в чрезмерную зависимость от внешних кратковременных военно-политических акций или действий отдельных личностей. Это особенно легко проследить по интерпретации последствий политики грузинской царицы Тамар или завоевательных походов Тимура.

Вместе с тем преувеличение роли религиозных различий между этносами и группами внутри них приводит к категорическим и прямолинейным оценкам (например, во мнении об абсолютном якобы отстранении ингушей и осетин от ряда народно-освободительных и антифеодальных движений, проходивших под религиозной — исламской — окраской и противопоставлении их горским соседям в связи с некоторыми сторонами политики Грузии и России)¹⁶. Сохраняются тенденции бездоказательного удревнения эпохи господства «истинных мусульманских» религиозных доктрин в среде населения Северного Кавказа (например, чеченцев), а недостаточно аргументированное отрицание таковых порождает в свою очередь ошибочное мнение о чрезмерно позднем утверждении ислама в ряде районов и областей.

Даже из этой (относительно не исчерпывающей) подборки мнений со всей очевидностью вытекает, что трактовка религиозной формы этнического самосознания и религиозной оболочки конкретных событий требует неукоснительного соблюдения принципов историзма и, прежде всего, внимательного учета хронологического и социального аспектов, без которого интерпретация войн и народных выступлений может превратиться в плохо завуалированный слепок с официальной феодальной историографии либо привести к крайней модернизации событий и проблем прошлого. Формирование сложившегося религи-

8 См. например: Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. Сравни: Виноградов В.Б., Саламов А.А. Об одной попытке освещения грузино-вайнахских связей // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966, с. 163-176.

9 См., например: Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 287-289; Марковин В. И. К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, вып. 6. Нальчик, 1972, с. 260-270.

10 См., например: Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия. Тбилиси, 1961. Сравни: Дидебулидзе З. Ш. Культурные взаимоотношения народов Грузии и Центрального Предкавказья в X-XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974.

11 См.: Тогошвили Г. Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, т. 5, вып. 1. Грозный, 1964, с. 151.

12 См.: Думбадзе М. Из истории Восточной Кахетии. Тбилиси, 1963, с. 20; Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 14.

13 См.: Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974, с. 9.

14 См.: Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. 9, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 61.

15 См. там же, с. 73.

16 См., например: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967, с. 107, 108 и сл. Сравни: Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, т. 9, ч. 2, вып. 1. Грозный, 1972, с. 61-102.

озного сознания даже в рамках одного этноса, а тем более разноэтнического региона — долгий и сложный процесс, а в случае с христианством и исламом (религиями, сопутствующими феодализму) его ход в существенной мере зависел от фактов социально-сословного свойства (насаждение «сверху вниз» в разрезе общественной иерархии и сопротивления «низов»). Особенно запутан он и противоречив в условиях прямого соперничества этих двух религий в одной этнической общности, не порвавшей к тому же полностью с традиционными собственными верованиями. Примерами подобных переплетений полна история средневекового Северного Кавказа, и эта пестрота должна приниматься во внимание при попытках уяснения характера и степени действенности религиозной оболочки применительно к определенным событиям.

Исследование любого случая генезиса религиозного сознания должно, очевидно, подразумевать не только выявление генеральной линии идеологического развития общества, но и изучение в связи с ней противоборствующих сил и явлений, облекавшихся по законам эпохи также в религиозные одежды. Причем здесь более всего необходим социально-классовый подход и предельная объективность и нелицеприятность оценок, что позволит избежать неких антиисторических конкурсов достоинств и недостатков «своей» и «чужой» религиозной идеологии. Непреходящую актуальность имеет аргументированный показ классовой солидарности правящих и социальных верхов различных этносов и государственных образований вне религиозно-конфессиональной их принадлежности. Образцом исследований такого рода представляются ценные труды историков Дагестана (более всего Р. М. Магомедова и А. Р. Шихсаидова)¹⁷, которым все еще нет эквивалентов в иных областях Северного Кавказа, в том числе и в тех, где религиозный статут населения был долгое время весьма сложным (Чечено-Ингушетия, Осетия, Балкария и др.).

Не меньшее, а в освещении ряда ситуаций и принципиально большее значение приобретает исчерпывающий и беспристрастный показ негативных сторон естественной религиозной оболочки событий и движений эпохи средневековья. Прежде всего, только чисто теоретически христианство или ислам должны были и могли объединить разноплеменные народы в единую «общину Христа» или «общину Мухаммеда». На самом деле они не обеспечивали даже сокращения междоусобных войн, не говоря о столкновении внешнеполитических интересов феодально-государственных образований и классовых притязаний сословных верхов. Остается во многом еще не раскрытым на конкретном примере Кавказа, в том числе Северного, важное указание Ф. Энгельса о существенных отличиях движений под религиозной оболочкой в Западной Европе и в странах Востока при общем их сходстве¹⁸. Нельзя забывать и того, что конфессиональное мировосприятие, религиозное мировоззрение, вплетенные в народное самосознание, упорно противостоят процессу становления классового (а следовательно, и интернационального) самосознания народных масс. В таких условиях конфликты, в основе которых лежат подлинные социально-классовые причины, осознаются в превратной форме¹⁹, а религиозная «настройка» оказывает чрезвычайно губительное воздействие на цели, способы и результаты проявлений исторической активности движущих сил общества. Известно, что проповеди религиозной неприязни, нетерпимости, а тем более «священной войны» не имели социальных адресатов, а были направлены против любых и всех «иноверцев». Это побуждает весьма критически оценивать попытки идеализации личностей, возглавлявших движения под религиозной оболочкой. Непревзойденным пока опытом зрелого подхода к методике изучения народных движений Кавказа, проходивших под религиозными знаменами, и являются известные работы А. В. Фадеева и Н. А. Смирнова о кавказском мюридизме²⁰.

Обострение национальных чувств, тесная связь их с религиозным сознанием в периоды сопротивления иноземному гнету и в ходе народно-освободительных выступлений были явлением закономерным. Однако следует сознавать, что поступательно-прогрессивное движение, а тем более революционный процесс становятся объективно последовательнее и мощнее только при гармоничном сочетании всех их сторон. Поэтому исследование проблемы, интересующей нас, требует, кроме всего прочего, акцентировать и такой аспект, как складывание позитивных межэтнических (экономических, военных, культурных, семейно-брачных и пр.) взаимосвязей вопреки религиозной идеологии сторон, в противостоянии ей и в борьбе с ней. Такой подход к воссозданию истории Северного Кавказа с его специфически пестрым в этническом, социально-экономическом и религиозном плане населением таит едва ли не самые ценные перспективы в подлинном уяснении закономерностей местного истори-

17 См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957; Его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969; Его же. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975; и др.

18 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, с. 244.

19 См. подробнее: Каримов М. Х. О понятии «национальное самосознание» // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. М., с. 182.

20 См.: Фадеев А. В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР, 1960, № 5; Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

ческого процесса и фактически не оставляет простора для огульного противопоставления народов и племен по чисто религиозному признаку.

В некоторых главах первого тома «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», в отдельных статьях аспирантских сборников Чечено-Ингушского НИИ слабо раскрывается тема общности исторических судеб народов Кавказа и русского народа, вопрос о том, что объединяло эти народы в прошлом, вопреки колонизаторской политике царизма и реакционной пропаганде горских феодально-религиозных верхов²¹. Недостаточно освещена также борьба между шахским Ираном и султанской Турцией за овладение Кавказом и положительная роль России в судьбах горцев. Эта проблема в разрезе поставленной темы подразумевает заинтересованное всестороннее изучение традиций русско-северокавказского «совместничества», утверждающегося вопреки религиозным догмам и предубеждениям. Каждый из многочисленных и разнообразных приемов исторически прогрессивного объединения и сотрудничества представителей различных этносов вне прокрустова ложа религиозной оболочки, достоин изучения и популяризации, в результате которых опыт этих событий становится мощным фактором интернационального и атеистического воспитания современников. Историческое кавказоведение последних лет преподносит достойные образцы исследований такого рода (Н. П. Гриценко, В. Г. Гаджиев, М. М. Блиев, В. Н. Гамрекели, Т. Д. Бошадзе, Ч. Э. Карданов, Н. Г. Волкова и др.)²². Но они не всеобъемлющи, и здесь, как нигде более, заметен урон, наносимый местничеством, узкой национальной и территориальной локальностью научных изысканий, на что своевременно и верно указано учеными-историками²³.

В этой связи замечательный научный интерес и значимость представляют исследования равнинных районов Притеречья с их специфической ролью и судьбой в исторических событиях. Берега Терека во все периоды средневековья были населены необычайно сложным по этническому составу населением с редкой глубиной связей между его группами. Именно здесь сложились такие этнографические феномены, как гребенские и терские казаки, брагунцы, грузинские и армянские поселенцы Северного Кавказа и др. Именно тут активно осуществлялись наиболее жизненные и интимные контакты между русскими, кабардинцами, чеченцами, осетинами, кумыками, ногайцами, ингушами и представителями многих других этносов. Любые попытки этнического самовозвеличения, приписывания мнимых исторических заслуг той или иной этнической группе немедленно оборачиваются здесь исторической несправедливостью по отношению к другим народам, а смещение классовых ориентиров откликается недифференцированным подходом к оценке явлений и событий²⁴.

История этих районов, как никаких других на Северном Кавказе, дает щедрый и поучительный материал о преодолении этнической замкнутости, религиозной изолированности и косности в годы сопротивления грабительским иноземным вторжениям, в дни яростных вспышек антиколониальных (в том числе и против русского царизма) и антифеодальных движений народных масс. И эти, уходящие в глубь веков ростки формирования интернациональных чувств, питаемые совместной классовой борьбой, были гарантией развития подлинно демократического национального самосознания у многих местных этнических групп.

Развитие же последнего — это не только приобретение новых идей, но одновременно и отказ от старых иллюзий. Это процесс, в котором сочеталось появление новых представлений и мучительная переоценка старых, ошибочных. Он происходил не в умах отдельных деятелей, а у поколений. Процесс усложнялся, темп его изменялся под влиянием различных факторов. Но с каждым шагом экономического, социального и политического прогресса программы и лозунги предшествующих веков и движений не отвечали, а затем и противоречили духу и обстановке новых движений. Так было и с религиозной оболочкой исторических событий средневековья, тормозившей подлинно революционное сознание трудящихся масс, отвлекавшей народы от классовой борьбы и истинных задач достижения социального освобождения и национальной независимости.

Впервые опубликовано: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1. Грозный, 1978. С. 135–143.

21 См.: Обсуждение «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР». Конференция в г. Грозном // История СССР, 1974, № 1, с. 232-238; Виноградов В. Б., Ефанов К. И. Быть на переднем крае // «Грозненский рабочий», 1974, 29 мая; Шерстобитов В. П. Указ. соч., с. 13-14.

22 См., например: Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965; Его же. Истоки дружбы. Грозный, 1975; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. Л., 1965; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970; Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1972; Боцадзе Т.Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI-XVIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1973; Карданов Ч.Э. Из истории отношений между адыгейскими народами и Россией в XVI веке. Нальчик, 1972; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1973 и др.

23 См. Шерстобитов В. П. Указ. соч., с. 16-17.

24 Подобные просчеты присущи сегодня чаще всего работам начинающих историков, озабоченных желанием, во что бы то ни стало сказать «новое», «лестное» слово в адрес того или иного этноса и пренебрегающих основательным осмыслением высказанных прежде научных мнений. См., например, отдельные статьи сборников «Вопросы истории и этнографии Дагестана» и др.

РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (Обзор литературы за 1971–1975 гг.)

Одной из актуальных проблем советской исторической науки является исследование экономических, политических и культурных взаимосвязей народов России; солидарности трудящихся разных национальностей в освободительном и революционном движении, роли рабочего класса и Коммунистической партии в интернациональном сплочении трудящихся с целью избавления от социального и национального гнета¹. Данный обзор призван показать, как решалась в минувшие пять лет эта задача в рамках изучения дореволюционного прошлого Северного Кавказа — региона многонационального, прошедшего сложный исторический путь.

Зарождение русско-северокавказских контактов восходит к X–XIII вв. Фонд конкретных источников по этой проблематике в последние годы не обогатился, но предпринята попытка новой интерпретации славяно-русской надписи XI в. на р. Егорлык², а также пересмотра мнения Е. И. Крупнова о датировке верхнеджугатских церквей XII веком и связи их со славяно-русским зодчеством³. В ряде работ с большей или меньшей полнотой мобилизованы различные сведения о первых контактах восточных славян с племенами Северного Кавказа, дается их анализ⁴. На наш взгляд, ошибочным является мнение Х. А. Хизриева о том, что борьба народов Северного Кавказа, и в том числе чеченцев, против монголо-татар облегчала «положение на Руси в 1238–1239 гг.». Автор необоснованно переносит в бассейн Терека события 1240–1242 гг., происходившие в Центральной Европе (Венгрия, Валахия), приняв несколько этнонимов Подунавья за названия «чеченских племен»⁵.

Все еще распространенное мнение о том, что связи Руси с народами Северного Кавказа в период монголо-татарского нашествия прерываются⁶, оспаривается ныне в свете новых фактов, свидетельствующих в пользу сохранения контактов в XIII–XV вв.⁷

В истории русско-кавказских взаимоотношений важную роль сыграло гребенское и терское казачество, сформировавшееся к середине XVI в. Прошедшие годы ознаменовались оживлением научного интереса к вопросам появления и расселения казачества на Тереке, его социального и этнографического облика. Истории казачества посвящены не только специальные статьи и этюды в книгах⁸, но и первое в советской историографии монографическое исследование Л. Б. Заседателевой о терских казаках⁹. Таким образом, попытка возрождения концепции Н. Л. Янчевского о казаках — изначальных воинах-наемниках, проводниках «колониальной политики капитала» встретила аргументированную критику со стороны исследователей, определяющих казачество как часть беглого русского населения (преимущественно крепостных), обосновавшегося к югу от Сунжи, среди чеченцев и других горских народов, с которыми у него установились тесные дружественные связи.

- 1 Шерстобитов В. П. Проблемы интернационализма в исторической науке // История СССР, 1974, № 6, с. 7, 19.
- 2 Кузнецов В. А., Мединцева А. А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 144. М., 1975, с. 11–17.
- 3 Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974, с. 56–59; Его же. Церкви Верхнего Джугата, их время и интерпретация // Тезисы докладов V Крупновских чтений. Махачкала, 1975, с. 107–109.
- 4 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 77–109; Виноградов В. Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, № 8; Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 12–20; Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 10–16.
- 5 Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный (далее: «Изв. ЧИ НИИ»), т. IX, ч. 3, вып. 1, 1974. Ср.: История Венгрии, т. 1. М., 1971, с. 144–148; Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Европе и Азии. М., 1970.
- 6 Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974, с. 176; Чеботарев Б. В. Дружба, рожденная на века // Изв. СКНЦВШ, 1973, № 3.
- 7 Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой // Сов. археология, 1974, № 3; Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 59–61 (ср.: Изв. СКНЦВШ, 1975, № 2, с. 117); Магомадова Т. С. Русский крест XV в. из сел. Майртуп // Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976.
- 8 Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сов. этнография, 1972, № 3; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974, с. 193–194; Денискин В. И. Появление и расселение казачества на Тереке в освещении дореволюционной и советской историографии // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 3; Исаева Т. К истории русско-вайнахских отношений // Аргун, 1973, № 2; Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550–1580 гг.). Нальчик, 1972, с. 94–96; Котиков С. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 2, вып. 1. Грозный, 1972; Магомадова Т. С. Городище Джиги-Гала // Тезисы докладов III Крупновских чтений. Грозный, 1973; Песни Терека / Публ. текстов, вступит. ст. и прим. Агаджанова Ю. Г. Грозный, 1974, с. 22–41.
- 9 Заседателева Л. Б. Указ. соч.

Оживилось изучение непосредственных контактов между народами Северного Кавказа и Русским государством во второй половине XVI в. Ч.Э. Карданов издал книгу, в которой вновь проанализировал русско-адыгские отношения в 50–80-х годах XVI в.¹⁰ Автор обстоятельно рассмотрел процесс постепенного сближения адыгов с Россией на широком фоне международных отношений, в частности, в условиях постоянного агрессивного натиска Персии, Турции и Крыма. Приведены многочисленные факты боевого содружества русских войск и адыгских отрядов в военных действиях на Кавказе и Дону. Книгу пронизывает идея, что только союз и дружба с Россией гарантировали безопасность от турецкой агрессии народам Северного Кавказа.

Роль северокавказских народов во взаимоотношениях России и Грузии начиная с середины XVI в. впервые специально исследовал Т. Д. Боцвадзе, подчеркнувший единство интересов всего населения Кавказа, ориентировавшегося на Россию, как союзницу и защитницу перед лицом захватнической политики ближневосточных деспотий¹¹. Предметом ряда специальных работ стали различные формы связей между народами Северного Кавказа¹². Пожалуй, общим недостатком этих исследований является слабая изученность экономических связей и недостаточное внимание к ряду народностей Северного Кавказа. заметная роль адыгских и некоторых дагестанских народов в истории рассматриваемого региона отнюдь не исключала активного участия в местных событиях других горских народов¹³. Это подтверждается примером вайнахов (чеченцев и ингушей), сыгравших роль важных политических партнеров России на Кавказе¹⁴. Вместе с тем, имеет место необоснованное преувеличение роли отдельных народов в исторических событиях (например, Б. Б. Кочекаев в работе о дореволюционной истории ногайцев переоценивает их влияние на историю России, русско-ногайские связи трактуются им с заметной односторонностью)¹⁵.

В ряде книг по истории народов края нашла отражение совместная борьба в XVII в. русского и горских народов против внешней опасности¹⁶. Специально эта тема рассматривается в обобщающей монографии М.-С. К. Умаханова¹⁷. Она посвящена социально-экономическому развитию Дагестана, борьбе народов Северо-Восточного Кавказа против турецкой и особенно персидской агрессии. Автор характеризует политику ненасильственных методов усиления влияния России на Дагестан в XVII в., приводит примеры политической и военной помощи со стороны России, срывавшей планы порабощения местных народов Персией и Турцией. Вместе с тем, в книге не везде четко выявлены различия внешнеполитической ориентации отдельных социальных слоев дагестанских обществ, недостаточно внимания уделено росту внешних экономических связей Дагестана.

За последние годы появился ряд статей, по-новому освещающих вопросы истории гребенского казачества в первой половине XVII в. и, в том числе, роль терских казаков в крестьянских войнах под предводительством И. Болотникова и С. Разина¹⁸. Участие Терской казачьей вольницы в народных движениях России, классовая активность терских и гребенских казачьих низов объективно служили вовлечению в борьбу и трудящихся горских масс, весьма тесно связанных в те века с казачеством и постоянно пополнявших его ряды¹⁹.

10 Карданов Ч. Э. Указ. соч.

11 Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России и Грузии в XVI–XVIII веках. Тбилиси, 1974.

12 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Аутлев П.У. Из истории адыго-русского боевого содружества // УЗ Адыгейского НИИ истории языка и литературы, т. XIII, истор. и этнограф. Майкоп, 1971; Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, вып. IV, 1974; Гриценко Н.П. Указ. соч., с. 35–42; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Мамбетова Г.М. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик (далее: Вестник КБ НИИ), вып. 4, 1971.

13 Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973,

14 Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Изв. Чечено-Ингушского республ. краев. музея, вып. XI. Грозный, 1975; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1971, № 10; Котиков С.Б. Указ. соч.; Магомадова Т.С. Ших-Мурза-Окуцкий и русское посольство в Грузию в 1587–1588 годах // Аргун, 1971, № 4; Её же. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 2, вып. 1. Грозный, 1972.

15 Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973.

16 Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVII–XIX веках. Махачкала, 1972; Гриценко Н.П. Указ. соч., с. 29–40; Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974; Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971; Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX века). Орджоникидзе, 1974; Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.

17 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

18 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР, 1975, № 6; Гриценко Н.П. Народные движения XVII–XVIII вв. и терское казачество // Изв. СКНЦВШ, 1973, № 3; Пронштейн А.П. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество в исторической литературе // Изв. СКНЦВШ, 1973, № 3; Шепелев И.С. Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в русском государстве периода крестьянской войны и польско-шведской интервенции (первая четверть XVII в.) // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972.

19 Заседателева Л.Б. Указ. соч., с. 112–127; Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 48–61.

Процесс расширения в XVII в. экономических связей народов Северного Кавказа с Россией нашел отражение в работах о появлении русских крепостей и городов, с самого начала имевших смешанный состав населения, и складывании центров торговли²⁰. Специально он рассматривался в статье Т.А. Исаевой и на страницах книги Н. П. Гриценко, в работе Т. С. Магомадовой²¹. Стремление Т. С. Магомадовой «удревнить» ряд вещественных свидетельств русско-вайнахской торговли до XVI — первой половины XVII вв. вызывает возражения как недостаточно мотивированное. Правы те исследователи, которые связывают оживление торгово-экономических связей России и народов Северного Кавказа с последней четвертью XVII в. и последующим столетием²².

Значительным вкладом в расширение источниковой базы изучения русско-северокавказских связей является публикация документов, предпринятая В. К. Гардановым и М. М. Блиевым²³. Первый из них собрал сведения об адыгах, балкарцах и карачаевцах, извлеченные из трудов европейских путешественников (включая многих деятелей Академии наук), побывавших на Северном Кавказе до середины XIX в. Материалы сборника освещают различные стороны русско-кавказских связей. В сборнике, подготовленном М.М. Блиевым, собраны документы 1742–1781 гг., раскрывающие процесс сближения Осетии с Россией, протекавший на Кавказе в то время. Особый интерес представляют комментарии и примечания к материалам, помещенным в сборниках.

В литературе, освещающей события XVIII — середины XIX в., важное место занимают этнические проблемы и вопросы истории вхождения горских народов в состав многонационального Российского государства²⁴. В условиях обострения военно-политической обстановки на Северном Кавказе, разгула феодальных междоусобиц активизировалось народно-освободительное движение. При этом правящие классы проводили политику разжигания религиозного фанатизма, натравливания друг на друга различных этнических групп населения Кавказа. Включение Северного Кавказа в состав Российского государства меняло положение местных феодалов, оставляло их не у дел, лишало многих привилегий, порождая недовольство и сопротивление значительной их части²⁵.

Проблема присоединения народов Северного Кавказа к России постоянно привлекает внимание исследователей. В последние годы появился ряд работ, в которых присоединение рассматривается как длительный и противоречивый процесс, начавшийся во второй половине XVI в. и в основном завершившийся к концу XVIII в. Последующие события трактуются как реакция на установление нового административного режима и политику царизма на Северном Кавказе по отношению к населению, которое на протяжении долгих лет высказывало явное тяготение к России²⁶. Стремление подробно разобраться в сути антиколониальных и классовых выступлений на Северном Кавказе в конце XVIII —

- 20 Васильев Д. Загадка старого Кизляра (Кизляр до 1735 года) // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Где стояли Сунженские городки? // Вопросы истории, 1972, № 7; Гашимов Ч.М. Сунженский перевоз (торгово-экономические связи Дагестана и Северного Кавказа в XVI–XVII вв.) // Сов. Дагестан, 1971, № 1.
- 21 Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 27–66; Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974; Магомадова Т.С. Следы русско-вайнахских контактов XVI–XVIII веков в памятниках Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов V Крупновских чтений. Махачкала, 1975.
- 22 Гарданов В.К. Предисловие к кн. «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.». Нальчик, 1974; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия, с. 97; Его же. Из истории торговли в Дагестане (конец 17 — первая пол. 18 в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана, вып. V, Махачкала, 1974; Тменов В.Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, 1973; Его же. Позднесредневековые склеповые сооружения Северной Осетии как исторический источник. М., 1973; Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России (XII — начало XX в.). М., 1975.
- 23 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. перев., введ. и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. в 2-х тт. Т. 1, 1742–1762 гг. / Сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе, 1976.
- 24 Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана, т. III. Махачкала, 1975; Блиев М.М. К вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории, 1970, № 7; Боцвадзе Т.Д. Указ. соч., с. 50–117; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа; Гаджиев В.Г. Советская историческая наука Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974; Джахиев Т.А. Дагестан в русско-турецких отношениях в начале XIX века // Вопросы истории и этнографии Дагестана, вып. V, 1974; Сотавов Н.-П.А. К вопросу о политике Ирана и Турции в Дагестане в 40-х годах XVIII века // Вопросы истории и этнографии Дагестана, вып. III, 1972; Феодаева Ф.З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях. Там же; Феодилактова Т.М. Из истории борьбы России и Турции за Северо-Западный Кавказ в конце XVIII в. // Вестник КБ НИИ, вып. 7, 1973; Её же. О внешнеполитической ориентации адыгских народов в конце XVIII — начале XIX в. // Молодые ученые — науке». Ростов н/Д., 1973; Её же. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768–1774 годах // Вопросы истории и философии. Ростов н/Д., 1974; Её же. Роль Правобережной Кубани в решении крымского вопроса в 1774–1777 годах. Там же.
- 25 Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о характере кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание, т. XVIII, Тбилиси, 1971; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 3, вып. 1, 1974; Дружинина Е.И. 200-летие Кучук-Кайнарджийского мира // Вопросы истории Дагестана, т. II. Махачкала, 1975; Исаев С.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне 50–60-х гг. XIX века. Там же; Котиков С.Б. Указ. соч.; Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975; Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР, 1975, № 6; Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г. Формы жилища, структура поселения горной Осетии // Кавказский этнографический сборник, V, 1. Тбилиси, 1975.
- 26 Блиев М.М. Указ. соч.; Боцвадзе Т.Д. Указ. соч.

середине XIX в. нашло отражение во многих трудах; простое описание событий уступило место пристальному вниманию к характеру и движущим силам, соотношению социально-политического содержания и идеологического обоснования этих выступлений²⁷. В современной литературе наметился интерес к идеологической борьбе, в том числе к религиозным вопросам. Это естественно, если учесть, что в то время социальные движения на Северном Кавказе выступали под религиозной оболочкой. Отдавая должное героизму народных масс, историки, изучающие народно-освободительные движения, справедливо отмечают, что «религиозное обоснование антиколониальных устремлений вело к идеализации рутинных по существу общественных отношений, традиционных институтов, образа жизни. Это сковывало движение, мешало реализации содержащейся в нем тенденции»²⁸. «Идеология мюридизма, основанная на противопоставлении людей по религиозному признаку, мешала горцам в установлении контактов с другими народами, сдерживала их социальную энергию... Ориентация на отсталые государства Востока (Турцию и Персию), проводимая предводителем горских народов Шамилем, закрывала перспективу социального и национального освобождения горских народов в составе России, которая впоследствии стала центром мирового революционного движения»²⁹.

В этой связи представляют интерес работы, в которых анализируются факты сотрудничества народов России и Северного Кавказа³⁰. Развитие промышленности и торговли, градостроительство, борьба с внешней опасностью (Отечественная война 1812 г., войны с Турцией и Персией, Крымская война и т. д.), общение передовых деятелей русской политической мысли и культуры с представителями горских народов — вот вопросы, затронутые в них.

Прекращение военных действий на Северном Кавказе в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. имело важное значение для судеб местных народов, для развития промышленности и сельского хозяйства, способствовало интенсивному освоению русскими и украинскими поселенцами степных районов Предкавказья. В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» указывал: «Экономическое «завоевание» его (Кавказа. — *Авт.*) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»³¹. Ход и особенности проникновения капиталистических отношений на Северный Кавказ в пореформенный период исследуются в ряде книг и статей, изданных в последние годы. В них раскрывается своеобразие экономического положения края, где вопреки политике правящих кругов России и религиозному фанатизму, насаждавшемуся среди отсталых слоев горцев, происходило постоянное и все усиливавшееся хозяйственное и культурное сближение народов, в первую очередь — северокавказских горцев и русских, главным образом казаков, и переселенцев. Этот период характеризуется появлением горской буржуазии, национального рабочего класса, формированием местной интеллигенции³². Мнение о том, что после присоединения к России не было сделано «ровным счетом ничего для развития искусства и просвещения», что «дело культурного и экономического развития чеченского и ингушского народов, как и других народов России, стояло на месте»³³, встретило веское

27 Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч.; Виноградов В.Б. Так это было. Грозный, 1971; Ибрагимбеи Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971 (гл. IV); Исаев С.А. Указ. соч.; Кучмезова М.Ч. Страница из истории Кавказской войны // УЗ КБНИИ, т. XXVI. Нальчик, 1974; Марковин В.И. К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа // Вестник КБ НИИ, вып. 6, 1972; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20–70-е годы XIX в.). Алма-Ата, 1975.

28 Яндаров А.Д. Указ. соч., с. 168.

29 Шерстобитов В.П. Указ. соч., с. 9.

30 Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972; Гаджиев В.Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана, т. III. Махачкала, 1975; Гаджиев В.Г. Из истории великой дружбы // ВИД, т. II, Махачкала, 1975; Ибрагимбеи Х.М. Указ. соч. (гл. III, V, X, XII); Коршиков Н.С. Общественно-политическая деятельность декабриста В.Д. Сухорукова на Кавказе (1827–1830 гг.) // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 4; Кусов Генрий. Поиски краеведа. Орджоникидзе, 1975; Мирко В.П. К истории формирования кавказско-горского ополчения // Изв. СКНЦВШ, 1973, № 2; Тебуев Р.С. К истории дореволюционной добывающей промышленности Карачаево-Черкесии // Из истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974; Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974; Цагаев Н.Д. Владикавказская крепость // Памятники материальной культуры Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973; Цавкилов Б.Х. Шора Ногмов — выдающийся просветитель кабардинского народа // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 3; Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров (художник из чеченцев). Грозный, 1974; Шабаньянц Н.Ш. Город Грозный. Грозный, 1972, с. 3–7.

31 Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 594.

32 Денискин В.И. О землепользовании в Терском казачьем войске во второй половине XIX века // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 1, вып. 1, 1972; Его же. Зерновое хозяйство терских казаков во второй половине XIX в. // Изв. ЧИ НИИ, т. IX, ч. 3, вып. 1, 1974; Его же. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков во второй половине XIX в. // К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1974; Крикунов В.П. 100-летие «Южнороссийского союза рабочих» и некоторые вопросы его истории // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 2; Кумыков Т.Х. В. И. Ленин об особенностях социально-экономического развития Кавказа // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 1; Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972; Его же. Социальная структура Дагестана в пореформенный период // Вопросы истории и этнографии Дагестана, вып. IV. Махачкала, 1974; Его же. Землевладение и землепользование в Дагестане в пореформенный период. Там же; Его же. Отходничество в Дагестане во второй половине XIX века. Там же, вып. III; 1972; Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-х годах XIX века. Грозный, 1973; Ратушняк В.Н. Частное землевладение Кубанской области во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 1.

33 Айдаев А. Чечено-ингушская советская драматургия. Грозный, 1975, с. 3–4.

возражение. «Независимо от классово корыстных, захватнических устремлений царизма горцы приобщались к социальному и культурному прогрессу, и одно из свидетельств тому — появление просветительской идеологии почти у всех народов и народностей Северного Кавказа, ратовавшей за усвоение передовой русской культуры, за всесторонний экономический и социальный прогресс, за дружбу и тесное сближение с русским народом»³⁴. Неслучайно в последние годы возрос интерес к осмыслению вклада, внесенного русской наукой в изучение Северного Кавказа и деятельности местных передовых просветителей, испытывавших на себе влияние русской культуры, прогрессивной общественной мысли России³⁵.

Исследование истории Северного Кавказа в эпоху империализма, когда «страна... заселенная горами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников»³⁶, непосредственно связано с изучением развития революционного движения в этом регионе, с анализом влияния борьбы российского пролетариата на национально-освободительное движение горцев.

Состоянию сельского хозяйства, земельной политике правительства на Северном Кавказе (например, деятельности так называемой «Абрамовской комиссии», проведению в жизнь столыпинского аграрного законодательства), классовой борьбе горских и казачьих трудящихся масс посвящен ряд исследований³⁷. Раскрывается тезис о том, что протест крестьянских масс Северного Кавказа был направлен в первую очередь против ростовщиков, спекулянтов-перекупщиков, среди которых в горских аулах были шейхи, муллы, а также против горского кулачества, а в казачьих станицах — атаманов, богатых казаков. Авторы изучают процесс нарастания революционных настроений у сельских масс и сближения, а затем и формирования союза крестьянства национальных окраин и российского пролетариата.

Немаловажное значение имеет изучение промышленного развития региона, в частности Грозненского нефтяного района. В работах, посвященных этому сюжету, основное внимание уделяется преобразующему влиянию промышленного капитализма на социальные отношения у северокавказских горцев³⁸. Эти работы направлены против концепции о бесклассовости и социально-сословном однообразии казачества на Северном Кавказе.

Революционные события 1905–1907 гг. на Северном Кавказе исследуются на фоне общероссийских событий, при этом выявляется их специфика, характеризуются различные формы классовой борьбы многонационального северокавказского пролетариата (забастовки, стачки, демонстрации) и крестьянства (захват земельных участков, распространение листовок, акты неповиновения аульским и станичным властям, открытые вооруженные выступления, абречество), деятельность местных организаций РСДРП³⁹. Период реакции и нового революционного подъема, положение и борьба трудящихся масс Северного Кавказа в эти годы, а также в годы Первой мировой войны нашли отражение в работах М.Ш. Шигабудинова, исследующего историю промышленного пролетариата Северного Кавказа и специфику местного рабочего движения⁴⁰. Сегодня, как и прежде, остро ощущается отсутствие обобщающих работ, затрагивающих весь ход местного революционного процесса как органической составной части всероссийского революционного движения.

Дореволюционный период в истории взаимоотношений России и Северного Кавказа продол-

34 Яндаров А.Д. Указ. соч., с. 174.

35 Баймурзаев А.Б. Из истории общественной мысли Дагестана во второй половине XIX века. Махачкала, 1974; Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 79–123; Тройно Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 12–13. Ставрополь, 1971; Цибиров Г.И. История изучения Осетии в русской науке // Изв. Северо-Осетинского НИИ, т. XXVIII. Орджоникидзе, 1974; Васильева Л.М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в. Орджоникидзе, 1975.

36 Ленин В.И. ПСС, т. 3, с. 521.

37 Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков. Грозный, 1971; Его же. Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972; Калмыков Ж.А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в начале XX века // УЗ КБ НИИ, т. XXVI. Нальчик, 1974; Тройно М.П. Материалы Абрамовской комиссии как источник изучения социально-экономического положения горцев Северного Кавказа // Изв. СКНЦВШ, 1975, № 4.

38 Каширин Е.Д. Дагестанские отходники в Баку в 1900–1917 годах // Вопросы истории и этнографии Дагестана, вып. III. Махачкала, 1972, с. 48–65; Колосов Л.Н. «Алдинский бум» (Борьба вокруг грозненской нефти в 1910–1917 годах) // Вопросы истории капитализма в России. Свердловск, 1972, с. 215–224; Его же. Зарождение новой монополистической группировки в Грозненской нефтяной промышленности в годы первой мировой войны // Изв. СКНЦВШ, 1973, № 3, с. 50–55; Шигабудинов М.Ш. К вопросу о промышленном отходничестве в Дагестане в начале XX века // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974, с. 109–121.

39 Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 124–140; Угуев Р.Х., Карданов Ч.Э. Революция 1905–1907 годов в Кабардино-Балкарии // Изв. СКНЦВШ, 1974, № 4, с. 9–15; Угуев Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; Джимов Б.М. Революционная борьба трудящихся Адыгеи накануне и в годы первой русской революции в России // Изв. СКНЦВШ, 1974, № 4, с. 3–9; Тотоев М.С. К оценке некоторых вопросов и фактов деятельности Терско-Дагестанского комитета РСДРП. Там же, с. 80–86; Шигабудинов М.Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (июль 1907–1910 гг.). Махачкала, 1973.

40 Шигабудинов М.Ш. Экономическое положение рабочих Северного Кавказа в годы первой мировой войны (1914–1917 годы) // Вестник истории Дагестана, т. II, Махачкала, 1975; Его же. Статистика стачек на Северном Кавказе (июль 1907 – январь 1917 года). Там же, т. III, Махачкала, 1975.

жает оставаться в поле пристального внимания современных буржуазных историков. Многие из них предпринимают попытки извратить содержание и сущность русско-кавказских связей в прошлом и отношений дружбы и сотрудничества народов нашей многонациональной страны. Аргументированная критика подобных построений содержится в целом ряде работ, вышедших за последние годы⁴¹.

Как мы видим, советские историки в своих новейших исследованиях продолжают с марксистско-ленинских, интернациональных позиций изучать богатый опыт экономического и культурного взаимодействия народов России. Важное место в этих исторически сложившихся связях принадлежит Северному Кавказу, народы которого как и все «...народы нашей страны веками совместно боролись против царизма, социального и национального угнетения»⁴².

Впервые опубликовано: История СССР. М., 1977, № 3, с. 159-166.

41 Абдулаев М.А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975; Его же. Несостоятельность антикоммунистических измышлений об отношении в СССР к культуре малых народов // Изв. СКНЦВШ, 1974, № 1; Аширов Н. Ислам и нации. М., 1975; Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 3–11; Кумыков Т.Х. Указ. соч.; Магомедов М.А. Несостоятельная попытка очернить советскую историографию (по поводу книги американского историка Лоуэлла Тиллета). Великая дружба. Советские историки о нерусских национальностях // История СССР, 1973, № 1.

42 О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972, с. 5.

РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (Обзор литературы за 1976–1985 годы: итоги и перспективы изучения)

Исследование комплекса политических, социально-экономических и культурных связей народов России как в целом, так и по отдельным регионам является важнейшим направлением советской исторической науки¹. Благодаря усилиям советских ученых в последние годы созданы определенные предпосылки для изучения под этим углом зрения дореволюционной истории Северного Кавказа².

В настоящее время установлено, что первые шаги в налаживании связей Древнерусского государства с народами Кавказа были вызваны не столько военными, сколько складывающимися долгосрочными политическими и торгово-экономическими интересами³. Интенсивно накапливается по указанной теме источниковый материал⁴. Возникают новые трактовки (порой дискуссионные) содержания известных материальных памятников, письменных и фольклорных свидетельств⁵. Обобщена оценка связей Киевской Руси с Дагестаном, Аланией, племенами вайнахов (предков чеченцев и ингушей)⁶.

При этом по-прежнему недостаточно изученным остается вопрос о связях народов Северного Кавказа и Руси в период джучидского господства, хотя присутствие русских людей в Золотой Орде, в том числе и в ее северокавказских городах, не вызывает сомнений⁷, о чем свидетельствуют русские летописные источники, а также археологические и фольклорные данные⁸. Привлекают внимание попытки уяснения в литературе места и роли северокавказцев в пестрой этнополитической номенклатуре Золотой Орды и в важнейших событиях ее истории⁹. Вызывают интерес так называемые бродники, история которых не ограничивается, вероятно, XII–XIII вв., как это зафиксировано в отечественных и зарубежных документах. Все увереннее их история связывается сегодня с проблемой начального этапа формирования гребенского казачества — группы русского старожильческого населения, обосновавшейся в лесистых предгорьях бассейна рек Сунджи и Терека¹⁰.

Успешно продолжается изучение формирования и этнокультурного развития восточнославянского (старожильческого казачества, а впоследствии и переселенческого русского и украинского) населения прибрежных районов Терека и Кубани. Особую ценность представляют выводы о формировании «гибридных» культур в зоне активных исторических контактов, какой и был Северный Кавказ, где восточнославянские переселенцы жили в тесном соприкосновении и взаимодействии с горцами

- 1 См.: Хромов С.С., Буганов В.И., Шерстобитов В.П. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения отечественной истории в свете решений XXVI съезда КПСС. Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 40.
- 2 Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР, 1977, № 3; Истоки великой дружбы. Грозный, 1978; Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1, 2. Грозный, 1978, 1980; Пронштейн А.П. Некоторые итоги разработки истории Дона и Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦВШ). Ростов н/Д., 1979, № 4; Археология и краеведение — вузу и школе (далее — АКВШ), вып. 1, 2. Грозный, 1981, 1985; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982.
- 3 См.: Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава. Древнейшее государство на территории СССР. М., 1976; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980; Его же. Восточный поход Святослава и «Записка греческого топарха» // История СССР, 1982, № 3; Его же. Дипломатия Святослава. М., 1982; Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока // Вопросы истории, 1983, № 5; Голованова С.А. Торговые связи Древней Руси и Северного Кавказа в домонгольский период (историографический обзор) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- 4 См.: Магомадова Т.С., Голованова С.А. Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека (X–XV вв.) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
- 5 См.: Лавров Л.И. Возможный след варягов на Северо-Западном Кавказе // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978; Виноградов В.Б., Голованова С.А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джугата // Известия АН ГрузССР. Тбилиси, 1981, № 2; В.Б. Виноградов, С.А. Голованова. Страница русско-кавказских отношений XII в. // Вопросы истории, 1982, № 7; Клейн Л.С. Перун на Кавказе // Советская этнография, 1985, № 6; Ловпаче Н.Г. Прогрессивное значение походов Святослава для касогов (по данным археологии) // АКВШ, 1985.
- 6 См.: Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1982; Магомедов Р.М. Древнейшие истоки русско-дагестанских связей // Известия СКНЦВШ, 1982, № 4; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, с. 126–140.
- 7 См.: Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- 8 См.: Даутова Р.А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; Магомадова Т.С., Голованова С.А. Указ. соч.; Виноградов В.Б., Куза А.В., Магомадова Т.С. Русские кресты XII–XV вв. из селения Майртуп // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984; Мамаев Х.М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Первые русские города и остроги в бассейне Терека // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985.
- 9 См.: Виноградов В.Б. Не померкнет в веках (к 600-летию Куликовской битвы) // Вехи единства. Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982, с. 73–79; Хизриев Х.А. К вопросу об историческом значении Куликовской битвы для народов Северного Кавказа // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- 10 См.: Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. Ч. 2. М., 1981; Магомадова Т.С. Расселение гребенских казаков в XVI–XVII вв. // АКВШ, 1981; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. На вечные времена // Вехи единства, с. 20–23.

(прежде всего — адыгами, вайнахами, кумыками). Начало этих явлений восходит к XV–XVI вв. Продолжались они и в последующие столетия¹¹.

Со второй половины XVI в. южные границы Русского государства вышли непосредственно на Северо-Восточный Кавказ. В это время горские народы особенно страдали от агрессии Османской Турции, Крымского ханства, шахской Персии, от феодальных и общинных междоусобиц¹². Военно-политический союз России и горцев, ставший неотложной необходимостью, сопровождался все усиливающимся взаимодействием коренного населения и пришедших на Северный Кавказ русских людей, а также представителей других народов Российского государства¹³. Еще недавно подчеркивалось, что «процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России, складывания и развития тесных взаимоотношений не получил достаточно полного освещения. Более того, — в ряде случаев... данный вопрос трактуется противоречиво и непоследовательно. Далеко не все источники по этой проблеме выявлены, а уже известные нередко используются односторонне, выборочно»¹⁴. Ныне положение с изучением этого вопроса резко меняется: процесс включения народов Северного Кавказа в состав Российского государства исследуется на широкой документальной основе.

В 1557 г. добровольно присоединились к России адыгский и абазинский народы (Кабарды, Адыгей, Черкесии). Ход и ближайшие исторические последствия этого события обстоятельно анализировались в литературе. Были тщательно рассмотрены причины сближения адыгов с Россией, приведены многочисленные факты их боевого и политического содружества¹⁵.

Традиционной стала тематика налаживания непосредственных и все более углубляющихся русско-дагестанских взаимоотношений, помощи России горским народам в отражении внешней агрессии¹⁶. Зримо определились и успехи в изучении связей России с другими, ранее слабо изучавшимися народами региона. Были, в частности, привлечены прежде неизвестные письменные свидетельства о первых русско-осетинских контактах, наметившихся, как представляется ныне, не позднее 60-х гг. XVI в.¹⁷; была проанализирована динамика русско-балкарских отношений в XVII в.¹⁸ В наибольшей степени, однако, активизировалось изучение разнообразных русско-вайнахских контактов второй половины XVI–XVII в. В частности, доступными оказались русскоязычные, а отчасти и иностранные источники, проливающие свет на начало процесса вхождения сельских обществ Чечни и Ингушетии в состав России¹⁹.

Однако достигнутые результаты еще далеко не означают решения всех назревших проблем. Прежде всего, до сих пор не преодолено известное преувеличение вклада отдельных народов в единый региональный процесс. Нет еще исследований сводного характера, соответствующих современному уровню рассмотрения общесеверокавказской панорамы. Наблюдающаяся в ряде работ тенденция к абсолютизации значения некоторых дат (как правило, из числа самых ранних) установления непосредственных взаимоотношений Русского государства с конкретными народами характеризуется излишней дискуссионностью в оценке начального этапа развития русско-северокавказского единства²⁰.

- 11 См.: Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI—XIX в. // Кавказский этнографический сборник, 8. М., 1984; Заседателева Л.Б., Мунчаева Т.Г. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения притеречных районов Северного Кавказа (с середины XVI в.) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
- 12 См.: Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории, 1981, № 1.
- 13 См.: Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI–XVII в.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии, с. 41–53.
- 14 Власов А.В. Исторические исследования — на уровень современных требований // Истоки великой дружбы, с. 8.
- 15 См.: Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977; Алексеева Е.П. Связи народов Северо-Западного Кавказа с Россией в XVI–XVII вв. и их прогрессивное значение // Великий Октябрь..., с. 257–263; Кумыков Т.Х. Добровольное вхождение адыгов в состав России. Там же, с. 70–79; Карданов Ч.Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. Изд. 2. Нальчик, 1982.
- 16 См.: Умаханов М.-С.К. Отношение России к борьбе народов Дагестана с иранской агрессией в XVII в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976; Его же. Помощь России народам Дагестана в борьбе за независимость от сефевидских шахов в XVII в. // Великий Октябрь..., с. 266–270.
- 17 См.: Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- 18 См.: Азаматов К.Г. К вопросу о русско-балкарских связях в XVII–XVIII вв. // Великий Октябрь..., с. 277–280; Виноградов В.Б. Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII в. // Вопросы истории, 1985, № 6.
- 19 См.: Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII вв. // Археолого-этнографический сборник, 4. Грозный, 1976; Кушева Е.Н., Усманов М.Н. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография, 1978, № 6; Виноградов В.Б. Иностранные авторы XVI–XVII вв. о русско-северокавказских отношениях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа; Исаева Т.А. О вхождении чечено-ингушских земель в состав Русского государства (начальный этап) // Русское централизованное государство. Образование и эволюция, XV–XVIII вв. (Тезисы докладов и сообщений). М., 1980; Её же. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981; Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588–1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- 20 См.: Блиев М.М. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь..., с. 241–248;

Но в последнее время, отмечается в литературе, «все больше и больше углубляется ранее несколько упрощенное понимание проблемы, когда вхождение того или иного народа в состав России как бы сводилось к его начальному этапу — принесению первой присяги о подданстве»²¹.

Надо ли культивировать термин «вхождение» (в состав России) начиная с первых присяг и договорных обязательств о военно-политическом союзе? Следует учитывать историко-смысловое различие понятий «присоединение» и «вхождение», второе из которых несет качественно иное содержание, отражая итог хронологически протяженного, неровного, но исторически обусловленного процесса²². «Вхождение в состав России... рассматривается как длительный процесс со всеми его стадиями, в ходе которого сочеталось и добровольное вхождение, и дальнейшее усиление культурно-экономических и политических связей... Необходимо точно употреблять термины «принятие подданства», «вхождение» и «присоединение» к России. Надо освещать добровольный характер вхождения всюду, где оно имело место, но и учитывать сложный и длительный характер процесса»²³.

Абсолютное большинство исследований, однако, по-прежнему посвящено военно-политическим аспектам складывающегося содружества. Довольно редки попытки отойти от показа только позитивных проявлений русско-северокавказских взаимоотношений. Сделаны лишь первые шаги к выявлению конкретной историко-правовой специфики и отнюдь не однозначно мотивированного и не плавно поступательного развития местной ситуации во всем ее этнолокальном своеобразии²⁴. Налицо зримая диспропорция: XVII век в системе налаживающихся взаимоотношений изучен в целом в специальной литературе много слабее, нежели вторая половина XVI в. А ведь необходимо учитывать и в должной мере исследовать историческую значимость именно XVII столетия, в том числе под углом зрения оценки В. И. Ленина, назвавшего его «новым периодом русской истории», характеризующимся «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»²⁵. При всей удаленности Северного Кавказа и политико-юридических особенностях его общения с Россией вопрос о складывании всероссийского рынка привлек внимание историков Чечено-Ингушетии²⁶, но не нашел еще адекватного отражения в разработках, касающихся других областей региона.

Следует обязательно учитывать, что политическая зависимость от России на протяжении всего XVII столетия выражалась нередко и в форме двойного подданства отдельных феодальных владетелей. Перспективны, в частности, выводы, определившие сущность русско-кабардинских отношений как сочетание элементов подданства и военного союза при сохранении полной самостоятельности Кабарды во внутренних делах²⁷. Эти выводы применимы и для оценки ситуации в других этнолокальных областях.

Почти нет работ, выявляющих, систематизирующих и обобщающих информацию о культурных связях народов Руси и Кавказа. Исследователям еще предстоит объективно оценить процесс овладения языками, расширения общего кругозора и взаимного общения как русских людей, живших постоянно или длительное время на Кавказе, так и тех сотен северокавказцев, которые посетили Москву, Астрахань, Терки и многие другие города России в составе горских посольств и депутатий. Дополнительными источниками при разработке этой темы могут стать постепенно накапливающиеся археологические данные²⁸, а также частично горский фольклор, восходящий к периоду первых русско-северокавказских контактов, которые еще не стали предметом соответствующего анализа²⁹.

В последнее десятилетие усилился исследовательский интерес к малоизученной истории конца XVII — первой половины XVIII в., прежде всего к вопросу о взаимосвязях России с Кабардой³⁰, Чечено-

Ахмадов Ш. Б. Историография вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Там же, с. 248–253; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Истоки проблемы // Вехи единства, с. 11–15.

21 Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981, с. 107.

22 См.: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навсегда с Россией. О пропаганде истории добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982.

23 Итоги и задачи изучения внешней политики России, с. 107–108.

24 См.: Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей черкесских в системе русского пограничного города Терки // Феодализм в России (Тезисы докладов и сообщений). М., 1985.

25 См.: Ленин В.И. ПСС, т. 1, с. 153–154.

26 См.: Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей во второй половине XVI–XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. II. Грозный, 1977; Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Начало вовлечения Чечено-Ингушетии во всероссийский рынок // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией..., с. 44–57.

27 См.: Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х годах XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, 10. Нальчик, 1976.

28 См.: Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Шлем из селения Ярыш-Марды // Советская археология, 1982, № 2; Виноградов В.Б., Абдулвахабова Б.Б.-А., Чахкиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (О парадном головном уборе кур-харс) // Советская этнография, 1985, № 3.

29 См.: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. На вечные времена // Вехи единства, с. 29.

30 См.: Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Первая русская карта Северного Кавказа // Вопросы истории, 1976, № 8; Сокуров В.Н. Указ. соч.; Опришко О.Л. Через века и судьбы. Нальчик, 1982; Налоева Е.Д. Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой полови-

Ингушетией³¹, Дагестаном³². В. Г. Гаджиев попытался воссоздать на основе скрупулезной проработки свидетельств И. Гербера широкую картину русско-кавказских отношений в первой трети XVIII в.³³ Вместе с тем, уделяя внимание позитивной стороне возникавших контактов, исследователи далеко не всегда объективно рассматривают конфликтные ситуации в сложном процессе формирования прочной российской ориентации у широких горских масс, обусловленные социально-экономическим состоянием местных обществ, своекорыстной политикой части сословных верхов и религиозных лидеров и т. п.³⁴

Существенным вкладом в расширение источниковой базы изучения русско-северокавказских связей стали публикации новых документов. Источники 1742–1781 гг., представленные в сборнике, подготовленном М.М. Блиевым, раскрывают процесс сближения Осетии и России, завершившийся добровольным присоединением к последней основной части Северной Осетии в 1774 г., а Дигории — в 1781 г.³⁵ Весьма актуальна и большая подборка исторических документов, произведенная В. Н. Гамрекели³⁶, плодотворно исследовавшего проблематику грузино-северокавказских отношений и их прямой связи с историей становления русско-кавказского государственного единства³⁷. Были выявлены, частично введены в научный оборот и проанализированы новые, принципиально важные письменные источники по истории русско-чечено-ингушских взаимосвязей³⁸. Эти документы, а также результаты всестороннего критического осмысления предшествующей историографии по истории русско-вайнахских отношений³⁹ позволили проследить добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России как длительный, постоянно углубляющийся процесс, завершившийся в 1762–1781 гг.⁴⁰

В литературе последних лет рассматриваются вопросы присоединения к России Правобережной Кубани в 1768–1783 гг.⁴¹, вхождения Балкарии в состав России в 90-х гг. XVIII в.⁴², дальнейшего упрочения русской ориентации у других народов Северного Кавказа, в частности у народностей Дагестана, к концу XVIII в.⁴³, как необходимой предпосылке международно-правового включения Дагестана в границы России по условиям Гюлистанского договора 1813 г. Ярро показано историческое значение Георгиевского трактата 1783 г. не только собственно для Грузии, но и для системы русско-северокавказских отношений⁴⁴.

О состоянии производительных сил Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII в. и в последующие десятилетия определенные сведения дают исследования о развитии российских городов

ны XVIII в. // Великий Октябрь..., с. 277–280; Тхамоков Н.Х. О развитии русско-кабардинских торгово-экономических связей в XVIII в. // Там же, с. 280–284; Предания о Жабагу. Сост. А. Шортанов. Нальчик, 1985.

- 31 См.: Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией..., с. 69–104; Его же. Экономические связи вайнахов с Россией // АКВШ, 1981; Гапуров Ш.А. Из истории совместной борьбы России и народов Северного Кавказа против иранских захватчиков // АКВШ, 1981; Его же. Северный Кавказ в отношениях России, Турции и Ирана в 20-х гг. XVIII в. // АКВШ, 1985; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией..., с. 57–69; Оразавев Г.М., Ахмадов Я.З. К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии, с. 30–41.
- 32 См.: Алиев Б.Г. Взаимоотношения союзов сельских обществ даргинцев с Россией в XVII — первой четверти XVIII в. // Великий Октябрь..., с. 270–273; Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Там же, с. 284–287.
- 33 Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.
- 34 См.: Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения..., с. 59–60.
- 35 См.: Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. В 2-х т. Т. 1. 1742–1762 гг.; т. 2. 1763–1781 гг. // сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе, 1976, 1984.
- 36 См.: Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (60–90-е гг. XVIII в.). Документы и материалы, вып. 1. Подобрал и подготовил к печати В.Н. Гамрекели. Тбилиси, 1980.
- 37 См.: Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., ч. II. Тбилиси, 1976.
- 38 Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Акт 21 января 1781 года — важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (Архивные документы) // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией..., с. 104–113; Извлечения из некоторых источников о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Вехи единства, с. 146–160.
- 39 См. работы указанных авторов в сноске 20, а также: Виноградов В.Б., Бузуртанов М.О., Умаров С.Ц. Навеки вместе. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1980; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. К пониманию дореволюционной историографии вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // АКВШ, 1981; Блиев М.М. Присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
- 40 См.: Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980, № 5; Они же. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь..., с. 47–61; Вехи единства.
- 41 См.: Фефилактова Т.М. Народы Северо-Западного Кавказа в 1768–1783 гг. // Великий Октябрь..., с. 294–298.
- 42 См.: Азаматов К.Г. Указ. соч., с. 276; Виноградов В.Б. Балкарцы... с. 177.
- 43 См.: Нарочницкий А.Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь..., с. 27.
- 44 См.: Новосельцев А.П. Георгиевский трактат 1783 г. и его историческое значение // История СССР, 1983, № 4; Сквозь столетия. Сост. Вано Шадури. Тбилиси, 1983; Виноградов В.Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до нач. XX в.) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1984.

(особенно Моздока, Кизляра, Владикавказа)⁴⁵, а также накопленные нумизматические (прежде всего российские) материалы⁴⁶.

В коллективной монографии по внешней политике России (в главах М. М. Блиева) подведен итог исследованию русско-сеveroкавказских отношений второй половины XVIII в. Убедительно показано, что отношения России с Кавказом складывались под воздействием двух факторов: политики российского правительства и постоянно набирающей силу пророссийской ориентации широких слоев самих горских народов. «Политика российского правительства на окраинах, отражавшая интересы господствующих классов, видоизменялась в зависимости от конкретных задач, встававших перед государством. Справедливое утверждение о союзе самодержавия с местной феодально-клерикальной знатью не исчерпывает всего многообразия действий правительства. В отдельные периоды русско-кавказских... отношений большую восприимчивость к политике России проявляли свободные общинники, а также свободное и полужависимое крестьянство, на права которого постоянно посягала местная феодализирующаяся знать. Эта часть населения связывала с присоединением к России сохранение своего «независимого» социального положения, ликвидацию междоусобных войн и стабилизацию жизни. Не случайно, что прорусская политическая ориентация была наиболее устойчивой среди свободного и полунезависимого крестьянства — основного населения Кавказа. Правительство России придавало серьезное значение поддержке «низов» и своими действиями часто вызывало недовольство местной знати»⁴⁷.

К сожалению, все еще нет обобщающих исследований о характере и особенностях русско-кабардинских, русско-дагестанских, русско-карачаевских отношений во второй половине XVIII в. Нет, кроме книги Б. П. Берозова⁴⁸, работ, в которых взаимосвязи народов Северного Кавказа с Россией были бы рассмотрены под углом зрения административно регулируемого переселения избыточного горского населения на плодородные плоскостные земли, переселения, открывавшего новые перспективы в местной истории. Существенный вклад в изучение освоения русскими и украинскими поселенцами степного Предкавказья вносит труд «Дон и степное Предкавказье (XVIII — первая половина XIX в.)»⁴⁹. Вместе с тем приходится отметить, что почти не разработан вопрос об освоении всей горно-предгорной полосы региона.

Разноречивы толкования причин и сущности движения части равнинных горцев в 1785–1791 гг. под предводительством шейха Мансура⁵⁰. Имеются, однако, ценные разработки С.Ц. Умарова, посвященные уяснению социальной природы кавказского мюридизма, интерпретации его как специфической разновидности «патриархальной ереси» в исламе и конкретному анализу влияния мусульманского духовенства на различные стороны жизни горских обществ на протяжении XVI–XIX вв.⁵¹ Мюридизм не только безнадежно пытался решить проблему феодализации края, но и послужил ответом консервативных слоев местного общества и традиционной «антироссийской партии», поддерживаемой извне, на активизацию русско-вайнахских и вообще русско-северокавказских отношений после вхождения горских народов в состав России, предопределившего скорую изоляцию восставших в Чечне и превращение Мансура в проводника османской политики на Северо-Западном Кавказе.

В числе слабо изученных, но весьма существенных вопросов — попытка проведения новой политики на Кавказе в правление Павла I⁵², отразившей некоторые трудности и задачи, связанные с дальнейшим укреплением исторически неизбежного русско-кавказского единства.

Широким фронтом продолжается изучение многообразных проблем русско-северокавказских взаимоотношений, совмещающих такие отличные друг от друга реальности, как Российская феодально-крепостническая империя в период ее разложения в связи развитием капитализма и сельскохозяйственная раннефеодальная структура быта большинства народов Северного Кавказа⁵³.

45 См.: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. Ростов н/Д., 1984.

46 См.: Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982; Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н. О чем рассказывают монеты // Ставрополье. 1983, № 1.

47 Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984, с. 317.

48 См.: Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980.

49 См.: Дон и степное Предкавказье (XVIII — первая половина XIX в.), ч. 1, 2. Ростов н/Д., 1977.

50 См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч., с. 67–69; Ахмадов Ш.Б. О характере и роли классовой борьбы в Чечне в XVIII в. // Феодализм в России...

51 Умаров С.Ц. О роли мусульманского духовенства в социально-политической жизни чеченцев XVII–XIX вв. // АКВШ, 1981; Его же. О социальной природе кавказского мюридизма // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа, с. 144–151; Его же. Эволюция социально-политической ориентации мюридских братств. Грозный, 1985.

52 См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч., с. 92–97.

53 См.: Колосов Н.Л. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII–XIX вв. // Великий Октябрь..., с. 305–311; Сулаев М.А. Два века назад // Вехи единства, с. 120–122; Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии, с. 88–102; Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории, 1983, № 4; Очерки истории Ставропольского края, т. 1. Ставрополь, 1984; Габоева Л.П. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа в начале XIX в. // Вопросы историко-культурных взаимосвязей...

Наиболее острой в современной литературе является проблема так называемой «Кавказской войны». Социально-политические истоки и сущность последней стали предметом рассмотрения в интересной, новаторской по своей сути статье М. М. Блиева. В ней впервые концентрируется внимание на уяснении роли традиционных для высокогорной зоны вооруженных набегов за добычей и пленниками как «агрессивной формы» «собираания феодальной собственности». «Вызывая постоянную военную напряженность на Кавказе, — говорится в статье, — экспансия горцев уже во второй половине XVIII в. явно пришла в противоречие с политикой России на Кавказе. Кавказская война (М. М. Блиев оговаривает, что пользуется этим в высшей мере условным термином «лишь следуя традиции, сложившейся в науке». — *Авт.*) ... явилась завершающим этапом системы экспансии, ее ужесточенной и высокоорганизованной формой...»⁵⁴. На первый план исследователь вывел те условия, которые позволяют ему считать события, охватившие часть Дагестана, Чечни, Черкесии «глубоко внутренней, кавказской войной, проявлением закономерных сдвигов, связанных с развитием дофеодальных отношений и генезисом феодализма»⁵⁵.

Основная идея статьи М. М. Блиева представляется актуальной, перспективной. Но она уязвима для критики, так как автор, разрабатывая свою оригинальную концепцию, невольно «приглушил» пагубные факторы реализации политики и практики царизма, ранее весьма четко им охарактеризованные⁵⁶. Планомерное продвижение России в горы — широкомасштабная рубка лесов, строительство укрепленных пунктов, возведение на землях, прочно освоенных горцами, крепостей, мобилизация населения на строительство дорог, обременительные подати и повинности, произвол чиновников создававшихся органов местного управления, безапелляционность и необдуманность репрессивных действий военных властей — вызывало недовольство и возмущение среди разных слоев северокавказских народов, придавало их справедливой борьбе против феодально-великодержавного гнета ярко выраженный освободительный характер⁵⁷.

Недостаточно учтены, вместе с тем, внутренние особенности развития горских обществ, порождавшие постоянно углубляющийся разрыв между уровнем хозяйственной и социальной жизни обитателей «равнины» и «гор», обострение их взаимоотношений в контексте общего развития русско-северокавказских отношений⁵⁸. Значительной в событиях на Кавказе была негативная роль специфического религиозного фактора. Институт мюридизма поднимал на щит заманчивые для сторонников общинно-патриархальных порядков лозунги «исламского равенства и братства», а на деле служил лишь частичной заменой местных феодально-клерикальных кадров, исторически закономерным воспроизводством их, но на основе наиболее консервативных антирусских элементов и действий⁵⁹. При анализе этих вопросов обязательно следует учитывать характеристику, данную Ф. Энгельсом типологически близким условиям господства патриархального крестьянства в горах Швейцарии и Норвегии: «вместе с ними господствуют дофеодальное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность...»⁶⁰.

Неизменно велико было и влияние внешнеполитических сил (причем уже не только Востока, но и капиталистических стран Западной Европы), стремившихся препятствовать укреплению русско-северокавказского единства.

Статья М. М. Блиева еще раз показывает, что проблема вооруженной борьбы части северокавказцев с русскими правительственными и проправительственными силами может быть понята только с учетом всего комплекса питавших «кавказскую войну» условий и обстоятельств⁶¹. Любая односторонность здесь недопустима. В то же время выдвигается на повестку дня необходимость более детального и внимательного анализа всей региональной картины первых двух третей XIX в., являющейся ярким фрагментом общероссийского исторического полотна и отнюдь не исчерпывающейся феодально-великодержавным гнетом, проискаками местных консервативных сил, всяческими трениями, конфликтами, случаями вооруженного противоборства.

Основополагающий вывод Ф. Энгельса, сделанный в 1851 г., в разгар «кавказской войны» («Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что Россия действительно играет про-

54 Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР, 1983, № 2, с. 74–75.

55 Там же, с. 68.

56 См.: Его же. К вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории, 1970, № 7; Его же. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1974.

57 См.: История СССР (XIX – начало XX в.). М., 1981.

58 См.: Виноградов В. Б. Генезис феодализма..., с. 48–50; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели. Грозный, 1983.

59 См.: Виноградов В. Б. К трактовке социально-политического содержания и религиозной оболочки войн и народных движений на Северном Кавказе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 1. Грозный, 1978; Умаров С. Ц. О социальной природе..., с. 144–152.

60 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 51.

61 См.: Итоги и задачи..., с. 226.

грессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»)⁶², дает надежный ключ не только для методологически верного освещения всей суммы проблем русско-сеveroкавказских отношений, но и для отпора зарубежным фальсификаторам истории. Ведь «опыт показывает, что как только советские историки начинают обходить своим вниманием ту или иную историческую проблему, тот или иной период истории, так наши идейные противники устремляют свои силы к этим историческим объектам, пытаясь навязать свою интерпретацию проблем»⁶³.

Аргументированное опровержение современных антинаучных или ошибочных концепций буржуазных историков по поводу хода и характера складывания и укрепления исторического единства России и Кавказа содержится в целом ряде выпшедших за последнее время работ⁶⁴. Однако используются еще не все средства для мобилизации соответствующих ресурсов в доказательной полемике.

Недостаточно, в частности, уделяется внимания тому, что «в зарубежной исторической литературе связи России со странами Азии (включая Кавказ. — *Авт.*) очень часто пытаются отождествить с традиционной колониальной политикой западноевропейских стран»⁶⁵. Эта антиисторическая аналогия опирается отчасти на некритическое, более того — неразборчивое употребление понятий «колониальная политика», «колониальный режим», «колониализм», используемых некоторыми советскими историками (в том числе и на местах) в контексте оценки исторической реальности Северного Кавказа XVIII — первой половины XIX в. В свое время Л. В. Черепнин предостерегал: «Нарушается принцип историзма, когда понятие национально-феодального гнета отождествляется с понятием колониального режима»⁶⁶. В новейших исследованиях многих авторов (А. Л. Нарочницкий, Н. Н. Молчанов, В. И. Бовыкин, Н. С. Киняпина, Л. В. Куприянова) не признается отнесение национальных окраин России на Кавказе в докапиталистический период к разряду колоний. Настала пора полностью отказаться от терминологического произвола, оставшегося в советской исторической науке от ранних этапов ее становления, страдавших односторонностью, вульгарным социологизмом некоторых оценок. Необходимо исходить из того, что в рассматриваемый период самодержавно-крепостнический строй, произвол царской администрации, феодально-великодержавная политика царизма, угнетавшего трудящиеся массы всех народов, ни в коей мере не должны смешиваться с трудовой деятельностью русского народа по освоению малонаселенных предкавказских степей, что и составляло главную суть колониационного (но не колониального) процесса на Северном Кавказе.

Перед историками стоит задача полно и объективно раскрыть в развитии позитивных связей роль многочисленных «приязненных», «мирных» (по терминологии своего времени), стойко сохраняющих российское подданство контингентов в среде народов Северного Кавказа; выявить и осветить многообразные проявления дружественных, «совместнических» отношений между трудящимися массами, передовыми представителями различных народов в годы всплеск военных действий на Северном Кавказе. И тут для историков открывается возможность всестороннего исследования и всеобъемлющего показа прогрессивных последствий вхождения народов региона в состав единого Российского государства.

Назрела острая необходимость в активизации специальных исследований (как локального, так и регионального планов) развития к началу второй половины XIX в. производительных сил и производственных отношений в сфере сельскохозяйственной и ремесленно-промышленной деятельности большей части северокавказских горцев, живущих в пределах России⁶⁷, важных перемен в их этнокультурном состоянии, в общественной жизни⁶⁸. Нуждается в обобщении поучительный опыт боевого содружества как в отражении агрессивных происков внешних врагов России, так и в борьбе против реакционной политики имамата Шамиля, сепаратистских устремлений и действий части кавказских феодально-клерикальных верхов. Только лишь намечены (причем далеко не повсеместно)⁶⁹ первые

62 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

63 Хромов С.С., Буганов В.И., Шерстобитов В.П. Указ. соч., с. 36.

64 См.: Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Северный Кавказ в XVI — первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР, 1982, № 2; Киняпина Н.С., Даниялов М., Дегоев В.В. Движение горцев под руководством Шамиля в освещении буржуазной англо-американской историографии // Великий Октябрь..., с. 311–319; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Актуальные вопросы борьбы против империалистической пропаганды на примере изучения дореволюционной истории Северного Кавказа // АКВШ, 1985, с. 10–13; Голованова С.А., Магомедова Т.С. Русско-кавказское историческое единство: фальсификации и реальность // Там же, с. 15–17.

65 См.: Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984, с. 405.

66 Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 260–261.

67 См.: Калоев Б.А. Земледелие у народов Северного Кавказа. М., 1980; Берозов Б.П. Указ. соч.; Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982; Очерки истории Ставропольского края..., с. 116–164.

68 См.: Магомедов Р.М. Методологические вопросы вхождения народов Северного Кавказа в состав России // Вопросы истории исторической науки..., вып. 2. Грозный, 1980, с. 13–19.

69 См.: Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в. Орджоникидзе, 1975; Цибилов Г.И. Осетия в русской науке.

этапы научного изучения Северного Кавказа: его географии, истории, этнографии, геологии, ископаемых богатств, флоры и фауны, связанные, в частности, с теми научно-практическими изысканиями, которые стали возможны лишь в рамках единого государства и которые закладывали фундамент российского кавказоведения.

Особый (и поистине неисчерпаемый) пласт для изучения составляет актуальная проблематика «Кавказ и передовая русская культура»⁷⁰. Общеизвестен факт сочувствия со стороны прогрессивных сил России — писателей и поэтов, ученых и художников, представителей передовой политической и общественной мысли — справедливым, освободительным тенденциям борьбы горцев⁷¹. Передовые умы России, сознавая закономерность и неизбежность включения северокавказского региона и его народов в состав Российского государства, искали и предлагали иные (в корне отличные от военно-феодалных, шовинистических методов царизма) пути сохранения и укрепления исторически мотивированного перспективного единства русского народа с народами Северного Кавказа. Однако, к сожалению, еще далеко не все грани этого явления получили освещение. Всесторонне не раскрыта проблема постепенно возрастающего воздействия российской общественно-политической, научной и культурной среды на становление первых кадров просвещенной военной и гражданской общественности из числа северокавказских горцев, посвятивших себя пробуждению и воспитанию чувства принадлежности к семье «россиян» у своих народов⁷².

Своеобразными, но весьма содержательными и практически еще не осваиваемыми в должной мере источниками по истории русско-северокавказских взаимоотношений той поры являются большие фонды живописи и литературы, устное народное творчество, мемуары и дневники русских путешественников по Кавказу, людей, побывавших в плену у горцев, разнообразные сведения не только о городах и отдельных крупных крепостях, но и о всей разветвленной системе российских военных укреплений, складывающейся на Северном Кавказе в ходе его политического и хозяйственного освоения. Не поставлена еще проблема пребывания северокавказцев в столице России, в других городских центрах и областях.

Без должного осмысления этих и многих иных аспектов русско-северокавказских взаимоотношений, без рассмотрения их в комплексе общая картина зримо проигрывает в полноте и объективности.

В минувшем десятилетии продолжалось исследование вопросов социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа в пореформенный период. Прекращение военных действий в регионе в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. имело большое значение для судеб местных народов, для развития промышленности и сельского хозяйства, способствовало дальнейшему интенсивному освоению русскими и украинскими поселенцами районов Предкавказья. Именно тогда, в связи с бурным развитием капитализма в России горцы втягивались в общее русло буржуазных, а значит, глобальных культурных и экономических связей, рушились цепкие традиции их замкнутости, отгороженности от остального мира⁷³. Хозяйственное и культурное сближение народов, в том числе северокавказских горцев и русских (горожан, сельских и ремесленных переселенцев, а отчасти и казаков), происходило вопреки реакционной политике правящих кругов России и религиозному фанатизму отсталых слоев горского населения.⁷⁴ Появилась горская буржуазия, углубились много-

Орджоникидзе, 1981; Махмудова К.З., Умарова Л.Х., Бусева Т.П. Новые источники по истории дореволюционной Чечено-Ингушетии // АКВШ, 1985, с. 62–64.

70 См.: Жданов Ю.А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь..., с. 38–47.

71 См.: Гаджиев В.Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана, т. 3. Махачкала, 1976; Пикман А.М. Кавказ в революционных планах петрашевцев // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, 10. Грозный, 1976; Виноградов Б.С. Здесь он жил и творил // Л.Н. Толстой и наш край. Грозный, 1978; Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Этюды о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1981; Виноградов В.Б. Поселения и жилища Чечено-Ингушетии в российской живописи // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии, с. 23–36; По лермонтовским местам. М., 1985, с. 165–288; Трудные годы. Декабристы на Кавказе / Сост., авт. предисл. В. А. Михельсон. Краснодар, 1985.

72 См.: Кумыков Т.Х. Казы Гирей. Эльбрус. 1978; Его же. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985; Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступит, статья и подготовка текста В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 1978; Керейтов Р.Х. К истории общественной мысли Северного Кавказа в первой половине XIX в. (Новое о Казы Гирее) // АКВШ, 1985.

73 См.: Ленин В.И. ПСС, т. 3, с. 594–595.

74 См.: Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978; Его же. Проблемы аграрной истории Северного Кавказа пореформенного периода в трудах советских историков // Вопросы истории исторической науки..., вып. 1; Хасбулатов А.И. К вопросу об освещении ленинской концепции вовлечения народов Северного Кавказа в капиталистическое развитие России в исторической литературе // Там же, вып. 2; Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа. М., 1982; Невская Т.А. Проблемы русской крестьянской колонизации степного Предкавказья в дореволюционной и советской историографии // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983; Ахмадов Ш.Б. Русские поселенцы в Чечено-Ингушетии и на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы исторической географии...; Заседателя Л.Б. Специфика культурно-бытового уклада северокавказского казачества конца XIX — начала XX в. // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984; Бондарь Н.И. К вопросу об эволюции казачьей общины на Кубани (Постановка проблемы) // Там же; Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг. Отв. сост. С. И. Несмачная. Ставрополь, 1985.

укладность и социальная дифференциация в сельских обществах, усилилась роль товарно-торгового фактора⁷⁵.

Все более заметно стремление исследователей выявить вклад российских (прежде всего гуманитарных) наук в изучение Северного Кавказа и связанной с ним деятельности отряда местных просветителей и краеведов, испытывавших на себе влияние передовой русской культуры, прогрессивной общественной мысли России⁷⁶. Предприняты первые попытки проследить становление народнических концепций в общественно-политической мысли северокавказских народов как «продукта встречи двух культур: традиционно горской и русской (т. е. культуры, через которую на Северный Кавказ проникала и западная цивилизация)»⁷⁷.

Весьма значительную и полезную работу проделал Л. А. Чибиров, издавший 3-томный сборник, в котором собраны и прокомментированы материалы русскоязычной кавказской периодики XIX — начала XX в., касающиеся осетин и их ближайших соседей⁷⁸. Эта богатая и разнообразная по содержанию подборка приобретает характер свода полноценных источников, проливающих свет на процесс неуклонного роста информированности о горцах Центрального Кавказа из «первых рук» тех, кто живо интересовался историей, обычаями и нравами местных народов.

Появились новые работы и об участии крупных войсковых формирований из представителей северокавказских горцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁷⁹ Некоторые авторы, говоря о мотивах участия горцев в этой кампании, пытаются свести их лишь к меркантильным соображениям, которыми якобы руководствовались «всадники»⁸⁰, не учитывая патриотической «всероссийской» настроенности значительной их части. В этой связи особый интерес для исследования представляет тема: формирование горской прослойки в составе офицерского корпуса России. Эта прослойка отчасти послужила почвой для возникновения передовой гражданской интеллигенции. Не раскрыта еще полностью и роль российской системы образования в жизни населения региона в пореформенный период⁸¹.

Исследование истории Северного Кавказа в эпоху империализма, когда поступь общественного прогресса в России стала определяться прежде всего рабочим классом, более всего связано с изучением истории революционной борьбы в этом регионе, с анализом влияния борьбы российского пролетариата на национально-освободительное движение горцев⁸². Появились новые работы о видных деятелях большевистской партии на Кавказе, о формировании революционных вожаков из числа северокавказских народов⁸³.

Раскрытию исследователями процесса усиления революционных настроений в регионе и сближения, а вслед за тем оформления союза крестьянства национальных окраин и российского пролетариата способствует изучение в период империализма состояния сельского хозяйства, земельной политики правительства, углубляющейся неоднородности горского и русского крестьянства⁸⁴.

75 См.: Берозов Б.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979; История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980; Джимов Б.М. Социально-экономические связи Адыгеи в составе России (вторая половина XIX в.) // Великий Октябрь..., с. 330–331; Меретуков М.А. Влияние русской экономики и культуры на адыгов (вторая половина XIX — начало XX в.) // Там же; Невская В.П. Перемены в общественном строе горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Там же; Мужухоева Э.Д. О влиянии буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. в России на административное и судебное устройство в Терской области // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией, с. 163–174.

76 См.: Шаманов И.М., Мусукаев А.И. Балкария и Карачай в русской науке 70–90-х гг. XIX в. // История горских и кочевых народов..., вып. 2. Ставрополь, 1976; Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979; Туркаев Х.В. Указ. соч.; Мусукаев А.И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982; Хашжаева Р.Х. Адыгские просветители второй половины XIX — начала XX в. Нальчик, 1983; Техиева Х.Ш. К изучению деятельности У. Лаудаева — первого чеченского этнографа // АКВШ, 1985.

77 Айларова С.А. К типологии северокавказской общественной мысли // АКВШ, 1985.

78 См.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сост. Л.А. Чибиров, т. I, II, III. Цхинвали, 1981, 1982, 1984.

79 См.: Санакоев М. П. Страницы боевой дружбы. Цхинвали, 1976; Его же. Чеченцы и ингуши — участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, 10. Грозный, 1976; Муталиев Т.С. В одном строю. Грозный, 1978; Акиев Х.А. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории, 1980, № 1; Его же. Роль конных иррегулярных частей сформированных из горцев Северного Кавказа, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии.

80 См.: Акиев Х.А. Формирование иррегулярных частей из горцев Северного Кавказа для участия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, 9. Грозный, 1977.

81 См.: Гриценко Н.П. Русские просветители XIX в. среди кавказских народов // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией...; Мужухоева Э.Д. Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии; Очерки истории Ставропольского края..., с. 361–376.

82 Хасбулатов А.И., Бекбузаров Х.Х. Освещение революционного движения 1905–1907 гг. на Северном Кавказе в исторической литературе (на материалах Терской и Дагестанской областей) // Вопросы истории исторической науки, вып. 1. См. статьи Е.И. Демешиной, М.Ш. Шагабудинова, А.И. Хасбулатова // Великий Октябрь..., с. 338–357; статьи Л.А. Этенко, А.И. Хасбулатова // Вехи единства... с. 134–145; Вацуев А.З. Большевики и национально-освободительное движение в Чечено-Ингушетии (1900–1916 гг.) // Роль России..., с. 117–144.

83 См.: Пламенные борцы за Советскую власть. Грозный, 1982; Долунц Г.К. Киров на Северном Кавказе. Грозный, 1985.

84 См.: Ратушняк В.Н. Торговое земледелие Северного Кавказа и его специализация в конце XIX — начале XX в. // Известия СКНЦВШ,

Существенно активизировалось исследование характера горской общественно-политической мысли, последствий стабильной историко-культурной ориентации на Россию, духовного прогресса народов Северного Кавказа⁸⁵.

Однако в работах последнего десятилетия наблюдается и известная односторонность, так как положительные факты и тенденции в русско-северокавказских общественно-культурных взаимоотношениях порой изучаются в отрыве от рассмотрения тех сил, которые стремились помешать прогрессивному и революционному процессу. Почти не освещается, за исключением отдельных работ⁸⁶, деятельность буржуазных и мелкобуржуазных течений и групп, в том числе националистически-сепаратистского, панисламистского и пантюркистского толков. Не получила завершения и разработка столь важной темы, как нарастание классовых антагонизмов в среде казачества, внутри которого объективно зрели революционные силы, порывавшие с сословной привилегированностью, встающие на путь общей борьбы с эксплуататорами рядом с рабочим классом северокавказских городов, трудовым крестьянством горских аулов и русских поселений. А ведь именно логика совместной борьбы против эксплуататоров, идеологов национальной, религиозной и сословной исключительности, явных и скрытых врагов русско-северокавказского единства привела в конечном счете трудящихся Северного Кавказа к революционным идеям⁸⁷.

Полезным опытом фронтального издания исторических источников за длительный период истории конкретных народов в составе России (1790–1917 гг.) нужно признать сборник, составленный И.М. Шамановым и С. И. Несмачной⁸⁸. Подготовка таких изданий, касающихся истории отдельных народов и региона в целом (даже отдельно по важнейшим направлениям русско-северокавказских связей: военно-политическим, социально-экономическим, культурным), представляется весьма желательной.

Предпринятый обзор (не претендуя быть исчерпывающим) свидетельствует о том, что советские историки продолжают с марксистско-ленинских, интернациональных позиций изучать богатый и сложный опыт взаимного общения народов России. Становится все более ясным, что ошибочности и односторонности в трактовке событий истории должны быть противопоставлены «широкие сравнительно-исторические исследования в интересах раскрытия антинаучности всякого рода версий об извечной «отсталости», «варварстве», «агрессивности» России. В этом смысле важно всесторонне показать место и роль дореволюционной России, особенно ее передовых, демократических сил, в европейской, азиатской, мировой истории, раскрыть закономерную эволюцию социально-антагонистической структуры российского общества с учетом взаимовлияния центра и периферии. Это и позволит объективно оценивать значение Великороссии в развитии окраин, в частности, народов Сибири, Кавказа и Средней Азии...»⁸⁹.

Решая эти задачи, историки-кавказеды вносят вклад не только в дело образования, но и коммунистического воспитания современников; обогащают понимание объективных закономерностей развития общества, а значит, служат утверждению нового в социальной практике наших дней, росту культуры и углублению межнациональных отношений в СССР.

Впервые опубликовано: История СССР, 1987, №3, с. 89-101.

1984, № 3; Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Там же, 1985, № 1.

85 См.: Тотоев М.С. Из истории русско-осетинских культурных связей (до 1917 г.) // Известия СКНЦВШ, 1976, № 4; Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978; Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев (общественно-политические взгляды). Нальчик, 1980; Туркаев Х.В. О некоторых особенностях развития общественно-политической мысли чеченцев и ингушей в 1890–1917 гг. // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный, 1982; Гамзатов Г.Г. Историко-культурная переориентация на передовую Россию и духовный прогресс народов Дагестана // Великий Октябрь...; Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1985.

86 См.: Манкиев А.А. Из истории клерикально-мусульманской мысли в Чечено-Ингушетии // Социология, атеизм, религия, т. 1. Грозный, 1977; Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

87 См.: Крикунов В.П. Некоторые проблемы методологии изучения региональной истории // Вопросы истории исторической науки..., вып. 2.

88 См.: Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917 гг.) / сост. И. М. Шаманов, С. И. Несмачная. Ростов н/Д., 1985.

89 Тихвинский С.Л. Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // Коммунист, 1986, № 1, с. 102.

СТРАНИЦА РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ XII ВЕКА¹

Впервые рассмотренный П.Г. Бутковым полтора века назад вопрос о династических браках русских князей с аланскими (осетинскими) князьями и грузинскими царевнами² получил затем освещение в специальной литературе³. Однако, констатируя факты установления родственных связей с ясами (русское название алан), большинство специалистов не придавало должного значения тому, о каких конкретно аланах идет речь: северокавказских, подонских или центральноевропейских. Е.Г. Пчелина справедливо указала на то, что анализ летописных сообщений выявляет в данной связи пеструю картину⁴.

Сын Великого князя Киевского Владимира Мономаха Ярополк, совершив в 1116 г. поход к Дону, «приведе с собою ясы и жену полони ясыню красную вельми»; под 1176–1205 гг. говорится о жене Великого князя Владимирского Всеволода III «ясыне Чехине» Марии, которая была дочерью князя центральноевропейских алан Сварно (Шварно); сестра ее с 1182 г. была замужем за Мстиславом, сыном Великого князя Киевского Святослава Всеволодовича. Но в одном таком случае нити русско-аланских династических связей, несомненно, ведут на Северный Кавказ. Этот случай связан с матерью сына владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского Юрия (Георгия), ставшего впоследствии мужем грузинской царицы Тамары.

Ясыня (т.е. аланка), имя второй супруги Андрея Боголюбского, упомянуто в летописях при описании гибели этого князя. Заговор, приведший к его убийству в 1175 г. возглавил Яким Кучкович, брат его первой жены Улиты и казненного им Петра Кучковича. Имела место попытка объявить Кучковичей кабардинцами⁵. На самом деле они — дети боярина, суздальского тысяцкого Степана Кучки, представителя древнего и знатного рода Владимиро-Суздальской Руси. Убийство Андрея совершил его ключник Анбал Ясин при содействии Ясыни. За это преступление по приказу Всеволода III их обоих постигла жестокая кара.

Северокавказское происхождение преступной жены Андрея всегда казалось очевидным. Однако Тверская летопись, сообщая подробности заговора, приводит свидетельство, что Ясыня «бе-бо болгарка родом» и «держала злую мысль» на мужа, т.к. он воевал против поволжских булгар и посылал «примучить» их своего сына. Это было отмечено еще в 1894 г.⁶, но затем оставалось в тени, пока недавно не было вновь пушено в научный оборот Е.Г. Пчелиной, которая первоначально тоже считала Ясыню северокавказской аланкой. Сопоставив данные Тверской летописи и иные сообщения о походе Андрея в 1164 г. на Каму, она изменила прежнюю точку зрения и посчитала Ясыню болгаркой. Но подобное решение вопроса упускает из виду свидетельство источников, указывающих на бегство Юрия после гибели отца и казни матери «к родственникам матери своей Ясыни на реку Сунджу» (Сунжа — приток Терека), т.е. именно к северокавказским ясам⁷.

Уточним биографические данные княжича Юрия. В русских летописях появление его на свет не отмечено. П.Г. Бутков считал Юрия сыном Андрея «от преступной жены» и относил его рождение к 1158–1159 годам. Но эта дата должна быть отвергнута, ибо автор в своих рассуждениях исходил от 1171 г. как времени смерти Андрея, тогда как убийство его датируется ныне 1175 годом. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы божьей матери» (XII в.) упоминается церковь св. Богородицы во Владимире, которая строилась в 1158–1161 гг. и икона которой помогла при родах жене Андрея. О чем рождении идет тут речь?

Ю.А. Лимонов доказал, что «Сказание о чудесах» имеет в виду именно Юрия⁸. Отметим, что рождение произошло после 1161 г., когда церковь уже функционировала. А под 1174 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что Андрей послал Юрия на новгородский престол, причем о княжиче говорится еще как о ребенке («новгородцы послаша к Андрею-князю, и вда им детя свое Георгия»). Отсюда Ю.А. Лимонов делает вывод, что «дата рождения Юрия Андреевича (Георгия) падает на конец 60-х — начало 70-х гг. XII в.», подтверждая мимолетно высказанную Е.Г. Пчелиной догадку, что Андрей привез себе Ясыню из похода на Каму, состоявшегося в 1164 году.

1 Соавтор С.А. Голованова.

2 Бутков П.Г. О браках князей русских с грузинками и ясынями // Северный архив, 1825, т. 4, с. 326–329.

3 Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 88 сл.; Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 17–19; Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974, с. 174–175; Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 18–19; Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977, с. 23; Папаскири З.В. Грузия и Восточная Европа в XI–XII вв. (Из истории международных отношений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978, с. 26; Алферов В., Чекунов С. Степная воляница. Ставрополь, 1978, с. 6–7; и др.

4 Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Дедакова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963, вып. 114, с. 160.

5 Кокеев Г.А. Из истории отношений России с Кавказом (IX–XII вв.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1946, т. 1, с. 42.

6 Георгиевский В. Святой благоверный Великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894, с. 20.

7 Бутков П.Г. Указ. соч., с. 327.

8 Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 75, сл.

Суммируя вышеизложенное, следует все же предположить несколько иную дату рождения Юрия от брака уже немолодого князя и юной Ясыни: 1165 или 1166 год. Отметим также, что она близка сути суждений П.Г. Буткова о возрасте Юрия к моменту его изгнания, если за точку отсчета взять 1175 г. как время смерти Андрея. В правомерности такого заключения убеждает ход дальнейших событий.

В 1178 г. грузинский царь Георгий III возвел свою дочь Тамару на престол, но до 1184 г. сам ведал делами государства. Только после его смерти она стала сама управлять страной, и совет верховников, созданный для избрания ей мужа, перебрав большое число знатных женихов, остановился на кандидатуре бежавшего из Руси Юрия. «Я знаю, — докладывал совету эмир Картлийский Абусалал, — сына русского владетеля Андрея, великого царя, которому подчиняются триста тамошних мест. Означенный принц, осиротевший в юном возрасте и изгнанный его дядей Савалтом (Всеволодом. — Авт.), вынужден был оставить родную страну и убежал в кипчакский город Свиндж»⁹. Это означает, что Юрий вступил в брак с Тамарой не ранее 1184 г., а не в 1171 г., как писал Г.А. Кокиев, и не в 1177 г., как считает Т.С. Магомадова¹⁰.

Следовательно, Юрий явился в Грузию уже сложившимся человеком, 20 лет от роду, причем происхождение и богатый опыт скитаний должны были, вероятно, подготовить его к стремлению играть самостоятельную роль, а не быть пешкой в руках грузинской знати, на что та рассчитывала. Во главе грузинских войск он повел успешную борьбу против сельджуков. Но пребывание его в Грузии совпало с острым внутривластным кризисом, выступлением крупных феодалов против царской власти. Откровенное желание Юрия стать подлинным правителем и обострившиеся разногласия по вопросам внутренней политики побудили царицу и близкие ей круги добиться высылки его в Константинополь.

В 1190–1191 гг. Юрий попытался вернуть себе грузинский престол силой. Не исключено, что он вновь предварительно побывал у своих родственников на Северном Кавказе, где получил помощь. Во всяком случае, азербайджанский поэт Низами в поэме «Искандер-намэ», описывая состав войск Юрия, вступивших в Ганджу, отмечает, что в их числе были и «плечистые аланы»¹¹. Однако попытка оказалась бесплодной. В последний раз имя Юрия упомянуто в источниках под 1191 годом.

Вернемся теперь к происхождению Ясыни. Хотя и «болгарка родом», она имела родственников среди северокавказских ясов, у которых ее сын спустя годы нашел убежище и помощь. Мы не располагаем известиями о контактах между Волжской Булгарией и северокавказской Аланией, переживавшей в XII веке наибольший расцвет. Но получается, что они имели место. Если северокавказская аланка стала женой одного из поволжских болгар, то дочь от такого брака как раз и будет считаться «бе-бо болгарка родом». Так можно истолковать судьбу Ясыни, волею владимирского князя оказавшейся затем на Руси. Отметим также повтор в летописях племенного названия в именах Ясыни и княжеского ключника Анбала Ясына.

Одна из надписей в Алании, на Зеленчукском камне, сохранила живое бытование имени Анбал (товарищ, спутник) в аланской среде Северного Кавказа¹². Если Анбал попал вместе с бабушкой Юрия в Волжскую Булгарию, то после похода 1164 г., когда владимирский князь привел себе в жены Ясыню, Анбал оказался в ближайшем окружении Андрея и стал его ключником. Не зря русские летописи говорят о нем как о любимце князя. Нам трудно судить о конкретных причинах заговора против Андрея, в котором приняли участие близкие люди обеих его жен. Известно лишь, что сын Ясыни бежал к «родственникам матери своей на реку Сунджу».

Местом его пристанища могло быть крупное аланское городище Алхан-Кала, которое у чеченцев зовется «Куларийн сангарш» (Куларинские рвы) и которое сопоставляется с ранней столицей алан «городом Магасом» (т.е. благочестивым, большим, высоким). Памятник расположен на левом берегу Сунжи, там, где фольклорно засвидетельствован средневековый рынок работоторговли (по-тюркски «куллар» — рабы)¹³. П.Г. Бутков, между прочим, тоже отмечал руины «города Куллар» на Сунже как одно из возможных мест пребывания Юрия. Тесные алано-половецкие взаимоотношения той поры дают право предположить наличие тюркского элемента в население города¹⁴. На это указывают и грузины, отметившие приглашение Георгия Русского из «кипчакского города Свиндж».

Приглашение в Грузию именно его не было случайным выбором¹⁵. Знать и верхушка горожан

9 Очерки истории СССР (IX–XIII вв.). М., 1953, с. 573.

10 Магомадова Т.С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1972, т. 9, ч. 2, с. 104.

11 Попов А.В. Низами и древняя Русь // Кавказский сборник (Труды Ставропольского пединститута). Ставрополь, 1949, кн. 1, с. 33–36.

12 Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958, т. 1, с. 135.

13 Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории, 1974, № 8; Мамаев Х.М. О городе Дедакове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 112–120.

14 Виноградов В.Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 2. Грозный, 1980, с. 24 сл.

15 Паласкири З.В. Указ. соч., с. 26.

надеялись получить в его лице послушного им царя, отличающегося поведением от самовластных потомков Давида Строителя. Учитывалось не только его знатное происхождение, но и то, что он правил в Новгороде, где власть князя традиционно была ограничена и подчинена вечу, в котором тон задавало боярство и слышался голос купечества. Противником сильной царской власти был на руку и тот факт, что княжича изгнали из владений отца. Это создавало уверенность, что Юрий не получит поддержки ни со стороны Руси, ни из Алании, ибо ее восточная часть, включая город Магас, потеряла былое значение, перестав играть роль общеполитического центра. Последний переместился на запад, в равнины Северной Осетии (Дедаков — Верхний Джулат) и верховья Кубани (Архыз)¹⁶.

Расчет придворной верхушки оправдался не полностью. Юрий сумел временно сплотить вокруг себя часть алан. И когда стало ясно, что надежды на его покладистость беспочвенны, правящие круги Грузии постарались использовать, уже в своих интересах, потенциал основной части Алании. По их предложению Тамара вступила в брак с царевичем Давидом Сосланом, олицетворявшим одну из ведущих линий аланской государственности на Северном Кавказе и являвшимся представителем осетинской ветви грузинского рода Багратиони.

Впервые опубликовано: Вопросы истории, 1982, № 7, с. 182-184.

16 Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1978, с. 115 сл.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О РАННИХ РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЯХ¹

1. Упоминания осетинских селений в русских документах XVI – начала XVII века. Русско-осетинские взаимоотношения в XVIII веке изучены сегодня относительно полно², чего нельзя сказать о более раннем периоде знакомства двух народов. И если взаимосвязи алан с Древней Русью и некоторые эпизоды XIII–XIV веков уже привлекли внимание³, то важнейшие события, начало которых ознаменовало в середине XVI века установление прямых, тесных и постоянно прогрессирующих взаимосвязей Руси и Кавказа, остаются незаслуженно в тени. Поэтому и выглядят странными непропорциональная бедность и фрагментарность сведений об осетинах и Осетии XVI–XVII веков, представленных, например, в обобщающей и исключительно ценной книге Е. Н. Кушевой⁴ В ней отмечены лишь письменные свидетельства о феодальных осетино-картлийских связях второй половины XVII века, известие русских послов о встрече с осетинами-дигорцами в 1651 году и сообщение 1604 года о «горских людях, словут осинцы, всего человек их з 200», которые проявляли высокую военно-политическую активность в Дарьяльском ущелье.

Эта весьма скромная информация традиционно считается «наиболее ранними известиями» об осетинах и Осетии, отложившихся в русских источниках той поры⁵.

Но реально ли это? Могло ли быть так, что народ, обитавший вдоль важнейшей путевой артерии — Дарьяльского прохода, в непосредственном соседстве и общении с другими кавказскими народами, ставшими постоянными партнерами Руси с середины XVI века, оставался практически вне поля зрения составителей многочисленных документов? Чем объяснить, что, якобы, знакомство русских с осетинами задерживается на полвека по сравнению с кабардинцами, чеченцами, ингушами, кумыками и другими их северокавказскими соседями? Или этот мнимый факт есть следствие недостаточного внимания специалистов к наличному фонду источников, результат поверхностного их анализа с позиций выявления тех бесспорных этнических имен (скажем, те же «осинцы»-осетины), которые очевидно, сопоставляются с конкретными народами Кавказа?

Попытаемся ответить на поставленные вопросы, обратившись к некоторым (до сих пор не привлекавшим должного интереса историков) письменным свидетельствам русских источников.

В числе дополнений (вставок) в «Никоновскую летопись», имеется довольно подробный рассказ о пребывании на Северном Кавказе крупного русского военного отряда («стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих и казаки, а казаков с ними 500 человек») под началом воеводы Г.С. Плещеева⁶. В сентябре 1562 года русский царь Иван IV послал Плещеева «посольством» в «Черкасы Пятигорские (то есть Кабарду) к Темрюку-князю Айдаровичу (то есть главному кабардинскому князю Темрюку Идаровичу, принявшему в 1557 году подданство России. — *Авт.*)».

Цель отряда была сформулирована так: «Жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды Темрюк-князь учнет посылати». Выполняя этот «государев наказ», в октябре 1563 года отряд Плещеева принял участие в большом походе с целью помочь Темрюку укрепить свою власть над некоторыми мятежными вассалами и разведать боем дорогу в Грузию.

Летопись сообщает о разыгравшихся событиях: «И Темрюк со государскими людьми недругам своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы, да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван ... А те городки Шепшуковы-княжие, и люди тех городков побили челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил».

Социально-политический комментарий этих летописных данных не сложен. В них отражены феодальные междоусобицы и соперничество кабардинских князей, в которые поневоле вовлекались и иноплеменные вассалы адыгских владельцев, а затем — и русская администрация в бассейне Терека, поддерживавшая союзников и новых поданных России⁷. Но более трудным оказалось определение конкретного района действий в октябре 1563 года.

Л.И. Лавров попытался связать названные и сразу следующие за ними события, отраженные в летописи, с Верхним Прикубаньем⁸, но эта версия не получила признания: русские войска в то время

1 Соавтор Т.С. Магомадова.

2 Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970; Русско-осетинские отношения в XVIII веке (1742–1762 гг.). Сборник документов в 2-х томах, т. 1. Орджоникидзе, 1976.

3 Кузнецов В.А. Алания X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974.

4 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–30-х годах XVII века. М., 1963.

5 Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Её же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX в. М., 1974.

6 Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. т. 1. М., 1957, с. 10–11 (далее — КРО).

7 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 240–263; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980, с. 32–33.

8 Лавров Л.И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, с. 337–344.

так далеко вглубь Кавказа не заходили. В коллективных комментариях к публикации этого источника в 1957 году было сказано: «Определить местонахождение «Татцкой земли» и «Скинских городков»... не удастся»⁹. Спустя время, Е. Н. Кушева, высказав некоторые полезные соображения по существу вопроса, особо оговорила, что приведенные известия «заслуживают специального комментария кавказоведов для определения упомянутых в нем топографических и племенных названий»¹⁰.

Попробуем выполнить это справедливое пожелание. Сегодня достоверно известно, что «Шепшук-овы улусы» — владения сильного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова (соперника Темрюка по влиятельности в Кабарде), расположенные в Большой Кабарде, то есть к западу от Терека по его течению, между выходом из предгорий и впадением в него слева реки Малки. Бесспорно и то, что центр владений Темрюка Идарова находился в Малой Кабарде, простираясь до района Эльхотовских ворот (местности Татартуп — Верхний Джулат)¹¹. Надо полагать, что «Татцкие земли близ Скинских городков» — это территория где-то по соседству с обоими названными феодальными владениями, за обладание которой ведется борьба между Пшеапшоко и его усиливающимся феодальным сюзереном Темрюком Идаровым.

Е.Н. Кушева предположила, что «здесь шла борьба за соединение с Кабардой «татской», т.е. не кабардинской, подчиненной кабардинским князьям землей»¹². Если пытаться понять смысл звучания племенного названия «таты», то следует, очевидно, учитывать, что осетины, как и сами исторические таты Северного Азербайджана (и, кстати сказать, горские евреи, живущие на Северном Кавказе и часто именуемые «татами») — все суть ираноязычные народы¹³. Можно вспомнить и популярное осетинское предание (недавно вновь проанализированное Б. А. Калоевым), согласно которому обитатели Куртатинского общества (заметим тут, что и в наименовании его звучит, как будто бы, компонент «тат») произошли якобы от курда — пришельца из Закавказья¹⁴. А курды — тоже ираноязычны!

В свете сказанного резонно предположить, что в названии «Татцкие земли» отразилось не совсем четкое, но реальное понимание русским источником коренного языкового отличия ее обитателей от кабардинцев и принадлежности к иранскому пласту на Кавказе, знакомому Руси пока более всего через посредство татов Прикаспия.

Разумеется, такой ход рассуждений весьма гипотетичен. Но он, однако, позволяет сконцентрировать интерес к Осетии и осетинам и искать дополнительные сведения в цитированном летописном фрагменте.

С известной долей вероятности можно предложить, в частности, толкование данному в летописи уточнению месторасположения «Татцких земель» («...близ Скинских городков»). Оно представляется нам производным (вернее — искаженным) от названия «Лескенские». Река Лескен (левый приток Терека примерно в 20 км к северо-западу от Эльхотовых ворот, в пограничной зоне между современными Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР) имеет на своих берегах несколько одноименных селений (Верхний Лескен, Лескены 1-й и 2-ой, Старый Лескен и т. д.). По крайней мере часть из них возникла в давнее время, а для самого названия Лескен специалисты по адыгской топонимии уверенно устанавливают ираноязычную основу¹⁵. Вполне возможно, что «Скинские городки» (селения по реке Лескен) являются важным ориентиром, вблизи которого располагалась «Татцкая земля», а в ней — три городка, взятые кабардино-русским войском в октябре 1563 года (Мохань, Енгирь, Каван).

Е. Н. Кушева заметила вскользь, что название одного из них — Каван — «направляет внимание на известный осетинский аул Кобань в ущелье Гизельдона с его башнями и замками»¹⁶.

Однако прямое сопоставление городка Каван XVI века с тагаурским селением Кобань, лежащим в глубине гор и достаточно удаленным от основной арены кабардинских междоусобиц на равнине, представляется нам неправомерным. Другое дело, что сам термин «Каван», несомненно, осетинский. «Каван» значит — из ворот, стоящий в воротах¹⁷. Воротами в старину часто назывались проходы в горах, ущелья. Естественно, что сохранившийся до сего дня аул Кобань был отнюдь не единственным в прошлом селением название которого могло отвечать признаку расположения в «воротах» — ущелье.

Можно предполагать даже, что имя «Каван» в конкретной ситуации могло быть свойственно какому-то укрепленному осетинскому поселению («городку») в северных отрогах предгорий, у выхода на равнину, которой владели кабардинские князья.

Мы имеем возможность сегодня подкрепить наши выкладки тем, что царский офицер Штедер, объездивший в начале 1781 года значительную часть земель в бассейне Терека, упоминает некое селение Ко-

9 КРО, с. 393.

10 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 240.

11 История Кабардино-Балкарской АССР. т. 1. М., 1967.

12 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 240.

13 Народы Кавказа. Этнографические очерки, т. 2. М., 1962, с. 181–187.

14 Калоев Б.А. Осетины. М., 1971, с. 49–50.

15 Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 95, 220.

16 Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 240.

17 Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1. М.; Л., 1958, с. 573–574.

бан (Кобантыкау) как раз на правом берегу реки Лескен, в 8 верстах от входа в Дигорское ущелье, выше Старого Лескена. Знал его, как оказывается, и Ю. Клапрот, называя «пограничным с запада дигорским населенным пунктом»¹⁸. Название этого старинного осетинского селения отразилось в народных преданиях Кабарды, что верно отметил Дж. Коков¹⁹.

Таким образом, появляются неплохие основания считать «город Каван» 1563 года осетинским селением в зоне выхода реки Лескен на равнину.

Название «Мохань» представляется нам также осетинским только несколько искаженным в иноязычном восприятии и русской записи. «Махон» — по-осетински «наш»²⁰. Вполне закономерно такое наименование пункта, расположенного не в глубине осетинских земель, а на границе с районами, контролируемые или заселенными другими народами. А это — применительно к осетинам XVI века — скорее всего при выходе на равнину.

В названии «Енгирь» мы вновь усматриваем осетинскую основу: в дигорском диалекте осетинского языка «а́нгеран» — «угроза», «грозить»²¹. Подобное «пугающее» название весьма логично, и особенно для «городка», построенного в той же пограничной зоне.

Остается добавить, что если «Енгирь» и впрямь искаженная запись дигорского топонима, то вышеизложенные соображения получают дополнительное косвенное обоснование: река и селения Лескен («Скинские городки»), вблизи которых располагались три городка «Татцкие земли», действительно находятся в районе стыка осетинских (дигорских), балкарских и кабардинских земель.

Таким образом, наш комментарий позволяет считать, что в дополнениях (вставках) в «Никоновскую летопись», касающихся событий 1563 года, отразилось знакомство русских участников с лесистыми предгорьями Северной Осетии и их осетинскими обитателями, страдавшими от междоусобиц кабардинских феодалов.

Не сомневаемся, что пристальное прочтение давно уже известных других источников по русско-кавказским взаимоотношениям в XVI–XVII веках даст и иные основания для схожих размышлений.

Так, например, в подробной документации московского посольства в Грузии в 1604–1605 годах (где и всплыли, кстати сведения об «осинцах» в Дарьяле) упоминается некий «Березов кабак», «Березуев кабак», находящийся на самой северной границе «Сонской земли» (в данном случае — владений эристава Арагвского, который был вассалом грузинского царя)²². В этом «кабаке» (селении) живут подданные Грузии, ревностно помогающие нормальному осуществлению русско-грузинских дружественных связей и страдающие от авантюристической политики кабардинских князей.

Важно подчеркнуть, что документация многочисленных предшествовавших дипломатических миссий через Кавказ не знает «Березова кабака». Появление его тут — между «Ларсовым кабаком» (селение Ларс) и «Черебижевым кабаком» (селение Гвилети в округе современного Казбеги) — одновременно с появлением на исторической арене Дарьяльского ущелья упомянутых выше «осинцев» (осетин), позволяет сопоставить эти два факта. И тут примечательно, что из всех иных кавказских языков лишь осетинский язык позволяет предложить ясное толкование названия, воспринимаемого русскими людьми как «Березово», «Березуево». Ведь «барз»-«бәрза» — по-осетински береза²³. Поселок осетин, возникший на порубежье Грузинского царства — вне зоны распространения прямой власти давних и жестоких врагов — кабардинских феодалов, мог получить это название, отвечающее, между прочим, и природным условиям высокогорья Центрального Кавказа.

Наши соображения о первых упоминаниях осетинских селений в русских источниках, вероятно, не бесспорны. Но они позволяют наметить один из возможных путей преодоления противоестественной ситуации — отсутствия сведений об осетинах и Осетии в русских документах второй половины XVI — начале XVII века на фоне вполне приличной осведомленности об их соседях, исторических партнерах и вообще округе Дарьяльского прохода.

2. Некоторые исторические личности в ранних русско-вайнахских взаимоотношениях. В последние годы резко оживился интерес историков к ранним русско-вайнахским (чечено-ингушским) контактам. Исследования Е. Н. Кушевой, Н. П. Гриценко, Н. А. Тавакаляна, С. Ц. Умарова, Н. Г. Волковой, Т. А. Исаевой, а также авторов данной статьи позволяют довольно полно и всесторонне представить основной ход постепенно складывающегося единства широких масс населения Чечено-Ингушетии с русским и другими народами страны²⁴.

18 Свидетельства Штедера и Ю. Клапрота выявлены Н. Г. Волковой, но безотносительно к городку Каван XVI века (Волкова Н. Г. Этнический состав..., с. 113–114).

19 Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966, с. 63.

20 Миллер В. Язык осетин. М.; Л., 1962, с. 175.

21 Абаев В. И. Указ. соч., с. 181.

22 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом (1575–1613 гг.), вып. 1. М., 1888, с. 454–457.

23 Абаев В. И. Указ. соч., с. 253.

24 Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 28–36 (там же и библиография).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы обрисовать основные вехи жизни и черты деятельности нескольких личностей, оказавшихся в самых первых рядах русско-вайнахских отношений, во второй половине XVI — начале XVII века. Внимание к ним позволит полнее и конкретнее понять и прочувствовать дух этой эпохи, когда устанавливались и крепились прямые русско-чечено-ингушские связи.

Выдающееся место в налаживании первых активных контактов чеченцев и ингушей с Россией, занимают окоцкие мурзы, то есть предводители вайнахского общества, вошедшего в русские документы под именем «ооки», «оуки».

«Окоцкая земля», по источникам XVI–XVII веков, представляла собой территорию в восточном равнинном районе Чечни, прилегающую к устью Сунжи и, вероятно, покрывавшую часть так называемой Кумыкской равнины в Дагестане. Она состояла из нескольких селений, крупнейшее из которых называлось Окох (Оку). По поводу «племенной» принадлежности ококов в научной литературе бытуют две трактовки. Традиционная отождествляет их с ауховцами²⁵.

Недавно поставленная на обсуждение и сегодня разделяемая рядом историков версия предполагает, что ококи — выходцы из горного Центория, покинувшие юго-восточную Чечню в результате земельных неурядиц²⁶. В социальном отношении ококи XVI–XVII веков были в числе наиболее развитых вайнахских обществ. Процесс классообразования привел у них к появлению раннефеодальных предводителей-вождей, именуемых в источниках «мурзами», а изредка и «князьями».

Во второй половине XVI века ококи оказались ближайшими из всех вайнахов соседями московских административных центров (Терских и Сунженских городков) в устье Сунжи и Терека. Естественно, что они сразу же установили двусторонние связи с русскими. Причем связи эти осуществлялись целой династией окоцких мурз и их сородичей. Впервые известия об окоцких мурзах появляются в русских документах, связанных с посольством в Грузию Р. Биркина и П. Пивова (1587–1588 годы)²⁷. Но к этому времени контакты с ними русской администрации насчитывали уже не менее двух десятков лет. Об этом весьма определенно говорится в одной из челобитных окоцкого мурзы Шиха, составленной в 1588 году. В ней вожак ококов сообщает, что вместе со своим отцом Ушаром-мурзою он явился к стенам «государевых городов на Тереке, которые прежде были», и далее излагаются конкретные формы верной службы России перед лицом общих врагов — прежде всего султанской Турции и Крымского ханства. Ших особо подчеркивал совместность действий с государевыми с терскими атаманами и казаками». И взволнованно изложил предсмертный завет своего отца: «Слово твое (государя Руси, — Авт.) на голове держати и тебе служить, сколько твоей службы не будет»²⁸.

«Прежние» городки, о которых тут идет речь — это русские крепости в устье Сунжи, краткосрочно существовавшие с 1567 и с 1578 годов²⁹. Тем самым, документально достоверной точкой отсчета прямых русско-вайнахских связей и принятия группой вайнахов подданства России перед угрозой внешних врагов является 1567 год, а факт этот олицетворялся действиями Ушаром-мурзы Окоцкого³⁰.

Его сын Ших унаследовал не только феодальный титул своего отца и право предводительствовать над ококами. Он унаследовал и его политику, выражавшую объективные интересы вайнахского общества, располагавшегося в самом центре непрекращающихся междоусобиц кумыкских и кабардинских князей, на главной северокавказской дороге постоянных иноземных вторжений. Как только (после некоторого перерыва в 1588 году) возобновилась градостроительная деятельность Руси на Тереке и по просьбе кавказцев был построен новый Терский город в низовьях Терека, Ших, «узнав о том, в тот же час в тот новый город к государевым воеводам приехав, перед ними тебе, государю, правду дал». Этим открылась яркая страница в истории русско-вайнахских взаимосвязей, ознаменовавшая подтверждение русского подданства небольшой, но влиятельной группой вайнахов.

Не раскрывая тут деталей биографии и деятельности Шиха-мурзы³¹, хотелось бы подчеркнуть, однако, значение разнообразных усилий этой исторической личности в налаживании русско-вайнахских взаимоотношений. Судя по источникам, окоцкий мурза был не крупным и небогатым владельцем раннефеодального типа, а сами ококи тех лет не представляли собой слишком многочисленной группы населения. Но, опираясь на долгие контакты со многими горскими соседями, на добрососедские, союзные отношения с русским населением в бассейне Терека (казацество и гарнизоны «государевых городков»),

25 См.: Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 69–70; Волкова Н. Г. Этнический состав..., с. 166–167.

26 Умаров С.Ц. Новые археологические памятники в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник, т. 2. Грозный, 1968; Его же. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII вв. // Археолого-этнографический сборник, т. 4. Грозный, 1976; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1971, № 10, с. 215–216; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Изв. Чечено-Ингушского краевед. музея, т. 21. Грозный, 1975, с. 58–59.

27 Белокуров С.А. Указ. соч., с. 58–62.

28 Там же, с. 64.

29 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Где стояли Сунженские городки? // Вопросы истории, 1972, № 7, с. 208–211.

30 Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979, с. 22.

31 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников..., с. 215–219.

имея четкую политическую линию, выполнявшуюся честно и последовательно, Ших пользовался значительным авторитетом среди ряда государственных образований и сельских обществ Кавказа. Кроме тесных и регулярных двусторонних отношений с Грузией, дагестанскими княжествами, кабардинскими феодалами, отметим серьезную влияние Шиха во многих плоскостных районах Чечено-Ингушетии и в зоне некоторых горных ущелий. Военно-политическая активность предводителя оококов, опиравшаяся на помощь русских, хорошо прослеживается в юго-восточной Чечне, вдоль побережья Сунжи, отчасти в горах центральной Чечни и, особенно, в северной половине Дарьяльского ущелья. Шиху-мурзе и его оококам приходилось скреплять свое оружие с теми соседними владениями и обществами, которые в силу многих причин еще не встали на путь союза с Россией. В тоже время, верность взятым обязательствам и искренность дружбы с Россией служили впечатляющим примером для наиболее передовой части современников.

Не случайно в том же 1588 году ингушский владетель селения Ларс Султан-мурза обращается к России с просьбой о принятии под покровительство и в подданство, объясняя свое желание так: «Хочу государю служить до самой смерти своей, как служит и брат мой Ших-мурза Окоцкий»³².

Трудно переоценить значение первой исторически засвидетельствованной окоцкой делегации в Москву, посланной Шихом в 1588 году в составе 5 человек (старшим был его племянник Батай). Она положила начало длинной цепи дипломатических визитов вайнахов в столицу России. А это служило мощным фактором активизации русско-чечено-ингушских связей и ускорению знакомства горцев с великой страной, с которой они отныне связывали свою судьбу.

Деятельность окоцкого мурзы Шиха в налаживании плодотворных русско-кавказских связей оказалась недолгой. Не позднее 1595 года он был убит кумыкскими феодалами протурецкой ориентации, о чем бывшие его подданные писали ясно и определенно: «Того Шиха-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахмакхан с братиею за то, что он — Ших-Мурза честно служил московским государям. Да и мы с окоцким Шихом-мурзою служили»³³.

Есть основания считать, что вместе с Шихом погиб и его малолетний сын. А часть оококов, оказавшись после смерти своего признанного лидера объектом притеснения со стороны соседних феодалов, бросив хозяйство, скот, дома, переселилась в русский Терский город, основав там Окоцкую слободу³⁴. Последняя сыграла исключительно большую роль в последующих русско-вайнаховских и в целом русско-кавказских взаимоотношениях³⁵.

Так, например, в 1601 году в связи с планами очередного московского посольства в Грузию активно проводились разведки нового посольского пути. С этой целью к грузинскому царю Александру — прежнему другу и союзнику Шиха Окоцкого — посылаются из Терского города группа оококов³⁶. Бывшие подданные Шиха прекрасно справились с полученным заданием, описав, в частности, ранее не известную русским дорогу в Грузию через Центральную Чечню и Аргунское ущелье³⁷. И сам факт такого успеха в Грузии не исключает мысли, что у вайнахов-оококов при грузинском царском дворе сохранялись крепкие связи и, вероятно, свои люди, причем достаточно влиятельные.

Эта мысль находит некоторое обоснование в материалах ближайшего по времени русского посольства в Грузию (1604-1605 годы)³⁸. Оно вплоть до Дарьяльского ущелья (района селения Казбег) сопровождалось, между прочим, и племянником Шиха — жителем Окоцкой слободы Батаем. Анализ источников показывает, что в депутации посланной для встречи русских послов грузинским царем Александром, важную роль играл некто Илья Окучанин, которому отдается пальма первенства во многих случаях переговоров и доверительных бесед с послами России и их северокавказскими сопровождающими. Илья Окучанин прекрасно ориентируется в обстановке, облечен особым доверием правителей Грузии (и царя и наследника-царевича), пользуется высоким авторитетом у дипломатов Руси. Его болезнь немедленно отразилась на ходе переговоров и некоторых планах посольства. Словом, влиятельная фигура!

Но кто он — Илья Окучанин? В кавказской истории известно много примеров, когда название родного этнического коллектива (этноним) оказывалось прозвищем (фактически — фамилией) человека, попавшего в иную страну, в среду иного народа. Следовательно, Илья Окучанин мог быть ооком по рождению, выходцем из Чечено-Ингушетии. Вероятно, он долго прожил в Грузии, где принял христианство,

32 Подробнее о Султан-мурзе см.: Магомадова Т.С. Владетель Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях // Материалы конференции ЧИГУ по итогам 1974 г. Грозный, 1976; Исаева Т.А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. XI. Грозный, 1977, с. 98–99.

33 КРО, с. 94.

34 Там же; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров СЦ. Указ. соч., с. 31–32.

35 Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.

36 Белокуров С.А. Указ. соч. с. 348–353.

37 Непрва Т.А. Исаева, когда пытается выдать Аргунское ущелье за магистраль русско-грузинских общений с самого начала их установления (Исаева Т. А. Указ. соч., с. 86–95).

38 Белокуров С. А. Указ. соч., с. 467–469.

получив православное имя. Так не раз поступали представители северокавказских горских верхов, стремясь заручиться поддержкой Грузии.

Пока не найдены другие документы об Илье Окучанине, можно предполагать, что, будучи в 1604 году зрелым государственным деятелем, он оказался в Грузии значительно раньше, именно в ту пору, когда грузино-вайнахские взаимоотношения активно налаживались и осуществлялись окоцкими мурзами Ушаром и Шихом.

И еще один пример из той же эпохи и того же круга лиц. Когда московское посольство 1589 года готовилось воспользоваться дорогой через горный Дагестан (Аварию) и предпринимало по этому случаю конкретные шаги, терскому воеводе А. Хворостинину предписывалось: «А к Аварскому к Нуцалу князю послали б... наперед сотника какова, а с ним казаков человек пять добрых и промышленных, которые бы в тех местах преж того, бывали...».

Ответственность задания подчеркивалась тем, что несколько ниже в той же грамоте вновь говорилось: «Послали бы естя нарядя станицу... ис казаков или ж стрельцов, выбрав просужих двух-трех которые... дорогу знали и по-татарски б умели...»³⁹.

Человек, отвечавший всем этим требованиям был найден: «Тово же числа (24 июня. — Авт.) послали сотника стрелецкого Микиту Зиновьева да с ним трех человек стрельцов Бориска Федорова с товарищи». С ними и были отправлены грамоты к князьям горного Дагестана и к Шиху-мурзе Окоцкому⁴⁰.

Спустя месяц, 24 июля, Микита Зиновьев писал из резиденции Шиха («из Окох»), подробно информируя о всех событиях минувшего месяца. От него узнали о приезде к Шиху «грузинского князя Олександровых людей», о том, что умер аварский князь Нуцал и в Аварии произошло междоусобие. Терский воевода поспешил запросить подробности. Микита Зиновьев не задержал ответа, сообщив все, что смог разузнать вместе с Шихом Окоцким об обстановке в горном Дагестане⁴¹.

С тем же Микитою Зиновьевым были посланы «грамоты по государеву наказу» к кабардинским князьям Алкасу, Солоху и другим владельцам Кабарды. Сотник и тут справился с поручением. Он выехал «из Окох в Кабарду» и принял все меры к тому, чтобы обеспечить дружественность кабардинских феодалов важному русско-грузинскому посольству⁴². После этого Микита Зиновьев возвратился в Терский город. В источниках сказано, конечно, не так уж и много. Но ясно, что Микита Зиновьев не простой рядовой стрелецкий сотник Он — доверенное лицо терских воевод, свой человек во многих горских землях и селениях, знаток местных языков. Трудно допустить, что все это стало доступно ему менее, чем за год существования Терского города в низовьях Терека. Куда вероятнее другое: стрелецкий сотник был уже задолго до 1588 года связан с кавказскими партнерами Руси. Он мог постоянно служить в Астрахани, появляясь на берегах Терека и Сунжи всякий раз, когда тут восстанавливались русские крепости и гарнизоны в них. В перерывах он мог появляться и в гребенских казачьих станицах. В таком случае история его знакомства с ококами, черкесами, дагестанцами и их предводителями имела достаточно долгий срок, чтобы русский человек превратился в отменного знатока местных условий, языков, нравов.

Его роль в кавказской политике Москвы была, очевидно, больше, чем можно предполагать на первый взгляд. Ведь именно Микиту Зиновьева в сентябре 1589 года посылают с грамотами к самому царю: «А Микиту, государь, Зиновьева для того послали, что он во всю зиму и весну жил в Кабарде для твоего государева дела и для вестей тебе, государю, служил и у Шиха в Окохах и во все Черкасы был послан. И он тебе, государю, все расскажет, которые тебе черкасы, государю, служат и обычаи их все ведает»⁴³.

После 1589 года мы не встречаем имени Микиты Зиновьева в северокавказских документах. Возможно, он из Москвы не вернулся, будучи оставлен в Посольском Приказе в качестве толмача и «консультанта». В подобных людях Москва в то время остро нуждалась.

Мы попытались представить читателю основные доступные сегодняшней науке штрихи биографий некоторых исторических лиц конца XVI — начала XVII века, внесших вклад в русско-вайнахские отношения. При всей отрывочности, местами и гипотетичности наших толкований они служат уяснению существенных сторон местной исторической панорамы. Героями этой статьи проблема, разумеется, не исчерпывается. Поэтому следует и впредь, шаг за шагом, стремиться проследить судьбы тех людей, которые навсегда вписали свои имена в летопись прогрессивного и исторически закономерного процесса добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, завершившегося к 1781 году.

Впервые опубликовано: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981, с. 45–57.

39 Белокуров С.А. Указ. соч., с. 110–111.

40 Там же, с. 117–118.

41 Там же, с. 129.

42 КРО, с. 56.

43 Белокуров С.А. Указ. соч., с. 121.

ГДЕ СТОЯЛИ СУНЖЕНСКИЕ ГОРОДКИ ?¹

В 1567 г. в устье Сунжи (правый приток Терека) застучали топоры, и леса огласились столь редкой тогда в этих местах русской речью. Московские ратники, пришедшие «с нарядом, пушками и пищальями», проделали долгий и нелегкий путь, чтобы разбить здесь лагерь. Обстоятельства заставляли их торопиться: о строении «города» просил тесть Ивана IV, старший из кабардинских князей Темрюк Идаров, и ставился «город» «для бережения от недругов его» (Идарова)². Городок просуществовал до 1571 года. Это была первая русская крепость на Северном Кавказе, положившая начало серии городков и острогов, разрушавшихся врагами и вновь встававших из пепелищ. 1578, 1590, 1635, 1651 года — вот даты восстановления русских крепостей в устье Сунжи. Построение в 1588 г. крупного Терского (Тюменского) города не умоляло значимости этих крепостей.

История «государевых» городов и острогов XVI–XVII вв. на Кавказе уже нашла отражение в исторической литературе³. Здесь пойдет речь о местонахождении этих русских крепостей и их соотношении друг с другом. Существует традиционная точка зрения, согласно которой городки тех лет стояли на левом (северном) берегу Терека, против впадения в него Сунжи. Эта точка зрения, никем специально не доказывавшаяся, тем не менее, заняла прочное место в работах дореволюционных историков и краеведов. На картах данного района середины XIX века местонахождение «Сунджинского городка», «острога», «Терки», «Усть-Суюнчи», «Суншина городища» постоянно обозначалось на левом берегу Терека, напротив устья Сунжи⁴. Построен и список краеведческих статей, авторы которых придерживались данной локализации⁵.

Е. Н. Кушевой не удалось достаточно обстоятельно и всесторонне опровергнуть эту точку зрения, хотя она предположила и попыталась обосновать иное местоположение сунженских городков, а именно правый (южный) берег Терека непосредственно в устье Сунжи. Быть может, на первый взгляд покажется несущественным такое 2–3 верстное расхождение местонахождения объекта. Однако это не так. От правильного его определения зависит трактовка многих исторических событий, разыгравшихся здесь. Достаточно, например, согласиться с традиционной локализацией городков, чтобы исказить истинные границы кабардинских и кумыкских владений и, перенеся район наиболее яростного их единоборства на север от Терека, лишит сунжинские городки какой бы то ни было роли в контроле над Османовой дорогой, пересекавшей низовье Сунжи, да и вообще поставить под сомнение стратегическое значение этих крепостей, явно устремленных в гущу местных противоборствующих сил, предоставив им удел твердынь, ничего не оборонявших, никому не мешавших и легко уязвимых со всех сторон.

Для сторонников традиционной локализации сунженских городков несомненным является тождество местонахождения всех перечисленных городков, сменявших друг друга. Против этого возражать не приходится. Вопрос заключается лишь в правильном установлении места их нахождения. И здесь едва ли помогут ранние сообщения 1567 и 1578 годов. Поэтому приходится прибегать к «обратному анализу». Е. Н. Кушева привела архивные свидетельства о том, что Сунженский острог 1651 г. был поставлен при устье Сунжи «между двух вод», «на Кысыке, где Сунша с Тереком сошлась»⁶. Эти данные подтверждаются описанием острога и условий его обороны в документах 1651–1653 годов. Из них без сомнений вытекает, что квадратный в плане (25 на 25 сажен) Сунженский острог с двух сторон омывался Сунжей и Терекон, до которых соответственно было 8 и 7 сажен. От городка на левый берег Терека вел хорошо освоенный брод, защищавшийся с северной (степной) стороны «казацкими городками» (Оскин-городок, Ищерский, Щевелев-городок и др.)⁷.

Восстановлению острога в 1651 г. предшествовал тщательный опрос старожилов, которые показали, что «пристойнее» поставить его «на старом городище»⁸. Таковы могли быть руины сунженских крепостей 1590 или 1635 годов. Но местонахождение городка 1635 г. было иным, чем всех прочих. Эта

1 Соавтор — Т.С. Магомадова.

2 Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв., т. 1. М., 1957, с. 13.

3 Подробнее см.: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII веках. М., с. 963.

4 См., например: «Карта левого фланга Кавказской линии. 1841 г.». ЦГВИА, ф. 482, д. 170; «Местонахождение по реке Сунже от крепости Грозной до р. Терек. 1837 г.». ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20521; «Карта подполковника Белика. 1854 г.» Архив Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, фотокопия № 18, и др.

5 Абрамов Н.Г. Сунженские и Терские городки // Терские ведомости, 1881. № 10; Гребенец Ф.С. Памятники гребенской старины // Терские ведомости, 1900, № 14; Ткачев Г.А. Участие жителей города Терки в освобождении Астрахани от самозванца // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ. 1914, № 2, с. 5; Его же. Из истории Кавказской войны // Записки Терского общества любителей казачьей старины, 1914, № 6, стр. 11; Штанько Н. И. История города Грозного (машинописная запись, хранящаяся в архиве Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения), с. 6. сл.

6 Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240.

7 Кабардино-русские отношения, с. 302, 317.

8 Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 242.

маленькая крепость была построена примерно в 10 верстах от устья Сунжи, на острове, контролировавшем брод («Османов перевоз»)⁹. Ее не нужно отождествлять с остальными сунженскими городками и острогами¹⁰.

Для нас же важно здесь лишь одно, что городок 1635 г. был расположен на правом берегу Терека. Следовательно, речь могла идти о городище Сунженского острога 1590 года. И коль совет местных жителей был принят, значит этот «прежний» острог также стоял в точке, где сливались Терек и Сунжа, служа ему естественной защитой с двух сторон.

Доказательством служат и карты Герритса (1613, 1614 гг.) и Массе (1633 г.), хотя составленные и по одним источникам, но независимо друг от друга и в те годы, когда «беспорных» сунженских городков 1635 и 1651 гг. не существовало. На этих картах острог *Sunsa* (Сунжа) обозначен в углу, образуемом Сунжей и Терекком при их слиянии¹¹. Надо полагать, что под «прежним городищем» имелся в виду Сунженский острог 1590–1605 годов. Правда, документы на этот счет не очень конкретны, однако многократно повторяют, что этот городок поставлен «на Сунше», «усть реки Сунши», «где впала Сунша в Терку»¹². Это подтверждает предложенную выше локализацию сунженских городков. К тому же, и это самое ценное, посланные из Терского (Тюменского) города в 1589 г. стрельцы для строительства очередного острога обретались вновь «на Сунше», «на Сунше, на старом городище». Следовательно, острог 1590 г. возник снова на месте прежних русских крепостей. А таковыми были городки 1567 и 1578 годов. Здесь, на старых руинах, под стук топоров новой стройки отдыхали перед долгой дорогой царевы послы С. Звенигородский и Т. Антонов, а специально прибывшие «государевы люди» принимали «шерть» (присягу) от горно-дагестанских владетелей, Окуцкого Ших-Мурзы¹³, кабардинских князей и «неименитых черкас», как бы подчеркивая последовательность политики Русского государства в этом районе. Подобные демонстрации, несомненно, сыграли свою роль в глазах местных народов.

Воздвигнутые по просьбе кабардинцев, эти городки в источниках почти не описываются. В них лишь постоянно упоминается, что стояли «на Терке усть-Сюенча»¹⁴. Иногда как ориентир упоминается только река Терек. Да это и понятно: Терек — крупнейшая река края, города стояли на правом берегу, и поскольку вдоль реки иных русских крепостей не было, ошибка в ориентации исключалась. Эти соображения подтверждаются свидетельством современников событий: на миниатюре Лицевого свода 70-х годов XVI в. изображается приезд кабардинского посла в Москву в 1566 г., который обратился к русскому правительству с просьбой построить русскую крепость в устье Сунжи. И, судя по рисунку, ее возвели все на том же «Кысыке», где «Сунша с Терекком сошлась».

Но как же быть с основным и единственным в письменных источниках аргументом, на который ссылаются сторонники традиционного (левобережного) размещения сунженских городков XVI–XVII веков (в «Книги Большому чертежу» читаем: «А против устья реки Сунши, на другой стране Терка, острог»)? Правильно ли их понимание цитаты, якобы бесспорно указывающей на северный (левый) берег Терека? Названные нами карты Герритса и Массе базировались именно на «Книге Большому чертежу», и, значит, современники воспринимали это свидетельство совсем по-иному. В чем же дело? Е.Н. Кушева тонко подметила: «Присматриваясь к тексту «Книги Большому чертежу», замечаем, что слово «против» в ней далеко не всегда имеет значение «напротив»; «другой страной Терка» могла быть названа в Москве правая сторона реки»¹⁵. На этом наблюдении стоит остановиться подробнее.

С XVII в. среди карт, создававшихся в Москве или по заданию московских властей, хорошо известны такие, на которых изображенные земли ориентированы были не на север, а на юг, то есть, с точки зрения сегодняшнего читателя, поданные «вверх ногами». Обращаясь к картам Кавказа, нетрудно отыскать серию аналогичных схем, великолепно уживавшихся даже в XVIII–XIX вв. с каноническими картами края¹⁶. Допустим, что составители «Книги Большому чертежу» при описании бассейна Терека руководствовались таким же «взглядом» — с севера в сторону юга, «из Москвы к горам Кавказа». Тогда выражение «на другой стране Терка» будет означать место на правом («южном» его берегу, а «против устья Сунжи» — широтное противопоставление расположенному рядом устью. В «Книге Большому чертежу» «Роспись реке Терку» начинается от границ Грузии, то есть с юга, и продолжается до устья Волги, явно иллюстрируя только что характеризованный прием описания земель «взглядом из Москвы». Но куда важнее другое — в сухом перечислении ориентиров ясно видна продуманная система. Сперва (листы 65 и 66) названы 10 разнообразных географических ориентиров «с левые стороны

9 Кабардино-русские отношения, с. 159-161.

10 Позиция Е. Н. Кушевой в этом вопросе несколько противоречива и дает основание для различных толкований.

11 См.: Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Киев, 1899.

13 Кабардино-русские отношения, с. 68-69.

14 См.: Виноградов В.Б., Магомедова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1971, № 10.

15 Кабардино-русские отношения, с. 13, 69.

16 Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 244.

Терки», в «Кабарде». Затем повествование идет о «правой стороне» Терека (листы 66 и 67), и вновь последовательно назван длинный ряд ориентиров, бесспорно, локализующихся на правой (южной) стороне реки (река Курпа, горячие колодези нынешних селений — Горячеводская и Брагуны, река Сунша, ее притоки Белая — Хулхулау и Быстрая — Асса, протока Быстрая в устье Терека и, наконец, Тюменский город). Среди этих ориентиров правой стороны Терека и назван «острог» на Сунже, да еще добавлено: «От острогу вниз по Терку 170 верст потекла из реки Терка к морю протока Вспольная Быстрая, а ниже Быстрой... потекла протокою река Тюменка,... а на устье Тюменки город Тюменский, а ниже Тюмени протока реки Терк, пала Терк от Тюмени в море 30 верст»¹⁷. Вот это и есть неоспоримое доказательство того, что данный текст касается только правого берега, ибо со следующей строки описание вновь переносится на «левые стороны» Терека, на север, вплоть до Волги.

Итак, перекрестное сопоставление показало совпадение данных из всех письменных источников относительно локализации сунженских городков XVI–XVII вв. на правом берегу Терека, в месте впадения в него Сунжи. Бесспорным подтверждением письменных источников могли бы послужить археологические данные. Но раскопки в этом районе, к сожалению, невозможны: правый берег Терека постоянно, а особенно в пору разливов, подмывается многоводной рекой (как и берега Сунжи), и небольшое городище, омываемое с двух сторон реками («до Сунжи — 8 сажен, до Терека — 7»), попросту не могло уцелеть за те 320 лет, что прошли с момента сооружения последней из крепостей (1651 г.) и сильно изменили вид пресловутого «кысыка». Терек и Сунжа, по-видимому, навсегда лишили нас надежды увидеть воочию материальные следы городков. Зато сохранились левобережные памятники, которые ряд исследователей пытался отождествлять с городками 1567, 1578, 1590 и 1651 годов. Впрочем, тут у краеведов (и дореволюционных и современных) нет единства взглядов. На лавры сунженских городков и острогов претендуют городища Капканчик, Лабаторня, Шелкозаводское¹⁸. Но серьезных оснований для этого нет. Шелкозаводское городище является хазарской крепостью X века¹⁹. Значительное по размерам (220 на 220 м), но слабо укрепленное, расположенное на открытом месте и удаленное от устья Сунжи на 2 км, городище Лабаторня (о его «претензии» на отождествление с самым первым русским городком 1567 г. говорит установленная тут в 1962 г. стела с соответствующей надписью) ни одним из своих археологических и фортификационных признаков не отвечает объектам наших поисков²⁰. Старожилы казачьей станицы Старощедринской в 2,2 км к западу от Лабаторни весьма убедительно доказывают, что именно тут находилось первое место поселения их предков, переселившихся на левый берег Терека и вынужденных затем покинуть его из-за разливов реки, регулярно затоплявшей станицу. Эта версия представляется вполне основательной.

Городище Капканчик, расположенное напротив устья Сунжи, почти полностью разрушено при сооружении валов, предназначенных для укрощения разливов Терека. Судя по описаниям, ранее оно имело форму тупоугольного треугольника, с двух сторон обнесенного валом общей длиной 650 м, а с третьей омываемого Тереком. Характер укрепления неясен. Ни планировкой, ни размером, ни особенностями фортификации и рельефа местности это городище не соответствует описанию Сунженского острога и едва ли может сопоставляться с ним. Другой вопрос: не связано ли оно с системой левобережных казачьих городков середины XVII в., которые выполняли функции обороны и контроля важного брода через Терек²¹, ведшего к Сунженскому острогу 1651 г., а от него — к Сунженскому городищу 1635 г. и союзным им Брагунским кабардинским кабакам? Но это лишь предположение, не меняющее сути дела: ни один из названных археологических объектов не соответствует тем крепостям XVI–XVII вв., которые известны в истории как русские форпосты в бассейне Сунжи для защиты местного населения от поползновений Ирана, Турции и Крымского ханства в ту эпоху.

Впервые опубликовано: Вопросы истории. 1972, №7, с. 205–208.

17 См., например: «Карта Северного Кавказа 1719 года» // Кабардино-русские отношения, (вклейка между стр. 388–389); Линевиц И. П. Карта горских народов, подвластных Шамилю // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 6. Тифлис, 1872; Карта Кавказской линии с показанием горских народов там же частей Персии и Турции, 1799 г. // Архив Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, фотокопия № 29; Карта дороги в Грузию через Ингушские жилища (конец XVIII века) // ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20486 и др.

18 Кабардино-русские отношения, с. 387–388.

19 См.: Гребенец Ф. С. Указ. соч., с. 2; Ткачев Г. А. Из истории Кавказской войны, с. 11; Его же. Участие жителей города Терки в освобождении Астрахани от самозванца, с. 5; Штанько Н. И. Указ. соч.

20 См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М. 1966, с. 140 сл.; Виноградов В. Б. Открыт ли Семендер? // История СССР, 1968, № 3, с. 218–220; Его же. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 60–67.

21 Оно значительно превышает известные нам размеры городков на Сунже и расположено в местности, не игравшей существенной роли в стратегических замыслах кабардинцев XVI в., в стороне от основных дорог того времени, культурный же слой его крайне скуден (менее 20 см).

О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ГРЕБЕНСКИМИ КАЗАКАМИ ЛЕВОГО БЕРЕГА ТЕРЕКА¹

Ранняя история гребенских казаков изучена недостаточно. Фактически не выявлено и местонахождение гребенцов до 1712 г., т. е. до того времени, когда гребенские городки и станицы, бесспорно, располагались уже на левом берегу Терека.

Часть историков локализует гребенских казаков в XVI–XVII вв. в междуречье Терека и Сунжи, на склонах Терского хребта². Другие же исследователи полагают, что гребенцы с 20-х гг. XVI в. обосновались южнее — на правом берегу Сунжи, у ее нижних притоков, откуда не позднее последней четверти XVI в. переселились к Терскому хребту³.

В последние годы нами была предпринята попытка уточнить место первоначального расселения гребенских казаков⁴. Первые десятилетия их пребывания на Северном Кавказе мы связываем с лесистыми районами к югу от Сунжи и с северными отрогами Черных гор Ичкерии (Юго-Восточной Чечни), где они жили между чеченцами. Затем (60–70-х гг. XVI в.) основной контингент гребенского казачества переселился на север, к Терку, образовав гребенское казачье войско.

Первое документальное известие о появлении русских казаков на Тереке относится к 60-м годам XVI в.⁵ Однако до 30-х гг. следующего столетия точная локализация мест их поселений затруднительна. Бесспорно, лишь присутствие казаков в восточной части Терско-Сунженского междуречья, где они несли охрану «Османовой дороги» — важной по тем временам военно-торговой артерии, выполнявшей роль дозоров и «застав» на подступах к Сунженским городкам, располагавшимся у слияния Терека и Сунжи⁶. Однако точных сведений о местонахождении их поселений во второй половине XVI в. нет⁷. Это тем более странно, что район междуречья Терека и Сунжи уже в то время был хорошо известен русским. Здесь с 1567 г. строились первые «государевы городки»; с 1586 г. проходили маршруты частых московских посольств в Грузию и обратно. Весь район находился под пристальным наблюдением воевод Терского города, поставленного на Тюменке в 1588 г. Источники показывают хорошую осведомленность русских дипломатов, военачальников, воевод об этом крае. В документах упоминаются, а иногда подробно описываются местные дороги, «государевы городки», горские «кабаки» (селения), урочища, реки, «колодези» (источники), старинные заброшенные городища, многочисленные «перелазы и перевозки». Но в этом обилии сведений ни разу не названы ни гребенские станицы, ни казачьи городки, и в них нет даже намека на то, что гребенцы оседло жили в этом районе.

Казус этот трудно объяснить, но можно допустить, что активные действия казаков в восточной части Терско-Сунженского междуречья не могут сами по себе служить доказательством их здешней «черты оседлости». Область несения «служб» у гребенских казаков была шире, чем район их расселения. Вероятно, городки находились где-то поблизости. И в этом смысле локализация городков (если не всех, то большинства) на левом берегу Терека, связанном с междуречьем несколькими бродами, хорошо известными по источникам XVI–XVII вв., представляется вполне логичной. Но и только.

Более подробны и конкретны документальные данные XVII в., в которых появляются и сведения о расположении городов. 1614 г. датировано, например, сообщение о приезде в Терский город «из Гребеней с Теплые реки атамана казачьего Якова Иванова Гусевского» с вестями о событиях, служивших на его глазах «в казачьем городке у атамана Овдокима у Мещеряка»⁸. В данном контексте «Гребени» — это Терский хребет, а «Теплая река» — горячие ключи в окрестностях современной станицы Горячеисточненской, часто упоминаемые в документах XVI–XVII вв. Следовательно, казачий городок атамана Мещерякова располагался на правобережье Терека.

1 Соавтор Т.С. Магомадова.

2 Дебу И. О кавказской линии. СПб., 1829; Шавхелишвили А. И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // ИЧИРКМ, вып. 10. Грозный, 1961; Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // СЭ, 1961, № 1; Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XIX) // ИЧИНИЯЛ, т. III, вып. 1. Грозный, 1963; Катаева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

3 Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; Потто В. Два века терского казачества. СПб., 1903; Лаудаев У. Чеченское племя / У ССКГ. Тифлис, 1872; Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // ИСОНИИ. т. XII. Дзауджикау, 1948; Заседателева Л. Б. К истории формирования терского казачества // Вестник МГУ, 1963, №3; Её же. Терские казаки. М., 1974.

4 Магомадова Т. По следам легенд // Аргун. Грозный, 1970, №2; Её же. Городище Джигиби-гала // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // СЭ, 1972, № 3.

5 См.: ЦГАДА. ф. Сношения России с ногайскими татарами, кн. 6, л. 145 об.

6 См.: Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Где стояли Сунженские городки? // ВИ, 1972, №7, с. 205–208.

7 См.: Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 59–61, 243–244.

8 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578–1613 гг. // Чтения ОИДР, 1888, кн. III, с. 541.

Сведения об «острожках» гребенских казаков, якобы виденных ими на возвышенностях Терского хребта, приписываются минералогам С. Фритшу и И. Герольду, посланным в 1628 г. на Северный Кавказ для поисков серебряной и медной руды⁹. Это, однако, ошибка: оробев «из-за добре страшного пути», рудознатцы не выезжали далее Терского города¹⁰, и в их сообщениях гребенские казаки вовсе не упоминаются¹¹. Данные о них содержатся в документах, основанных на «распросных речах» кабардинского мурзы Каншова и связанных с миссией Фритша и Герольда. Здесь неоднократно упоминаются казаки, которые «живут в гребенях» и «кочуют меж того места, где острог поставят (Сунженский острог на правом берегу Терека. — *Авт.*) и Ибакмурзиных детей кабаков (один из районов Малой Кабарды. — *Авт.*)»¹². Содержание документов не оставляет сомнений в том, что в них речь идет о терском правобережье и Терском хребте. Впрочем, отсутствие упоминаний о самих «городках» и необычный для характеристики казаков термин «кочуют» вызывают сомнения относительно того, что конкретно подразумевается в документах — места постоянного жительства гребенцов или временного их пребывания здесь для выполнения хозяйственных или военных нужд.

Более определенные сведения содержатся в статейном описке посольства Н. М. Толочанова и А. И. Иевлева (1651 г.)¹³. На обратном пути из Имеретии в Терский городок это посольство, двигаясь от «реки Курпы» по правому берегу Терека, прошло мимо «казачьих городков», до того как «перелезло» на левый берег реки.

Как видим, наличие казачьего населения собственно «в Гребенях», т. е. в районе Терского хребта, протянувшегося в междуречье Терека и Сунжи, вполне очевидно. Были здесь и городки гребенцов (как правило, не сохранившие собственных названий). Следовательно, сохраняющаяся традиция локализации гребенских казаков в XVII в. на правом берегу Терека имеет основания¹⁴. Но исчерпывается ли ею вопрос? Обращение к документам доказывает, что нет, ибо содержащиеся в них сведения указывают на левобережье Терека как на район массового обитания гребенцов с 30-х гг. XVI в.

Обратимся к источникам, прежде оставшимся в тени при локализации гребенцов¹⁵.

В 1637 г., после 34-летнего перерыва, из Москвы в Грузию было направлено посольство Ф. Ф. Волконского и А. И. Хватова. В мае 1638 г. оно двинулось от Терского города к Дарьяльскому проходу. Выйдя в путь 4 мая, послы «мая в 9 день пришли на реку Терек под городок атамана Сергея Досаева». Здесь они простояли три дня и «мая в 13 день послы реку Терек перевезлися», направляясь к Мундаровым кабакам, что стояли близ устья Дарьяля. Совершенно ясно, что городок казачьего атамана Сергея Досаева находился на северном, левом берегу Терека у одного из «перевозов», которым воспользовались послы.

В этот раз посольству не удалось достичь Грузии, и оно вернулось в Терский город. Вторая попытка была предпринята в июле. Выйдя «с Терека» 19 июля, послы 24-го пришли «на реку на Терек» и стали «выше казачья городка атамана Богдана Парамонова». На следующий день они «перевезлись, реку Терек»¹⁶. Следовательно, и этот казачий городок был на левом берегу реки.

Через 7 лет в челобитной кабардинского мурзы К. П. Черкасского упоминается «казачий городок Науры», расположенный в одноименном урочище близ реки Терек¹⁷. Урочище Наур (Науры) неоднократно встречается в документах начиная с 1642 г.¹⁸ При этом оказывается, что оно, находясь на так называемой Кабардинской дороге, располагалось по соседству с урочищем Мекень, вверх по течению

9 См. Попко И. Указ. соч., с. 53; Потто В. А. Указ. соч., с. 66; Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 18. и др.

10 Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 301–302; Калоев Б. А. Историко-этнографический очерк Садонских рудников (по начало XX в.) // ИСОНИИ, т. XXI, вып. 1. Орджоникидзе, 1958, с. 93.

11 См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв., т. 1. М., 1957, с. 113–127.

12 См. там же, с. 114–123.

13 См.: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652 гг. Документы издал и введением снабдил М. А. Полиевктов. Тифлис, 1926.

14 Эта традиция опирается отчасти и на карту Северного Кавказа 1719 г., на которой городки гребенских казаков обозначены на правом берегу Терека (ЦГАДА ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. 2, сл. 37 об., 38; Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв., т. 1, вклейка между с. 388–389). Тщательный анализ содержания карты, однако, позволяет отнести данную информацию к числу ошибок автора-составителя, которыми грешит карта вне изображения кабардино-адыгских земель (подробно см. Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Первая русская карта Северного Кавказа // ВИ, 1975, № 6). Здесь лишь отметим, что к 1719 г. все казачьи станицы стояли на левом берегу Терека).

15 Справедливости ради укажем, что Е. Н. Кушева давно склонялась к тому, что городки гребенских казаков в XVII в. располагались «и на правом и на левом берегах реки» Терека (КТО, т. 1, с. 398). Отметим также, что в архиве Чечено-Ингушского краеведческого музея находится карта «Расселение чечено-ингушских обществ и освоение плоскости в XVI–XVIII веках» (автор Х. А. Хизриев). На ней, кроме станиц XVIII в., на левом берегу Терека обозначены два казачьих городка 1638 г. (атаманов Парамонова и Досаева) и четыре городка 1651 г. (Нижний Черленой, Шевелев, Ишшерской, Оскин).

16 Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937, с. 233.

17 Там же, с. 247.

18 КРО. т. I. с. 256.

Терека «от казачья городка Верхней Черленой», на северной (ногайской) стороне реки и от него вела прямая дорога к реке Куре. Значит, Наурский казачий городок был также на левом берегу Терека (в районе существующих до сих пор казачьих станиц Наурской и Мекенской).

Группу гребенских городков называет один из документов 1691 г., в котором описывается месторасположение только что восстановленного Сунженского государева острога. Его укрепления, как известно, были срублены на правом берегу Терека в месте впадения в него Сунжи. Находясь на восточной оконечности мыса, образованного Терекон и Сунжей и защищенный руслами этих рек, Сунженский острог был прикрыт с запада деревянной стеной («стоячим острожком»), протянувшейся «от Терка-реки и Суншинского лесу». С северной (левобережной) стороны Терека острог был укреплен цепью гребенских городков: «Да против стоялово же острогу за Терком-рекою казачей Оскин-городок, от стоялого острогу с полверсты, а казаков в нем живет человек с 30. Да на той же стороне по Терку-реке казачьи городки, городок Ишщерской от острогу в 2 верстах, а в «ем казаков 25 человек, Шевелев-городок, от острогу в 3 верстах, а в нем казаков 20 человек, да Нижний Черленой-городок, от острогу в 5 верстах, а в нем казаков живет 35 человек»¹⁹. Эти казачьи городки контролировали важные броды через Терек к Сунженскому острогу. Их военно-стратегическая роль хорошо показана в челобитной кн. М. С. Черкасского, датируемой ноябрем 1651 г. Рассказывая об отражении набега «кумытцких мурз и владельцев и шаховых ратных людей», перешедших Терек в низовьях и двигавшихся вверх по левому берегу реки, князь пишет: «А я... з детишками своими... и с уздени своими от них ушол и стал против твоего государева Суншенского острогу на Терке-реке меж казачьих городков на перелазе, чтоб тех воинских людей к твоему государеву Суяшинскому острогу не перепустити, и кумытцких и кизылбашских ратных людей прогнали и побили и многих переранили». «Погромя врагов», князь «з гребенскими атаманы и казаки из-за Терка-реки перешол к... государеву Суншинскому острогу...»²⁰.

В другой группе гребенских городков, располагавшихся выше по Тереку, в районе современной станицы Червлённой, центральным, очевидно, был Верхний Черленой²¹. Во всяком случае, в упомянутой челобитной М. С. Черкасского «казачьи городки Верхнево Черленово» представлены во множественном числе (не среди них ли нужно искать городки атаманов Досая и Парамонова?). Они, как явствует из документа, охраняли другой важный брод через Терек — «на урочище на Добринском» и также располагались на левом берегу реки²².

В 1653 г. русская администрация Астрахани и Терков заинтересовалась виноградарством и виноделием гребенцов. Из проведенных опросов выяснилось, что «виноградного кустья добре много» около Сунженского острога, но более всего «в казачьих городках от Терского города в верстах полторасте». Астраханским виноделам было указано «сделать виноградного питья, на опыт, сколько доведется» из винограда, что растёт «около казачьих городков». К Сунженскому же острогу переправляться им «не было велено, чтоб кумытцкие воинские люди над государевыми людьми какого дурна не учинили»²³. Это ещё один довод в пользу левобережной локализации гребенских казачьих городков, сохранившихся на северной стороне Терека после разгрома Сунженского острога в 1653 г. и отделенных рекою от недружелюбно настроенных «кумытцких ратей».

В XVII в. упоминаются и другие казачьи городки — Медвежинский, Курдюков, Толстопятое, Нижний²⁴, точная локализация которых, к сожалению, в настоящее время невозможна.

Разумеется, источники донесли до нас далеко не все названия гребенских городков, которых, как можно предположить, было больше, чем это ныне устанавливается. В сохранившихся документах часто речь идет о «многих казачьих городках»²⁵. Но и список выявленных левобережных казачьих поселений достаточно представителен: Наурский, Верхний Черленой, атамана Досая, атамана Парамонова, Нижний Черленой, Шевелев, Ишщерский, Оскин.

Источники конца XVI – первой половины XVII в. определяют численность гребенского казачьего войска в 500 человек. Нам не известна численность казачьих гарнизонов всех левобережных городков. Но в Оокин-городке, как мы знаем, было 30, Ишщерском — 25, Шевелев-городке — 20, Нижне-Черленом — 35 казаков. Не менее 25—30 казаков, вероятно, было и в Наурском городке, ибо, во-первых, он был самым западным (пограничным) и, во-вторых, разгром, учиненный близ него в 1645 г. Канбулату-мурзе и его тяжеловооруженным узденям (они были на лошадях, в панцирях, «шапках мисюрских»),

19 КРО, т. I, с. 304–305.

20 ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. 12, лл. 37 об. – 38.

21 Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв., т. 1. М. 1957, вклейка между с. 388–389, с. 425.

22 Там же, с. 305.

23 Там же, с. 317–318.

24 Там же с. 315. См. также «Русско-дагестанские отношения. Махачкала, 1958, с. 192.

25 КРО. т. I, с. 305, 317, 318, 375 (последний документ датируется 1680 г.).

предполагает значительную численность гарнизона городка. От 20 до 50 казаков, надо думать, было и в других известных нам острожках. Какая-то часть, гребенцов несла постоянную дозорную, караульную и патрульную службу, бывала в разъездах. Другие, наверняка, стерегли свои «юрты» (хозяйственные земли), причем не только на левом, но и на правом берегах Терека. И если учесть все это, то станет ясно: в середине XVII в. значительная, если не большая, часть гребенского войска должна была базироваться на левобережье Терека. Таким образом, несостоятельность бытующей точки зрения, что заселение левого берега Терека гребенскими казаками произошло лишь в 1711–1712 гг. стараниями казанского губернатора П. Н. Апраксина, вполне очевидна. С удовлетворением отмечаем, что в описаниях И. Г. Гербера и А. Ригельмана — первых и наиболее осведомленных знатоков истории гребенцев, собиравших о них материалы в 20–30-х гг. XVIII в также нет и намека на переселение казаков на левый берег Терека в начале столетия. Это событие они относят к значительно более раннему²⁶ времени. Однако полностью отрицать роль Апраксина в истории гребенцов нельзя.

Именно после возглавленного им похода на Северный Кавказ из документов исчезают названия многочисленных небольших гребенских укрепленных городков и появляются известия о пяти крупных гребенских станицах — Курдюковской, Старогладковской, Новогладковской, Щедринской, Червленной. Все они располагались в том районе левобережья Терека, речь о котором шла выше. И не в этом ли все дело? Казанский губернатор мог сосредоточить население разрозненных, а потому малочисленных и слабых казачьих городков обоих берегов Терека в пяти больших станицах, которые вместе с цепью казачьих постов вдоль Терека составили важное звено создаваемой Кавказской укрепленной линии.

Впервые опубликовано:

История СССР, 1975, № 6, с. 160–164.

26 См. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315, сл. 1–88 (См. также сб. «История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.»); Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846, с. 138–140.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Эта уникальная карта была обнаружена среди бумаг «Кабардинских дел 1719 года»² и опубликована в первом сборнике «Кабардино русские отношения», посвященном событиям XVI – 80-х годов XVII века. Может быть, именно поэтому комментарий к ней скуп до предела: «Первая обнаруженная русская карта Северного Кавказа была составлена в 1719 году»³. Некоторые данные этой карты, касающиеся расселения западно-адыгских племен, использовала Е.Н. Кушева⁴. В дальнейшем карта не подвергалась специальному источниковедческому анализу. Попытаемся выяснить содержание карты, условия ее создания, а также имя автора.

По характеру исполнения карта является скорее чертежом-схемой, хотя и подробным, но все же лишенным таких обязательных для первой половины XVIII в. атрибутов собственно карт, как заглавие, «компасные розы», масштаб, «соблюдение пропорций» в графической подаче всей изображаемой территории, а не только тех ее районов, которые интересуют автора⁵. Своеобразно и «Описание», помещенное в углу чертежа: оно содержит не условные обозначения или уточнение тех или иных «узловых» населенных пунктов (как это было принято)⁶, а сведения о расстоянии между ними, измеряемых «днями пути». Линии рек, морей выполнены небрежно и уж во всяком случае лишены профессиональной картографической четкости.

Примечательно и содержание чертежа. Оно доказывает прежде всего, что составитель его имел крайне смутное представление об областях, лежащих к югу от Кавказского хребта. «Персидская земля» (Иран), «Земля Турецкая» (Турция), «Грузия» лишены у него каких бы то ни было картографических характеристик и представлены лишь названиями. Бросаются в глаза и вопиющие ошибки: «Горы арацкие» обозначены на карте в западном Закавказье, к северо-западу от «Грузии», и именно от них начинается течение «реки Кубани», которая пересекает меридианально весь Кавказский хребет. Апшеронский же полуостров автор принял за поворот южного берега Каспийского моря и уверенно очертил южную границу Каспия от известного ему города «Дербень» (Дербент) по направлению к востоку.

Значительно больше осведомлен составитель о Северном Кавказе, где нанесены гидрографическая сеть, рельеф (горы делаются способом «кротвин», то есть в виде холмиков, изображенных в профиль и загущенных с одной стороны), населенные пункты, дороги, название этнических групп и т.п. Однако и тут по степени полноты и точности топографического материала различные части изображаемого пространства выполнены неодинаково. Низовья Волги, Кубани, Дона, предкавказские степи, территория Дагестана и правобережья Терека даны схематично и выглядят на карте крайне пустынно. Их изображение несет минимум графической и словесной информации, чаще всего прямо связанной с «путеводными» задачами «Описания» к чертежу. К тому же автор допускает грубые погрешности и существенные ошибки. Так, город «Черкасс» (Чаркасс) помещен им на левом берегу Дона, хотя в действительности он располагался на правом⁷. Устье Кубани, состоящее из двух рукавов, впадает в середину восточного побережья Азовского моря (на самом деле один из рукавов реки впадал в Черное море, а другой — в южный угол Азовского моря в районе Таманского полуострова). Чеченцы помещены в горах близ Грузии, между истоками Терека и Сунжи (устье последней, кстати, изображено рядом с устьем Малки, хотя между ними расстояние более 100 верст⁸), что не верно, ибо «чеченцы» в источниках и на картах первой половины XVIII в. — это жители округа аула Большой Чечень, расположенного в низовьях правого притока Сунжи — реки Аргуна⁹. На правом берегу Терека с обеих сторон устья Сунжи обозначены на карте городки «Гребенских казаков», истинное местонахождение которых на левом берегу реки неоспоримо с 1712 г. и многократно засвидетельствовано источниками первой половины XVIII века¹⁰. Перечень неточностей и ошибок можно продолжить. Он доказывает

1 Соавтор Т.С. Магомадова.

2 ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. 12, лл. 37 об. – 38.

3 Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв., т. 1. М., 1957, вклейка между с. 388–389, с. 425.

4 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII веках. М. 1963, с. 138–141. Пользуемся случаем выразить благодарность Е.Н. Кушевой за ценные советы, которые помогли нам в работе над интерпретацией карты.

5 Салищев К.А. Основы картоведения. М., 1948.

6 См. например: Карта Большой и Малой Кабарды 1744 г. (Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв., т. 1. М., 1957, с. 114–115); Карты реки Терки и по части Малой Кабарды и Грузии 1733 г. (Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, с. 118).

7 См., например, план и карту Черкасса, составленные А. Ригельманом в середине XVIII в. (Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846).

8 «Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв.», т. I, с. 387–388.

9 См. названные выше карты 1733 и 1744 гг., а также: Гамрекели В.Н. Указ. соч., с. 106 и сл.; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография, 1972, №3, с. 39 и др.

10 См. также: Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829, с. 54; Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880, с. V; Потто В.А.

приблизительность знаний автора или его небрежное отношение к оформлению периферии некоего основного для составителя района.

Таковым оказывается район Северного Кавказа, населенный адыгами. Здесь, как бы составляя фокус карты, четко обозначены владения Кабарды и «Вольных черкесов», пересеченные многочисленными реками (Терек, Баксан, «Малхъ» (Малка), Кума с Подкумком, Кубань, Лаба), названия которых тщательно засвидетельствованы. Тут обозначены пять гор «Бестова» (Бештау, Пятигорье) и «Теплые воды» среди них. Между средним течением Кубани и Черным морем карту густо заполняют изображения селений «Бесли» (бесленеевцев), «атукаев» (натухаевцев), «темиргоев» (темиргоевцев), «женов» (женевцев), «хетуге» (хатукаевцев) и «задух» (бжедухов) — западно-адыгских племен, близко родственных кабардинцам. Именно тут, в районе «Бестова» (Пятигорья), сливаются пунктирные обозначения тех путей, что даны в «Описании», и эта единая «дорога» ведет от «Бестова» на левый берег низовой Кубани, к селениям неких «кубанцев». Есть здесь и иная (менее важная для нас), старательно поданная картографическая информация, связанная с обозначением горских соседей Кабарды и «Вольных черкесов». Все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что автор был человеком, исключительно осведомленным в делах именно кабардино-черкесского мира¹¹ и озабоченным какими-то вполне конкретными задачами при составлении своей карты-путеводителя и дополняющего ее «Описания».

Чем же могло быть вызвано появление карты?

Первые десятилетия XVIII в. были особенно тревожными в истории кабардинцев, черкесов, адыгейцев. Над ними нависла угроза порабощения со стороны Турции и вассального ей Крыма¹². Яростный военно-политический нажим на адыгов (общее название этих народов) предпринял в те годы Бахты-Гирей — кубанский сераскир (турецкий правитель населения низовой Кубани). Многочисленные челобитные Петру I, направляемые кабардинцами, придерживавшимися устойчивой пророссийской ориентации, полны сведений о том, что «Крым... и все кубанцы... согласились на нас ехать, хотят нас всех вырубить и в полон взять», что «они издавна на нас злобились, а ныне и наипаче нас хотят разорить и погубить, что мы поддались служить вам, великому государю христианскому, и на них ходили войной, и в том вельми нас ставят пуще прежнего недругами», что «ежили нам помочи и соблюдение не будет от великого государя, без меры нам будет трудно» и т.д. и т.п.¹³. Серьезную опасность, нависшую над земляками, отлично сознавал и князь А.Б. Черкасский — сподвижник Петра I, постоянный представитель интересов Кабарды перед русской администрацией¹⁴. В 1711 г. он был направлен царем в Кабарду для организации совместного русско-кабардинского похода против закубанских татар («кубанцев»). Поход состоялся, но был не особенно удачен и привел лишь к обострению обстановки. В 1714 г. А.Б. Черкасский подготовил правительству «доношение»¹⁵, в котором настойчиво предлагал организовать большой поход русских войск и казаков против турецко-крымских сил в закубанье, гарантируя безоговорочную помощь со стороны кабардинцев, «горских черкесов» и родственных им адыгских племен. Об этом же настойчиво просили и ведущие князья Большой Кабарды. Каждое последующее письмо от них было тревожнее предыдущего¹⁶.

Обстановка особенно накалилась к 1718 году. И вот тогда-то в Москву спешит полномочный посол кабардинских князей Султан-Али Эшев (Абашеев). Он не только везет обычное письмо («лист») от своих патронов, но и наделен правом личных «словесных доношений»¹⁷. Султан-Али полностью использует предоставленные ему полномочия и весной 1718 г. в Посольском приказе, бегло ответив на ряд вопросов, обстоятельно докладывает подробный, продуманный в деталях план совместного русско-кабардинского похода на Бахты-Гирея. Этот план в записи московских подьячих тождествен той информации, которая заложена в исследуемой карте. Султан-Али (как и А.Б. Черкасский) выступает от имени группы князей Большой Кабарды¹⁸. В «фокусе» карты также изображена Кабарда, лежащая к западу от меридионального течения Терека, то есть именно и только Большая Кабарда (Малая Кабарда располагалась на правом берегу Терека). Султан-Али предлагает «на Кубань напасть и разо-

Два века терского казачества, т. 1. Владикавказ, 1912, с. 103; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР, 1975, №6.

11 Подобная односторонняя заинтересованность, точность только определенной информации в данном случае говорит об этнической принадлежности автора, подобно тому, как «наиболее совершенные изображения территории Картлийского, Кахетинского и Имеретинского царств» на фоне схематических, а нередко и изобилующих ошибками частей карт прочих районов Кавказа недвусмысленно свидетельствуют о национальности Вахушти Багратиони, создавшего свои атласы в 30-х годах XVIII в. (см.: Маруашвили Л.И. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. М., 1956, с. 98–103).

12 См.: «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, с. 140–143; «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1. Ставрополь, 1967, с. 263–269.

13 «Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв.», т. 2. М., 1957, с. 4–14.

14 Вилинбахов В.Б. Александр Черкасский — сподвижник Петра I. Нальчик, 1966.

15 «Полное собрание законов Российской империи», т. 5. СПб., 1873, №2815.

16 Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв., т. 2. М., 1957, с. 15–17.

17 Там же, с. 17–20.

18 Там же, с. 58.

речь», «на Бахты-Гирея, и на войско его, и на юрты напасть и по возможности разорить». Основная цель карты — обозначить «дорогу», ведущую в глубь владений Бахты-Гирея, к селениям «кубанцев».

Кабардинский посол призывал объединить силы «Черкасских и Кабардинских войск» с «донскими казаками или иными российскими войсками». Он предостерегал, что в противном случае «Бахты-Гирей Салтан готовится ехать под казачьи городки, а именно под Черкасское» (то есть к низовьям Дона). «Описание» же к карте содержит расчет расстояний «до Кубани», «до закубанских жителей» от Дона («от Черкасса»), от Астрахани, от Терков, от гребенских казаков, от Кабарды, от «Вольных черкесов», то есть практически от всех пунктов возможного размещения войск, выступающих в поход. Султан-Али считает, что отрядам «соединится надобно у Кумы реки, у места Бестова». На карте именно в районе «Бестова» на Куме пути вероятного продвижения войск, обозначенные пунктиром (из Астрахани, из Терков и мимо городков гребенских казаков, из Большой Кабарды), сливаются в одну общую «дорогу» за Кубань.

Со слов посланца Кабарды в Посольском приказе было записано: «Позади Кабарды есть 6 городков, в которых живут черкесы ж иного языка; и из тех в Хатукае да в Жаду жителем он, Бахты-Гирей, отчасти верит». На карте по именам названы шесть западно-адыгских племен и обозначены селения их, причем «хетуге» (хатукай) и «задух» («жду» — бжедухи) оказываются непосредственными соседями враждебных «кубанцев», что и определяло, очевидно, их некоторую зависимость, объясняющую частичное «доверие» к ним Бахты-Гирея.

Эти аналогии между текстом «расспросных речей» Султан-Али и содержанием карты слишком существенны, чтобы считать их случайными. Можно предполагать, что карта-чертеж Северного Кавказа служила графической иллюстрацией плана похода, задуманного и давно уже вынашиваемого князьями Большой Кабарды. В дипломатической практике тех лет достаточно часты были случаи, когда послы или высокие гости из союзных стран, кроме устных или письменных разъяснений, подготавливали и самодельные карты-схемы. Так поступили, например, в Москве грузинский царь Вахтанг VI в 1725 г. и грузинские послы в 1733 г.¹⁹. Известно, что в изданной в Париже Г. Делилем (1722 г.) карте стран, прилегающих к каспийскому морю, были использованы картографические материалы грузинского князя Сулхан-Сабы Орбелиани, побывавшего во Франции, и «господ Крузиуса, Зурабека и Фабрициуса — послов при персидском дворе», выполненные собственноручно²⁰. Поэтому подобный шаг кабардинского посланца был по тем временам логичен.

Но мог ли Султан-Али Эшев нарисовать такую карту? Или информация его «расспросных речей» легла на некую контурную карту Кавказа, подготовленную в Посольском приказе?

Если сравнить известный картографический материал рубежа XVII–XVIII вв., относящийся к изображению Кавказа, Каспийского и Черного морей, с рассматриваемой картой, то обнаруживается весьма существенные отличия объектов сопоставления. Так, изображение Каспийского моря (в частности, вошедших в карту 1719 г. его северного и западного берегов) не соответствует ни одной из предшествующих русских и западноевропейских карт (С. Ремезова 1697 г., Г. Делиля 1706 г., Е. Майера-Оттенса 1703–1722 гг., А.Б. Черкаского 1715 г., В.А. Урусова и А. Кожина 1718 г.)²¹. В сущности, изображенная часть берега Каспия представляет собой самую общую схему, лишенную каких бы то ни было подлинных примет (заливы, полуострова и т.д.). Бассейн Каспия лишь отдаленно, общим абрисом (утадываемым по вошедшей в карту части и приближающимся к форме неправильного квадрата) напоминает контуры карты Г. Делиля 1706 года. Но дальше этого сходство не идет. План Черного и Азовского морей ближе к реальности и к ее фиксации в хронологически предшествовавших картах (И. Массы 1633 г., Н. Витсена 1687 г., Г. Делиля 1706 г. и др.)²². Но и здесь до тождества далеко: заметно искажены изображения Таманского полуострова, дельты Кубани, а кавказское побережье дано «условно-волнистой» линией, совершенно лишенной тех чрезмерно извилистых очертаний, которые составляют особенность изображения берегов Черного моря в картографии XVII — первой половины XVIII века.

Грубым отступлением от истины и официальной картографии эпохи является неумелое в композиционном отношении размещение земель Северного Кавказа. Территория Предкавказья значительно преувеличена, а цепь Кавказских гор оказалась смещенной далеко к югу и протянулась между южными оконечностями Каспийского и Черного морей. Ничего подобного нет ни на известных нам картах начала XVIII в., ни на чуть более поздних картах, построенных на информации тех же лет (Г. Делиля 1722 г.,

19 Гамрекели В.Н. Указ соч., с. 105–106, 119–120.

20 Маруашвили Л.И. Указ. соч., с. 21–22; Барамидзе Р. Страницы одной дипломатической миссии // Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. Тбилиси, 1969, с. 124–126.

21 Баулов Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912; Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря // Известия АН СССР. Серия географическая и геофизическая. 1940, №2; Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964, с. 63–91.

22 «Материалы по истории русской картографии». Вып. I. Киев, 1899; Маруашвили Л.И. Указ. соч., с. 98–99; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. М., 1974, с. 54–108.

И. Мутафарика 1732 г.)²³. Таким образом, нет оснований считать, что исследуемая карта скопирована с какой-либо другой известной карты. Она представляется весьма приблизительным наброском контуров Кавказа и прилегающих к нему с севера степей, сделанным человеком, имеющим представление о картографии и знакомым с соответствующими картами. Но он не был, очевидно, профессионалом, и потребность создания собственноручной схемы диктовалась ему конкретной практической необходимостью. В связи с этим целесообразно вновь вернуться к личности Султан-Али Эшева.

Признание (или хотя бы допущение) его авторства подразумевает, что кабардинский посланец знал русскую грамоту и, главное, был знаком с азами картографии. Не слишком ли много для горского узденя, пусть даже и посланного в Москву с соответствующим поручением? Сомнения на этот счет исчезнут, если учесть, кем же был Султан-Али. Оказывается, он не только доверенное лицо князей Большой Кабарды, но и близкий к А.Б. Черкасскому человек. В августе 1717 г., в разгар Хивинского похода и за несколько дней до своей гибели князь отослал Султан-Али из своей свиты в Кабарду, делами которой он всегда был озабочен. Князь поручил на этот раз Султан-Али разведку «рудных мест» на Северном Кавказе²⁴. Поручение было блестяще выполнено: в горах, в дне езды от Кабарды, Султан-Али обнаружил четыре месторождения железной, серебряной и свинцовой руд, продемонстрировав недюжинные способности «рудознатца», ответственно подошедшего к данному ему заданию²⁵. Когда спустя полгода кабардинские князья посылали Султан-Али в Москву с проектом похода на Кубань, они сочли нужным в своем письме подчеркнуть: «И он, Султан-Али, сын Эшева, от младенчества при своего при князе Александре Бековиче пребывал, много вам служил, и он вам никогда не изменит. И мы словам его верим, и ныне ево ж определили посланцем и послали ево и во всех наших делах вам донести ему приказали и поверили»²⁶.

Значит, Султан-Али с детства находился при князе Черкасском и, следовательно, почти всю жизнь прожил в России. Он, очевидно, умел не только говорить, но и писать по-русски. Весьма вероятно, что он сопровождал князя А.Б. Черкасского и в его поездке в Западную Европу для изучения «навигационного искусства», включавшего и навыки картографии. А.Б. Черкасский стал высококвалифицированным мореходом и картографом. Именно ему принадлежит честь создания первой научной карты восточного берега Каспийского моря, которую он выполнил во время специальной экспедиции 1714–1715 годов²⁷. В период с 1711 по 1715 г. он неоднократно ездил в Кабарду, пересекая почти весь Северный Кавказ. Согласно письму кабардинских князей от 5 декабря 1717 г., его сопровождал («между нами бывал и ездил») и Султан-Али. Еще в 1711 г. Султан-Али ездил в Москву послом от А.Б. Черкасского с известием о победе над теми же закубанскими татарами, к походу на которых он призывает и в 1718 году²⁸.

Рассматриваемая карта, как уже упомянуто выше, была найдена среди «Кабардинских дел 1719 года», тогда как «расспросные речи» Султан-Али были записаны весной 1718 года. Однако в этих фактах нет непреодолимого противоречия. Известно, что, покинув Москву 14 мая 1718 г., Султан-Али был задержан в Терках до марта 1719 года. Вероятно, чертеж был выполнен именно там (в развитие идей высказанных в Москве) и передан в Посольский приказ с очередным кабардинским посольством (январь 1719 г.), вновь спешившим к Петру I с известием «о готовящемся нападении кубанцев, ногайцев и крымцев и с просьбой о помощи». Видимо, не случайно карта соседствует в фонде с «Решением Коллегии иностранных дел об отпуске в Кабарду с ценными подарками кабардинского посла Султан-Али, задержанного в Терках из-за соглашения некоторых кабардинских князей с султаном Бахты-Гиреем», принятом в феврале 1719 года²⁹.

Последующие годы дипломатическая и военная активность вокруг кабардино-закубанско-крымских отношений не утихла³⁰, но большой совместный поход, о котором хлопотал Султан-Али, так и не состоялся. С 1718 г. Россия готовилась к Персидскому походу и не могла распылять свои силы. В посольском архиве осталась без употребления карта 1719 года. И все же она сослужила службу как документальный источник о расселении и политическом положении адыгских племен. К тому же это — первая сохранившаяся карта Северного Кавказа на русском языке.

Впервые опубликовано: Вопросы истории, 1976, №6, с. 199–203.

23 См.: G. Delisle. Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre. Histoire de l'Académie royale des sciences. Année 1720. Avec les mémoires de mathématique et de physique. P. 1722, pp. 365–384; Крачковский Ю. Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии. Тюркологический сборник, т. 1. М.; Л., 1951.

24 «Кабардино-русские отношения», т. 2, с. 18.

25 Любопытно, что А.Б. Черкасский в своем проекте 1714 г. о присоединении Северного Кавказа к России, особое внимание уделял разработке различных руд в местных горах, суля от них «прибыток немалый» государству Российскому (ПСЗ Российской империи, т. 5. №2815, с. 108–110.)

26 «Кабардино-русские отношения», т. 2, с. 17.

27 Княжецкая Е.А. Указ. соч., с. 14–91.

28 «Кабардино-русские отношения», т. 2, с. 5, 6, 17.

29 Там же, с. 20–22.

30 Там же, с. 22–35.

ИНОСТРАННЫЕ АВТОРЫ XVI–XVIII ВЕКОВ О РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Проблема взаимоотношений России и народов Северного Кавказа — одна из важных в изучении становления многонационального Российского государства. Она является предметом пристального внимания специалистов, раскрывая новые грани перед исследователями¹. Особое место в ней принадлежит тому переломному этапу в истории народов Северного Кавказа, который хронологически может быть обозначен серединой XVI — третьей четвертью XVIII в., то есть временем, отмеченным на Кавказе ожесточением турецко-персидского противоборства и последовательным утверждением влияния России, что привело в конце XVIII в. к вхождению большинства местного населения в состав Российского государства.

Разумеется, основу трактовки поставленной проблемы дают русские и кавказские источники, изданные и исследованные в недавние годы Е.Н. Кушевой, М.М. Блиевым, В.Н. Гамрекели и др. Однако они не исчерпывают исходного фонда письменных свидетельств. В частности, все еще остаются малодоступными широкому кругу читателей и далеко не в достаточной мере используются в работах по отечественной истории сочинения иностранных авторов, осведомленных о положении дел на Северном Кавказе. Предлагаемое сообщение имеет целью предпринять анализ соответствующих, доступных автору свидетельств.

По верному наблюдению В.К. Гарданова, которому мы во многом обязаны заметным расширением источниковой базы по данной проблеме, неуместно всякого иностранца, побывавшего в далекой стране, именовать путешественником². Разными были люди, приезжавшие и на Кавказ; различными были задачи, решавшиеся ими. Крайне редко (особенно в XVI–XVII вв.) это были странники, которыми руководили любознательность, познавательный или строго научный интерес. Куда чаще — купцы, дипломаты, миссионеры, военные разведчики, журналисты и т.п. Все они люди наблюдательные, зоркие, склонные к оценке (разумеется, далеко не всегда беспристрастной) того, что происходило вокруг них, о чем они слышали от своих переводчиков, проводников, спутников по вояжам. Знакомясь с их текстами в хронологическом порядке, можно получить картину постепенного расширения международных знаний о Северном Кавказе и его населении, часто покрывавшемся собирательным термином «черкесы». Тем значительнее их понимание проблемы отношения кавказцев к России как альтернативы агрессивной и пагубной турецко-крымской экспансии, охватившей тогда территорию от Тамани до Дербента³.

«Каждый день они бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон... Черкесы спят всегда с броней либо кольчугой под головами, с оружием при себе; как бы внезапно им не случилось подняться, первое их дело — надеть панцирь». Так свидетельствует итальянец Джорджио Интериано, побывавший среди адыгов Северо-Западного Кавказа на рубеже XV–XVI вв.⁴

В 70-х годах XVI в. видный польский дипломат Мартин Броневский, бывая в Крыму, наблюдал рынок работорговли и отметил, что крымский хан предпочитает иметь невольниками черкесов и «пятигорцев» (так в ряде источников именуются кабардинцы)⁵. В те же годы посол турецкого султана Селима II в Крыму требовал ежегодной отправки в Стамбул «черкасских ребят и девок чистых по 300 человек»⁶.

Католический миссионер, доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи в 1634 году подробно повествовал о пагубном участии татарских ханов в кровавых междоусобиях северокавказских феодалов, приводивших к пленению и продаже на чужбину в неволю многих тысяч горцев⁷. В начале XVIII в. француз Абри де ла Мотрэ приводил факты, вскрывающие ужас положения, при котором «черкесы» вынуждены были платить ежегодную дань в размере приблизительно 6000 рабов и столько же лошадей хану и князю ногайцев, чтобы быть обеспеченными как «от татарских набегов из Аккермана и Крыма, так и от ногайцев»⁸. Ему вторят современники — англичанин Джон Кук и итальянец Ксаверио

1 Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 годы) // История СССР, 1977, № 3, с. 158–166.

2 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / составление и редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974, с. 9–11. Первая попытка исследования поставленной в названии данной статьи проблемы предпринята мной в рецензии на указанный сборник (см.: Изв. СКНЦВШ. 1977, № 3, с. 118–119).

3 Наш анализ касается более всего Северо-Западного и Центрального Предкавказья, а также округа города Терки, а специфическое положение в Дагестане требует особого разговора.

4 Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Веселовский А. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. — Записки Русского географического общества. СПб., 1869, т. 2, с. 733–734.

5 Броневский Мартин. Описание Татари // Адыги..., с. 53–54.

6 Опышко О.Л. По тропам истории. Нальчик, 1976, с. 82.

7 Описание Черного моря и Татари. Составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татари и проч., 1634 // Адыги..., с. 63–64.

8 Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Адыги..., с. 123–134.

Главани, сообщая, как крымские ханы и турки постоянно подогревают феодальные распри горских верхов, совершают набеги и налагают огромные дани рабами и рабынями⁹. В середине XVIII в. немец Карл Пейсонель подчеркивал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна... Наибольший спрос существует на черкесов...» — и вновь акцентировал: «Черкесы платят татарскому хану дань в виде определенного количества рабов, которых этот князь не только отправляет в Константинополь великому султану и чиновникам Порты, но которых дарит также своим приближенным и тем турецким чиновникам, которые приезжают к его двору с поручениями от Оттоманского министерства»¹⁰.

Подобные многократные констатации позволяют оценить жуткий характер выражения зависимости кавказцев от Турции и Крыма. При этом охарактеризованная ситуация затрагивала не только равнинные районы Северного Кавказа, как это может представиться из подборки цитат. Европейские авторы описывали то, что творилось у них на глазах. Но русские и кавказские документы XVI–XVIII вв. повествуют о постоянных набегах и в горные ущелья (особенно центральной части Северного Кавказа), где основной добычей оказывался скот, но также и пленные, предназначенные для продажи в рабство.

Принципиально иными представляли на этом фоне политика России и сами русско-северокавказские отношения. Конечно, и здесь не все складывалось однозначно: роль играло много факторов. И иностранцы XVI–XVIII вв., выступая свидетелями, с различной степенью глубины, точности, а то и честности, отражали сущность подлинных процессов. Были среди них и лица типа вояки-профессионала Ж. Маржерета, который, будучи рыным проводником и выразителем политики «доброго короля Генриха IV», всячески льстил горцам Кавказа, неумеренно восхваляя их военную ловкость не без тайной мысли — настроить против русских, «удостоенных» оценки «самой недоверчивой и подозрительной нации в мире»¹¹. Но бесспорно, что в целом картина вырисовывается достаточно выразительной.

Ранние позиции России на Северном Кавказе были эпизодическими и далеко не всегда поддающимися однозначной оценке. Так, остается загадочным уверенное свидетельство барона Сигизмунда Герберштейна 1513–1526 годов о том, что живущие в «неприступных горах» и «неподвластные ни туркам, ни татарам» черкесы, будучи христианами, «живут по своим законам, согласуются с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском (подчеркнуто нами. — *Авт.*) языке, который у них в употреблении»¹². Если это не отражение обычных в устах европейцев вариаций на конфессиональные темы в связи с черкесами, то не исключено, что источник туманно отразил чрезвычайно важный и реальный факт русско-«черкесского» контакта времени зарождения казачества на Северном Кавказе¹³. Достойны пристального внимания сочинения Павла Иовия и Альберта Кампензе — современников С. Герберштейна и людей, осведомленных в «московитских делах» на южных рубежах России до середины XVI в.¹⁴

Значительно определеннее становится содержание свидетельств после 1557 года — даты вхождения в состав России адыгских народов и установления регулярных и многообразных русско-северокавказских связей.

Еще в 1561 году, т.е. через несколько лет после окончательного появления России на берегах Терека, английский купец и мореплаватель Антоний Дженкинсон, побывав в Москве и на Кавказе, убедился в высоком авторитете «Темрюка, короля черкесов, на дочери которого русский царь (Иван Грозный. — *Авт.*) недавно женился». Он поддержал намерение грузинского царского двора послать послов в Москву именно через владения Темрюка, с тем, чтобы, заручившись его содействием, просить помощи против турок и персов¹⁵. Одновременно с ним немец Генрих Штаден и итальянец Джiovани Тидальди отметили, как почетно принимают в Москве «черкасских татар», как велик доброжелательный интерес к Кавказу и кавказцам («В Московии есть люди, уже умеющие говорить по-черкасски, а черкасский язык особый, своеобразный») ¹⁶.

С этих пор даже те иностранцы, которых не заподозришь в сочувствии политике России, вынуждены отмечать ее определенную положительную роль в северокавказских делах. Упомянувшийся уже д'Асколи связывал спасение от татарских набегов на «Чиркасию» с теми «мерами», которые могут

9 Кук Джон. Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства // Адыги..., с. 177; Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 17. Тифлис, 1893, с. 158–161.

10 Пейсонель Карл. Трактат о торговле на Черном море // Адыги..., с. 187–189.

11 Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. СПб., 1830.

12 Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 159.

13 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // СЭ, № 3, 1972, с. 33 и сл.; Заседатель Л.Б. Терские казаки. М., 1974, с. 182 и сл.

14 Иовий П. Книга о посольстве Василия Великого государя Московского к папе Клименту VII // Приложение к указ. соч. С. Герберштейна, с. 258; Кампензе Альберт. Письмо к папе Клименту VII о делах Московии // БИПР, т. 1. СПб., 1936, с. 25–26.

15 Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937, с. 199.

16 Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, с. 83; Шмурло Е.Ф. Известия Джiovани Тидальди о России времен Ивана Грозного // ЖМНП, т. 5. СПб., 1891, с. 134.

принять «московы... против татар, ибо московский государь весьма могуществен»¹⁷. Возросшую под влиянием России обороноспособность черкесов против татар и ногайцев отметил и Джиовани Лука («С тех пор как они подчинились москвитам, они сделались искуснее в военном деле»). Он же упомянул о том, что священник, живущий в Терках (русский город в устье Терека), эпизодически появляется среди черкесов, «совершая таинство крещения» и достигая своей деятельностью Таманского полуострова¹⁸. Крупный французский коммерсант (никак, кстати сказать, не связанный с Россией) Жан Баптист Тавернье, отражая в своих записках те знания о «черкесах», которыми располагали в Иране, Турции, Ираке и Сирии, упоминал, что «москвиты» «закупают у черкесов шерсть для выделки войлока», определяя этим существенную часть благосостояния края¹⁹. Даже турецкий дипломат, ученый, но также и политический и военный разведчик Эвлия Челеби, не раз бывая на Северном Кавказе в середине XVII в., признавал, что жители причерноморской части Черкесии отнюдь не были надежными вассалами и союзниками Турции; дагестанцы охотнее и чаще торговали с русскими, нежели с персами; жившие к северу от Эльбруса, т. е. вдоль северного склона Главного Кавказского хребта, вообще считают себя «подвластными московскому королю»²⁰.

Особенное внимание в XVII в. уделялось иностранцами всему, что было связано с Терским городом — административным центром России на Северном Кавказе.

Немецкий ученый и дипломат Адам Олеарий, лично бывавший в Терках, так представлял себе прошлое этого района: «Великий царь Московский военною силою покорил здешние народы, населил укрепленные места русскими и предоставил черкесам жить вместе с ними в местечках и деревнях». Он засвидетельствовал, что местные черкесы управляются «князьями и государями собственной своей нации, которые являются присягнувшими вассалами великого царя московского», что, имея свой суд, наиболее «важные судебные разбирательства» обсуждаются «с привлечением русского воеводы» и что «дань» московскому государю не превышает необходимого «для содержания солдат» в Терках. Рассуждая о характере черкесов в связи с мнениями предшественников, Олеарий высказался так: «Черкесы же теперь заметнее мягче и ласковее, может быть, потому, что они живут среди русских христиан и ежедневно общаются с ними... Почти все умеют говорить по-русски»²¹.

Известный голландский государственный деятель Николай Витсен, компилируя разнообразные сведения и перелагая содержание недошедшего до нас сочинения анонимного английского писателя 1679 года, не только подтвердил все эти наблюдения, но и привел конкретные факты, связанные с жизнью черкесов в окружении Петра I, в Москве и Терках, а также и русских людей в прикаспийском городе Тарки — владении кумыкских шамхалов. Он же включил в свое сочинение целый пласт русскоязычной топонимики, бытовавшей в бассейне Терека, на который следует обратить специальное внимание («Шолохоф Кнасс» и «Мендарова Кнасс» — владения князей так называемой Малой Кабарды Шолоха и Мундара и их потомков; «Корача Коллада» — Горячий Колодезь на Терском хребте в районе станицы Горячеисточненской; «Вейстра» — вероятно, искаженное «Бёстро», как в другом месте Витсен именует терскую протоку Быструю; «Снееснагор» — Снежные горы и т. п.)²². Удивляться русским топонимам, отложившимся в памяти европейцев, не приходится, ибо не только сами они, но и турок Эвлия Челеби отметил широкую распространенность русской речи в среде кавказских обитателей берегов Терека.

Много внимания уделили Теркам и русско-сеveroкавказским связям голландец Ян Янсен Стрейс и немец Энгельберт Кемпфер. В их сообщениях, отражающих конъюнктуру рубежа XVII—XVIII вв., дублируются основные положения предшествующей информации²³.

Тенденция сохраняется и в XVIII в. — решающем для окончательного оформления прорусских настроений и устойчивой русской политической и экономической ориентации у коренных народов Северного Кавказа, страдавших от турецко-татарского натиска и настойчиво искавших в заступничестве России свое спасение²⁴.

С редким единодушием иностранцы, побывавшие на Северном Кавказе, свидетельствуют в поль-

17 Описание Черного моря и Татарии..., с. 63.

18 Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879, т. 2, с. 274.

19 Тавернье Жан Батист. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги..., с. 74.

20 См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967, с. 236; Путуридзе Г.В. «Книга путешествий» Эвлия Челеби / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1973, с. 11 и сл.; Анчабадзе Г.З. «Книга путешествий» Эвлия Челеби как источник по истории горских народов Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975, с. 10; Его же. Сведения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби о Дагестане // ВИД, №3. Махачкала, 1975, с. 245.

21 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 407, 410.

22 Витсен Николай. Северная и восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги..., с. 90, 92–97.

23 Ян Янсен Стрейс. Три путешествия; Энгельберт Кемпфер. Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие и подвластные // Адыги..., с. 113–116.

24 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Первая русская карта Северного Кавказа // ВИ, 1976, № 6, с. 200–201.

зу преимущественно мирной, лояльной политики России, особенно впечатляющей на фоне непрекращающихся кровопролитий и грабежей, чинимых Крымом и Турцией.

Абри де ла Мотрэ, как бы продолжая мысль Джiovани Лукка, отметил в начале XVIII в. усиление обороноспособности населения «Черкесии» перед лицом крымско-ногайского разбоя. Этот факт сопоставлялся более всего с теми кавказцами, «которые живут ближе всего к москвитам, придерживаются греческой религии», а также и с теми, «которые живут посередине страны», будучи «язычниками», а точнее — «смешивая некоторые черты московитской или магометанской веры со своими языческими обрядами». В отличие от устойчивой традиции XVI–XVII вв., исключая денежный рынок и обращение на Северном Кавказе, ла Мотрэ впервые упомянул о торговой сделке с черкесским мирзой, включавшей выплату «приблизительно двух эку в копейках (копейки — серебряные монеты москвитов, ценностью приблизительно в $\frac{2}{3}$ су)»²⁵.

Знаменательно, что Иоганн Густав Гербер в 1728 году, подчеркнув «большую склонность к России» кабардинцев и необременительность подданства ей, в отличие от турецкой зависимости, заметил: «У них не чеканят денег. Они употребляют русские, персидские и турецкие монеты»²⁶. Действительно, наличие довольно значительных кладов русских серебряных монет первой четверти XVIII в. в центральной части Предкавказья (окрестности городов Кисловодска и Нальчика) подтверждают достоверность этих наблюдений.

Шотландец Петер Генри Брус, участвовавший в 1722 году в персидском походе Петра I, достаточно верно представлял себе установившиеся в те годы границы русских владений в Предкавказье, детально описывал Терки, вновь отмечал сохраняющуюся под русским подданством известную политическую и судебную независимость «черкесских татар», часть которых уже давно владеет русским языком²⁷.

Детально разграничивая сферы влияния «москвитов» и крымского хана, Ксаверио Главани описывал случаи, когда «Кабарта обращалась за помощью к царю Московии» в борьбе против крымцев и получала таковую²⁸. Схожую информацию сохранил и Джон Кук, пристально интересовавшийся локализацией русского населения на Северном Кавказе, положением дел в «русской Черкесии» и совместными русско-черкесскими акциями против хищничества татар. Д. Кук подчеркивал: «Те черкесы, которые находятся под властью русских, лишь настолько являются их подданными, насколько клянутся подчиняться общим законам, не противоречащим как русской, так и собственной пользе; но русские никогда не предлагают задевать их религиозные дела»²⁹. Наконец, Карл Пейсонель, отразив в своем сочинении ту огромную заинтересованность, которую с середины XVIII в. стали проявлять западноевропейские государства к черноморской торговле, описывая народы Северо-Западного Кавказа, также коснулся некоторых аспектов русско-северокавказских отношений — сугубо мирных и начисто исключавших пленопродавство, бывшее подлинным бичом в областях турецко-крымского диктата³⁰.

Приведенными свидетельствами иностранцев поднятая тема, разумеется, не исчерпывается. Работа в этом направлении только начинается, чему в большой мере способствует региональный подход к поставленной проблеме. Предстоит еще выявить, систематизировать, подвергнуть всестороннему анализу свидетельства иностранцев, сопоставить их с иными материалами. Злободневность такой задачи очевидна: системно рассмотренные сообщения зарубежных авторов о русско-северокавказских отношениях дают дополнительные аргументы в пользу их прочности и глубины, что согласуется с подлинными свойствами исторической эпохи добровольного вхождения народов Кавказа в состав России.

Впервые опубликовано: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 163–170.

25 Путешествие господина А. де ла Мотрэ..., с. 123, 130, 132–133.

26 Гербер И.Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря народах и об их состоянии в 1728 году // Адыги..., с. 153–154.

27 Воспоминания Петера Генри Бруса, экскайера офицера на службе Пруссии, России и Великобритании // Адыги..., с. 148–150.

28 Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани..., с. 158–166.

29 Кук Джон. Указ. соч., с. 175–177.

30 Пейсонель Карл. Указ. соч., с. 183–184, 187–189 и сл.

ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ¹

Истоки нерушимого братства народов нашей страны уходят в те далекие времена, когда складывалось многонациональное Российское государство. Навеки связав свои судьбы с русским народом, народы Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии, определили путь своего последующего развития².

Проблема вхождения Чечено-Ингушетии в состав России представляет большой научный и общественно-политический интерес. Она давно уже привлекает внимание историков. Но отнюдь не сразу ее освещение приобрело объективный характер. В литературе долгое время господствовало мнение, что присоединение Чечено-Ингушетии к России произошло насильственным путем, в результате так называемой Кавказской войны, т.е. подавления царизмом антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев в XIX в., события которой преимущественно и были в центре исследовательских интересов³.

Со второй половины 50-х годов в связи с углублением изучения русско-чечено-ингушских взаимоотношений в более ранний период⁴ появились работы, в которых «непосредственному», проводимому «насильственными методами» включению чеченцев и ингушей в XIX в. в состав России противопоставлялся предшествующий длительный мирный процесс добровольного сближения русских и горцев⁵.

В литературе была предпринята попытка провозгласить «официальными датами окончательного присоединения Чечено-Ингушетии к России» 1810 и 1895 гг. (первая — год «добровольного принятия ингушами русского подданства», вторая — год окончания «опустошительной и изнурительной войны в Чечне») ⁶. Но этот тезис не нашел широкого признания⁷, в том числе и среди сторонников двухэтапного (добровольного и принудительного) присоединения чеченцев и ингушей к России.

С дальнейшим расширением базы источников, активизацией исследовательских усилий и учетом опыта решения аналогичных проблем в соседних республиках и областях Кавказа стала вырабатываться концепция добровольного присоединения чеченцев и ингушей еще до событий XIX в., признания прогрессивных последствий мирного общения широких народных масс Чечено-Ингушетии и России вне зависимости от классовой политики правящих верхов. Ряд исследователей, опираясь на отдельные документальные источники, высказывали мнение о том, что вайнахи (собирательное название чеченцев и ингушей) добровольно присоединились к России уже к началу XIX в.⁸ Свое последовательное обоснование эта точка зрения получила лишь в последнее время.

Сначала была предложена и аргументирована общерегиональная периодизация истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI — 60-х годах XIX в., включающая два основных этапа: 1) установление дружеских русско-кавказских связей и добровольное вхождение народов Кавказа в состав России; 2) утверждение на Кавказе военно-административного аппарата самодержавия и развертывание освободительной борьбы горцев, направленной против царизма и местных феодалов.

Русско-чечено-ингушские отношения на первом из этих этапов характеризовались по аналогии с русско-осетинскими отношениями: «Стремление избежать внешней опасности и установить торгово-экономические связи явилось основанием для присоединения к России народов... Осетии, Ингушетии и Чечни в 70-80- годах XVIII века»⁹. Однако это правильное положение не было в то время должным образом раскрыто. Русско-чечено-ингушские отношения в XVI в. и недостаточное внимание к источникам XVI—XVII вв. ослабляли доказательность принципиально важного и верного вывода. И, хотя он нашел частичное отраже-

1 Соавторы Н.К. Байбулатов, М.М. Блиев, М.О. Бузуртанов, В.Г. Гаджиев.

2 Статья представляет собой расширенный и доработанный текст доклада на научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» 2 октября 1979 г. (г. Грозный).

3 См., напр., Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, тт. 1–4. СПб., 1871–1888; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М., 1939; Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. 2, вып. 1. Грозный, 1960 и др.

4 Фадеев А.В. Из истории русско-чеченских связей // Вестник Московского университета, 1959, № 1; Смирнов Н.А. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI — первой трети XVII в. М., 1963; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев ингушей с Россией и великим русским народом (XVI — начало XX века) // Известия Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. III, вып. 1, Грозный, 1963; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник, вып. 2. Грозный, 1968 и др.

5 Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Автореф. докт. дис. М., 1972; Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. IX, вып. 1. Грозный, 1972 и др.

6 См., напр., Тавакалян Н. А. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967 и др.

7 См.: Отчет об обсуждении «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР» (История СССР, 1975, № 1).

8 Скитский Б.В. Назрановское возмущение 1858 года. Владикавказ, 1930, с. 1–2; Крупнов Е.И. К истории Ингуши // Вестник древней истории, 1939, вып. 2, с. 79; Гарданов В.К. Присоединение Северного Кавказа к России // Народы Кавказа, т. 1. М., 1960, с. 85–88; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 29.

9 Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории, 1970, № 7, с. 51–53.

ние в ряде работ¹⁰, понадобились годы активных источниковых поисков и исследований для убедительного обоснования плодотворной идеи. В ходе такой работы историки все чаще стали подразумевать под понятием «вхождение Чечено-Ингушетии в состав России» не единовременный акт (невозможный в конкретных местных условиях), а длительный и постоянно прогрессирующий, добровольный в своей основе процесс.

Актуальность решаемой задачи наглядно проявилась на Всероссийской конференции по историографии истории народов Северного Кавказа и Дона в сентябре 1978 г. В ее материалах подчеркивалось: «В современной советской историографии вхождение нашего края в состав России интерпретируется как безусловно прогрессивное событие. Но очевидный урон перспективному осознанию всех сторон этого процесса несут такие суждения, которые не разграничивают двух принципиально различных этапов — добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России и установление колониального режима, связывают «присоединение местного края к России с 1859 годом, то есть со временем окончания так называемой Кавказской войны. Это приводит к недооценке предшествующей мирной истории добровольного оформления русско-чечено-ингушского единства в составе России... и ставит разрешение кардинального вопроса в зависимость от привходящих, временных обязательств. В результате Чечено-Ингушетия противопоставляется соседним областям Кавказа. Задача историков состоит в том, чтобы верно и полно обрисовать картину вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, правильно разобраться в периодизации и содержании этого процесса...»¹¹.

В ходе подготовки научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» были предприняты новые архивные изыскания, мобилизован весь комплекс уже известных источников, исходя из современного научного уровня кавказоведения дано толкование выявленным материалам, полученные выводы широко обсуждены специалистами¹². В итоге стало возможным внести ясность во многие аспекты проблемы.

В истории русско-чечено-ингушских взаимоотношений и вхождения Чечено-Ингушетии в состав России можно выделить три основных этапа: 1) X — первая половина XVI в. — время первых, еще не регулярных контактов; 2) середина XVI—XVII в. — установление непосредственных политических, военных, культурных связей, отразивших складывающееся взаимное тяготение и начало процесса вхождения обществ Чечено-Ингушетии в состав России; 3) XVIII в. — дальнейший рост и углубление политических, военных, культурных, а вслед за тем широких торгово-экономических и социальных взаимоотношений; победа к середине XVIII в. русской ориентации у основной массы чеченцев и ингушей и фактическое оформление к 1762–1781 гг. их добровольного вхождения в состав России.

Необходимо подчеркнуть, что особенности длительного процесса вхождения чеченцев и ингушей в рамки всероссийской государственной структуры определялись прежде всего спецификой социально-экономического уровня развития Чечено-Ингушетии, находившейся тогда на начальной стадии становления так называемого кавказского горского феодализма¹³, при котором феодальные отношения в крае еще только прокладывали себе дорогу сквозь устойчивые традиции патриархально-родового строя. Чрезвычайная родо-племенная пестрота, раннефеодальная и сельскообщинная разобщенность, усугубляемая существенной локальной неравномерностью социально-экономического развития, порождающей, в частности, противоречия между родственным населением равнинных и горных районов края; своеобразие местных экономических условий и форм эксплуатации, зачастую не связанных с землепользованием сельскохозяйственными угодьями; особая роль военных (защита, разбой) и управленческих функций нарождающейся вайнахской феодальной знати и противостоящие последней обычаи и нормы «общинного демократизма», специфика местного рабовладения, питаемого регулярным захватом пленных, — таковы некоторые черты генезиса феодализма у горцев Кавказа, в первую очередь у вайнахов. В условиях разложения военно-демократического в своей основе общества и протекал объективный процесс вхождения чеченцев и ингушей в состав России¹⁴.

Справедливы суждения о том, что «включение в состав Российского государства оставляло здеш-

10 Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 66; Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 50; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ до 1917 года (Обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР, 1977, № 3, с. 162; Гаджиев В.Г. Из истории великой дружбы // Вопросы истории Дагестана, т. 2. Махачкала, 1975, с. 16–18 и др.

11 Власов А. Исторические исследования — на уровень современных требований // Истоки великой дружбы. Грозный, 1978, с. 10.

12 Подробнее об этом см.: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Методические указания для студентов Чечено-Ингушского госуниверситета, изучающих курсы истории. Грозный, 1979, с. 3–15; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навек вместе. Грозный, 1980, с. 3–18.

13 См. об этом: Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 56–59.

14 Подробнее см.: Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР, 1975, № 6, с. 44–53; Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография, 1978, 3 2, с. 15–24; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, № 2, с. 14–21; Виноградов В.Б. Некоторые проблемы генезиса феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории, 1980, № 10.

них «феодалов» не у дел»¹⁵, что «феодализирующейся социальной верхушке горских обществ... была выгодна отчужденность горцев, которая оберегала вековую структуру сельских общин от изменений»¹⁶. Все это наряду с усиливавшейся властью религии и духовенства «тормозило общественно-экономическое развитие и тем самым препятствовало взаимному сближению горцев»¹⁷, замедляло и усложняло утверждение исторически прогрессивной ориентации на Россию.

Следует учитывать и внешнеполитические факторы: реакционную позицию султанской Турции, крымского ханства и шахского Ирана, а также все более активно действовавших за их спиной Англии и Франции. Правительства этих стран, преследуя собственные корыстные цели, стремились посеять недоверие, вражду, ненависть между народами Северного Кавказа и Россией, делая ставку на консервативные элементы местного общества. Разжигание религиозных распри, военные провокации, безграничный фанатизм части клерикалов, корыстолюбие и беспринципность феодальных верхов — все это в существенной мере обусловило специфику развития процесса вхождения Чечено-Ингушетии и соседних с ней областей в состав России.

Первые контакты народов Чечено-Ингушетии с русскими относятся ко времени расцвета Древнерусского государства¹⁸. Сохранились свидетельства об эпизодических связях и в период монголо-татарского господства (XIII–XV вв.), а после его падения, не позднее первой половины XVI в. на берегах рек Сунжа и Терек рядом с чеченскими аулами возникают постоянные русские поселения. Русские письменные источники этого времени демонстрируют достаточную осведомленность в расстановке политических сил в крае, хорошее знание местности и этнографической ситуации в бассейне этих рек. Они отмечают неоднократное пребывание в золотоордынских кочевьях у подножья гор Чечено-Ингушетии русских князей, бояр, дружинников, летописцев, торговых людей. Растет и число археологических находок (предметы вооружения, монеты, украшения), свидетельствующих о давних связях местного населения с русскими и Русью. Чеченский и казачий фольклор в полном соответствии с памятниками материальной культуры сохранил воспоминания о добрососедском и дружеском обитании вольных русских переселенцев и горцев. Однако до середины XVI в. эти связи не оказывали заметного влияния на ход истории края.

С укреплением Русского централизованного государства, после присоединения Казанского и Астраханского ханств и выхода России к берегам Терека, а также в результате добровольного присоединения адыгских народов в 1557 г. взаимоотношения чеченцев и ингушей с русским народом стали более регулярными¹⁹.

С 1567 г. документально засвидетельствовано прямое обращение Ушарома-мурзы — предводителя ооков (чеченцев, живших на равнине близ границ с Дагестаном) — с русским гарнизоном города-крепости в устье Сунжи, построенного по просьбе кавказцев. Ушаром-мурза верно выполнял обязательства союзника России и завещал сохранить эту верность своему сыну Шиху-мурзе²⁰.

В 1588 г. Ших-мурза и подвластные ему ококи добровольно приняли русское подданство²¹. Тогда же с аналогичной просьбой к русским властям обратился и Султан-мурза, владелец ингушского селения в районе Дарьяла²². Так было положено начало процессу вхождения народов Чечено-Ингушетии в состав России, что тогда же отразилось и в титулатуре русского царя.

Заметим, что тяга к России прежде всего проявилась у обитателей равнинных земель бассейна Сунжи и Дарьяла, более всего страдавших от турецко-крымской и иранской агрессии, от феодальной анархии, почти полностью исключавших возможность мирной жизни. Затем тенденция политического и военного сотрудничества периодически проявлялась и в некоторых других частях Чечено-Ингушетии.

В середине XVII в. происходит ряд знаменательных событий. Во время московского посольства Ф.Волконского и А.Хватова в Грузию (1638 г.) активно содействовал проходу через горную Ингушетию «земли своей владелец Хавса»²³. Длительные переговоры терских воевод с вайнахами-мичкизами, осложненные недалевидными действиями некоторых кабардинских князей, увенчались успехом в

15 Меликишвили Г.А. Указ. соч., с. 50.

16 Смирнов Н.А. Юридикализм на Кавказе. М., 1963, с. 46.

17 Там же, с. 43.

18 Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, с. 46; Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1969; Магомадова Т.С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. 9, ч. 2, вып. 1. Грозный, 1972; Гриценко Н.П. Истоки дружбы, с. 12–20 и др.

19 Кушева Е.Н. Указ. соч.; Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Боцвадзе Т.Д. Указ. соч. и др.

20 Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории, 1970, № 10, с. 216.

21 Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII вв. // Археолого-этнографический сборник, вып. 4. Грозный, 1976, с. 181–187.

22 Магомадова Т.С. Владелец Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях // Материалы конференции Чечено-Ингушского гос. ун-та по итогам работ за 1974 год. Грозный, 1976, с. 62–63.

23 Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке // Вопросы Чечено-Ингушетии, т. IX. Грозный, 1977, с. 99–101.

1647 г., когда «выборные лучшие люди от всей Мичкизской земли» (юго-восточной Чечни), насчитывавшей 36 селений, принесли в Терском городе шерть (присягу) в подданстве России²⁴. Одновременно устанавливались мирные отношения с чеченцами в районе Аргунского ущелья, где цепь локальных присяг и межевых «договоров» завершилась поездкой в Москву посланцев «Шибутского джамаата» (общество Шатой). В сентябре 1658 г. они были приняты царем, а затем от имени своей общины присягнули на верность России в Успенском соборе Кремля²⁵. Тогда же грузинский царь Теймураз передал царю Алексею Михайловичу в устной форме челобитную о принятии в подданство трех братьев аварских мурз Турловых, установивших свой контроль в низовьях Аргуна «на земле на Чачане», в «Чеченеевской деревне», где обитали и вайнахи — выходцы из горной Чечни²⁶.

Все это служит подтверждением постепенно растущей русской ориентации среди чеченцев и ингушей. Даже в исключительно сложных для России условиях последней трети XVII в. русско-чечено-ингушские связи хотя и ослабели, но не прервались²⁷.

Оценивая в целом содержание складывавшихся русско-вайнахских отношений на этом этапе, следует выделить главную их особенность — союзно-оборонительный характер взаимных контактов.

С начала XVIII в. русско-ингушские отношения вступили в новую фазу развития²⁸.

Во время похода Петра I в Прикаспий были приняты в подданство равнинные чеченцы, находившиеся в зависимости от кумыкских и других владетелей. Грузинский царь Вахтанг VI в 1731 г. свидетельствовал, что «чачанцы... стоят под высокою протекциею» России²⁹, подразумевая под «чачанцами» прежде всего жителей округи Чечен-Аула. Однако по условиям Ганджинского договора с Ираном 1735 г. Россия была вынуждена перенести государственную границу вновь на Терек³⁰.

Это было время вторжения шаха Надира в Дагестан. Россия стала планомерно укреплять свои позиции на Тереке, где сосредоточивались необходимые для обороны границ войска, строились новые города (Кизляр, Моздок)³¹ с многонациональным населением. Для чеченцев и ингушей покровительство России и укрепление связей с ней стало жизненной необходимостью. К середине XVIII в. окончательно определяется русская ориентация горцев, а русско-чечено-ингушские отношения приобретают систематический характер: отныне они не ограничиваются только сферой военно-политических контактов, а включают и область торгово-экономических, социально-культурных связей.

Постоянные русско-вайнахские торговые отношения стали налаживаться с возникновением Кизляра. В начале 1738 г. кизлярский комендант писал о регулярном привозе в «гребенские городки из горских разных мест для продажи бурок, шерсти, бумаги и прочего шерстяного, которое в городах и продают»³². Документы последующих лет рисуют картину все более активных торговых связей между чеченцами, ингушами, гребенскими и терскими казаками и Кизляром³³. Торговля с русскими давала горцам необходимые изделия для труда и быта (гвозди, медные котлы, топоры, ножницы, иглы, булавы, зеркала, замки и др.).

Основывая на Тереке новые города, российская администрация учитывала и местные природные богатства, возможность развития экономики края. Так, в связи с заселением урочища Моздок обсуждались планы разработки в «кизлярском крае неоднократно примеченных в тамошних горах изобильных дорогих металлов» и подчеркивалось: «сверх того и от тамошнего плодородия земли также пользы ожи-

24 Кринунова Е.О., Павлова И.М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке. (Документы) // Ученые записки Кабардино-Балкарского пед. ин-та, вып. 13. Нальчик, 1957, с. 83–84, 108.

25 Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов. (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография, 1978, № 6, с. 99–110.

26 Там же, с. 106–107.

27 Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI–XVII веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. IX, с. 109–111; Исаева Т.А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII веке. Там же, с. 169–182.

28 Возможность для более детальной их характеристики появилась лишь в последние 10–15 лет в связи с широким привлечением ранее неизвестных архивных данных. См.: Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского НИИ, т. 25 (история). Орджоникидзе, 1966, с. 154–160; Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, т. I–II. Тбилиси, 1968, 1977; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России, с. 98–111; Русско-осетинские отношения в XVIII веке, т. 1, 1742–1762 гг. Сб. док. Орджоникидзе, 1976, с. 393–451; Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана, т. 2, с. 295–300; Его же. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977; Гаджиев В.Г. Архив кизлярского коменданта // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов н/Д., 1978, № 2, с. 8–10 и др.

29 АВПР, ф. 110, оп. 1, 1731 г., д. 1, л. 18.

30 См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год, ч. 1. СПб., 1869, с. 223.

31 Гарданов В.К. Исторический очерк // Народы Кавказа, т. 1. М., 1970, с. 84–85.

32 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 3946, л. 23 об.

33 Анализ источников см.: Тотоев М.Ф. Указ. соч., с. 155–158; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. 9, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 65–69; Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1977, с. 60–66; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 7–10.

дать можно». Проводились в жизнь экономические меры для привлечения и поддержки «выходящих на поселение горских народов»³⁴.

Следует особо отметить, что строительство и укрепление российских городов в крае соответствовало насущным интересам угнетенных слоев вайнахского населения. Многочисленные факты свидетельствуют, что в этот период одной из действенных форм сопротивления чеченского крестьянства феодальной эксплуатации являлся уход в русские города и казачьи станицы на Тереке³⁵. С другой стороны, с середины XVIII в. стало уделяться особое внимание предоставлению аманатам (заложникам) возможностей широкого «общения с россиянами», обучению русскому языку, «грамоте, российской и татарской»³⁶. Все это способствовало дальнейшему развитию русско-вайнахских взаимосвязей³⁷.

Процесс укрепления взаимовыгодных добрососедских отношений не могли нарушить случавшиеся иной раз трения и столкновения, как правило, провоцируемые местными феодально-исламскими верхами, политикой самодержавия и его администрации на Кавказе.

Конкретные формы и проявления русско-чечено-ингушского «совместничества» нашли отражение в многочисленных источниках.

Так, в 1743 г. «начальный чеченский владелец Айдамир верности службы засвидетельствовал» России и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него³⁸. В 1747–1748 гг. в русское подданство вступили Герменчук, Чебутли (вероятно, Шибуты-Шатой), Шали, Алды и другие чеченские общества³⁹; их владельцам, а также 50 узденям было назначено постоянное жалованье⁴⁰. В 1756 г. «старшины и прочей народ» этих обществ «учинили присягу, просили, чтоб под протекцию России приняты были»⁴¹. С 1756 г. настойчиво просят о принятии в подданство России многочисленные делегации ингушей, которые мотивировали свои действия, в частности, и тем, что «киштинцы, карабулатцы и чеченцы один народ», терпящий «крайние обиды и разорения» от кабардинских владельцев⁴².

Описываемые события происходили в то время, когда Османская Порта, ведя подготовку к новой войне, усилила антирусскую деятельность на Северном Кавказе. Однако чеченцы и ингуши, как и другие народы Северного Кавказа, отвергли домогательства султана и его эмиссаров, отказали в поддержке протурецки настроенным феодалам и оказали посильную помощь России⁴³. Все это наглядно свидетельствовало об устойчивости русской ориентации в массе чеченцев и ингушей.

Ингушские делегации, ходатайствуя о принятии «под протекцию» России, ссылались на пример некоторых чеченских обществ и добавляли: «чеченцы же с нашим народом имеют смежность и единый разговор»⁴⁴. В свою очередь старшины крупных обществ Алды и Гехи заверяли, что от русской стороны «никаких себе разорений не видели и жили до сего времени в покое, чего и впредь желают...»⁴⁵. Равнинные чеченцы через своих старшин клялись во «всякой верности к Российской стороне», четко отделяли себя от тех, кто «какие-либо предрзости чинит», даже если это — их владельцы (князья), не раз нарушавшие взятые на себя обязательства. По свидетельству очевидцев, «бывшие в собрании при нас старшины признали сущую здешней стороны справедливость и сказали, что они Россиею весьма довольны...»⁴⁶.

Так подготавливалась почва для окончательного вхождения горских обществ края в состав России. В кратко охарактеризованных нами выше специфических местных условиях этнической пестроты (на территории Чечено-Ингушетии проживали многочисленные «племена», «колена» и общества трех народов — чеченцев, ингушей, карабулаков)⁴⁷, феодальной и сельскообщинной⁴⁸ разобщенности невоз-

34 Бутков П.Г. Указ. соч., ч. II. с. 1–5.

35 Ахмадов Ш.Б. Указ. соч., с. 70–71; Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и речкой Курой находящихся». М., 1979, с. 63.

36 Бутков П.Г. Указ. соч., ч. 1, с. 157, 268, 438.

37 См.: Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник, вып. 3. Грозный, 1969, с. 146–159; Его же. Истоки дружбы, с. 29–53; Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978, с. 106–132; Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978, с. 61–121; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 8–10.

38 АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77–I, 1743 г., д. 3, л. 9.

39 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 3378, ч. 46; д. 3812, ч. 4, л. 31; д. 3372, лл. 1–2; ЦГВИА СССР, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 220 об.; Тотоев Ф.В. Указ. соч., с. 157–158; Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений, с. 295–300.

40 ЦГВИА СССР, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 74.

41 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 409, л. 18; АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128–II, д. 1, лл. 886–887.

42 См.: Русско-осетинские отношения в XVIII веке, т. 1, с. 393–429.

43 Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 13; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 53.

44 АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128–II, д. 1, л. 887.

45 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 524, лл. 35–36 об.

46 АВПР, ф. Кизлярские дела, оп. 115–I, 1766–1768 гг., д. б/н, лл. 11–24; АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115–I, 1770 г., д. 3, л. 13.

47 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX в. М., 1974, с. 142–192.

48 Гриценко Н.П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1976, № 4, с. 12–16.

можен был единовременный акт принятия всеми обществами российского подданства, т. е. одновременное включение всех чеченцев и ингушей в состав России. Но последовательное развитие мирных, основанных на взаимной заинтересованности общений обусловило единство их действий в этом вопросе.

Источники отразили и такой примечательный факт: во всех районах с вайнахским населением наибольшее тяготение к России, стремление к принятию российского подданства проявляли трудовые массы и среднее звено местной знати (старшины), а также традиционно не во всем полноправные кровнородственные и территориальные объединения, сильнее всего испытывавшие социальные лишения в тех конкретных исторических условиях. Активность этих слоев вайнахского общества привела к новому этапу русско-чечено-ингушских отношений.

Летом 1762 г. совершилось добровольное вхождение в состав Российского государства третьего по численности народа Чечено-Ингушетии — карабулаков. Их принятие в подданство России было проведено торжественно и широковещательно.

Подробную информацию об этих событиях сдержит запись устного донесения «терского войска ротмистра Михаила Мансурова», произведенная в «кизлярской комендантской канцелярии» 26 июня 1762 г., по возвращении его после принятия присяги от карабулаков⁴⁹.

Уже по пути к карабулакам, посланник России, направленный для официального оформления присяги, вручил ряду кумыкских и чеченских владельцев и старшин специальные письма кизлярского коменданта, извещавшие о принятии карабулаков в российское подданство. Свое «единогласное искреннее желание принятыми быть в верное российское подданство и быть во всяком защищении от неприятелей» карабулаки подтвердили на массовом сходе и при встрече 22 старшин, представлявших восемь крупных местных фамилий, с посланцем России. Тогда же была подписана присяга к соглашению, причем присутствовавшие при церемонии карабулаки «весьма довольными себя показали».

В данном случае демонстрировался новый, существенно отличный от прежних ритуал принятия вайнахами российского подданства. Вместо «соглашений» с некоторыми представителями крупной феодальной знати или с посланцами отдельных кровнородственных групп и обществ на массовых, весьма представительных сходах горцев крупных сельских (соседских) общин или даже межобщинных союзов отныне принимались присяги. Это был важнейший шаг на пути этнической консолидации обособленных кровнородственных групп, формирования вайнахских народностей. Он был обусловлен не только всей суммой социально-экономических факторов, но и теми общими политическими и идеологическими задачами, которые решались вайнахами в связи с освоением равнинных земель и постепенным вовлечением их общественной системы в общероссийскую государственную структуру. Не случайно к этому времени относится устойчивое употребление в соответствующих документах формулировки «все старшины и народ», точно отражающей общенародный характер подобных акций. Со своей стороны Россия также стремилась придать особую значимость этим сходам, посылая на них наделенных реальными правами представителей и добиваясь участия в них влиятельных иноплеменных феодалов в качестве «поручителей».

Вхождение карабулаков в состав России было первой общественно-политической акцией такого типа и масштаба в Чечено-Ингушетии. За ней последовали и другие.

В феврале 1770 г. завершился процесс добровольного вхождения в Россию ингушей. Положительное решение Правительствующего Сената в ответ на просьбы ингушских обществ последовало еще в 1757 г. и тогда же соответствующими указами доведено до сведения Коллегии иностранных дел и Астраханской губернской канцелярии⁵⁰. Но в силу ряда причин Россия в то время не имела возможности официально оформить ходатайства ингушей. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг., аннулировавшей ограничения Белградского договора, Россия смогла удовлетворить прошения ингушей⁵¹.

16 февраля 1770 г. в Кизляр прибыли влиятельные ингушские старшины Чопанов и Мирзаханов, присланные от «всего народа и общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное подданство...». Кизлярский комендант Неймиш направил в Ингушетию архимандрита Порфирия, «которого оне (ингуши) хорошо знают и почитают» и «гусарского полка капитана Дегостодия» с поручением принять «тамошний народ в подданство»⁵². В самой Ингушетии было сформировано авторитетное представительство из 24 старшин, действовавших от имени «всего киштинского народа». Они при большом стечении народа подписали соглашение и «от всех киштинских старшин и народов» «ко усердию и в подданство ея императорского величества присягали»⁵³. Впоследствии (в 1772 г.) «главные киштинские старшины говорили самоперсонально: шли мы-де в подданство ея императорского величества не из

49 См.: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России, с. 41–42; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 83–85.

50 ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1575, лл. 861 и об.; Русско-осетинские отношения..., с. 396–397.

51 См.: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 85–87.

52 АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128–II, д. 1, л. 1224.

53 Там же, лл. 1226–1227.

принуждения, но самопроизвольно; в коем и ныне состоим непоколебимо...»⁵⁴. Принимая в подданство ингушей, Россия брала обязательство обеспечить их внешнюю безопасность и содействовать переселению на равнины.

Одновременно с ингушами о принятии в российское подданство просили некоторые общества равнинной Чечни⁵⁵. Однако ситуация в Чечне, более населенной, обширной, раздробленной на многие десятки феодальных и сельскообщинных владений, была значительно сложнее. Сложившаяся здесь общенародная по существу ориентация на Россию больше, чем в других районах края, подвергалась испытанию происками корыстолюбивых чеченских феодальных верхов, межобщинными стычками. Это, а также особо рьяная пропаганда (в том числе и религиозная) внешних врагов русско-кавказского единства (прежде всего Османской Порты и Крымского ханства), жесткая политика царизма по отношению к местным народам несколько задержали развитие процесса вхождения населения преобладающей части края в состав России. В 1774 г., потерпев поражение в войне с Россией, на стороне которой сражались и военные отряды чеченцев и ингушей, Османская империя подписала Кючук-Кайнарджийский договор, по условиям которого султан окончательно признал включение Кабарды в состав России. В том же году добровольно присоединились и осетины⁵⁶. Заметно оживились связи с Дагестаном и Грузией⁵⁷.

После 1774 г. продолжается дальнейшее освоение (с ведома и согласия русской администрации) чеченцами и ингушами равнинных земель Терского бассейна и укрепление сложившихся отношений с чеченскими обществами в округе низовой Аргуны и Качкальковского хребта. На правом берегу Терека и вдоль Сунжи возникают крупные (до 400–500 дворов) селения, основанные переселившимися сюда чеченцами. В них постоянно вливаются выходцы обществ горной зоны края, известной в источниках под названием «Дальние Чечни». Жители равнин, по свидетельству современника — путешественника Штедера, сохраняли тесную связь с сородичами, оставшимися в горах. Тем самым идея принятия российского подданства проникает теперь практически во все (в том числе и высокогорные) общества Чечено-Ингушетии⁵⁸.

В 1778–1779 гг. по специальным соглашениям происходят массовые переселения алдинцев и гехинцев — крупных чеченских обществ — на контролируемые Россией равнинные земли. «Считаясь подданными российскими», они отныне «были охраняемы от аксайских владельцев, которые набегами не оставляли их в покое». В кабардинскую присягу 9 декабря 1779 г. по настоянию русской администрации были внесены пункты, запрещавшие князьям «пускаться в воровские промыслы» на чеченцев и притеснять... по одному праву сильнейших» ингушей⁵⁹.

Накопленный опыт мирных, регулируемых Россией взаимоотношений, не только собственно русско-вайнахских, но и между другими кавказскими народами, настоятельно диктовал необходимость изменения самой процедуры их юридического оформления. Давняя традиция выработки конкретно-ситуационных документов заменялась развернутыми взаимными обязательствами, приобретающими типовой характер для всех обществ Чечни.

Таким исключительно важным документом нового типа на завершающем этапе длительного процесса мирного и добровольного вхождения чеченцев в состав России стало письменное определение конкретных условий подданства наиболее населенных, политически и экономически значимых сельских общин Чечни, объединявшихся вокруг крупнейших равнинных селений — Большой Чечен и Аджи-Аул. Соответствующий комплекс из трех взаимосвязанных документов лишь недавно привлек пристальное внимание специалистов.

Следует отметить, что частично содержание документов было известно еще П.Г. Буткову, который дал конспективное его изложение⁶⁰. Отдельные сведения этих источников использовали и современные историки⁶¹. Но подлинное значение уникального для истории Чечено-Ингушетии XVIII в. комплекса документов раскрылось лишь сейчас, когда он был полностью выявлен⁶² и обработан.

54 Там же, д. 2, л. 2 об.

55 Там же, ф. Кабардинские дела, оп. 115–I, 1770 г., д. 3, лл. 1. 9, 13; ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 807, л. 64 и об.

56 Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959; Его же. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970.

57 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана, с. 140–162; Боцвадзе Т.Д. Указ. соч., с. 41–76; Гамрекели В.Н. Указ. соч., с. 80–102.

58 См.: ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 1170, лл. 1–3; д. 594, л. 62; д. 3755, л. 83 об.; ЦГИА ГрузССР, ф. 7, оп. 8, д. 4, л. 1; ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, л. 127. См. также: Бутков П.Г. Указ. соч., ч. II, с. 62–63, 112; Материалы по истории Кавказского края, т. IV. СПб., 1877, с. 246–250; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в., с. 178–187; Волкова Н.Г. Указ. соч., с. 178–193. Картографическое выражение этого процесса см.: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 107, карта-схема В.

59 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 60, 62–63.

60 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 62–63.

61 Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России, с. 108; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия, с. 32; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия Чечено-Ингушетии, т. IX, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 71.

62 ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, лл. 1–7. Публикацию документов с незначительными сокращениями см.: Виноградов В.Б., Умаров

Этот комплекс включает в себя подлинник рапорта на имя Г.А.Потемкина, подписанный кизлярским комендантом А.М.Куроедовым, тексты взаимных обязательств чеченцев и российской администрации, обуславливающих «вечное и верное подданство», и прошения-присяги чеченских и аджи-аульских «старшин и народа». Последние два документа (приложенные к рапорту Куроедова) представляют собой перевод с неизвестного подлинника.

В рапорте «из верных данных» отмечается давнее «повиновение» чеченцев России. Однако в первой части документа Куроедов весьма субъективно излагает события, когда, по его словам, «чеченские народы» в 1757 г. «вышли из должного повиновения своих владельцев» и после этого «совсем оказались противными российской стороне, и многие в разные времена воровские набеги чинили на казачьи станицы и отгоняли скот, пленяя людей». Действительно, когда в 1757 г. многие чеченские общества изгнали иноплеменных князей, пытавшихся усилить феодальный гнет, а российские власти решительно приняли сторону «потерпевших владельцев» и, подстрекаемые ими, предприняли в 1758 г. военные походы вглубь Чечни⁶³, то с этого времени в крае начинается период ожесточенных междоусобиц, военных столкновений. Царская администрация попыталась было потом урегулировать многочисленные конфликты мирными средствами⁶⁴. Но провокационные действия (включая и вооруженные набеги на казачьи станицы) таких владельцев, как Алисултан Хасбулатов, и части чеченских старшин в разгар русско-турецкой войны вновь накалили обстановку. В 1770 г. кизлярский комендант Медем предпринимает серию военных акций в Чечне⁶⁵, губительные последствия которых сказываются прежде всего на втянутых в конфликт рядовых чеченцах.

Столкновения (в том числе и набеги с захватом скота и пленных) и взаимные обиды имели место и позднее. Они, конечно, не определяли складывавшуюся на местах обстановку, но нередко искусственно раздувались и, как правило, не получали объективной оценки со стороны официальных представителей царской администрации⁶⁶.

Кизлярский комендант Куроедов, вступивший в эту должность в 1779 г., в упомянутом рапорте Г.А.Потемкину приводит перечень мер, направленных на то, чтобы чеченский «народ возвратить от заблуждения и привести в точное повиновение и через то доставить здешнему краю спокойствие». Далее сообщается: «А в прошлом 1780 году троекратно от старшин присланы ко мне были письма о принятии их в подданство по-прежнему». Эти письма не удовлетворили нового кизлярского коменданта, искавшего более надежный способ оформления отношений. Учитывая уже имевшийся опыт, обратились к «торжественно учиняемой присяге», в которой чеченцы «все единодушно просили о принятии их в вечное подданство» и «обязались письменно, как им самим, так и их потомкам состоять вечно подданными ея императорского величества» (к рапорту и был приложен «с поданных на татарском диалекте обязательств, присяги перевод»).

Присяга, оформленная в данном случае на основе прошений от главных чеченских и аджи-аульских «старшин и народа», гласила: «Мы обещаемся и клянемся пресвятым алкораном, всемогущим богом и пророком Магометом в том, что будучи из древних лет подданными Всероссийскому престолу, хотя и присягали прежде... но отступали от должного повиновения, отлагаясь от подданства... Просим сами о принятии себя в вечное подданство... Хотя и должны служить вечно. Вечно и послушно... И пока живы пребудем мы и потомки наши, станем добровольно защищать ея Императорское величество и Отечество... И если бы против всякого чаяния предпринял бы кто что-либо противу Отечества... стараться таковое зло предупреждать и в надлежащих местах о том заблаговременно объявлять. Самих же начинающих злодейства почитать собратием вредных и недостойных извергов от рода человеческого...»

Текст присяги краток и во многом трафаретен. Но впервые в документе, исходящем от чеченцев, появляется понятие российского отечества, сынами которого они уже сознают себя. И впервые в практике взаимоотношений с Россией присяге-прошению сопутствует развернутый документ актавого характера из 11 пунктов.

Он начинается с краткого введения, в котором сообщается, что «1781 года января 21 нижеподпи-

С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России, с. 43–47; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 89–94.

63 Головачанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 11, с. 113–120.

64 Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений, с. 297–300.

65 Бутков П.Г. Указ. соч., ч. I, с. 300–302.

66 Впрочем, бывали исключения. Когда, например, представитель царской администрации в Имеретии и Мегрелии Литвинов высказал мнение о якобы исконной склонности чеченского народа к набегам, то генерал Гудович возразил: «Господин Литвинов недовольное знание имеет... Случающиеся хищничества в отгоне скота не от черного народа происходят, а от владельцев, узденей и праздных холопов» (АКАК, т. 4, с. 3). Стоит напомнить и суждение Н.А.Смирнова о том, что «суровая и полная лишений жизнь в горах, недостаток в жизненно необходимых продуктах нередко вынуждали горцев... совершать набеги на соседей, на казачьи поселения и созданные царизмом укрепленные пункты. Такие набеги были... способом добывания средств к жизни» (Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе, с. 46). Нельзя сбрасывать со счетов и еще один момент: отгон чужого скота был порой знаком удалства подрастающей молодежи, весьма обычным по общественным представлениям эпохи.

савшиеся большие чеченские, аджаульские старшины и народ добровольно, чистосердечно, по самой лутчей совести» объявили о вступлении в подданство России «на нижеписанных правилах».

В первых двух пунктах четко сказано о вечном отныне подданстве «на всю жизнь нашу и потомков наших». Чеченцы, «прибегая под покровительство России, заверяли в готовности «сохранять и защищать до последней капли крови, не жалея живота своего», ее интересы; обязались «врагов отечества по повелениям истреблять и ни под каким видом дружбы и согласия с ними не иметь...».

В пунктах 3-5 определяются основы общественного устройства чеченцев, причем Россия должна была сохранить право руководствоваться «древними обычаями исправления общественных дел» и традиционными правами их «владельцев» и «старшин в деревнях», только лишь в конфликтных случаях («ежели между собой разбирательство по претензиям не были учинены»), «испрашивая решения кизлярского коменданта».

Весьма важна замена денежной компенсацией («за убитого по сту, а раненому по пятидесяти рублей, не исключая и женского пола») существовавшего обычая кровной мести. Тут же подчеркнуто: «Быть нам — старшинам и всему народу — с верноподданными кумыкским, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества и ни под каким видом неприятельских дел не начинать, каковые произойти могут».

Следующие три пункта (6-8) — самые пространные и наиболее «острые». В них приведены условия, на основе которых аннулировались ранее возникавшие неурядицы между чеченцами, русскими и представителями других народов Притеречья. Здесь упомянуты и пресловутая «баранта» (набеги с целью захвата добычи), и военные нападения на поселения вдоль Терека, имевшие место вплоть до 1779 г., и порядок обмена пленными и беглецами «мужского и женского пола». Последний вопрос особенно важен для понимания сути трений, которые не раз омрачали в XVIII в. русско-чеченские отношения. Захват пленных из соседних (в том числе русских) селений, продажа их в рабство на чужбину или использование в качестве подневольных работников в собственном хозяйстве не только отвечали уровню социально-экономического развития самих горцев, но и постоянно поощрялись и культивировались на Северном Кавказе Османской Портой, Крымским ханством, шахским Ираном. Став традиционным источником обогащения феодальной верхушки горцев, регулярный угон людей резко обострял отношения с соседями и с Россией.

В перечисленных пунктах излагается система мер по освобождению из рук горских налетчиков и перекупщиков «российских солдат, казаков и других людей... яко то грузины, армяне...». Ответный жест российской администрации таков: возвращать обратно «явившихся в российских границах» «холопов магометанского закона», бежавших от чеченских старшин. Это вскрывает истинных виновников конфликтных ситуаций — сельских и фамильных старшин, феодалов, обогащавшихся за счет захвата и продажи пленных. Классовый характер заключенной сделки выразился и в следующем обязательстве чеченцев (особенно существенном для царских властей после событий Крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева): «Нам же всех беглых верноподданных (России. — *Авт.*) всякого закона людей ни под каким видом не принимать и не держать, а ловить и представлять в Кизляр господину коменданту».

Чрезвычайно существенно содержание 9-го пункта. В нем нашли отражение жизненные интересы тех слоев чеченцев, которые искренне нуждались в мирном, охраняемом законами, взаимовыгодном общении с Россией: «...Позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие российские места. И никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных. А в случае каких произшедших обид по принесении жалобы, где бы то ни случилось, начальникам, особливо господину кизлярскому коменданту, чинить нам удовлетворение. Ежели же узнаем мы где в российских местах своих лошадей, скот, или у нас кто опознает, в таком случае по древним обычаям нашим оный отдавать бесспорно или показать настоящего вора».

Пункт 10-ый документа провозглашал готовность чеченцев представить в Кизляр аманатов «из первейших наших фамилий», которые, «переменяясь» через определенный срок, будут служить реальным «уверением нашей верной подданности».

В завершающем, 11-м пункте объявляется о «поручительстве» кумыкского князя Арсланбека Айдамирова (наиболее влиятельного в равнинной Чечне) «в ненарушении вовеки» взятых обязательств и доводится до сведения, что они утверждены в «присутствии лично его и присланного из Кизляра почтенного подпоручика Зорина». Последние фразы предельно выразительны: «Все сии пункты согласно и добровольно старшины и народ о содержании в совершенной верной и вечной подданности своеручно подписали печатями и пальцами, с клятвою перед алкораном утвердили».

Изложенный документ впервые достаточно полно и многосторонне сформулировал принципы, на которых чеченские сельские общины входили в состав России. Он урегулировал назревшие вопросы, жизненно важные для политического объединения чеченских обществ, складывавшегося тогда вокруг

ведущих сельских общин крупнейших плоскостных селений Чечен и Аджи-Аул.

Примечательно, что путешественник и исследователь академик И.Гюльденштедт за десять лет до этих событий называет «деревни» Чечен и Аджи-Аул самыми крупными и многонаселенными в Чечне, а в отношении «округа Чечен» замечает, что он включает в себя не менее 8 крупных селений и «народо-чито обширен, причем под названием его обитателей чеченцев часто разумеют весь народ»⁶⁷.

Значение торжественного официального акта, состоявшегося в ауле Чечен 21 января 1781 г., для истории Чечено-Ингушетии огромно. Он подвел итог длительному процессу развития русско-вайнахских отношений. Завершение и документальное оформление длительных переговоров, проведенных главными чеченскими и аджи-аульскими старшинами, и сама церемония подписания документов были восприняты большинством вайнахов как общее урегулирование русско-чеченских отношений на условиях добровольного вхождения в состав России. Именно поэтому в течение того же 1781 г. появляется еще ряд обращений к российским властям практически всех значительных обществ Малой и Большой Чечни⁶⁸.

Согласно имеющимся источникам, в 1782 г. от всех (кроме одного) крупных чеченских селений прибыли в Кизляр аманаты⁶⁹. И в дальнейшем документы отмечают стабильное положение всех упоминавшихся выше «ныне уже подданных суть престолу ея императорского величества» чеченских, ингушских и карабулакских обществ⁷⁰. Пребывание чеченцев и ингушей в составе России оценивалось с тех пор современниками как очевидный факт.

Тем не менее в последующие годы не раз официально и подчас торжественно провозглашалось подданство России отдельных групп чеченцев и ингушей. В архивных делах сохранились стереотипно составленные присяги, которые можно оценить как «присяги верности»⁷¹. Все они относятся к наиболее напряженному на Кавказе периоду: концу XVIII — первой половине XIX в. Горцы принимали в этом участие, стремясь добиться у российских властей решения насущных для них вопросов. В Чечено-Ингушетии «присяги верности», принесенные отдельными обществами, появляются в 1783 г.⁷², но большей частью они связаны с движением под предводительством Ушурмы (Шейх-Мансура) 1785-1791 гг. Известны они и в 1799, 1807, 1810, 1811, 1829 гг. «Присяги верности» ни в коей мере нельзя считать актами присоединения к России, так как после 1781 г. в официальных подтверждениях подданства, как правило, продиктованных конкретными обстоятельствами, речь идет не о вхождении чеченцев и ингушей в состав России, а о сохранении ими «совершенного верноподданнического состояния» Российскому государству, его администрации на Кавказе в случае обострения внешней и внутренней обстановки⁷³.

Таким образом, 1781 год является той вехой, когда в основном завершился длительный и наиболее интенсивно проявившийся в 60–70-х гг. XVIII в. процесс вхождения населения Чечено-Ингушетии в состав России. Итогом этого было заметное оживление многосторонних связей чеченцев и ингушей с великим русским народом, другими народами России, что существенно ускорило рост местной экономики и культуры⁷⁴.

В дальнейшем, в XIX в. действия царского военно-административного аппарата, усиление великодержавного и феодального гнета стало одной из причин развертывания борьбы горцев Северного Кавказа против социального и национального гнета уже во внутригосударственных рамках. Последующие русско-чечено-ингушские отношения, вопреки реакционной политике царизма, несмотря на происки внешних врагов и действия местных феодально-исламских верхов, исторически дали прогрессивный результат. Отныне и навсегда население края оказалось связано судьбой с Россией — своей многонациональной Родиной.

Впервые опубликовано: История СССР, 1980, № 5, с. 48–63.

67 Георги И. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770–1773 годах. СПб., 1809, с. 79, 85–86.

68 Публикацию фрагментов основных из них, а также соответствующие картографические данные и анализ источников см.: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 94–99, 105–107.

69 Бутков П.Г. Указ. соч., ч. II, с. 109.

70 ЦГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275; ЦГВИА СССР, ф. 52, оп 1/194, д. 366, лл. 13–14; Кавказский сборник, т. XIV. Тифлис, 1890, с. 43.

71 Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России, с. 48–49.

72 Подробнее см.: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 74–77.

73 В редчайших случаях позднейшие присяги принимали форму развернутых договорных документов, подобных соглашению 22 августа 1810 г. (см.: АКАК, т. 4, с. 900–902), объявляемому некоторыми историками официальным актом присоединения всей Ингушетии к России. В действительности это событие коснулось лишь части ингушского населения — назрановцев, переселившихся на равнины из глубинных горных районов после 1781 г.

74 См.: Нарочницкий А.Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Истоки великой дружбы. Грозный, 1978, с. 23–30.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКО-ВАЙНАХСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Отдав в 50–80-х гг.² политически обусловленную дань именуемой теперь «официальной» концепции добровольного присоединения или вхождения народов Северного Кавказа в состав России³, отечественная историческая наука в условиях нынешнего выхода на более высокие рубежи упорно вырабатывает новый взгляд на проблему включения народов в границы многонационального Российского государства⁴. При этом отказ от произошедших деформаций объективного познания исторического процесса должен привести к полной мобилизации ранее оставшихся в тени фактических данных и их толкований. В то же время историкам нужно постараться избежать столь привычной в прежние времена манеры «зеркальной перемены» исследовательских подходов, шараханья из крайности в крайность.

В конкретном случае истории становления русско-вайнахского (т.е. русско-чечено-ингушского) историко-государственного единства, а именно о нем пойдет речь, первостепенными видятся факторы максимально строгого учета не только широкого и разномерного внешнеполитического фона (включающего активно воздействующие на вайнахов внутрикавказские отношения) и все более нарастающих тенденций влияния политики и феодально-великодержавной практики царской России на горцев, но и сугубо внутренние обстоятельства и процессы, определяющие роль вайнахов в качестве деятельного субъекта в ходе **сложного, противоречивого и хронологически протяженного пути интеграции с Россией**.

Полагаем, что со времени выхода России на берега Терека (50-е годы XVI века) и вплоть до начала XVIII столетия сельские общества вайнахов, находившиеся в догосударственных условиях генезиса феодализма и размещавшиеся, в основном, в предгорно-высокогорной зоне края⁵, оставались, по существу, в стороне от фактического воздействия таких внешнеполитических сил, как Османская Порта, Крымское ханство, шахская Персия⁶. В то же время сравнительно немногочисленные горцы — переселенцы на равнину (или обитатели зоны активно используемых военно-политических дорог через Кавказ) теснее были связаны с широким окружающим миром, в котором их постепенно складывающаяся ориентация на Московскую Русь мотивировалась многими реальными обстоятельствами, и едва ли не в первую очередь, поисками альтернативы постоянно ощущаемому давлению соседних (внутрикавказских) сил — дагестанских, кабардинских, грузинских, ногайских и иных более развитых феодальных структур. Именно задача обеспечения собственного «места под солнцем» в условиях великого для вайнахов переселения из глубины гор на равнины и коренной перемены политико-демографической ситуации в исконных горах диктовали их сельско-общинным вожакам раннефеодального типа постепенно укреплявшуюся тенденцию взаимовыгодных, жизненно обусловленных союзническо-зависимых отношений с царской Россией на Тереке, которая в целом вела здесь политику, еще далекую от динамичной наступательности, базирующуюся на защите собственных геополитических интересов.

А.П. Новосельцев склонен сегодня усматривать здесь «установление определенного покровительства, патроната царского правительства по отношению к другим правителям», оговаривая при этом, однако, что «сложившегося феодализма у чеченцев и ингушей не было». Ученый прав, подчеркивая: «Вопрос этот, конечно, требует дальнейшего изучения»⁷, в ходе которого следует, по нашему мнению, всесторонне, взвешенно оценить версию о вассально-союзническом характере отношений с царской Россией местных раннефеодальных лидеров⁸, причем тут наблюдается (по крайней мере, в ряде случаев) многоступенчатость сюзеренитетной иерархии, когда вожаки вайнахских обществ вступали под «верховную власть» московского царя через посредство тех или иных форм политического партнерства и зависимости от грузинских царей, аварских, кабардинских и других князей.

Вместе с тем, едва ли исторически правомерно сводить на этом этапе все русско-вайнахские взаимоотношения к месту и роли только внешнеполитических прерогатив феодализирующейся вайнах-

1 Данная статья представляет собой доклад, прочитанный на Всесоюзном круглом столе «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» (Звенигород, 20–24 ноября 1989 г.). Соавтор С.Л. Дударев.

2 Имеются в виду 50–80-е гг. XX века (Прим. ред.).

3 История народов Северного Кавказа в древнейших временах до конца XVIII в. Т. 1. М., 1988.

4 Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность. Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1989. № 5, 6.

5 Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 1.

6 Магомадова Т.С. Русско-вайнахские отношения в XVI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия // Материалы к изучению на уроках истории в средних школах ЧИАССР. Грозный, 1988; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.

7 Комментарий А.П. Новосельцева к статье А. Андрусенко «Как история писалась...» // Советская культура. 12 октября 1989 г.

8 Вехи единства. Грозный, 1982.

ской прослойки. И тогда, в впоследствии специфика таковых определялась большим своеобразием внутриобщинных взаимосвязей и соотношений, в которых свое весомое место занимала способность социального ядра (а его составляли юридически равноправные и экономически состоятельные общинники) прямо и непосредственно влиять на формирование политики лидеров, выражать через их посредство собственные жизненные выгоды, интересы и ожидания, а порой и просто принуждать свои общественные верхи руководствоваться ими.

Это — принципиально важный вопрос, решение которого может пролить свет на проблему утверждения и роста пророссийской ориентации в широких массах вайнахов, на причины и мотивы заинтересованности с их стороны в создании системы вассально-союзнических отношений с царской Россией, что, между прочим, получило отражение и в титулатуре русского царя, как факт, понятно, отчасти и формально-«идеальный», но одновременно отражающий и некие реальности взаимоотношений.

Вплоть до середины XVIII века положение оставалось весьма близким описанному. Хотя проявились и новые обстоятельства, существенные нюансы. Все больше вайнахов, заселяя равнинные земли, втягивалось в водоворот внешнеполитических отношений, которые диктовали и быстрое разрушение традиционных межобщинных барьеров, что имело большое значение и в процессе складывания вайнахских народностей⁹. В ту пору равнинные обитатели все более страдали от попыток приглашенных ими самими князей — вассалов царского правительства из числа кабардинских и дагестанских феодалов — навязать свое самовластие, от их обостряющегося соперничества, своекорыстности, феодальных междоусобиц. И это было хорошо известно правительству. В 1771 г. Екатерина II признавала, что всяческие неурядицы и мятежи на Северном Кавказе были делом рук феодальной верхушки, владельцев, которые «всем народом колеблют единственно для того, чтобы в оном пред прочими усилиться и получить власть, какая была бы выше пределов, древним обыкновением утвержденных»¹⁰.

Весомым внешнеполитическим фактором, затрагивающим интересы самых широких масс, становится агрессия Крымского ханства, Османской порты, шахского Ирана, не раз приводившая к оформлению двойного (а то и тройного) покровительства местным князьям со стороны противоборствующих на Северном Кавказе держав.

Попытки вайнахской «старшины» и трудовых слоев свергнуть утягачающееся ярмо феодальных владельцев не раз подавлялись при прямом вмешательстве царских войск на стороне феодалов, что, безусловно, привносило элемент напряженности в собственно русско-вайнахские отношения, осложняло их. Последний, однако, в существенной степени нейтрализовывался ростом торгово-экономических и иных контактов. Вот почему в отношении равнинных вайнахов, как и их соседей, чаще всего фигурирует формулировка «под высокой протекцией находящихся». **Она, по-видимому, наиболее адекватно определяет суть взаимоотношений.**

Возможно, что определенным средством контроля и давления на складывающуюся самовластность феодальных вассалов России стала тенденция принятия их самих и «подвластных народов» в «российское подданство», знаменующее новую, более прочную степень феодальной зависимости.

В 60 — начале 80-х годов XVIII века именно эта тенденция в круто изменившихся после Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года внешнеполитических условиях стала ведущей, причем сам характер закрепления отношений с российской администрацией крупных и густонаселенных вайнахских обществ существенно изменился¹¹. По мере свержения власти иноплеменных князей уполномоченными волеизъявителями сельских обществ стали группы чеченских, ингушских и карабулакских старшин, действовавших от имени отдельных фамилий и целых селений. На смену «соглашениям» с конкретными представителями вассально-союзнической феодальной верхушки, обязательно подразумевавшими личные вознаграждения за «службу» России, пришли развернутые тексты взаимных обязательств, своего рода договорных присяг, подписывавшихся на массовых сходах горцев крупных сельских общин или даже межобщинных союзов. В актовых по своему характеру документах субъектом выступают «старшины и народ», которые путем скрупулезных и порой длительных переговоров «не из принуждения, но самопроизвольно» подтверждают (или впервые провозглашают) вступление в «вечное и верное подданство» императорской фамилии России, «на всю жизнь нашу и потомком наших под покровительство России». В «правилах» соглашений-договоров, подразумевающих отныне принадлежность «новоприбылых» к числу других «верноподданных» горских народов «сынов одной державы и Отечества», не предусматривалось, тем не менее, никакой русской администрации и войск на их землях, введения повинностей, налогов и т.п. Напротив, за вайнахами сохранялось право руководствоваться «древними обычаями» и традиционными правами «старшин в деревнях», только

9 Там же, с. 29–41.

10 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб., 1869.

11 Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980.

лишь в исключительных случаях «испрашивая разрешение кизлярского коменданта», как старшего российского администратора на Тереке.

Смысл этого типа взаимоотношений неоднократно именуется «протекцией», т.е. все тем же «покровительством», но содержание его стало неизмеримо глубже, многограннее, весомее. Возможно, для лучшего понимания этих перемен уместнее использовать понятие «*вхождение в договорное подданство*», которое, хотя и отличалось от «*верноподданнического гражданства*», являвшегося, по существу, состоянием общественного холопства перед лицом единственного, наивысшего сюзерена-императора, но, по мнению российской власти, уже заметно приближалось к нему по конечным замыслам.

Здесь ожидают самого серьезного исследования многие аспекты, в том числе, оценка реально сложившейся ситуации со стороны разных действующих сил. Важно обратить внимание на характер восприятия событий обеими основными действующими историческими силами. Горский фольклор идеализировал их так: «Было счастливое время: / Русские сидели в своих крепостях/ За толстыми крепостными стенами /, а в широком поле гуляли черкесы / Что было в поле — принадлежало им»¹². А Российская державная социально-юридическая мысль второй половины XVIII века формулировала так: «сии жители, хотя и составляют часть своего государства, однако взирать на них должно как на сообщества, имеющие с российскими гражданами отличное на своем месте пребывание, особое поведение, неодинаковое управление и разный род жития... Однако они суть единственно на особом основании состоящие граждане и все их количество составляет только часть российского народа» (С.Е. Десницкий)¹³.

Отсутствие у вайнахов развитых классовых форм международного правового регулирования, по-тестарный уровень институтов управления внутренней жизнью и внешними связями порождали и неодинаковое «прочтение» договорных обязательств горцами и царской администрацией. Очевидно, что обе стороны по-разному понимали и оценивали те формулы подчинения, которые были заложены в присяги и договоры и придавали им далеко неадекватное содержание и смысл. Иначе говоря, стремление администрации под дефиницией «верноподданные» понимать растущую зависимость горцев от российских властей региона было неравнозначно отражению складывающейся ситуации в общественном сознании чеченцев и ингушей. Те обязательства, которые должны были, по представлениям российской администрации, неукоснительно выполняться горцами в рамках «верноподданнического статуса», были далеко не столь незыблемыми для всех членов вайнахского социума (совершенно, к тому же, раздробленного в политическом отношении) и не раз легко нарушались ими. Это было, как мы думаем, одной из причин повторного принятия присяг теми или иными группами вайнахов.

Впрочем, царская администрация не полагалась на одни лишь соглашения, начав с 80-х гг. XVIII в. все чаще прибегать к помощи войск. Знаменателен в этой связи факт учреждения в 1785 г. Кавказского наместничества.

Может быть, наибольшие перспективы для адекватного понимания истинного положения дел дает оценка Павла I, который не без основания считал, что «горские народы находятся более в вассальной зависимости, чем в подданстве»¹⁴ и пытался на этой «тезе» строить свои планы дальнейшей политической «привязки» Северного Кавказа к Российской империи в духе строгого соблюдения того же протектората-покровительства, стремясь не прибегать к агрессивной наступательности в кавказских делах. Действовать так императора заставляли и внешнеполитические расчеты. Однако законы существования и развития феодально-великодержавного государства в сложном международном контексте уже в 10-20-х гг. XIX в. не оставили места иллюзиям и утопическим планам, подобным тем, что были представлены на съезде в Георгиевске в 1802 г. К. Маркс в 1853 г. отмечал: «Человечество помнит, что Россия была покровительницей Польши, покровительницей Крыма, покровительницей Курляндии, покровительницей Грузии, Мингрелии, черкесских и кавказских племён. Территориальные приобретения, сделанные Россией за последние шестьдесят лет, в своей совокупности равняются — по размеру и значению — всей той империи, которой Россия обладала до этого в Европе»¹⁵.

В этих ироничных и жестких словах — отражение вновь наступавшей реальности русско-вайнахских отношений: после длительного периода преимущественно мирных и дружественных отношений и ненасильственного по существу признания верховенства России, покоившегося на заметном росте российской ориентации в различных общественных кругах, наступил второй период: вооруженное утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, активизация внутренних социально-политических процессов в среде горских обществ (в том числе, тенденции к созданию собствен-

12 Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни. Нальчик, 1973.

13 Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

14 Там же, с. 281.

15 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд, т. 9.

ной государственности) и развертывание (начиная с середины 80-х годов XVIII века) долгой, сложной по составу участников и целям освободительной, антифеодальной борьбы горцев, апогей которых падает на 20-50-е гг. XIX в.¹⁶.

В то же время считаем необходимым подчеркнуть, что героическая борьба горцев с царизмом не ставит под сомнение прогрессивные последствия их вовлечения во внутри российскую социально-экономическую структуру и систему культурных связей.

Диалектика исторического процесса складывания русско-вайнахской (и русско-северокавказской в целом) историко-государственной общности предстает ныне много сложнее любых схем, и реальный статус вайнахов, как и других народов Северного Кавказа, в составе Российского государства на рубеже XVIII–XIX веков нуждается в полном осмыслении всего его содержания и противоречивости¹⁷.

Впервые опубликовано:

Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Межвузовский сборник научных трудов. Грозный, 1990. С. 109-117.

16 История народов Северного Кавказа. Конец XVIII – 1917 г., т. 2. М., 1988; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 г. Тез. докладов и сообщений. Махачкала, 1989.

17 Последнее замечание имеет принципиальное свойство, так как наше понимание ситуации встретило оперативно выраженное (еще до публикации текста данного доклада) несогласие ряда историков (Ш.А. Гапуров, Т.А. Евлоев и др.), вновь (уже в который раз!) провозгласивших изначально колониальный характер политики царской России на Северном Кавказе и попытавшихся убедить читателей в тождестве таковой с приемами «Англии в различных частях Азии и Африки, Голландии в Индонезии, Германии в Африке при создании своих колониальных империй» (См.: Комментарий А.П. Новосельцева к статье А. Андрусенко «Как история писалась...» // Советская культура. 12 октября 1989 г.).

Мысль об очевидности и неоспоримости таких параллелей предлагается как абсолютная истина, узакониваемая-де ныне самим состоянием исторической науки в условиях перестройки. Однако эта модель вовсе не для всех убедительна и далека от общего не-критического восприятия. Не оспаривая ее пока по существу, обратим внимание читателей на некоторые итоги высококомпетентной дискуссии, состоявшейся в Москве и поставившей, в частности, такие вопросы: «...А была ли Россия только колониальной империей? Или можно еще говорить о российской (а не о сугубо русской) культуре, о российской духовной общности, о российской истории и государственности, наконец, о российском народе, сложившемся или хотя бы складывавшемся еще до возникновения формулы «советский народ»?... Много ли в мире многонациональных государств (причем не обязательно «колониальных империй. — Авт.), возникших в свое время вообще без насилия? И можно ли безапелляционно уподоблять положение Кавказа или Прибалтики в дореволюционной России положению заморских колоний Британии или Франции? Прежде чем говорить об СССР как наследнике колониальной империи...хорошо бы как следует изучить и осмыслить историю» (См.: Перспективы развития национальной политики в СССР (методологический семинар Института этнографии АН СССР) // Советская этнография. 1990. № 3).

Действительно, кажущаяся простота подобных аналогий поверхностна и обманчива, а диктуемая ими схема восприятия русско-вайнахских отношений в XVI–XIX вв. рождает прямолинейность и упрощенчество, затрудняющие поиск и использование противоречащих этой схеме факторов. Не случайно те же Ш.А. Гапуров и Т.А. Евлоев в русле собственной версии о глобальной тождественности «форм колониальной политики» и «мировой колониальной практики», вынуждены признать определенное «своеобразие, скажем, ненасильственной формы» действий России вплоть до конца XVIII в., а также неоднократно сформулировать тезис о том, что «установлению колониального режима» предшествовали «мирные переговоры между великой державой и представителями народов, ставших объектом ее внимания, различные соглашения между ними о покровительстве (протекторате) этой державы, присяги о верности и подданстве» (Гапуров Ш.А., Евлоев Т.А. К вопросу о природе присяг и договоров между Россией и горскими обществами Чечни и Ингушетии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тез. докл. конф. Грозный, 1990). Если считать в этом контексте со спецификой исходных мотивов, способов и первостепенных целей овладения «великими державами» Европы своими заморскими колониями, отнюдь не адекватной положению и действиям России на ее естественно-исторических окраинах (История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в., т. 1. М., 1988, с. 10), то, право, наши нынешние разногласия видятся во многом мнимыми, искусственно наращиваемыми и обостряемыми, что мешает спокойным и серьезным сравнительно-типологическим исследованиям, которые, собственно, только и могут предоставить ключ к верному пониманию и толкованию особенностей всемирно-исторического процесса в его мотивированно локальных конкретных воплощениях.

ЧЕРТЫ «НЕВОЛЬНОГО СБЛИЖЕНИЯ» (Некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик»)

Лермонтоведческая литература о стихотворении «Валерик» («Я к вам пишу случайно, право...») велика и разнообразна¹. Это вполне понятно. В.Г. Белинский отмечал, что «Валерик» — «одно из замечательнейших произведений покойного поэта; оно отличается этою стальной прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова, и которой **причина заключается в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их** (здесь и везде ниже выделено нами. — *Авт.*)»².

Подчеркнутый фрагмент суждения великого критика служит известным основанием для данной статьи. В ней развиваются некоторые из сюжетов, уже давно привлекающих наше внимание³. Прямо относясь к одному из аспектов проблемы становления лермонтовского гения (условия кавказской действительности тех лет и их влияние на передовую российскую общественную мысль), предлагаемые краеведческие штрихи помогут разобраться в развитии миропонимания классика русской поэзии, в формировании его взгляда на реальные события, непосредственным участником которых на территории нашего края он оказался летом 1840 года. В своем анализе мы опираемся на все доступные нам редакции, варианты и списки выдающегося стихотворения⁴.

Смысл лермонтовского раздумья («Быть может небеса Востока / Меня с ученьем их пророка. / / Невольно сблизили...»), объясняющего как бы фатальную самоотреченность повествователя в «Валерике», никто не понимает буквально. Обращение к символу идеологии ислама — это всего лишь поэтический ход. Он призван с первых же экспозиционных строф ввести читателя во внутренний мир героя — русского офицера, волею судьбы оказавшегося в фокусе сложных и противоречивых коллизий, разобраться в сути которых он стремится с пытливым вниманием, без предвзятости, предубежденности⁵.

Разумеется, истинная сфера «невольного сближенья» с новым, мучительно волнующим и не всегда просто постигаемым, миром была неизмеримо шире и многозначнее. Она неизбежно включала в себя и уяснение подлинного характера разгоревшихся военных действий на Северном Кавказе, уже более полувека являвшемся частью Российского государства⁶; желание, а сверх того и ясно выраженное стремление, мужество «прямыми глазами» взглянуть на окружающее. Примеров тому «Валерик» (особенно в сравнении его черновиков и окончательного варианта) дает множество. Обратимся лишь к части из них, оговорив понятную пока гипотетичность нашего (как, впрочем, и многих иных из существующих) понимания конкретных строк произведения...

В «добатальной» части стихотворения привлекает внимание ненароком подслушанная беседа:

Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам...

Черновик дает разночтения, небольшие, но существенные:

В Чечню; к аварцам, в Дагестан;
Как мы дрались, как мы их били...

1 См.: Библиография литературы о М. Ю. Лермонтове. 1917–1977 / Сост. О. В. Миллер. Л.: Наука, 1980, с. 505.

2 Белинский В. Г. Собр. соч., т. 7, 1904, с. 495.

3 Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. «Речка смерти» и мечта о мире // Лермонтовский сборник. 1814–1964. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1964, с. 161–181; Они же. По лермонтовским местам Чечено-Ингушетии. Грозный, 1975; Они же. Этюды о Лермонтове // Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981 и др.

4 Справку о них см.: Лермонтов М. Ю. Соч. в шести томах, т. 2. М.; Л.: Наука, 1954, с. 351. Кроме того, имеется список в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Он восходит к черновому автографу.

5 Сравните: Гроссман Л. Лермонтов и культура Востока // Литературное наследство, № 43–44. М.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 673, сл.

6 Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980, № 5, с. 48–63; Бузуртанов М. О Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980.

Частное вроде бы уточнение географии походов придало большую фактическую достоверность, объективность фразе. А замена в следующей строке первого «мы» сняла невольный оттенок бахвальства, неуместного перед заключительной констатацией («Как доставалось и нам...»).

Таким ли по тону и содержанию был сам разговор? Не в этом суть! Именно так счел нужным передать его поэт, сразу же обозначив длительность и безрезультатность военных действий в крае, уравновесив боевую героику сторон и решительно лишив «российское оружие» в условиях так называемой Кавказской войны ореола исключительной непобедимости.

Может быть, не случайно в первой публикации «Валерика» (альманах «Утренняя заря» за 1843 год, с. 66-78) как раз эта откровенно ироничная строка («Как доставалось и нам») оказалась выпущена?! Ведь смысл ее становился еще глубже в прямом соседстве со следующим десятистишием, в котором с доброжелательством говорится о горцах, привлечших теплое внимание автора тут рядом, «неподалеку», в самом стане российских войск.

А дальше, сразу после мирных сцен молитвы и беседы «мирных татар»: «Чу — дальний выстрел! прожужжала шальная пуля...» Недолгий и чуть дремотный покой полуденного лагеря прерван «сшибкой удалой», «перестрелкой», от описания которой повествователь и переходит вплотную к воспоминанию кровопролитного сражения на речке Валерик 11 июля 1840 года.

И тут же изменился тон рассказа: теперь он тревожный, напряженный. Мрачен и дик лес «под Гихами», где «был обещан бой жестокий». С кем? Ради чего?

И.Я. Заславский первым обратил внимание на то, как упорно Лермонтов уточнял мысль, чтобы верно передать смысл происходящего⁷. И это действительно достойно пристального интереса и понимания.

Первоначальный вариант черновика — «Чечня восстала вся кругом...» — отвергнут. Он не дает верного представления о случившемся: Чечня восстала далеко не вся, а в ближайшем окружении поэта находятся мирные (их называли также «прияженные», то есть дружественные) чеченцы, устойчиво сохраняющие российское подданство. Идет дальнейший поиск: «В Чечню стекались удалыцы...», «В Чечню стекалась молодежь...», «Уже в Чечню на страшный зов...»

Все это не удовлетворяет поэта своей расплывчатостью, невнятистью идеи. И вот, как искра прозрения, подготовленная долгими раздумьями: первоначальная единственная (долго не дающаяся строка) развернулась в отточенный, до конца осмысленный сюжет:

Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалыцов...

Нам приходилось уже давать краеведческий комментарий этим чеканным строкам, наполненным пониманием и сочувствием к горцам⁸. Здесь лишь еще раз подчеркнем, что они оттеняют отвагу и солидарность тех, кто с оружием в руках поднялся против административно-бюрократического произвола государственной администрации на Кавказе и военной машины царизма. И все последующее поэтическое описание развернувшегося жестокого боя, которое родилось в результате долгой и трудной переработки начальных набросков, нигде и ни в чем не бросает тени на симпатию повествователя к борющимся против правительственных войск горцам.

Изучение черновиков, вариантов произведения показывает, как целеустремленно и последовательно шел Лермонтов к этой высокой объективности, без жалости отбрасывая, отсекая все наносное, чисто эмоциональное, случайное.

Однако проблема душевного сближения с горцами не ограничивается в произведении только трактовкой батальных ситуаций и сцен. «Мирные татары», появившиеся в экспозиции к описанию валерикского сражения, персонифицируются в образе кунака-повествователя чеченца Галуба. Он входит в стих вслед за патетическим и суровым обличением войны, которое составляет его кульминацию.

И вновь подчеркнем, что лермонтоведы уделили немало внимания тому, как поэт не сразу и не просто нашел оптимальный вариант задуманного сюжетного поворота («Я подозревал к себе чеченца...», «Я, бросив лишнее мечтанье, чеченца (подозвал. — Авт.)...», «Я, бросив лишнее мечтанье, Юсупа подозревал: он был...», «Тогда, чтоб разогнать мечтанье (вар.: «Но, слыша вкруг себя молчанье, Ахмета позвал я. Он был...»)). Только после этого сложился окончательный вариант:

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был

7 Заславский И. Я. М. Ю. Лермонтов и современность... Киев: Изд-во Киевского университета, 1963, с. 33.

8 Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. «Речка смерти»..., с. 171.

Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: *Валерик*,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми...

Упорный поиск имени кунака-чеченца получил, как представляется, достаточно убедительное разъяснение. Сегодня, при объективном учете любопытных краеведческих наблюдений Ю. Б. Верольского⁹, он проливает дополнительный свет на страницы пребывания М. Ю. Лермонтова в нашем крае, позволяет четче и тоньше понять специфику творческой лаборатории великого поэта¹⁰. Но стоит, как мы убеждены, придать надлежащее значение коренной перемене в поведении персонажей: в черновиках русский офицер «подзывает» или «зовет» своего кунака, а в беловом тексте тот сам чисто по-приятельски («ударив по плечу») «прерывает» глубокую и горькую задумчивость русского друга. Это не нюанс поэтической версии, а глубоко продуманное концептуальное художественное воплощение того идеала отношений и общений с горцами — гражданами великой России, которому посильно следовал сам Лермонтов.

Отсутствие даже признака какой бы то ни было фанаберии, равноправная дружественность достойного представителя передовой России определяют в произведении свободу в поступках его чеченского друга, едва прикрытую ироничную независимость в суждениях и оценках, которую Галуб проявляет своей реакцией на неумные, а порой и спесивые реплики других (безымянных) офицеров — участников эпизода («— А много горцы потеряли? / — Как знать? — зачем вы не считали! / — Да! будет, кто-то тут сказал, / Им в память этот день кровавый! / Чеченец посмотрел лукаво и головою покачал...»).

В контексте этих добрых и искренних отношений между повествователем и чеченцем должен пониматься и состоявшийся у них краткий, но многозначительный диалог. Русский офицер спросил: «Как месту этому название» и получил не просто лапидарный и точный ответ («Валерик»), но еще и дополнительные пояснения, выдающие явное желание чеченца привлечь внимание друга, приобщить его к родному языку и даже поделиться с ним своим пониманием исторического появления своеобразного названия реки, так горестно подтвердившей вновь свою репутацию («А перевесь на ваш язык, / Так будет речка смерти: верно, / Дано старинными людьми»).

В недавней статье Т.Б. Гониашвили предлагается новая интерпретация интересующего нас фрагмента и содержащегося в нем чеченского названия реки (гидронима)¹¹. Суть позиции такова.

«Толкование Валерик предлагает сам Лермонтов со слов чеченца Галуба... Это толкование, внушенное Галубу зрелищем кровавого боя и, несомненно, созвучное восприятию самого Лермонтова, не что иное, как поэтический прием. Эту творческую сферу поэта, как сокровенную, мы не затрагиваем. Однако слова имеют присущее им значение, независимо от поэтического преломления... Вряд ли Валерик когда-либо означал «река смерти» или «мертвый»... В чечено-ингушском устном творчестве не свидетельствуется какая-либо тема смерти, связанная с речкой Валерик. Литературная интерпретация Лермонтова является единственной» (Т.Б. Гониашвили).

«...Мысль о том, что речка не могла называться «валарг» или «валларг» в том значении («смертная»), которое придают этому слову литературоведы и историки, обоснована и не может вызывать сомнений... К кровавым событиям далекого или близкого прошлого происхождение названия речки, действительно, не имеет отношения».

Этимология гидронима «Валарг» видится автором в свете всего сказанного так: «Буквально Аларга (Валарг) значит «к речке», в смысловом переводе — просто «речка».

Оставим тонкости фонетических превращений реального гидронима языковедам — специалистам по нахским языкам. Но не можем не поделиться сомнениями и мыслями, возникающими при зорком прочтении всей системы доказательств, «опровергающей» Лермонтова.

Не только «литературоведы и историки» (причем, конечно, не один профессор И. Л. Андроников!) придают названию речки Валерик значение, связанное со смертью. Давно опубликованы на этот счет выводы лингвистов-нахovedов, докторов филологических наук Ю.Д. Дешериева¹² и К.З. Чокае-

9 Верольский Ю.Б. Кавказом рожденные. Грозный: Чеч.-Ингушское кн. изд-во, 1980, с. 7–19.

10 Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Этюды...

11 См.: Гониашвили Т.Б. Заметки к чеченским словам в повести «Хаджи-Мурат» Л. Толстого и в стихотворении «Валерик» М. Лермонтова // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980, с. 58–61.

12 Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 52.

ва¹³, которые полностью солидаризируются и дополнительно аргументируют толкование Галуба. Валерик как «речка смерти» представлена и в топонимическом своде А. С. Сулейманова¹⁴.

Не убедительно мнение, что «толкование Валерик предлагает сам Лермонтов со слов, чеченца Галуба», а последнему оно якобы «внушено зрелищем кровавого боя» 11 июля 1840 года; что «интерпретация Лермонтова» является «литературной» и «единственной». В произведении с максимальной точностью обозначен источник, питающий осведомленность автора и восходящий к народным представлениям: чеченец Галуб, переведя Валерик на русский язык, делает существенное разъяснение: «... верно, дано старинными людьми».

Т.Б. Гониашвили мимоходом допускает, что Галуб оказался жертвой «так называемой народной этимологии»¹⁵. Это-то как раз и перспективно! Крупнейший знаток топонимии В.А. Никонов настойчиво предостерегает от этого и пишет: «Стихийное переосмысление топонима массой говорящих само представляет собой немалый интерес и как фольклор и как факт языка»¹⁶.

Приведенное Лермонтовым толкование Валерика вовсе не плод «поэтического преломления» самого поэта или его кунака. Оно банально для современников, что хорошо знают лермонтоведы и специалисты-историки. Академик И.А. Гюльденштедт в 70-х годах XVIII века записал это название как «Валарек»¹⁷. Затем в историко-географических трудах и на картах оно часто фиксируется как «Валарик»¹⁸.

Все эти транскрипции еще ближе, чем лермонтовская, к собственно вайнахской древней основе (Валар — Валарг), которой даже сами нынешние оппоненты не рискуют все же с «точки зрения формальной, грамматической» отказать в связи со значением «тот, кому желают смерть»¹⁹. А Эмма Герштейн, например, опубликовала перевод письма на французском языке участника валерикского сражения Эрнста Штакельберга (отнюдь не друга и не единомышленника великого поэта), адресованного К. Бенкендорфу. В нем имеются строки: «Да, это было славное дело 11 июля. Вся Чечня поджидала нас у ручья Валерик (по-чеченски «ручей смерти»)»²⁰.

Значит, толкование речки именно в связи со смертью не содержало в себе сенсации, но опиралось на народную молву, те фольклорные пласты, которые сегодня вполне могут быть уже безвозвратно утеряны для нас.

Если же говорить о вероятных обстоятельствах, которые могли привести к трансформации (переосмыслению) гидронима (если таковая вообще была!), то на этот счет еще в 1964 году предложена версия событий I тысячелетия нашей эры. С тех пор она апробирована авторитетными изданиями²¹. Игнорирование (или не знание) ее, конечно же, не усиливает позиции критиков широко распространенного на протяжении двух столетий толкования Валерик — «речка смерти», которым воспользовались и Лермонтов.

Думается, что не стоит браться за анализ отдельного чеченского слова в художественном произведении, устранившись от оценки целостной системы сокровенной, творческой сферы великого поэта и мыслителя, каким был М.Ю. Лермонтов.

В данной статье на нескольких конкретных примерах мы постарались показать, что, в ходе создания одного из значительнейших в поэзии Лермонтова стихотворений («Валерик»), классик отечественной и мировой литературы с огромной требовательностью к себе изыскивал и находил принципиальные ответы на мучавшие его вопросы, в том числе русско-вайнахских взаимоотношений и их перспектив. Тема эта не будет исчерпана до тех пор, пока не будет полностью проведена уже давно назревшая работа по анализу всех имеющихся в распоряжении науки материалов, связанных (прямо или косвенно) с замыслом и воплощением этого выдающегося произведения, в котором сквозь описание жестоких и бесплодных военных коллизий явственно проглядывается мечта о мире и дружбе между всеми народами России.

Впервые опубликовано Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный, 1982, с. 14-21.

13 Виноградов В.Б., Зокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1966, с. 82–85.

14 Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. 3. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980, с. 47, 50.

15 Гониашвили Т.Б. Указ. соч., с. 59.

16 Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965, с. 133.

17 Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб.: Изд. Германа, 1809, с. 113.

18 См., например, личную карту полковника Л.Л. Белика 1857 года, хранящуюся в фондах Чечено-Ингушского краеведческого музея.

19 Гониашвили Т.Б. Указ. соч., с. 61, прим. редколегии.

20 Герштейн Эмма. Судьба Лермонтова. М.: Сов. писатель, 1964, с. 327.

21 Виноградов В.Б., Виноградов В.Б. «Речка смерти»..., с. 170–171; Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966, с. 99–100; Виноградов В.Б., Зокаев К.З. Указ. соч., с. 84–85.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ	
О СКИФСКИХ ПОХОДАХ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ (по письменным источникам)	5
СВЯЗИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ	
СО СКИФО-САВРОМАТСКИМ МИРОМ	21
СИРАКСКИЙ СОЮЗ ПЛЕМЕН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	27
ЛОКАЛИЗАЦИЯ АХАРДЕЯ И СИРАКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН (по письменным источникам)	37
ЕЩЕ РАЗ О ЯЗАМАТАХ	46
ОПИСАНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА (XI, V, 1–8)	52
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ (ОЧЕРК ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ).	60
Раздел II. ЭТНОГРАФИЯ И НУМИЗМАТИКА	
ВАЙНАХО-АЛАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ	65
ДОИСЛАМСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИКРЕТИЗМ У ВАЙНАХОВ	71
НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВАЙНАХОВ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.	78
О МЕСТЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ	85
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРВОГО КЛАДА ПОЛЬСКИХ И ШВЕДСКИХ МОНЕТ XVII ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	93
НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	97
Раздел III. ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	
АЛАНЫ В ЕВРОПЕ	106
ВАЙНАХИ И НАРОДЫ ДАГЕСТАНА В X–XII ВВ.	114
К ИЗУЧЕНИЮ ВИЗАНТИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья)	118
О РЕАЛЬНОСТИ ГРУЗИНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В X–XIII ВВ.	122
О РОЛИ ГРУЗИНСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ ВЕРХНЕГО ДЖУЛАТА (ДЕДЯКОВА)	127
ЕЩЕ РАЗ О МЕСТЕ УБИЙСТВА МИХАИЛА ТВЕРСКОГО, РЕЧКЕ «ГОРЕСТЬ» И СЛАВНОМ ГРАДЕ ЯССКОМ ДЕДЯКОВЕ» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина)	134
ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ	140

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В XVI–XVIII вв.	151
К ТРАКТОВКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОБОЛОЧКИ ВОЙН И НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VIII–XVIII вв.)	164

Раздел IV. РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (Обзор литературы за 1971–1975 гг.).	168
РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (Обзор литературы за 1976–1985 годы: итоги и перспективы изучения)	174
СТРАНИЦА РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ XII ВЕКА	184
ДВЕ ЗАМЕТКИ О РАННИХ РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЯХ	187
ГДЕ СТОЯЛИ СУНЖЕНСКИЕ ГОРОДКИ ?	193
О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ГРЕБЕНСКИМИ КАЗАКАМИ ЛЕВОГО БЕРЕГА ТЕРЕКА	196
ПЕРВАЯ РУССКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	200
ИНОСТРАННЫЕ АВТОРЫ XVI–XVIII ВЕКОВ О РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	204
ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ	208
К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКО- ВАЙНАХСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.	218
ЧЕРТЫ «НЕВОЛЬНОГО СБЛИЖЕНИЯ» (Некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик»)	222

СБОРНИК
ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ
В.Б. ВИНОГРАДОВА

фото: Сергей Корец

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ В.Б. ВИНОГРАДОВА

Сборник представляет собой научное издание, в котором представлены избранные статьи по различным отраслям исторического кавказоведения, принадлежащие перу выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, академика МАН, МАИ и ОАНКОБК, заведующего кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета Виталия Борисовича ВИНОГРАДОВА, и публикуемые в связи с его 70-летним юбилеем. Статьи В.Б. Виноградова, написанные в грозненский период его научного творчества, посвящены весьма широкому спектру специальностей — археологии, древней и средневековой истории, этнографии и нумизматике Кавказа, охватывая также проблемы русско-сеveroкавказских отношений и литературоведения. Впервые эти работы были изданы в 1960–1980-х гг. XX в. в центральных и местных изданиях СССР и в настоящее время малодоступны для широкого читателя. Данный сборник преследует цель ознакомления всех заинтересованных лиц с наиболее репрезентативными образцами научной деятельности одного из самых ярких ученых Юга России второй половины XX – начала XXI в.